

Годъ

XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 18.

Подписна принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Ніевской
семинаріи.

1884 года, Апрѣля 29-го.

Содержаніе: Наставленіе священникамъ, имѣющимъ въ своихъ приходахъ церковно-приходскія школы и обучающимъ въ нихъ дѣтей.—Священникъ.—Равенство людей и распредѣленіе между ними матеріальныхъ благъ, по ученію Новозавѣтнаго Откровенія.—Что можетъ быть предметомъ ревизіи, при обзорѣни Преосвященными церквей?—Назидательныя для пастырей Церкви изреченія св. Отцевъ.—Изъ Ирмологіона 1794 года.

Наставленіе священникамъ, имѣющимъ въ своихъ приходахъ церковно-приходскія школы и обучающимъ въ нихъ дѣтей¹⁾.

Направленіе церковно-приходскихъ школъ по самому наименованію ихъ и по цѣли открытія ихъ должно быть исполнѣ церковное. Обученіе и образованіе дѣтей въ этихъ школахъ главнымъ образомъ должно быть направлено къ тому, чтобы воспитать въ дѣтяхъ страхъ Божій, утвердить ихъ въ непоколебимой преданности православной Вѣрѣ, св. Церкви съ ея уставами и обрядами, Престолу и Отечеству.

Поэтому дѣтямъ для чтенія по гражданской печати должны быть указываемы и даваемы книги болѣе или менѣе назидатель-

¹⁾ Богоноста, архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго.

ныя въ духовно-нравственномъ отношеніи, обученіе же славянской грамотѣ должно быть производимо по Евангелію, Псалтири и Часослову. Наученіе молитвамъ, истинамъ вѣры и правиламъ благочестія должно быть проникнуто благоговѣніемъ и сердечнымъ чувствомъ преподавателей. Въ событіяхъ Священной Истории должны быть указываемы премудрость и благодать и другія совершенства Божіи.

При обученіи дѣтей славянской грамотѣ, священникъ долженъ въ самыхъ краткихъ словахъ объяснять по крайней мѣрѣ нѣкоторыя славянскія реченія, доступныя дѣтскому пониманію.

При преподаваніи въ церковно-приходской школѣ, должно заботиться не столько о томъ, чтобы сообщить ученикамъ какъ можно болѣе свѣдѣній, сколько о томъ, чтобы преподаваемая свѣдѣнія, хотя бы и немногія по количеству, были усвоены учениками твердо, отчетливо и разумно.

Преподаватель—священникъ долженъ дѣлать всякія внушенія ученикамъ съ кротостію и отеческою любовію, избѣгая въ обхожденіи съ ними даже рѣзкихъ словъ.

Уроки каждаго дня должны начинаться пѣніемъ всѣми учениками молитвы: Царю Небесный, и затѣмъ чтеніемъ однимъ изъ учениковъ молитвы, положенной предъ началомъ ученія. Уроки должны оканчиваться также общимъ пѣніемъ молитвы: Достойно есть и проч. Во все время урока, лампадка предъ класснымъ Образомъ должна быть зажжена. Для этой цѣли священнику разрѣшается брать деревянное масло изъ церкви. Уроки могутъ быть прерываемы пѣніемъ церковныхъ пѣсней, напримѣръ: праздничныхъ тронарей, имѣющихъ отношеніе къ урокамъ. При этомъ всѣ ученики должны стоять, обратившись къ св. Иконѣ.

Во всѣ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни ученики церковно-приходской школы непременно должны быть въ церкви при всѣхъ службахъ и стоять вмѣстѣ, рядами, вблизи алтаря, чтобы священникъ всегда могъ видѣть, какъ они стоятъ и молятся. Предъ праздничными и высокаторжественными днями

священникъ во время урока, или послѣ него, непременно долженъ объяснить дѣтямъ смыслъ и значеніе сихъ дней и образъ препровожденія ихъ истинными христіанами, кромѣ того предъ высокотожественными днями долженъ, сколько возможно, разъяснять дѣтямъ необходимость, величіе и благотворность Царской власти и указывать милости, исходившія и исходящія на народъ отъ Престола.

Очень хорошо поступить священникъ, если наканунѣ великихъ праздниковъ и нѣкоторыхъ воскресныхъ дней повечеру будетъ собирать учениковъ въ школу и здѣсь, послѣ пѣнія праздничнаго тропаря, или вообще какой либо церковной пѣсни, читать съ ними Акаѳистъ Спасителю, или Божіей Матери.

Священникъ долженъ всѣми мѣрами приучать учениковъ церковно-приходской школы къ осмысленному и внимательному стоянію въ храмѣ Божіемъ. Для этого онъ долженъ не только доступнымъ для дѣтей образомъ объяснить всѣ дѣйствія богослуженія, но и по временамъ въ виѣбогослужебные часы приводить ихъ въ храмъ, разъяснять имъ смыслъ и значеніе св. Иконъ, предъ самыми св. Иконами, изображающими событія изъ жизни Господа Іисуса Христа и Пречистой Его Матери, рассказывать эти событія и послѣ сего заставлять дѣтей благоговѣнно поклоняться предъ Иконами.

Священникъ, при помощи причетника, долженъ приучать учениковъ къ кляросному чтенію и пѣнію. Для этого онъ, сколько возможно чаще, въ школѣ долженъ пѣть съ учениками церковныя пѣснопѣнія и заставлять ихъ по Псалтири и Часослову читать то, что читается въ Церкви на утрени и литургіи. Затѣмъ священникъ долженъ распорядиться, чтобы тѣ изъ учениковъ, которые достаточно навывкнутъ въ кляросномъ чтеніи и пѣніи, стояли на клиросѣ, участвуя въ чтеніи и пѣніи.

Священникъ можетъ позволять ученикамъ церковно-приходской школы поочередно стоять въ алтарѣ и поручать имъ при-

служивать ему во время священнослуженія, напр.: подавать кадило, теплоту и проч.

Священникъ всѣми мѣрами долженъ приучать учениковъ церковно - приходской школы къ точному соблюденію правилъ и постановленій св. Церкви, напримѣръ: св. постовъ, долженъ располагать ихъ говѣть, исповѣдываться и причащаться не только въ Великій постъ, но и въ постъ предъ Рождествомъ Христовымъ, предостерегать ихъ отъ употребленія скверныхъ словъ, отъ пѣсней, омрачающихъ душу нечистыми мыслями и чувствами, отъ ссоръ и брани между собою и проч.

Священникъ.

II. Лица, готовящіяся къ священству.

Если къ священству необходимо приготовленіе болѣе или менѣе продолжительное, начинаемое съ раннихъ лѣтъ, то кто же долженъ готовиться къ этому званію?

Вопросъ этотъ обращаетъ нашу мысль къ семействамъ. Здѣсь, въ семействахъ, растутъ и отсюда выходятъ общественные дѣятели для разныхъ сферъ и для всѣхъ служеній, существующихъ въ общественно-государственномъ организмѣ. Карьера человѣка намѣчивается обыкновенно въ годы юности, — въ годы воспитанія. Воля родителей большею частію предрасполагаетъ молодыхъ членовъ семейства къ избранію того или другаго рода будущей дѣятельности или будущаго служенія, и соотвѣтственно тому избранію, опредѣляемому волею родителей, дается дѣтямъ и вообще членамъ подростяющихъ поколѣній такое или иное воспитаніе и образованіе. Начавъ образованіе, по указанію родителей, дѣти въ большинствѣ случаевъ подчиняются ихъ волѣ, указующей имъ соотвѣтственный родъ служенія, а иногда, съ достиженіемъ возраста, способнаго къ самостоятельнымъ сужде-

ніямъ, подъ вліяніємъ разныхъ обстоятельствъ, съ развитіємъ въ нихъ извѣстныхъ расположеній и способностей, уклоняются отъ пути, указаннаго имъ родителями, и готовятся къ новому роду служенія, кающемуся имъ болѣе согласнымъ съ ихъ настроеніемъ и способностями.

Какого же рода мотивами или побужденіями руководятся родители, когда предназначаютъ для своихъ дѣтей въ будущемъ служеніе пастыря Церкви,—или сами эти дѣти, приходящія въ возрастъ, когда склоняются къ избранію для себя этого рода служенія?

Первое побужденіе житейскаго или матеріальнаго свойства. Избираютъ родители для своихъ дѣтей или сами молодые люди для себя священническое служеніе потому, что оно доставляетъ вѣрный, хотя нероскошный кусокъ хлѣба, что принявъ на себя это служеніе, человѣкъ всегда будетъ имѣть болѣе или менѣе достаточное обезпеченіе для себя и для своего семейства. Не высокой цѣны нравственное достоинство такого побужденія къ избранію священническаго званія. Священническое званіе—званіе духовное, возвышающееся надъ обыкновенными мірскими званіями, и занятія, съ нимъ соединенныя, имѣющія въ виду спасеніе братій, не должны бы быть разсматриваемы, какъ средства къ приобрѣтенію вишнихъ, житейскихъ выгодъ. Неблаговиднo, когда должность пастыря ставятъ на одной доскѣ съ занятіями по сельскому хозяйству, съ какими нибудь ремеслами и другими, болѣе или менѣе прибыльными, профессіями. Чувствуется при этомъ нѣкоторое приниженіе и, такъ сказать, оземлененіе этого священнѣйшаго и духовнѣйшаго изъ званій, учрежденнаго божественнымъ Основателемъ Церкви. Нельзя говорить и утверждать, что выйдетъ дурной священникъ изъ такого человѣка, котораго родители предназначаютъ къ этому званію по житейскимъ расчетамъ, или который самъ выберетъ для себя это служеніе, руководясь побужденіями матеріальнаго свойства. Но изъ уваженія къ званію священника нужно желать, чтобы люди руко-

водились лучшими, высшими побужденіями для выбора этого званія.

Высказывая такое желаніе, мы затрудняемся выразить его въ формѣ обязательнаго требованія. При настоящихъ условіяхъ жизни, человѣку, думающему объ устроеніи своей будущности или будущности своихъ дѣтей, трудно отрѣшиться своею мыслию отъ всякихъ видовъ на внѣшнія выгоды, съ какими соединено то или другое званіе, когда предлежитъ ему избрать занятіе на всю жизнь. Насъ назвали бы непрактичными идеалистами, насъ могли бы упрекнуть въ излишнемъ увлеченіи и въ незнакомствѣ съ жизненнымъ опытомъ, еслибы, при мысли о замѣщеніи священническихъ вакансій, мы разсчитывали только на чистыя, апостольскія души, равнодушныя ко внѣшнимъ средствамъ жизни и матеріальнымъ выгодамъ. Такихъ людей гораздо меньше, чѣмъ сколько дѣятелей нужно Церкви для несенія пастырскаго долга. Скудное содержаніе, доставляемое священническимъ служеніемъ, способъ полученія доходовъ, практикуемый у насъ, тяжелый для нѣжныхъ и деликатныхъ натуръ, имѣютъ своимъ слѣдствіемъ то, что дѣти хорошихъ семействъ устраниаются отъ священства, въ другихъ сферахъ ищутъ служенія себѣ и приготавливаются къ такимъ профессіямъ, отъ которыхъ надѣются получить больше внѣшнихъ выгодъ и лучшее обезпеченіе для себя и семейства. Въ числѣ лицъ, изъ-за внѣшнихъ выгодъ устраниющихся отъ священства, могутъ быть люди талантливые, благонастроенные и весьма полезные для Церкви. Церковь, бѣдная имуществомъ и средствами, всегда бѣднѣе талантливыми людьми и энергическими дѣятелями, чѣмъ Церковь богатая, могущая доставить внѣшнія выгоды своимъ служителямъ. Это человѣческой взглядъ, но онъ имѣетъ свое право. И въ духовныхъ дѣлахъ нужно смотрѣть на вещи и людей, каковы они въ дѣйствительности, а не какими желаемъ мы видѣть ихъ съ идеалистической точки зрѣнія. Господь, скажутъ, възыщетъ людей, и недостатокъ таланта у людей, призываемыхъ къ служенію Церкви, замѣнится усердіемъ и вос-

полнится благодатною силою. Господь, конечно, все может сдѣлать, если то будетъ Ему угодно, и мы вѣруемъ, что Онъ всегда хранить и до конца будетъ хранить созданную Имъ Церковь, и всегда будетъ воздвигать въ ней и посылать ей благопотребныхъ дѣятелей. Но организованныя общества, въ своихъ заботахъ о лучшемъ способѣ удовлетворенія своихъ существенныхъ потребностей, не могутъ успокаивать себя одною этою вѣрою: они не должны опускаться изъ вида того, что необходимо по-человѣчески, чего требуетъ естественное соображеніе, чтобы привлечь къ Церкви и удержать при ней даровитыхъ и благонастроенныхъ людей, общающихся изъ себя вліятельныхъ и плодотворныхъ руководителей народа. Разсчеты на хорошее обезпеченіе въ жизни всегда будутъ въ числѣ самыхъ обычныхъ мотивовъ, склоняющихъ волю человѣка къ избранію для себя такого или иного рода служенія.

Другимъ побужденіемъ, располагающимъ людей къ принятію священства и заставляющимъ ихъ готовиться къ этому званію, служатъ семейныя преданія и привычки. Порядокъ жизни и занятій, унаслѣдованный тѣмъ или другимъ семействомъ отъ прежнихъ временъ, опредѣляющимъ образомъ дѣйствуетъ на настроеніе и волю молодыхъ, подростающихъ членовъ извѣстнаго семейства, и на глазахъ людей, живущихъ сложившимися семейными преданіями, стоитъ знакомая, просторная дорога, на которую вступать и новымъ членамъ семействъ легче и сподручнѣе, чѣмъ на дорогу, старшими членами семействъ неизвѣданную. Складъ мыслей и расположеній по отношенію къ тому или другому роду практической дѣятельности у подростающаго человѣка образуется прежде, чѣмъ онъ начнетъ давать отчетъ въ своемъ выборѣ. Въслѣдствіе опредѣляющаго дѣйствія семейныхъ преданій, люди военные располагаютъ своихъ дѣтей къ избранію военной карьеры; дѣти купцовъ большею частію готовятся продолжать занятія своихъ отцовъ; дѣти людей, живущихъ сельскимъ хозяйствомъ, обыкновенно имѣютъ въ виду для себя тѣ занятія, отъ какихъ получаютъ средства жизни, и въ какихъ имѣютъ опытность ихъ

отцы и т. дал. Подобно тому и дѣти людей, служащихъ Церкви, скорѣе всего избирають для себя то служеніе, къ какому привыкли и какое несутъ ихъ отцы. Тѣмъ естественнѣе и удобнѣе для дѣтей духовенства это избраніе, что для нихъ всего доступнѣе школа, дающая образованіе, необходимое для служителей Церкви.

Многіе смотрять неблагопріятно на такой порядокъ вещей. Онъ создалъ, говорятъ, въ нашей Церкви левитизмъ,—замкнутое духовное сословіе, котораго не должно бы быть. Мѣста священниковъ должны принадлежать желающимъ послужить Церкви, изъ какого бы сословія они ни происходили, а не происходящимъ отъ духовныхъ родителей. Ныпѣ порядокъ, создавшій нѣчто, подобное іудейскому левитизму, противенъ-де, какъ замѣчаютъ иные, соборнымъ узаконеніямъ вселенской Церкви. Именно, противъ него выставляютъ 33-е правило шестаго Вселенскаго (Трулльскаго) собора. Правило это гласитъ такъ: Понеже мы увѣдали, что въ армянской странѣ пріемлются въ клиръ токмо тѣ, кои суть изъ священническаго рода, въ чемъ іудейскимъ обычаямъ послѣдуютъ тако творити предпріемлющіи: нѣкоторые же изъ таковыхъ, и не получивъ церковнослужительскаго постриженія, ноставляются священнопѣвцами и чтецами божественнаго храма: то полагаемъ, да не будетъ отнынѣ позволено желающимъ возвести нѣкоторыхъ въ клиръ, впредь взирати на родъ производимаго: но испытывая, достойны ли они, по изображеннымъ въ священныхъ правилахъ опредѣленіямъ, были соприсчисленными къ клиру, да производятъ ихъ въ служителей Церкви, хотя бы они происходили отъ посвященныхъ предковъ, хотя бы нѣтъ.

Мы отнюдь не желаемъ, чтобы къ священному служенію готовились одни дѣти духовныхъ лицъ. Напротивъ намъ, какъ,

вѣроятно, и всѣмъ, ревнующимъ о благѣ Церкви, было бы весьма пріятно, еслибы являлись на служеніе Церкви достойные дѣятели изъ другихъ сословій, еслибы дѣти недуховныхъ лицъ рѣшались посвящать свои силы трудамъ пастырства,—и чѣмъ больше будетъ такихъ, достойно приготовленныхъ къ священному служенію, лицъ, тѣмъ лучше. Но желая отворить двери въ церковную ограду дѣтямъ свѣтскихъ лицъ, желающимъ послужить Церкви, мы въ тоже самое время не хотѣли бы и считали бы несправедливымъ запирасть ихъ для дѣтей духовенства. И мы весьма далеки отъ того, чтобы осуждать тотъ обычай, по которому дѣти священниковъ предрасполагаются къ избранію служенія отцовъ своихъ и къ нему готовятся въ годы юности своей. Такой порядокъ вещей весьма естественъ, тѣмъ болѣе, что аналогичныя явленія ему мы находимъ и въ другихъ сферахъ или сословіяхъ. Естественно отцу—священнику, полагающему въ своемъ служеніи высокое дѣло Божіе, указать своему сыну лучшую карьеру въ жизни въ томъ званіи, какое онъ самъ носитъ, и къ какому относится съ почтеніемъ. (А какой достойный священникъ можетъ не чтить своего званія?). Естественно и сыну, съ дѣтства видящему отца въ деревнѣ уважаемымъ, съ благоговѣніемъ смотрящему на то, какъ его отецъ предъ престоломъ Божіимъ возносить за себя и другихъ молитвы къ Богу, естественно (говоримъ) и сыну привыкнуть къ мысли видѣть себя на мѣстѣ отца въ томъ положеніи, какое снискиваетъ ему уваженіе отъ другихъ, и готовиться къ тому служенію, какое несетъ его отецъ. И если поддерживается порядокъ вещей, располагающій дѣтей духовенства къ исканію служенія Церкви, это служить признакомъ, что въ духовенствѣ поддерживаются добрые, строгіе нравы, и что въ немъ цѣлѣ и силенъ духъ благочестія, дающій дѣтямъ церковное воспитаніе. Когда въ недавнее время, вслѣдствіе облегченнаго доступа въ университетъ и другія свѣтскія учебныя заведенія воспитанникамъ духовныхъ семинарій до окончанія ими семинарскаго курса, замѣчено было бѣгство дѣтей

духовенства цѣлыми массами отъ служенія Церкви, къ которому ихъ прежде болѣе всего располагали и приготавливали, благомыслящая часть нашего общества, не духовнаго только, но и свѣтскаго, не съ сочувствіемъ встрѣтила это явленіе; напротивъ она съ прискорбіемъ смотрѣла на него и готова была заключать изъ него, что въ духовенствѣ и въ дѣтяхъ духовенства, воспитывающихся въ семинаріи, оскудѣлъ духъ благочестія, прежде привязывавшій ихъ къ Церкви и заставлявшій ихъ высоко цѣнить званіе пастыря Церкви и дѣлать его предметомъ своихъ желаній. То правило Трулльскаго собора, которое выставляютъ противъ такъ называемаго левитизма или наслѣдственной сословности духовенства, вовсе не направлено къ тому, чтобы стѣснить и затруднить дѣтямъ духовныхъ лицъ доступъ къ служенію Церкви. Оно только не велитъ взирать на родъ производимаго въ какую либо степень церковнаго клира, осуждаетъ то, что нѣкоторые изъ дѣтей духовныхъ лицъ поставляются священнопѣвцами и чтецами божественнаго храма, не получивъ церковнослужительскаго постриженія, а повелѣваетъ напередъ испытывать, достойны ли желающіе быть служителями Церкви тѣхъ степеней церковнаго клира, какихъ ищутъ, и если достойны, то производить ихъ, производить одинаково какъ происходящихъ отъ посвященныхъ предковъ, такъ происходящихъ и отъ свѣтскихъ или мірекихъ родителей.

Никто не можетъ желать насильственнаго закрѣпленія дѣтей лицъ, служащихъ Церкви, въ духовномъ сословіи или невольнаго обращенія ихъ къ тому служенію, какое вѣсуетъ ихъ отцы. И мы не одобряемъ, если молодой человѣкъ, происходящій отъ посвященныхъ предковъ, безъ особенной охоты, въ силу однихъ роковыхъ обстоятельствъ, поступаетъ въ священники, — поступаетъ просто потому, что нѣтъ для него другой дороги въ жизни. Нѣтъ, пусть не чувствующіе склонности или призванія къ духовному служенію не готовятся къ нему и не берутся за него; пусть они избираютъ для себя родъ жизни и дѣятельности,

болѣе отвѣчающій ихъ расположеніямъ. Для такихъ открыты и должны быть открыты многіе другіе пути. Но если человѣкъ, происходящій отъ родителей духовнаго званія, по нравственнымъ побужденіямъ, по движенію духа благочестія и по уваженію къ высокому служенію пастыря Церкви располагается другими, напри- мѣръ: своими родителями, или самъ рѣшается избрать для себя это служеніе, — къ этому относится только съ сочув- ствіемъ. Мы надѣемся, что эти нравственные побужденія, скло- няющія дѣтей духовенства къ избранію священническаго служе- нія, долгое время будутъ являть свое дѣйствіе въ семействахъ лицъ, служащихъ Церквѣ, и полагаемъ, что въ будущемъ, не смотря на разныя перемѣны, какія могутъ случиться въ системѣ воспитанія и устройствѣ духовной школы, главный контингентъ кандидатовъ священства или самое большее число лицъ, готовя- щихся къ занятію священническихъ мѣстъ, будутъ доставлять семейства духовныхъ отцовъ. Нынѣ открыты двери семинарій, гдѣ приготавливаются и воспитываются будущіе священники, для дѣтей всѣхъ сословій, равно какъ облегченъ доступъ и въ духовныя академіи свѣтскимъ лицамъ, прошедшимъ гимназиче- скую школу. Между тѣмъ изъ другихъ сословій только немно- гія единицы рѣшаются поступать въ духовныя семинаріи, пред- назначенныя для приготовленія пастырей Церкви, и изъ этихъ немногихъ большая половина, по окончаніи семинарскаго курса, воспользовавшись правами, доставляемыми семинарскимъ образова- ніемъ, избираетъ для себя не священническое служеніе, а какое либо другое, или поступаая въ свѣтское высшее заведеніе, или прямо ища службы въ свѣтскомъ вѣдомствѣ. А въ академіяхъ такъ мало лицъ съ гимназическимъ образованіемъ, что ихъ и считать нельзя, хотя имъ даются разныя льготы при пріемныхъ экзаменахъ въ академію; да и тѣ, какіе поступаютъ въ акаде- мію изъ гимназій, большею частію дѣти духовныхъ лицъ. Не у насъ только въ Россіи, но и на Востоцѣ, въ православной Церкви, и въ инославныхъ обществахъ на Западѣ, гдѣ дозво-

ляется брачная жизнь служителямъ религіи, ряды духовенства пополняются болѣе всего дѣтьми лицъ, служащихъ религіи, и такъ будетъ всегда. Въ протестантскихъ обществахъ случалось, что иногда цѣлое столѣтіе и даже болѣе извѣстное пастырское мѣсто удерживалось въ одномъ родѣ, и въ этомъ не находили ничего дурнаго, а напротивъ цѣнили силу тѣхъ нравственныхъ связей, которыя неразрывно связывали представителей рода съ однимъ приходомъ. Отецъ приготовлялъ сына въ преемники себѣ на приходскомъ мѣстѣ, и сынъ, приготовившись къ служенію пастора, поступалъ не къ чужимъ, не знаемымъ лицамъ, съ которыми еще ему нужно знакомиться, а къ своимъ, которыхъ онъ хорошо знаетъ, и которые его хорошо знаютъ. Довѣріе и уваженіе, какимъ пользовался въ приходѣ его отецъ, съ разу переносится на его сына. И если нажиты какія либо добрыя преданія въ приходѣ, они скорѣе сохраняются при удержаніи мѣста за однимъ родомъ, чѣмъ при смѣнѣ одного лица другимъ, совершенно ему чуждымъ. Вообще чувствовалось пріятное вѣяніе добраго духа патріархальной семейственной любви и простоты въ отношеніяхъ, когда приходъ желалъ, чтобы нравственно-церковное руководство его не выходило изъ рукъ излюбленнаго имъ рода, и когда представители этого рода дорожили этою привязанностію къ нимъ своего прихода и не хотѣли устранять себя отъ того мѣста и служенія, къ которому влекло ихъ столько привязанностей и дорогихъ воспоминаній. Бывало такъ и у насъ, и нельзя не согласиться, что въ этомъ было немало добрыхъ сторонъ.

Самое достойное побужденіе къ избранію священническаго служенія нужно искать въ расположеніяхъ благочестивой, преданной Церкви, души, благоговѣющей предъ высокимъ званіемъ молитвенника и служителя Божія и видящей въ принятіи этого званія священное дѣло, наиболѣе приближающее человѣка къ Богу, или наиболѣе благоугодную жертву Господу. Самые благонадежныя кандидаты священства—это тѣ, которыхъ родители предрасполагаютъ къ избранію духовнаго званія, или которые

сами избирають его въ благочестивомъ чаяніи оказать тѣмъ угодное Богу, безъ особеннаго разсчета на какія либо внѣшнія выгоды, или которые рѣшаются посвящать себя на служеніе Церкви съ готовностію на самопожертвованіе, потому что въ этомъ служеніи они видятъ одно изъ самыхъ лучшихъ и высшихъ званій, доступныхъ для человѣка во время его земнаго поприща. Подобныя побужденія исполняѣ отвѣчаютъ достоинству того званія, какое берутъ на себя пастыри Церкви, и они сами по себѣ служатъ немалымъ ручательствомъ за то, что руководимый ими постарается со всею тщательностію приготовиться къ тому служенію, которое онъ избираетъ изъ сердечнаго благоговѣнія предъ его высокою, и по принятіи его употребитъ все свои заботы о томъ, чтобы приблизиться къ тому идеалу пастыря Церкви и служителя Божія, какой начертанъ въ Писаніи и какой носится въ богопросвѣщенномъ сознаніи благочестивыхъ людей. Только въ благочестивыхъ и богобоязненныхъ семействахъ можно встрѣчать проявленіе подобныхъ расположеній. Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ и проявляются такіа расположенія, тамъ, можно надѣяться, родители позаботятся дать доброе воспитаніе своимъ дѣтямъ, потребное будущимъ служителямъ Божиимъ, посвятятъ въ юныхъ душахъ сѣмена вѣры и благочестія, которыя, съ теченіемъ времени, подъ ихъ теплымъ руководствомъ и сердечною охраною возрастутъ, распустятся и принесутъ плоды, и утвердятъ въ нихъ такое христіанское настроеніе, какое сдѣлаетъ ихъ непреклонными и горячими борцами за дѣло вѣры и за спасеніе своихъ братій. О, еслибы больше было такихъ семействъ, изъ которыхъ Церковь могла бы воспринимать на служеніе себѣ людей по сердцу Божію, горящихъ желаніемъ посвятить свои силы на дѣло молитвы, на дѣло благодатнаго освященія и просвѣщенія ближнихъ! Мы не отрицаемъ, что есть такіа семейства, но выходящихъ отъ нихъ благопотребныхъ дѣятелей, готовыхъ посвятить себя на служеніе Богу и Церкви, слишкомъ и слишкомъ мало въ сравненіи съ тѣмъ запросомъ, какой предъявляютъ нужды много-

милліоннаго православнаго народонаселенія. Каждый благочестивый сынъ Церкви долженъ желать и содѣйствовать тому, чтобы въ ней выросли и умножались добрые и вѣрные рабы, съ дѣтства посвященные на служеніе Богу и съ дѣтства готовящіеся къ нему. Дѣти обѣтовъ и молитвъ, какъ свидѣлствуетъ исторія, — самые лучшіе и благоплодные служители Божіи. Таковы были въ Ветхомъ Завѣтѣ великій пророкъ Самуилъ, испрошенный своею матерію Анною отъ Бога, съ обѣщаніемъ посвятить его Богу на всю его жизнь, и во исполненіе обѣта воспитанный при скиніи съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ. Таковъ былъ въ христіанской Церкви св. Григорій Богословъ. Мать его Нонна нѣкоторое время, по вступленіи въ супружество, не имѣла дѣтей. Подобно матери Самуила, она просила Бога разрѣшить ея неплодство и, въ случаѣ исполненія ея молитвы, дала обѣтъ Богу приготовить изъ дарованнаго ей сына служителя Церкви. И вотъ, когда исполнилось ея молитвенное желаніе и ей дарованъ былъ сынъ, она, окруживъ его своими попеченіями, постаралась напитать его тѣмъ духомъ благочестія, какимъ было полно ея сердце, и болѣе всего заботилась о томъ, чтобы изъ него вышелъ человекъ, преданный вѣрѣ и Церкви, могущій исполнить своею дѣятельностію тѣ обѣты, какіе носила она въ своемъ сердцѣ съ той поры, какъ почувствовала, что не напрасны были ея молитвы предъ Богомъ о дарованіи ей сына. И вотъ изъ ея сына, при его глубокомъ благочестіи, наслѣдованномъ отъ матери, и при его высокомъ образованіи, вышелъ одинъ изъ первыхъ богослововъ вселенской Церкви, великій святитель, чествуемый и прославляемый изъ рода въ родъ за свою святость и за свои безсмертные труды на пользу вѣры православной. Исторія Церкви указываетъ намъ одно чудное семейство, всѣ члены котораго прославились святостію, и изъ котораго вышли такіе великіе свѣтильники Церкви, какъ св. Василій Великій, св. Григорій Нисскій и св. Петръ Севастійскій. Строгіе благочестивые нравы господствовали въ этомъ семействѣ, и жилъ въ немъ крѣпкій

духъ вѣры и благочестія, который приготовилъ и воспиталъ въ лицѣ нѣсколькихъ братьевъ славныхъ дѣятелей, съ великою ревностію и силою служившихъ на пользу вѣры и Церкви. Благочестивая и сильная духомъ бабка св. Василія Великаго до начала школьнаго образованія при себѣ держала старшихъ внуковъ, — дѣтей своего сына, учила ихъ молиться, заставляла ихъ въ точности выполнять то, чего требуетъ долгъ христіанина и полагала въ ихъ воспріимчивыхъ сердцахъ твердыя, неизгладимыя начала вѣры и преданности Церкви и Богу. Когда же не стало, по отношенію къ младшимъ братьямъ и сестрамъ св. Василія Великаго заботы о воспитаніи ихъ въ духъ благочестія приняла на себя старшая сестра ихъ св. Мокрина, одна изъ первыхъ дѣвственницъ христіанскихъ, устроившая общежитіе и прославившаяся святостію. И вотъ, благодаря этому семейному воспитанію, каждый членъ этого благочестиваго семейства, гдѣ ни являлся, — въ школѣ или въ жизни, — вездѣ отличался строгою добродѣтелію, и все братья рѣшились посвятить свои силы на служеніе Церкви и явились избранными пастырями, подобныхъ которымъ немало представляетъ исторія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Равенство людей и распределение между ними материальных благъ, по учению Новозавѣтнаго Откровенія.

II.

Вопросъ о томъ, какъ смотритъ христіанство на распределение между людьми материальныхъ благъ, рѣшается уже самъ собою предъидущимъ изслѣдованіемъ о христіанскомъ равенствѣ людей. Если христіанство признаетъ интеллектуальныя и государственно-общественныя различія между людьми, то ясно, что оно не можетъ отрицать и неравенство распределения между людьми материальныхъ благъ. Утверждать одинаковое право всѣхъ людей

на равномерное пользованіе матеріальными благами можно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы было констатировано всеобщее равенство людей въ отношеніи интеллектуальномъ и государственно-общественномъ, ибо первое есть прямое слѣдствіе послѣдняго. Получившему два таланта по самому существу условій человѣческой жизни не возможно пользоваться жизненными благами въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ пользуется ими получившій пять талантовъ; а получившій одинъ талантъ и притомъ закопавшій его въ землю не можетъ имѣть столько матеріальныхъ благъ, сколько долженъ имѣть получившій два таланта и притомъ употребившій ихъ въ дѣло. Сумма матеріальныхъ благъ въ жизни того или иного человѣка, въ силу естественнаго порядка вещей, имѣетъ соотношеніе какъ съ величиною умственно-нравственныхъ силъ и способностей и со степенью усердія къ труду, такъ и со степенью бережливости, экономичности и порядочности въ жизни. Конечно, въ жизни и въ этомъ, какъ и во всемъ иномъ, бываютъ и есть исключенія; но исключеніе и остается исключеніемъ, не нарушая общаго правила. И вотъ во имя общаго-то правила христіанское ученіе и утверждаетъ, что получившій пять талантовъ, при своемъ усердіи къ труду, приобретаетъ еще пять, получившій два—еще два; тогда какъ получившій одинъ талантъ, при отсутствіи усердія къ труду, по своей лѣности и безпечности, теряетъ и то, что имѣетъ, между тѣмъ какъ, при надлежащемъ усердіи къ труду, и онъ могъ бы что нибудь приобрести. Рабъ по самому положенію своему не можетъ ни имѣть столько благъ, ни позволять себѣ столько наслажденій, сколько имѣетъ и позволяетъ себѣ господинъ его, а между тѣмъ христіанство не нудитъ его выходить изъ своего положенія; напротивъ оно заповѣдуетъ ему оставаться въ своемъ положеніи, доколѣ самъ господинъ не дастъ ему свободу; тогда какъ, признавая всеобщее право на равномерное пользованіе матеріальными благами, оно не могло бы, не разрушая своего принципа, давать такіа наставленія рабамъ. Такимъ образомъ, не признавая всеобщаго равенства людей

христіанство не признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и права всѣхъ и каждаго пользоваться равномѣрно матеріальными благами.

Такъ какъ преимущество однихъ предъ другими христіанское ученіе поставляетъ въ зависимость отъ интеллектуальныхъ свойствъ и отъ степени усердія къ труду каждаго лица, то и матеріальное благосостояніе оно поставляетъ въ зависимость отъ тѣхъ же условій. Оно поэтому и требуетъ, чтобы каждый непременно трудился по мѣрѣ силъ и способностей и своими трудами приобрѣталъ все необходимое для жизни; тунеядство же во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ оно преслѣдуетъ, какъ тяжкій грѣхъ предъ Богомъ. Апост. Павелъ, говоря о себѣ, что онъ, въ бытность свою у Солунянъ съ благовѣстіемъ Христовымъ, ни у кого не вѣлъ хлѣба даромъ, но занимался трудомъ, работая день и ночь, чтобы кого изъ нихъ не обременить, даетъ своимъ ученикамъ такое завѣщаніе положительнаго характера. „Если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь“. И тѣхъ, которые ведутъ себя безпорядочно, ничего не дѣлаютъ, убѣждаетъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, чтобы они, работая въ безмолвіи, ѣли свой хлѣбъ (2 Сол. II, 7—12). „Кто крадь, говоритъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ, впередъ не кради, а лучше трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобы было изъ чего удѣлять нуждающимся“ (Еф. IV, 28). „И тотъ только по праву долженъ имѣть и будетъ имѣть все необходимое въ жизни, кто по лѣности будетъ трудиться; ибо трудящійся достоинъ награды за труды свои (Лук. X, 7. Мат. X, 10. 1; Тим. V, 18), и трудящемуся земледѣльцу первому должно вкусить отъ плодовъ“ (2 Тим. II, 6). При этомъ нужно имѣть въ виду, что награда за трудъ получается соразмѣрно самому труду. „Кто сѣетъ скупо, тотъ скупо и пожнетъ; а кто сѣетъ щедро, тотъ щедро и пожнетъ“ (2 Кор. IX, 6).

Однако, и при условіи труда, бѣдность и нищета не уничтожатся, а будутъ существовать на землѣ, какъ необходимые спутники человѣческой жизни. „Нищихъ всегда имѣете съ собою“ (Іоан. XII, 8. Мар. XIV, 7), сказалъ Господь. Причинъ отъ которыхъ

Къ № 18-му.

происходить нищета и бѣдность на землѣ, можетъ быть много: неправильность государственно-общественнаго строя жизни людей, вслѣдствіе чего трудъ человѣка можетъ недостаточно вознаграждаться, чтобы доставить трудящемуся необходимыя средства для безбѣдной жизни; собственная виновность членовъ общества, не желающихъ блюсти должный порядокъ въ своей личной жизни; неспособность къ труду вслѣдствіе болѣзни, увѣчья; климатическія условія данной мѣстности и т. п.—все это можетъ быть причиною бѣдности и нищеты. Но главнымъ образомъ надъ распредѣленіемъ матеріальныхъ благъ между людьми бдитъ Промыслъ Божій, распоряжающійся судьбами человѣческой жизни, отъ воли котораго зависить благосостояніе и цѣлыхъ обществъ и отдѣльныхъ единицъ, и который въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, преслѣдуетъ высшія, неземныя цѣли. Безъ воли Божіей даже не можетъ упасть волосъ съ головы человѣка, и самъ человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать. Дѣйствіе Промысла Божія въ распредѣленіи между людьми богатства и бѣдности бываетъ большею частію сокрыто отъ нашего взора въ цѣляхъ премудрости Божіей, вслѣдствіе чего люди часто не понимаютъ, да и понять не могутъ: почему такъ именно, а не иначе поступаетъ съ людьми Богъ. Одно извѣстно, что большая часть бѣдствій и испытаній посылаются Богомъ людямъ всегда съ благими цѣлями, по безпредѣльной любви Божіей, не желающей, чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли въ покаяніе. „Господь кого любитъ, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ“ (Евр. XII, 6). Поэтому христіанство учитъ принимать всѣ невзгоды, испытанія и лишенія въ жизни съ твердостію и спокойствіемъ духа, съ благодарностію и радостію. „Съ великою радостію, говоритъ Апостолъ, принимайте, братія, когда впадаете въ различныя искушенія, зная, что испытаніе вашей вѣры, производитъ терпѣніе, терпѣніе же должно имѣть совершенное дѣйствіе, чтобы вы были совершенны во всякой полнотѣ, безъ всякаго недостатка“ (Іак. I, 2—4). И „если вы терпите наказаніе, говоритъ другой Апостолъ, то Богъ

поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли какой сынъ, котораго не наказывалъ бы отецъ? Если же остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, то вы незаконныя дѣти, а не сыны“ (Евр. XII, 7—8). „Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостью, а печалью; но послѣ наученнымъ чрезъ него доставляетъ мирный плодъ праведности“ (11).

Бѣдность есть одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній человѣка, и если всѣ вообще испытанія людямъ посылаются Богомъ, то и бѣдность, какъ одна изъ видовъ испытанія, является въ жизни человѣческой тоже по соизволенію Божію. Богъ по своей волѣ богатитъ и убожить, кого захочетъ. А потому Господь Іисусъ Христосъ и научилъ насъ постоянно обращаться къ Богу съ такими молитвенными словами: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“ (Мат. VI, 11. Лук. XI, 3). Здѣсь подъ словомъ: „хлѣбъ“ разумѣемъ мы собокуиность всѣхъ благъ, какъ матеріальныхъ, такъ и духовно-нравственныхъ, и выражаемъ съ одной стороны непоколебимую вѣру во всемогущій Промыслъ Божій, производящій нравственный и матеріальный распорядокъ въ мірѣ, съ другой—увѣренность свою въ милосердіе и щедродательствѣ Отца небеснаго, Который по неограниченному милосердію готовъ подавать намъ все необходимое какъ для жизни духовно-нравственной, такъ и для жизни тѣлесной. Всегда во всѣхъ нашихъ нуждахъ обращаться съ молитвою къ Отцу небесному научилъ насъ Господь Іисусъ Христосъ и Своимъ примѣромъ и словомъ. „Просите, говоритъ Онъ, и дано будетъ вамъ; ищите, и найдете; стучите, и отворятъ вамъ. Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ. Если между вами такой человѣкъ, который, когда сынъ его попроситъ у него хлѣба, не подастъ бы ему камень? Или когда попроситъ рыбы, не подастъ бы ему змѣю? Итакъ, если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ вашимъ; тѣмъ болѣе Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него“ (Мат. VII, 7—11. 1 Іоан. V, 14—15). „Истинно говорю вамъ, что если двое изъ васъ

согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго. Ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ“ (Мат. XVIII, 19—20). Итакъ Самъ Спаситель нашъ Единородный Сынъ Божій вмѣстѣ съ нами ходатайствуетъ за насъ о нашихъ нуждахъ предъ Отцомъ нашимъ небеснымъ.

Конечно, невсякое прошеніе наше исполняется; но вина въ этомъ падаетъ не на Бога, готового всегда подавать намъ все обильно для наслажденія (1 Тим. VI, 17. 2 Кор. IX, 8—10), а на самихъ людей, которые часто сами себя поставляютъ въ невозможность получать дары отъ Бога. „Желаете, говоритъ Апостолъ, и не имѣете, убиваете и завидуете, и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете, и не имѣете, потому что не просите. Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для вашихъ вождельній“ (Іак. IV, 2—3). Такимъ образомъ бѣдность и нищета, царящія въ мірѣ, въ концѣ концовъ суть слѣдствіе грѣха, обладающаго жизнію человѣчества, и имѣютъ отношеніе къ послѣднему, какъ слѣдствіе къ причинѣ. Причина существуетъ, существуетъ и слѣдствіе; видоизмѣняется первая, видоизмѣняется и второе. А потому бѣдность и нищета постольку будутъ уменьшаться въ мірѣ, поскольку само человѣчество, искореня въ себѣ грѣхъ и насаждая добродѣтель, будетъ приближаться къ христіанскому нравственному идеалу, заключающемуся въ лицѣ Іисуса Христа. Къ несчастью многіе не сознаютъ, да и сознавать не хотятъ того, что между состояніемъ нравственной жизни и между благосостояніемъ людей всегда существуетъ взаимоотношеніе, и второе стоитъ въ зависимости отъ перваго. Но такъ какъ грѣхъ въ существѣ своемъ, не смотря на всѣ старанія человѣчества, уничтожиться въ настоящей жизни не можетъ, а будетъ существовать до кончины міра, такъ точно и бѣдность съ нищетою, какъ необходимое слѣдствіе грѣха, будетъ существовать на землѣ до втораго пришествія Христова.

Но мы сказали, что бѣдность, съ усовершенствованіемъ нравственной жизни людей, несомнѣнно должна уменьшаться на землѣ и дѣйствительно уменьшается, однако не чрезъ большее накопленіе богатствъ и не чрезъ равномерное распредѣленіе ихъ между людьми, а чрезъ добровольную благотворительность имущихъ неимущимъ. И въ этомъ отношеніи христіанство оказываетъ и оказало уже человѣчеству ничѣмъ не замѣнимую услугу. Оно, призывая человечество къ нравственному усовершенствованію, указывая идеаль этого совершенства въ лицѣ Иисуса Христа и вливая чрезъ возрожденіе благодати искупленія въ сердца людей новыя, сверхъестественныя силы, естественно содѣйствуетъ улучшенію государственно - общественнаго строя жизни ихъ и вмѣстѣ содѣйствуетъ уменьшенію въ мірѣ бѣдности и нищеты не какими либо однако насильственными путями, а своимъ благотворнымъ воздѣйствіемъ на внутренній сердечный міръ человѣка, возбуждая въ сердцѣ человѣка любовь, сострадательность, жалость къ обремененнымъ житейскими бѣдствіями и т. д., располагая къ благотворительности имъ. Указывая человѣку конечную цѣль его земной жизни въ жизни небесной и преслѣдуя эту именно цѣль, христіанство вмѣстѣ съ тѣмъ не опускаетъ изъ виду и не игнорируетъ и земной жизни человѣка. Оно стремится къ тому, чтобы люди не только въ будущей, но и въ настоящей жизни пользовались въ надлежащей мѣрѣ необходимыми благами. И въ виду того, чтобы еще здѣсь на землѣ, на сколько возможно, облегчить тягость бѣдности и нищеты и утереть слезы несчастнымъ, оно, основываясь на принципѣ всеобщей любви, даетъ своимъ послѣдователямъ положительную заповѣдь благотворить всѣмъ, имѣющимъ нужду въ благотворительности. „Прослѣдствуй у тебя дай, заповѣдуетъ Господь, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся“ (Мат. V, 42. Лук. VI, 20). „Любите враговъ вашихъ, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будетъ вамъ награда великая, и будете сынами Всевышняго; ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ. Итакъ будьте милосерды, какъ

и Отецъ вашъ милосердъ“ (Лук. VI, 35—36. Мат. V, 44—45). Итакъ каждый христіанинъ, какъ сынъ небеснаго Отца, долженъ благотворить каждому нуждающемуся человѣку, не разбирая ни его національности, ни вѣроисповѣданія, ни происхожденія и званія, ни расположенія его къ благотворителю (Лук. X, 25—37. Рим. XII, 20); и при томъ благотворительность должна быть вполне безкорыстна; иначе она теряетъ предъ Богомъ свою цѣну, и своекорыстный благотворитель теряетъ свою награду, потому что гдѣ преслѣдуется своя корысть (въ чемъ бы эта корысть ни заключалась—все равно), тамъ нѣтъ уже побужденій чистой, святой любви, и искатель корысти въ самой корысти получаетъ уже награду. „Если любите, говоритъ Господь, любящихъ васъ, какая вамъ за то благодарность, ибо и грѣшники любящихъ ихъ любятъ. И если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро, какая вамъ за то благодарность, ибо и грѣшники тоже дѣлаютъ. И если займы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно, какая вамъ за то благодарность, ибо и грѣшники даютъ займы грѣшникамъ, чтобы получить обратно столько же“ (Лук. VI, 32—34. Мат. V, 46—47). „Итакъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Мат. V, 48), заключилъ Господь.

Благотворительность, по ученію христіанскому, есть не что иное, какъ внѣшняя оболочка, въ которую должно облекаться внутреннее чувство христіанской любви; она есть воплощеніе любви, или, лучше сказать,—дѣятельная любовь. Одно внутреннее чувство любви безъ внѣшняго обнаруженія не имѣетъ въ жизни христіанской никакого значенія и безцѣнно въ очахъ Божіихъ; ибо оно въ этомъ случаѣ, какъ призракъ, не имѣющій внѣшней оболочки, существуетъ только въ воображеніи и не можетъ назваться истинною любовію. „Кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, говоритъ Апостолъ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое, какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія“ (1 Іоан. III, 17)? „Если братъ или сестра наги и не

имѣютъ дневнаго пропитанія, а кто нибѣдъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дасть имъ потребнаго для тѣла: что пользы? Такъ и вѣра, которая по христіанскому ученію находится въ такой неразрывной связи съ любовію, что одна безъ другой не могутъ существовать (1 Кор. XIII, 1—2. 1 Іоан. IV, 7—8, 16. III, 10), если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ“ (Іак. II, 15—17). „Чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцомъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ“ (1, 27). А потому апостолъ Іоаннъ и заповѣдуетъ: „Дѣти мои! станемъ любить не словомъ, или языкомъ, но дѣломъ и истиною“ (1 Іоан. III, 18).

Благотворительность, какъ выраженіе чистой, безкорыстной, христіанской любви, такъ важна и многозначительна предъ Богомъ, что всякое благодареніе, оказанное пуждающемуся, Сынъ Божій, Господь Іисусъ Христосъ, благоволившій назвать насъ Своими братьями (Евр. II, 11), усвоить себѣ, и на столько необходима въ жизни христіанской, что безъ нея не возможно получить царство небесное; она имѣетъ рѣшающее значеніе по отношенію къ загробной судьбѣ человѣка. По словамъ самаго Господа, во время послѣдняго страшнаго суда надъ людьми, Онъ скажетъ однимъ: „Приидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Миѣ ѣсть; жаждалъ Я, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ болѣнъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Миѣ“. Праведники спросятъ Его: когда же они видѣли Его въ такомъ положеніи и послужили Ему. А Онъ отвѣтитъ имъ: „Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Миѣ“. И пойдутъ праведники въ жизнь вѣчную; напротивъ тѣ, которые не послужили Господу въ лицѣ меньшихъ Его братій, пойдутъ въ муку вѣчную“ (Мат. XXV, 31—46). По этой важности дѣлъ христіанскаго милосердія, апост. Павелъ въ каждомъ изъ своихъ посланій призы-

васть христіанъ къ благотворительности. При этомъ побужденіемъ къ благотворительности поставляетъ онъ между прочимъ и особенное милосердіе Божіе, являемое благотворителямъ за молитву благотворимыхъ еще и въ здѣшней жизни и состоящее въ пода-
ніи имъ въ изобиліи земныхъ благъ (2 Кор. IX, 8—15).

Хотя богатство само по себѣ, а равно и умѣренные заботы о приобрѣтеніи его праведными путями и честнымъ трудомъ не осуждаются христіанскимъ ученіемъ; однако и то и другое, по его взгляду, для достиженія цѣлей христіанства не имѣетъ никакого значенія, ибо мы не должны имѣть здѣсь постоянного града, но должны искать будущаго (Евр. XIII, 14); а въ будущемъ вѣкѣ, по словамъ Господа, „ни женятся, ни замужъ не выходятъ, и умереть уже не могутъ, ибо они равны ангеламъ, и суть сыны Божіи“ (Лук. XX, 35—36. Мар. XII, 25. Мат. XXII, 30). Слѣдовательно для жизни будущаго вѣка не могутъ имѣть никакого значенія ни богатство, ни инныя земныя блага и преимущества. Потому-то Господь и заповѣдуетъ Своимъ послѣдователямъ, чтобы они заботы свои о приобрѣтеніи земныхъ благъ не простирали такъ далеко, чтобы онѣ препятствовали заботамъ о приобрѣтеніи царства Божія. „Ищите прежде царства Божія и правды Его, говоритъ Онъ, и это все (необходимое для жизни) приложится вамъ“ (Мат. VI, 33). А необходимое для человѣка въ здѣшней жизни состоитъ не во многомъ. „Имѣя пропитаніе и одежду, говоритъ Апостолъ, будемъ довольны тѣмъ“ (1 Тим. VI, 8), ибо христіанинъ „не хлѣбомъ однимъ долженъ жить, но всякимъ словомъ Божіимъ“ (Лук. IV, 4). Излишнія же заботы объ излишнихъ благахъ, приковывая къ себѣ сердце человѣка, отвлекаютъ его отъ служенія Богу и удаляютъ его отъ главной цѣли его жизни; ибо совмѣстить служеніе мамонѣ съ служеніемъ Богу, безъ ущерба одного на счетъ другаго, не возможно. „Никто не можетъ служить двумъ господамъ, говоритъ Господь; ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другаго любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ не радѣть. Не можете служить

Богу и мамонѣ. Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть, и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли лица и тѣло одежды? (Мат. VI, 24—25. Лук. XII, 22—23. XXI, 13). „Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ и моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкопываютъ и крадутъ. Но собирайте себѣ еокровище на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, и гдѣ воры не подкопываютъ и не крадутъ“ (Мат. VI, 19—20). „Не любите міра, говоритъ Апостолъ, ни того, что въ мірѣ; кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей“ (1 Іоан. II, 15).

Осуждая пристрастіе къ богатству и излишнія заботы о приобрѣтеніи его, какъ дѣло несоотвѣтствующее главной цѣли человѣческой жизни, и потому неугодное Богу, христіанское ученіе въ особенности осуждаетъ надѣяніе на него, какъ на твердый и непоколебимый оплотъ противъ всѣхъ земныхъ бѣдствій, приравнивая его къ идолопоклонству (Еф. V, 5). Смотрите, сказалъ Господь, берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія. И рѣчь свою пояснилъ притчею о богатомъ человѣкѣ, въ виду обильнаго урожая мечтавшемъ о счастливой, беззаботной и веселой жизни. Но между тѣмъ какъ онъ услаждался въ своихъ мечтахъ надеждою на свое богатство, Богъ сказалъ ему: „Безумный! въ сію же ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ“ (Лук. XII, 15—20)? И такъ какъ „трудно надѣющимся на богатство войти въ царствіе Божіе“ (Мар. X, 24. Мат. XIX, 23), то апост. Павелъ и даетъ Тимофею такое наставленіе: „Богатыхъ въ настоящемъ вѣкѣ увѣщай, чтобы они не высоко думали о себѣ и уповали не на богатство невѣрное, но на Бога живаго, дающаго намъ все обильно для наслажденія“ (1 Тим. VI, 17).

Для чего же послѣ этого дается отъ Бога богатство людямъ, когда оно можетъ быть столь губительно для нихъ? Но не богатство, само въ себѣ неповинное, губить людей; люди губятъ сами себя чрезъ пристрастіе къ богатству и чрезъ злоупотребленіе имъ.

Злоупотребленіе какими бы то ни было дарами никогда и никого не приводитъ къ добру. Противъ злоупотребленій-то не только богатствомъ, а и всѣми иными дарами Божиими, христіанское ученіе и возстаетъ, устраниая человѣка казнями Божиими. Богатство же само по себѣ есть одинъ изъ самыхъ благотворныхъ для человѣческой жизни даровъ Божіихъ, если оно употребляется согласно съ волею Божіею. Оно, по ученію христіанскому, дается человѣку не для удовлетворенія его собственныхъ похотей, но для благотворенія бѣднымъ и немущимъ, не исключая, конечно, удовлетворенія и собственныхъ нуждъ и потребностей. „Богъ, говоритъ Апостолъ, силенъ обогатить васъ всякою благодатію, чтобы вы, всегда и во всемъ имѣя всякое довольство, были богаты на всякое доброе дѣло, чтобы всѣмъ богаты были на всякую щедрость“ (2 Кор. IX, 8—11). Поэтому богачъ во имя требованій воли Божіей долженъ смотрѣть на себя, не какъ на полновластнаго хозяина, имѣющаго право безотчетно распорядиться своимъ богатствомъ, а какъ только на приставника въ дому Божіемъ и на временнаго распорядителя ввѣреннаго его смотрѣнію имѣнія, въ употребленіи котораго онъ долженъ будетъ отдать строгій и точный отчетъ Домовладыкѣ (Лук. XVI, 1—12. XII, 42—46). Тѣхъ жестокосердыхъ и своекорыстныхъ богачей, которые неправильно употребляютъ свое богатство, истрачивая его исключительно на удовлетвореніе своихъ личныхъ прихотей и похотей и ничего не удѣляя бѣднымъ и несчастнымъ страдальцамъ, требующимъ помощи, слово Божіе обличаетъ нещадно, устраниая ихъ геенной огненной. Въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ Господь Іисусъ Христосъ показалъ, какую кару должны понести жестокосердые богачи, утопающіе сами въ роскоши и нѣгѣ и не обращающіе никакого вниманія на бѣдныхъ страдальцевъ, чтобы чѣмъ нибудь помочь имъ (Лук. XVI, 19—31). Богачъ, какъ видно изъ притчи, нажилъ себѣ богатство не чрезъ неправду и преступленія и не былъ онъ распутнымъ развратникомъ, потонувшимъ въ грязныхъ порокахъ. Онъ только одѣвался пышно—

въ порфиру и виссонѣ и проводилъ весело время, пируя съ друзьями каждый день. Но вина его состояла въ томъ, что онъ, кружась въ вихрѣ удовольствій, совсѣмъ не обращалъ никакого вниманія на лежавшаго у воротъ его дома больного и безсильнаго нищаго, хотя, конечно, не одинъ разъ и проходилъ мимо него. Богачу было не до того, чтобы обращать вниманіе на нищихъ; ибо сердце его занято было иными мыслями и чувствами; бѣднякъ же не заявлялъ о себѣ ни жалобою на свое несчастное положеніе, ни просьбою о помощи, а между тѣмъ ему было нужно не много: онъ доволенъ былъ бы тѣмъ крошками, которые падали со стола богатаго. Богачу, конечно, ничего не стоило призрѣть несчастнаго страдальца; но онъ весь упелъ въ себя, погрузился въ личные удовольствія до того, что потерялъ сострадательность, такъ что даже псы оказались сострадательнѣе его: они облизывали раны страдальца. И вотъ бѣдный Лазарь по смерти перенесенъ былъ ангелами на лоно Авраама, тогда какъ богачъ очутился во адѣ. За что же? Не за то конечно, что былъ богатъ, а за то, что неправильно употреблялъ богатство; за то, что, самъ утопая въ роскоши и нѣгѣ, не удѣлялъ, по невниманію и по грубости сердца, ни единой крошки тѣмъ несчастнымъ страдальцамъ, которыхъ онъ, безъ всякаго ущерба для своихъ личныхъ удовольствій, могъ бы облагодѣтельствовать. Къ подобнымъ людямъ слово Божіе и вопіетъ воплемъ великимъ. „Горе вамъ, богатые! ибо вы получили уже свое утѣшеніе. Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взалчете. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ! ибо восплачете и возрыдаете“ (Лук. VI, 24—25). „Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихся на васъ. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изѣдены молью. Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствовать противъ васъ и съѣсть плоть вашу, какъ огонь: вы собрали себѣ сокровище на послѣдніе дни. Вотъ плата, удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ, и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваога.

Вы роскошествовали на землѣ и наслаждались, питали сердца ваши, какъ бы на день закланія“ (Іак. V, 1—5). Побужденіемъ къ добрымъ и правильнымъ отношеніямъ другъ къ другу христіанское ученіе представляетъ даже собственное, прирожденное каждому, чувство и желаніе добра себѣ самому: никто не желаетъ находится въ бѣдственномъ положеніи; каждый напротивъ ищетъ добра себѣ; а потому оно и говоритъ: „Во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“ (Мат. VII, 12).

Но при всемъ желаніи возстановить между людьми братскія отношенія и достигнуть всеобщаго довольства чрезъ расположеніе однихъ къ благотворительности другимъ, христіанское ученіе далеко отъ того, чтобы проповѣдывать въ этомъ случаѣ насиліе. Уважая свободу воли человѣческой, христіанство, по свойственному ему духу свободы, никому ничего не приказываетъ, никого не насилуетъ, чтобы не обратиться ему въ религію одной формы, безъ духа и силы, и своихъ послѣдователей не обратитъ въ бездушныхъ формалистовъ. Будучи врагомъ бездушнаго формализма, оно старается дѣйствовать на сердце человѣка и въ немъ самомъ возбуждать благія чувства и желанія, такъ чтобы эти чувства и желанія, рождались въ сердцѣ человѣка и были его собственными, а не навязанными ему совнѣ, и отсюда исполнѣ свободно и непринужденно проходили въ жизнь. Оно желаетъ того, чтобы самъ человѣкъ былъ инициаторомъ своихъ дѣйствій и совершалъ ихъ по собственному убѣжденію, основанному на христіанской истинѣ. А потому христіанское ученіе вмѣсто того, чтобы насиловать человѣка, старается дѣйствовать на него наученіемъ, увѣщаніемъ, совѣтомъ, вразумленіемъ, обличеніемъ, угрозою. Но все это человѣкъ воленъ принять и не принять. Также старается дѣйствовать оно на человѣка и въ отношеніи благотворительности. Оно ни у кого не отнимаетъ собственности какимъ бы то ни было насиліемъ, а располагаетъ человѣка къ благотворительности такъ, чтобы онъ самъ, безъ ввѣшняго приказанія, по влеченію собственнаго сердца, отдавалъ,

что у него есть или сколько онъ желаетъ. Апостолъ Павелъ, говоря о Македонянахъ, что они сверхъ мѣры доброхотны, убѣждаетъ и Коринѳянъ изобиловать этою добродѣтелью. Но говорить онъ это „не въ видѣ повелѣнія“; но усердіемъ другихъ испытываетъ искренность ихъ любви и даетъ на это только „совѣтъ“ и притомъ потому, что Коринѳяне сами добровольно, еще съ прошедшаго года, выражали желаніе оказать вспоможеніе святымъ. И между прочимъ, не желая обременить ихъ непосильнымъ требованіемъ, онъ говоритъ: „Совершите теперь самое дѣло (благотворенія), дабы чего усердно желали, то и исполнено было по достатку. Ибо если есть усердіе, то оно принимается, смотря потому, кто что имѣетъ, а не потому, что не имѣетъ. Не требуется, чтобы другимъ было облегченіе, а вамъ тяжесть; но чтобъ была равномерность. Никѣй вашъ избытокъ въ восполненіе ихъ недостатка, а послѣ ихъ избытокъ въ восполненіе вашего недостатка“ (2 Кор. VIII, 1—14), и притомъ должно быть такъ, чтобы „благотвореніе было какъ благословеніе, а не какъ поборъ“ (IX, 5). „Каждый удѣляй по расположенію сердца не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ; ибо доброхотно дающаго любить Богъ“ (7). То положеніе, что христіанская благотворительность требуетъ со стороны благотворителя добровольнаго расположенія, и что христіанство не насилуетъ богачей къ раздачѣ ихъ имѣній, обосновывается въ особенности на словахъ Спасителя, сказанныхъ богатому юношѣ. „Если хочешь быть совершеннымъ, сказалъ ему Господь, иди продай имѣніе твое и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ, и приходи, и слѣдуй за Мною“ (Мат. XIX, 16—21. Мар. X, 17—21). Въ этихъ словахъ, кромѣ того, что отъ богатаго юноши требуется собственное его произволеніе на раздачу имѣнія нищимъ, замѣчательно то, что раздача имѣнія предлагается не какъ обязательное правило христіанской жизни, а какъ исключительная, высшая мѣра христіанской дѣятельной любви и самоотверженной нестяжательности, для ищущихъ высшего христіанскаго совершенства. На вопросъ юноши: „что мнѣ дѣлать, чтобы полу-

читать жизнь вѣчную“? Господь не прямо и непосредственно предлагаетъ ему продать имѣніе и раздать нищимъ, но прежде всего предлагаетъ ему исполнить общія для всѣхъ заповѣди о любви къ Богу и ближнему; и только тогда уже, когда юноша замѣтилъ Господу, что онъ всѣ заповѣди сохранилъ отъ юности своей, и поставилъ Ему такой вопросъ: „Чего еще не достаетъ мнѣ?— Господь предлагаетъ ему, именно то, чего не достаетъ ему—продать имѣніе и раздать нищимъ, т. е. указываетъ ему на совершенное отреченіе отъ земныхъ благъ, чтобы онъ могъ безпрепятственно слѣдовать за Нимъ. Именно въ этомъ-то, т. е. въ отреченіи отъ благъ земныхъ и въ самоотверженномъ служеніи Христу и ближнимъ во имя христіанской любви, а не въ раздачѣ имѣнія, какъ фактъ, и заключается сущность христіанскаго совершенства. А потому-то апостолъ Павелъ и говоритъ: „Если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, являть мнѣ въ томъ никакой пользы“ (1 Кор. XIII, 3).

Христіанское ученіе, въ силу проповѣдуемаго имъ духа свободы, требующаго отъ своихъ послѣдователей внутренняго, свободного произволенія на всякое дѣло, никогда не вмѣшивается въ имущественныя отношенія людей и не опредѣляетъ юридическихъ правъ того или иного лица на то или иное владѣніе. Стоя выше всѣхъ человѣческихъ законодательствъ, основанныхъ на понятіяхъ о естественномъ правѣ и о естественной правдѣ и справедливости, христіанство, какъ религія мира и любви, не имѣющихъ въ своемъ развитіи никакихъ предѣловъ, не можетъ ограничиваться какими бы то ни было юридическими понятіями и проповѣдуетъ высшую правду, основанную на требованіяхъ высшей христіанской любви. Когда кто-то изъ народа сказалъ Іисусу Христу: „Учитель! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлялъ со мною наслѣдство“, Онъ отвѣчалъ: „Человѣче! кто Мя постави судію или дѣлителя надъ вами“ (Лук. XII, 14)? Этимъ отвѣтомъ Господь ясно показалъ, что Его ученіе не можетъ терпѣть никакого насилія даже въ томъ случаѣ, когда, повидимому, во имя требованій чело-

вѣческой справедливости, насиліе совершенно законно. Но мало и этого: Господь во имя христіанской любви заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ лучше уступать свое, чѣмъ съ насиліемъ требовать отъ другаго, хотя бы это было и законно. „Кто хочетъ судиться съ тобою, говоритъ Ояъ, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду“ (Мат. V, 40). Укоряя Коринѳянь за то, что въ своихъ тяжбахъ другъ съ другомъ они обращаются къ языческому суду, а у себя поставляютъ судьями лицъ, ничего въ Церкви не значущихъ, апостоль Павель говоритъ: „И то уже весьма унижительно для васъ, что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? Для чего бы лучше не терпѣть вамъ насилія? Но вы сами обижаете и отнимаете и притомъ у братьевъ“ (1 Кор. VI, 1—8).

Христіанское ученіе, заповѣдуя добровольную благотворительность, не устанавливаетъ для нея никакой организаціи, предоставляя дѣло благотворенія въ волю самихъ благотворителей. Правда, изъ Дѣяній Апостольскихъ извѣстно, что во Іерусалимѣ существовала христіанская община, у членовъ которой „было одно сердце и одна душа, и никто изъ нихъ ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого бѣднаго; ибо всѣ владѣльцы помѣстьевъ или домовъ, продавая оныя, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ Апостоловъ, и каждому давалось то, кто въ чемъ имѣлъ нужду“ (Дѣян. IV, 32, 34—35). Но такая организація благотворительности не имѣла силы закона для всѣхъ церквей. Она существовала только во Іерусалимѣ и основывалась не на силѣ принужденія, а на правахъ добровольнаго согласія вступавшихъ въ общество членовъ, такъ что каждый христіанинъ воленъ былъ вступить и не вступить въ число членовъ его, какъ это ясно видно изъ словъ апост. Петра, сказанныхъ нѣкому Ананіи, утаившему часть цѣны за проданное имѣніе. „Чѣмъ ты владѣлъ, говорилъ ему Апостоль, не твое ли было, и прибрѣтенное продажою не въ твоей ли власти находилось? Для чего же ты положилъ это (утаить часть цѣны)

въ сердцѣ твоємъ? Ты солгалъ не человѣкамъ, а Богу“ (Дѣян. 5, 4). Но и въ этой общинѣ, хотя она возникла на почвѣ свободы и одушевлена была христіанскою любовью, вскорѣ, по учрежденіи ея, возникли безпорядки въ распредѣленіи средствъ содержанія, возбуждившіе ропотъ Елліновъ на Евреевъ за то, что „вдовицы ихъ пренебрегаемы были въ ежедневномъ раздѣленіи потребностей“, и послужившіе къ учрежденію особаго института экономовъ, названныхъ діаконами (Дѣян. VI, 1—6). Но и это не спасло общину отъ разложенія. Съ умноженіемъ христіанъ, она сама собою, въ силу необходимости, распалась еще 'до разрушенія Іерусалима (70 г. по Р. Х.) и болѣе нигдѣ не возникала.

Итакъ что же есть общаго между социализмомъ и христіанскимъ ученіемъ? Есть нѣчто и общее, именно желаніе обезпечить общее благо какъ для отдѣльныхъ единицъ, такъ и для цѣлыхъ обществъ и для всего человѣчества. Но и это „нѣчто общее“ съ христіанствомъ существуетъ только въ социализмѣ идеальномъ; социализмъ же революціонный общаго съ христіанствомъ не имѣетъ положительно ничего; и утверждать, что онъ имѣетъ что нибудь общее съ нимъ на столько же справедливо, на сколько справедливо утверждать, что и парижская коммуна имѣла нѣчто общее съ христіанствомъ. Но и въ идеальномъ социализмѣ, кромѣ желанія обезпечить всеобщее благо, общаго съ христіанствомъ болѣе тоже ничего нѣтъ. Уже въ понятіи о благѣ социализмъ слишкомъ далеко расходится съ христіанскимъ ученіемъ. Социализмъ признаетъ за благо только блага матеріальныя и констатируетъ его, какъ сумму матеріальныхъ наслажденій. Христіанское же ученіе на первомъ планѣ поставляетъ благо духовно-нравственное, а затѣмъ уже и матеріальное, поставляя послѣднее въ зависимость отъ перваго, а потому и заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ первѣе всего искать царства Божія, между тѣмъ какъ социализмъ ищетъ блага исключительно матеріальнаго. Что касается основныхъ принциповъ, на которыхъ утверждаются въ своихъ задачахъ социализмъ и христіанство, а равно путей и средствъ, которыми они хотятъ дости-

гать цѣли обезпеченія всеобщаго блага, то въ этомъ отношеніи социализмъ и христіанство стоятъ на двухъ діаметрально-противоположныхъ полюсахъ. Соціализмъ въ своихъ задачахъ основывается на началахъ эгоизма, по которому одинъ хочетъ отнять благо у другаго, или по крайней мѣрѣ чужое благо раздѣлить пополамъ. Христіанство же въ этомъ случаѣ основывается на началахъ безкорыстной и самоотверженной любви, по которой одинъ не только не хочетъ пользоваться благомъ другаго, но и отдастъ ему свое. Соціализмъ хочетъ достигать своей цѣли путемъ насилія, чрезъ нарушеніе личной свободы и чрезъ разрушеніе всего строя государственно-общественной жизни; христіанство напротивъ, при достиженіи своей цѣли, не нарушаетъ ничьей свободы, никого ни къ чему не насилуетъ, требуетъ отъ человѣка на всякое дѣло, какъ непремѣннаго условія, добровольнаго согласія, и не только не разрушаетъ строя государственно-общественной жизни, но и заповѣдуетъ безпрекословно покоряться всякому человѣческому начальству. Такимъ образомъ общаго между социализмомъ и христіанствомъ такъ мало, что честному и совѣстливому человѣку и на умъ не придетъ утверждать, что социализмъ стоитъ на почвѣ христіанства. Мы не имѣемъ въ виду входить съ социализмомъ въ подробную полемику, такъ какъ это не входитъ въ задачу нашего изслѣдованія. Мы имѣли цѣлю не зависимо отъ полемики изложить положительное ученіе Новозавѣтнаго Откровенія о равенствѣ людей и о распредѣленіи между ними матеріальныхъ благъ. Свою задачу мы исполнили, а какъ исполнили, судить не намъ.

Священникъ *Павелъ Руновскій.*

Что может быть предметом ревизіи, при обзорѣни Преосвященными церквей?

Къ предстоящимъ, обыкновенно лѣтомъ совершаемымъ, обзорѣніямъ епархіальными Преосвященными церквей, священникамъ, особенно молодымъ, необходимо точно и опредѣленно знать, что имъ готовить къ ревизіи. Вотъ перечень предметовъ, какіе будутъ ревизуемы Преосвященнымъ Никаноромъ, епископомъ, Херсонскимъ, при обзорѣни Его Преосвященствомъ церквей¹⁾.

1) Благоустройство церквей, молитвенныхъ домовъ и кладбищъ.

2) Своевременность, уставность и благочиніе отправленія церковныхъ службъ и такъ называемыхъ требъ.

3) Состояніе церковной проповѣди въ связи съ умственно-религіознымъ развитіемъ дѣтей въ обзорѣваемыхъ приходахъ.

4) Состояніе церковной ризницы и библіотеки.

5) Веденіе церковныхъ документальныхъ книгъ, именно: прихода-расходныхъ, метрическихъ, обыскныхъ и кружечныхъ.

6) Способы храненія церковныхъ суммъ.

7) Веденіе церковной лѣтописи.

8) Внѣшній семейно-домашній бытъ духовенства.

9) Состояніе церковно-приходскихъ школъ во всѣхъ отношеніяхъ.

10) Положеніе преподаванія закона Божія въ народныхъ училищахъ и отношеніе учащихся православныхъ дѣтей къ церкви.

11) Составъ и дѣятельность церковно-приходскихъ почительствъ въ связи съ церковно-приходскими благотворительными учрежденіями.

Сверхъ сего Его Преосвященствомъ обращено будетъ особенное вниманіе на тѣхъ членовъ въ составѣ причтовъ, обзорѣваемыхъ

¹⁾ Херсонск. Епарх. Вѣдомости № 7.

церквей, которые неудовлетворительно аттестуются по поведенію и служебной исправности, преимущественно же по исполненію законоучительской обязанности, которые также состоятъ, или въ послѣднее пятилѣтіе состояли подъ дознаніемъ, слѣдствіемъ и судомъ.

Кромѣ того настоятели всѣхъ церквей, подлежащихъ предпринимасмому обзорѣ, обязаны заблаговременно приготовить и при посѣщеніи подвѣдомыхъ имъ приходовъ представить Его Преосвященству краткія историческія записки о своихъ церквахъ и приходахъ, въ частности о церковно-приходскихъ школахъ и попечительствахъ съ присоединеніемъ и статистическихъ свѣдѣній за послѣдніе годы о числѣ родившихся, бракомъ сочетавшихся, умершихъ, бывшихъ и не бывшихъ у исповѣди и св. причастія, о числѣ отпадшихъ и присоединившихся къ церкви, о числѣ грамотныхъ и неграмотныхъ, о числѣ раскольниковъ и сектантовъ въ предѣлахъ мѣстности даннаго прихода, расположивъ эти свѣдѣнія въ таблицахъ, съ распредѣленіемъ ихъ по указаннымъ рубрикамъ.

Назидательныя для пастырей Церкви изреченія св. Отцевъ.

Воины, увлекшись добычею отъ побитыхъ, сами часто погибаютъ подъ мечами уже обращенныхъ—было въ бѣгство непріятелей; презрѣвши свою побѣду и жадно отдавшись корысти, они снова возвращаютъ противъ себя бѣжавшаго врага, снова даютъ ему силу для борьбы, а иногда и для побѣды надъ собою. Также точно и Христовъ воинъ пастырь Церкви ни отъ чего такъ легко не уязвляется и не попадаетъ въ сѣти врага нашего спасенія, какъ отъ страсти корыстолюбія.

Размысли, человѣкъ, —откуда произошло самое названіе твое „человѣкъ“ (homo)? Конечно, отъ земли (ab humo), изъ которой

ты созданъ, и эта-то земля ничего ни укого не отнимаетъ, по щедро надѣляетъ всѣхъ и каждого, производя изъ нѣдръ своихъ многоразличные плоды. Поучись же у ней прежде, чѣмъ „оты-
деши въ землю, отъ нея же взять еси“!

Какъ ты можешь требовать себѣ здѣсь (на землѣ) того, что дается въ другомъ мѣстѣ (на небѣ)? Зачѣмъ спѣшишь просить себѣ вѣнца прежде, нежели окончилъ борьбу и побѣдилъ? Зачѣмъ торопишься стряхнуть съ себя пыль, когда арена для тебя еще открыта? Народъ еще смотреть, борцы еще въ дѣлѣ, а ты уже покоя требуешь?

Изъ Ирмологіона 1794 года.

Аще умъ съ тѣломъ не поестъ, всеу трудъ бываетъ (св. Авва Илія).

Навыкай пѣти, и узриши вещи сладость. Поющій бо Духа исполняются Святаго: яко же воспѣвающіи сатанинскія пѣсни, духа нечистаго (св. Іоаннъ Златоустъ).

Пой яныѣ внимательнѣ въ клѣти,
Яже имани въ Церкви во утріе пѣти.
Сице вси хитропѣвцы творять, и мусныи
И тако составляютъ пречестныя лики.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26 апрѣля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей серебр.

№ 19.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Мая 6-го.

Содержаніе: Что такое проповѣдь?—Лица, готовящіеся къ священству.—
Чтеніе о земной жизни Господа нашего Іисуса Христа и Его воскресе-
ніи.—О крестномъ знаменіи православнаго христіанина.

Что такое проповѣдь?

Вопросъ этотъ повидимому такъ простъ и ясенъ, что не слѣдовало бы и останавливаться на немъ. Но онъ невольно приходитъ въ голову, при чтеніи нѣкоторыхъ изъ появляющихся у насъ въ послѣднее время проповѣдей, побудившихъ и нашу высшую духовную власть принять мѣры къ предупрежденію тѣхъ погрѣшностей, которыя допускаются иногда священниками, въ особенности молодыми, при исполненіи пастырскаго долга проповѣданія¹⁾. Согласно съ ученіемъ Св. Писанія, проповѣдью можетъ быть названо не что либо другое, какъ только возвѣщеніе Слова Божія для спасенія душъ. И какъ бы впрочемъ кто ни

¹⁾ См. Указъ Свят. Синода отъ 7 дек. 1883 г. о преподаваніи священно-служителямъ наставленій относительно проповѣдей по поводу общественныхъ событій или кончины общественныхъ дѣятелей.

понималъ проповѣдь, во всякомъ случаѣ она есть возвѣщеніе, обнимающее собою съ одной стороны то, что возвѣщается т. е. Слово Божіе, а съ другой и то, кому оно возвѣщается, т. е. слушателей, паству или, выражаясь общѣ, души людей. Эти два момента имѣютъ столь существенное значеніе, что они должны входить во всякаго рода проповѣдь, произносится ли она во храмѣ Божіемъ съ церковной кафедры, или въ какомъ либо общественномъ зданіи (предъ избирателями, предъ присяжными засѣдателями, при одрѣ больныхъ и проч.), или подъ открытымъ небомъ (напр. при общественныхъ молебствіяхъ, на могилахъ умершихъ и т. под.). Относительно этого едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе. Но сомнѣніе можетъ возникать касательно взаимнаго отношенія этихъ двухъ моментовъ: находятся ли они въ взаимномъ соподчиненіи, или же должны подчиняться одинъ другому, и какой именно изъ этихъ моментовъ долженъ быть въ подчиненномъ отношеніи къ другому. Конечно, съ правильно понимаемой гомилетической точки зрѣнія не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что въ проповѣди главное значеніе должно имѣть именно Слово Божіе, а не паства. Однако въ настоящее время получаютъ распространеніе совершенно противуположныя воззрѣнія, — современною литературою и жизнію на первый планъ въ проповѣди выдвигается обыкновенно паства, самые слушатели. Пастырямъ Церкви со стороны образованнаго общества нерѣдко предъявляется требованіе: „проповѣдуйте такъ, какъ мы хотимъ“... Невольно вспоминаются тѣ времена, когда народъ говорилъ провозвѣстникамъ Слова Божія: „не пророчествуйте намъ правды, говорите намъ лестное, предсказывайте пріятное, устраните отъ глазъ нашихъ Святаго Израилева“, и отвѣтъ Господа: „такъ какъ вы отвергаете слово сіе, а надѣетесь на обманъ и неправду и опираетесь на то, то беззаконіе это будетъ для васъ какъ угрожающая паденіемъ трещина, обнаружившаяся въ высокой стѣнѣ, которой разрушеніе настанетъ внезапно, въ одно мгновеніе“ (Исаіи 30, 10—13). Вспоминаются и времена Апостоловъ, когда было сказано: „будетъ

время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху и отъ истины отвратили слухъ и обратятся къ баснямъ“ (2 Тим. 4, 3—4). Не похоже ли и наше время на то, которое изображено здѣсь?—Правда, теперь въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ, повидимому, болѣе усердія обнаруживается къ Церкви, къ посѣщенію богослуженія, къ слушанію проповѣдей, нежели нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но чего теперь требуютъ главнымъ образомъ отъ проповѣди? Чистаго ли Слова Божія? Къ сожалѣнію на этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. Въ проповѣди теперь болѣею частію желаютъ слышать что либо пріятное, лестное, утѣшительное, рѣчь о мірскихъ дѣлахъ и научно-философскихъ вопросахъ, занимающихъ современную жизнь, а не рѣчь о грѣхѣ, покаяніи и важнѣйшихъ догматахъ христіанства. Отъ проповѣдниковъ требуютъ силы и оригинальности мысли, изобрѣтательности фантазіи, изящнаго изложенія, блестящаго краснорѣчія, оживленной жестикуляціи, — однимъ словомъ того, чѣмъ интересуется наше общество въ аудиторіяхъ, въ залахъ судовъ, въ театрахъ и т. под. мѣстахъ. Печальное явленіе! Но что еще болѣе прискорбно, такъ это то, что нѣкоторые изъ нашихъ проповѣдниковъ поддаются соблазну привлечь къ себѣ вниманіе слушателей чрезъ удовлетвореніе этимъ требованіямъ и въ ущербъ Слово Божію, оправдывая себя тѣмъ, что въ виду нравственно-религіозныхъ нуждъ нашего свѣтскаго общества, въ виду столь часто обнаруживающагося въ немъ равнодушія къ вопросамъ вѣры, враждебности къ религіи и даже безбожія, проповѣдникамъ, во что бы то ни стало, слѣдуетъ привлекать слушателей въ церковь. Этому увлеченію подвергаются иногда нѣкоторые даже изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ нашихъ проповѣдниковъ, пользующихся авторитетомъ въ свѣтскомъ обществѣ. Въ своихъ проповѣдяхъ они нерѣдко развиваютъ всю силу и изобрѣтательность своей мысли, всю глубину и многосторонность своихъ познаній изъ разнообразныхъ областей человѣческаго вѣдѣнія, все знаніе современной жизни съ ея интересами,

страстями и пороками, но Слово Божіе въ нихъ служитъ какъ бы едва замѣтнымъ оазисомъ среди безпредѣльной песчаной пустыни. Примѣру ихъ иногда стараются подражать и такіе проповѣдники, которые не обладаютъ ни ораторскимъ талантомъ, ни глубиною и многосторонностію познаній, ни достаточною осторожностію. Выступая судіями вопросовъ и явленій современной жизни, нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ это „не по разуму богопреданнаго ученія, хранимаго Церковію, а по мудрованію человѣческому, по духу своего вѣка“, и обнаруживаютъ наклонность „увлекаться преходящими и случайными мнѣніями и впечатлѣніями, воспринимаемыми въ средѣ волнующагося общества“, какъ это отмѣчено и въ Указѣ Свят. Синода. Но этимъ проповѣдникамъ нельзя отказать по крайней мѣрѣ въ стремленіи къ доброй цѣли, въ желаніи привлечь вниманіе слушателей изъ образованнаго общества. А чѣмъ объяснить то, что даже въ поученіяхъ, предназначенныхъ для простаго народа, иногда какъ бы нарочито нѣкоторые проповѣдники избѣгаютъ прямаго евангельскаго ученія, ограничиваясь развитіемъ положеній общей морали и не приводя текстовъ изъ Библіи не только въ самыхъ поученіяхъ, но даже и во главѣ ихъ, не смотря на то, что самъ народъ нашъ прежде всего ищетъ въ проповѣди „божественнаго“ слова, а не человѣческаго? Это явленіе можно объяснить, кажется, только тѣмъ, что разсматриваемое направленіе проповѣди становится все болѣе какъ бы моднымъ и, находя сочувствіе въ нашемъ свѣтскомъ образованномъ обществѣ, соблазнительно дѣйствуетъ и на тѣхъ проповѣдниковъ, которые имѣютъ предъ собою слушателей, вовсе не раздѣляющихъ подобнаго рода взглядовъ на проповѣдь, и которые слѣдовательно ничѣмъ не могутъ оправдать этого характера своихъ проповѣдей, вслѣдствіе чего церковная кафедра, долженствующая служить мѣстомъ возвѣщенія Слова Божія для спасенія душъ, обращается этими проповѣдниками въ бесплодную говорильню.

Но пусть большинство нашихъ слушателей не интересуется проповѣдями о покаяніи, о борьбѣ со грѣхомъ и діаволомъ и т. под.,—это не дастъ намъ права удовлетворять лишь ихъ вкусу, ихъ требованіямъ. Мы должны не подчиняться своимъ слушателямъ, а просвѣщать и направлять ихъ. Обратимся къ первымъ проповѣдникамъ,—къ пророкамъ, къ апостоламъ и къ нашему божественному Учителю—Иисусу Христу: они возвѣщали лишь то, что имъ было открыто Богомъ, а не то, что нравилось людямъ. „Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали“,—вотъ ихъ лозунгъ. Онъ долженъ оставаться въ силѣ и для проповѣдниковъ всѣхъ временъ. Они должны возвѣщать Слово Божіе, а не слово человѣческое. Наша мысль должна покоиться на словѣ Писанія и на ученіи Церкви, не уклоняясь ни на право, ни на лѣво, не обращая вниманія на то, соответствуетъ ли проповѣдуемое нами ученіе желаніямъ людей или нѣтъ, много ли оно находитъ слушателей или мало. Похвально стремленіе привлекать вниманіе слушателей, но лишь въ томъ случаѣ, когда изъ-за этой цѣли проповѣдникъ не жертвуетъ главною цѣлью проповѣди—спасеніемъ душъ. Эта послѣдняя цѣль можетъ быть достижима лишь чрезъ Слово Божіе, а не человѣческое. Проповѣдникъ долженъ быть служителемъ Слова Божія, а не рабомъ слова человѣческаго. Пусть онъ будетъ имѣть мало слушателей: это не должно приводить его въ отчаяніе,—вѣдь и слово Господа Спасителя и Его Апостоловъ не во всеи выслушивалось и не на всѣхъ производило спасительное дѣйствіе. Онъ долженъ продолжать свое дѣло, возложенное на него божественнымъ Пастыреначальникомъ чрезъ Своихъ преемниковъ, и возлагать надежды не на свои силы, не на свою мудрость, не на свое краснорѣчіе, а на помощь свыше и на ту могущественную силу, которая присуща слову божественной истины.

Проповѣдникъ постоянно долженъ имѣть въ виду свою паству, своихъ слушателей. Это требуется и самымъ понятіемъ о сущно-

сти проповѣди, этому учить также примѣръ Іисуса Христа и Апостоловъ. Евангеліе возвѣщается не на воздухъ, но душамъ людей, чтобы обратить ихъ къ вѣрѣ во Христа и чрезъ это къ правдѣ и благочестію, и если они достигнутъ этого и сдѣлаются истинными членами Церкви Христовой, то сохранить ихъ до конца ихъ жизни въ этой вѣрѣ и благочестивой жизни. Конечно, христіанское общество, которое имѣетъ предъ собою проповѣдникъ, не можетъ быть приравнено къ языческому; но и оно не можетъ быть признано славнымъ, не имѣющимъ порока или пятна, святымъ и безукоризненнымъ. Оно должно еще развиваться и постоянно направляться къ усовершенствованію. Если и всегда среди пшеницы было немало плевелъ, то въ особенности это нужно сказать о нашемъ критическомъ времени,—времени борьбы между добромъ и зломъ, вѣрою и невѣріемъ. Современное общество такимъ образомъ не можетъ служить для проповѣдника идеаломъ всякаго добра, насаждаемаго въ членахъ Церкви Духомъ Божиимъ. Поэтому проповѣдникъ не можетъ почерпнуть основанія своей проповѣди изъ духа современнаго ему общества; но ему предстоитъ еще много труда, чтобы насадить, развить и утвердить въ своихъ слушателяхъ начала истинной вѣры и нравственности, отъ которыхъ постоянно можно встрѣчать уклоненія. И какъ Апостолы постоянно продолжали устно и письменно возвѣщать распятаго и воскресшаго Христа, такъ и на современномъ пастырѣ Церкви постоянно лежитъ обязанность проповѣдническаго служенія,—служенія, а не господствованія, къ которому стремится католическая церковная іерархія. Пастырѣ—проповѣдникъ не долженъ стремиться къ тому, чтобы его паства въ словахъ его слышала Слово Божіе, слово церковное. Онъ долженъ смотрѣть на членовъ своей паствы, какъ на членовъ тѣла Христова, которые получаютъ отъ своего Главы жизнь, силу и освященіе, но которые чрезъ пастырскія наставленія должны обращаться на истинный путь отъ уклоненій съ него и такъ направляться, чтобы и сами они возвѣщали

добродѣтели Того, Кто призвалъ ихъ отъ мрака къ спасительному свѣту, чтобы и они вмѣстѣ съ своими пастырями—руководителями служили проповѣдниками имени Господа. Проповѣдникъ долженъ служить религіозно-нравственнымъ нуждамъ своихъ слушателей. Онъ долженъ примѣняться къ ихъ нравственно-религіозному состоянію, понятіямъ, образованію, языку и т. под. по примѣру Іисуса Христа и Его Апостоловъ, которые обыкновенно сообразовались съ состояніемъ своихъ слушателей, предлагая, по выраженію апостола Павла, однимъ твердую пищу, а другимъ млеко (1 Кор. 3, 1—2), т. е. простѣйшія истины евангельскія. Но онъ долженъ дѣлать это не для того, чтобы подчиняться ихъ требованіямъ и желаніямъ, чтобы возвѣщать „духъ міра сего“ (1 Кор. 2, 12), чтобы „потворствовать господствующимъ въ обществѣ направленіямъ, вкусамъ и мнѣніямъ, суетнымъ и чуждымъ духа христіанскаго“, а для того, чтобы возвышать и облагораживать добрыя качества своихъ слушателей, искоренять господствующіе въ нихъ пороки, уяснять имъ и восполнять область предметовъ боговѣдѣнія.

Проповѣдникъ не долженъ пренебрегать внѣшними средствами рѣчи,—обработкою изложенія и языка, но не долженъ придавать имъ существенное значеніе. Также примѣръ и такой проповѣди дали намъ Іисусъ Христосъ и Его Апостолы, которые возвѣщали „не отъ человѣческой мудрости изученными словами, но изученными отъ Духа Святаго, соображали духовное съ духовнымъ“ (1 Кор. 2, 13), и которые, по изображенію св. Іоанна Златоуста, „оставивъ землю, говорятъ все о небесномъ, предлагая намъ другую жизнь и иной образъ жизни, иное богатство и иную бѣдность, иную свободу и иное рабство, иной животъ и иную смерть, другой міръ и другое общество, все инаковое“ (Бесѣда 1 на еванг. отъ Матѳ.).

Такимъ образомъ только тѣ проповѣди могутъ быть признаны соотвѣтствующими истинному понятію о сущности проповѣди и ея назначеніи, въ которыхъ содержаніе, основанія и руководи-

тельные начала почерпаются изъ единственно-чистаго и животворящаго источника—изъ ученія Св. Писанія и православной Церкви и которыя имѣютъ своею цѣлью спасеніе душъ. Но въ точномъ смыслѣ проповѣдью можетъ быть названа лишь та, въ которой слово служить отраженіемъ души проповѣдника, когда онъ самъ глубоко проникнуть тѣмъ, что говорить, когда у него слово не расходится съ дѣломъ, когда онъ своею собственною жизнію подаетъ примѣръ исполненія того, что онъ проповѣдуетъ, слѣдуя наставленію св. апостола Павла: образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою (1 Тим. 4, 12). Только въ такомъ случаѣ проповѣдь можетъ быть также вполнѣ и для всѣхъ плодотворною.

Н. Д.

¹⁾ См. № 18-й.

²⁾ Кіевъ. 1851. Ч. I, § 44.

³⁾ Pastoral theologie, Benger. 1861. Erstes Buch. §§ 5—30.

Лица, готовящіяся къ священству¹⁾.

Въ ряду побужденій, влекущихъ человѣка къ избранію пастырскаго служенія, ставятъ обыкновенно внутреннее призваніе. Говорятъ часто въ обществѣ: „пустъ тотъ только готовится къ принятію священническаго служенія, кто чувствуетъ внутреннее призваніе къ нему. А готовить къ священству людей не призванныхъ—дѣло напрасное, не обѣщающее добрыхъ плодовъ: или они откажутся отъ того служенія, къ которому готовятся, не чувствуя призванія, и такимъ образомъ даромъ пропадетъ трудъ приготовленія, или изъ нихъ, когда они примутъ это служеніе, выдутъ не пастыри, а пасмники“. О необходимости призванія къ священству считаютъ долгомъ говорить многія и изъ тѣхъ сочиненій, которыя излагаютъ болѣе или менѣе полное ученіе о пастырскомъ служеніи, напримѣръ: пастырское богословіе Антонія, въ послѣдствіи архіепископа Казанскаго²⁾, и пастырское богословіе Бенгера³⁾.

¹⁾ См. № 18-й.

²⁾ Кіевъ. 1851. Ч. I, § 44.

³⁾ Pastoral theologie, Benger. 1861. Erstes Buch. §§ 5—30.

Призваніе къ священству—великое дѣло. И кто бы не желалъ, чтобы въ числѣ лицъ, готовящихся къ пастырскому служенію, были только званые отъ Бога или чувствующіе непреодолимое влеченіе къ избранію этого рода служенія? Но въ толкахъ объ этомъ призваніи много неопредѣленности, и трудно изъ этихъ толковъ вывести ясныя и твердыя правила для пракческаго руководства въ жизни. Какъ скоро мы изъ области отвлеченныхъ представленій о призваніи къ священству переходимъ на практическую, житейскую почву, то встречаемъ большія, почти непреодолимыя затрудненія къ тому, чтобы возвести эти представленія на степень закона, требующаго непремѣннаго приложенія къ жизни. Дѣло въ томъ, что чрезвычайныя призванія, съ непобѣдимой силою влекущія человѣка къ служенію, исполняемому пастырями Церкви, весьма рѣдки. Только въ особенныхъ случаяхъ и для цѣлей особенно важныхъ Богу, угодно бываетъ чрезвычайнымъ образомъ открывать Свою волю, призывающую того или другаго избранника къ принятію на себя указуемаго ему служенія, какъ это было напримѣръ при избраніи Самуила, пророка Іереміи или апостола Павла. Что касается обыкновеннаго призванія, какъ его разумѣютъ въ обыденномъ языкѣ, то это вещь не легко узнаваемая. Какъ увѣриться въ призваніи того или другаго лица къ священству людямъ постороннимъ, хотя и близко поставленнымъ къ этому лицу? Какъ увѣриться въ немъ самому призываемому, особенно въ годы юности, когда начинается приготовленіе молодаго человѣка къ тому или другому роду служенія? Признать ли свидѣтельствомъ призванія желаніе извѣстнаго лица принять священническое служеніе? Но простое желаніе само по себѣ еще не есть признакъ призванія: въ немъ могутъ совмѣщаться разнородные элементы, представленіе удобствъ жизни, соединенныхъ съ священническимъ служеніемъ, спокойствія, чести, имъ доставляемыхъ; оно можетъ вырастать изъ расчетовъ тщеславія или матеріальнаго обезпеченія. Тѣмъ болѣе затруднительно придавать вѣсъ и большее зна-

ченіе этому желанію въ годы юношескаго броженія, когда желанія еще не успѣли отвердѣть и опредѣлиться и могутъ быть крайне неустойчивы и измѣнчивы. Гораздо больше основанія видѣть признакъ призванія къ священству въ благочестивомъ настроеніи извѣстнаго юноши. Но и благочестивое настроеніе не можетъ служить непремѣннымъ признакомъ призванія къ священству того или другаго лица. Во первыхъ трудно вѣрить его неизмѣнной твердости въ годы юности; во вторыхъ искреннее, глубокое благочестіе сколько можетъ возбуждать въ человѣкѣ желаніе священства, столько же можетъ и отвлекать отъ него, представляя трудность и тяжелую отвѣтственность этого званія, какъ это мы видимъ на примѣрѣ св. Іоанна Златоуста, св. Григорія Богослова, св. Ефрема Сирина и другихъ, старавшихся уклониться отъ священства; въ третьихъ настоящее благочестіе не любитъ выставять себя на показъ, и людямъ, заправляющимъ волею юноши или властью имѣющимъ, нельзя руководиться расчетами на благочестіе, которое можетъ быть кажущимся, при опредѣленіи того, кого считать призваннымъ къ священству и кого не призваннымъ. А между тѣмъ благочестіе—наиболѣе подходящая и замѣтная черта, могущая свидѣтельствовать о томъ, что обыкновенно называютъ призваніемъ къ священству. И жалъ, что на эту черту въ нашей практикѣ не обращаютъ подобающаго вниманія, когда судятъ о людяхъ, способныхъ быть достойными служителями Божиими. Обращаютъ вниманіе на теоретическія способности и знанія лицъ, предназначенныхъ къ священству, а о ихъ благочестіи почти не спрашиваютъ,—отъ кандидатовъ священства требуютъ объективнаго, теоретическаго знанія религіи, а не субъективнаго воплощенія закона вѣры и жизни, и это отъ того, что благочестіе не можетъ быть предметомъ испытанія.

Системы пастырскаго богословія, когда говорятъ о призваніи, не указываютъ никакихъ признаковъ внутренняго призванія, какъ силы, опредѣляющей волю человѣка къ избранію священ-

наго сана. Преосвященный Антоній въ § о необходимости призванія къ священству выставляетъ положеніе, по которому „пастырь Церкви долженъ быть непременно свыше призванъ и законно избранъ и посвященъ Церковію на сіе служеніе: и это составляетъ необходимѣйшее условіе къ полученію священнаго сана“¹⁾. Но вся суть его разсужденій и опредѣленій по этому предмету заключается во второмъ пунктѣ этого положенія и, минуя призваніе, какъ внутреннее дѣло, сводится къ рѣчи о внѣшнемъ призваніи, т. е. о законномъ посвященіи отъ архіерея. Правда, у него есть § (47) о „признакахъ призванія (къ священству) въ настоящее время“²⁾. Но эти признаки опредѣлены далеко не мѣтко, и въ рѣчи о нихъ смѣшано призваніе внѣшнее съ призваніемъ внутреннимъ. Этими признаками у него считаются: „а) происхожденіе изъ духовнаго званія, б) образованіе во всѣхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ училищахъ, и надлежащее одобреніе въ способностяхъ, успѣхахъ и поведеніи, в) внутреннее расположеніе и любовь къ священству и г) воля мѣстнаго епископа, который окончательно испытываетъ кандидата священства, одобряетъ, и призваніе и избраніе запечатлѣваетъ торжественнымъ рукоположеніемъ“. Само собою понятно, что здѣсь не исчерпанъ и не уясненъ вопросъ о призваніи, какъ силѣ, располагающей человѣка готовится къ священническому служенію и нескать. И если какой признакъ можетъ относиться къ указанію присутствія въ человѣкѣ этой силы, то развѣ третій, то есть внутреннее расположеніе и любовь къ священству. Но по нему одному нельзя судить о дѣйствительности призванія.

У Бенгера цѣлая книга о призваніи къ священству, но при всей длиннотѣ разсужденія объ этомъ предметѣ нѣтъ ясныхъ указаній признаковъ призванія, по которымъ бы самъ призванный или другіе могли увѣриться въ дѣйствительности призванія. Онъ

¹⁾ Паст. богосл., ч. I, стр. 61—2.

²⁾ Стр. 66—7.

говорить въ трактатѣ о призваніи о томъ, что рѣшеніе Божіе о призваніи къ духовному служенію 1) полезно для общаго блага Церкви, 2) полезно для честнаго человѣка, или для самаго призываемаго лица, 3) и не только спасительно, но и необходимо, 4) необходимости призванія учать отцы, и его легко узнать изъ высоты и трудности священническаго служенія, и 5) вступленіе въ духовное званіе безъ призванія опасно для этой жизни и для жизни вѣчной. Все это вѣрно. Но какъ открывается божественное призваніе? Какъ безошибочно узнать его? На это нѣтъ положительнаго, опредѣленнаго отвѣта, и вмѣсто уясненія внутренняго призванія все сводится къ слову на то виѣшнее призваніе, которое узаконено Церковію и которое состоитъ въ избраніи и рукоположеніи ищущаго священство чрезъ высшую епископскую власть Церкви.

Не для укоризны и порицанія мы указали на неопредѣленность разсужденій о призваніи въ системахъ пастырскаго богословія, заслуживающихъ всякаго уваженія, а въ подтвержденіе того, что призваніе къ священству, какъ внутреннее возбужденіе души,—вещь трудная и болѣе или менѣе сокровенная, нелегко отличимая даже такими лицами, которыя нарочито думали о немъ и нарочито старались опредѣлить его признаки. Мы желаемъ, чтобы къ священству готовились и принимали священный санъ одни призванные къ тому. Но кто укажетъ намъ этихъ призванныхъ и кто отличить ихъ отъ непризванныхъ? И гдѣ несомнѣнное свидѣтельство этого призванія для самаго человѣка, желающаго готовиться къ служенію священника? Тѣмъ труднѣе предназначать людей готовиться къ священству, что приготовленію естественно начинаться въ юные годы, когда у человѣка бродятъ разныя желанія, и онъ не можетъ дать яснаго отчета въ томъ, къ чему болѣе склонна его природа.

Но если нельзя точно и безошибочно узнавать призваніе человѣка къ священству въ юные годы, то нельзя совершенно отказаться отъ мысли—замѣчать въ томъ или другомъ юношѣ

годность и предрасположенность къ духовному служенію и соотвѣтственно тому направлять его волю. Родители и воспитатели юношества должны быть крайне внимательны къ настроенію и свойствамъ характера того или другаго лица, и если въ комъ-либо замѣчаютъ склонности, не совѣмъ гармонирующія съ строгимъ служеніемъ священника, ихъ долгъ не привлекать ихъ къ священству, а отклонять ихъ отъ него; а если они уже вступили на путь приготовленія къ служенію пастыря Церкви, для ихъ пользы и для пользы Церкви нужно заблаговременно указывать имъ, что они вступаютъ не на свою дорогу, что имъ лучше избрать другой родъ служенія и дѣятельности, болѣе соотвѣтственный ихъ характеру и склонностямъ. Такъ напримѣръ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отклонять отъ священства тѣхъ юношей, у которыхъ замѣчается слишкомъ рѣзвый и вѣтренный характеръ, которые заявляютъ чувствennyй цинизмъ въ бесѣдѣ, любятъ разгулъ въ жизни и обнаруживаютъ предрасположеніе къ спиртнымъ напиткамъ, у которыхъ замѣтна склонность къ свѣтскимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, у которыхъ нѣтъ охоты и усердія къ молитвѣ, которые удаляются отъ богослуженія, не любятъ чтенія богословскихъ и религіозныхъ книгъ и т. под. У насъ часто въ семинаріяхъ, особенно въ прѣжнее время, принудительными и крутыми мѣрами старались дѣйствовать на преобразование характера юноши, поставляемаго на дорогѣ, ведущей къ священству, если замѣчали въ немъ склонности, нежелательныя или мало терпимыя въ кандидатѣ священства, и нерѣдко доводили до конца курсъ людей, не предрасположенныхъ къ пастырскому служенію, и тѣмъ давали имъ право просить себѣ священническаго мѣста. Едва ли это согласно съ требованіями здравой педагогикі. Конечно, умный и внимательный воспитатель испробуетъ благія мѣры, предписываемыя ему его благоразуміемъ и любовію къ юношѣ, чтобы подавить въ немъ задатки дурныхъ расположеній и навыковъ и образовать характеръ, достойный служителя Церкви. Но если эти мѣры не дѣйствуютъ, онъ посо-

вѣтуеть имъ оставить мысль о священствѣ и готовиться къ другому поприщу жизни, на которомъ ихъ характеръ и расположенія не будутъ подавать повода къ соблазнамъ, и на которомъ они больше принесутъ пользы. Пусть люди съ такими расположеніями заявятъ отличныя теоретическія способности и по успѣхамъ будутъ считаться въ числѣ лучшихъ учениковъ; это не должно побуждать умнаго воспитателя насильно удерживать ихъ на томъ поприщѣ, для достойнаго прохожденія на которомъ требуется не одно теоретическое знаніе, не одинъ умственный талантъ, но и строгая нравственная выдержка. По свидѣтельству неоднократнаго опыта, когда выходили въ священники люди съ указанными свойствами,—они и сами тяготились тѣмъ званіемъ, какое на себя приняли, роптали на тѣ ограниченія, какія налагаетъ на нихъ это званіе, безъ усердія исполняли свои пастырскія обязанности, въ священное дѣло не влагали требуемаго теплаго, церковно-религіознаго духа, и въ жизни своей дозволяли себѣ вещи, унижающія санъ священника.

Къ приготовленію къ священству должны быть предрасполагаемы тѣ юноши, у которыхъ замѣчается строгій, степенный характеръ, избѣгающій всякой пошлости и вольности въ общеніи, всякаго неприличія и цинизма въ бесѣдѣ и поведеніи,—которые выказываютъ благоговѣйное уваженіе ко всему священному и не позволяютъ себѣ отрицательно и критически относиться къ великимъ дѣламъ и подвигамъ, о которыхъ повѣствуютъ намъ церковныя сказанія и гражданскія лѣтописи,—которыхъ трогаютъ несчастія и страданія людей и у которыхъ проявляется теплая любовь къ своимъ близкимъ и товарищамъ, готовая на всякія услуги и самопожертвованіе, и которые владѣютъ болѣе или менѣе стойкою и энергическою волею: въ юношѣ, правильно настроенномъ, эта энергія воли обнаруживается не въ своеволіи, которое есть признакъ слабости и нетвердости воли, а въ строгомъ соблюденіи дисциплины, въ неуклонномъ повиновеніи тому закону, который выставляется для него какъ правило жизни

Церковію ли, гражданскимъ ли обществомъ или предписаніями непосредственнаго начальства. Мы не говоримъ уже объ усердіи къ церкви, богослуженію и молитвѣ и о расположеніи къ заванію религіозными предметами, какъ первомъ необходимомъ признакѣ, общающемъ благонадежнаго кандидата священства, на который нужно обращать особенное вниманіе при выборѣ людей, располагаемыхъ къ принятію священнаго сана. Это разумѣется само собою и предполагается самымъ существомъ дѣла. Но мы допустили бы преувеличеніе, еслибы стали требовать отъ юноши, только зачисляемаго въ кандидаты священства, исключительнаго сосредоточенія на религіозныхъ предметахъ и аскетическаго благочестія, пренебрегающаго всеми житейскими интересами для угожденія Богу. Исключительное сосредоточеніе на религіозныхъ предметахъ—слѣдствіе высшей духовной зрѣлости, а оно не можетъ принадлежать годамъ развитія и воспитанія еще не сложившагося ума и характера: въ эти годы оно можетъ быть преждевременною и опасною односторонностію, которая не выдержитъ испытанія времени и давленія случайныхъ противодѣйствующихъ вліяній и легко можетъ исчезнуть или превратиться въ противоположную крайность, какъ показываетъ опытъ. Равнымъ образомъ и высшее благочестіе, въ Богѣ сосредоточивающее все свои помыслы и думающее только о благоугожденіи Ему—подвигъ избранныхъ и утвердившихся натуръ, выдержавшихъ болѣе или менѣе продолжительный искусъ. Въ молодые годы, годы воспитанія, пусть дѣйствуютъ и развиваются все добрыя естественныя стремленія, и если среди разнообразія ихъ видное мѣсто занимаетъ религіозная потребность, которая побуждаетъ юношу охотно и свято исполнять то, что велитъ Церковь,—этого достаточно для того, чтобы съ болѣе или менѣе вѣрнымъ расчетомъ держать юношу на пути, ведущемъ къ священству и сообщать ему образованіе, необходимое для пастыря Церкви.

При выборѣ кандидатовъ священства нельзя совершенно опускать изъ вида и тѣлесныя качества избираемаго. Въ Вет-

хомъ Завѣтъ отъ священника требовалось нѣкоторое внѣшнее благообразіе, и къ служенію въ скинии или къ исполненію священническихъ обязанностей не допускался тотъ изъ сыновъ Левитинныхъ, который имѣлъ на тѣлѣ видимый тѣлесный порокъ. Въ книгѣ Левитъ мы читаемъ: рече Господь къ Моисею, глаголя: рцы ко Аарону, глаголя: человекъ отъ рода твоего въ родѣхъ вашихъ, аще коему будетъ на немъ порокъ, да не приступитъ приносить дары Бога своего. Всякъ человекъ, ему же аще будетъ на немъ порокъ, да не приступитъ: человекъ слѣпъ, или хромъ, или корпосый, или ухорѣзанъ, или человекъ, ему же есть сокрушеніе руки, или сокрушеніе ноги, или горбать, или гноеточивъ очима, или вельмоочень, или человекъ, на немъ же суть красты дивія, или лишай, или единоотрый. Всякъ, ему же аще будетъ на немъ порокъ отъ сѣмене Аарона жерца, да не приступитъ принести жертвъ Богу твоему, зане порокъ на немъ: даровъ Божіихъ да не приступитъ приносить. Дары Бога своего святая святыхъ, и отъ святыхъ да сѣсть. Обаче къ завѣсѣ да не приступитъ, и ко олтарю да не приблизится, яко порокъ имать: и да не осквернитъ святилища Бога своего (Лев. XXI, 16—23). Новый Завѣтъ снисходительнѣе смотритъ на тѣлесныя недостатки, замѣчаемые въ томъ или другомъ человекѣ. По возрѣніямъ новозавѣтной Церкви, тѣлесный порокъ или недостатокъ, не зависящій отъ воли человека, не можетъ считаться скверною, не допускающею человека до принятія священнаго сана. Аще кто лишенъ ока, или въ ногахъ поврежденъ (говорить 77-е Апостольское правило), но достоинъ быти епископъ: да будетъ. Ибо тѣлесный недостатокъ его не оскверняетъ, но душевная скверна. Тѣлесный порокъ или недостатокъ церковными правилами тогда

только поставляется въ числѣ условій, препятствующихъ къ достиженію священнаго сана, когда онъ имѣаетъ или не даетъ возможности человѣку совершать, какъ слѣдуетъ, то или другое изъ дѣйствій, возлагаемыхъ на служителя Божія. Когда Церковь ограничиваетъ пріемъ людей съ тѣлесными недостатками въ составъ церковнаго священноначалія, она имѣетъ въ виду не внѣшнее благообразіе, а удобство или совершенство выполненія всѣхъ обязанностей и дѣйствій, возлагаемыхъ на священника. Глухой же и слѣпый (постановляетъ 78-е Апостольское правило) да не будетъ епископъ, не аки бы оскверненъ былъ, но да не будетъ препятствія въ дѣлѣхъ церковныхъ. По смыслу этого правила, не можетъ быть допускаемъ къ священству человѣкъ, у котораго повреждены члены тѣла и органы чувствъ, необходимые для совершенія таинствъ и вообще богослужебныхъ дѣйствій. Не только слѣпой или глухой не долженъ быть включаемъ въ списокъ кандидатовъ священства, но и тотъ, у котораго повреждена правая рука и нѣтъ хотя одного изъ пальцевъ, слогаемыхъ для преподаванія обыкновеннаго священническаго благословенія, а также и тотъ, у котораго заикающійся или слишкомъ картавый языкъ, не могущій внятно произносить слова, какія влагаетъ въ уста священника Церковь при богослуженіи, и какія могъ бы внушить ему долгъ пастыря—учителя. Нельзя допускать къ священническому служенію человѣка, одержимаго падучею болѣзнію: хроническій припадокъ этой болѣзни можетъ случиться во время совершенія литургіи или другаго таинства, и тогда невольно нарушается чинъ таинства; застигнутый внезапно болѣзненнымъ припадкомъ можетъ выбросить изъ рукъ св. чашу и разлить св. дары, и этимъ будетъ оскорблена святыня, предъ которою съ благоговѣніемъ преклоняется всякій вѣрующій. Бываютъ люди (хотя такихъ не много), которые не могутъ выносить куренія ладана, и у которыхъ кружится голова отъ еяіама кадилааго, особенно при обильномъ его употребленіи; бываютъ и такіе, кото-

рымъ не пріятенъ и противенъ вкусъ винограднаго вина. Эти недостатки сами по себѣ не значительны; но отъ нихъ можетъ быть препятствіе въ служеніи для того, въ комъ они замѣчаются. Потому имѣющему ихъ не слѣдуетъ искать священства. Мы не имѣемъ въ виду со всею полнотою и точностію перечислять всѣ тѣлесныя недостатки, могущіе служить препятствіемъ къ достиженію священническаго служенія. Но мы считали излишнимъ нѣсколькими примѣрами разъяснить то начало, какимъ руководится Церковь, когда предписываетъ обращать вниманіе и на тѣлесную сторону предъизбираемаго въ священники.

Желательно въ кандидатѣ священства болѣе или менѣе удовлетворительное здоровье, которое бы дѣлало для него возможною напряженную работу и давало ему возможность выдерживать продолжительныя бдѣнія, часто требуемыя тѣмъ служеніемъ, къ которому онъ готовится. Но слабое тѣлосложеніе не можетъ быть препятствіемъ къ достиженію священнаго сана: слабое тѣлосложеніе можно укрѣпить, и его можетъ замѣнить, какъ часто и замѣняетъ, духовная энергія.

Чтеніе о земной жизни Господа нашего Ісуса Христа и Его воскресеніи.

(Для вѣчебногослужебнаго чтенія).

Открывая наши чтенія на этихъ послѣ-пасхальныхъ недѣляхъ, когда еще слышится намъ въ св. храмахъ радостная пѣнь воскресенія— „Христосъ воскресъ“..., начнемъ ихъ чтеніемъ о Господѣ нашемъ Ісусѣ Христѣ, Его земной жизни и Его славномъ воскресеніи.

Славнымъ, свѣтлымъ называется воскресеніе Христово. Въ немъ особенно открылась слава Божественнаго величія Христа, увѣряющая сердце наше, что жившій на землѣ въ смиренномъ

образъ чловѣка, пострадавшій и умершій за насъ на крестѣ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, есть Господь и Богъ нашъ, пришедшій въ міръ, чтобы спасти насъ грѣшныхъ, даровать жизнь вѣчную, блаженство вѣчное. Напомямъ въ нашемъ чтеніи прежде о томъ, какъ слава Божественнаго величія Іисуса Христа просвѣчивала, просіявала и въ другихъ событіяхъ и дѣлахъ Его земной жизни, увѣчанной славой Его воскресенія. Напомямъ все это словами св. Евангелія, приводитъ только немногія изъ этихъ святыхъ словъ въ надеждѣ, что, какъ христіане, вы сами припомянете и прочія слова, слышавъ ихъ въ Церкви, или читавъ дома.

За тысячи и сотни лѣтъ до Христа древніе св. патріархи и пророки, по вдохновенію Божію, предсказали о пришествіи въ міръ Христа Спасителя, Его рожденіи, крещеніи, ученіи, чудесахъ, страданіяхъ, смерти и воскресеніи, словомъ о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ Его жизни, наконецъ и о томъ, когда наступитъ самое время явленія Его на землѣ, опредѣленное Богомъ.

Когда наступило это время, и люди вѣрующіе уже чаяли пришествія Христа Избавителя, посланъ былъ отъ Бога ангелъ Гавріилъ въ городъ Назаретъ, въ домъ, гдѣ жила Пресвятая Дѣва Марія, бывшая изъ царскаго племени Давидова, но жившая теперь въ бѣдности и безвѣстности. Представъ ей, небесный вѣстникъ сказалъ: „радуйся, благодатная! Господь съ Тобою; благословенна Ты въ женахъ“. Она же, увидѣвъ его, смутилась отъ словъ его и размышляла, что бы это было за привѣтствіе. И сказалъ Ей ангелъ: „не бойся Марія, Ты обрѣла благодать у Бога. И вотъ зачнешь во чревѣ и родишь Сына и наречешь имя Ему: Іисусъ. Онъ будетъ великъ и наречется Сыномъ Божіимъ..., и будетъ царствовать во вѣки, и царствію Его не будетъ конца“. Марія сказала ангелу: „какъ будетъ это, когда я мужа не знаю“? Ангелъ сказалъ ей въ отвѣтъ: „Духъ Святый найдетъ на Тебя, и сила Вышняго осѣнитъ Тебя; посему рождаемое Святое Дитя наречется Сыномъ Божіимъ... У Бога не останется

бесильнымъ какое слово“. Тогда Марія сказала: „Я раба Господня; да будетъ Мнѣ по слову твоему“. И отошелъ отъ Ней ангель. Такъ совершилась великая тайна благовѣщенія, по которому названъ и церковный праздникъ 25 марта.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того Пресвятая Дѣва, уже носившая въ Себѣ Св. Дитя, была, по устроению Божію, обручена старцу Іосифу, бывшему также изъ царскаго племени Давидова, но также, какъ и Марія, бѣдному, простому плотнику, но человѣку праведному, чтобы онъ былъ хранителемъ Непорочнои Дѣвы и мнимымъ, т. е. названнымъ отцемъ имѣющему родиться отъ Ней Святому Младенцу. Ангель Господень явился во снѣ Іосифу и сказалъ: „Іосифъ, сынъ, т. е. потомокъ Давида! Не бойся принять Марію жену твою; ибо родившееся въ Ней есть отъ Духа Святаго. Родить же Она сына и наречешь имя Ему Іисусъ, ибо Онъ спасетъ людей Своихъ отъ грѣховъ ихъ“. Іосифъ поступилъ, какъ повелѣлъ ему ангель, и принялъ Марію въ домъ свой, какъ жену, свято храня ея дѣвство.

Въ ту пору вышло отъ Римскаго Кесаря Августа повелѣніе сдѣлать перепись народа по всей землѣ. И пошли все записываться, каждый въ свой родной городъ; Іосифъ и Марія пошли изъ Назарета въ Вифлеемъ, городъ предка ихъ царя Давида, чтобы записаться здѣсь. Для той же переписи множество стекло тутъ народа; заняты были дома и гостиницы; Іосифъ и Марія не нашли себѣ мѣста въ домѣ, и пріютились въ вертепѣ, т. е. въ пещерѣ, гдѣ останавливались самые бѣдные люди. Здѣсь Дѣва Марія ночью родила Святаго Младенца и, спеленавъ Его, положила въ ясли на сѣнѣ. Въ такомъ-то земномъ убожествѣ родился Господь Іисусъ; но безконечно выше всякаго земнаго величія, богатства и славы была слава съ неба, озарившая Его рожденіе! Ангель Господень возвѣстилъ о Немъ Вифлеемскимъ пастырямъ, сказавъ: „возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всемъ людямъ; ибо нынѣ родился вамъ Спаситель, Который есть Христосъ“... Съ ангеломъ явилось потомъ и много-

численное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: „слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ и въ челоуѣкахъ благоволеніе“. Славили Бога и пастыри Вифлеемскіе, увидѣвшіе, по указанію ангела, рожденнаго Младенца. На землѣ только этимъ смиреннымъ пастырямъ дано было видѣть родившагося Младенца въ самый день Его рожденія. Но весь міръ христіанскій свято чтитъ этотъ день—радостный день Рождества Христова 25 декабря.

Въ сороковый день по рожденіи Младенецъ Іисусъ прине- сенъ Марією и Іосифомъ въ Іерусалимъ, въ храмъ, какъ требовалъ законный обрядъ. Здѣсь, по вдохновенію Божію, срѣтилъ Его святой старецъ Симеонъ, которому Духомъ Святымъ было обѣщано, что онъ не увидитъ смерти, пока не увидитъ Христа. Взявъ на руки Божественнаго Младенца, Богопріінецъ Симеонъ, благословилъ Бога и сказалъ: „нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, съ миромъ. Ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ, и въ славу народа Твоего Израиля“. Кто съ вѣрою и благоговѣніемъ читаетъ или слушаетъ св. Евангеліе, тотъ можетъ уразумѣть эти дивныя и глубокія слова старца, также и другія, читаемыя въ св. Евангеліи о семъ Срѣщеніи Господнемъ, празднуемомъ 2 февраля. Послѣ старца Симеона прославили срѣтеннаго имъ Младенца и жившая при храмѣ 84 лѣтняя вдова, праведная Анна пророчица и говорила о Немъ всѣмъ, ожидавшимъ спасенія.

Храня благоговѣнно въ сердцѣ все то, что слышали въ храмѣ о своемъ Младенцѣ, Іосифъ и Марія тихо возвратились въ Вифлеемъ и поселились уже въ домѣ. Тутъ увидѣли они новое знаменіе о своемъ дивномъ Младенцѣ. Издалека съ востока пришли волхвы, т. е. мудрецы въ Іерусалимъ и спрашивали: „гдѣ родившійся Царь Іудейскій? Ибо мы видѣли звѣзду Его на востокѣ и пришли поклониться Ему“. Услышавъ это злой Иродъ и смутился, думая, что родившійся царь—царь земной и отвиметь

у него царство. Собравъ первосвященниковъ и книжниковъ, онъ спросилъ: гдѣ должно родиться Христу? Они отвѣчали: въ Вифлеемѣ, какъ написано у пророка. Иродъ отпустилъ волхвовъ, сказавъ, чтобы они, когда узнаютъ о Младенцѣ, извѣстили и его, лукаво увѣряя, будто и самъ онъ хочетъ поклониться Ему. Волхвы пошли,—и вотъ звѣзда, которую видѣли они на востокѣ, шла передъ ними, какъ наконецъ пришла и остановилась надъ домомъ, гдѣ былъ Младенецъ. Возрадовались они, вошли въ домъ, увидѣли Младенца съ Матерію Его и, падши, поклонились Ему и принесли дары: золото, ладанъ и смирну. Богъ открылъ имъ, чтобы они не возвращались къ Ироду, и они другимъ путемъ отошли въ свою страну. И когда отошли, ангелъ Господень явится во снѣ Іосифу и говоритъ: „встань, возьми Младенца и Матерь Его и бѣги въ Египетъ и будь тамъ, доколѣ скажу тебѣ; ибо Иродъ хочетъ искать Младенца, чтобы погубить Его“. Іосифъ всталъ, взялъ Младенца и Матерь Его ночью и пошелъ въ Египетъ. Тамъ оставалось, хранимое Богомъ, св. семейство, и по смерти Ирода возвратилось и поселилось въ Назаретъ.

Здѣсь въ безвѣстности возрасталъ Младенецъ Іисусъ, укрѣпляясь духомъ и исполняясь премудростію, и благодать Божія была на Немъ. На 12 году возраста Іисуса особеннымъ образомъ явлена была исполнявшая Его мудрость. Ходилъ Онъ съ Матерію и Іосифомъ въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. По окончаніи праздника, Іосифъ и Марія возвращались домой, а отрокъ Іисусъ остался въ Іерусалимѣ. Родители не замѣтили сего, думали, что идетъ съ другими богомольцами. Но потомъ, не найдя Его здѣсь, возвратились въ Іерусалимъ и чрезъ три дня нашли Его во храмѣ. Онъ сидѣлъ среди учителей іудейскихъ, слушалъ ихъ, спрашивалъ и отвѣчалъ. И все удивлялись разуму и отвѣтамъ Его. Удивились и родители Его; но Онъ предугадалъ имъ на нѣчто еще болѣе дивное и таинственное: на Свое призваніе, какое имѣетъ Онъ отъ Отца небеснаго.

Еще не могли и понять сего Іосифъ и Марія, слагавшая только въ сердцѣ своемъ чудныя слова Сына. Возвратясь съ ними въ Назаретъ, Іисусъ продолжалъ жить въ повиновеніи Іосифу и Маріи, въ смиренныхъ трудахъ съ ними, преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и у человѣковъ.

На 30 году жизни Господь Іисусъ выступаетъ на торжественное служеніе міру. О Немъ уже возвыщаль тогда Іоаннъ, Его Предтеча и Креститель. Онъ говорилъ: „покайтесь, ибо близко царство Божіе; приготовьте путь Господу и узрите вси спасеніе Божіе. Я крещу васъ водою для покаянія, но идетъ за мною сильнѣйшій меня, у котораго я недостоевъ, наклонясь, развязать ремень обуви Его. Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ. Онъ Агнецъ Божій, приемиющій на Себя грѣхи всего міра“. И вотъ приходитъ и Господь Іисусъ къ Іоанну на Іорданъ для крещенія. Со страхомъ сказалъ Ему Іоаннъ: „мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко Мнѣ“? Но Іисусъ сказалъ ему: „такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду“. Онъ далъ разумѣть, что Ему должно креститься, чтобы освятить Собою крещеніе для всѣхъ людей. Когда, крестившись, Іисусъ выходилъ изъ воды, небо отверзлось и низшелъ на Него Духъ Святой въ видѣ голубя, и слышанъ былъ голосъ съ неба: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“. Послѣ крещенія Господь Іисусъ удаляется въ пустыню, постится сорокъ дней и ночей, терпѣть искушеніе отъ діавола, являя намъ примѣръ терпѣнія и преданности волѣ Божіей, но являя также и Свою силу въ побѣдѣ надъ человѣческою природою, требовавшею пищи, и надъ искушеніями сатаны, по удаленіи котораго сошли ангелы Божіи и служили Господу.

Изъ пустыни Господь исходитъ на проповѣдь евангелія. Евангеліемъ, т. е. благовѣстіемъ называется Его святое и небесное ученіе, ибо это было ученіе о безконечной любви Отца небеснаго, посланнаго въ міръ Сына Своего, чтобы спасти и просвѣтить людей, вселить въ нихъ вѣру, надежду и любовь, и уврачевать

ихъ немощи, искупить грѣхи, обновить духовныя силы ихъ, направить ихъ къ чистотѣ и святости, къ добру и правдѣ, и всѣхъ призвать къ царствію Божію и блаженству вѣчному. Всему этому училъ Христосъ, училъ всѣхъ повсюду: училъ въ городахъ и селахъ, въ храмѣ и въ синагогахъ или собраніяхъ, въ домахъ и подъ открытымъ небомъ: то на горѣ, то на берегу озера, то въ другихъ мѣстахъ Своихъ странствій по св. землѣ. Тысячи народа слѣдовали за Нимъ, чтобы видѣть и слышать Его. И тѣ, кои слушали въ прамотѣ сердца и вѣры, исповѣдали, что никогда никакой человѣкъ не училъ такъ, какъ Онъ, что слова Его—слова благодати Божіей, слова чистѣйшей истины и совершенной святости, слова жизни вѣчной. Ибо Онъ былъ Божественный Учитель, не отъ земли, не отъ людей взявшій Свое ученіе, а принесшій его съ неба, отъ Бога, какъ Сынъ Божій, Самъ говорившій о Себѣ: „Какъ научилъ Меня Отецъ Мой, такъ и говорю“ (Іоан. 8, 28). Ближайшими слушателями Его были избранные Имъ ученики, которыхъ избралъ Онъ не изъ знатныхъ и ученыхъ людей, а изъ бѣдныхъ и простыхъ, но просвѣтилъ ихъ такъ, что они стали потомъ проповѣдниками Его ученія и учителями вѣры для всего міра. Они и записали Его ученіе въ той книгѣ Новаго Завѣта, книгѣ евангельскихъ и апостольскихъ писаній,—той единственной въ мірѣ книгѣ, подобной которой не было и не будетъ, которую читали и слушали, читаютъ и слушаютъ, будутъ читать и слушать несчетные милліоны людей до скончапія міра.

Уча людей, Господь Іисусъ творилъ многія чудеса во свидѣтельство истины Своего ученія и въ знаменіе того, что являсь на землю, какъ человѣкъ, какъ Сынъ человѣческій, Онъ есть Сынъ Божій, имѣющій силу и славу Отца небеснаго. Первое чудо совершилъ Онъ въ Канѣ Галилейской. Былъ бракъ въ Канѣ Галилейской. Матерь Іисуса была тамъ. Былъ также званъ на бракъ Іисусъ и ученики Его. На брачномъ пирѣ не достало вина. Матерь Іисуса робко сказала Ему: вина нѣтъ у нихъ. Іисусъ успокоилъ Ее, а Она сказала служителямъ: что скажетъ Онъ вамъ, то слѣ-

дайте. Было тутъ въ домѣ шесть большихъ каменныхъ сосудовъ для воды. Иисусъ сказалъ служителямъ: наполните сосуды водою. Они наполнили ихъ до верха. И говоритъ имъ Иисусъ: теперь почерпните воду и несите къ распорядителю пиря. Когда же распорядитель отвѣдалъ воды, едѣлавшейся виномъ (а онъ не зналъ, откуда это вино), то призвалъ жениха и сказалъ ему: „всякій человекъ сперва подаетъ хорошее вино; а когда канѣются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберегъ доселѣ“. Такъ просто совершенно было Иисусомъ Христомъ это первое чудо Его благодати, съ какою Онъ удостоилъ посѣтить и брачный пиръ бѣдныхъ людей и утѣшить ихъ въ недостаткѣ. Но этимъ первымъ чудомъ Онъ, говорить Евангеліе, явилъ и славу Свою среди бывшихъ съ Нимъ на бракѣ новоизбранныхъ учениковъ, и они увѣровали въ Него. И повсюду потомъ, гдѣ ходилъ Онъ съ Своимъ ученіемъ, Онъ являлъ и чудеса, то предъ Своими учениками, то предъ всемъ народомъ, который стекался къ Нему, какъ ради ученія Его, такъ и ради чудесъ. Но являлъ Онъ чудеса не всегда, а тогда, когда находилъ способныхъ вѣрить, достойныхъ видѣть ихъ, вообще какъ находилъ это потребнымъ по Своей мудрости и благодати. Изъ многихъ чудесъ Его напомнимъ такіа знаменія творческой власти и силы Его, когда Онъ въ пустынѣ пятью хлѣбами напиталъ пять тысячъ народа, семью хлѣбами четыре тысячи народа, когда на морѣ Геннисаретскомъ однимъ словомъ утишилъ бурю и вѣтеръ и ходилъ въ водѣ его, какъ по землѣ. Но наиболѣе частыми чудесами были чудеса Его милосердія къ бѣдствующимъ и страждущимъ: однимъ прикосновеніемъ, однимъ словомъ Онъ исцѣлялъ больныхъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, хромыхъ, сухорукихъ, расслабленныхъ, прокаженныхъ, бѣснѣватыхъ и изстуженныхъ, воскрешалъ мертвыхъ, по мольбѣ о томъ живыхъ. Чуднымъ словомъ Своимъ Онъ воскрешалъ и души людей, замертѣвшихъ во тьмѣ невѣдѣнія и растлѣніи грѣховномъ, такъ что великіе грѣшники и грѣшницы, возбуждаея къ покаянію и вѣрѣ, духовно возрождались для жизни новой, чистой и святой. Сими чудесами

Своего милосердія Господь Ісусъ подготовлялъ также людей къ откровенію самой высшей тайны Своего милосердія о всемъ грѣшномъ мірѣ, той тайны, что Онъ пришелъ спасти грѣшный міръ отъ вѣчной смерти и погибели, т. е. Своими страданіями и смертію некупить грѣхи всехъ людей предъ вѣчною правдою Божіею, оправдать ихъ предъ Богомъ, привлечь на нихъ милость и любовь Божію и сдѣлать ихъ чадами Божіими, наслѣдниками царствія Божія.

Не скоро могли понять сію тайну и сами ученики Христовы: смущались они, когда Господь говорилъ имъ о предстоящихъ Ему страданіяхъ и смерти. Они думали: какъ можетъ пострадать такой благой Учитель, такой Чудотворецъ? Когда на 3 году Своего служенія Господь уже съ особенною ясностію говорилъ о предстоящихъ Ему страданіяхъ и смерти, то ап. Петръ началъ противорѣчить Ему, говоря: „будь милостивъ къ Себѣ, Господи, да не будетъ этого съ Тобою“! Но Господь строго остановилъ его, говоря: „ты думаешь не о томъ, что Божіе, но—что человѣческое“. Вскорѣ послѣ того благоволилъ Онъ ап. Петру и двумъ другимъ избраннымъ ученикамъ Своимъ Іакову и Іоанну показать божественную славу Свою еще особеннымъ образомъ, чтобы потомъ они не смущались, когда увидятъ Его страданія и уразумѣли, что это—Его вольныя страданія. Онъ возвелъ ихъ на гору Фаворъ и, ставъ молиться, преобразился предъ ними: и просіяло лице Его, какъ солнце, одежды Его сдѣлались бѣлы, какъ снѣгъ. И явились Моисей и Ілія и бесѣдовали съ Нимъ о томъ, что имѣло быть съ Нимъ въ исходѣ служенія Его въ Іерусалимѣ. Петръ въ восторгѣ отъ видѣнія сказалъ Ісусу: „Господи! хорошо намъ здѣсь быть; если хочешь, сдѣлаемъ три кущи, Тебѣ одну, и Моисею одну и одну Іліи“. И когда онъ еще говорилъ,—облако свѣтлое осыпало ихъ; устрашились ученики и пали на землю, и изъ облака послышался имъ голосъ: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе: Его слушайте“. Ісусъ Христосъ подошелъ къ

нимъ, прикоснулся къ нимъ и сказалъ: встаньте и не бойтесь.
Они поднялись и увидѣли одного только Іисуса Христа.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О крестномъ знаменіи православнаго христіанина¹⁾.

Какъ должно православному христіанину полагать на себѣ знаменіе святаго Креста съ произнесеніемъ словъ: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь?

1) Православное исповѣданіе вѣры (Петра Могилы, изданіе 1843 года) отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ (см. вопросъ 51-й):—Десною рукою подабаесть творити крестъ, полагая на челѣ три великіе персты, и глаголати—во имя Отца; и тогда низводи руку на перси и глаголи,—и Сына; и оттуду на десное рамо преводи даже до лѣваго, глаголи,—и Святаго Духа. Окончательное совершеніе знаменія—Аминь.

2) Книга—Вѣра Надежда и Любовь въ бесѣдахъ Анатолія, епископа Могилевскаго и Мстиславскаго (изданіе 1848 года, на страницѣ 6-й), на основаніи именно вышеизложеннаго наставленія въ Православномъ исповѣданіи Петра Могилы, даетъ такой отвѣтъ.—„Ограждаемъ себя знаменіемъ святаго Креста; и, возлагая на себя три большіе перста правой руки на чело, говоримъ: Во имя Отца; потомъ, низводя руку на перси, произносимъ: и Сына; наконецъ, перенося руку на правое и лѣвое плечо, заключаемъ крестное знаменіе словами: и Святаго Духа. Аминь“.

Соблюдая вышеизложенное наставленіе, мы, наученные отъ своихъ православныхъ отцовъ, исполняемъ его, совершая на себѣ

¹⁾ Могил. Епарх. Вѣдом.

крестное знаменіе такъ. Вознося правую руку къ челу и касаясь его тремя большими перстами, правильно сложенными, мы говоримъ: Во имя Отца; низводя потомъ эту руку къ груди и касаясь ея сказанными перстами, говоримъ: и Сына; вознося затѣмъ эти же персты къ правому плечу и касаясь ими его, говоримъ: и Святаго; безостановочно потомъ проводя свою правую руку къ лѣвому плечу и прикасаясь къ нему тѣми же перстами, говоримъ: Духа; и, опуская руку съ плеча и дѣлая поклоненіе, говоримъ: Аминь.

Къ сему считается нужнымъ присовокупить, что и римскіе католики въ совершеніи крестнаго знаменія удерживаютъ доселѣ произнесеніе означенныхъ словъ именно на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и православные, съ тою только разницею, что они, возводя руку отъ груди, возносятъ ее сперва къ лѣвому плечу съ произнесеніемъ: и Духа, а потомъ уже касаются рукой праваго плеча съ произнесеніемъ: Святаго. Заключительное—Аминь они почти всегда произносятъ, низводя правую руку съ праваго плеча и всеми пятью согбенными пальцами ударяя въ грудь. И нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться, что обычай произносить вышеозначенныя слова при крестномъ осѣненіи вышеозначенныхъ мѣстъ есть обычай древній, восходящій ко времени до раздѣленія между Церковію Восточною и Западною.

Протоіерей *Василій Лепешинскій*.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 мая 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

XXV.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей серебр.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Мая 13-го.

Содержаніе: Католическое пастырство и социальный вопросъ въ Германіи.—
Чтеніе о земной жизни Господа нашего Иисуса Христа и Его воскресе-
ніи.—Проповѣдническое обозрѣніе.—Откуда священники получили
право благословлять, и какое имѣетъ значеніе нѣтъ благословеніе?—
О заучиваніи проповѣдей, приготовляемыхъ для произнесенія.—Долж-
ность людей къ пастырямъ.

Католическое пастырство и социальный вопросъ въ Германіи¹⁾.

„А что есть и у васъ въ Б. социальный вопросъ“? спро-
силъ недавно авторъ этой статьи своего друга, ревностнаго,—не
молодаго уже священника въ селѣ Б.—Священникъ сначала повиди-

¹⁾ Статья эта принадлежитъ профессору богословія въ католическомъ
Тюбингенскомъ университетѣ Др. Линсепману. Есть въ этой статьѣ
немало поучительнаго и для православнаго пастырства, хотя положеніе като-
лическихъ священниковъ въ европейскомъ обществѣ значительно иное, чѣмъ
положеніе нашихъ православныхъ пастырей въ русскомъ обществѣ. Поуча-
тельно для нашихъ пастырей видѣть, какъ закаленное въ борьбѣ съ много-
численными своими врагами католическое духовенство готовится теперь сра-
жаться съ новѣйшими врагомъ — социализмомъ.

Ред.

мому не понялъ вопроса. Поэтому авторъ почелъ нужнымъ иначе спросить: „все ли спокойно и мирно у васъ? Не замѣчается ли въ средѣ вашихъ прихожанъ недовольства существующими порядками, вражды и борьбы между классами общества? Не бываетъ ли стачекъ, не распространяются ли сочиненія и газеты возмутительнаго содержанія? Нѣтъ ли удручающей бѣдности, угрожающаго пролетаріата? Не думаютъ ли для поддержанія благосостоянія крестьянъ объ устройствѣ ссудной или сберегательной кассы? Есть ли у васъ общество трезвости, общество для помощи освобождаемымъ изъ тюрьмы, пріютъ для сиротъ, женское общество для помощи больнымъ, для спасенія падшихъ женщинъ, швейныя школы? Нѣтъ ли намѣренія устроить общество распространенія полезныхъ книгъ, есть ли антисемитическое общество, католическій союзъ избирателей“? Какъ видите, слишкомъ много предложено вопросовъ, хотя здѣсь далеко еще не все исчислены предпріятія, которыя въ разныхъ мѣстахъ предполагаютъ къ осуществленію, все въ видахъ пользы меньшихъ братій, какъ напримѣръ общество подмастерьевъ, въ коемъ естественно нѣтъ надобности въ деревнѣ, общество дѣвицъ, заботящихся объ украшеніи приходской церкви и др. подобныя, чисто церковныя общества. Но священникъ безъ всякаго замѣшательства отвѣтилъ рѣшительно: „нѣтъ у насъ никакого соціальнаго вопроса; а еслибы и былъ такой, то не мое дѣло заниматься имъ“. — „У насъ въ селѣ, продолжалъ онъ, помолчавъ немного, есть бѣдные и богатые, довольные и недовольные, и естественно послѣднихъ больше, чѣмъ первыхъ; потому что когда же крестьянинъ былъ совершенно доволенъ? Но нынѣшній годъ былъ хорошій сѣнокосъ, а если Богъ дастъ еще въ нынѣшнее лѣто и въ слѣдующіе годы хорошій урожай на хлѣбъ, то проживемъ съ помощію Божіею, какъ и доселѣ жили. Немало, конечно, будетъ нужды, горя и заботъ у каждого, немало народу придется перенести разныхъ невзгодъ житейскихъ; но что же я могу тутъ сдѣлать? Мое все время занято дѣлами по церкви и школѣ, по исполненію требъ;

могу я, пожалуй, содѣйствовать еще распространенію въ приходѣ воскресныхъ листковъ, молитвенниковъ и т. п. Но устроить разныя благотворительныя общества и общепользныя учрежденія, — оставьте меня въ покоѣ! Надѣюсь, что къ намъ, старымъ сельскимъ священникамъ, въ дѣлахъ соціальной политики не будутъ притязательныѣ, чѣмъ въ дѣлахъ современной гимнастики къ старымъ учителямъ, которыхъ не обязываютъ заниматься ею, если у нихъ позади свои сорокъ лѣтъ“.

Въ селеніи Б. дѣйствительно въ общемъ положеніе крестьянъ пока еще хорошо; есть конечно и другія такія же села и цѣлые округа, гдѣ мало или ничего не слышно о серьезныхъ опасностяхъ со стороны соціальнаго движенія, и гдѣ обыкновенными средствами пастырства сохраняется миръ, порядокъ, вѣра, нравственность, дисциплина и гдѣ здравый смыслъ населенія, при законномъ и твердомъ дѣйствіи гражданской власти, не допускаетъ большихъ неурядицъ, наглыхъ нарушеній закона, хотя и есть основаніе признать справедливыми желанія и молчаливыя требованія улучшенія общественнаго положенія низшихъ классовъ общества. Но такія мѣста повидимому рѣдки и составляютъ исключеніе. Нельзя во всякомъ случаѣ оставаться пастырямъ спокойными въ виду надвигающейся грозы, хотя съ другой стороны и терять спокойную твердость и мужество въ ожиданіи предстоящей борьбы было бы недостойно христіанскаго пастыря.

Мы не имѣемъ въ виду, пишетъ авторъ, этими строками подлить воды въ вино одушевленія къ занятіямъ соціальнымъ вопросамъ, соціальною политикою, къ заведенію разныхъ „учрежденій“ въ интересахъ народнаго благосостоянія. Мы въ такомъ случаѣ поступили бы несогласно съ церковнымъ преданіемъ, которое учитъ насъ, что Церковь и ея служители всегда давали первые толчки къ устройству такихъ общественныхъ учреждений, которыя соотвѣтствовали соціальнымъ потребностямъ и противодействовали соціальнымъ опасностямъ времени. Если мы скажемъ, что христіанская Церковь во все времена и вездѣ вызвала

культуру и цивилизацію и въ этомъ полагала между прочимъ свой собственный интересъ, то скажемъ не иное что, какъ только то, что народы обязаны Церкви, ея органамъ и учрежденіямъ не только духовнымъ, но и матеріальнымъ своимъ благосостояніемъ. И такъ какъ во всѣ времена существовали социальныя вопросы и опасности и такъ какъ всегда была надобность защищать слабыхъ отъ сильныхъ, бѣдныхъ отъ богатыхъ, мирныхъ жителей отъ притѣснителей, то поэтому всякое дѣйствіе религіи и Церкви для облегченія условій жизни имѣетъ въ себѣ социально-политическую сторону. Кто учить домохозяина бережливости и семейнымъ добродѣтелямъ, тотъ трудится и для рѣшенія „соціального вопроса“ конечно не меньше того, кто работаетъ надъ устройствомъ ссудо-сберегательной кассы для народа и кто утѣшеніями религіи и участливой любви ободряетъ разорившагося и растерявшагося отъ потерь и несчастій согражданина—не отчаиваться, не терять мужества, но въ надеждѣ на Бога и добрыхъ людей снова начинать трудиться и хозяйничать, тотъ, можетъ быть, оказалъ большую услугу обществу, чѣмъ тотъ, кто сказалъ блестящую рѣчь о христіанскомъ социализмѣ.

Но исторія учить, что не только въ этомъ тѣсномъ нравственномъ смыслѣ Церковь употребляла свои силы для блага и процвѣтанія человѣческаго общества. Въ христіанской Церкви получили корень свой всѣ процвѣтающія теперь благотворительныя общественныя учрежденія; церковная, скажемъ прямо, богословская наука восприняла и возростила самую науку объ обществѣ. Зачатковъ науки о политической экономіи нужно искать у средневѣковыхъ богослововъ, да и не однихъ только зачатковъ.

Что касается новѣйшихъ временъ, когда всѣ возбуждены надеждами и опасеніями въ ожиданіи великихъ переворотовъ въ области общественной жизни, гражданскаго и государственнаго порядка, то едва ли кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что духовенство вездѣ стоитъ на стражѣ и считаетъ дѣломъ своего призванія являться, гдѣ требуетъ благо или горе народа, охра-

нителемъ, успокоителемъ, облегчителемъ, помощникомъ, учителемъ, наставникомъ, спасителемъ. Мы видимъ, что духовенство вездѣ стоитъ на сторонѣ порядка противъ безпорядка, на сторонѣ угнетаемыхъ противъ угнетателей, на сторонѣ права противъ насилия. Вѣрное духу христіанской любви духовенство всегда впереди при всякомъ истинно благотворительномъ дѣлѣ, при всякихъ сборахъ въ пользу нуждающихся и при томъ безъ всякаго тщеславія и тенденціозности; у него при всей его бѣдности не изсякли источники помощи; когда дѣло идетъ о смирненіи нужды ближнихъ, въ рукахъ его повторяется исторія съ чванцемъ жуки сарептской вдовы.

Неменьше участія принимаетъ клиръ и въ литературѣ по социальнымъ и социальнo-политическимъ вопросамъ въ ежедневной прессѣ для народа, а также и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Отъ высокопоставленныхъ лицъ—вспомнимъ епископа Кеттелера, кардинала Манинга; сюда даже можетъ быть причисленъ и папа Левъ XIII—до органовъ, дѣйствующихъ въ самомъ скромномъ кругу, все духовные католическіе писатели имѣютъ своимъ девизомъ слово Спасителя: „Мнѣ жалъ народа“ (Мат. 15, 32). Наконецъ не только на словахъ и въ исторіи, но и положительными фактами клиръ сумѣлъ доказать свое призваніе къ рѣшенію социальныхъ вопросовъ, такъ что наше расшатанное современное свѣтское общество даже завидуетъ клиру, его твердой, непоколебимой внутренней организаціи; признаетъ за нимъ организаціонный его талантъ и склоняется предъ нимъ. Потому что дѣйствительно немногіе, даже изъ самыхъ способнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ вожаковъ народныхъ массъ, могутъ сравниться съ католическимъ клиромъ въ способности проникать въ массы, образовывать пункты кристаллизаціи для союзовъ, устроить разнаго рода общества и братства, а также въ умѣнии руководить собраніями, обсуждать программы дѣйствія, редижировать органы союзовъ, успокаивать, когда нужно, возбужденную массу, возстановлять твердый порядокъ среди безпокойнаго, волнующагося

населенія. И это все происходит безъ всякаго содѣйствія вишней силы, даже иногда вопреки ей; правительство не оказываетъ ему никакой поддержки; богатые люди не предоставляютъ въ распоряженіе ихъ сотенъ тысячъ марокъ; основанные имъ свои органы печати, духовенство само же должно и поддерживать; у него нѣтъ тайнаго фонда для печати по крайней мѣрѣ для той, которую мы имѣемъ въ виду и которую мы не смѣшиваемъ съ чисто политическою (легитимистическою или феодалистическою) печатью той или другой партіи. Не говоримъ, что клиръ все это дѣлаетъ на собственные средства; для предпріятій, которыя мы имѣемъ здѣсь въ виду, какъ напримѣръ устройство рабочаго союза и под., клиръ могъ внести только свой духовный капиталъ; учрежденія поддерживаются мірянами и для мірянъ; клиръ приноситъ для этого свои жертвы, но успѣхъ дѣла не приноситъ никакихъ ему выгодъ; гдѣ клиръ состоитъ въ числѣ „учредителей“, тамъ онъ не получаетъ ни жалованья, ни дивиденда, на его долю только непрестающія заботы „по вся дни“ (2 Кор. 11, 28).

Нѣтъ надобности говорить здѣсь о томъ, считаютъ ли сами члены клира свое участіе въ общественныхъ дѣлахъ всѣми соответствующими цѣлямъ средствами, именно словомъ, писаніемъ, дѣйствіемъ,—считаютъ ли они это прямымъ требованіемъ своего пастырскаго служенія, или же это дѣло добровольное или, пожалуй, жертва, не требуемая прямымъ долгомъ ихъ служенія, слѣдовательно—побочное дѣло, для котораго у одного остается больше времени, у другаго меньше. Въ часы досуга можно посвятить себя наукѣ, искусству, хозяйству и другимъ невиннымъ занятіямъ; почему же и не социальной политикѣ, изученію положенія крестьянскаго и ремесленнаго сословія и вообще общепольнымъ стремленіямъ всякаго рода? Для дѣла совершенно безразлично, приписываетъ ли себѣ клиръ значеніе политическаго сословія и въ силу этого требуетъ права голоса въ общественныхъ дѣлахъ, или каждый изъ его членовъ поставляетъ себя въ это положеніе

подобно многимъ частнымъ лицамъ изъ другихъ сословій—изъ дворянства, ученыхъ и литераторовъ, имѣющихъ досугъ, призваніе и любовь къ изслѣдованію и участію въ общественныхъ народныхъ интересахъ.

Къ чести духовенства нужно сказать, что оно не стояло позади другихъ сословій въ той области труда, въ которой совершается такая горячая борьба, въ которой поставлены такіе настоятельные вопросы и предстоятъ еще совершенно непредвидимыя событія. Наша дѣятельность не безъ замѣтныхъ слѣдовъ въ общественной жизни, и нашъ успѣхъ не остался безъ признанія хотя еще и вынужденнаго. Хотя и неохотно сознаются однако, что тамъ, гдѣ господствуетъ католико-церковное вліяніе, преграда агитаціямъ соціально-демократіи противопоставляется самая сильная, что нами понято, какъ удерживать въ порядкѣ рабочіе классы, именно не терроризмомъ и силою, но разумнымъ вниманіемъ къ истиннымъ потребностямъ, къ справедливымъ требованіямъ и дѣйствительнымъ интересамъ рабочаго населенія, не только проповѣдью, но и дѣломъ; не дѣтскими успокоительными средствами, не обманомъ и религіозною наркотиною, какъ любятъ представлять это, но просвѣщеніемъ, наставленіемъ, организаціей, нравственнымъ возвышеніемъ и усиленіемъ, личнымъ сношеніемъ, и тѣмъ духовнымъ и нравственнымъ превосходствомъ, которое всегда сильнѣе и глубже дѣйствуетъ, чѣмъ громадныя капиталы, пріобрѣтенныя не всегда добрыми средствами и жертвуемыя на успѣхъ дѣла той или другой партіи. При этомъ нельзя не видѣть, что власть католическаго духовенства надъ народными массами большею частію основывается на томъ, что оно ближе стоитъ къ угнетеннымъ и ожидающимъ помощи отъ высшихъ сословій народнымъ массамъ, чѣмъ напримѣръ дворяне, политики по профессіи, катедеръ-соціалисты, замѣняющіе себя своими представителями, даже ближе, чѣмъ протестантское духовенство.

Успѣхъ католическаго духовенства въ социаль-политической области—при чемъ мы не беремъ въ расчетъ политику въ строгомъ смыслѣ и „партіи центра“—не даетъ инымъ спать, возбуждаетъ къ подражанію даже берлинскихъ придворныхъ проповѣдниковъ.

Не все конечно смотрять на наши дѣйствія, какъ слѣдуетъ, добросовѣстно; многіе во всемъ видятъ только своскорыстный расчетъ. Какъ нѣкогда Вольтеръ сказалъ объ іезуитахъ: „для достиженія своей цѣли они все дѣлаютъ, даже добро“, такъ нѣкоторые въ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ Церкви и ея служителей, будучи не въ состояніи отрицать объективнаго ихъ достоинства, предполагаютъ низкій и своскорыстный расчетъ, видятъ духъ партій, хитрость, стороннія цѣли, ведутъ толки о клерикальной опеѣ и властолюбіи. Это впрочемъ болѣею частію говорится въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ куются цѣли для всякаго, кто думаетъ и вѣрить не по установленной кружкомъ программѣ. Мы не отрицаемъ, что стремимся къ достиженію своихъ цѣлей. Ибо кто же изъ людей не хочетъ также достигать своихъ цѣлей? Дѣло только въ томъ, какихъ цѣлей.

Серьезнѣе представляется намъ другаго рода возраженіе: если духовенство близко станетъ къ общественнымъ дѣламъ, начнетъ принимать въ нихъ дѣятельное участіе, не будетъ ли здѣсь для него лишнихъ поводовъ и искушеній къ нерадѣнію въ исполненіи ближайшей и важнѣйшей задачи пастырскаго служенія, не выступитъ ли оно этимъ за кругъ своей компетенціи, не удалится ли съ собственнаго рабочаго поля пастырства. Священникъ, говорятъ, принадлежитъ не трибунѣ, а кафедрѣ. Смѣшеніе религиозныхъ и политическихъ интересовъ и обязанностей болѣе всего повредитъ самому пастырю, котораго оно низведетъ съ его высокаго призванія въ водоворотъ партій, лишитъ его служебнаго авторитета и словамъ его будетъ давать только значеніе субъективныхъ мнѣній и обыкновенныхъ погрѣшительныхъ человѣческихъ сужденій.

Касательно этого нужно замѣтить, что подобныя сужденія большою частію высказываются тѣми, кто меньше всего компетентенъ въ сужденіи о задачахъ пастырскаго служенія. Такія доброжелательныя, повидимому, предостереженія напоминаютъ намъ тѣхъ современныхъ политиковъ, которые повсюду жалуются, что полиція или правительственная власть вмѣшивается въ свободное дѣйствіе народа, но которые при малѣйшемъ поводѣ, угрожающемъ ихъ личности, зовутъ на помощь правительственные органы и дѣлаютъ полицію отвѣтственной за всякій безпорядокъ. Такъ и здѣсь въ одномъ случаѣ находятъ несоотвѣтственнымъ призванію духовенства, если оно оказываетъ вліяніе на настроеніе народа, а въ другомъ жалуются, что оно не исполняетъ своей обязанности, если не старается дѣйствовать на народъ въ желаемомъ направленіи.

Итакъ мы не спрашиваемъ здѣсь, заключаетъ ли въ себѣ правильно понятая задача пастырства обязанность содѣйствовать обществу въ его тяжелыхъ заботахъ о благоустройствѣ внѣшней жизни. Напротивъ тутъ вопросъ стоитъ въ томъ: кто имѣетъ право уклоняться теперь отъ такого содѣйствія? Кого не касается въ его собственномъ бытіи „соціальный вопросъ“? Всякое состояніе имѣетъ въ наши дни свой соціальный вопросъ, т. е. каждое состояніе борется за свое существованіе и за все, что ему дорого и свято. Поэтому имѣть особенной заслуги духовенству въ томъ, если оно овладѣваетъ общественными дѣлами; они сами собою даются ему въ руки. Всеобщее потрясеніе почвы, на которой мы стоимъ, напоминаетъ каждому о необходимости беречься и сводить счеты, чуть не дѣлать своего завѣщанія, потому что нельзя не видѣть тѣхъ стихійныхъ дикихъ силъ въ народной жизни, которыя каждую минуту въ состояніи произвести катастрофу, взрывъ самага разрушительнаго свойства.

Современное соціальное движеніе не исчерпывается вопросами: рабочимъ, крестьянскимъ, вопросомъ о бѣдныхъ.

Все существованіе нынѣшняго общественнаго порядка поставлено на карту; всѣ матеріальныя и всѣ идеальныя интересы затронуты социальнымъ движеніемъ. Не только низшія сословія борются за свое существованіе, но высшія дрожать за свое будущее. И въ то время, какъ государственная власть призывается постоять за спокойствіе и порядокъ, за собственность и права, служители Церкви должны бороться за вѣру и нравственность и за высочайшіе идеалы, которые даютъ цѣну человѣческой жизни. Да гдѣ же и мѣсто духовенству, если не при такой борьбѣ, если не при защищеніи и спасеніи такихъ благъ жизни?

Намъ необходимо обсудить социальный вопросъ съ точки зрѣнія пастырства, т. е. показать, въ какомъ отношеніи пастырское участіе въ общественныхъ дѣлахъ стоитъ къ правильному исполненію пастырями прямыхъ своихъ обязанностей. Можетъ быть, изъ „соціального вопроса“ вырастаютъ для пастыря совершенно новыя задачи; можетъ быть, современный пастырь долженъ существенно расширить область своей дѣятельности. Если поименованный выше священникъ изъ Б. не имѣетъ въ своемъ приходѣ социальнаго вопроса, то не долженъ ли онъ въ такомъ случаѣ создать, возбудить его? Не слѣдуетъ ли ему самому бросить закваску, чтобы произвести броженіе въ своемъ приходѣ, чтобы разбудить прихожанъ отъ тупаго равнодушія и своекорыстной самозаключенности и дать имъ понять требованія современности и научить, что нѣкоторое пожертвованіе есть долгъ cadaго? Можетъ ли и смѣетъ ли добрый пастырь уклоняться отъ великихъ движеній, мятущихъ народныя массы? Не слѣдуетъ ли даже все пастырство поставить на новомъ основаніи? Можетъ быть, необходимо перенести сцену дѣятельности пастыря изъ храма въ клубъ и центръ пастырства подвинуть въ мѣста народныхъ собраній, въ союзы, братства и под.? Никто, конечно, не скажетъ, что дѣло можетъ пойти такъ далеко или приведетъ къ

такимъ выводамъ; хотя сто противъ одного можно закладывать, что если разъ началась въ духовенствѣ соціальная агитація въ той или другой формѣ, то гораздо болѣе времени и труда употреблено будетъ на рѣчи въ народныхъ собраніяхъ и на статьи въ газетахъ, чѣмъ на проповѣдь Слова Божія съ кафедръ, которая поэтому у нѣкоторыхъ и теперь уже слишкомъ мало цѣнится. Поэтому не то здѣсь требуетъ изслѣдованія, должно ли вообще католич. пастырство по теоріи и практикѣ быть поставлено на совершенно новыхъ основаніяхъ, но не нужно ли къ прежнимъ задачамъ его присоединить еще совершенно новую, доселѣ ему чуждую, въ смыслѣ проложенія новыхъ путей, выработки и испытанія новыхъ методовъ и, если нѣтъ соціальнаго вопроса, не слѣдуетъ ли создать таковой, чтобы стоять на высотѣ нынѣшнихъ задачъ времени.

Объ „измѣненіи задачъ пастырства“ соотвѣтственно общественнымъ нуждамъ заявляютъ между прочими такія требованія: „нужно организовать христіанскую соціальную пропаганду, чтобы вывести Церковь и духовенство изъ печальнаго положенія въ углу и поставить въ центръ жизни. Духовенство, въ видахъ пользы низшихъ классовъ, должно дѣйствовать за соціальныя реформы по мѣрѣ требованій времени, должно показать народу, что надежда его и въ матеріальныхъ нуждахъ существованія должна лежать не въ социальдемократизмѣ, но соціальной миссіи христіанства“. Задачи пастырства, говорятъ, совершенно должны быть измѣнены,—не въ цѣляхъ, но въ средствахъ къ достиженію ихъ. „Священникъ, ограничивающійся проповѣдью въ воскресенья, все равно говоритъ ли онъ въ пустой или наполненной слушателями церкви, не есть пастырь. Пастырство есть исканіе и тѣхъ, кто не приходятъ въ церковь; но какъ же проповѣдью въ церкви найти ихъ? Кафедра должна быть восполняема газетою, устное слово печатнымъ. Пастырь, какъ и миссіонеръ среди язычниковъ, долженъ быть снова агитаторомъ за всякое добро“.

Хотя бы кто и призналъ въ общемъ справедливыми такіа требованія касательно реформы пастырства, однако едва ли индивидуальное примѣненіе всеобщей идеи можетъ быть приложимо къ каждому пастырю Церкви. При этомъ нѣкоторые изъ пастырей, пожалуй, и основательно по поводу новыхъ задачъ пастырства и обязанностей могутъ возразить, что ихъ не посвящали къ такому служенію. Да и вообще очень сомнительно, многіе ли изъ самыхъ лучшихъ пастырей въ состояніи исполнить то, что требуютъ отъ нихъ во время припадковъ соціально-политической горячки и борьбы возбужденныхъ народныхъ страстей.

Намъ предстоитъ поэтому изслѣдовать, необходима ли существенная реформа католич. пастырства примѣнительно къ соціально-политическимъ потребностямъ современнаго общества и могутъ ли и должны ли пастыри признать своею обязанностью служеніе соціально-политическимъ потребностямъ времени.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чтеніе о земной жизни Господа нашего Ісуса Христа и Его воскресеніи¹⁾.

(Для вѣзбогослужебнаго чтенія).

Но вотъ приблизились и послѣдніе дни Его земной жизни, дни Его страданій и смерти. Въ знаменіе Своей божественной силы Онъ совершаетъ еще величайшее чудо—воскрешеніе Лазаря. Господь любилъ Лазаря и его сестеръ Марію и Марѳу, слушавшихъ Его святое ученіе и служившихъ Ему. Они жили въ селеніи Вифаніи, недалеко отъ Іерусалима. Господь съ учениками Своими шелъ въ Іерусалимъ на вольныя страданія и смерть. Онъ еще не дошелъ до Вифаніи, какъ сестры Лазаря прислали

¹⁾ См. № 19-й.

Ему сказать: „Господи! тотъ, кого Ты любишь, боленъ“. Иисусъ сказалъ: „сія болѣзнь не къ смерти, но къ славѣ Божіей, да прославится чрезъ нея Сынъ Божій“. Два дня Онъ оставался на томъ же мѣстѣ, потомъ, поднявшись въ путь, въ бесѣдѣ съ учениками сказалъ: Лазарь, другъ нашъ, уснулъ; но Я иду, чтобы разбудить его. Ученики думали, что Онъ говоритъ о сіѣ обыкновенномъ. Тогда Господь сказалъ прямо: Лазарь умеръ. И радуясь за васъ, что Меня тамъ не было, дабы вы увѣровали; но пойдемъ къ нему. Услышавъ, что Иисусъ идетъ, Марѳа вышла на встрѣчу Ему и сказала: Господи! еслибы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, дастъ Тебѣ Богъ. Иисусъ говоритъ ей: воскреснетъ братъ твой! Марѳа сказала Ему: знаю, что воскреснетъ въ воскресеніе, въ послѣдній день. Но Иисусъ сказалъ: Я—воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій живущій и вѣрующій въ Меня не умретъ во вѣкъ. Вѣришь ли сему? Такъ, Господи! отвѣчала Марѳа. Я вѣрую, что Ты Христосъ, Сынъ Божій. Скоро пришла и Марія и съ плачемъ пала къ ногамъ Іисуса и сказала: Господи! еслибы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой. Пришли съ Марією и многіе другіе люди, оплакивавшіе съ сестрами Лазаря его смерть. Прослезился и Самъ Иисусъ Христосъ, когда пришелъ и увидѣлъ гробъ Лазаря. Это былъ гробъ въ пещерѣ, закрытой камнемъ. Отнимите камень, говоритъ Иисусъ. Марѳа сказала: „Господи! въ немъ уже запахъ мертвой гнилости; ибо четыре дня, какъ онъ во гробѣ“. Не сказалъ ли Я тебѣ, отвѣтилъ Иисусъ, что если будешь вѣрить, увидишь славу Божію? Когда отняли камень отъ пещеры, гдѣ лежалъ умершій, Иисусъ возвелъ очи къ небу и сказалъ: Отче! благодарю Тебя, что Ты слышалъ Меня. Я и зналъ, что Ты всегда услышишь Меня; но сказалъ сіе для народа, здѣсь стоящаго, чтобы повѣрили, что Ты послалъ Меня. Сказавъ сіе, Онъ воззвалъ громкимъ голосомъ: Лазарь! иди вонъ! т. е. выйди изъ гроба. И вышелъ умершій, обвитый по

рукамъ и ногамъ погребальными пеленами, и лице его обвязано было платкомъ. Иисусъ сказалъ: развяжите его, пусть идетъ. Видя такое чудо, многіе увѣровали во Христа. Слухъ объ этомъ чудѣ разнесся и по Іерусалиму, гдѣ тогда собралось великое множество народа къ наступавшему празднику Пасхи. Между тѣмъ Иисусъ посѣтилъ домъ Лазаря въ Виваніи и былъ на вечерѣ, которую сестры Лазаря устроили здѣсь Ему и ученикамъ, за которою былъ теперь и Лазарь. Многіе изъ іудеевъ приходили сюда, чтобы видѣть Иисуса и Лазаря.

На слѣдующій день Господь благоволилъ совершить Свой торжественный входъ въ Іерусалимъ, въ видѣ кроткаго царя, царя духовнаго царства, какое пришелъ Онъ основать на землѣ, т. е. святой Церкви, чтобы чрезъ него вводить людей и въ Свое царство небесное. Онъ возсѣлъ на молодое осли, покрытое одеждami учениковъ Его, и когда направился къ городу, то множество народа, возбужденное слухомъ о чудѣ воскресенія Лазаря, вышло на встрѣчу Ему съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, устилая путь Его одеждami и вѣтвями и изывая: осанна! т. е. спасеніе, слава Сыну Давидову! Благословенъ грядущій, т. е. приходящій во имя Господа! Миръ на небеси, и слава въ вышнихъ.

Но среди этихъ ликованій народа Иисусъ Христосъ, приблизясь къ Іерусалиму и увидѣвъ его, заплакалъ ѿ немъ, говоря: „о еслибы ты, хотя въ сей день твой, узналъ то, что служить къ благосостоянію твоему! Но сіе сокрыто отъ очей твоихъ“. Іудейскій народъ, ликовавшій теперь въ Іерусалимѣ, думалъ, что Христосъ, входившій въ него въ видѣ кроткаго царя, создастъ для іудеевъ земное, мірское царство, въ которомъ іудеи будутъ жить въ земной славѣ, во всякомъ изобиліи и будутъ господствовать надъ всѣми народами. Не разумѣли іудеи, что Христосъ пришелъ создать царство всеевѣтное, но царство не отъ міра сего, царство духовное, царство вѣры и благодати Божіей для спасенія всѣхъ людей, призываемыхъ въ вѣчное и славное царство Божіе,

царство небесное. Не хотѣли уразумѣть сего особенно вожди и учителя іудейскаго народа, первосвященники, старѣйшины, книжники и фарисеи. Ибо они возлюбили свою человѣческую славу болѣе славы Божіей, любили величаться въ народѣ, пользоваться съ народа, считали себя мудрецами и праведниками. Не возлюбили они Иисуса Христа за то, что Онъ обличалъ ихъ темные помыслы и дѣла, избралъ Себѣ учениковъ изъ людей простыхъ, бѣдныхъ, былъ другомъ мытарей, грѣшниковъ, привлекая ихъ къ покаянію, говорилъ не о славѣ, богатствѣ и величіи, а о вѣрѣ и любви, о милосердіи и правдѣ, о смиреніи и святости ради царствія Божія, спасенія вѣчнаго. Не захотѣли они вѣрить ни ученію Христову, ни чудесамъ Его; закрывали глаза на Его чудеса, уши—отъ Его ученія, такъ что исполнилось надъ ними то, что давно предсказалъ о нихъ пророкъ Исаія: имѣя очи, они не видятъ, имѣя уши—не слышатъ, и ожесточились сердцемъ. Ожесточеніе ихъ было наконецъ ожесточеніемъ зависти къ славѣ ученія и чудесъ Христовыхъ. Не разъ хотѣли они погубить Христа, но не могли сего сдѣлать, ибо не пришелъ часъ Его страданій, Имъ Самимъ назначенный. Теперь, послѣ величайшаго чуда воскрешенія Лазаря и входа Господни въ Іерусалимъ среди ликующаго народа, зависть и злоба враговъ Его достигли крайняго ожесточенія. Она положила въ зломъ совѣтѣ своемъ—непремѣнно погубить Иисуса, предать Его мукамъ и смерти. Зналъ сіе Онъ Сердцевѣдецъ, зналъ, что послѣ привѣтственныхъ кликовъ Ему—осанна Сыну Давидову,—черезъ нѣсколько дней услышитъ Онъ неистовый крикъ: распни, распни Его! Зналъ Онъ и то, что еслибы Онъ восхотѣлъ, то, по Его моленію, Отецъ небесный послалъ бы легіоны ангеловъ для защиты Его отъ враговъ. Но вѣдал все сіе, Онъ Самъ смиренно идетъ въ Іерусалимъ, какъ Агнецъ незлобивый, на вольныя страданія, ибо восхотѣлъ исполнять волю Отца небеснаго, Который такъ возлюбилъ міръ, т. е. людей, что не пощадилъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Не будемъ подробно излагать здѣсь всей

дивной евангельской повѣсти о послѣднихъ дняхъ Спасителя нашего въ Іерусалимѣ и Его страданіяхъ до самой смерти крестной. Объ этомъ можетъ быть другое чтеніе въ свое время, если живы будемъ. Напомнимъ лишь о томъ, какъ и на самомъ крестѣ Его, люди, способные видѣть и вѣрить, видѣли въ Немъ Господа и Сына Божія. „Помяни меня, Господи, когда придеши въ царствіе Твое“, говорилъ распятый съ нимъ разбойникъ. „Истинно человекъ сей праведникъ—есть Сынъ Божій“, говорилъ сотникъ и съ нимъ говорили такъ и другіе, стрегущіе распятаго Христа. Напомнимъ еще о томъ, какъ самая крестная смерть Господа Іисуса означена была свидѣтельствами Его Божественнаго величія и славы. По прекрасному выраженію церковной пѣсни, самая природа объята была страхомъ, видя Создателя своего на крестѣ висящаго. Солнце померкло и была тьма по всей землѣ отъ часа третьяго до часа девятаго. Когда съ словами къ Отцу небесному: „Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой“, Онъ преклонилъ главу и испустилъ духъ, то церковная завѣса во храмѣ раздралась на двое съ верхняго края до нижняго, земля потряслась и камни разсѣлись, и гробы отверзлись, и многія тѣла святыхъ воскресли.

Послѣднее знаменіе было уже предвѣстіемъ и воскресенія Христова. О немъ Самъ Господь предсказалъ, говоря, что по смерти Своей въ третій день воскреснетъ. То, что совершилось до третьяго дня, имѣло послужить къ болѣе явственному увѣренію истины воскресенія. Въ пятницу вечеромъ, когда на крестѣ оставалось уже бездыханное тѣло Христа, пришелъ къ Пилату нѣкто, человекъ богатый, именемъ Іосифъ, изъ г. Аримаѳеи, знаменитый членъ совѣта старѣйшинъ іудейскихъ, мужъ честный и правдивый, который не участвовалъ въ зломъ совѣтѣ и дѣлахъ ихъ, ожидалъ царствія Божія, возвышеннаго Іисусомъ Христомъ, былъ ученикомъ Его, но тайнымъ, изъ страха отъ іудеевъ. Пришедши къ Пилату, какъ правителю Іудей, просилъ позволить ему снять тѣло Іисусово. Пилатъ, призвавъ сотника и освѣдомившись, умеръ ли Іисусъ, приказалъ отдать Іосифу тѣло Его. При-

шелъ также и Никодимъ, давно знавшій Иисуса, приходившій прежде къ Нему ночью на бесѣду съ Нимъ. Онъ принесъ новую и чистую плащаницу, пелены и благовонія. И такъ благоговѣнно сняли они со креста тѣло Иисусово, обвили плащаницею и целенами съ благовоніями, какъ обыкновенно погребали у іудеевъ. Вблизи же мѣста того, гдѣ Христосъ распятъ былъ, былъ садъ и въ саду гробъ новый: недавно высѣченъ онъ былъ Іосифомъ въ камиѣ—въ видѣ пещеры въ каменной скалѣ; въ немъ дотолѣ никто еще не былъ положенъ. Въ этотъ-то гробъ положили Іосифъ и Никодимъ тѣло Иисусово, обвитое плащаницей, съ пеленами на главѣ и съ благовоніями; привалили большой камень къ дверямъ гроба и удалились. Видѣли это и жены мироносицы; онѣ сидѣли противъ гроба и смотрѣли, гдѣ и какъ полагалось тѣло Иисусово. Возвратясь къ себѣ, онѣ также приготовили благовонія и масти для тѣла Христова; но какъ то былъ уже вечеръ предъ сabbотою, то этотъ вечеръ и нотомъ сabbоту онѣ положили провести въ покоѣ, по заповѣди о томъ у іудеевъ, думая на слѣдующій послѣ сabbоты день самымъ раннимъ утромъ идти ко гробу Иисусову съ приготовленнымъ ароматическимъ мвромъ. Узнали о положеніи Христа во гробъ и его враги убійцы—первосвященники и фарисеи. Въ сabbоту пришли они къ Пилату и сказали: „господинъ! мы вспомнили, что этотъ обманщикъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну. Итакъ прикажи охранять гробъ до третьяго дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: воскресъ изъ мертвыхъ. Пилать сказалъ: возьмите стражу, подите и охраняйте, какъ знаете. Они пошли и, приложивъ печать къ камню, приставили стражу“. Все кончено теперь, думали враги Христовы: пройдетъ три дня,—и станутъ забывать о великомъ Учителѣ и Чудотворцѣ и Страдальцѣ, Который осужденъ, умерщвленъ ими и останется тлѣть во гробѣ. Въ омраченіи невѣрія они не разумѣли, что не останется во гробѣ Тотъ, Кто воскресилъ Лазаря 4 дневнаго и сказалъ о Себѣ: въ третій день воскресну.

Насталъ третій день отъ положенія Христа во гробъ, первый послѣ субботы день недѣли. Едва самый ранній разсвѣтъ начиналъ серебрить темноту этого великаго дня, св. жены мученицы тихо и робко шли ко гробу Христову, неся драгоценныя благоуханія, чтобы помазать тѣло Иисусово. Не зналъ ни о почати на гробѣ, ни о стражѣ у него, онѣ теперь безпокоились объ одномъ и дорогою спрашивали одна другую: кто отвалить намъ камень отъ гроба? а камень, какъ видѣли онѣ прежде, былъ весьма великъ. Но движимыя пламенною любовью къ Господу, онѣ шли, чтобы хотя посмотрѣть на гробъ, и надѣялись, что быть можетъ чья-либо помощь или чудо какое либо откроетъ имъ гробъ. Но прежде чѣмъ онѣ достигли гроба, великое чудо великаго дня уже совершилось. На самомъ разсвѣтѣ его сдѣлалось на мѣстѣ гроба сильное землетрясеніе: ангелъ Господень, спешій съ небесъ, приступилъ ко гробу, отвалилъ камень отъ дверей гроба и сидѣлъ на камнѣ. Видъ его былъ, какъ молнія, и одежда его бѣла, какъ снѣгъ. Ужаснулись стрегущіе гробъ, пришли въ трепетъ и пали, какъ мертвые, потомъ разбѣжались. Никакой глазъ человѣческій не видѣлъ, какъ всталъ изъ гроба Христосъ, какъ совершилось это чудо изъ чудесъ, это величайшее дѣло Его Божественнаго величія и славы. Еще не знали о томъ и жены мученицы. Первою изъ нихъ приходитъ ко гробу, шедшая послѣднѣе другихъ, Марія Магдалина. Видитъ—нѣтъ камня у дверей гроба и въ гробѣ нѣтъ тѣла Иисусова; въ смутеніи она не видитъ уже ничего болѣе, и бѣжитъ обратно въ городъ, чтобы сказать о томъ ученикамъ Христовымъ Петру и Іоанну. Подошли къ гробу и другія жены и видятъ, что камень отваленъ отъ гроба, входятъ во гробъ и видятъ ангела въ бѣлой одеждѣ, сидящаго по правую сторону. Ужаснулись онѣ, но ангелъ сказалъ имъ: „не ужасайтесь; Иисуса ищите, Назарянна распятаго: Онъ воскресъ; Его нѣтъ здѣсь; вотъ мѣсто, гдѣ Онъ былъ положенъ. Но идите, скажите ученикамъ Его и Петру, что Онъ воскресъ и пойдетъ предъ вами въ Галилею: тамъ Его

увидите, какъ сказалъ Онъ“. Вышедши изъ гроба, онѣ бѣжали въ смятеніи, отъ радости и страха и никому ничего не сказали, боясь, что имъ не повѣрятъ.

Между тѣмъ Марія Магдалина, не слышавшая словъ ангела, прежде другихъ женъ уже прибыла къ Петру и Іоанну и сказала: унесли Господа Моего и не знаю, гдѣ положили Его. Ужаснулись Петръ и Іоаннъ и бросились идти ко гробу, чтобы удостовѣриться своими глазами о томъ, что слышали. Іоаннъ шелъ послѣднимъ, прежде Петра пришелъ ко гробу; наклонясь, увидѣлъ однѣ пелены, лежавшія тамъ; въ удивленіи онъ остановился и не вошелъ во гробъ. Прислѣдывая и Петръ и, наклонясь, видитъ гробъ пустымъ, пелены лежащія и платъ, которымъ повязана была голова Іисуса, лежащій не съ пеленами, но особо свитый въ другомъ мѣстѣ. За нимъ вошелъ во гробъ и Іоаннъ, увидѣлъ все и увѣрилось сердце Его, что Христосъ воскресъ. Петръ вышелъ изъ гроба, объятый удивленіемъ и раздумьемъ и оба ученика возвратились въ домъ.

Итакъ, кромѣ Іоанна, всѣ видѣвшіе опустѣлый гробъ, даже жены, видѣвшія и слышавшія ангела, все еще наиболѣе объяти были удивленіемъ и страхомъ и боялись предаваться радости (отъ неизвѣстности) о Воскресшемъ, Котораго еще никто изъ нихъ не видѣлъ. Но эту радость Самъ Господь общалъ апостоламъ еще въ послѣдней прощальной бесѣдѣ на тайной вечери: „опять Я увижу васъ и возрадуется сердце ваше и радости вашей никто не возьметъ отъ васъ“. И далъ Онъ эту радость, далъ узрѣть Себя въ начавшихся еще въ самое утро этого великаго дня своихъ чудесныхъ явленійхъ, о которыхъ прочтемъ вамъ въ слѣдующій разъ.

Проповѣдническое обозрѣніе.

Въ прошломъ „обозрѣніи“ своемъ мы жаловались на скудость подлежаващаго ему матеріала; теперь же приходится жаловаться скорѣе на чрезмѣрное обиліе его. Къ настоящему времени столько напечатано проповѣдей—и проповѣдей, заслуживающихъ полнаго нашего вниманія,—что уже въ одной замѣткѣ трудно дать о нихъ болѣе или менѣе удовлетворительный отчетъ. Для большаго удобства прибѣгнемъ снова къ дѣленію всѣхъ проповѣдей на проповѣди „городскія“ и „сельскія“, т. е. проповѣди къ простому народу, и рассмотримъ тѣ и другія въ отдѣльности.

Начнемъ съ поученія преосвященнаго Никанора. Въ 9-мъ № нашего журнала приведена уже была выдержка изъ перваго поученія преосвященнаго Никанора къ Одесской паствѣ подъ заглавіемъ: „Долгъ церковнаго учительства, священнослужительства и управленія въ примѣненіи къ нашему времени“. Неменѣе близкое отношеніе къ православнымъ пастырямъ имѣетъ и его же поученіе въ день св. Іоанна Златоустаго на текстъ: „Блажени будете, егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда отлучать вы, и поносить и пронесутъ имя ваше, яко зло, Сына человѣческаго ради“ (Лук. 7, 22),—произнесенное преосв. Никаноромъ еще въ бытность его епископомъ Уфимскимъ и Мензелинскимъ въ церкви Уфимской духовной семинаріи. Какъ приведенное выше изреченіе Спасителя изъ Его нагорной проповѣди, такъ и все евангеліе, читаемое во дни св. святителей Божіихъ, проповѣдникъ относитъ къ прямымъ и непосредственнымъ преемникамъ ихъ—пастоящимъ и будущимъ православнымъ пастырямъ, „въ предостереженіе, назиданіе и утѣшеніе. Въ предостереженіе,—чтобы мы пастыри знали напередъ, что всякаго служителя Христова міръ станетъ ненавидѣть больше или меньше, станетъ отгонять отъ себя, станетъ поносить и безчестить имя наше яко зло, какъ ненавидѣлъ, преслѣдовалъ, безчестилъ болѣе или менѣе упорно и великихъ нашихъ предмѣстниковъ; что такой

законъ положенъ въ основу домостроительства Церкви и нашего спасенія Самимъ Основателемъ Церкви и Пастыреначальникомъ Христомъ. Въ назиданіе, — чтобъ эту ненависть, эти преслѣдованія, эти злохуленія отъ міра мы переносили терпѣливо, до конца не изнемогая, по примѣру святыхъ предмѣстниковъ нашихъ и Самого Подвигоположника Христа. Въ утѣшеніе, — въ увѣреніе, что переносимыя нами ненависть, гоненія, злохуленія, что наше терпѣніе, наши злостраданія приобрѣтутъ намъ вѣчное блаженство, какъ приобрѣли и святымъ предмѣстникамъ нашимъ, по обѣтованію праведнаго Мздовоздателя Своимъ вѣрнымъ до смерти слугамъ, Самого Христа Бога“¹⁾).

По существу дѣла вся проповѣдь преосвященнаго Никанора можетъ быть раздѣлена на двѣ главные части, — „ислѣдованіе и приложеніе“. Въ ислѣдованіи проповѣдникъ проникаетъ въ глубокосокровенную тайну возрожденія христіанской души“ для болѣе яснаго „освѣщенія свѣтомъ откровенія нелегко дающейсѣ поверхностному воззрѣнію связи“ между такими противоположностями, какъ обѣщаемыя поставленнымъ въ основѣ поученія изреченіемъ Спасителя „напасти и блаженство нашего духа, злостраданія и радость нашего сердца“, — связи, устанавливаемой Евангеліемъ и отрицаемой ежедневнымъ мірскимъ опытомъ. Во второй части поученія, въ такъ называемомъ „приложеніи“, преосвященный Никаноръ яркими красками характеризуетъ современное намъ пастырство и рѣшаетъ вопросъ: почему оно за послѣдніе особенно годы подверглось всякаго рода злохуленіямъ. Вотъ какими чертами обрисовываетъ преосвященный Никаноръ современное намъ пастырство. „Никогда на всемъ пространствѣ нашей исторіи, — говоритъ проповѣдникъ, — русское православное духовенство не подвергалось такимъ злохуленіямъ, какъ въ послѣдніе годы. Гдѣ причина? Въ томъ ли, что теперь стало больше гласности? Нѣтъ. То несомнѣно, что на всемъ пространствѣ нашей исторіи русское духовенство имѣло

¹⁾ Херс. св. вѣдом. 1884 г., № 4, стр. 93—94.

больше силы, больше славы и достатка, больше всенародной любви и всеобщаго уваженія. Стали-ль мы хуже духовенства стародавнихъ или недавнихъ, но прошедшихъ временъ? Прости намъ, Боже, наши частные грѣхи. Но въ цѣльности нашего единства, въ единомъ живомъ тѣлѣ русскаго пастырства, воспитываемомъ условіями всенароднаго развитія, одушевляемомъ духомъ всенародной нашей исторіи, мы стали теперь образованнѣе; породили изъ себя множество сильныхъ и благотворныхъ умовъ на всѣхъ поприщахъ церковно-народно-государственного служенія; въ нравахъ стали мягче, осмотрительнѣе и благоприличнѣе, въ общемъ соотвѣстнѣе идеалу пастырства. Энергія къ вышнему всенародному учительству, къ участию въ дѣлахъ общественнаго благотворенія повсюду между нами пробуждается, возрастаетъ и мало по малу вступаетъ въ борьбу съ антихристіанскими противогосударственными стремленіями. Да и благочестіе, даже подвижничество между нами не потухли. Общимъ духомъ тяготѣнія къ идеалу духовнаго подвижничества, духовно-нравственнаго по духу Евангелія жизненностію всего въ цѣльности нашего священства и монашества, въ самое послѣднее время, мы произвели изъ себя незазорно честныхъ рабовъ Христовыхъ, даже подвижниковъ, каковы — столпъ Церкви Филаретъ, митрополитъ Московскій, Филаретъ и Филофей, митрополиты Кіевскіе, Іаковъ, архіепископъ Нижегородскій, и Леонидъ, архіепископъ Ярославскій, Антоній, архіепископъ Казанскій, и Евсевій, архіепископъ Могилевскій, Пиментъ, священно-архимандритъ Угрюмскій, Серафимъ Саровскій и цѣлые ряды другихъ извѣстныхъ, мало-извѣстныхъ и неизвѣстныхъ подвижниковъ, равно какъ цѣлые же ряды и смиренно-благочестивыхъ приходскихъ пастырей, которые большею частію цвѣтутъ какъ лиліи въ пустынѣ, ряды духовныхъ трудниковъ, истинныхъ дѣлателей винограда Христова. Не вдумываясь во все это, не только враги, но и нѣкоторые друзья наши, всѣ согласны въ томъ, что мы, русское православное духовенство, хуже, — не знаю почему, только ли по энергіи или даже по всему? — хуже латинско-польскаго духовенства въ Россіи, протестантскаго, даже хуже

магометанскаго; ужъ не хуже ли и раввиновъ еврейскихъ, даже шамановъ сибирскихъ? Но попросимъ нашихъ строгихъ судей разсудить правдиво, кто, какъ не духовенство, пусть и совмѣстно съ другими важнѣйшими факторами нашей исторіи, вырабатывалъ народный духъ, которымъ двигалась наша историческая колесница? Скрытая сила духа, который движетъ исторію народа, формируя и развивая, поддерживалъ и сохраняя народный характеръ, — кѣмъ возгрѣвалась и питалась, какъ не тѣмъ же православнымъ русскимъ духовенствомъ? Оно же, это православное русское духовенство, на всея пространства исторіи выносило на своихъ плечахъ и чисто-русскую народную государственную идею, — выносило „не только благоюкорно, но и по совѣсти и всепреданности, не изъ страха, но изъ беззавѣтнѣйшей любви, не предъ очами господъ точію рабствующихъ, но предъ очами я Самого Господа, Царя царей. И смиренно сокрытую силу нашу не только упорное, напѣренное самоослѣпленіе, не только слѣпота, но и близорукость не замѣчаютъ“ ... Затѣмъ слѣдуетъ горячая аналогія безспорно важной просвѣтительной дѣятельности православнаго русскаго духовенства, которой изъ одного тупаго упрямства не хотятъ видѣть завѣдомо предубѣжденные хулители его. „Мы мало дѣлательны, мало учимъ, или мало учили народъ? Просимъ у нашего Бога и у родной нашей Россіи прощенія. Еслибъ мы сотворили и все, повелѣнное намъ Промысломъ, все, еже должи бѣхомъ сотворити, то и тогда обязаны были бы сказать о себѣ, яко раби исключимы есмы. Но пусть направляемые и ограничиваемые духомъ православно-каѳолической Церкви, которая никогда не ставила себя задачею сдѣлать всякаго мірянина широкимъ богословомъ, равно какъ толкаемые и стѣняемые условіями и общегосударственного нашего развитія, мы и не все сотворили, еже должи бѣхомъ сотворити. Тѣмъ не менѣе именно мы выучили православный русскій народъ, который вынесъ на мощной и трудовой, терпѣливой и многострадаальной снѣгѣ своей русское государство, каковъ онъ ял на есть, худъ ли онъ, хорошъ ли, крѣ-

нокъ ли, слабъ ли духомъ. Пусть простятъ насъ Христа ради за его народныя и наши недостатки. Вѣдь до послѣднихъ лѣтъ мы были главными, если только не единственными народными учителями. И это понимаютъ отлично даже злѣйшіе враги наши, которые такъ сильно хлопочутъ вырвать воспитаніе народа изъ нашихъ рукъ. А чему выучать Россію распространившіеся по всѣмъ концамъ ея учителя въ родѣ тѣхъ, о которыхъ въ послѣдніе дни пишутъ въ консервативныхъ журналахъ („Гражданинъ“ № 44 1883 г.),—это еще увидимъ. Чему же выучили мы, то у всѣхъ на виду? Правда не всему, чему выучить слѣдовало, даже не многому, но одному напотребу выучили, и выучили хорошо, твердо, крѣпко-накрѣпко“,—выучили „для Бога жить, и если не всегда „для Бога жить, то всегда для Бога умирать и жертвовать жизнію для Бога и царя, Церкви и отечества спокойно и просто, смиренно и безконечно трогательно“. Словомъ воспитали въ русскомъ народѣ—что самое главное и необходимое—всѣми признанное и неоднократно засвидѣтельствованное исторією глубокое религіозное чувство, составляющее отличительную черту именно русскаго народа¹⁾.—Такимъ образомъ, „въ цѣльномъ единствѣ мы пока не хуже нашихъ, по крайней мѣрѣ недавнихъ отцовъ. Что же вышло? Что измѣнилось? Отчего это прежде не ругали насъ, а теперь ругаютъ, невольно задаетъ себѣ вопросъ проповѣдникъ. Вотъ въ чемъ причина. Псалмонѣвецъ Давидъ говорить о себѣ прообразовательно, а св. апостолъ Павелъ говорить отъ лица Христа о Христѣ, а за Нимъ и о всѣхъ слугахъ Его: поношенія носящихъ Бога нападоша на мя. Злословія злословящихъ Бога пали на меня (Псал. 68, 10; Римл. 15, 3). На насъ теперь пали поношенія нося-

¹⁾ Въ поученія приводятся двѣ выдержки, въ самыхъ яркихъ и трогательныхъ чертахъ рисующія всю силу религіознаго чувства русскаго солдата: одна изъ записокъ Тхоржевскаго о послѣдней русско-турецкой войнѣ (Прил. къ „Гражданину“ 1883 г., сент.), другая изъ записокъ Остенъ-Сакена о севастопольской кампаніи („Старина“, 1883 г., дек.).

щихъ Бога, злословія злословящихъ Христа Божія. Пока на Руси не было открытыхъ проявленій явнаго анти-христіанства, до тѣхъ поръ и духовенство русское было для всѣхъ и почетно, и любимо, и дорого. А въ наши послѣдніе дни враги Бога и Христа Его отважно снимаютъ маску съ своихъ лицъ, лицъ анти-христовыхъ слугъ. И вотъ враги Христовы — вмѣстѣ и наши враги. И вотъ они-то и забили тревогу первыя передовыми, а имъ вторятъ и маломышленные приспѣшники ихъ. И вотъ общественное мнѣніе: русское православное духовенство худо, хуже даже русскаго магометанскаго, и русскаго еврейскаго, и русскаго шаманскаго духовенства. Тѣ полны энергіи, а мы — слабость; съ тѣми нужно считаться, иногда можно и сочувствовать ихъ энергіи, а насъ нужно только презирать. И вотъ начинается время, что нѣдѣи челоуѣцы и ненавидятъ насъ, и отлучаютъ отъ себя, и поносятъ и проносятъ имя наше яко зло не только за наши немощи, но и Сына челоуѣческаго ради“.

Очень много можемъ мы указать и другихъ прекрасныхъ проповѣдей, подлежащихъ настоящему „обозрѣнію“ и заслуживающихъ подробнаго и серьезнаго разбора ихъ. Таковы напр.: свящ. А. Корнаковскаго въ день Восшествія на престолъ Государя Императора Александра Александровича (Волог. еп. вѣд. 1884 г. № 8), Слово въ тотъ же день архим. Іосифа (Моск. церк. вѣд. № 11), Слово въ тотъ же день архим. Александра (тамъ же), Слово въ нед. Православія свящ. П. Смирнова (тамъ же, № 10), Слово неизвѣстнаго проповѣдника въ праздникъ Срѣтенія Господня (Полт. еп. вѣд. № 4), Слово прот. І. Виноградова въ нед. о блудномъ сынѣ (Моск. церк. вѣд. № 8), Слово свящ. В. Сиземскаго въ день Рождества Христова (Волог. еп. вѣд. № 2), Слово въ день рожденія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны (объ отношеніяхъ мужей къ женамъ) свящ. Н. Попова (тамъ же), Слово прот. І. Любимова въ день Введенія во храмъ пресв. Богородицы (Кам. еп. вѣд. № 2) и друг., — въ особенности же — Слово прот. І. Лебедева въ день освященія храма при Кавказкой духов-

ной семинаріи (Кавк. еп. вѣд. № 1), Слово прот. Н. Ляборинскаго въ день рожденія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны (Донск. еп. вѣд. № 4), Слово прот. Н. Маркова въ день Восшествія на престолъ Государя Императора Александра Александровича (Черниг. еп. вѣд. № 5), Слово неизвѣстнаго проповѣдника на 19 февраля (Моск. церк. вѣд. № 10) и два Слова архіепископа Сергія Кишиневскаго (Кишин. еп. вѣд. № 3).— Но мы коснемся здѣсь только нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ своемъ Словѣ прот. І. Лебедевъ говоритъ о задачахъ всякаго вообще учебнаго заведенія, взявши за исходный пунктъ слова ап. Павла къ Тимошею: „тѣлесное обученіе вмалѣ есть полезно, а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго“ (1 Тим. 4, 8). При этомъ проповѣдникъ высказываетъ нѣсколько вполне справедливыхъ мыслей, принятыхъ въ послѣднее время уже и представителями свѣтской печати, о томъ, какого просвѣщенія ищетъ и въ какомъ нуждается нашъ народъ.—Раздавались и нынѣ перѣдно раздаются жалобы, что у насъ трудно прививается наука, медленно распространяется просвѣщеніе. Гдѣ же причина этого явленія? „Не будемъ обвинять во всемъ темный, какъ говорить, народъ нашъ, неспособный будто бы возвыситься до пониманія великой пользы просвѣщенія. Причина несочувствія его къ современному образованію лежитъ гораздо глубже. Не потому ли онъ чуждается науки, что мало довѣряетъ ей, и не потому ли мало довѣряетъ, что не всегда видитъ отъ нея нравственные плоды—возвышеніе ума къ богопознанію, просвѣтленіе совѣсти, очищеніе сердца, улучшеніе нравовъ? Упадокъ дисциплины и нравственности среди возрастающихъ поколѣній, гнусныя политическія преступленія недавняго прошлаго, въ которыхъ дѣйствующими лицами были по большей части юноши, вышедшіе изъ учебныхъ заведеній, къ несчастью много колебали въ массѣ простаго народа увѣренность въ пользу просвѣщенія. Какая, говорятъ, намъ польза въ этомъ просвѣщеніи, съ которымъ оскудѣваютъ вѣра въ Бога, почтеніе

дѣтей къ родителямъ, уваженіе къ богоустановленной власти и чистота жизни? Мы далеки, конечно, отъ мысли, чтобы современное невѣріе и нравственную раснущенность считать плодами школьнаго воспитанія. Это былъ бы взглядъ настолько же узкій и односторонній, насколько узка и односторонняя и самая цѣль школьнаго образованія, еслибы она преслѣдовала одно только умственное развитіе учащихся безъ надлежащаго воспитанія сердца и воли. Но отдавая должную дань образованію, мы однако можемъ признать его благотѣльнымъ и плодотворнымъ только въ томъ случаѣ, когда польза его для насъ будетъ разсматриваться не столько со стороны доставляемыхъ имъ внѣшнихъ выгодъ и преимуществъ, сколько со стороны налагаемыхъ имъ нравственныхъ обязанностей. Съ этой точки зрѣнія умственное образованіе уже не будетъ пустымъ блескомъ и внѣшнею приваглегією, а станетъ живою и плодотворною силою, освѣщающею путь жизни и приносящею добрые плоды. „Тогда и простые, малообразованные люди не придутъ къ тому печальному выводу, къ сожалѣнію нерѣдко внушаемому жизнію людей превратно образованныхъ, будто образованіе можетъ когда либо портить людей и приносить обществу вредъ. Мы видимъ, что простой народъ нашъ, относясь подозрительно къ образованію свѣтскому, не только не чуждается, но даже ищетъ просвѣщенія религіозно-нравственнаго. Чѣмъ объяснить значительный успѣхъ воскресныхъ собесѣдованій и религіозно-нравственныхъ чтеній, въ недавнее время возникшихъ въ столицахъ и другихъ городахъ и селеніяхъ Россіи, какъ не жаждою народа слышать слово жизни и спасенія? Чѣмъ другимъ, какъ не тою же потребностію слышать и знать слово Божіе, можно объяснить и то предпочтеніе, которое народъ нашъ всегда отдавалъ и отдаетъ школамъ церковнымъ и обученію у своихъ духовныхъ руководителей предъ школами свѣтскими и обученіемъ у подготовленныхъ по приѣмамъ современной педагогики учителей? Не по этимъ ли причинамъ и наше правительство, какъ бы отзываясь на народную потребность, въ послѣднее время выдвинуло

вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ подъ ближайшимъ руководствомъ мѣстныхъ священниковъ? Говоря такъ, мы далеки отъ мысли бросать какую либо неблаговидную тѣнь на современные наши школы и способы обученія, а хотимъ только показать, что элементъ религіозно-нравственный въ школьномъ воспитаніи и обученіи долженъ занимать первое мѣсто, что вызывается и самымъ существомъ дѣла и ясно выражаемыми стремленіями народа“ ¹⁾).

Прот. Н. Ляборияскій рѣшаетъ животрепещущій вопросъ— гдѣ причина того разлада въ мысли и жизни, который въ последнее время успѣлъ заявить себя столькими потрясающими событіями. Нельзя видѣть причины этой въ недостаткѣ серьезнаго образованія въ нашемъ обществѣ, на что очень многіе любятъ взываливать всю вину: люди, стремящіеся къ испроверженію установившихся основъ государственной и общественной жизни, читаютъ много, пишутъ немало, говорятъ объ ученыхъ предметахъ и того больше. Нельзя видѣть ея и въ воображаемомъ недостаткѣ у насъ людей съ твердою волею, съ сильнымъ характеромъ: сильная воля, твердый характеръ могутъ проявлять себя въ разнообразныхъ направленіяхъ,—и злодѣи часто идутъ въ огонь, пренебрегая опасностями, чтобы только исполнить свой недобрый замысль,—иногда при помощи добытыхъ ими изъ науки средствъ. Нельзя наконецъ видѣть этой причины въ слабомъ будто бы дѣйствиіи внѣшнихъ гражданскихъ законовъ: умный человѣкъ съ недоброю волею сумѣетъ обойти и самый строгій законъ. „Ни образованіе, ни твердые характеры, ни строгость законовъ,—говорить проповѣдникъ,—не внесутъ правильныхъ отношеній въ нашу жизнь, если только мы не воспитаемъ въ себѣ такого душевнаго настроенія, съ которымъ человѣкъ старается творить недоброе дѣло, потому что оно грѣхъ предъ очами всевидящаго и правосуднаго Бога“. Это же настроеніе только и можетъ быть

¹⁾ Киев. еп. вѣдом. 1884 г., № 2, стр. 68, 69, 70, 71.

дано христіанскою школою—ученіємъ нашей вѣры и св. Церкви. Между тѣмъ названная школа, „возрождающая человѣка, вдохновляющая его на безкорыстное, самоотверженное служеніе обществу, все болѣе и болѣе забывается многими изъ насъ и не оказываетъ благотворнаго вліянія на образованіе честныхъ гражданъ“. Въ самомъ дѣлѣ, какъ воспитываются у насъ въ большинствѣ случаевъ будущіе отцы семействъ, будущіе граждане—опора отечества? Еще съ колыбели ихъ какъ будто нарочно отдаляютъ отъ Церкви, устраняютъ почти совсѣмъ отъ вліянія религіи. Крещеніе обыкновенно отдалается на неопредѣленное время, „воцерковленіе“ весьма нерѣдко и совсѣмъ оставляется. Многіе родители лишаютъ дѣтей своихъ даже причащенія св. Таинъ, изъ боязни за здоровье ребенка, такъ какъ причащеніе дѣтей, по заявленіямъ и увѣреніямъ свѣтской печати, распространяетъ между ними чрезъ личицу заразительныя эпидемическія болѣзни!... Приходитъ пора учить ребенка. Его окружаютъ гувернерами и гувернантками, его учатъ всѣмъ наукамъ и искусствамъ; только нѣтъ подлѣ ребенка мѣста законоучителю, только не учатъ его наукѣ вѣры и искусству жизни христіанской: не сообразно,—говорить,—съ ризвитіемъ дѣтской природы раннее сообщеніе дитяти христіанскихъ правилъ нравственности, истинъ вѣры, уясненіе имъ обрядовъ богослуженія и т. п.; при обученіи всегда нужно идти отъ легкаго къ трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Всѣ эти свѣдѣнія,—продолжимъ словами проповѣдника,—и притомъ кое-какъ сообщаются уже впоследствии, когда дитя обогатится запасомъ знаній изъ окружающаго его міра, познакомится достаточно съ языками чужеземными, когда разовьется настолько, что истины вѣры покажутся ему чѣмъ-то новымъ и притомъ мало ероднымъ съ его природою, уже принявшею другое направленіе. А между тѣмъ умные люди еще много вѣковъ тому назадъ говорили, что душа человѣческая по природѣ христіанка, и что раннее обращеніе вниманія на религіозное воспитаніе вполне сообразно съ дѣтскою природою и съ педагогическимъ правиломъ переходить при обученіи дѣтей отъ легкаго къ труд-

ному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Вѣдь христіанскія истины не противоестественны, а сверхъестественны, не противозаконны, а противогрѣховны. Такъ ходъ совращенія питомца въ иную вѣру, ходъ, такъ сказать, вывѣтриванія изъ него религіознаго чувства начался при самомъ началѣ его домашняго образованія. Силы, сдерживающей его движеніе по скользкому пути, нѣтъ. Правда, есть храмъ Божій, и посѣщеніе дѣтьми совершаемыхъ въ немъ богослуженій могло бы благотворно вліять на развитіе ихъ религіознаго настроенія; но... да не возглаголютъ уста наша дѣлъ человѣческихъ! Теперь не рѣдкость такіа семейства, глава котораго отправляется иногда съ дѣтьми въ храмъ Божій только затѣмъ, чтобы себя показать и другихъ посмотреть; мнимо же просвѣщенная глава приведетъ цѣлый облакъ свидѣтельствъ не въ пользу посѣщенія храма Божія: и утомляющая продолжительность богослуженія въ немъ, и то слишкомъ раннее, то слишкомъ позднее начало его, и душливый, иногда холодный воздухъ храма Божія, вредно вліяющій на здоровье, и т. п... А дома—полное отсутствіе исполненія религіозныхъ обрядовъ,—не непочтительное только, а брезгливое иногда отношеніе къ совершителямъ этихъ обрядовъ, т. е. къ служителямъ Церкви... Замѣчаетъ все это дитя и понимаетъ, понимаетъ и развивается... Созданное по образу Божию, но развивающееся по подобію своихъ родителей и воспитателей дитя поступаетъ далѣе въ школу и теперь подвергается давленію уже двухъ такъ сказать атмосферъ: школьной и семейной. Самая добросовѣстная школа не въ силахъ преодолѣть давленіе семейной атмосферы, какъ болѣе сильной и дѣйствующей почти непрывно. Но если школа будетъ руководиться такими, напр., лукавыми воззрѣніями: мы заботимся, чтобы воспитанники наши свободно посѣщали храмъ Божій, что внѣшними побужденіями можно вызвать въ нихъ холодость къ религіи, тогда изъ сложенія вліянія семьи и школы получится сумма, вполне достаточная для искорененія христіанскаго настроенія въ человѣкѣ. Какъ будто, скажемъ мы подобной школѣ, не правда то, что человѣкъ не еже

хочетъ доброе, сіе творить, но еже не хочетъ злое, сіе содѣваетъ! Какъ будто религіозное воспитаніе чловѣка, больше склоннаго дѣлать зло, чѣмъ добро, не допускаетъ никакихъ разумныхъ внѣшнихъ побужденій“¹⁾!—Вотъ гдѣ главная и, даже можно сказать, единственная причина подобнаго современнаго разлада въ мысли и въ жизни. Давая такое воспитаніе будущимъ отцамъ и матерямъ семействъ, будущимъ слугамъ отечества и охранителямъ царскаго престола, мы, по близорукости своей, сами того не замѣчая, создаемъ храмину семьи и государства на песокъ: и „сиде дождь, и придоша рѣки и возвѣяша вѣтри, и опрошася храминѣ и надеся: и бѣ разрушеніе ея велие“ (Мате. 7, 27).

Прот. Н. Марковъ съ большею убѣдительностію говоритъ „о нашемъ общемъ священномъ долгѣ къ государству и его самодержавной власти“, въ которой одной только по истинѣ заключается „вѣрный залогъ благосостоянія нашего отечества, краеугольный камень его могущества и цѣлости, священный завѣтъ всей исторіи“. И дѣйствительно стоитъ бросить хотя бѣглый взглядъ на исторію нашего отечества, чтобы видѣть, что „только съ развитіемъ и утвержденіемъ самодержавія Россія заняла великое положеніе въ мірѣ, такъ что это государственное начало составляетъ все историческое существо и значеніе Россіи“²⁾.

Слово неизвѣстнаго проповѣдника на 19-е февраля—это скорбный, за душу хватающій плачъ на безвременной могилѣ звѣрски убитаго Царя-мученика. Иныхъ мѣстъ положительно нельзя читать безъ невольнаго содроганія: такъ отзываются онѣ прямо изъ сильно наболѣвнаго сердца вырывающимся стономъ. Выпишемъ для образчика нѣсколько строкъ. Въ то время, какъ великій, неутомимый Императоръ съ отеческою заботливостію и

¹⁾ Допск. еп. вѣдом. 1884 г., № 4, стр. 137, 138, 139, 140.

²⁾ Черныг. еп. вѣдом. 1884 г., № 5, стр. 175—176.

безграничною любовію предпринималъ реформу за реформою для блага своего народа, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями,—„цѣлый рядъ заговоровъ, нападеній не даютъ ему мира и покоя, стерегутъ и преслѣдуютъ его, какъ врага какого; какъ бы цѣлый адъ возсталъ противъ него,—и 1-е марта 1881 года является рѣшительнымъ ударомъ враговъ и роковымъ, плачевнымъ днемъ всего нашего отечества... Среди столицы, среди блага дня раздается въ слухъ народный не властное царское слово, а слышится изъ пораженныхъ и обогранныхъ кровію устъ умирающаго Царя-благодѣтеля: „помогите, помогите“! Да! и это скорбное „помогите“ слышится изъ устъ того, кто былъ истиннымъ отцомъ своего отечества, благодѣтельствовавъ ему, кто самоотверженно любилъ свой народъ, чье сердце всегда было отзывчиво на все благое и доброе для него,—слышится изъ устъ того, кто въ своихъ царственныхъ рукахъ держалъ скипетръ правленія надъ однимъ изъ обширѣйшихъ царствъ въ мірѣ, простирающемся отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана, отъ Ледовитаго до предѣловъ Персіи и Китая. Боже милосердный! Что это такое?—до чего мы дожили!—Лучшій изъ царей убитъ въ своей столицѣ, и намъ осталось оплакивать своего благодѣтеля, незабвеннаго царя-мученика, Александра II“¹⁾!

Закончимъ свое обозрѣніе краткимъ замѣчаніемъ о словахъ высокопреосвященнаго Сергія, архіепископа Кишиневскаго. Читатели въ 17 № „Руководства для сельскихъ пастырей“ имѣли возможность познакомиться съ однимъ изъ словъ высокопреосвященнаго Сергія; въ настоящемъ же номерѣ помѣщенъ отрывокъ и изъ другаго слова Кишиневскаго архипастыря. У высокопреосвященнаго проповѣдника своя особенная, строго выработанная манера проповѣдничества. Каждое слово его обыкновенно весьма кратко по объему (не больше, весьма часто менѣе 4 печатныхъ страницъ); но не смотря на краткость, каждое слово производитъ

¹⁾ Моск. церк. вѣдом. 1884 г., № 10, стр. 142.

на слушателя или читателя самое продолжительное дѣйствіе, но препрѣтельными однако человѣческія премудрости словами, которыхъ Высокопреосвященный не допускаетъ въ своихъ словахъ, но именно явленіемъ духа и силы. Читатель или слушатель ощущаетъ, что проповѣдникъ не свое вѣщаетъ слово, но слово Божіе, слово Церкви; изрѣченія Св. Писанія, изрѣченія св. Отцовъ, а нередко и краткіе рассказы изъ жизни святыхъ Божіихъ каждому уроку, предлагаемому высокопреосвящ. Сергіемъ въ его словѣ, даютъ характеръ истинно церковнаго слова. Коротче говоря, проповѣдникъ—архипастырь въ словахъ своихъ вполне осуществляетъ тѣ требованія, какія, по его же извѣстному читателямъ слову, долженъ исполнять всякій служитель слова церковнаго.

Г. Булашевъ.

Откуда получили священники право благословлять, и какое имѣетъ значеніе ихъ благословеніе¹⁾?

Еще въ ветхомъ заветѣ учредилъ Самъ Господь іерейство людей, и далъ симъ лицамъ право служить Ему въкупѣ и священствовать, и благословляти люди Его именемъ Его (Сир. 45, 8. 19). Какъ Ааронъ и его пресмники должны были благословлять народъ,—это также опредѣлено было Самимъ Богомъ. Снце благословите сыны Израилевы, глаголюще: Да благословитъ тя Господь, и сохранитъ тя. Да просвѣтитъ Господь лице на тя, и помилюетъ тя. Да воздвигнетъ Господь лице свое на тя, и дасть ти миръ. И да возложатъ имя мое на сыны Израилевы, и Азъ Господь благословлю я (Числ. 6. 23—27).

Христосъ Спаситель, давъ пастырей, даровалъ имъ и право благословлять вѣрующихъ. Видимый знакъ своего благословенія

¹⁾ Изъ слова высокопресвященнаго Сергія, архієпископа Кипривскаго.

Онъ показаль на дѣтяхъ, когда, возложь руцѣ на нихъ, благословляше ихъ (Марк. 10, 16). Потомъ при вознесеніи, окруженный вѣрными Своими послѣдователями, Господь воздвигъ руцѣ свои, и благослови ихъ (Дук. 24, 50). Такъ стали благословлять апостолы и ихъ преемники; только руковожженіе вскорѣ замѣнилось знаменіемъ крестнымъ. Сей образъ благословенія донныѣ сохранился по непосредственному преданію. Святый Василій Великій замѣчаетъ: „благословляемъ воду крещенія и елей помазанія, еще же и самаго крещаемаго, — по преданію умалчиваемому и тайному“ (О св. Д. гл. 27).

Пастырское благословеніе имѣеть свое духовное значеніе. Христосъ, благословляя апостоловъ, изрекъ имъ: пріимете силу нашедшу Духу святому на вы (Дѣян. 1, 8). Такъ и пастырь, благословляя именемъ Божиимъ, призываетъ на благословляемыхъ силу Божию, освящающую, помогающую, охраняющую и утѣшающую. Какъ дѣйствуетъ сія сила, то зависитъ отъ вѣры пріемлющаго благословеніе. Но примѣчательно, что издревле народъ неудержимо стремился къ лицамъ священнымъ, чтобы осѣявиться крестнымъ знаменіемъ отъ ихъ рукъ. Цари и князи, свидѣтельствуєтъ святый Амвросій Медиоланскій, удостоивали преклонять свои вѣны предъ священниками и цѣловали ихъ руки, въ надеждѣ оградить себя ихъ молитвами“ (О дост. свящ. гл. 2). Кто подходитъ подъ благословенію, тотъ очевидно дѣлаєтъ это изъ уваженія къ сану. А почтеніе къ священному сану неразрывно и съ благоговѣніемъ къ Богу. Въ Писаніи сказано: всею душею твоею благоговѣй Господови, и іереи Его чти (Сир. 7; 31). Поясняя сіе, Златоустъ говоритъ: (На 2 Тим. бее. 2, отд. 2) „Кто почитаетъ священника, тотъ будетъ почитать и Бога; а кто сталъ презирать священника, тотъ мало по малу дойдетъ и до оскорбленія Бога. Хотя бы священникъ былъ и не благочестивъ; но Богъ, видя, что ты изъ благоговѣнія къ Нему почтаешь даже и недостойнаго чести, Самъ воздастъ тебѣ награду“.

О заучиваніи проповѣдей, приготовляемыхъ для произнесенія.

Вопросъ о заучиваніи проповѣдей можетъ на первый взглядъ показаться мелочнымъ и даже страннымъ, напоминающимъ ту „зубристику“, которая теперь изгоняется даже изъ школъ для малолѣтнихъ дѣтей. Но если взглянуть на дѣло серьезно, то онъ окажется вовсе немаловажнымъ. Когда проповѣдь уже написана, то этимъ дѣло не заканчивается, — ее пужно еще произнести. А если такъ, то открывзается мѣсто для запоминанія или заучиванія ея. Конечно, это оказывается не необходимымъ, если ограничиваются чтеніемъ написанной проповѣди по тетради. Но устная рѣчь имѣетъ несравненно болѣе высокое значеніе, нежели чтеніе. Читаемыя проповѣди обыкновенно не имѣютъ той свѣжести и жизненности, которыми характеризуется устная рѣчь. Это въ особенности обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда проповѣдникъ старается скрыть предъ своими слушателями то, что онъ читаетъ именно по написанному. Въ такихъ случаяхъ лучшее, конечно, уже прямо, безъ всякой маскировки, обращаться къ тетради, потому что стремленіе скрыть пользованіе тетрадью на каедрѣ лишаетъ проповѣдника необходимаго спокойствія и не позволяетъ ему сосредоточиться на самомъ чтеніи.

Но безъ основанія наше общество съ особымъ сочувствіемъ относится къ устнымъ проповѣдямъ. Устная проповѣдь освящена примѣромъ нашего божественнаго Учителя, Его учениковъ и первенствующей Церкви. Также многіе изъ нашихъ проповѣдниковъ отдають предпочтеніе проповѣди импровизаціонной или по крайней мѣрѣ произносимой наизусть предъ чтеніемъ по тетради¹⁾. Если для обработки проповѣди необходимо письменное изложеніе ея, то

¹⁾ Такъ напр. нашъ знаменитый проповѣдникъ Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, рекомендуетъ говорить проповѣди наизусть. См. 288 стр. въ № 12 „Рук. для сельск. паст.“ за настоящій годъ.

на церковной кафедрѣ нѣтъ нужды являться съ бумагою, подобно тому какъ художникъ не считаетъ нужнымъ предъ зрителями выставлять вмѣстѣ съ картиною тѣ аппараты, при помощи которыхъ она написана. Безъ тетради проповѣдникъ становится въ болѣе близкое отношеніе къ слушателямъ. Когда проповѣдникъ читаетъ по тетради, то постоянно кажется, что онъ передаетъ своимъ слушателямъ какъ бы слова другого лица; между нимъ и слушателями въ листахъ бумаги является нѣчто чуждое, что скорѣе можетъ служить раздѣляющимъ средостѣніемъ, нежели связующими узами любви. Безспорно, наиболѣе живыми могутъ быть и наиболѣе сильное впечатлѣніе могутъ производить на слушателей проповѣди только импровизаціонныя. Но импровизація не для каждаго проповѣдника доступна. Поэтому для проповѣдниковъ, начинающихъ или не обладающихъ даромъ свободнаго слова, но имѣющихъ хорошую память, можно рекомендовать произносить проповѣди, заранѣе запоминаемыя или заучиваемыя, потому что такого рода проповѣди по своему характеру гораздо ближе стоятъ къ импровизаціоннымъ проповѣдямъ, нежели читаемыя по тетради. Осмысленное заучиваніе представляетъ проповѣднику возможность глубже проникнуться предметомъ своей проповѣди и дать ему то воодушевленіе и живость, которыя такъ обаятельно дѣйствуютъ на слушателей; потому что только тѣ истины могутъ вполне сообщаться другимъ, которыя исходятъ изъ глубины души лица, передающаго ихъ, которыя служатъ выраженіемъ мыслей и чувствъ, наполняющихъ его умъ, сердце и волю. Заучиваніе написанныхъ проповѣдей имѣетъ и ту выгоду, что при этомъ легче бываетъ замѣчать недостатки въ ней, а вмѣстѣ съ этимъ болѣе возможности открывается и къ ея усовершенствованію. Наконецъ заучиваніе или запоминаніе можетъ служить прекрасною подготовкою и къ импровизаціонной рѣчи: привыкнувъ являться на церковной кафедрѣ безъ тетради, проповѣдникъ, постепенно переходя отъ изученія всей проповѣди къ запоминанію лишь главныхъ мыслей ея и отъ подробнаго письменнаго изложенія проповѣди къ составленію лишь

конспектовъ, легко можетъ приучить себя и къ импровизаціи, если онъ обладаетъ даромъ свободнаго слова.

Къ заучиванію или запоминанію проповѣдей должно приучать себя съ самаго начала своей проповѣднической дѣятельности. Начало большою частію имѣетъ рѣшающее значеніе для всей послѣдующей дѣятельности. Если мы сначала не рѣшаемся на это, то впослѣдствіи это будетъ для насъ еще болѣе труднымъ. Начинаящій проповѣдникъ можетъ брать съ собою рукопись на кафедру и въ случаѣ необходимости обращаться къ ней, но не слѣдуетъ безъ особой нужды дѣлать это, потому что въ такомъ случаѣ онъ постоянно можетъ подвергаться соблазну воспользоваться находящеюся предъ нимъ тетрадью и ему гораздо болѣе времени потребуется для того, чтобы приучить себя вполне отрѣшиться отъ нея. Гораздо лучше немедленно же, какъ только проповѣдникъ освоится съ своимъ новымъ положеніемъ на кафедрѣ, совсѣмъ устранить съ нея рукописи проповѣдей. Впрочемъ, если съ надлежащимъ вниманіемъ готовится проповѣдь, то не понадобится много труда и на запоминаніе ея. Приготовленіе здѣсь имѣетъ весьма важное значеніе: если оно дѣлается небрежно, наскоро, неохотно, то и запоминаніе проповѣди является дѣломъ труднымъ, она не запечатлѣвается въ нашей памяти. Но если съ должнымъ вниманіемъ, усердіемъ и любовью занимаются раскрытіемъ избраннаго текста и темы, если Слово Божіе чрезъ постоянное поученіе въ немъ дѣлается полнымъ достояніемъ нашего ума и сердца, какъ это должно быть при каждой проповѣди, то и запоминаніе ея становится легкимъ и пріятнымъ. Хорошо приготовленная проповѣдь бываетъ уже на половину запечатлѣнною въ памяти, и если мы надлежащимъ образомъ готовили проповѣдь, то можемъ тотчасъ же, если окажется нужнымъ, вступить на кафедру и проповѣдывать; но чтобы твердо стоять на кафедрѣ и проповѣдывать съ надлежащимъ спокойствіемъ и радостію, для этого нужно вполне усвоить проповѣдь,—это не бесполезно даже и для наиболѣе опытныхъ проповѣдниковъ. Но какъ удобнѣе и полезнѣе дѣлать это?

Большую часть каждый проповедникъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи своему методу, который кажется ему наиболѣе удобнымъ. Но можно указать и такой способъ, который можетъ быть съ пользою употребляемъ каждымъ проповѣдникомъ. Повидимому проще и удобнѣе всего заучивать всю проповѣдь постепенно, слово за словомъ, предложеніе за предложеніемъ. Но хотя и этотъ способъ можетъ достигать цѣли, однако его нельзя одобрить уже потому, что это чисто-механическій путь, а не естественный, и что эта механичность обыкновенно обнаруживается и при самомъ произношеніи. Запоминаніе должно быть только повтореніемъ, и именно осмысленнымъ повтореніемъ всего того хода мыслей, которому мы слѣдовали при приготовленіи проповѣди. Конечно, проповѣдь образуется въ нашихъ мысляхъ постепенно, но не такъ, чтобы мы присоединяли одно слово къ другому, одну мысль къ другой, а такимъ образомъ, что мы заимствуемъ главную истину изъ текста, образуемъ тему и развиваемъ ее въ частности. Такимъ образомъ нужно поступать и при запоминаніи проповѣди, если мы хотимъ идти естественнымъ путемъ: нужно нѣсколько разъ повторить тотъ путь по всѣмъ его ступенямъ, которому мы слѣдовали при составленіи проповѣди, чтобы вполне усвоить его. Сначала достаточно общаго, бѣглаго обзора, чтобы усвоить лишь главный предметъ и планъ проповѣди и чтобы впослѣдствіи не потерять изъ вида главной нити проповѣди. Вторая ступень должна состоять въ болѣе внимательномъ изученіи каждой изъ частей проповѣди въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Третья ступень имѣетъ болѣе механическій характеръ и состоитъ въ изученіи всѣхъ частности проповѣди, причемъ для начинающихъ проповѣдниковъ не излишне иногда бываетъ обращать вниманіе и на то, въ какомъ мѣстѣ рукописи находятся наиболѣе трудныя для усвоенія и главныя части проповѣди, чтобы на каждаго безъ особаго затрудненія находить ихъ въ рукописи, если это окажется необходимымъ. Но при этой работѣ нужно заботиться о томъ, чтобы она не была чисто механическою, безжизненною,

сухою: она должна служить къ большому углубленію въ предметъ проповѣди и къ болѣе прочному впечатлѣнію его въ нашей душѣ. При запоминаніи проповѣди, должна дѣйствовать не память только, но также умъ, воля и сердце. Только при соблюденіи этого условія, проповѣдникъ можетъ избѣгать той механичности, холодности и безжизненности, которыя нерѣдко замѣчаются при произнесеніи на память.

Въ заключеніи мы признаемъ нелишнимъ привести сужденіе великаго знатока краснорѣчія Квинтиліана о заучиваніи рѣчей, предназначенныхъ для публичнаго произнесенія. Онъ признаетъ необходимымъ являться предъ публикою съ рѣчью безъ тетради. Но нужно ли буквально заучивать всю рѣчь, или же достаточно ограничиться запоминаніемъ лишь самаго хода мыслей въ ней, — относительно этого онъ считаетъ невозможнымъ представить общее рѣшеніе, потому что оно обусловливается индивидуальными свойствами дарованій оратора. Если ораторъ обладаетъ хорошею памятью и имѣетъ достаточно времени, то желательно, чтобы онъ запоминалъ всю рѣчь, не опуская ни одного слова изъ написаннаго. Но у кого память слаба и мало времени для приготовленія, тому бесполезно было бы припоминать каждое слово написанной рѣчи, потому что достаточно въ такомъ случаѣ забыть одно слово, чтобы произошелъ непріятный для слушателей перерывъ или остановка. Гораздо безопаснѣе, запомнивъ только мысли рѣчи, представить себѣ свободу изложенія ихъ при самомъ произнесеніи. Но этотъ способъ можетъ быть полезнымъ лишь для тѣхъ, которые уже приобрѣли навыкъ въ импровизаціонной рѣчи (*Instit. Orat. XI, 2*).

Н. Д.

Должность людей къ пастырямъ.

(Св. Тихона Задонскаго).

Первая. Люди должны пастырю повиноваться. Якоже бо овца, не слушающая голоса пастуха своего и удаляющаяся отъ стада, бываетъ снѣдь звѣрю: тако человѣкъ, не повинующійся пастырю или наставнику своему, бываетъ корысть діаволу и потому погибаетъ.

Вторая. Должно пастырей своихъ любить, почитать и къ нимъ благодарность имѣть.

Речетъ кто: пастырь худо живетъ и не дѣлаетъ того, чего учить?

Отвѣтъ. Первое. Что худо живетъ, и не дѣлаетъ, чего учить, ты за его не будешь отвѣщать предъ Богомъ, а потому что тебѣ, что худо живетъ?—Онъ же за тебя отвѣтъ дастъ и истязанъ будетъ.

Второе. Пастырь туюжде помощь имѣетъ, какую всякъ человѣкъ и для того не дивно, что грѣшитъ, какъ человѣкъ: того ради должно тебѣ о немъ молиться, чтобы исправенъ былъ,—что будетъ въ общую пользу.

Третье. Ежели право учить, а худо живетъ, то ты смотри и дѣлай тое, чего учить, а житію его не подражай. Такъ и Христосъ сказалъ о книжникамъ и фарисеяхъ: на Моисеевъ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисеи; вся убо, елика рекуть вамъ блюсти, соблюдайте и творите.

Четвертое. Часто бываетъ, что пастырь много клеветы, злословія, поношенія, хулы напрасно терпитъ. Никто бо болѣе не подлежитъ злословію и оклеветанію, какъ пастырь. Замѣ бо люди, которыхъ онъ пороки обличаетъ, не терпя того, часто о немъ злый проносятъ слухъ и разсѣваютъ тое, чего онъ не знаетъ; или изъ малаго дѣлаютъ большое, или прибавляютъ, или не такъ разносятъ, какъ было, злобствуя на него. Для того берегись, и не осуждай, ибо грѣха не избудешь, понеже хотя и и подлинно онъ грѣшитъ, не твое дѣло его судить. А когда невиненъ, то дважды грѣшишь, и потому тяжело: и что осуждаешь, и что невиннаго осуждаешь, и за то вельми истязанъ будешь.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 мая 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчака-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 21.

Подписка принимается въ редак-
цію сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Мая 20-го.

Содержаніе: Отвѣтственность пастырскаго служенія, по ученію св. Исидора Пелусіота. — Гипнотизмъ, какъ подтвержденіе истинъ христіанскаго ученія. — Современная проповѣдь на Западѣ. — Народное повѣрье о священнической трости. — Назидательныя для пастырей Церкви изреченія св. Отцевъ.

Отвѣтственность пастырскаго служенія, по ученію св. Исидора Пелусіота.

Въ виду высокой задачи священническаго служенія и трудности прохожденія его, люди, ищущіе этого служенія, должны, по совѣту св. Исидора, руководствоваться мудрымъ изреченіемъ: „познай самаго себя“, а также и достоинствомъ священства, чтобы не взяться за дѣло, для многихъ недоступное. Ибо священство при своей высотѣ представляетъ многія опасности, и оно есть служеніе, подлежащее отвѣтственности (3, 127). Пастырь, не исполняющій своихъ обязанностей, подлежитъ двойной отвѣтственности—и за себя и за пасомыхъ. Какъ кормчій, говоритъ Исидоръ къ пресвитеру Іераку (5, 322), сдѣлавъ ошибку при управленіи кораблемъ, подвергаетъ погибели всѣхъ, находящихся на

кораблѣ, такъ и священникъ своими грѣхами распространяетъ вредоносность на всѣхъ. Поэтому имѣющимъ священный санъ должно быть особенно заботливыми, такъ какъ они обязаны дать отчетъ и за себя и за подчиненныхъ (5, 323). Соответственно двойной отвѣтственности пастырь понесетъ тягчайшее наказаніе за неисправное прохожденіе принятаго имъ на себя служенія. Къ названному выше пресвитеру Исидоръ пишетъ: „неравное, блаженный, потерпимъ наказаніе, если грѣшимъ до принятія священства и послѣ принятія его, но (во второмъ случаѣ) гораздо тягчайшее. Ибо справедливость требуетъ, чтобы тѣ, которые, удостоившись этой чести и не сдѣлавшись лучшими, подверглись болѣе тяжкому наказанію, потому что самое величіе сего сана служить средствомъ къ увеличенію наказанія“. Имѣя въ виду величіе священства и тяжкую отвѣтственность за него, св. Исидоръ похвалялъ тѣхъ, которые, считая себя слабыми, уклонялись отъ этого сана, а людямъ недостойнымъ совѣтовалъ не домогаться священства, какъ доступнаго только немногимъ (2, 125). „Говорятъ, пишетъ Исидоръ Зосимѣ, что ты желаешь священства,—вещи, недоступной для многихъ, а особенно для тебя. Поэтому или исправь свою жизнь, или же удержишься отъ вожделѣнія неприкосновенныхъ для тебя святилищъ“ (1, 22). Пастырямъ, недостойно проходившимъ свое служеніе, св. Исидоръ во многихъ своихъ письмахъ грозитъ будущимъ судомъ Божиимъ и геенною. Вообще Исидоръ считалъ священство столь недоступнымъ для многихъ людей, что въ избраніи священника усматривалъ „божественную благодать и Божіе распредѣленіе“ (5, 422). Санъ священника, писалъ Исидоръ еп. Алфію, данъ тебѣ по Божію мановенію (3, 150).

Гипнотизмъ, какъ подтвержденіе истинъ христіанскаго ученія¹⁾.

Съ 1879 года, вслѣдствіе опытовъ извѣстнаго Ганзена, произведенныхъ имъ во многихъ городахъ Германіи и особенно въ Вѣнѣ на публичныхъ представленіяхъ, не только фізіологи всѣхъ странъ, но и вообще образованные классы общества обратили вниманіе на одно таинственное явленіе, которое сначала, въ особенности въ кружкахъ медиковъ, считалось ловкою продѣлкой, но впослѣдствіи дѣйствительность его такъ основательно была подтверждена, что теперь уже нѣтъ основанія спорить противъ факта и связанныхъ съ нимъ явленій. Явленіе это — такъ называемый гипнотизмъ (отъ слова *ὑπνος* — сонъ).

Еще за 40 лѣтъ до Ганзена явленіе это было извѣстно англійскому врачу по имени Бреду; но такъ какъ въ ученомъ мірѣ обыкновенно не обращаютъ вниманія на то, что не надѣлало большого шума, то только Ганзену удалось воспользоваться этимъ дѣломъ. Французскіе врачи также были давно уже знакомы съ этимъ явленіемъ и собрали достаточный матеріалъ относительно его; но въ Германіи почему-то о немъ не знали до 1879 года.

Когда выступилъ Ганзень со своими таинственными опытами, то всѣ почти склонны были принять его за шарлатана, и мы помнимъ еще то громадное волненіе, которое произвело его появленіе въ нѣкоторыхъ городахъ: одни обращались противъ Ганзена къ полиціи, а другіе же требовали оставить его безъ вниманія.

Волненіе это значительно поутихло послѣ изслѣдованій физика Вейнольда, фізіолога Гейденгайма, доктора Грюцнера, и съ 1880 года гипнотизмъ открыто былъ признанъ вопросомъ научнымъ.

¹⁾ Изъ пастырскаго нѣмецкаго журнала >Храни, что пишешь<.

Попробуемъ же на основаніи опубликованныхъ изслѣдованій представить явленія гипнотизма въ связи и порядкѣ.

Для приведенія кого либо въ гипнотическое состояніе (для этого пригодны болѣе всѣхъ малокровныя особы) употребляются различныя средства. Самое простое и дѣйствительное представляетъ такъ называемая фиксація, т. е. когда гипнотизируемый субъектъ извѣстное время (обыкновенно нѣсколько минутъ) пристально смотритъ на экспериментатора, или когда долго и пристально смотритъ на какой либо небольшой предметъ. Въ послѣднемъ случаѣ достаточно блестящей пуговицы или какого либо другого подобнаго предмета, но иногда нуженъ бываетъ иной—не блестящій предметъ. Для чувствительныхъ особъ достаточно одной только мысли о томъ, что онѣ будутъ гипнотизироваться для приведенія ихъ въ это состояніе. Мы оставляемъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, возможно ли самогипнотизированіе, какъ это утверждаетъ Брэдъ.

Чтобы опытъ удался, необходима при совершеніи его возможно-полная тишина въ окружающей обстановкѣ. На этомъ основаніи вечеръ вообще болѣе удобное время для гипнотизированія, чѣмъ день: тогда чувствуемъ легче отвлечься отъ окружающей ихъ обстановки. Чѣмъ чаще кто либо подвергался опытамъ гипнотизированія, тѣмъ большую способность къ нимъ пріобрѣтаетъ; однако нужно замѣтить, что слишкомъ частое гипнотизированіе вредно для здоровья субъекта, подвергающагося этимъ опытамъ. Поэтому врачи предостерегаютъ отъ частаго производства этихъ опытовъ надъ одними и тѣми же субъектами.

Гипнотическое состояніе, какъ уже самое названіе показываетъ, есть состояніе, подобное сну; но оно не всегда бываетъ одинаково глубокимъ, но различается по ступенямъ. Вообще тутъ можно различать двѣ ступени. Низшая ступень состоитъ въ спокойномъ снѣ съ полнымъ сознаніемъ: гипнотизированный все слышитъ, но только не можетъ открыть глазъ; его воля связана;

такое состояніе преимущественно яступаетъ у лицъ, слабыхъ по организаціи и у дѣвушекъ.

Высшая ступень гипноза напротивъ сопровождается полною потерей сознанія и воли. Гипнотизированный находится въ полной зависимости отъ своего экспериментатора, который можетъ распоряжаться имъ, какъ автоматомъ.

Эта высшая ступень собственно и представляетъ замѣчательное явленіе; съ нею связаны интереснѣйшія и удивительныя явленія; здѣсь какъ тѣлесныя, такъ и душевныя отправления проявляются несравненно съ большею напряженностью, чѣмъ то бываетъ въ бодрственномъ состояніи.

Обратимъ прежде всего вниманіе на то, какія дѣйствія производитъ гипнотизмъ на тѣло и его чувства. Здѣсь нужно упомянуть, что ни одно изъ пяти чувствъ не остается такъ сказать незатронутымъ гипнотизмомъ; по мѣрѣ того, какъ состояніе гипноза усиливается, и сила чувствъ достигаетъ неимоверной степени возвышенной дѣятельности.

Чувство слуха становится чрезвычайно острымъ. Тончайшіе оттѣнки чьего нибудь выговора такъ тонко различаются, какъ это не возможно бываетъ въ бодрственномъ состояніи.

Чувство зрѣнія также значительно возвышается въ своей дѣятельности. Гипнотизированные могутъ читать при столь незначительномъ количествѣ свѣта, при которомъ обыкновенный глазъ не можетъ уже опредѣленно различать шрифта. Одинъ врачъ рассказываетъ, что слѣпаго сдѣлавъ на столько воспримчивымъ къ своимъ вліяніямъ, что какъ только онъ, въ продолженіи 10 минутъ, становился предметомъ его вниманія, тотъ впадалъ въ гипнотическій сонъ, чѣмъ бы при этомъ ни былъ занятъ: „если я заставлялъ его за обѣдомъ, говоритъ онъ, то онъ всякій разъ переставалъ ѣсть, оставался нѣсколько мгновеній неподвижнымъ, а потомъ поворачивалъ голову впередъ и впадалъ въ гипнотическое состояніе“.

Тонкость обонянiя также становится удивительною. Бредъ рассказываетъ объ одной личности, которая узнавала другую при помощи обонянiя: достаточно было поднести перчатку къ ея носу, чтобы она узнала, кому она принадлежитъ.

Чувство осязанiя у гипнотизированныхъ по Бреду также бываетъ сильно развито; они тонко различаютъ состоянiе температуры; они могутъ, далѣе, обойти съ завязанными глазами комнату, не зацѣпивши ни одного предмета. Тотъ же изслѣдователь передаетъ за достовѣрное, что гипнотики замѣчаютъ охлажденiе, произведенное движенiемъ самой тонкой струи воздуха на разстоянiи 100 футовъ. Далѣе онъ же рассказываетъ, что гипнотизированныя лица могутъ писать съ изумительною правильностью. Они дѣлаютъ поперечную чертку въ буквѣ t и съ точностью всегда ставятъ на своемъ мѣстѣ точку надъ буквой i. Они даже могутъ корректировать. Если сдвинуть съ мѣста корректурный листъ, то они ставятъ поправки на мѣстахъ соответствующихъ прежнему положенiю листа и продолжаютъ поправки такъ, какъ будто листъ остался нетронутымъ.

Что касается наконецъ чувства вкуса, то и оно, подобно другимъ чувствамъ, становится интенсивнѣе. Тутъ въ высшей степени замѣчательно то обстоятельство, что вкусъ гипнотизирующаго можетъ передаваться гипнотизируемому. Въ лейпцигской больницѣ Ганзелъ сдѣлалъ такой опытъ надъ студентомъ медицины. Ганзелъ пошелъ за спину студента къ письменному столу и, омкнувши перо въ чернильницу, взялъ каплю чернила въ ротъ. Потомъ онъ сталъ позади молодаго человѣка, положилъ свою руку на его затылокъ, сталъ производить ртомъ такiя движенiя, какъ будто что отвѣдывалъ, и спросилъ: вы ощущаете какой нибудь вкусъ? „Да“. — Чего же именно? — „Вкусъ чернила“. Всѣ изумились; Ганзелъ взялъ въ ротъ немного наскобленнаго мыла, однако студентъ сначала ничего не ощущалъ, а потомъ заявилъ, что онъ испытываетъ щелочный вкусъ, что также могло быть вызвано черниломъ. Это зависѣло очевидно отъ того,

что онъ раньше не зналъ вкуса мыла. Ганзенъ предположилъ, что студентъ невѣрно опредѣлилъ вкусъ потому, что самъ онъ ощущалъ еще вкусъ чернила.

Вообще гипнотизированный представляетъ собою автомата, съ пунктуальностью подчиняющагося всѣмъ приказаніямъ, какія даетъ экспериментаторъ. „Встаньте“, командуетъ экспериментаторъ, и усыпленный встаетъ. „Сядьте!—садитесь“. „Подымите руку, подымите ногу, поцѣлуйте руку, станьте на колѣни, пригните голову“! всѣ эти приказанія тотчасъ же выполняются съ полнѣйшею точностью и аккуратностью... Если усыпленного толкнуть, чтобъ онъ шелъ, онъ будетъ идти, пока его не остановитъ что либо постороннее. Если привести въ движеніе руку усыпленного, заставить ее качаться взадъ и впередъ и затѣмъ предоставить самой себѣ, она продолжаетъ качаться, подобно маятнику, пока кто нибудь посторонній не остановитъ ее, но самъ усыпленный не въ состояніи этого сдѣлать. Дѣлаемы были опыты и надъ нѣсколькими загипнотизированными вмѣстѣ. Они всѣ вмѣстѣ повторяютъ за гипнотизаторомъ предѣляемые имъ дѣйствія: онъ бѣжитъ, и они бѣгутъ, онъ садится, и они садятся, онъ становится на колѣни, и они становятся, онъ поднимаетъ руки, и они поднимаютъ.

Не всегда однако гипнотизмъ сопровождается такимъ возвышеніемъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, какъ это было видно въ вышеприведенныхъ примѣрахъ; гипнотизмъ можетъ также проявляться въ полной потерѣ чувствительности, которая кончается полнѣйшимъ прекращеніемъ дѣятельности чувствъ—это и бываетъ при особенно глубокомъ гипнозѣ. Разказы объ этомъ могли бы показаться невѣроятными, еслибы не приводилось фактовъ заслуживающими довѣрія учеными. Брэдъ сообщаетъ, что человѣку въ такомъ состояніи можно колоть иглою кожу руки, и онъ рѣшительно ничего не почувствуетъ. Прейеръ сообщаетъ о двухъ военныхъ врачахъ, которые за долго до того времени, когда узнали о гипнотизмѣ, вынимали зубы у солдатъ своего

баталіона не иначе, какъ дѣлая ихъ нечувствительными посредствомъ фиксаціи на блестящемъ предметѣ. Одинъ же индійскій врачъ англичанинъ рассказываетъ, что онъ въ 300 слишкомъ случаяхъ пользовался гипнотизмомъ для производства самыхъ тяжкихъ хирургическихъ операцій.

На этомъ основаніи становятся въ высшей степени интересными фокусы индійскихъ факировъ, которые позволяли зарывать себя живыми въ землю; оставаясь болѣе недѣли въ герметически-закрытомъ пространствѣ, они однако бывали живы. Самое удивительное при этомъ то, что эти фокусники должны были сами себя гипнотизировать.

Въ тѣсной связи съ безчувственностью находится наконецъ такъ называемое оцѣпенѣніе мускуловъ. Такъ называемое оцѣпенѣніе мускуловъ бываетъ столь сильно, что гипнотикъ напр., который сидѣлъ на стулѣ съ горизонтально вытянутыми ногами, могъ удерживать сидящаго на ногахъ человѣка, что въ другихъ случаяхъ не возможно. Объ одной 10-лѣтней дѣвочкѣ сообщаютъ, что она въ продолженіи 7 часовъ оставалась неподвижно съ поднятыми надъ головою руками, что въ бодрственномъ состояніи не возможно.

Перейдемъ теперь къ явленіямъ, которыя гипнотизмъ вызываетъ въ духовныхъ способностяхъ. Эти явленія не менѣе удивительны, чѣмъ описанныя уже прежде.

Здѣсь также нужно указать на различіе въ степени, зависящее отъ глубины гипнотического состоянія. И здѣсь главнымъ образомъ выступаютъ два различныхъ явленія—съ одной стороны чрезвычайное возвышеніе душевной дѣятельности, съ другой же напротивъ—совершенно противоположный результатъ, именно полное подчиненіе духовной дѣятельности волѣ и ходу мыслей гипнотизирующаго.

Разсмотримъ сначала тѣ состоянія, въ которыхъ душевная дѣятельность повышается; въ этихъ состояніяхъ память становится гораздо острѣе, чѣмъ какъ то бываетъ въ бодрственномъ состоя-

ни. Длиннѣйшія стихотворенія заучиваются удивительно скоро, воспоминанія о прежнихъ годахъ жизни, напр., о школьной жизни, воспроизводятся съ такою живостью, съ какою никогда не воспроизводятся въ бодрственномъ состояніи¹⁾... Часто люди, которые при полномъ сознаніи не въ состояніи были повторить двухъ словъ на чуждомъ имъ языкѣ безъ искаженій и неправильностей, повторяли цѣлыя тирады на англійскомъ, греческомъ и польскомъ языкахъ безостановочно, громко и вѣрно.

Въ связи съ этимъ возвышеніемъ способности запоминанія стоитъ способность всему подражать наивѣрнѣйшимъ образомъ. Одна націентка, которая въ бодрственномъ состояніи никогда не знала грамматики собственнаго языка и очень мало понимала въ музыкѣ, въ состояніи была вторить знаменитой пѣвицѣ Джени Линдъ, навѣщавшей ее, во время пѣнія ею арій на различныхъ языкахъ, причемъ съ замѣчательною вѣрностью подражала тонамъ и словамъ. Два слушателя, бывшіе тутъ, сначала никакъ не могли повѣрить, что они слышатъ два голоса — такъ вѣренъ былъ ансамбль! Также вѣрно гипнотизирующая повторила импровизированное Линдъ и чрезвычайно трудное упражненіе. Гипнотики также хорошо и съ такою же вѣрностью копируютъ и всякій бессмысленный визгъ. Одинъ гипнотизированный, который никогда не изучалъ греческаго алфавита, писалъ по гречески. Другой гипнотизированный повторялъ труднѣйшія сочетанія русскихъ буквъ, которыхъ въ бодрственномъ состояніи рѣшительно не могъ произнести. Подражаніе во всѣхъ случаяхъ бываетъ настолько точно, что особенности произношенія и выраженіе фізіономіи предательски вылаются гипнотиками.

¹⁾ Такъ, напр., 18-ти лѣтняя дѣвушка на подложенномъ ей листѣ пальцемъ довольно скоро выводила школьныя прописи, громко произнося слово за словомъ, причемъ когда доходила до конца, то судорожно поворачивала глаза вверхъ, какъ будто хотѣла начинать читать слѣдующую. Въ бодрственномъ состояніи память ея никогда не достигала такой степени живости.

Между тѣмъ какъ въ разсмотрѣнныхъ доселѣ случаяхъ обнаруживается повышеніе душевной дѣятельности гипнотизированныхъ, эта дѣятельность можетъ дойти до совершеннаго механизма въ рукахъ экспериментатора; тутъ она можетъ принять двойное направленіе. Именно, при глубокомъ гипнозѣ наступаетъ то состояніе, которое называютъ автоматизмомъ подчиненія, т. е. такое состояніе, при которомъ гипнотизированный безусловно подчиняется всему, что ни прикажетъ гипнотизировавшій. Мы уже выше привели примѣры этого автоматизма.

Въ связи съ этимъ безусловнымъ подчиненіемъ воли гипнотизированнаго стоитъ другое явленіе, состоящее въ томъ, что ходъ представленій гипнотизированнаго также находится подъ полнѣйшею властью экспериментатора. Не только воля, но внутреннее убѣжденіе и мысли гипнотизированнаго такъ связаны съ мыслями экспериментатора, что слова послѣдняго, совершенно противорѣчація дѣйствительности, принимаются первымъ за безусловную правду и дѣйствительность, такъ что даже вѣщныя чувства начинаютъ давать ложныя показанія относительно дѣйствительности. Такое состояніе называется обыкновенно галлюцинаціею или ложнымъ представленіемъ.

Вотъ примѣры такой галлюцинаціи.

Одному гипнотизированному дали глотокъ, воды, увѣряя, что это—рвотное. И что же? Вслѣдъ за приѣмомъ послѣдовала рвота. Другому же былъ предложенъ отвратительный растворъ соли; экспериментаторъ при этомъ воскликнулъ: пейте! вотъ вода съ сахаромъ! Гипнотизированный взялъ его и быстро выпилъ нѣсколько глотковъ; на предложенный ему вопросъ: не правда ли, очень вкусно? онъ сильно кивалъ головой въ знакъ согласія. По пробужденіи этотъ субъектъ не могъ даже и капли раствора взять въ ротъ—такъ онъ былъ отвратителенъ! Одинъ гипнотизированный растворъ хины принялъ за воду. Другой съ большимъ аппетитомъ ѣлъ луковицу вмѣсто яблока, послѣ того какъ у него возбудили ложное представленіе о яблокѣ. Тоже самое

Ганзенъ продѣлывалъ съ картофелемъ, напередъ сказавши гипнотизированному, что даетъ ему грушу. Гипнотизированный проявляетъ сильное отвращеніе, когда къ его носу подносятъ пустой флаконъ и говорятъ, что это амміакъ; наоборотъ, когда даютъ нюхать амміакъ и говорятъ, что это чистый воздухъ, онъ втягиваетъ безъ малѣйшихъ признаковъ отвращенія. Съ уморительною гримасою пробуетъ воду, если сказать, что это—уксусъ; наоборотъ съ наслажденіемъ пьетъ всякую мерзость, если назвать ее вкусною. Одному гипнотизированному была приготовлена смѣсь изъ масла, чернила, кофе и вина, и когда сказано было, что это—шоколадъ, гипнотизированный выпилъ съ явными признаками удовольствія.

Гипнотизированные—совершенные рабы внушенной имъ идеи; здоровый человѣкъ можетъ вообразить себя кѣмъ либо другимъ, чѣмъ онъ есть, но онъ при этомъ сохраняетъ отдѣльность своего настоящаго „я“ отъ того „я“, которымъ онъ, такъ сказать, одѣвается въ то или другое время. Совсѣмъ не то бываетъ здѣсь. Гипнотизированный весь безъ остатка уходитъ въ то представленіе, которое ему сообщать; онъ становится тѣмъ, чѣмъ ему прикажетъ быть экспериментаторъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны опыты надъ 32 лѣтнею женщиною довольно крѣпкаго сложенія: вы старуха! говоритъ ей экспериментаторъ, и она начинаетъ ходить сгорбясь и всѣми тѣлодвиженіями выказывать свою старость.—Вы маленькая дѣвочка! говоритъ онъ, и она начинаетъ лепетать по дѣтски, принимается играть въ куклы и т. п. Вы превратились въ попугая, говоритъ экспериментаторъ одному изъ загипнотизированныхъ, и тотъ послѣ нѣкотораго колебанія спрашиваетъ: „можно ли мнѣ поѣсть коноплянаго сѣмени, что у меня въ клѣткѣ“? Вы превратились въ зайца, говоритъ онъ г-жѣ А... „Она бросается на землю, начинаетъ ползать на четверенькахъ, быстро двигаетъ губами и зубами, какъ бы грызя что-то; затѣмъ вдругъ дѣлаетъ въ сторону отчаянный, пугливый прыжокъ. Очнувшись, она объясняетъ,

что ей казалось, будто она ѣстъ канусту; это было такъ вкусно, какъ грифели, но потомъ я услышала шумъ и увидѣла приближающуюся собаку, испугалась и бросилась въ свою норку“.

Замѣчательно, что если во время сна гипнотизированнымъ даются приказанія, которыя они должны выполнить по пробужденіи, то эти приказанія выполняются ими съ буквальною точностью. Даютъ, напр., приказаніе гипнотизированной по пробужденіи прочитатъ заглавіе книги и отнести ее въ шкафъ.— По пробужденіи она беретъ шляпу и собирается уходить, но какъ бы невидимая сила толкаетъ ее къ столу.— А! вы читаете Монтескье, говоритъ она, посмотрѣвши заглавіе книги; я отнесу вашу книгу на мѣсто, и выполняетъ данное ей приказаніе. Въ другой разъ приказываютъ гипнотизированной по пробужденіи сжечь платокъ, принадлежащій такому-то лицу, и она старалась всѣми путями подойти къ тому, чтобы выполнить эту заповѣдь въ ея душѣ *idée fixe*. Приказываютъ гипнотизированнымъ явиться къ себѣ въ извѣстный день и часъ, и эти приказанія выполняются аккуратно (даже если срокъ прихода назначается чрезъ 10 дней послѣ усыпленія). „Не знаю, говорила одна, такимъ образомъ пришедшая къ доктору, пациентка, зачѣмъ я къ вамъ пришла именно теперь; у меня дома гости и мое присутствіе тамъ совершенно необходимо, но мнѣ почему-то казалось, что я, во чтобы то ни стало, должна быть здѣсь, и вотъ пришла“. А объясненіе этого заключалось въ томъ, что это именно былъ тотъ день и часъ, въ который ей, во время гипноза, приказано было придти. Подобно тому, какъ тѣлесныя отправления стоятъ въ согласіи съ представленіями, которыя сообщаетъ экспериментаторъ, такъ бываетъ и съ душевными явленіями. Всѣ возможные событія, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ, могутъ стать вполне дѣйствительными для загипнотизированнаго. Самые привлекательные и самые ужасные образы могутъ быть вызваны съ такою живостью у такого человѣка, которая совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Пріятные образы нравятся имъ, какъ мечты, и они

жалѣють, когда пробуждаются отъ такого сладкаго сна. Страшныя же галлюцинаціи дѣйствуютъ на нихъ такъ глубоко и сильно, что гипнотизированные просятъ дѣлать съ ними все, что угодно, только освободить отъ этого страшнаго мученія. Гипнотизированный, которому сказали, что на него нападаетъ левъ, три ночи страдалъ отъ мучительныхъ сновидѣній...

Аналогичные съ этими факты приводятся для доказательства, что гипнотизированные не различаютъ образовъ отъ предметовъ; всѣ возбужденные въ ихъ душѣ образы становятся для нихъ дѣйствительными предметами: „Вотъ посмотрите, въ моихъ рукахъ часы, и гипнотизированный дѣйствительно видитъ въ рукахъ часы, осторожно ощупываетъ ихъ“. Посмотрите на этого льва? и гипнотизированный видитъ льва. „Левъ идетъ, говорить онъ, вотъ онъ уже приближается, испуганно продолжаетъ онъ; какой страшный! ахъ! уйдемъ скорѣе отсюда“!

Можно заставить гипнотизированныхъ путешествовать, сказавъ предварительно: идемъ или ѣдемъ туда-то; у нихъ начинаютъ воскресать образы той мѣстности, куда вы велѣли имъ ѣхать, если они съ этою мѣстностью знакомы; если что нибудь о ней читали, то припоминаютъ прочитанное. Одной изъ гипнотизированныхъ сказали: пойдѣмъ на кладбище; она пошла, называя предметы, которые могли встрѣчаться ей на пути; но наконецъ остановилась, заявивъ, что далѣе идти пренятствуетъ рѣшетка; ей приказали далѣе идти, и гипнотизированная съ выраженіемъ сильнаго испуга на лицѣ продолжала выполнять приказаніе. Одну изъ гипнотизированныхъ заставили путешествовать въ Нью-Йоркъ. Она съ радостью приняла это предложеніе, спросивъ, слышать ли свистъ парохода? какъ это пріятно! Но чрезъ нѣсколько времени она начала качаться и наконецъ упала, обнаруживая всѣ признаки морской болѣзни.

Такое сильное значеніе всѣхъ вызываемыхъ у гипнотизированныхъ образовъ обязываетъ экспериментатора съ осторожностью пользоваться образами. Докторъ Риге приводитъ такой фактъ

изъ своей практики, который привелъ было къ самымъ печальнымъ результатамъ: „я отрублю вамъ руку, говоритъ Рите одной гипнотизированной, смотрите, какъ кровь течетъ!... Пациентка повалилась какъ мертвая, сердце остановилось, дыханіе стало слабѣе; къ счастью это продолжалось всего нѣсколько мгновеній, показавшихся для меня, прибавляетъ Рите, цѣлымъ вѣкомъ мученій“.

Таковы въ краткихъ чертахъ явленія, свойственныя такъ называемому гипнотизму.

Каждый, кто поразмыслить объ этихъ фактахъ, долженъ согласиться, на какой бы онъ точкѣ зрѣнія ни стоялъ, что тутъ предстоятъ явленія, далеко выдающіяся изъ ряда обыкновенныхъ, — явленія, открывающія совершенно новую сторону человѣческой личности и при этомъ открывающія область, полную удивительнаго и загадочнаго. Не только для фізіологіи и психологіи, но и для антропологіи въ обширномъ смыслѣ гипнотизмъ составляетъ новое явленіе, изученіе котораго наука никакъ не должна откладывать въ далекій ящикъ.

Въ изслѣдованіяхъ гипнотизма съ фізіологической стороны нѣтъ недостатка. Мы не будемъ здѣсь касаться того, какъ далеко пошли эти объясненія и равно каковы эти объясненія: это и не имѣетъ существеннаго значенія для предположенной нами задачи. Даже предположивъ, что дѣйствительно можно было бы достигнуть полного и всесторонняго изученія этого явленія съ фізіологической и психологической стороны, все таки это не уяснитъ самой сущности явленія. Намъ предстоитъ теперь главный вопросъ — къ нему мы должны были подготовить всѣ предыдущія объясненія: какъ эта новая реформа гипнотизма относится къ христіанскому ученію, основанному на Св. Писаніи? Можетъ ли гипнотизмъ нанести вредъ христіанскому ученію, или же христіанство пріобрѣтетъ себѣ въ гипнотизмѣ новаго апологета?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Современная проповѣдь на Западѣ.

Французская протестантская проповѣдь.

Если во всякаго рода литературномъ произведеніи болѣе или менѣе отражаются національныя особенности его автора, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о проповѣдяхъ, которыя необходимо должны болѣе или менѣе примѣняться къ понятіямъ, характеру и условіямъ жизни тѣхъ лицъ, для которыхъ они предназначаются. Поэтому католическая и протестантская проповѣдь во Франціи имѣютъ очень много общаго между собою. Тѣмъ не менѣе между ними замѣчается и значительное различіе, зависящее главнымъ образомъ отъ различія въ вѣроисповѣданіяхъ католическомъ и протестантскомъ, въ образованіи проповѣдниковъ, въ направленіи слушателей и въ отношеніи церкви протестантской къ государству. Протестантство, отрекшись отъ авторитета преданія и отцовъ Церкви, уже тѣмъ самымъ содѣйствуетъ свободѣ изслѣдованія, которою проповѣдники пользуются въ широкихъ размѣрахъ и и нерѣдко доходятъ до злоупотребленія ею, опираясь въ своихъ толкованіяхъ Библии на собственные предположенія или на воззрѣнія философическихъ школъ, влѣдствие чего протестантская проповѣдь часто имѣетъ субъективный характеръ. Протестантское духовенство имѣетъ гораздо болѣе широкое образованіе, нежели католическое: оно обыкновенно получаетъ общее образованіе въ гимназіяхъ и завершаетъ его на университетскихъ богословскихъ факультетахъ, въ которыхъ богословская наука поставлена очень широко и серіозно. Поэтому и протестантскія французскія проповѣди отличаются большею глубиною мысли и многосторонностію свѣдѣній, нежели католическія. Протестантство поставило церковь въ определенное, подчиненное отношеніе къ государству. Поэтому въ протестантскихъ проповѣдяхъ не возможны клерикальныя стремленія. Главные недостатки, встрѣчающіеся въ религіозно-нравственной жизни протестантскаго общества, это—невѣріе и скептицизмъ

направляющіеся противъ самыхъ основъ христіанства и опирающіеся на послѣднихъ выводахъ науки и на ложномъ истолкованіи Священнаго Писанія, разнаго рода ^инарушенія правилъ христіанской нравственности. Поэтому протестантскіе проповѣдники очень рѣдко говорятъ о догматахъ протестантизма и въ частности о церкви, но большею частію или защищаютъ основныя истины христіанства противъ невѣрія, или изъясняютъ смыслъ Библіи, или наконецъ излагаютъ правила христіанской нравственности. Но при этомъ протестантскіе проповѣдники гораздо менѣе примѣняются къ обстоятельствамъ современной жизни, менѣе отступаютъ отъ традиціонныхъ формъ проповѣди и обращаютъ вниманія на внѣшнюю сторону проповѣди и на самый языкъ, нежели католическіе. Необработанность языка главнымъ образомъ зависитъ отъ сосредоточенія вниманія на внутренней сторонѣ проповѣдей и отъ болѣе широкаго распространенія обычая пользоваться импровизаціей, нежели какое встрѣчается у католиковъ. Въ сравненіи же съ германскою, французская протестантская проповѣдь обнаруживаетъ менѣе глубины мысли и научности, болѣе примѣненія къ современной жизни и менѣе отступленій отъ гомилетическихъ правилъ. Въ поясненіе этой общей характеристики мы остановимся на обзорѣннѣ лучшихъ современныхъ французскихъ проповѣдниковъ. Но такъ какъ французскія протестантскія проповѣди ничѣмъ почти не отличаются отъ швейцарскихъ, то мы въ нижеслѣдующемъ обзорѣннѣ не оставимъ безъ вниманія и наиболѣе выдающихся протестантскихъ проповѣдниковъ въ Швейцаріи.

Изъ всѣхъ протестантскихъ проповѣдниковъ, жившихъ во Франціи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, первое мѣсто безспорно принадлежитъ парижскому пастору Адольфу Моно (Ad. Monod, 1802—1856). Протестанты во время Моно гораздо ближе стояли къ христіанству, нежели католики. Онъ не имѣлъ предъ собою невѣрующихъ, но встрѣчалъ лишь индифферентизмъ и скептицизмъ. Ему предстояло лишь пробудить своихъ слушателей отъ духовной дремоты, укрѣпить и развить въ нихъ вѣру, раз-

сбѣять нѣкоторыя сомнѣнія, уяснить казавшееся темнымъ или ложно понимавшееся. Поэтому проповѣди его имѣють не столько апологетическій, сколько догматическій характеръ, который рѣдко встрѣчается у послѣдующихъ проповѣдниковъ. Онѣ состоятъ въ изложеніи и изъясненіи положительнаго христіанскаго ученія и въ назиданіи. Ему не было также нужды защищать то или другое учрежденіе Церкви. Онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на основныхъ истинахъ христіанства. Центръ его проповѣди—Иисусъ Христосъ. Всѣ его проповѣди служатъ подтвержденіемъ его выраженія: „не тотъ дѣлается свѣтымъ и блаженнымъ, кто знаетъ Христа, а тотъ, кто имѣетъ въ себѣ Христа“. Поэтому онъ постоянно обращаетъ духовный взоръ своихъ слушателей на живую личность Спасителя, старается возбудить въ нихъ живую вѣру и любовь къ Нему. Проповѣди его дышатъ глубокою, теплою вѣрою. Для него главное значеніе имѣетъ требованіе сердца, а не разсудка. По Моно безъ христіанства жизнь человѣка не можетъ быть нормальною, и онъ выясняетъ это, указывая на полное соотвѣстіе христіанства основнымъ требованіямъ и стремленіямъ души человѣческой. Библія составляетъ для него главный и, можно сказать, даже единственный авторитетъ. „Такъ говоритъ Священное Писаніе“,—этого доказательства для него большею частію достаточно. Онъ весьма рѣдко обращается къ психологическому анализу, къ опыту, къ свидѣтельству исторіи, къ вопросамъ дня и т. под., хотя онъ постоянно имѣетъ въ виду направленіе умовъ своего времени. Проповѣди Моно: „Милосердіе Божіе, Освященіе чрезъ истину, Освященіе чрезъ благодатное спасеніе, Фатализмъ, Кто жаждетъ, Живое слово, Призваніе церкви, Женищина, Кто долженъ причащаться“ и т. под. ясно показываютъ, что онъ имѣлъ предъ собою слушателей именно XIX вѣка. Проповѣди Моно отличаются также глубокою искренностію и обнаруживаютъ основательное изученіе Св. Писанія и обширность знаній автора. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ не держится строго традиціоннаго дѣленія проповѣди на три части. Планъ опредѣляется у него самымъ пред-

методъ. Приступы обыкновенно имѣють экзегетическій или дедуктивный характеръ, — въ нихъ большею частію выводится тема изъ текста. Развитіе иногда бываетъ слишкомъ длиннымъ. Онъ въ особенности заботится о точности и ясности и для избѣжанія темноты приводитъ примѣръ за примѣромъ, образъ за образомъ и иногда допускаетъ даже растянutosть. Заключение проповѣди обыкновенно состоитъ въ нравственномъ примѣненіи раскрытой истины. Господствующій методъ въ проповѣдяхъ Моно діалектическій и дидактическій. Языкъ Моно чистый и изящный, но отражающій на себѣ вліяніе языка Библіи.

Лозанскій профессоръ Александръ Винет (Al. Vinet, 1847) по своему направленію близко стоитъ къ Шлейермахеру. Онъ служитъ поборникомъ ученія объ индивидуальной свободѣ совѣсти и существенное значеніе христіанства признаетъ въ удовлетвореніи самымъ глубокимъ потребностямъ совѣсти. Онъ не признаетъ силы за внѣшними доказательствами христіанства, болѣе значенія приписываетъ нравственной сторонѣ, нежели догматической. Истинная вѣра по Винет должна состоять въ постоянной дѣятельности въ духѣ ученія Спасителя. Поэтому Христосъ составляетъ центръ всѣхъ его проповѣдей. Но онъ смотритъ на Іисуса Христа, какъ на высочайшій образецъ въ лишь психологическомъ отношеніи. Проповѣди его безспорно должны быть признаны образцовыми діалектическими произведеніями. Онѣ большею частію имѣють экзегетическій и правоучительный характеръ и хотя довольно длинны, тѣмъ не менѣе могутъ привлекать вниманіе слушателя и читателя и плѣнять его основательностію экзегетическаго изслѣдованія, глубиною и обиліемъ мыслей, тонкимъ психологическимъ анализомъ и силою доводовъ. Но для надлежащаго пониманія ихъ требуется особое сосредоточеніе вниманія на нихъ, потому что даже самый планъ ихъ большею частію нельзя сразу уяснить. Языкъ его проповѣдей изящень, чуждъ всякаго рода фигуральностей, философски простъ и ясенъ.

Въ дополненіе этой краткой характеристики мы остановимся на слѣдующихъ двухъ его проповѣдяхъ, имѣющихъ интересъ и для нашихъ читателей. Въ присутіи проповѣди, озаглавливаемой „Характеръ христіанства“ и имѣющей во главѣ своей текстъ изъ Апок. XIV, 6, Вине говоритъ, что между невѣрующими, которые упорно сопротивляются всѣмъ доводамъ апологетовъ христіанства, мало есть, безъ сомнѣнія, такихъ, которые не заявили бы готовности увѣровать и обратиться, если бы имъ было представлено очевидное доказательство, дѣйствительное чудо. Но чудеса не обращаютъ; они могутъ убѣдить умъ, но сердце имѣетъ нужду въ томъ „явленіи силы“, которое принадлежитъ Духу Божію. Сверхъ того, если вполнѣ доказанныя и вполнѣ очевидныя чудеса могутъ подѣйствовать на умъ и предрасположить его къ принятію евангелія, то есть нѣчто, что гораздо болѣе имѣетъ силы и убѣдительности, — это именно самый характеръ христіанства. „Въ порядкѣ ли вещей, чтобы ученіе, котораго основныя идеи не могутъ быть доказаны и еще менѣе открыты чрезъ чистый разумъ, жило во всѣ времена и было принимаемо всѣми народами и сверхъ того было бы животворнымъ принципомъ нравственности и содѣйствовало бы успѣхамъ ума человѣческаго“? Рѣшеніе этого вопроса и составляетъ главный предметъ разсматриваемой проповѣди. Вине съ необычайною діалектической тонкостію и глубокою основательностію доказываетъ, что всѣ эти признаки, вмѣстѣ указанныя имъ въ приведенномъ нами вопросѣ, могутъ быть примѣняемы лишь къ положительной христіанской религіи, и что это служить гораздо болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ ея божественности, нежели чудеса. Заключается эта проповѣдь словами: „будемъ молиться, братіе мои, объ успѣхахъ вѣчнаго евангелія, будемъ молиться за тѣхъ надменныхъ людей, которые не хотятъ признавать его, будемъ молиться, чтобы оно постоянно было для насъ самихъ драгоцѣннѣе всего, чтобы законы его были священными для насъ и чтобы обѣтованія его были самыми дорогими для насъ“. — Проповѣдь „Христіанство въ дѣятельной жизни“

на текстъ: „о горнемъ помышляйте, а не о земномъ“ (Кол. III, 2), начинается такъ: „эта заповѣдь и многія другія аналогичныя разъясненія, разсѣяныя въ Писаніяхъ, служатъ предметомъ соблазна для читателей. Здѣсь видятъ противорѣчіе божественнаго провидѣнія своему слову. Богъ поселилъ насъ на землѣ, и однако Онъ хочетъ, чтобы всѣ наши мысли были устремлены къ небу. Богъ чрезъ наше тѣло, чрезъ наши нужды, чрезъ наши наклонности поставилъ насъ въ тѣсное и необходимое отношеніе съ міромъ, и Онъ же хочетъ неразрушимыми узами привязать наше сердце къ вѣчности. Онъ не допускаетъ намъ выбора между землею и небомъ, какъ выбора между жизнію и смертію. Затѣмъ ораторъ выясняетъ, что здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Въ этомъ текстѣ не говорится: „не занимайтесь земными дѣлами, но: не привязывайтесь къ земному. Ведите себя, какъ путники, которые съ должнымъ вниманіемъ относятся къ своимъ дѣламъ, но которые жаждаютъ опять увидѣть свое отечество. Дѣйствуйте, но для неба; работайте, но для Бога“. Далѣе, указавъ на встрѣчающіяся въ жизни нарушенія этой божественной заповѣди, проповѣдникъ выясняетъ необходимость преобразовать наше сердце, чтобы мы могли любить нашего Спасителя выше всего, чтобы мы ничего не любили иначе, какъ только согласно съ волею Спасителя, чтобы мы подчиняли всю нашу жизнь одному принципу и все наше поведеніе—одному побужденію. А такъ какъ все это не можетъ быть актомъ лишь воли нашей, то мы должны молиться о божественной помощи,—о ниспосланіи намъ духа молитвы и преданности волѣ Божіей.

Берсье (Bersier) считается лучшимъ изъ французскихъ протестантскихъ проповѣдниковъ, живущихъ до сего времени. Въ Парижѣ Берсье привлекалъ своими проповѣдями такую массу слушателей, что они не могли вмѣщаться въ той церкви, въ которой онъ прежде проповѣдывалъ, и для него при помощи его друзей и на тѣ средства, которыя получались отъ продажи его проповѣ-

дей, была построена особая, просторная церковь (église de l'Etoile). Достоинства его проповѣдей заключаются какъ въ полнотѣ и глубинѣ раскрытія предмета, такъ въ ясномъ и основательномъ изъясненіи библейскихъ текстовъ и въ чрезвычайно удачномъ, основывающемся на тонкомъ психологическомъ анализѣ, примѣненіи текста къ жизни, такъ въ особенности въ необычайной теплотѣ и искренности чувства, въ той, такъ сказать, иѣжности и мягкости, съ которою онъ умѣетъ подавать истинное утѣшеніе подавленному тяжелымъ страданіемъ сердцу, и въ томъ высокомъ, благородномъ воодушевленіи, которымъ онъ снова вдохновляетъ въ своихъ слушателяхъ охладѣвшую любовь къ истинѣ и добродѣтели. Каждая проповѣдь его служитъ яснымъ выраженіемъ того, что у него слово не расходится съ дѣломъ, что слово его исходитъ изъ глубины его сердца. Въ этомъ и заключается главная причина необычайно сильнаго вліянія его проповѣдей на сердце слушателей. Главнымъ авторитетомъ для него служитъ Библія. Во всѣхъ проповѣдяхъ онъ обнаруживаетъ весьма широкое и глубокое знаніе Библии. Каждый текстъ изслѣдуется имъ съ необычайною глубиною и ясностію. Въ его проповѣдяхъ замѣтенъ также апологетическій и полемическій элементъ (опроверженіе ложныхъ ученій и стремленій католической церкви). Берсье обладаетъ также необычайно тонкою наблюдательностію, глубокимъ знаніемъ сердца человѣческаго. Свою рѣчь онъ часто оживляетъ примѣрами изъ библейской и гражданской исторіи, изъ явленій современной жизни съ обращеніями къ совѣсти слушателей. Его проповѣди представляютъ гармоническое соединеніе тѣхъ высокихъ достоинствъ, которыя мы видѣли въ проповѣдяхъ Моне и Вине, но онъ превосходитъ ихъ теплотою сердца. Проповѣди Берсье представляютъ интересъ и по своему языку діалектически тонкому и поэтически возвышенному. У него часто самые оригинальные образы смѣняются необычайно ясными философскими разъясненіями. По своей формѣ проповѣди Берсье болѣе всего подходятъ къ типу „словъ“. Въ основу каждой проповѣди полагается одинъ опредѣленный текстъ

изъ книгъ Новаго или Ветхаго Завета. Изъ этого текста, какъ изъ зерна, у него развивается обыкновенно все содержаніе проповѣди. Приступы у него служатъ обыкновенно къ выводу темы изъ текста и вмѣстѣ съ тѣмъ къ привлеченію вниманія слушателей. Берсеѣ обладаетъ умѣньемъ первыми же словами проповѣди привлекать къ себѣ вниманіе слушателей. Такъ напр. его проповѣдь: „Евангельскій образецъ отношенія Іисуса Христа къ политико-общественнымъ дѣламъ“ на текстъ изъ Лук. XII, 12—14, начинается такъ: Братіе! я долго удивлялся положенію Іисуса Христа въ рѣчи, только что мною прочитанной. Отказъ Его казался мнѣ необыкновеннымъ. Вотъ Онъ стоитъ передъ двумя братьями, изъ которыхъ одинъ требуетъ своей части изъ общаго наслѣдства. Развѣ здѣсь не представлялось удобнаго случая рѣшить вопросъ о справедливости? А если такъ, то кто же могъ разрѣшить его лучше, нежели Святый и Справедливый? А между тѣмъ Іисусъ Христосъ отказывается отъ рѣшенія, котораго отъ Него ожидаютъ. Я ставлю себѣ задачею сегодня донекатьса во первыхъ причины этого, повидимому, страннаго отказа Іисуса Христа, и затѣмъ изучить смыслъ отвѣта, который Онъ далъ двумъ братьямъ: „смотрите, берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія“. А вотъ начальныя слова его проповѣди „Вопросъ о власти“, сказанной на текстъ изъ Марк. XI, 27—28: „Послѣдній часъ приближался. Буря, которая съ первыхъ дней служенія Іисуса Христа глухо рокотала и постепенно поднималась, закрывая небо багровою завѣсой, шла разразиться надъ главою Святаго и Праведнаго. Народныя страсти и предрассудки соединялись съ вѣроломной ненавистью, съ учеными махинаціями священниковъ и книжниковъ, и это ужасное сборище криводушія, беззаконія, неправды, готовилось заявить себя въ крикахъ и угрозахъ смерти, которые отъ преторія и до вершины Голгофы должны были покрывать голосъ великаго Свидѣтеля истины. Христосъ долженъ былъ умереть, но только для того, чтобы восторжествовать въ самомъ Своемъ пораженіи и чтобы въ крови креста

освятить Свое вѣчное царство надъ человѣческими душами и всѣмъ міромъ. Послѣднія Его столкновенія съ священниками были въ храмѣ, этомъ сѣдалищѣ теократіи. Здѣсь, на другой день послѣ входа въ Іерусалимъ, они предложили ему этотъ вопросъ о власти, о которомъ я желаю съ вами сегодня побесѣдовать“. Темы у Берсе обыкновенно извлекаются, какъ видно уже изъ приведенныхъ нами примѣровъ, изъ самаго текста и всегда имѣютъ жизненное значеніе. Таковы напр. его проповѣди, имѣющія слѣдующія заглавія: „Соль земли, Придворный проповѣдникъ (Іоаннъ Креститель), Дѣйствительна ли молитва, Государство и церковь (César et Dieu). Вопросъ о власти, Раскаяніе“ и т. под. Тема и планъ не всегда формулируются въ опредѣленныхъ словахъ, но ихъ всегда можно легко находить въ каждой проповѣди. Планъ проповѣди опредѣляется самою сущностію излагаемаго предмета. Заключенія проповѣдей кратки и большею частію таковы, что могутъ оставлять слушателя подъ глубокимъ впечатлѣніемъ. Они обыкновенно состоятъ изъ нравственнаго примѣненія раскрытой истины, облекаемаго иногда въ форму молитвеннаго обращенія. Такъ проповѣдь „Придворный проповѣдникъ“ оканчивается слѣдующими словами: „Онъ (Іоаннъ Креститель) умеръ, говорите вы... Но развѣ присоединяться ко всѣмъ, бывшимъ свидѣтелями Бога на землѣ, значить умереть? Развѣ можно назвать смертію вступленіе въ вѣчное блаженство и вѣчную славу? Развѣ стремиться къ своему Богу, промѣнять страданія настоящаго на безпредѣльное блаженство въ будущемъ, чувствовать себя предметомъ безграничной любви и наслаждаться вѣчно истинною жизнью, — развѣ все это значить умереть? Ахъ! если это все можно назвать смертію, то скажемъ вмѣстѣ съ Писаніемъ: Пусть я умру смертію праведника, и пусть мой конецъ будетъ подобенъ его концу“.

Въ заключеніе характеристики Берсе мы считаемъ нелишнимъ остановиться на его проповѣди „Соль земля“, которая не только можетъ ознакомить съ общими характеромъ его проповѣдей, но вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ и условія, необходимыя

для успѣшнаго дѣйствованія проповѣдническаго слова на слушателей. Приведши текстъ: Вы есте соль земли (Мате. V, 18), проповѣдникъ говоритъ: Братіе! Евангеліе полно чудесныхъ словъ, которыя насъ не удивляютъ только потому, что мы къ нимъ привыкли. Таковы и слова, мною приведенныя. Представьте себѣ, чтобы подумалъ мудрецъ міра сего, еслибы онъ увидѣлъ учениковъ, къ которымъ обращалъ эти слова Іисусъ Христосъ? Соль земли! Эти галилеяне, необразованный умъ которыхъ былъ чуждъ понятія высшихъ предметовъ, эти мытари и рыбаки, эти бѣдняки, говорившіе на языкѣ малоизвѣстномъ, эти люди, ревность которыхъ такъ часто должна была слабѣть въ виду малѣйшаго препятствія и наконецъ предъ крестомъ ихъ Учителя перейти въ такое малодушіе! Они! Соль земли! Между тѣмъ эти слова—истина. Теперь, хотя или нехотя, необходимо съ этимъ согласиться. Бросьте взглядъ на карту всего земнаго шара! Гдѣ нравственная жизнь, прогрессъ, надежда, цивилизація, свобода, наконецъ будущее? Тамъ, гдѣ пронеслось слово этихъ галилеянъ, гдѣ оно вошло въ умъ и въ сердце народовъ. Да, настоящій міръ веѣмъ, что въ немъ есть лучшаго, обязанъ этой горсти людей,... и Учитель сказалъ истину, обращаясь къ Своимъ ученикамъ: „вы—соль земли“.—Эти слова Спасителя заключаютъ въ себѣ простое и поразительное изображеніе вліянія, которое христіане должны оказать на весь міръ. Какого рода это вліяніе и какимъ образомъ мы должны его оказывать?—Есть два способа дѣйствія на людей: внѣшній посредствомъ матеріальнаго или нравственнаго принужденія, и внутренній посредствомъ убѣжденія. Который принять Христомъ? Далѣе проповѣдникъ въ противувѣсъ католической церкви, старающейся опираться на внѣшнюю силъ и стремящейся къ политическому господству, развиваетъ ту мысль, что „христіане должны оказывать на міръ духовное вліяніе и притомъ личное, т. е. каждый вѣрующій долженъ его оказывать“... „Какимъ образомъ можно на міръ оказывать это вліяніе?—Чтобы дѣйствовать на другихъ, мы

имѣемъ два средства: слово устное или письменное и самую нашу жизнь.—Какимъ могуществомъ обладаетъ слово человѣческое! Св. Іоаннъ даетъ имя Слова самому Сыну Божію. Итакъ нужно, чтобы наше слово было такъ проникнуто духомъ Евангелія, чтобы оно въ самомъ себѣ заключало добродѣтель. Такъ ли вы думаете? Увы! я знаю, что для большей части тѣхъ, которые меня слушаютъ, достаточно, чтобы христіанское слово раздавалось съ высоты кафедръ, и что они особенно отсюда ожидаютъ распространенія истины. Дѣйствительно, когда проповѣдь проникнута солью Евангелія, когда она достигаетъ до совѣсти людей и ихъ приводитъ въ трепетъ, когда она волнуется и трогаетъ сердца, когда она даетъ намъ возможность видѣть невидимый міръ, она по истинѣ есть обоюдоострый мечъ, о которомъ говорится въ Писаніи. Будетъ ли эта проповѣдь необработанная и неискусная, грубая и неловкая, но исходя изъ убѣжденнаго сердца съ этой неподражаемой силой власти, которую даетъ христіанская вѣра, она есть могущество, которое въ силахъ преобразовать весь міръ. Но безъ стѣсненія въ сердцѣ нельзя подумать о томъ, чѣмъ эта проповѣдь дѣлается, когда соль Евангелія потеряла свою силу. На эту кафедру, приготовленную христіанской вѣрой, выходитъ человѣкъ, который вмѣсто того, чтобы взирать на Бога, его посылającego, думаетъ только о своихъ слушателяхъ; вмѣсто того, чтобы думать о своемъ посольствѣ, думаетъ только объ идеяхъ своего вѣка, которому онъ хочетъ нравиться; вмѣсто того, чтобы тревожить людскую совѣсть, думаетъ только, какъ бы ее успокоить. Когда говорятъ о немъ, что онъ имѣлъ успѣхъ и что онъ популяренъ, то думаютъ, что ему воздаютъ должную похвалу. Но св. Павелъ былъ ли популяренъ, когда его голосъ тревожилъ грѣшниковъ и стыдилъ мудрецовъ? Но Христосъ былъ ли популяренъ, когда Онъ видѣлъ, что толпы удаляются отъ Него съ ропотомъ? Сохрани, Боже, отъ такъ понижасмой популярности! Нѣтъ! мы должны узнавать истинную проповѣдь не по этому, а по тому характеру, который кратко, но вѣрно

обозначилъ король, привыкшій къ низкому ласкательству придворныхъ проповѣдниковъ. Одному монаху, который проповѣдывалъ Евангеліе безъ слабости, Людовикъ XIV однажды сказалъ: „Отецъ мой! когда я слышу другихъ, я доволенъ ихъ рѣчами; когда я слышу васъ, я недоволенъ самимъ собою“.—Проповѣдь, какъ бы она ни была истинна, никогда не будетъ достаточной для распространенія евангелія. Что касается до меня, то я съ болью сознаюсь, что я пораженъ ея безсиліемъ. Подумайте только о томъ, сколько на нашихъ кафедрахъ тратится убѣжденія, усилій, мыслей и словъ, и вы увидите, какъ мало отъ нихъ результатовъ... Отъ чего это? Конечно, отъ привычки и особенно отъ этой идеи, вкоренившейся между нами, что языкъ кафедры есть болѣе или менѣе языкъ условный“... Никто не удивляется, что отсюда я веду борьбу съ невѣріемъ, съ свѣтской суетностью, изъ-за необходимости обращенія и раскаянія. Напротивъ этого ожидаютъ, требуютъ, и какъ невѣрующій, такъ и свѣтскій человѣкъ находятъ это совершенно естественнымъ,... и находятъ также совершенно естественнымъ у самыхъ дверей церкви вновь возвратиться къ своему прежнему легкомыслію, къ своимъ пустымъ разговорамъ и къ своей свѣтской суетности. Напрасно мы будемъ употреблять всѣ свои старанія, чтобы убѣдить ихъ перемѣнить образъ ихъ жизни. Они скажутъ, можетъ быть, что проповѣдь была очень трогательна, но ни одну минуту не задумаются, что здѣсь дѣло идетъ о нихъ самихъ, о ихъ собственномъ спасеніи, о ихъ вѣчной будущности“. Затѣмъ проповѣдникъ, въ высшей степени живо изобразивъ тотъ глубокій интересъ, съ какимъ выслушивается на судѣ рѣчь адвоката его кліентомъ, нисколько не думающимъ о внѣшней формѣ слушаемой рѣчи, о литературныхъ достоинствахъ ея, о повышеніи голоса, о счастливыхъ оборотахъ своего адвоката, и занятымъ лишь одною мыслию выиграть „свое дѣло“ и получить наслѣдство и т. под., Берсе изображаетъ то равнодушіе, съ какимъ слушатели относятся къ словамъ проповѣдника о небесномъ наслѣдствѣ, о спасеніи души,

о непреложномъ приговорѣ праведнаго Судіи. Истины Евангелія только тогда могутъ быть дѣйствительными и могучими, когда онѣ проповѣдуются не въ церкви только, но и внѣ ея, когда онѣ проповѣдуются не духовенствомъ только, но и другими членами Церкви, когда онѣ осуществляются тѣми, кто ихъ возвѣщаетъ. „Чтобы соль Евангелія сообщалась другимъ, нужно, чтобы она прежде проникла насъ самихъ“... „Наша жизнь обнаруживаетъ болѣе жгучее вліяніе, чѣмъ наше слово. Дѣйствіе слова перемежающееся, дѣйствіе жизни постоянно“... Вліяніе нашей жизни сильно и потому, что оно не произвольно. Кромѣ того не всѣ имѣютъ способность хорошо говорить. Но каждый христіанинъ можетъ по своему дѣйствовать на міръ своею жизнью... Наконецъ, указавъ на то жалкое положеніе, въ которомъ при своей смерти является христіанинъ, подчинившійся пагубному вліянію людей, чуждыхъ его вѣрѣ и его надеждамъ, Берсье заключаетъ свою проповѣдь словами: „Господи! спаси насъ отъ такого конца я, вложивъ въ наши сердца спасительную истину, дай намъ быть до конца вѣрными и твердыми ея свидѣтелями“.

Много полезныхъ для себя указаній проповѣдникъ слова Божія можетъ найти и въ проповѣди Берсье „Придворный проповѣдникъ“, въ которой Іоаннъ Креститель представляется образцомъ для всѣхъ проповѣдниковъ. Но указывать то, что есть интереснаго въ проповѣдяхъ Берсье,—это значило бы выписывать цѣликомъ большую часть ихъ. Поэтому мы предпочитаемъ рекомендовать нашимъ читателямъ самимъ обратиться къ проповѣдямъ Берсье, тѣмъ болѣе, что всѣ указанія нами и въкоторыя другія проповѣди его переведены на русскій языкъ,—онѣ печатались въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ и издавались отдѣльными брошюрами.

Эдмундъ Прессансе (Edm. de Pressensé) также хорошо извѣстенъ, подобно Берсье, въ нашей богословской литературѣ, но не столько какъ проповѣдникъ, сколько какъ апологетъ, отличающійся обширностію знаній, основательностію сужденій. Апологе-

тическій характеръ имѣють и нѣкоторые изъ проповѣдей его. На русскій языкъ переведены слѣдующія его произведенія: „Иисусъ Христосъ и Его время, Весѣда о воскресеніи Иисуса Христа, Критическая школа и апостолы (по поводу послѣдняго сочиненія Ренана), Іоаннъ Креститель, Задача скорби“. Но мы остановимся на проповѣдяхъ Прессансе о „христіанскомъ семействѣ“. Въ нихъ авторъ освѣщаетъ семейную жизнь съ христіанской точки зрѣнія. Принципомъ, который долженъ господствовать въ ней, онъ ставитъ любовь, основывающуюся не на естественномъ благорасположеніи или доброжелательствѣ, а на высшемъ, чисто духовномъ отношеніи, имѣющую образецъ для себя въ божественномъ милосердіи и почерпающую постоянное ободреніе и надлежащую силу въ страданіяхъ нашего Спасителя. Въ своихъ проповѣдяхъ Прессансе дѣлаетъ разнообразныя примѣненія этого принципа и указываетъ благотворныя слѣдствія его, говоря подробно объ отношеніяхъ супруговъ другъ къ другу, къ ихъ дѣтямъ, къ прислугѣ и т. под., и разсматривая различныя случайности жизни. Проповѣди эти полны глубокаго интереса. Онѣ отличаются простотою, глубокою искренностію, убѣдительностію и возвышеніями, поэтическимъ языкомъ, какъ это можно видѣть напр. изъ слѣдующаго извлеченія изъ проповѣди о „Христіанскомъ воспитаніи“. — „Воспитывайте вашихъ дѣтей о Господѣ, говорятъ апостолъ Павелъ. Безъ исполненія этой заповѣди нѣтъ христіанскаго воспитанія, и оно легко и пріятно. Это одно изъ величайшихъ совершенствъ христіанства, что оно удивительнѣйшимъ образомъ примѣнимо къ дитяти, и это лучше всего доказываетъ соотвѣтствіе христіанства глубокимъ потребностямъ души и божественное происхожденіе его. Едва только скажутъ маленькому дитяти о Богѣ, едва назовутъ ему это священное имя, — и оно уже понимаетъ то, чего часто не могутъ понимать мудрецы. Это имя пробуждаетъ въ дитяти ясное, истинное понятіе и чувствуется что рука самую Творца напечатлѣла это имя въ сердцахъ. При первомъ сопрякосновеніи съ небеснымъ, въ душѣ человѣка слышится

гармонія, какъ на небесной арфѣ, сдѣланной для хвалы Бога. Ея струны могутъ ослабѣть или порваться, тѣмъ не менѣе первоначально она была предназначена для хвалебнаго пѣснопѣнія... Но не одно лишь понятіе о Богѣ такъ легко возбуждается въ дитяти. Также если говорить ему объ Іисусѣ Христѣ, то оно тотчасъ понимаетъ и начинаетъ чувствовать любовь къ Нему. Кто прислушивался къ разговорамъ дитяти съ своею матерью о тайнахъ искупленія и креста, кто видѣлъ слезы его при описаніи страданій Спасителя, кто слышалъ слова его, въ которыхъ соединяются простота и глубина, кто слышалъ искреннюю, чистосердечную молитву его, тотъ невольно повторять слова Христа: „славлю Тебя, что Ты открылъ это младенцамъ“. Дитя съ своею простотою и съ своею чистою вѣрою часто бываетъ великимъ богословомъ, и мы многому могли бы научиться у него“.

Страсбургскій проповѣдникъ Колани (Т. Colani) хотя принадлежитъ къ числу лучшихъ современныхъ проповѣдниковъ, тѣмъ не менѣе мы не считаемъ нужнымъ долго останавливаться на немъ уже потому, что онъ въ своихъ проповѣдяхъ болѣею частію развиваетъ возрѣвія школы Шенколя, стоящей на почвѣ очень далекой отъ истиннаго христіанства и приписывающей слишкомъ большое значеніе голосу совѣсти. Такъ въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ говоритъ: „совѣсть есть небесный лучъ, безъ котораго челоувѣчество не могло бы хвалиться своимъ божественнымъ происхожденіемъ. Истины, которыя возвѣщаетъ совѣсть видимымъ, живымъ, личнымъ образомъ, были открыты во Христѣ Іисусѣ... Слѣдовательно голосъ совѣсти и Іисуса Христа одинъ и тотъ же,—это глосъ Божій“. Но въ ораторскомъ отношеніи проповѣди Колани стоятъ весьма высоко. Онѣ отличаются также ясностію, глубиною мысли, теплотою чувства и прекраснымъ языкомъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ не оставляетъ безъ вниманія и запросы своего времени. Что касается самой формы проповѣдей, то Колани, какъ и большинство другихъ французскихъ проповѣдниковъ, не держится строгого гомилетическихкихъ или риторическихкихъ нормъ. Планъ у него

большую часть не указывается, и даже тема не всегда излагается въ определенной формѣ.

Не будемъ мы долго останавливаться и на Боксерель (Ath. Coguere), который за свои слишкомъ свободныя религиозныя убѣжденія былъ лишенъ мѣста проповѣдника въ одной изъ парижскихъ церквей. Онъ отличается умѣньемъ выбирать темы, представляющія интересъ для слушателей и не рѣдко разсматриваетъ въ проповѣдяхъ вопросы своего времени, какъ напр. рабочій вопросъ. Проповѣди его имѣютъ экзегетически-діалектическій характеръ. Онѣ довольно длинны; но привлекаютъ вниманіе слушателей своимъ содержаніемъ, глубиной и богатствомъ мыслей, силою доводовъ, опирающихся на свѣдѣніяхъ изъ разнообразныхъ областей человѣческаго знанія, и чрезвычайно живымъ и нѣсколько цвѣтистымъ языкомъ.

Проповѣди Селлерье (I. I. S. Sellérier), пастора въ Сатиньи (близъ Женевы), двухъ родовъ: въ однихъ онъ имѣетъ въ виду простыхъ, необразованныхъ или малообразованныхъ сельскихъ жителей, своихъ прихожанъ, другія предназначаются имъ для людей болѣе образованныхъ. Последнія произносились имъ въ тѣ времена года, когда Сатиньи посѣщается иностранцами. Селлерье въ высокой степени обладаетъ искусствомъ примѣняться къ понятіямъ, состоянію и образу жизни своихъ слушателей. Но главное достоинство его проповѣдей—это простота, ясность, живость изложенія и теплота чувства. Благодаря этимъ достоинствамъ, проповѣди его могутъ съ интересомъ и пользою выслушиваться людьми образованными и необразованными, хотя онъ всегда имѣетъ въ виду въ своихъ проповѣдяхъ определенный кругъ слушателей. Проповѣди его имѣютъ нравоучительный характеръ. Онъ старается внушить своимъ сельскимъ слушателямъ главнымъ образомъ любовь къ своему званію, выяснитъ тѣ опасности, какія могутъ встрѣчаться въ ихъ жизни, и указать имъ ихъ нравственно-религіозныя обязанности и тѣ средства, чрезъ которыя они могутъ обезпечить себѣ счастіе въ этой жизни и блаженство въ жизни

будущей. Темы и планъ хотя не всегда излагаются въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, но они настолько ясны, что ихъ сразу можно видѣть. Такъ въ проповѣди на текстъ изъ Быт. I, 15 Селлеръ развиваетъ ту мысль, что для счастья въ сельской жизни необходимы особые требованія, и далѣе выясняетъ, что эти требованія именно слѣдующія: 1) простота духа, сердца и всего поведенія, 2) любовь къ труду, 3) религіозность. Въ проповѣди на текстъ изъ 2 Тим. IV, 7—8 тема слѣдующая: счастье христіанина въ часъ смерти. Планъ: 1) воспоминаніе о прошедшемъ: „подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ“; 2) ожиданіе будущаго: „а теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія. въ день оный“.

Н. Д.

Народное повѣрье о священнической трости.

Кто бы могъ предположить, читаемъ въ Кавказскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ, чтобы трость, какая присвоена сану іерея въ его приходѣ, кромѣ символическаго своего значенія и затѣмъ матеріальной для него пользы при посвященіи домовъ духовныхъ чадъ его, оберегаемыхъ вѣрными псами, могла еще подчасъ нести такую службу, какой рѣдко удостоиваются и святые—праведные, именно—быть вѣстникомъ жизни или смерти: а это между тѣмъ не пустое предположеніе досужей фантазіи, но живое вѣрованіе нашего простаго народа, пользующееся такимъ же кредитомъ, какъ и другія его повѣрья, и притомъ сохраняемое имъ въ тайнѣ отъ наблюдательнаго взора настырой Церкви. Да оно, положимъ, и по самому существу своему иначе не могло быть, какъ читатель это сейчасъ самъ увидитъ. Вотъ эта-то таинственность этой разнovidности народныхъ предразсудковъ и побуждаетъ меня открыто сказать о ней. Дѣло въ томъ, что простой народъ глубоко вѣритъ, что трость настыря Церкви, оставляемая имъ во дворѣ или въ домѣ, куда онъ бываетъ при-

глашенъ для напутствованія больного св. тайнами, тѣмъ или другимъ отклоненіемъ своимъ предвѣщаетъ для больного жизнь или смерть. Если священникъ, оставляя ее въ дворѣ и прислоня къ какому либо предмету, наклонить хотя нѣсколько, или же отъ неправильной постановки она упадетъ верхнимъ своимъ концомъ во дворъ, или, лучше сказать, въ противоположную сторону отъ воротъ, то это означаетъ для больного выздоровленіе; если же она отклонится по направленію къ воротамъ, — смерть. Подобнымъ же образомъ родными больного или же, имъ самимъ, приподнимается завѣса жизни и смерти поотклоненіемъ трости священника, оставленной имъ внутри дома. Понятно поэтому, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ они слѣдятъ за этими отклоненіями, и такъ какъ простой народъ не знаетъ латинскаго языка, то также понятно, при своихъ консультаціяхъ надъ больными, родные и знакомые прямо высказываютъ свой приговоръ, если только больной самъ не имѣлъ возможности прочесть его по пальцѣ священника. О результатахъ послѣдняго и говорить нечего. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить послѣдній случай изъ моей практики напутствованія больныхъ. Живо вспоминается мнѣ старичекъ, больной, но еще настолько сильный, что въ состояніи былъ простоять все время, потребное для напутствованія св. тайнами, положить земной поклонъ предъ ними и дойти до своего одра безъ посторонней помощи. И этотъ-то старичекъ чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ я оставилъ его, слегъ въ постель и больше не вставалъ до самой смерти, которая наступила на четвертые сутки по моемъ посѣщеніи его. Разспрашивая по обыкновенію родныхъ о ходѣ его болѣзни и смерти, я успѣлъ узнать отъ одной женщины то, что и дало поводъ къ тому, что я пишу. Она между прочимъ сказала мнѣ: „да онъ, батюшка, уже зналъ, что онъ умретъ, а не выздоровѣетъ“. Какъ—такъ? спрашиваю я. „Да такъ, батюшка, когда я пошла звать васъ запричастить отца, такъ онъ приказалъ мнѣ глядѣть за вашей палькой, когда вы ее поставите у насъ, куда похилится. Запри-

частивши отца, вы ушли, а отецъ спрашиваетъ: куда палка похилилась? Я сказала ему, а онъ и повѣсилъ голову. Я говорю, чего вы, тятенька, зажурились? А онъ и говорить: я, дочька, умиру, потому палка похилилась къ воротамъ". Познакомившись такимъ случайнымъ образомъ съ даннымъ фактомъ, я постарался узнать, не исключительный ли это былъ случай повѣрья? Оказалось, что оно не было тайной только одного старика покойника, но довольно распространено и, судя потому, что мои прихожане всѣ переселенцы изъ внутренней Россіи (по преимуществу Харьковской губерніи), вывезено отсюда; да и сами прихожане это подтверждаютъ. Вспоминая послѣдній фактъ изъ своей пастырской практики, невольно оглядываешься и на все прошлое ея: сколько людей, думается, довелось преждевременно повергнуть своимъ незнаніемъ ихъ предразсудковъ въ печаль, затруднить ходъ выздоровленія, а, можетъ быть, и свести въ могилу! Положимъ, безъ воли Божіей ничто не совершается, но вѣдь въ ней же лежитъ и основаніе нашей свободы, а потому и горько становится за прошедшее. Но слава Богу, что хотя теперь удалось познакомиться мнѣ съ этимъ предразсудкомъ, и я спѣшу сообщить его своимъ собратьямъ по сану, хотя, быть можетъ, и не новость сообщу для большинства изъ нихъ.

Священникъ А.—новг.

Назидательныя для пастырей Церкви изрѣченія св. Отцовъ.

Ключи текутъ, хотя бы никто не черпалъ изъ нихъ, и
родники источаютъ воду, хотя бы никто не бралъ ея, и рѣки
бѣгутъ, хотя бы никто не пилъ изъ нихъ: такъ и проповѣдникъ,
хотя бы никто не внималъ ему, долженъ исполнять все, что
отъ него зависитъ. Ибо принявшему служенію слову положенъ

Къ № 21-му.

человѣколюбивымъ Богомъ законъ: никогда не оставлять своего долга и не молчать, слушаютъ ли его или убѣгаютъ.

Не убѣдилъ проповѣдникъ сегодня? Но завтра, можетъ быть, успеетъ убѣдить. Но и завтра не успеетъ? такъ, быть можетъ, послѣ завтра, или въ послѣдующій еще день. Кто сегодня отвергъ слово, тотъ, можетъ быть, завтра послушаетъ и приметъ; а кто сегодня и завтра показавъ небреженію, тотъ спустя много дней, быть можетъ, окажетъ вниманіе къ словамъ проповѣдника. Въдь и рыбакъ, нерѣдко цѣлый день закидывалъ сѣть по напрасну и къ вечеру намѣреваясь уйти, уловивъ во весь день убѣжавшую отъ него рыбу, и съ нею уходитъ.

Еслибы мы изъ завсегданныхъ неудачъ издумали быть въ праздности и отстать отъ всѣхъ дѣлъ, то разстроилась бы у насъ вся жизнь, и погибло бы все не только духовное, но и житейское. И земледѣлецъ, еслибы изъ-за случившейся одинъ или два и много разъ непогоды рѣшился бросить земледѣліе, — то всѣ мы скоро погибли бы отъ голода. И кормчій, еслибы изъ-за случившейся одинъ, два и много разъ бури, оставилъ море, — бездна была бы для насъ непереплываемою, и отъ этого жизнь наша опять была бы для насъ бесполезною. Да и въ отношеніи къ каждому искусству, если будемъ также превратно судить и располагаться, все совершенно погибнетъ, и земля сдѣлается необитаемою. Зная сіе, всѣ, хотя одинъ, два и много разъ не достигаютъ конца дѣла, коими занимаются, однакожь опять принимаются за нихъ съ одинаковымъ усердіемъ. Земледѣлецъ хотя бы одинъ, два и много разъ, засѣявши одну и ту же ниву, не получилъ плода, однако онъ опять начинаетъ ее воздѣлывать. И купецъ, потерпѣвши многія кораблекрушенія, не отстаетъ отъ пристани, не истаскиваетъ судно и подряжаетъ матросовъ и, затаивши денегъ, принимается за тѣже дѣла, хотя будущее ему также не извѣстно. Да и всякій, чѣмъ бы кто ни занимался, обыкновенно поступаетъ такъ же, какъ земледѣлецъ и купецъ. Между тѣмъ, они показываютъ такое усердіе къ житейскому, хотя конецъ не извѣстенъ имъ: а мы проповѣдники, если, говоря слово, не будемъ выслушаны, тотчасъ перестанемъ? Какое же будемъ имѣть извиненіе, какое оправданіе?

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Киевъ, 18 мая 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

XXV.

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХ ПASTЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цена годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 22.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Мая 27-го.

Содержаніе: Нужна ли реформа пастырства примѣнительно къ социально-политическимъ потребностямъ современнаго общества?—Гипнотизмъ, какъ подтвержденіе истинъ христіанскаго ученія.—Пастырское дѣйствованіе по примѣру Господа Іисуса Христа.—Назидательныя для пастырей Церкви изреченія св. Отцевъ.

Нужна ли реформа пастырства примѣнительно къ социально-политическимъ потребностямъ современнаго общества¹⁾?

Къ рѣшенію поставленной нами задачи можно присту-
пать съ двухъ сторонъ, смотря потому, какъ понимать вообще
задачу христіанства, болѣе ли съ точки зрѣнія эспиритуали-
стической и трансцендентальной или съ точки зрѣнія
болѣе реалистической и земной. И то и другое понима-
ніе имѣетъ свою относительную вѣрность.

1) Никто не будетъ спорить о томъ, что преобладающая
характеристическая основная черта христіанской религіи эспир-
итуалистическаго свойства. Кто разсматриваетъ жизнь человѣче-
скую съ ея радостями и заботами, правами и обязанностями по

¹⁾ См. въ № 20 »Католическое пастырство и социальный вопросъ«.

свѣтъ Св. Писанія, особенно Новаго Завѣта, тотъ непосредственно получаетъ рядъ впечатлѣній, приводящихъ къ спиритуалистическому міровоззрѣнію. Царство Христово не отъ міра сего (Іоан. 18, 36); оно вездѣ стоитъ въ противоположности къ міру, образъ котораго проходитъ (1 Кор. 7, 31), вмѣстѣ съ его богатствомъ, славою и похотью (1 Іоан. 2, 17). Міръ составляетъ враждебную противоположность къ царству Божію, онъ отпалъ отъ Бога и принялъ своего собственнаго князя, сатану, который называется княземъ міра сего (Іоан. 12, 31. 14, 30. 16, 11); противоположность это такая, какъ между свѣтомъ и тьмою, и князь міра сего есть вмѣстѣ съ тѣмъ и князь тьмы (Еф. 6, 12. Кол. 1, 13). Сатана есть владыка богатства, которое олицетворяется подъ именемъ мамоны, какъ совокупности всего противобожественнаго въ тварныхъ благахъ и удовольствіяхъ, и человѣку остается только выборъ между Христомъ и мамоною (Мат. 6, 44).

Служеніе Богу и служеніе міру стольже противоположны какъ духъ и плоть. Назначеніе христіанства совершенно духовное; христіанская Церковь должна изымать, отдѣлять людей изъ міра; служеніе Христу и служеніе міру совершенно несовмѣстимо, никто не можетъ служить двумъ господамъ (Лук. 16, 13); кто не отречется отъ всего, что имѣетъ, не можетъ быть ученикомъ Христовымъ (Лук. 14, 33). Не абстрактно только христіанинъ долженъ быть готовъ отречься отъ матеріальнаго обладанія, но и отъ всѣхъ связей, которыя поддерживаются матеріальнымъ обладаніемъ, общественныхъ отношеній, даже въ средѣ своего семейства. Не только нельзя любить отца или мать или брата или сестру больше, чѣмъ Христа, но даже должно ненавидѣть тѣхъ, кто ближе всѣхъ по естественнымъ узамъ крови и семейства (Лук. 14, 26); призваніе христіанина такъ сильно отдѣляетъ его отъ всѣхъ естественно-плотскихъ привязанностей, что онъ въ ближайшихъ своихъ домашнихъ находитъ своихъ величайшихъ враговъ (Мат. 10, 36).

Какъ Евангеліе учить о богатствѣ и о трудности для богатаго войти въ царство небесное, нѣтъ надобности входить въ подробности. Богатство и мамоа неправды почти тождественныя понятія; нельзя поэтому быть богатымъ безъ неправды и не поставивъ себя въ зависимость отъ князя міра сего. Богатый (Лук. 16, 19 и д.) ввергается въ адъ; Лазарь же нищій относится ангелами на лоно Авраама; это праведное возданіе за то, что одинъ получилъ блага въ своей жизни, а другой — зла. Безопасность, въ какой чувствуетъ себя богатый, обладая богатствомъ, служить для него пагубнымъ обольщеніемъ, по которому онъ предается наслажденіямъ жизни, пока прійдетъ ночью смерть и скажетъ: „безумне, въ сію ночь душу твою возьмуть отъ тебя“ (Лук. 12, 16—21). Стремленіе къ приобрѣтенію богатства составляетъ великую нравственную опасность: „желающіе обогатиться впадаютъ въ искушеніе и въ сѣть“ (1 Тим. 6, 9). Впутываться христіанину въ мірекія дѣла, заботы и споры Апостолъ находитъ столь достойнымъ порицанія, что не совѣтуетъ даже искать своего права у гражданскихъ судей: „для чего бы лучше не оставаться вамъ обиженными? для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія“? (1 Кор. 7, 7 и д.).

Предостереженія Новаго Завѣта отъ стремленія къ обогащенію нужно относить не къ однимъ только крайностямъ богатства. Напротивъ бѣдность имѣетъ преимущество предъ богатствомъ. Самъ Іисусъ Христосъ и Апостолы имѣли конечно свои потребности жизни, и поэтому не всякая забота о житейскихъ нуждахъ запрещается; Апостолъ, трудомъ рукъ своихъ прибрѣтавшій себѣ средства для пропитанія, чтобы не быть никому въ тягость, подаетъ примѣръ, какъ каждый своимъ трудомъ долженъ поддерживать свое существованіе, а не требовать этого отъ другихъ. Но нигдѣ не указано въ Новомъ Завѣтѣ, что для будущихъ дней и цѣлей нужно собирать запасъ, полагать фондъ. Напротивъ и касательно ежедневныхъ потребностей жизни дѣлается предостереженіе, чтобы не быть подобными

язычникамъ. Какая поразительная, глубоко пристыжающая духъ міра и всѣ экономическія теоріи, рѣчь Господа въ Евангеліи отъ Матѳ. 6, 25 и д. и Лук. 12, 22 и д. Она показываетъ во-первыхъ, что наши заботы и безсильны и что мы при всѣхъ своихъ стараніяхъ столько же можемъ успѣвать, сколько въ состояніи прибавить лактей къ возрасту своему. Она показываетъ, во-вторыхъ, что мы должны всѣ свои попеченія предоставить небесному Отцу, Который знаетъ наши нужды и не забываетъ насъ. Она показываетъ, въ-третьихъ, что мы не должны считать себя маловажнѣе низшихъ тварей, не имѣющихъ высшего назначенія и ограничивающихся только земнымъ существованіемъ, и тѣмъ не менѣе не заботящихся о самихъ себѣ, потому что Отецъ небесный питаетъ ихъ. Неужели же человѣкъ, назначеніе котораго въ міра сего, долженъ теряться въ заботахъ о преходящихъ, ничтожныхъ благахъ? Блаженна не Марѳа, заботившаяся о многомъ, но Марія, обращавшая умъ свой къ единому на потребу.

Чрезъ все Евангеліе и посланія Апостольскія проходитъ ясною чертою мысль о попеченіи и соотраданіи къ бѣднымъ. Вспомнимъ только объ учрежденныхъ ап. Павломъ сборахъ въ пользу бѣдныхъ (1 Кор. 16, 1 и д.; 2 Кор. 9, 1 и д.). Но образъ и способъ, какъ проявлялось это попеченіе, нигдѣ не имѣетъ ничего „соціалистическаго“. Евангельскій идеалъ—не возбужденіе сожалѣнія къ бѣднымъ и завидованіе богатымъ; не обогащеніе бѣдныхъ, не распространеніе между всѣми поровну имущества, всеобщаго благосостоянія и не предоставленіе бѣднымъ пользованія всѣми наслажденіями жизни. Люди имущіе конечно должны помогать неимущимъ, какъ бы облегчая себя этимъ отъ тяжести богатства, но нигдѣ не проповѣдывается объ уничтоженіи наперизма. Когда нѣкоторые изъ окружавшихъ Іисуса Христа жертву любви Маріи называли расточительностію, говоря, что пролитое миро могло бы быть продано за большіе деньги для бѣдныхъ, Іисусъ Христосъ замѣтилъ между прочимъ: „бѣдныхъ

всегда имѣете съ собою“ (Мат. 26, 6 и д.). Слѣдовательно этого нельзя измѣнить! Бѣдности и христіанство не можетъ устранить изъ міра. Впрочемъ избытокъ земныхъ благъ не единственнымъ и не высочайшимъ своимъ назначеніемъ имѣетъ пособіе нуждающимся. Хотя не все нищія признаются блаженными, но только нищія духомъ (Мат. 5, 3); но такъ какъ Іисусъ Христосъ Самъ избралъ для Себя бѣдность, и не имѣлъ, гдѣ свою голову приклонить (Мат. 8, 20), то этимъ Онъ возвысилъ бѣдность въ идеаль для всехъ истинно духовно понимающихъ назначеніе человѣка.

Въ словахъ: „нищихъ всегда имѣете съ собою“ содержится уже нѣкотораго рода отреченіе отъ переустройства существующаго общественнаго порядка; бѣдности нельзя изгнать и запретить, какъ и грѣха; не общается золотой вѣкъ; въ Св. Писаніи нѣтъ основанія для чувственно хилиастическихъ надеждъ; еще менѣе содержитъ оно для непосредственнаго настоящаго времени чувственныхъ приманокъ и обѣщаній, не предлагаетъ оно земныхъ благъ и утѣшеній, чтобы привлекать бѣдняковъ ко вступленію въ христіанскую Церковь. Не земные виды и цѣли предлагаетъ христіанство своимъ послѣдователямъ; нѣтъ у него рѣчи объ успѣхахъ культуры, о блестящемъ земномъ будущемъ, о христіанскихъ имперіяхъ и царствахъ. Напротивъ христіанамъ общаются разнаго рода угнетенія, ненависть, преслѣдованія изъ города въ городъ, изъ страны въ страну; христіане должны жить какъ не принадлежащіе къ міру сему; земля не есть наше отечество. „Мы не имѣемъ здѣсь постоянного града, но ищемъ будущаго“ (Евр. 13, 4).

Въ Новомъ Завѣтѣ видимо преобладаетъ индивидуальная этика надъ такъ называемою соціальною этикою. „Что пользы человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а повредитъ душѣ своей“ (Мат. 16, 20). Каждый отвѣчаетъ за себя и свою душу; когда наступитъ рѣшающій часъ, тогда „будутъ двое на одной постели; одинъ возьмется, а другой

оставится. Двѣ будутъ молоть вмѣстѣ; одна возьмется, а другая останется“ (Лук. 17, 34. 35. Матѳ. 24, 40. 41). Царство Божіе созидается не мірскими могущественными средствами, не человѣческимъ искусствомъ убѣжденія (1 Кор. 2, 4), не приказаніями свыше или рукой свѣтской власти; напротивъ оно совершенно внутренняго характера (Лук. 17, 21). Чѣмъ свободнѣе человѣкъ отъ естественныхъ узъ человѣческой общественной жизни, тѣмъ больше онъ можетъ считать себя принадлежащимъ къ царству Божію; поэтому самое безбрачіе есть средство безраздѣльно и вполне служить Богу.

Въ ученіи и дѣйствіяхъ Іисуса Христа нигдѣ не замѣтно политическаго характера. Всякій разъ когда ученики Его или противники возбуждали какой нибудь политическій или національный вопросъ, Онъ всегда отвѣтъ Свой направлялъ къ постороннему и самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонялъ „политическій іудаизмъ“ фарисеевъ. Нигдѣ не встрѣчается попытки вторгаться въ гражданское законодательство и управленіе, или критиковать ихъ. Общанія христіанства все относится къ постороннему. Пришествіе царства Божія не означаетъ новаго порядка земныхъ вещей; вѣра въ близкое пришествіе Господа во времена апостольскія подтверждаетъ предположеніе, что теперешнему состоянію міра готовится близкій конецъ. Новое небо и новая земля не означаетъ земнаго царства.

Приписываемая индивидуальной этикѣ черта пессимизма имѣетъ нѣкоторое основаніе въ общемъ содержаніи библейскаго ученія. Пессимизмомъ уже отзывается почти дуалистическое противопоставленіе между Богомъ и міромъ, Христомъ и вѣліаломъ, а также ученіе о немногихъ избранныхъ и объ узкомъ пути, ведущемъ къ жизни и по которому идутъ только немногіе. Пессимистическимъ представляется взглядъ на міръ, въ общемъ погибшій и преходящій, и изъ котораго только немногіе спасаются, какъ изъ потопныхъ водъ только немногіе спаслись въ ковчегѣ и какъ изъ морскихъ рыбъ только нѣкоторыя попадаютъ въ

сти рыбаковъ. Принадлежащіе Богу составляютъ только малое стадо (Лук. 12, 32); и то обѣтованіе, при мысли о коемъ у многихъ сильнѣе начинается биться пульсъ, обѣтованіе о времени, когда одно будетъ стадо и одинъ пастырь (Іоан. 10, 16), не означаетъ надежды на земное царство единенія и мира. Христіанская надежда букетъ изъ горькихъ травъ: терпѣнія, самоотреченія, ожиданія потусторонняго. Пока человѣкъ привязанъ къ временному, онъ еще плотской человѣкъ, который долженъ умереть, чтобы явился духовный человѣкъ. Въ мірѣ всегда будемъ имѣть скорби; страданіями и нуждою, бѣдностію, болѣзнію и безпомощностію человѣкъ долженъ отвыкать отъ міра и приводиться къ Богу; такими путями пастырство должно искать и привлекать къ себѣ чадъ Божіихъ. „Ничимъ евангеліе проповѣдуется“.

Поэтому состояніе угнетенія и преслѣдованія никогда не будетъ имѣть конца на землѣ; торжествующая церковь будетъ только въ потустороннемъ. Ученикамъ не должно быть лучше, чѣмъ учителю. Поэтому побѣда религіи пріобрѣтается не между счастливыми земли, но тамъ, гдѣ раздается вопль тѣлесной и душевной нужды.

Для нашей цѣли нѣтъ надобности, въ подтвержденіе спиритуалистическаго взгляда на задачу христіанства въ мірѣ, исчерпывать въ этомъ направленіи содержаніе ученія Св. Писанія, или же вступать въ споръ касательно изъясненія того или другаго относящагося сюда текста, различно понимаемаго; нужно по крайней мѣрѣ согласиться, что этотъ образъ воззрѣнія имѣетъ нѣкоторое оправданіе.

Для подтвержденія такого взгляда имѣютъ нѣкоторое значеніе реальныя, историческія обстоятельства.

Идеалистическая черта, проходящая чрезъ первые христіанскіе вѣка и побуждавшая христіанъ къ бѣгству изъ міра, а не къ стремленію занять положеніе въ немъ, имѣла такое сильное дѣйствіе на простыя сердца, что въ позднѣйшія вѣка могущества

и славы церкви съ элегическимъ почти настроеніемъ вспоминали о лучшихъ временахъ первыхъ христіанъ и верѣдко подѣ руко- водствомъ лучшихъ людей своего времени безчисленныя духовно настроенныя души отказывались отъ общественныхъ дѣлъ, чиновъ и должностей въ государствахъ и церкви, чтобы быть похожими на древнихъ христіанъ. Но въ древней церкви мы нигдѣ не встрѣчаемъ собственно соціальныхъ или политическихъ реформа- торскихъ плановъ; нигдѣ не находимъ разсужденій объ отно- шеніяхъ между церковью и государствомъ. Проповѣдывались конечно новыя ученія въ обществѣ вѣрующихъ, а за этими уче- ніями слѣдовали и событія; новое семейное и брачное право, новыя основоположенія о трудѣ, объ отношеніяхъ между свобод- ными и рабами, учрежденіе попечительствъ о бѣдныхъ, новыя положенія о благотворительности. Но нигдѣ не находимъ созна- тельнаго стремленія оказывать вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ; вездѣ усматриваемъ ревностное стараніе приобрѣтати новыхъ послѣдователей во всѣхъ сословіяхъ даже и во дворѣ Кесаревъ, но нигдѣ не видимъ образованія партій. Даже и тамъ, гдѣ христіане сознавали себя въ большемъ числѣ, роль ихъ однако оставалась страдательною; они не требовали участія во власти. На каждаго отпавшаго члена они смотрѣли, какъ на чрезмѣрную потерю и противопоставляли некушеніямъ къ отпаденію страда- тельное противодѣйствіе; но никогда не призывали своихъ едино- мысленниковъ на помощь къ активному противодѣйствію; они все переносили, потому что будущее ихъ лежало въ потустороннемъ.

Указываютъ на времена, когда процвѣтали христіанскія государства, когда подѣ сѣнью христіанства созрѣвало счастье и благосостояніе народовъ, когда сокровища земныя были въ распо- ряженіи служителей церкви и когда человѣчество обязано было всякаго рода матеріальною и духовною культурою. Почти можно было бы подумать, что это была эра невозмутимаго мира и соціальнаго счастья, какъ мы читаемъ объ этомъ теперь только въ сказкахъ.

Говорятъ о болѣе счастливомъ прошедшемъ народовъ и надѣются—хотя впрочемъ и робко—на лучшее будущее; только настоящее является безутѣшнымъ и богооставленнымъ. Прошедшее считается счастливымъ, потому что христіанство излило свое благословеніе на государства. Но когда же бѣдность была изгнана съ земли и съ нею все бѣдствія? Когда былъ занерть храмъ Инуса и господствовалъ повсюду всеобщій миръ? Кто скажетъ намъ, были ли прежде бѣдные довольнѣе, а богатые добрѣе и благотворительнѣе? Какой писатель въ какомъ либо вѣкѣ до или послѣ Рождества Христова не жаловался на неустройства въ гражданскомъ обществѣ, на угнетеніе слабыхъ, роскошь богатыхъ, превозношеніе властителей, тяжесть налоговъ и податей, и кто не повѣстуетъ о нарушеніи божескихъ и человѣческихъ законовъ? Развѣ не всегда были свободные и рабы? Развѣ не въ каждый періодъ всемірной исторіи существовалъ аграрный законъ, борьба между сословіями нерѣдко самая кровавая? Когда жили въ добромъ согласіи дворяне съ горожанами, почетные граждане съ цеховыми, духовенство съ мірянами? Не приходилось ли всякое приобрѣтеніе въ социальномъ и политическомъ отношеніи приобрѣтать желѣзомъ и кровію?

Говорятъ о великомъ національномъ благосостояніи, какъ о слѣдствіи благословеній христіанства. Но дѣлали ли когда либо богатство счастливыми народы и государства? Великое ли счастье съ точки зрѣнія христіанскаго міросозерцанія въ успѣхахъ матеріальной культуры, къ земному направленнаго образованія, искусства и науки?

Постоянное вездѣ противорѣчіе. Жалуются на бѣдность, такъ какъ она означаетъ социальное и приносить правдивное бѣдствіе, и порицаютъ богатство, такъ какъ оно производитъ слабость нравовъ, роскошь и сластолюбіе. Упрекаютъ спиритуалистовъ въ пессимизмъ, хотя упрекающіе сами величайшіе пессимисты, такъ какъ не находятъ ничего добраго въ существующихъ условіяхъ жизни; несправедливы къ настоящему, такъ какъ не знаютъ прошедшаго,

и поэтому будущее у насъ строится на утопіяхъ. Кто изучилъ въ исторіи не только великія государственныя событія, но и страданія и радости разныхъ народныхъ сословій, тотъ можетъ знать, что въ мірѣ не столь многое измѣнилось, и можетъ найти, что и въ окружающемъ насъ мірѣ вмѣстѣ съ многими бѣдствіями много утѣшительнаго и возвышающаго. Всѣ политики ничего не могутъ измѣнить въ мірѣ; но въ мірѣ не умерла христіанская истина и любовь; христіанская политика не можетъ всего исцѣлить и никогда не могла этого; она не можетъ устроить на землѣ рай; она должна была видѣть, какъ многое падало и погибло, но христіанство и теперь являетъ свою силу, тамъ облегчая нужду, здѣсь смягчая борьбу и стараясь вездѣ, какъ и прежде всегда, возводить души отъ преходящаго къ вѣчному.

Христіанскій спиритуализмъ производитъ конечно меньше тѣхъ добродѣтелей, которыя приводятъ къ богатству, господству, власти, воинской способности, мірской мудрости, къ вліянію и блеску; напротивъ онъ направляетъ чувства людей къ тѣмъ добродѣтелямъ, которыя учатъ насъ терпѣнію въ жизни и презрѣнію міра. Онъ не допускаетъ ослѣпляться призракомъ счастья въ социальномъ благосостояніи; ибо онъ замѣчаетъ, что собственно бѣдные и нуждающіеся гораздо меньше чувствуютъ себя несчастливými, чѣмъ богатые и пользующіеся удовольствіями, такъ какъ ихъ грызетъ „міровая скорбь“. Дѣйствительнаго пессимизма нужно искать не на сторонѣ бѣдныхъ, но богатыхъ.

Христіанскій пастырь среди бѣдныхъ имѣетъ гораздо болѣе богатую надеждами ниву, чѣмъ среди богатыхъ; цѣли царства Божія еще легче наконецъ осуществить въ бѣдной, чѣмъ въ богатой странѣ. Поэтому не возбуждайте въ низшихъ классахъ церковною социальною политикою надеждъ, которыя никогда не могутъ исполниться и не учите ихъ возлагать свои надежды на земное будущее и своего довѣрія на вспомогательныя средства плотской мудрости или мірской силы!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гипнотизмъ, какъ подтвержденіе истинъ христіанскаго ученія¹⁾.

Если мы коснемся вопроса, не въ состояніи ли какимъ либо образомъ гипнотическія явленія повредить христіанскому ученію, то увидимъ, что указаніемъ на гипнотизмъ дѣйствительно могутъ воспользоваться для того, чтобы поколебать нашу вѣру въ нѣкоторыя чудеса, о которыхъ повѣствуется въ Свящ. Писаніи и для отрицанія нравственнаго значенія изображаемаго въ Библии состоянія восхищенія и видѣній.

Что касается перваго пункта, то гипнотизмомъ воспользуются для того, чтобы свести нѣкоторыя чудеса къ чисто-гипнотическимъ экспериментамъ. Дѣйствительно какъ будто при нѣкоторыхъ чудесахъ, если оставить въ сторонѣ связь библейской исторіи чудесъ, не далеко до этого гипнотического объясненія. Такъ напр. было при воскрешеніи дочери Іаира, при воскрешеніи Лазаря. Въ первомъ случаѣ Самъ Господь говоритъ: „дѣвица не умерла, но спитъ“ и во второмъ: „Лазарь, другъ нашъ, уснулъ, и Я иду разбудить его“. Нельзя ли думать, что Самъ Господь указываетъ тутъ на чисто-гипнотическое состояніе?—Думаемъ, что ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не станетъ сомнѣваться, что выраженіе „спитъ“ означаетъ только образъ дѣйствительно наступившей смерти; стоитъ только прочесть предыдущее и окажется, что въ обоихъ случаяхъ предшествовала смерти смертельная болѣзнь. Но доселѣ не было еще сдѣлано попытки гипнотизировать людей смертельно-больныхъ, но всегда гипнотизировались люди сравнительно здоровые. Не говоря уже о томъ, до какого униженія низводитъ былъ бы нравственный образъ Господа Іисуса Христа, такъ какъ по этому объясненію Спаситель выдавалъ бы Себя за сверхъестественное, божественное лицо, не будучи таковымъ. При такомъ толкованіи мы возвратились бы къ той точкѣ зрѣнія на чудеса

¹⁾ См. № 21-й.

Господа, на которой стоялъ вѣкогда язычникъ Цельсъ въ своей полемикѣ противъ евангелій.

Что касается втораго пункта — пользованія гипнотизмомъ для отрицанія нравственнаго значенія библейскихъ видѣній (эти состоянія пытаются признать чисто-гипнотическими), то аналогія между экстатическимъ состояніемъ, какъ оно въ особенности сказывается въ библейскомъ пророчествѣ и гипнотизмомъ по внѣшности очень замѣчательна. Необычайное возвышеніе дѣятельности духовныхъ силъ въ пророческомъ восхищеніи и видѣніи, при которыхъ сознаніе совершенно отступаетъ и связь съ внѣшнимъ міромъ прекращается, похоже на состояніе глубокаго гипноза. Таково напр. изображеніе апостоломъ Павломъ собственнаго видѣнія 2 Кор. 12, 2.: „въ тѣлѣ ли я былъ или внѣ тѣла, не знаю“; тутъ какъ будто предполагается гипнотическое состояніе. Но очевидно, что здѣсь не болѣе, какъ аналогія съ разсмотрѣнными явленіями гипноза. Если же бы кто захотѣлъ далѣе утверждать, что это состояніе наступало или вслѣдствіе самогипнотизированія или гипноза, вызваннаго дѣйствіемъ другаго и что пророческое слово или образъ представлялъ результатъ такого состоянія, — такой утверждалъ бы совершенную нелѣпость. Объясненіемъ экстатическихъ состояній пророковъ самогипнотизированіемъ или гипнозомъ, вызваннымъ кѣмъ либо другимъ, совершенно невозможно объяснить предсказаній о будущемъ и вообще глубокихъ и высокихъ мыслей, высказываемыхъ ими въ такомъ состояніи тѣмъ болѣе, что это высказывалось людьми совершенно неучеными; да нужно при томъ помнить, что при такомъ объясненіи мы богопросвѣщенныхъ мужей низводили бы на степень фокусниковъ и обманщиковъ, приписывающихъ своимъ словамъ божественное происхожденіе.

Но допустимъ даже, что въ отдѣльныхъ случаяхъ пророческій экстазъ и видѣніе могли быть вызваны чисто-человѣческими средствами, остается непонятнымъ, какъ гипнотизированные (допустимъ ту нелѣпую мысль, что пророки были такими), получивши

во время гипнотическаго состоянія извѣстныя мысли, такъ ясно и правильно излагаютъ ихъ, какъ это мы видимъ въ Св. Писаніи; между тѣмъ, какъ мы видѣли, характеристическою чертою гипнотическаго состоянія является именно то, что гипнотизированный по пробужденіи рѣшительно ничего не можетъ повторить изъ того, что онъ говорилъ и дѣлалъ въ этомъ состояніи.

Если гипнотизмъ, какъ мы доселѣ видѣли, не въ состояніи поколебать нашей вѣры въ истинности Слова Божія, то съ другой стороны онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является новымъ апологетомъ нашего христіанскаго ученія.

1) Гипнотизмъ есть новое свидѣтельство противъ матеріализма.

Впечатлѣніе, которое производятъ на насъ гипнотическія явленія особенно на высшей ступени гипноза, таково, что нужно сказать: здѣсь проявляются силы, выступаютъ съ очевидностью явленія, которыя никакъ не могутъ быть причислены къ категоріи движеній матеріи и силы, но принадлежатъ области, выходящей за предѣлы дѣятельности пяти вѣшнихъ чувствъ. А такую область матеріализмъ въ принципѣ отрицаетъ. Онъ хочетъ считать дѣйствительнымъ только то, что происходитъ на виду и можетъ быть воспринято какимъ нибудь изъ пяти чувствъ. Здѣсь же напротивъ мы осязательно видимъ, что въ человѣкѣ есть особая область явленій, несводимая на дѣятельность вѣшнихъ чувствъ. Разумѣется, матеріализмъ не надастъ духомъ и предъ гипнотизмомъ. По его убѣжденію нѣтъ сомнѣнія, что механическое объясненіе гипнотическихъ явленій составляетъ только вопросъ времени. Но предположимъ, что такъ случится, что отъ этого выиграетъ матеріализмъ? Если я знаю, къ какому нерву нужно прикоснуться, какую артерію и мускулъ нажать, къ какой кости дотронуться, чтобы привести кого-либо въ гипнотическое состояніе, то развѣ чрезъ это мнѣ станутъ понятными гипнотическія явленія, сами по себѣ? Смѣшно, разумѣется, было бы, если бы ученый, зная, какія средства наиболее пригодны для

приведенія въ гипнотическое состояніе, сказалъ: теперь я постигъ, что такое гипнотизмъ. Это было бы такъ же смѣшно, какъ если бы кто нибудь, не зная, что служить органомъ нашей рѣчи, а потомъ, узнавъ, что это языкъ, сказалъ бы: теперь я узналъ, что такое даръ рѣчи и какъ это происходятъ слова; между тѣмъ въ дѣйствительности онъ узналъ не болѣе, какъ объ органѣ рѣчи. Думаемъ, что если бы и было доказано механическое объясненіе гипноза, то и тогда главныя загадки остались бы все такъ нерѣшенными.

2) Гипнотизмъ утверждаетъ истину христіанскаго ученія противъ мнимыхъ результатовъ естествознанія вообще и въ частности физиологіи.

Здѣсь предъ нами наяснѣйшимъ образомъ выступаетъ, на сколько несовершенны всѣ человѣческія познанія и какъ внезапно въ совершенно извѣстной, до подробностей изученной области можетъ открыться безконечная, непредвидѣнная область, совершенно неспровергающая всѣ прежніе мнимо-научные результаты. Стоитъ только напр. вспомнить о смѣломъ законѣ Геккеля „антропологія есть только вѣтвь зоологіи“, въ какомъ жалкомъ свѣтѣ долженъ представиться этотъ законъ въ виду явленій гипнотизма? Если бы эти удивительныя явленія стояли въ какой либо связи съ животною жизнью, тогда и Геккелевскій законъ былъ бы не болѣе, какъ отраслью зоологическаго познанія. Пусть намъ укажутъ хоть одинъ случай, гдѣ бы животныя вслѣдствіе какихъ либо манипуляцій получали возвышеніе тѣлесной и душевной жизни.

Въ гипнотизмѣ яснѣйшимъ образомъ сказывается преимущество человѣка — царя природы надъ всѣми остальными земными тварями. Мы видимъ тутъ новый міръ, который приводитъ насъ въ удивленіе предъ самими собою; онъ заставляетъ насъ призадуматься, если до сихъ поръ мы считали существо человѣка совершенно извѣстнымъ и изслѣдованнымъ. Что въ самомъ дѣлѣ знаемъ мы о человѣкѣ (можно спросить въ виду гипнотическихъ

явленій) кромѣ элементовъ его существа и силъ? Какъ скромны должны быть въ виду такихъ фактовъ такъ называемыя научныя изслѣдованія о человѣкѣ! Самая большая часть этихъ изслѣдованій оказывается только слабою попыткой.

Открытіе гипнотизма поэтому должно вновь послужить урокомъ наукѣ быть скромною и не смотрѣть съ презрѣніемъ на тѣхъ, кто заявляетъ себя несогласнымъ съ отождествленіемъ антропологии и зоологии, а напротивъ утверждаетъ ихъ существенное различіе на основаніи христіанскаго вѣроученія.

3) Гипнотизмъ есть новое доказательство того, что принимавшаяся со времени Декарта ¹⁾ противорѣчащая христіанскому ученію противоположность между двумя факторами бытія—тѣломъ и духомъ или, какъ чаще выражаются, между природою и духомъ,—что такая противоположность мнимая и не существуетъ.

Кто захотѣлъ бы удержать эту противоположность, тотъ непремѣнно пришелъ бы къ отрицанію основы христіанскаго ученія: Богъ тогда не можетъ быть въ мірѣ, но только надъ міромъ, полное уподобленіе человѣка, какъ облеченнаго тѣломъ, Богу невозможно; грѣхъ далѣе не есть вина, но только естественное слѣдствіе противоположности между тѣломъ и духомъ. Если же грѣхъ людей—явленіе случайное, то тогда падаетъ истинное понятіе о христіанскомъ спасеніи и освященіи, равно какъ дѣйствительность благодатной силы; а конечная цѣль чело-вѣческой жизни—воскресеніе въ прославленномъ тѣлѣ становится совершенно невозможною, потому что тогда цѣлью борьбы между духомъ и тѣломъ была бы побѣда чистаго духа надъ тѣломъ. Рационализмъ и спиритуализмъ показываютъ намъ, до чего можно дойти съ этимъ ложнымъ въ основаніи принципомъ.

¹⁾ Положивши въ основаніе своей философіи положеніе, добытое имъ путемъ предварительнаго сомнѣнія >мыслью, слѣд. существую с, Декартъ духу, какъ мыслящей сущности противопоставилъ тѣло—протяженіе; гдѣ духъ, тамъ нѣтъ тѣла и наоборотъ. Вотъ почему у Декарта вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу въ чело-вѣческомъ существѣ остался безъ всякаго рѣшенія.

Но гипнотизмъ ясно показываетъ намъ, что о противоположности ¹⁾ между тѣломъ и духомъ или природою и духомъ не можетъ быть рѣчи. Потому что удивительныя явленія, происходящія въ этомъ состояніи—ни чисто тѣлесныя, ни чисто духовныя; въ нихъ сказывается та и другая часть нашего существа. Чувственные органы—глазъ, слухъ, осязаніе служатъ ближайшимъ образомъ пособниками, которые должны быть какъ нибудь возбуждены, для того чтобы могли быть вызваны нетѣлесныя явленія. Если бы какъ либо можно было возбудить только мысли подвергающагося гипнозу, то результата не получилось бы. Конечно для особенно-чувствительныхъ особъ достаточно одной только мысли о близости гипнотизированія для приведенія ихъ въ это состояніе, но тутъ не нужно упускать изъ виду, что это состояніе не первоначально, но сначала получалось какъ результатъ различныхъ манипуляцій, при которомъ необходимо было участіе тѣлесныхъ органовъ для вызова явленія гипнотизма. А въ какой близкой связи стоитъ тутъ тѣлесное и духовное, лучше всего можно видѣть изъ того, что нажатіе или прикосновеніе къ извѣстной части тѣла (особенно мускуламъ и нервамъ), какъ это доказано, производитъ на гипнотизированнаго извѣстное вліяніе, возбуждаетъ его духъ извѣстнымъ образомъ. Такъ напр. нажатіе на часть продолговатаго мозга у затылка вызываетъ способность къ почти—фотографически вѣрному воспроизведенію сказаннаго. Тоже самое бываетъ, если механически возбудить периферическіе концы *nervus vagus*.

4) Гипнотизмъ есть ясное доказательство дѣйствительной силы вѣры. За сильное возвышеніе жизни вѣры христіанство довольно часто упрекали, будто оно своихъ членовъ силою вводитъ въ такую область, которая сообщаетъ людямъ только инныя мысли, но не въ состояніи дать имъ новыхъ силъ, могущихъ дать со-

¹⁾ Духъ и тѣло противоположны; первый—существо простое и недѣляемое, второе—сложное и дѣлимое; но между ними нѣтъ такой исключяющей другъ друга противоположности, какъ утверждалъ Декартъ.

вершено новое направленіе внутренней и вѣшной жизни. Отрицають, чтобъ чрезъ вѣру человѣкъ могъ совершенно переродиться; новаго сравнительно съ прежнимъ, онъ, говорятъ, ничего не узнаеть, поэтому измѣненія, которыя наступаютъ у человѣка вслѣдствіе вѣры, во вѣщности сводятъ безъ разсужденій къ лицемерію и самообольщенію.

Гипнотизмъ же показываетъ намъ, что даже ложное представленіе при извѣстныхъ условіяхъ въ состояніи повліять на человѣка такъ, что подъ этимъ вліяніемъ онъ становится какъ бы совсѣмъ переродившимся.

Мы уже выше видѣли, что всѣ возможные факты, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ, могутъ для гипнотизированнаго получить полную дѣйствительность при воздѣйствіи гипнотизирующаго. Воскличаніе „левъ идетъ“! можетъ у гипнотизированнаго вызвать настоящее чувство такого положенія со всѣми вѣшними выраженіями ужаса. Даже еще болѣе: чрезъ ложное представленіе чувства могутъ быть такъ преобразованы, что совершенно теряютъ принадлежавшія имъ доселѣ свойства. Такимъ ложнымъ представленіемъ, какъ уже доселѣ было показано, возможно по-дѣйствовать на гипнотизированнаго такъ, что для него противный растворъ соли будетъ казаться вкуснымъ, какъ сахаръ, луковица будетъ казаться яблокомъ, картофель — грушею. Если же такія сильныя дѣйствія на духовныя способности и даже на чувственныя явленія производятъ ложное представленіе, то какое сильное дѣйствіе должна производить на духовную жизнь человѣка сознательно принимаемая имъ христіанская вѣра, вѣра, основанная не на человѣческихъ измышленіяхъ, а на дѣйствительно доказанныхъ историческихъ событіяхъ!

Что въ посланіи къ Евреямъ 4, 12 говорится о Словѣ Божіемъ, именно о его силѣ, животворности и дѣйственности: „живо бо слово Божіе и дѣйственно и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ“, — относится также и къ вѣрѣ,

къ № 22-му.

которую слово Божіе предполагаетъ. Она проникаетъ своею животворною и упорядочивающею силою до самой сокровенной глубины нашего существа и преобразовываетъ его. Чрезъ вѣру въ человѣка поселяются какъ бы новыя жизненныя силы, какихъ онъ раньше не имѣлъ, а это совершенно аналогично тому, что происходитъ въ гипнотизмѣ. Что раньше человѣку было невозможно, то теперь становится легкимъ, что прежде было загадкою, тому онъ теперь научается, что прежде было соблазномъ, теперь становится необходимостью.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Пастырское дѣйствованіе по примѣру Господа Исуса Христа.

*Какъ пастырь долженъ руководить женщинъ на пути
ко спасенію.*

Тебѣ, пастырь, нужно руководить на пути ко спасенію и женщинъ. Смотри, чтобы при этомъ не подвергнуть тебѣ опасности и ихъ и твою собственное спасенію, чтобы не быть тебѣ камнемъ преткновенія среди людей Моихъ.

И прежде всего, никогда и ни на что болѣе не обращай твоего вниманія, какъ на души ихъ, на драгоценныя души ихъ, искупленныя Моею кровію и предназначенныя Мною къ вѣчной славѣ.

Храни сердце твое отъ всего, что не можетъ быть терпимо въ очахъ Моихъ.

Обходись съ ними со всею осторожностію, дабы не навлечь тебѣ на себя хотя бы самой малѣйшей тѣни недоброго подозрѣнія.

Онѣ всегда должны помнить, что имѣютъ дѣло не съ обыкновеннымъ человекомъ а съ пастыремъ и сознавая сіе должны относиться къ тебѣ съ почтеніемъ какъ къ святому.

Я допускалъ возносить на Меня всякую клевету; но упрекать Меня въ пристрастномъ обхожденіи съ женами не давалъ повода. Ибо Мой божественная честь не должна была быть запятанною ни малѣйшею тѣнію грязнѣйшихъ изъ всѣхъ пятенъ; но замѣть, особенно замѣть себѣ, что вся жизнь Моя была такъ направлена, что исключала всякую возможность упрекнуть Меня въ этомъ.

При всемъ томъ, Я исцѣлялъ ихъ духовныя и тѣлесныя немощи, позволялъ имъ слѣдовать за Собою во время Моихъ путешествій и всѣ знали, что Я любилъ ихъ за ихъ кротость и смиреніе.

Я желалъ даже, чтобы въ Евангеліи Моёмъ обо Мнѣ было написано, что Я любилъ Марѳу и сестру ея Марію (Іоан. II, 36).

О семъ ты обязанъ поразмыслить, дабы чрезвѣрный страхъ не удерживалъ тебя отъ этихъ лицъ и не мѣшалъ тебѣ заботиться объ ихъ вѣчномъ спасеніи.

И женщинамъ, какъ и мужчинамъ Я далъ пастырей въ духовныя ихъ руководители; и женщина должна въ пастырѣ находить себѣ отца, который бы утѣшилъ ее, учителя, который бы наставлялъ ее, руководителя, который бы направлялъ ее, пастыря, который бы упасъ ее. И кто осмѣлился бы порицать Мои божественныя распоряженія?

И эти божественныя Мои распоряженія оправдываются не сами по себѣ только, а и самыя дѣла говорятъ за нихъ. Пастырь, хранящій сердце свое и наблюдающій необходимую осмотрительность, какъ ангелъ исполняетъ порученную ему ангельскую должность; и міръ удивится въ день страшнаго суда Моего великому теперь ему незримому обилію чудесъ благодати Моей.

Все же ты по недостатку довѣрія ко Мнѣ не переставай трудиться на спасеніе людей тамъ и такъ, гдѣ и какъ можешь.

Утѣшай ихъ, когда онѣ огорчены,—огорченія Я часто посылаю имъ для испытанія; научай ихъ, когда онѣ чего не знаютъ; подавай имъ совѣтъ, когда онѣ въ чемъ сомнѣваются;

подѣрплай святымъ и божественнымъ словомъ Моимъ и примѣрами святыхъ Моихъ.

Говори съ ними всегда какъ отецъ, такъ, чтобы и самыя несмѣлыя и нерѣшительныя изъ нихъ обращались къ твоей помощи съ тѣмъ довѣріемъ, какое такъ необходимо человеку, желающему раскрыть советъ свою предъ тобою.

Вѣрь Миѣ, что ни ты, ни кто другой не пострадаетъ отъ того, а между тѣмъ смиренію твое возрастетъ, а наградою тебѣ будетъ лучшій вѣнецъ.

Если не смотря на всю твою осторожность и осмотрительность міръ все таки будетъ злословить тебя, будь глухъ, не слыша насмѣшекъ и злословій: Я—Судія!

*Пастырю необходимы помощники въ его апостольской
дѣятельности.*

Ты знаешь, что Я не одинъ трудился надъ спасеніемъ людей, но избралъ Себѣ учениковъ, которые должны были помогать Миѣ въ великомъ дѣлѣ, ради совершенія коего Я сошелъ на землю (Марк. 3, 14; Лук. 10, 1).

По возможности подражай Миѣ и въ этомъ. Подражанія сему требую Я особенно отъ тѣхъ пастырей, коимъ приходится избирать достойныхъ служителей, которые помогали бы имъ въ заботѣ о благѣ стада ихъ. На нихъ лежитъ важная забота о томъ, чтобы овцы поручаемы были охранѣ вѣрнаго и опытнаго пастыря и чтобы они выгонялись на тучныя пастбища, а наконецъ все введены были въ вѣчный овчій дворъ.

Но и ты можешь подражать Миѣ въ этомъ.

Если найдешь такихъ благовоспитанныхъ юношей, и замѣтишь, что они способны будутъ вѣдать Моему ихъ призванію, то помоги имъ достигнуть сей цѣли, устрани, насколько можешь, все препятствія, которыя мѣшаютъ имъ съ какой бы то ни было стороны.

Чрезъ это ты окажешь великую услугу Моей Церкви, а благодарность Свою Я покажу тебѣ самымъ ленимъ образомъ. Ибо безконечно велико въ очахъ Моихъ то благо, которое приносятъ Моей Церкви даже одинъ вѣрный Мой служитель.

Наблюдай далѣе затѣмъ, чтобы ни одинъ изъ сослужителей твоихъ не зарывалъ въ землю таланта ему даннаго, но употреблять его на то, на что онъ ему данъ—содѣйствовать спасенію людей.

Возбуждай лѣниваго словами любви и ласки, указывая ему, какъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и добрымъ примѣромъ другихъ.

Умѣй пользоваться ревностію скромныхъ мірянъ, побуждай таковыхъ къ упражненію въ этихъ дѣлахъ милосердія.

И—какъ много могутъ иногда сдѣлать таковыя при помощи твоихъ простыхъ средствъ, какія дать имъ ихъ смиреніе! Они часто скорѣе могутъ обратитъ ко Мнѣ заблудшихъ и именно тѣхъ, которые дичатся Моихъ пастырей.

Въ такихъ случаяхъ не страшись обращаться за помощію и къ богобоязненнымъ жепамъ; Апостолъ Мой также не стыдился имѣть соработниками въ распространеніи Евангелія—женъ.

Правда, эти жепы не несли открыто апостольскаго служенія, но помогали Апостоламъ своею жизнію. Возгрѣй же ревность въ такихъ лицахъ—къ прославленію Моего имени.

Забота пастыря о распространеніи въ своемъ приходѣ душеполезныхъ книгъ.

Въ то же время не упускай изъ виду и еще одного средства къ достиженію твоей цѣли спасенію людей и пользуйся сямъ средствомъ, и именно распространяй среди своихъ пасомыхъ душеполезныя книги.

Распространяй же ихъ среди твоихъ пасомыхъ и другихъ побуждай къ тому же насколько для нихъ это возможно.

Этимъ ты будешь способствовать искорененію среди твоихъ пасомыхъ всякихъ заблужденій и суевѣрій; а святая истина будетъ видна твоимъ пасомымъ въ ея настоящемъ свѣтѣ.

Въ этомъ не могу указать тебѣ на Свой примѣръ; но ты поучись сему хотя у враговъ твоихъ, ибо смотри: „сыны вѣка сего догадливые сыновъ свѣта въ своемъ родѣ“ (Лук. 16, 8).

Ты посмотри только, какихъ громадныхъ жертвъ и какой нечеловѣчной равности стоятъ врагамъ Моимъ это средство, коимъ они пользуются для того, чтобы соблазнить и развращать людей!

А какъ прискорбно то, что друзья Мои не дѣлаютъ для Меня и десятой части того, что дѣлаютъ враги Мои противъ Меня.

Долгъ пастыря—не взирать на лица.

Берегись пристрастія къ кому бы то ни было.

Я никогда не зрѣлъ на лица; это знали и сами фарисеи, которые хотя и злонамѣренно относились ко Мнѣ, за это однако хвалили Меня: „мы знаемъ, говорили они, что Ты справедливъ и не заботишься объ угожденіи кому либо; не смотришь ли на какое лицо“ (Матѣ. 22, 16).

Ты легко можешь ошибиться, если станешь оказывать предпочтеніе лицамъ чѣмъ либо выдающимся изъ остальныхъ, или болѣе приближенныхъ къ тебѣ.

Предпочелъ ли Я хоть когда либо сильнаго, богатаго или уважаемаго толпой?

Пророкъ Исаія сказалъ о Мнѣ, что Я посланъ Богомъ благовѣствовать нищимъ (Ис. 61, 1). И какъ яснѣйшее доказательство Моего божественнаго посланничества Я указывалъ на то, что „слѣпые прозираютъ, хромы ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые возстаютъ и нищія благовѣствуютъ“ (Матѣ. 11, 5).

Что же сказать Мнѣ о тѣхъ пастыряхъ Моихъ, которые никогда не находятъ ни времени, ни случая обратиться къ бѣд-

нмѣ, а вращаются въ обществѣ однихъ только богатыхъ и знатныхъ.

Какъ часто бѣдный слышитъ, что „пастырь занятъ“, что „не во время его обезпокоили“, что „нельзя ему прервать своихъ занятій“!

Но появится богатый, то прервется всякое даже самое необходимое, неотложное занятіе, тогда и самое неудобное время окажется удобнымъ. Какъ жалокъ такой пастырь!

Оказывай должную честь лицу высокому и уважаемому, но не давай ему преимущества предъ бѣднымъ при исполненіи твоихъ пастырскихъ обязанностей.

Ужъ если хочешь оказывать кому либо предпочтеніе, то оказывай его бѣднымъ,—они драгоцѣнны предъ очами Моими (Псал. 71, 14). Нѣкоторымъ образомъ Я предпочиталъ ихъ, что можешь усмотрѣть изъ того, что изъ числа ихъ были Матерь и ученики Мои.

Берегись оказывать предпочтеніе тѣмъ, которые тебѣ уважаютъ болѣе, которые тебѣ оказываютъ большую привязанность, болѣе соотвѣтствуютъ твоему характеру или обладаютъ пріятною наружностію.

Кто служа Мнѣ не единственно о Моей чести заботится, а хлопочетъ объ исполненіи своихъ собственныхъ желаній, тотъ чрезъ то само легко поддается обману; онъ будетъ стараться только о тѣхъ и для тѣхъ готовъ будетъ на всякія жертвы, къ кому будетъ лежать душа его, а къ другимъ напротивъ онъ станетъ относиться равнодушно, а потомъ станетъ нитать къ нимъ даже отвращеніе.

Я могъ бы конечно совершенно спокойно оставить жителей Хоразина, Внесиды и Капернаума и нитать къ нимъ одно лишь отвращеніе за то, что въ городахъ ихъ ученіе и чудеса Мои остались безплодны, однако же Я не щадилъ никакихъ трудовъ для нихъ.

Объ удовольствованіи однихъ лишь твоихъ собственныхъ желаній не заботься, но лишь изъ любви ко мнѣ жертвуй всеяъ для блага своего ближняго..

Остерегайся, особенно остерегайся того, чтобы не подкупилъ тебя привлекательныя свойства нѣкоторыхъ лицъ. О, постигни всякаго сожалѣнія тогда достоинъ будешь ты, и особенно— если станешь еще и извинять себя въ этомъ, забывъ святость и величіе своего сана. И—какъ бы не погибнуть тебѣ тогда ранѣе, чѣмъ ты успѣешь замѣтить, что погибаешь! Помни, всегда помни слова Апостола, которыя каждому пастырю должны служить предостереженіемъ отъ пристрастія при исполненіи имъ своихъ пастырскихъ обязанностей: „Братія мои, сказалъ Апостолъ, имѣйте вѣру въ Іисуса Христа нашего Господа славы, не взирая на лица (Іак. 2, 1):

Если станешь поступать иначе, не угодно будетъ и служеніе твое Мнѣ, ибо ты будешь служить болѣе соблазномъ для людей, а отнюдь не къ назиданію имъ.

Я—воплотившаяся Мудрость, Я—„Свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ“ (Іоан. 1, 9).

Учи и наставляй людей просто, какъ дѣлалъ это—Я; назиданія извлекай изъ того источника, который указать тебѣ Мной, тогда и ревность твоя будетъ и мудрою и святою.

Учи всегда согласно съ священнымъ Писаніемъ и священнымъ преданіемъ; чему учить священное Преданіе и священное Писаніе, тому учи и ты, что Писаніе и Преданіе отвергаешь, то отвергай и ты.

Учи тому, чему учить святая Церковь; если же станешь учить не согласуясь съ ея ученіемъ, то легко выйдешь въ заблужденіе, которое и послужитъ къ твоей гибели.

Служитель Мой долженъ преподавать народу ученіе правое, чистое. Если не будетъ пастырь такъ поступать, то онъ не будетъ и солію земли, а допустить ее до разложенія, не будетъ онъ свѣтомъ, а тьмою, не будетъ Апостоломъ, а соблазнителемъ его.

Пастырь Мой! Въ сихъ немногихъ словахъ не все еще сказано, что всегда должны помнить Мои послѣдователи. Ибо Я—книга, которой всей исчерпать человекъ не въ состояніи.

Чѣмъ болѣе будешь углубляться мыслию въ дѣла Мои и Мои примѣры, тѣмъ болѣе будешь находить въ нихъ такого, чему еще долженъ ты поучиться.

Представленные тебѣ сіи краткія наставленія должны только побудить тебя обращать все болѣе и болѣе взоръ свой на Меня.

Такое занятіе освѣтитъ твой умъ, возбудитъ въ тебѣ ревность и любовь ко Мнѣ.

Многіе служители Мои не обнаруживаютъ достаточной ревности и не плѣняются Моею любовію, потому что не знаютъ Меня и не заботятся о томъ, чтобы знать Меня.

Между тѣмъ Я—книга, раскрытая для всѣхъ, и преимущественно для пастырей Моихъ, кои такъ часто имѣютъ ее въ рукахъ своихъ.

Многимъ изъ пастырей Моихъ Я могъ бы съ большимъ правомъ сказать, нежели съ какимъ говорилъ Я Моимъ Апостоламъ: „столько времени Я съ вами и вы не знаете Меня (Іоан. 14, 9)“.

А именно пастыри Мои и нуждаются въ знаніи сей книги, и не для себя только, а главнымъ образомъ для того, чтобы дѣлиться симъ знаніемъ съ другими.

Пастырь Мой! Стремись къ сему знанію и пока не высоко цѣнишь сіе знаніе, не думай достигнуть цѣли; не думай, что ты всякое другое знаніе въ состояніи принести въ жертву сему знанію, пока не въ состояніи будешь сказать съ Апостоломъ: „Я разсудилъ быть незнающимъ никого, кромѣ Іисуса Христа, и притомъ распятаго“ (1 Кор. 2, 2).

Назидательныя для пастырей Церкви изрѣченія св. Отцевъ.

Въ случаѣ неудачи никто не вознаградить земледѣльцу и купцу потери: наприм. если море потопитъ корабль, никто не поправитъ бѣдности потерѣвшаго крушеніе; если наводненіе затопитъ ниву и заглушитъ сѣмена, земледѣлецъ долженъ уйдти домой съ пустыми руками. Но съ нами проповѣдниками не такъ: напротивъ, если ты и повергнешь сѣмена, а слушатель не приметъ и не принесетъ плода послушанія; тебѣ однакожъ уготована Богомъ награда за совѣтъ, и ты получишь такое же воздаяніе и тогда какъ онъ не послушаетъ, какое получилъ бы, еслибы послушалъ: потому что ты исполнилъ весь свой долгъ. Нашъ долгъ не убѣдить слушателей, но только посовѣтовать; наше дѣло предложить увѣщаніе, а убѣдиться отъ нихъ зависитъ. И какъ, если они сдѣлаютъ много добрыхъ дѣлъ безъ нашихъ увѣщаній, имъ однимъ дается награда, а намъ не будетъ никакой выгоды, потому что мы не предложили совѣта; такъ, и если не слушаютъ нашихъ увѣщаній, все наказаніе постигнетъ ихъ, а намъ не будетъ никакого осужденія; напротивъ, еще великая дается награда отъ Бога, потому что мы все свое исполнили. Намъ повелѣвается только класть на столы серебро, — сказать и предложить совѣтъ! Скажи же и сдѣлай увѣщаніе брату. Но онъ не слушалъ? За то тебѣ уготована награда, только бы ты всегда дѣлалъ это, только бы не отставалъ, доколѣ не убѣдишь, доколѣ не воодушевишь его.

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Прикей*.

Дозволено цензурою. Киевъ, 24 мая 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

XXV.

СЕВЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей серебр.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Нѣвской
семинаріи.

1884 года, Іюня 3-го.

Содержаніе: Къ вопросу объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства. — Нужна ли реформа пастырства примѣнительно къ социальнымъ потребностямъ современнаго общества? — Гипнотизмъ, какъ подтвержденіе истинъ христіанскаго ученія. — Священникамъ, братіи моей о Христѣ. — Назидательныя для пастырей Церкви изрѣченія св. Отцевъ.

Къ вопросу объ улучшеніи матеріальнаго быта • духовенства.

Давно стоитъ на очереди вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства и ни на шагъ впередъ. При чемъ духовенство было много лѣтъ тому назадъ, при томъ остается и нынѣ; съ тою только разницею, что прежде оно ни откуда себѣ ничего не ожидало, а нынѣ постоянно свѣтлымъ унованіямъ смѣняются мрачными разочарованіями, да еще разница въ томъ, что прежде про нужду свою оно говорило „на ухо“, гдѣ случайно встрѣтятся, съѣдутся нѣсколько человѣкъ, а нынѣ говорятъ про свое тяжелое положеніе „на кровлѣхъ“.

И странное дѣло, въ то время какъ духовенство все громче и громче заявляетъ о своемъ горестномъ тяжеломъ положеніи,

оно болѣе и болѣе подвергается всякаго рода нападкамъ и порицаніямъ. Свѣтская журналистика отводитъ самое почетное мѣсто брани, хулѣ и сплетнямъ на духовенство. Корреспонденціи о какихъ бы то ни было, сомнительныхъ даже; недостаткахъ и порокахъ печатаются безъ всякаго разбора и старанія провѣрить, даже и тогда, когда къ тому представляется полная возможность.

Положеніе духовенства, дѣйствительно, грустное. Голодай и переноси разнаго рода — заслуженныя и не заслуженныя нападки и порицанія. У кого нѣтъ совѣсти, тотъ еще обойдется съ грѣхомъ пополамъ; а семейнымъ людямъ, особенно кому дѣтей въ городѣ содержать при такой страшной дороговизнѣ, какъ нынѣ, тому хоть воякомъ вой. Кто поступилъ въ духовное званіе, тѣ, конечно, оттерпятся, не привыкать стать, да и дѣваться некуда. За то стоило бы подумать о будущемъ, о томъ, какъ отразится бѣдность на молодомъ поколѣніи. Тутъ сразу двѣ бѣды: изъ получившихъ образованіе подъ гнетомъ нужды сколько можетъ быть недовольныхъ своимъ положеніемъ, озлобленныхъ? А главное то, лучшіе изъ воспитанниковъ семинаріи, видя, какъ сейчасъ приходится жить духовенству, будутъ всячески избѣгать поступленія въ духовное званіе, что замѣтно уже и нынѣ. Со временемъ, когда разойдутся лучшіе люди, придется довольствоваться тѣмъ, что есть, худшими, отъ кого нечего ждать добра, кѣмъ общество будетъ еще болѣе недовольно.

Что же, неужели ужъ нѣтъ никакихъ средствъ поправить бѣду? Мы далеки отъ такихъ мрачныхъ мыслей; примириться съ мыслию о невозможности поправить свое матеріальное положеніе не можемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы далеки отъ мысли рѣшать этотъ вопросъ всесторонне, предоставляя это дѣло людямъ болѣе насъ сильнымъ въ мысли и словѣ и болѣе насъ богатымъ житейскимъ опытомъ.

Дѣло за духовенствомъ, въ себѣ самомъ оно должно искать средствъ противъ гнета нужды. Чтобы подвинулось дѣло впередъ, оно должно прежде всего отрѣшиться отъ глубоко въѣвшейся въ

его плоть и кровь несчастной мысли получать жалованье отъ правительства. Пора понять духовенству, что правительство, при всемъ даже своемъ желаніи, не можетъ въ настоящее время дать жалованье духовенству. Финансовое положеніе нашего государства далеко не таково, чтобы возможно было изъ государственнаго сундука выдать жалованье.

Нечего рассчитывать духовенству и на земство. Зачѣмъ просить тамъ, гдѣ не дадутъ, идти туда, куда не зовутъ! Дивное дѣло: треть и мнеть нужда духовенство сотни лѣтъ, а оно все витаетъ съ непонятнымъ упрямствомъ въ области невозможнаго. Съ первыхъ годовъ земскихъ учрежденій и до сихъ поръ раздаются въ собраніяхъ сѣтованія на свое горькое положеніе гласными отъ духовенства. Что же вышло? Конечно ничего. Въ одномъ мѣстѣ никто ничего не отвѣтилъ, въ другомъ поесулили, въ третьемъ хотятъ что-то сдѣлать. Дальше словъ и обѣщаній подумать нигдѣ не ушли. Иначе и быть не могло. Причина этому очень простая. Нашему земству еще очень далеко до того, чтобы оно прониклось удовлетвореніемъ нуждъ народныхъ.

Къ тому же, еслибы паче чаянія гдѣ земство и дало бы жалованье духовенству, радоваться нечему. Поперекъ горла станетъ духовенству кусокъ земскій. Не на радость будетъ земская помощь по той простой причинѣ, что куда идетъ земская копѣйка, тамъ вездѣ и контроль земскій. Контроля, конечно, нечего бояться, не за бездѣлье будетъ получать духовенство. Только изъ валичныхъ силъ земскихъ найдутся ли достойные контролеры? Стоитъ представить себѣ то возможное обстоятельство, когда земскій дѣятель, не стоящій на высотѣ своего положенія, станетъ контролировать пастырскую дѣятельность, чтобы не радоваться земской помощи въ настоящее время. Контроль земскій не будетъ ли послѣ этого тяжелѣе нынѣшней нужды? Не свяжетъ ли по рукамъ и ногамъ пастырей, право правящихъ слово истины евангельской?

Положимъ среди земскихъ дѣятелей много и свѣтлыхъ личностей, отъ которыхъ плохаго нечего ждать; но во-первыхъ,

такихъ дѣятелей сравнительно немного; а во-вторыхъ, имъ самимъ, особенно въ послѣднее время, живется не сладко. Ждать же того, когда земство будетъ выразителемъ лучшихъ помысловъ и потребностей народныхъ еще долго, до этого много воды утечетъ.

Пока что будетъ, откуда что придется получить, не лучше ли дорожить тѣми средствами, какія еще въ рукахъ духовенства, не губить въ конецъ того, что есть? Мы напередъ знаемъ, что за выраженіе нами своихъ мыслей насъ назовутъ заскоружлыми, отсталыми; но пусть называютъ, мы этого не боимся, все таки выскажемся, потому что мы можемъ доказать правоту своихъ мыслей исторически сложившимися обстоятельствами въ русской жизни и данными, опирающимися на послѣднемъ словѣ науки.

Въ рукахъ сельскаго духовенства есть обезпеченіе, которымъ оно въ послѣднее время отчасти не хочетъ, отчасти не можетъ пользоваться. У насъ сотни тысячъ десятинъ церковныхъ земель, которыя были всегда въ рукахъ опытныхъ и дѣльных хозяевъ, земель въ большинствѣ случаевъ удобренныхъ, на разстояніи самомъ близкомъ отъ дома, которыя обрабатывались самымъ лучшимъ способомъ, какой только извѣстенъ русскому народу (за исключеніемъ обработки „помощью“). Урожай на этихъ земляхъ всегда считался самымъ вышнимъ въ каждой почти мѣстности. Такъ что смѣло можно утверждать, что еслибы хозяйство духовенства шло прогрессивно, оно бы было прототиномъ сельскаго хозяйства. Къ несчастію въ послѣднее время, вслѣдствіе разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, хозяйство духовенства сильно пошатнулось. Черезъ это каждый годъ духовенство въ громадныхъ убыткахъ и если такъ пойдетъ дѣло впередъ въ ожиданіи жалованья, какого никто и не думалъ давать, то духовенство въ конецъ разорится.

Тутъ приходится сказать нѣсколько словъ въ защиту необходимости духовенству заниматься хозяйствомъ, имѣя въ виду рьяныхъ перицателей этого дѣла въ рукахъ духовенства. Очень многіе, особенно изъ молодыхъ священниковъ, когда зайдетъ рѣчь

о сельскомъ хозяйствѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ вѣрныхъ и надежныхъ источниковъ благосостоянія, не могутъ равнодушно слушать доводовъ за хозяйство, просто машутъ рукой, давая этимъ знать, что словъ не стоитъ тратить, чтобы показать несостоятельность мнѣнія о выгодахъ хозяйства.

Такой ложный взглядъ на хозяйство установился отчасти потому, что преподаваніе сельскаго хозяйства вычеркнуто изъ курса семинарскихъ наукъ составителями новаго устава, отчасти потому, что преподаватели, какъ семинарій, такъ и академій, окончившіе полный курсъ богословскихъ всѣхъ наукъ, со всякаго рода и вида учеными степенями, по нѣскольку лѣтъ приготовляя будущихъ пастырей, до сихъ поръ еще, на сколько намъ извѣстно, рисуя идеаль пастыря учителя, гражданина, семьянина, служителя и строителя тайнъ Христовыхъ, не пытались (развѣ за немногими исключеніями), нарисовать идеаль пастыря хозяина. Поэтому мы считаемъ своею обязанностію сказать нѣсколько словъ въ защиту необходимости духовенству заниматься хозяйствомъ и въ опроверженіе той мысли, что хозяйство дѣло унижительное, недостойное, оскорбляющее пастырское достоинство.

Если еще языческая мудрость считала хозяйство дѣломъ добрымъ, облагораживающимъ челоѣка, дѣлающимъ его мирнымъ и независливымъ, то современное знаніе ставитъ его еще выше.

Духовенство, какъ сословіе болѣе или менѣе образованное, въ настоящее время должно считать особеннымъ для себя счастіемъ, особеннымъ даромъ Создателя то, что оно дожило до тѣхъ повѣйшихъ открытій въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя передъ его умомъ развертываютъ до сихъ поръ непостижимыя чудеса Творца, когда услуги науки, называемой земледѣльческой химією, направлены къ тому, чтобы открыть во всемъ величій и безграничности премудрость Творца; когда съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе становятся законы природы, при знаніи которыхъ челоѣкъ можетъ отвѣчать своему великому назначенію отъ Создателя, — „обладать, быть властелиномъ и управлять всѣмъ“ (Быт. 1, 28).

Сильно влияя на умственное развитіе, сельское хозяйство развиваетъ нравственность человѣка. Вѣковымъ опытомъ дознано, что занятіе сельскимъ хозяйствомъ развиваетъ въ людяхъ и укрѣпляетъ самыя высшія, благородныя чувства. Хорошая погода, каждый дождь, каждый лучъ солнца, всякій успѣхъ въ трудахъ вызываютъ хозяина къ чувствамъ благодарности предъ Создателемъ; темное пятно на небѣ, изъ котораго ждется туча, къ чувствамъ упованія; зной, засуха, всякаго рода неудача заставляютъ горячо молиться и просить милости у Бога. Одинъ тотъ историческій фактъ, что земледѣльцы всегда религіозные люди, самыя строгіе охранители семейныхъ началъ и преданій, самыя лучшіе цѣнители даровъ природы, лучшіе и самыя надежныя защитники родины, самыя вѣрные слуги своему прирожденному государю, или князю; все это говорить громко и внятно въ пользу этого занятія. Если припомнить при этомъ другой историческій фактъ, что нравственность города всегда ниже нравственности деревни, что портные и сапожники и имъ подобные люди, оставившіе земледѣліе всегда первые участники бунта и возмущеній и тому подобныхъ общественныхъ безобразій, то чрезъ это еще выше должно стоять занятіе сельскимъ хозяйствомъ во мнѣніи всѣхъ благомыслящихъ людей.

Впрочемъ мы не за то взялись, чтобы вполне выяснить значеніе сельскаго хозяйства, нашимъ дѣломъ было показать, что земледѣліе должно бы пользоваться почетомъ и уваженіемъ, что въ этомъ занятіи нѣтъ ничего низкаго, грязнаго; поэтому и сказаннаго достаточно, чтобы избавить отъ неправильныхъ нареканій духовенства за занятіе сельскимъ хозяйствомъ и съ другой стороны, чтобы имѣть опору тѣмъ мыслямъ, которыя намѣрены высказать далѣе.

Распространившееся въ послѣднее время убѣжденіе, среди многихъ изъ духовенства, о несовмѣстности пастырскихъ обязанностей съ занятіемъ сельскимъ хозяйствомъ, успѣло надѣлать много зла, служить одною изъ самыхъ главныхъ причинъ бѣдъ

ности, а въ будущемъ грозить еще большею бѣдою. Нынѣ многіе щеголяютъ воротничками, брошками, шелковыми рясами, енотовыми шубами, жены одѣты по послѣдней модѣ, съ маленькимъ развѣ какимъ нибудь изъянцемъ, за то нѣтъ лошади, корова одна, обѣ овцахъ помину нѣтъ, — умѣютъ мерсикать, разшаркиваться, играть въ винтъ, рамсъ, стуколку, а какъ походить за скотиной ума не приложить. Черезъ это въ дѣтяхъ не видать прежнихъ силачей, а все какіе то малокровные, чахлые; прислуга не живетъ. Прекрасныя хозяйства стариковъ священниковъ въ самое короткое время уничтожаются молодыми преемниками. Въ простотѣ души удобренные предшественниками поля истощаются, изъ самыхъ лучшихъ становятся плохими и скоро будутъ никуда не годными. Почти повсюду практикуется отдача церковной земли исполу, или въ аренду за деньги. При исполной отдачѣ земли удобренія кладется очень мало, при отдачѣ за деньги ничего не удобряется. Своего удобренія нѣтъ, выговаривать у того, кому отдается, считаютъ неудобнымъ, тогда пришлось бы брать за землю дешевле; послѣднее считаютъ глупымъ: къ чему получать меньше. Земля протестуетъ противъ такого насилія, не выдѣляетъ изъ нѣдръ своихъ того, что могла бы дать. Исслѣдованія химиковъ показали, что почва вовсе не представляетъ неисчерпаемыхъ источниковъ минеральныхъ питательныхъ веществъ. Главная масса каждой почвы состоитъ изъ непитательныхъ веществъ — песку, глины; питательныхъ же веществъ содержится, относительно, очень мало и притомъ однихъ питательныхъ веществъ почвы содержать болѣе, другихъ въ особенности фосфорной кислоты менѣе. Такимъ образомъ различными растеніями мы въ конецъ истощаемъ почву. И если не возвращать почвѣ того, что берется изъ нея, всякая почва, какъ бы она ни была плодородна, отъ постоянной культуры должна истощиться. Богатой почвѣ, вслѣдствіе удобообразлагаемости, опасность совершеннаго истощенія грозитъ гораздо болѣе, чѣмъ почвѣ бѣдной. Будущность стало быть непривлекательная; —

отчасти уже можетъ быть наблюдаема во многихъ нашихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, не стоящихъ хлопотъ и заботъ при вольнонаемномъ трудѣ. Земли церковныя при такомъ веденіи хозяйства, т. е. при отдачѣ исполу, а еще болѣе за деньги безъ удобренія будутъ ничего нестоящими. Хотя рѣдко, а и нынѣ уже можно наблюдать такіе случаи: какъ крыса бѣжитъ изъ пустаго амбара въ другой съ хлѣбомъ, такъ и многіе священники, истощивъ совсѣмъ церковную землю въ одномъ приходѣ бѣгутъ, или какъ принято говорить, переходятъ въ другой, гдѣ еще есть чѣмъ попользоваться. Но амбары полны хлѣбомъ только тогда, когда въ нихъ возятъ съ поля, пополняютъ, когда же перестанутъ пополнять, то при необходимой тратѣ даже на одно продовольствіе рано ли, поздно ли должны остаться пустыми. Куда тогда-то бѣжать? А вѣдь пить, ѣсть и тогда захочется. Такимъ образомъ, выходя изъ понятія о несовмѣстимости пастырскихъ обязанностей съ занятіемъ сельскимъ хозяйствомъ расхищаютъ добро, накопленное вѣками усиліями честныхъ тружениковъ, которые сами кормились и преемникамъ своимъ оставили возможность быть сытыми. Какъ назвать такое пользованіе церковнымъ имуществомъ, какъ не легкомысленною растратою того капитала, какой долженъ бы быть неприкосновененъ, съ котораго можно пользоваться только процентами? Нужно владѣть самымъ безпокойнымъ воображеніемъ, чтобы изъ-за предполагаемаго неосновательно обезпеченія въ будущемъ мириться съ неприглядною дѣйствительностію. И чѣмъ объяснить такое явленіе? По нашему крайнему разумѣнію: только рѣзкій говоръ заблужденій можетъ заглушать настоятельныя требованія здраваго смысла и опыта.

Многіе въ свое оправданіе говорятъ: „въ природѣ есть всетаки запасъ питательныхъ веществъ, намъ и дѣтямъ нашимъ хватитъ, а тогда люди умнѣе будутъ, сдумаютъ справиться съ нуждою“. Но такъ думать и говорить, значить обольщаться игрою воображенія, надѣяться на такое искусство и умѣнье, которыя бы могли произвести выгодную жатву на такомъ подѣ,

составъ котораго не удовлетворяетъ посѣяннаго растенія. Съ другой стороны представлять себѣ періоды возстановленія силъ почвы краткосрочными по меньшей мѣрѣ легкомысленно. Не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ сказывается.

Оправдывая себя неистощимыми запасами питательныхъ веществъ, да благодаря еще возможности остаться безнаказаннымъ за беззаконіе, многіе пастыри такъ сказать безъ всякихъ нотаріальныхъ актовъ и крѣпостей продаютъ церковную землю, по закону считающуюся неприкосновенною собственностію церкви, когда изъ-за своихъ узко-корыстолюбивыхъ расчетовъ сдаютъ церковныя земли въ аренду, и когда арендуемые церковныя земли крайне истощаются. Такъ позволяемъ себѣ говорить, основываясь на той неоспоримой научной истинѣ, что цѣнность земли пропорціональна суммѣ питательныхъ матеріаловъ. Въ какой почвѣ больше питательныхъ матеріаловъ, та и дороже стоитъ; въ какой меньше, та и дешевле; гдѣ нѣтъ питательныхъ веществъ, та земля ничего не стоитъ. Такимъ образомъ то обстоятельство, что во имя несовѣстимости, неприличія и невозможности заниматься хозяйствомъ носители идеальныхъ началъ жизни пользуются непозволительнымъ, нипочемъ считаютъ быть нечистыми на руку, говорить само за себя.

„Некогда, говорятъ многіе, заниматься хозяйствомъ, безъ надзора выгоды никакой нѣтъ хозяйничать, когда бы нужно присмотрѣть, зовутъ въ приходъ“. Смѣемъ увѣрить, что говорятъ такъ или люди незнающіе жизни сельскаго духовенства, или такіе, которымъ съ трудомъ вѣрится, жизнь которыхъ громко противорѣчитъ ихъ словамъ. Исключенія, конечно, бываютъ; но объ исключеніяхъ не говорятъ. Если требы отнимаютъ много времени у духовенства, то пора бы сельскимъ пастырямъ научиться дорожить временемъ, давно пора бы перестать просиживать по нѣсколько часовъ на поминкахъ, ждать выноса покойника изъ-за того только, чтобы дать возможность „всему приспѣть“ къ поминкамъ, — въ селѣ лѣтомъ, когда всѣ вѣтаютъ съ солнцемъ,

начинать литургію въ 12 часовъ дня;—устранять такіе чины и обряды, какихъ никто отъ нихъ не требовалъ и какіе устанавливать никто ихъ не уполномочивалъ, а сами по себѣ они не имѣютъ даже каноническаго права. Да опять, какъ же старики-то, занимаясь больше хозяйствомъ, не опускали требъ. „Къ тому же и требъ церковныхъ въ рабочую пору много меньше, чѣмъ въ остальное время года. Народъ русскій такъ устроилъ свою жизнь, что въ рабочую пору меньше хвораютъ, умираютъ и родятъ.

Читать книги, писать поученія хозяйство тоже не мѣшаетъ. Книгъ въ селахъ не столько, чтобы некогда было перечитать. Да и чтобы хозяйство не давало возможности написать поученіе, болѣе чѣмъ невѣроятно. Кто пишетъ, тому и хозяйство не помѣшаетъ написать, а кто не пишетъ, тотъ и при сдачѣ земли не распишется. Еслибы хозяйство отнимало возможность писать поученія, то отъ не занимающихся хозяйствомъ надо бы ждать поученій въ избыткѣ, чего на дѣлѣ что-то не выходитъ. Намъ кажется даже напротивъ, занятіе сельскимъ хозяйствомъ даетъ больше возможности писать и говорить поученія. Хозяинъ—пастырь постоянно среди народа, постоянно наблюдаетъ и чрезъ это лучше знаетъ его и поэтому навѣрное суждетъ дѣльноѣ сказать и написать, чѣмъ не занимающійся хозяйствомъ, живущій чрезъ это въ селѣ особнякомъ, мало знакомый съ умственнымъ и нравственнымъ складомъ своей паствы, который даже никогда не пойметъ, какъ слѣдуетъ, интересовъ ея и не суждетъ говорить съ нею внятно и толково.

Что хозяйство не мѣшаетъ пастырю ни писать, ни читать, нагляднымъ доказательствомъ можетъ служить наша духовная литература. Въ городахъ духовенство не занято хозяйствомъ, съ высшимъ образованіемъ пастырей очень много. Что же отъ нихъ видишь? Сколь много написано ими поученій дѣльныхъ, на сколько они свѣдущи въ литературѣ и сколько выписываютъ они книгъ,

духовныхъ журналовъ? Если имѣть въ виду большой процентъ образованныхъ, людей съ большимъ досугомъ, надо бы отъ нихъ много ждать, но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Послѣ новаго росписанія штатовъ въ селахъ, многіе настоятели стали получать хорошіе доходы, но многіе ли изъ нихъ стали образованнѣе, болѣе ли стали заниматься чтеніемъ книгъ и составленіемъ поученій?

Еще не возьмемъ себѣ въ толкъ: что можетъ быть униженнаго въ хозяйственныхъ занятіяхъ пастыря. Трудъ не минуемо отражается на личности человѣка. Трудъ хозяина миролюбивый, съ унованіемъ на милость Божію, заставляетъ во все всматриваться, быть терпѣливымъ, съ мужествомъ переносить неудобства и лишенія. Неужели все это не нужно пастырю? Не нравится если кому морозивая рука пастыря? Такъ развѣ лучше рука, сдающая карты въ преферансъ, винтъ, стуюлку? Скажутъ: послѣднее крайность; если не хозяйничать, не значить еще сдавать карты; не жать, не возить снопы, такъ не значить брать взятки въ преферансъ и т. п. Но что же дѣлать, если село въ настоящее время дастъ только три дѣла: хозяйничать, пьянствовать и играть въ карты. Волею, неволею надобно считаться съ жизнію, а не съ отвлеченными сужденіями. Отвлеченныя сужденія, какъ бы они ни были хороши, пока не взойдутъ въ жизнь, такъ и останутся сужденіями, или жить люди не стануть. Можно бы пожалуй считать занятіе сельскимъ хозяйствомъ для пастыря дѣломъ неудобнымъ, еслибы въ селѣ это занятіе было дѣломъ одного его исключительно. Люди какъ-то не слишкомъ расположены уважать занятія чуждыя имъ. Имѣя это въ виду пастырю не слѣдуетъ брать въ свои руки такого дѣла, на какое косо смотритъ паства, даже изъ-за того только, чтобы не смущалась чья нибудь совѣсть, хоть бы и больная. Но вѣдь въ селѣ всѣ заняты хозяйствомъ, жители его только одно это занятіе считаютъ исключительно добрымъ, такъ что на всякое другое занятіе смотрять подозрительно; такъ какъ же оно можетъ быть неудобно для пастыря?

Несколько мы успѣли присмотрѣться къ жизни простаго народа и понять его, мы вынесли такое убѣжденіе: крестьянинъ нашъ прочно связалъ себя съ землею, побратался съ нею. Не сумѣю я сказать, въ какой степени это родство, только родство близкое и кровное, не разрѣшаемое никакою властію. Не бросать земли до послѣдняго издыханія, держаться, какъ самой милой и вѣрной подруги жизни, заклинали его отцы и дѣды и онъ въ свою очередь, прежде чѣмъ испустить послѣдній свой вздохъ, благословляя дѣтей, закликаетъ ихъ тѣмъ же. Жить съ землею онъ считаетъ священною своею обязанностію. Назначеніемъ своимъ онъ считаетъ хозяйство. Добродушенъ онъ, уступчивъ, кротокъ и терпѣливъ, но звѣремъ онъ лютымъ станетъ для того, кто бы захотѣлъ его оторвать отъ земли. Отчужденность отъ земли онъ считаетъ гибелью своего нравственного существа. Поэтому смѣло можемъ увѣрить: простой народъ не можетъ помириться съ тѣмъ, чтобы тотъ, кому Богомъ дано право вязать и рѣшить его грѣшную совѣсть, предъ кѣмъ онъ считаетъ себя обязаннымъ открывать свои сокровенные помыслы, не питалъ сочувствія къ занятію, Богомъ ему назначенному. Пастырь не-хозяинъ чужой для него. И здѣсь, позволимъ мы себѣ замѣтить, выразился глубокій практическій смыслъ нашего народа. Правъ онъ вполнѣ. Пастырь хозяинъ болѣе имѣетъ возможности наблюдать свою паству и понимать ее, болѣе заинтересованъ въ ея жизни и занятіяхъ, скорбѣть ея скорбями, радуется ея радостями, имѣетъ одинаковыя съ нею надежды и упованія. Въ пастырѣ хозяинѣ крестьянинъ можетъ видѣть идеаль хозяина, какого онъ можетъ и долженъ достигать. Въ этомъ отношеніи православное духовенство можетъ сослужить великую службу народу. Какъ образованное сословіе и близко стоящее къ народу, оно можетъ поднять наше хозяйство на значительную высоту.

Обстоятельствами времени земство вынуждено будетъ (что уже и нынѣ замѣтно въ устройствѣ сельско-хозяйственныхъ училищъ) поднять хозяйство крестьянское, хоть ради одного того,

чтобы было съ чего взять свои поборы и тогда, если духовенство будетъ стоять на высотѣ своего призванія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, ему выгодно и необходимо будетъ обратиться къ духовенству за помощію. На ученыхъ агрономовъ земству у насъ нельзя разсчитывать: дороги они и мало ихъ. Послѣ услуги духовенствомъ земству въ дѣлѣ поднятія матеріальнаго уровня народа, оно уже вполне можетъ разсчитывать и на вознагражденіе. Такимъ образомъ духовенство у себя можетъ найти средства къ своему болѣе лучшему матеріальному обезпеченію и станетъ въ лучшее положеніе къ народу и земству. Народъ болѣе полюбитъ духовенство, болѣе будетъ уважать, земство тоже одолжено будетъ. Не зависть у него, т. е. народа, будетъ къ достатку и силѣ, а любовь. Народу нравится все здоровое и полезное. Онъ восхищается всѣмъ, гдѣ довольство, крѣпость и изобиліе, — возмущается недостатками при возможности жить въ довольствѣ.

Въ оправданіе безхозяйственности духовенства указываютъ на католиковъ и протестантовъ, говорятъ, что у нихъ духовенство, не занимаясь хозяйствомъ, болѣе имѣетъ досуга къ самообразованію, отъ чего и выше стоитъ во мнѣніи народа. Но приравнивать жизнь нашего сельскаго духовенства къ жизни католическаго и протестантскаго болѣе чѣмъ неумѣстно. Жизнь западныхъ народовъ сложилась и течетъ совсѣмъ по другому руслу, чѣмъ наша. Западъ еще не знаетъ величайшей и гуманнѣйшей нашей экономической реформы 61-го года, тамъ землевладѣніе удѣль только немногихъ счастливицевъ, народъ оторванный отъ земли, ищетъ себѣ пропитанія въ промышленности и торговлѣ; поэтому тамъ отвѣты на запросы жизни народной приходится давать другіе. Имѣя это въ виду, никакъ нельзя ставить въ одинаковыя условія наше сельское духовенство съ католическимъ и протестантскимъ.

Но при всемъ желаніи видѣть дѣльных хозяевъ среди духовенства, нужно уничтожить неблагоприятныя обстоятельства,

мѣшающія многимъ хозяйничать при всемъ ихъ искреннемъ желаніи. У насъ самое горячее желаніе многихъ заняться хозяйствомъ останавливается неблагоприятными обстоятельствами. Теперь расточитель церковнаго добра, истощающій въ концѣ церковную землю, ничего не теряетъ, находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ хозяинъ. Хозяину годъ отъ году становится тяжелѣе и невыносимѣе, но той простой причинѣ, что хозяйство требуетъ хлопотъ и матеріальныхъ затратъ, чтобы ждаты пользы въ будущемъ. На то и другое требуется увѣренность въ томъ, что его трудомъ не воспользуется другой, и деньги. Ни того, ни другаго у духовенства нѣтъ. Безденежье одна изъ главныхъ причинъ упадка хозяйства духовенства. Самая горячая пора жизни — молодость тратится на подготовленіе хозяйства къ той порѣ, какую мы если сами еще не испытали, то настолько умѣли подмѣтить, такова, что энергія ослабѣваетъ, когда мудрено ждаты выгоды при затратѣ силъ на то, что далось бы безъ особаго труда при деньгахъ. Поэтому чѣмъ возлагать несбыточные упованія на жалованье отъ правительства, не благоразумнѣе ли просить правительство открыть долгосрочный кредитъ для вознагражденія за улучшенія въ землѣ предшественникамъ и краткосрочный кредитъ при постоянныхъ хозяйственныхъ операціяхъ изъ государственнаго банка? Если будетъ неудача въ этомъ, не мѣшало бы подумать о томъ, нельзя ли изъ попечительскихъ суммъ дѣлать ссуды для хозяйства? Опасаться, что эти деньги пропадутъ, или трудно будетъ ихъ собирать, нѣтъ никакихъ основаній. Но самый главный тормозъ хозяйству духовенства это неуѣренность въ томъ, что можно навѣрное воспользоваться плодами трудовъ своихъ, полная беззащитность и невозможность просить вознагражденіе за свое добро, когда оно переходитъ къ другому. Всякому извѣстно, что производительность земли увеличивается во много разъ отъ удобренія, что подъ садами и огородами земля доходнѣе полевой. Доходность земли кромѣ труда и затратъ требуетъ еще времени: подъ садомъ напр. не приходится

пользоваться землею нѣсколько лѣтъ. Хорошо еще, если послѣ улучшения Богъ приведетъ пользоваться, а если переходъ въ другое мѣсто, или смерть? Тогда вѣдь все пропало. Требовать вознагражденія нигдѣ, искать защиты не у кого. Вадумалъ бы кто обратиться за помощію къ епархіальному начальству. Но нигдѣ еще не слышно, чтобы епархіальное начальство заставляло вознаграждать, да, кажется, и средствъ къ тому оно не имѣетъ, еслибы даже и захотѣло помощь обиженному. Мы знаемъ такой случай: жена умершаго священника вынуждена была порубить хорошій плодовый садъ, потому что преемникъ ея мужа давалъ дешевле того, что стоятъ деревья на дрова.

Въ этомъ случаѣ многимъ пастырямъ приходится завидовать своимъ пасомымъ. Въ быту крестьянскомъ при переходѣ земли отъ одного лица къ другому обращается вниманіе общества на то, какъ обходился съ нею прежній владѣлецъ: за труды, удобреніе, улучшения награждаются, за безпечность, истощеніе наказываются по своему. Примѣръ недалекъ, отчего бы духовенству не поучиться? Если такъ пойдетъ дѣло впередъ, какъ оно идетъ сейчасъ, духовенство въ ожиданіи чего-то лучшаго потеряетъ послѣднее; тогда какъ не трудно бы поправить дѣло, дать возможность, никого не обременяя, жить сносно.

Что же дѣлать? Отвѣчать подробно не беремся; но высказать свои соображенія попытаемся. Во-первыхъ ввести преподаваніе сельскаго хозяйства въ духовныхъ семинаріяхъ. „Знаніе способствуетъ удачѣ дѣла. — Наука не есть что-то чуждое дѣлу, какъ привыкли многіе думать. Она одобряетъ, когда практика поступаетъ вѣрно, предостерегаетъ отъ ошибокъ, которыя могли бы имѣть убыточныя послѣдствія“. Правда, безъ опытнаго поля (обзавестись опытнымъ полемъ хотя дѣло не легкое, но не невозможное), трудно учиться хозяйству, но имѣя въ виду слушателей въ большинствѣ сельскихъ жителей, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не возможно было. Дѣло не столько въ обогащеніи хозяйственными свѣдѣніями, сколько въ освобожденіи отъ несчастной мысли,

что хозяйство дѣло пустое, даже грязное, недостойное порядочнаго человѣка, дѣло „мужика“.

Во-вторыхъ выработать правила, по которымъ ничей трудъ, ничья затрата не пропадали бы даромъ. Если законодательство не опредѣлитъ размѣровъ вознагражденія за тѣ улучшенія, которыя могутъ быть сдѣланы на оставленной землѣ, то оно совершить несправедливость надъ уходящимъ или умирающимъ и подарить плоды съ труда тому, кто займетъ его мѣсто. Болѣе даже того: практикою своею будетъ попирать священное право собственности.

Наконецъ истощеніе земли неминуемо должно быть остановлено и впредь не допускаемо. А чтобы имѣть возможность всякому хозяйничать, нужно просить у правительства открыть долгосрочный и краткосрочный кредитъ. Людей нерасположенныхъ къ хозяйству не опредѣлять въ тѣ села, гдѣ много церковной земли.

Вотъ по нашему разумѣнію единственно вѣрный путь къ разрѣшенію стараго и всегда новаго вопроса объ обеспеченіи быта духовенства. Скажутъ: мало. Можетъ быть; но лучше что нибудь, чѣмъ ничего.

Свящ. *І. Граціанскій.*

С. Ст. Рязань.

Нужна ли реформа пастырства примѣнительно къ соціально-политическимъ потребностямъ современнаго общества¹⁾?

2) Перейдемъ теперь къ указанію задачи христіанства преимущественно съ точки зрѣнія реалистической или земной.

Нужно признать, что между основными истинами христіанскаго ученія есть такія, которыя непосредственно относятся къ общественной жизни человѣчества и осуществленію коихъ содѣйствуетъ обнаруженію такихъ физическихъ

¹⁾ Ся. № 22-й.

и духовныхъ силъ, которыя должны оказывать сильнѣйшее дѣйствіе на всю социальную и политическую жизнь народа. Все христіанское нравственное ученіе, которое совмѣщается въ одной заповѣди о любви, есть великая двигательная сила, приводящая въ дѣятельность всего человѣка по тѣлу и душѣ и побуждающая къ развитію его существа. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ сказано о мудрости, что „вмѣстѣ съ нею приходятъ всѣ блага“ (Прем. 7, 11), такъ новозавѣтная любовь приходитъ въ сопровожденіи всяческихъ благословеній; и за требованіемъ: „ищите прежде царства Божіа и правды его“ слѣдуетъ обѣщаніе: „и все прочее приложится вамъ“ (Мат. 6, 33). Въ христіанствѣ заключены не только тайны небеснаго царства Божіа, но поставлено въ надлежащемъ свѣтѣ и ученіе о естественномъ и гражданскомъ порядкѣ; въ этомъ свѣтѣ проясняются затемненные основы естественнаго права и политики. Мудрость въ устройствѣ естественнаго и гражданского порядка есть только отблескъ высшей мудрости христіанскаго логоса; эту мудростію въ христіанскомъ обществѣ должны быть проникнуты законъ и управленіе.

Христіанство—какъ солнце, которое вездѣ пробуждаетъ жизнь и котораго сила и теплота дѣйствуютъ даже и тогда, когда между нѣмъ и землею виситъ тяжелое, мрачное облако. Въ народѣ, исполненномъ христіанскаго духа, само собою должно произрастать и вышнее благополучіе; гдѣ всѣ лучшія силы движутся и соединены въ правильной гармоніи, тамъ въ результатѣ является и общее вышнее благосостояніе. Ибо между благами природы и благами благодати не можетъ быть несогласія. Такое несогласіе находится только въ неискупленной природѣ для наказанія за грѣхъ, дабы неискупленный или плотской человѣкъ не утверждался ложнымъ блескомъ земныхъ благъ въ своемъ земномъ образѣ мыслей. Уже и для благочестивыхъ людей Ветхаго Завета божественное благословеніе означало вмѣстѣ съ духовными благами и земное благополучіе, ибо „Господня земля и исполненіе ея“ (Пс. 23, 1);

тѣмъ болѣе искупленному все покорено подъ ноги, покорена вся земля, дабы онъ употреблялъ ее на службу себѣ и приводилъ ее къ соотвѣтствующему ей назначенію. Вся природа воздыхаетъ объ искупленіи (Рим. 8, 22); назначеніе христіанскаго общества приводитъ ее на ту высоту, гдѣ она не подчиняется уже больше силамъ тьмы, а только истинному Господу.

Изъ соціальныхъ законовъ въ тѣсномъ смыслѣ, имѣющихъ свой корень въ христіанскомъ ученіи, назовемъ, кромѣ поименованнаго выше основнаго закона о любви, ученіе о необходимости труда (2 Сол. 3, 10), о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ, объ уничтоженіи различія между іудеями и самарянами, израильтянами и греками. Далѣе, ученіе о святости и нерасторжимости брака, о божественномъ установленіи высшей власти (Рим. 13, 1). Здѣсь корень основоположеній о нравѣхъ и справедливости, моемъ и твоемъ, законѣ и власти. Объ идеяхъ милосердія, миролюбія, всепрощенія, добровольнаго воздержанія можно уже даже и не упоминать.

Изъ силъ же, которыя какъ бы стихійно достигаютъ развитія въ христіанскомъ обществѣ, назовемъ стремленіе къ ассоціаціи и организаціи, чѣмъ христіанскіе народы больше всего отличаются отъ дохристіанскихъ и внѣхристіанскихъ народовъ, наприм. исламитскихъ. Образование ассоціацій или товариществъ происходитъ не только изъ естественнаго стремленія къ общему союзу для защиты отъ общихъ опасностей, но и нравственнаго сознанія общности, братства, связаннаго съ просвѣщеннымъ пониманіемъ истинныхъ условій общаго блага. Организация же христіанскаго общества имѣла свой прототипъ въ устройствѣ и іерархическомъ раздѣленіи христіанской церкви, раздѣленіи труда и употребленіи по мудрому расчисленію каждой силы къ опредѣленной цѣли. Древнѣйшія христіанскія общества, между прочимъ, потому организовались такъ быстро, что интеллигентнѣйшія и нравственно способнѣйшія силы въ сравнительно короткое время

стеклись въ нихъ и сознали себѣ опредѣленный планъ и цѣль. Такъ развились и народности, большими массами принимавшія христіанство, въ благоустроенныя государства, такъ какъ имъ даны были цѣли и образцы христіански-соціального порядка.

Характеръ христіанской религіи вездѣ обнаруживаетъ черты дѣятельной силы, жизни; но нигдѣ мы не видимъ квіэтизма, полного равнодушія ко всему, зимней спячки. Умъ возбуждается къ здоровому мышленію, горизонтъ расширяется, взоръ направляется впередъ къ будущему, къ потомству; человѣческой силѣ и волѣ указываются высокіе, достойныя стремленія цѣли; все это должно оставлять слѣды на всемъ общественномъ бытіи человѣчества. Построенная на христіанскихъ основахъ общественная жизнь, освѣщаемая духомъ труда и вѣрнаго исполненія обязанностей, мудрой бережливости и воздержности отъ всего, что вредитъ и ослабляетъ, мудрымъ примѣненіемъ каждой силы въ надлежащемъ мѣстѣ, готовой на жертвы общительности, когда каждый несетъ бремя другаго (Гал. 6, 2),—такая жизнь должна скоро представить образецъ процвѣтанія и благосостоянія, даже нѣкотораго экономическаго преуспѣянія. Въ такомъ обществѣ матеріальные достатки справедливо получаютъ названіе благъ, ибо они законная награда за способность и добродѣтели въ рукахъ христіанской любви будутъ употреблены именно во благо, такъ какъ они посвящены будутъ своей истинной цѣли и будутъ служить тому, чтобы заглаждать слѣды грѣха, облегчать бѣдность и нужду и сближать между собою сердца людей. Если земныя блага возвышаются до этой нравственной высоты, то ничто не препятствуетъ больше считать ихъ изліяніемъ божественной милости и если все еще надъ богатствомъ тяготеетъ то, что его можно назвать мамою неправды (Лук. 16, 9), за то оно способно пріобрѣсти намъ друзей на мѣстѣ нашего высшаго назначенія. Все же, что во свѣтѣ христіанскаго нравственнаго ученія можетъ быть названо благомъ, принадлежитъ къ тѣмъ талантамъ,

которыхъ не должно закапывать въ землю, а нужно отдавать въ ростъ (Мат. 25, 15 и д.).

Не трудно было бы намѣченные здѣсь черты въ направленіи къ народно-экономическому преуспѣянію христіанскаго общества дополнить расширеніемъ взгляда на правовую и политическую жизнь. Тѣ же изреченія Св. Писанія, которые указаны нами въ предыдущей статьѣ въ пользу спиритуалистическаго воззрѣнія, не только не изглаживаютъ основнаго характера христіанства, какъ религіи дѣятельной, возраждающей, устрояющей, но напротивъ предполагаютъ, что христіанство крѣпко связано съ міромъ, такъ какъ представляютъ увѣщанія не задерживаться временнымъ въ стремленіи къ высшей цѣли, не считать за самую цѣль временныхъ благъ, не привязывать къ нимъ сердца и во временномъ преуспѣяніи не усматривать собственнаго доказательства силы царства Божія.

Еслибы первенствующіе христіане смотрѣли односторонне пессимистически на предметы міра и самую жизнь человѣческую понимали односторонне пессимистически, то развитіе христіанской церкви имѣло бы совершенно другой видъ, чѣмъ какъ представляютъ это исторія; послѣдняя же именно показываетъ намъ, что древніе христіане исполнены были именно оптимизма, радостнаго чувства жизни, дѣятельной силы, стремленія къ дѣятельности, духа общественности, при чемъ всегда былъ полный просторъ христіанскимъ подвигамъ на общее благо.

Мы не будемъ здѣсь подтверждать примѣрами, какъ церковь полагала основаніе общественному благоустройству, какъ пролагала путь культурѣ и цивилизаціи, основывала царства, устроила политическія системы и т. д. Нѣтъ надобности распространяться и о томъ, какъ процвѣтали государства, пока оставались въ силѣ основоположенія христіанскаго права, какъ они потомъ разпадались, когда отпадали отъ Бога. Такому историческому обзорѣнію авторъ этого разсужденія не придастъ такого большаго значенія, какъ другіе, новѣйшіе изслѣдователи, потому

что связь между причиною и дѣйствиємъ и группировка стоящихъ одинъ подлѣ другаго предметовъ зависятъ отъ точки зрѣнія разсматривающаго. Но за то съ неоспоримымъ правомъ можно утверждать, что въ христіанскомъ порядкѣ жизни содержатся основы и естественно-соціального порядка. Христіанская церковь представляетъ не только религіозное, но и юридическое общество; свой кодексъ законовъ она возвела въ величественное зданіе каноническаго права. Въ христіанскомъ обществѣ воззрѣніи на право и справедливость, въ каноническомъ правѣ, какъ въ евангеліи любви, заключаются основы для возстановленія нарушеннаго общественнаго порядка, а также и для разрѣшенія новыхъ задачъ, когда съ теченіемъ времени измѣняются потребности и задачи его и когда въ текущій порядокъ вторгаются замѣшательства и нестроенія.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ правильному заключенію, что во-первыхъ въ христіанскомъ правѣ идеально рѣшены уже вопросы, которые по отпаденіи европейскихъ народовъ отъ христіанскаго порядка со времени революціи, снова представляются неразрѣшимой загадкою; и что во-вторыхъ практически церковь и теперь, какъ и всегда призвана вносить свою цивилизующую, можно сказать, искупляющую силу въ смуты текущей полноты. Разрѣшеніе соціального вопроса близко къ церкви, и потому задача церкви и всѣхъ членовъ ея, духовенства впереди, дѣятельно содѣйствовать этому разрѣшенію.

Въ такихъ воззрѣніяхъ заключается конечно не вульгарный реализмъ въ противоположность спиритуализму, а скорѣе въ нихъ просвѣчивается идеализмъ, чтобъ не сказать мечтательность; во всякомъ случаѣ оптимизмъ въ связи съ современною идеей соціальной этики. Но представители этой соціальной этики снова распадаются на два отдѣла; для краткости мы назовемъ ихъ феодалами и современниками.

Феодалы—это тѣ, которые свой идеалъ какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ и соціальномъ отношеніи видятъ въ

прошедшемъ времени, когда фактически существовалъ удобный Богу порядокъ, желательный и необходимый и въ наше время. По мнѣнію феодаловъ, то было такое время, въ которомъ можно усматривать образецъ для разрѣшенія всѣхъ затрудненій, беспокоящихъ наше время.

Естественно, никто изъ представителей такого историческаго идеализма не представляетъ себѣ, чтобы тѣ вѣка, которые мы называемъ феодальными или средними вѣками, на самомъ дѣлѣ вполне осуществляли представленіе и развитіе христіанскаго государственнаго и общественнаго управленія и христіанской социальной политики; но сила въ томъ, что эти вѣка заключали въ себѣ, въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ и въ своихъ устояхъ солидныя гарантіи порядка, законнаго права, мира и благополучія для общественной жизни.

Тѣ же, которыхъ въ отличіе отъ феодаловъ мы называемъ „современниками“, хотя соглашаются съ первыми во многихъ главныхъ пунктахъ и именно относительно миссіи церкви и духовенства для рѣшенія социальныхъ вопросовъ; хотя и у нихъ идеалъ правовой и общественный порядокъ, основанный на христіанскихъ принципахъ, хотя и они обращаютъ свои взоры къ прошедшему: но не для того, чтобы прямо реставрировать прошедшее и павшее, но чтобы изъ историческихъ примѣровъ выпести ученіе для устройства новаго порядка.

Можетъ быть нѣкоторые изъ этихъ „современниковъ“ только не довольно смѣлы, довольствуясь тѣмъ, что кажется достижимо средствами нынѣшняго времени, между тѣмъ какъ въ остальномъ они охотно возвратили бы назадъ доброе старое время. Но есть и другіе, которые вѣрятъ въ возможность новыхъ образованій, а на феодальныя права они смотрятъ, какъ на дряхлыя и негодныя, и съ нѣкоторою степенью оптимизма надѣются и безъ нихъ обуздать духъ времени. Мы, говорятъ, живемъ въ другомъ мірѣ, чѣмъ жили наши предки, и должны въ немъ устроиться. Мы столько же можемъ подорвать значеніе современной школы,

могущество прессы, общественной политической жизни, права избрания, международных сношений, свободы переселения и др., какъ уничтожить машины, желѣзныя дороги и телеграфы, банки и акціонерныя общества. Равнымъ образомъ несправедливо современныя идеи и направленія въ литературѣ, политикѣ, народномъ хозяйствѣ дѣлать отвѣтственными за все зло нашего времени, за павперизмъ и милитаризмъ, невѣріе и развращеніе нравовъ; это все равно, какъ еслибы на феодальное государство сваливать вину за всѣ бѣдствія, терзавшія средневѣковое общество съ его кровавыми династическими войнами, борьбою городовъ съ епископами и рыцарями, востаніямъ крестьянъ и сектантовъ, голодомъ, эпидеміями.

Если христіанство есть универсальная религія, говорятъ далѣе, то она должна показывать свою сохраняющую и оживляющую силу и среди новыхъ отношеній; правильный идеализмъ состоитъ въ томъ, чтобы не терять вѣры и довѣрія къ будущему и съ надеждою сѣять на новой нивѣ (1 Кор. 9, 10); стараться покорить противодѣйствующія ему силы, сражаясь съ ними на одной и той же почвѣ и обращая противъ нихъ выточенное ими же оружіе. И человѣческое оружіе и средства помощи не суть зло сами по себѣ; такими дѣлаются они, когда употребленіе ихъ предоставляется злымъ силамъ. Машины и фабрики, желѣзныя дороги и электрическія аппараты, ремесленные общества и акціонерныя предпріятія, ежедневная пресса и всеобщее школьное образованіе, народныя собранія и всеобщіе выборы, торговые договоры и охранительный тарифъ, коалиціонное право, международныя союзы, политико-экономическія теоріи, — все это можетъ быть употреблено на служеніе нашему дѣлу. Въ интересахъ къ общественнымъ дѣламъ мы не должны стоять позади другихъ сословій; мы должны поддерживать политико-общественную прессу; духовенство должно знать тѣ науки, которые ближе всего стоятъ къ нуждамъ нашего времени. Прежде называли это естественнымъ правомъ, теперь называютъ политической эконо-

міей, которую вмѣстѣ съ „естествовѣдѣніемъ“ особенно нужно рекомендовать; изучающіе богословіе должны слушать и политико-экономическія лекціи, чтобы христіанизировать рабочій трудъ и капиталъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Гипнотизмъ, какъ подтвержденіе истинъ христіанскаго ученія¹⁾).

5. Необходимость тѣснѣйшаго внутренняго и виѣшняго общенія между собою членовъ церкви Христовой гипнотизмомъ представляется въ самомъ ясномъ свѣтѣ. Христіане должны пребывать въ постоянномъ общеніи съ Главою Церкви—Иисусомъ Христомъ и между собою. Этого требуетъ Самъ Господь: „да вси едино будутъ“, проситъ Онъ Отца Небеснаго. У апостола Павла читаемъ: „по единому другъ другу уди есмы; отложите лжу и глаголите истину кійждо ко искренному своему, зане есмы другъ другу удове“. Христіанское общество представляетъ собою оплотъ противъ козней діавола—врага рода человѣческаго и составляетъ условіе, безъ котораго невозможно дальнѣйшее созиданіе церкви. Недостаточно, чтобы каждый вѣрующій носилъ только въ своемъ сердцѣ Господа Іисуса Христа и самъ служилъ Ему; онъ долженъ быть въ общеніи съ другими вѣрующими; тогда только онъ можетъ выполнить данныя Господомъ заповѣди. Оставаться внѣ такого общенія—значило бы лишать общество своихъ силъ, не возвышая своей жизни. Состояніе гипнотизма—наилучшее свидѣтельство того, насколько важна и необходима жизнь въ церкви. Состояніе это показываетъ намъ, что вліянія, производимыя на насъ отвнѣ, могутъ оказать такое дѣйствіе на насъ, что мы можемъ совсѣмъ потерять свою свободу и стать совершенными ав-

¹⁾ См. № 22-й.

томатами; мы, какъ рабы, становимся проданными съ своею волею, мыслями и всѣми чувствами. Какъ мы уже видѣли, глубокій гипнозъ повергаетъ человѣка въ такое состояніе, въ которомъ онъ бываетъ послушенъ слову своего экспериментатора такъ, какъ колесо машины приходитъ въ движеніе, когда пущенъ въ дѣйствіе паръ. Это—такое состояніе, которое по своей несвободе превращаетъ несвободу животныхъ въ бодрственномъ состояніи. Тутъ полнѣйшій механизмъ, простирающійся и на духовныя представленія. Гипнотизирующій въ полной власти вызываетъ у гипнотизированнаго святые чувства и божественные образы или наоборотъ что либо странное со всѣми сопровождающими его явленіями. Скажетъ онъ своему паціенту: левъ идетъ! и у того на лицѣ явится выраженіе испуга; скажетъ онъ: вотъ прекрасный предметъ, наслаждайтесь отличнымъ запахомъ, посмотрите на этотъ превосходный видъ—и черты лица гипнотизированнаго принимаютъ сіяющее, радостное выраженіе.

Что же отсюда слѣдуетъ? Повторяемъ то, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ вліяніе на насъ со стороны извѣстныхъ личностей можетъ быть таково, что наша индивидуальность всецѣло подпадаетъ вліянію другаго: мы являемся безпрекословными исполнителями вліяній этихъ личностей.

Тоже самое проповѣдуетъ и Слово Божіе. Оно ясно учить о томъ, какое вліяніе на человѣчество могутъ произвести грѣхъ и діаволъ и заповѣдуетъ быть на сторожѣ предъ этими вліяніями. Ап. Павелъ говоритъ именно о подпаденіи человѣка подъ власть грѣховъ ¹⁾ и часто упоминаетъ о борьбѣ съ злыми духами, которые вселяются въ человѣка, чтобы отнять у него свободу къ его гибели.

Если же теперь такое вліяніе на человѣка возможно въ состояніи гипноза, то почему же не предположить, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ оно возможно и въ бодрственномъ состоя-

¹⁾ Рим 7, 14. Вѣмы бо, яко законъ духовенъ есть, азъ же плотянь есмь, проданъ подъ грѣхъ.

нія? Мы часто видимъ, что счастливые супруги, проживъ долго въ бракѣ, становятся по наружности похожими другъ на друга и въ своихъ мысляхъ и воззрѣніяхъ такъ сходятся, что симпатія душъ, такъ сказать, становится полнѣйшею. Какъ это объяснить? Очевидно одинъ изъ супруговъ производитъ сильное вліяніе на другаго, вызываетъ въ другомъ тѣ мысли и взгляды, какими обладаетъ самъ—не тоже ли самое происходитъ и въ состояніи гипноза? только въ первомъ случаѣ это вліяніе происходитъ въ бодрственномъ состояніи, въ гипнотизмѣ же—въ состояніи сна. Такое, такъ сказать, гипнотическое вліяніе можно наблюдать у преступниковъ. Люди, отъ природы неспособные къ преступленіямъ, пробывъ продолжительное время въ обществѣ преступниковъ, таинственнымъ образомъ становятся согласны съ ними по мыслямъ. Сами того не замѣчая, они все болѣе и болѣе удобляются этимъ личностямъ, пока наконецъ сами не сдѣлаются преступниками: тогда какъ бы пробуждаются отъ сна и къ своему ужасу замѣчаютъ, до чего они дошли. Какъ дурное можетъ дѣйствовать съ такою силою, такъ наоборотъ и хорошее, хотя не въ такомъ обширномъ объемѣ. Злу достаточно только разъ подѣйствовать на человѣческое сердце и оно найдетъ въ немъ прелесть и будетъ стремиться къ нему съ большею силою, чѣмъ къ добру; грѣховной и извращенной человѣческой природѣ зло ближе и такъ сказать, симпатичнѣе, чѣмъ добро.

Въ подтвержденіе только что сказаннаго можно привести слѣдующія мѣста Св. Писанія: 1) 2 Кор. 6, 17, „тѣмъже изыдите отъ среды ихъ и отлучитесь, глаголетъ Господь и нечистотѣ не прикасается и Азъ прииму вы“. Ефес. 5, 7: „не бывайте сопричастницы симъ (т. е. сынамъ невѣрія—непокорнымъ). 1 Кор. 5, 11 и д.: „писалъ вамъ не примѣшати блудникомъ; аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или цѣлница, или лицемеръ: съ таковымиъ ниже ясти“. 2) Еф. 4, 3, гдѣ Апостолъ призываетъ христіанъ „ходити достойно званія“, „тщащися блюсти единеніе

духа въ союзѣ мира“. 2 Кор. 13: 13: „Благодать Господа нашего Іисуса Христа и Любы Бога и Отца и общеніе Святаго Духа со всеѣми вами“. Дѣян. 2, 42: „бяху же, терпяще во ученин апостолъ и во общеніи и въ молитвахъ“. 1 Іоан. 1, 6: „аще речемъ, яко общеніе имамы съ Нимъ и во тьмѣ ходимъ, лжемъ и не творимъ истины“. 1 Кор. 10, 16: „чаша благословенія, юже благословляемъ, не общеніе ли крове Христовы есть, хлѣбъ, его же ломимъ, не общеніе ли Тѣла Христова есть? Яко единъ хлѣбъ, едино Тѣло, есмы мнози: вси бо отъ единого хлѣба причащаемся“ и др.

Въ какомъ новомъ свѣтѣ должны намъ представиться все эти выраженія Св. Писанія. Съ другой стороны, нужно упомянуть о томъ, что Слово Божіе „проникающее въ сердце чловѣка, какъ бы пробуждаетъ его отъ состоянія сна“. Еф. 5, 14: „востани спий и воскресни отъ мертвыхъ и освѣтитъ тя Христосъ“. Матѣ. 21, 41: „бдите и молитесь, да не внидете въ напасть; духъ бо бодръ, плоть же немощна. 1 Петр. 5, 8: „трезвитесь, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити“. Рим. 13, 11: „и сіе вѣдѣяще время, яко часъ уже намъ отъ сна возстати“. 1 Сол. 5, 6: „тьмѣже убо да не спимъ, яко же и прочіи, но да бодрствуемъ и трезвимся“.

6) Наконецъ гипнотическія явленія свидѣлствуютъ о томъ, что духовныя и тѣлесныя силы чловѣка способны къ болѣе возвышенной дѣятельности. Онѣ показываютъ намъ, что христіанское ученіе о будущемъ прославленіи тѣла находитъ свое дѣйствительное основаніе еще въ земной жизни.

При изложеніи гипнотизма мы видѣли къ своему крайнему удивленію, до какой высокой степени силы могутъ возвышаться духовныя и тѣлесныя способности чловѣка. Кто могъ бы безъ всякихъ предварительныхъ упражненій произносить безъ остановки труднѣйшія сочетанія буквъ? кто смогъ бы писать чужимъ, никогда не изучавшимся и никогда не видѣннымъ почеркомъ?

кто въ состояніи, не будучи образованнымъ въ музыкальномъ отношеніи (да допустимъ даже и образованнаго), вѣрно пѣтъ импровизированное, чрезвычайно трудное упражненіе съ хроматическою ¹⁾ послѣдовательностью тоновъ? мало этого, подражать пѣнію величайшаго артиста такъ, что копію едва можно различить отъ оригинала? Кто можетъ (пусть это даже будетъ силачъ!) на своихъ горизонтально вытянутыхъ ногахъ удержатъ сѣвшаго на нихъ всю тяжестью человѣка, не опуская при этомъ ничуть ногъ? Кто можетъ долго продержатъ поднятыя къверху надъ головою руки безъ утомленія? Кто можетъ обладать такою тонкостью чувствъ, чтобы узнать напр. легкое движеніе воздуха на разстояніи 100 шаговъ или по прикосновенію къ куску платья кого либо узнать его владѣльца? Гипнотизированные, какъ мы видѣли, способны все это продѣлывать; въ бодрственномъ же состояніи, такіа явленія невозможны даже у людей одаренныхъ отличными душевными способностями и отличающихся тонкими внѣшними чувствами.

Изъ этого съ очевидностью слѣдуетъ, что силы и способности человѣка, связаннаго тѣломъ какъ бы дремлютъ; сила этихъ гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ сказывается во вседневныхъ нашихъ занятіяхъ; гипнотическія явленія указываютъ на другой скрытый въ человѣческомъ существѣ міръ, далеко возвышающійся надъ нашимъ теперешнимъ бытіемъ съ его силами и способностями; слабый намекъ на этотъ міръ, можетъ быть, и даютъ гипнотическія явленія. Если въ состояніи сна человѣкъ пользуется этими силами и способностями, то тѣмъ лучше онъ будетъ распоряжаться ими при полномъ, нераздѣльномъ сознаніи.

¹⁾ Хроматическою (отъ греч. слова *χρῶμα*—что значить свѣтъ, такъ какъ греки уподобляли тоны и отношеніе между ними отношенію между цвѣтами) называется такая послѣдовательность тоновъ, въ которую входятъ тоны и полутоны.

Въ виду этихъ фактовъ христіанское ученіе о высшемъ, небесномъ, прославленномъ состояніи человѣка получаетъ полное подтвержденіе. Въ виду гипнотическихъ явленій можно даже просто сказать: мы не только вѣримъ теперь въ высшее прославленное состояніе человѣка, но видимъ его дѣйствительное существованіе, имѣемъ намекъ на него въ настоящемъ возвышеніи тѣлесныхъ и духовныхъ способностей человѣка. Нелѣпы по-этому скептицизмъ и матеріализмъ, считавшіе такое состояніе невозможнымъ. Гипнотическія явленія должны побудить эти направленія не отрицать возможности этого прославленнаго состоянія, а напротивъ должны показать имъ, чѣмъ можетъ быть при извѣстныхъ условіяхъ тѣло человѣческое, представляющее собою персть земли; трудно уже этимъ направленіямъ оставаться въ такомъ отношеніи къ христіанскому ученію. Для насъ же христіанъ, какъ сказано, вѣра въ будущее наше прославленное состояніе находитъ въ гипнотическихъ явленіяхъ новое побѣдоносное подтвержденіе; это—новое оружіе, которымъ мы съ помощью Вождя будемъ бороться противъ современнаго намъ матеріализма. Кто серьезно поразмыслить надъ удивительными явленіями гипнотизма, тому уже не могутъ показаться невѣроятными слова ап. Павла: „еже сѣши, не тѣло будущее сѣши, но голо зерно, аще случится ишеницы или иного отъ прочихъ. Сѣется не въ честь, востаетъ въ славу; сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ. Сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное: есть тѣло душевное и есть тѣло духовное“. Господь Богъ, сотворившій эти силы, не для того же создалъ ихъ, чтобы онѣ находились въ вѣчно-скрытомъ бесполезномъ состояніи; существуя въ человѣкѣ онѣ не должны загдохнуть, но напротивъ какъ все въ человѣкѣ рождено и предназначено для развитія и совершенствованія, такъ и эти особенныя вышечеловѣческія силы получаютъ дальнѣйшее развитіе; началомъ этому періоду служить настоящее скрытое ихъ состояніе; оно какъ бы утроба матери, изъ которой съ теченіемъ времени по волѣ Божіей разовьется полная новая личность.

Въ заключеніе мы должны обратить вниманіе на сомнѣніе, могущее возникнуть у нѣкоторыхъ по поводу тѣхъ важнѣйшихъ результатовъ, которые мы вывели изъ разсмотрѣнія гипнотическихъ явленій. Сомнѣніе это можетъ заключаться въ слѣдующемъ. Могутъ спросить: если гипнотическіе опыты доселѣ производились надъ отдѣльными личностями, то можно ли эти заключенія переносить на всѣхъ людей?—Справедливо, что гипнотическія явленія были вызываемы не у всѣхъ людей и даже не у особенно значительнаго числа ихъ; тѣмъ не менѣе вездѣ при состояніи гипноза наблюдались одинаковыя необычайныя явленія.

Если же научно доказано, что манипуляція гипнотизированія не есть нѣчто исключительно принадлежащее только отдѣльнымъ человѣческимъ индивидуумамъ, если напр. для этого лучшими объектами служатъ всѣ малокровныя особы (а такихъ въ наше время—легіонъ), то это совсѣмъ не противорѣчитъ сдѣланнымъ изъ разсмотрѣнія гипнотическихъ явленій выводамъ; для обоснованія этихъ выводовъ не нужно, чтобы у каждаго отдѣльнаго лица могли быть вызваны такія состоянія; достаточно знать, что человѣческій организмъ устроенъ такъ, что въ немъ могутъ выступать явленія, обнаруживающіяся въ гипнотизмѣ. Такъ какъ Богъ сотворилъ людей не совершенно похожими другъ на друга, а на каждаго наложилъ печать индивидуальности, то отсюда понятво само собою, что тутъ и обнаруживаются не вполнѣ извѣстныя области различій, существующихъ и въ обычной жизни. Такъ у одного орлиное зрѣніе, другой же съ точно также устроенными глазами на разстояніи двухъ шаговъ едва можетъ различать предметы; индеецъ преслѣдуетъ по слѣдамъ человѣка и дичь не только въ густой травѣ, но даже и на гладкой равнинѣ, тогда какъ другой рѣшительно ни къ чему подобному не способенъ. Тоже самое можно сказать и обо всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ способностяхъ. У одного онѣ могутъ быть сильнѣе, у другаго слабѣе; достаточно знать, что онѣ дѣйствительно существуютъ и присущи человѣческому организму.

Таковы наши сужденія объ этихъ таинственныхъ явленіяхъ съ точки зрѣнія антропологіи, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Хотя бы кто не согласился съ нѣкоторыми изъ сдѣланныхъ тутъ выводовъ; но предшествующія разсужденія достаточно показали, что эти явленія могутъ служить предметомъ изученія и тщательнаго изслѣдованія не только фізіологовъ и психологовъ, но также и богослововъ.

П. К—ий.

Назидательныя для пастырей Церкви изрѣченія св. Отцевъ.

Діаволъ непрестанно противодѣйствуетъ нашему счастью, самъ не получая отъ этого усердія никакой пользы, напротивъ терпя еще величайшій вредъ; и однакожъ онъ одержимъ такимъ неистовствомъ, что нерѣдко отваживается даже на невозможныя дѣла, и нападаетъ не только на тѣхъ, которыхъ надѣется навѣрное сразить и низвергнуть, но и на тѣхъ, которые, вѣроятно, побѣдятъ его. Какое же будетъ извиненіе намъ, и какое прощеніе, если, тогда какъ злой демонъ употребляетъ такое неистовство противъ насъ, мы не покажемъ и малой части подобнаго усердія о спасеніи нашихъ братьевъ, имѣя при томъ Бога сподобникомъ?

Гимнасты на народныхъ зрѣлищахъ, во время упражненій въ бѣганы, строго соблюдаютъ то правило, чтобы каждый изъ нихъ честно упражнялся въ своемъ искусствѣ,—никто не смѣлъ бы подставлять ноги бѣгущему, или мѣшать ему рукою и чрезъ то сбивать его съ ногъ, но каждый одерживалъ бы побѣду одною своею ловкостію и проворствомъ; тѣмъ болѣе въ подвигахъ жизни нужно одерживать побѣду безъ всякаго обмана и особенно безъ обиды своего ближняго.

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архидіакръ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Киевъ, 31 мая 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

XXV.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цена годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
семинаріи.

1884 года, Іюня 10-го.

Содержаніе: Недоумѣнные вопросы касательно дѣйствій духовника при совершеніи исповѣди.—Нужна ли реформа пастырства пріятительно къ соціально-политическимъ потребностямъ времени.—Проповѣдническое обозрѣніе.

Недоумѣнные вопросы касательно дѣйствій духов- ника при совершеніи исповѣди.

Изъ всѣхъ пастырскихъ обязанностей, кажется, самая труднѣйшая—совершеніе исповѣди. Никогда послѣ совершенія исповѣди не бываешь мало-мальски доволенъ собой, никогда не бываетъ въ умѣ и совѣсти спокойствія, никогда не чувствуется въ сердцѣ духовнаго утѣшенія; хотя, повидимому, и стараешься постоянно исполнять свой долгъ не кое-какъ, зря, безъ всякаго вниманія и уваженія къ таинству; а постоянно нудишь, тянешь, принуждаешь себя относиться къ нему съ подобающимъ вниманіемъ и уваженіемъ, стараешься пробудить въ себѣ сознаніе и чувствова-
ніе высоты, святости и спасительности его; стараешься располо-
жить къ тому и кающихся. Но отъ того-то должно быть и не

чувствуешь духовнаго утѣшенія, что только тянешь и нудишь себя чувствовать важность, святость и спасительность таинства, тогда какъ сердце-то не слушается и не хочетъ чувствовать. Удивительное раздвоеніе въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Вижу и сознаю въ себѣ единство; а чувствую въ себѣ какъ бы два существа, совершенно противоположныя по характеру. Хочу дѣлать свое дѣло, какъ можно лучше; а вижу, что выходитъ плохо. Я самъ, а не другой кто, хочу чувствовать святость, важность и спасительность таинства, какъ можно живѣе, до забвенія всего прочаго; а между тѣмъ вижу, что не иное чье, а мое же собственное сердце не слушается меня; даже и разсудокъ часто выходитъ изъ повиновенія, и мое собственное слово выражаетъ не то, что я хотѣлъ бы выразить. Хочу сказать кающагося одно и такъ именно, какъ мнѣ хочется, а на словахъ выходитъ иногда другое и не такъ, какъ хотѣлось. Хочу расположить кающагося къ сознанию грѣховности предъ Богомъ и возбудить въ немъ живое покаянное чувство; а между тѣмъ вижу, что не достигаю своей цѣли. Кающійся не только не чувствуетъ такъ, какъ бы должно чувствовать, своего окаянства предъ Богомъ; но и не знаетъ своихъ собственныхъ грѣховъ. Общее сознаніе грѣховности въ его словахъ проглядываетъ; ибо онъ постоянно повторяетъ слова: „что ступили, то согрѣшили“; но больше ничего не знаетъ. Спрашиваешь: „въ чемъ согрѣшилъ предъ Господомъ Богомъ“? „А кто е знаетъ, отвѣчаетъ онъ; почитай, что всѣмъ“. Станешь перебирать грѣхи въ вопросахъ; на всякъ вопросъ прехладнокровно повторяетъ онъ обычное слово: „грѣшенъ“, не обращая даже вниманія на содержаніе вопроса, что видно изъ того, что онъ отвѣчаетъ часто вовсе не на вопросъ. Перечисливши нѣсколько грѣховъ, спрашиваешь его: „еще какихъ грѣховъ не помнишь ли за собой“? „Грѣшникъ“, отвѣчаетъ онъ. Повторишь вопросъ, и получаешь отвѣтъ: „А я не слыхалъ, о чемъ ты спрашиваешь. — Гдѣ намъ помнить? мы люди темные; да почитай больше-то ужъ и не въ чемъ быть грѣшнымъ-то“.

Что же остается? Прочитать разрѣшительную молитву? Да, чего же больше? Тяжкихъ грѣховъ, вѣдь, никакихъ нѣтъ; хотя самое-то душевное состояніе кающагося есть состояніе грѣховнаго усыпленія; но онъ этого не понимаетъ и не хочетъ понимать. Выяснить ему? Но какъ? Пятнадцать лѣтъ уже я постоянно выяснялъ и въ церковномъ словѣ, и при исповѣди, и теперь выясняю, какъ умѣю; а кающійся повторяетъ тоже пятнадцать уже лѣтъ одно и тоже: „Мы вѣдь чего можемъ понять? извѣстно, грѣшныя во всемъ“; и повторяетъ такъ, какъ бы сталъ повторять пятнадцать лѣтъ грѣхи своего сосѣда. Читаешь молитву; а на сердцѣ больно-пребольно. Да чего же впрочемъ и требовать больше отъ темнаго человѣка, когда у самаго-то, у меня, у пастыря-то стада Христова, тоже нѣтъ ни живаго сознанія всей мерзости своей предъ Богомъ, ни глубокаго чувства раскаянія?

О, одинъ Господь вѣдаетъ, какъ тяжело бываетъ въ душѣ! Чувствуешь полнѣйшее недовольство и самимъ собою, и кающимся, сознаешь полнѣйшую неудовлетворительность своего желанія, ибо видишь, что все происходитъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Можетъ ли послѣ этого быть спокойствіе въ совѣсти и утѣшеніе въ сердцѣ, въ особенности, когда, по окончаніи исповѣди, придешь домой, станешь разбирать въ своемъ умѣ свои слова и дѣйствія, и когда окажется, что одному сказалъ не то, другому не такъ, что и какъ слѣдовало; что одному назначилъ эпитимію слишкомъ легкую, другому тяжелую, третьяго оставилъ такъ, чего не слѣдовало дѣлать, пятого несправедливо допустилъ до причащенія св. Таинъ. Какъ легко мнѣ за свое неразуміе потерять собственное спасеніе! Господи! наставь, научи, вразуми меня и помоги мнѣ! А я? Самъ ничего не знаю, какъ должно знать, и ничего не умѣю, какъ должно умѣть. Зачѣмъ принялъ я великое и тяжелое бремя священства? Но это бремя во время оно не представлялось мнѣ тяжелымъ и неудобовыполнимымъ; оно представлялось мнѣ пнымъ, и я возлагалъ его на себя съ истинною

радостью; ибо былъ увѣренъ, что это бремя не тяжкое. О, юность! неразумная юность! Какъ часто обманываешься ты, представляя себѣ одни радужные цвѣты.

Еще тревожитъ становится на сердцѣ, когда встрѣчаешься при исповѣди съ недоушными вопросами, кои приходится немедленно разрѣшать и въ тоже время не имѣть увѣренности въ правильности ихъ разрѣшенія. На исповѣдь часто являются такіа упорныя и упрямые лица, что готовы браниться съ духовникомъ, если онъ не по ихъ вкусу поведетъ съ ними рѣчь и въ особенности, если онъ затронетъ ихъ щепетильное самолюбіе; такихъ лицъ много и въ народѣ съ виду простымъ и довѣрчивомъ. Являются и такіа лица, которыя вмѣсто того, чтобы слушать духовника и поучаться отъ него, готовы сами по своему поучать его; и не понимая значенія таинства исповѣди, настоятельно требуютъ отъ духовника разрѣшенія во грѣхахъ и допущенія до причащенія св. Таинъ, когда онъ вздумаетъ, видя кошеніе ихъ въ какомъ нибудь тяжкомъ грѣхѣ, угрожать имъ стлученіемъ отъ причащенія, конечно не для чего иного, какъ для исправленія ихъ. Въ этомъ случаѣ приходится выслушивать отъ кающагося разнаго рода укоры и даже угрозы. „Ты, говоритъ онъ духовнику, вотъ того-то и этого допустилъ до причащенія; а я чѣмъ хуже ихъ? Почему меня не хочешь ты допустить? Что ты придираешься ко мнѣ? Вотъ какой ты гордый; вѣдь ты по гордости не хочешь допустить меня; знай, молъ, меня. Указываешь ты на грѣхи мои; да какое тебѣ дѣло до моихъ грѣховъ? Я самъ буду отвѣчать за нихъ, а не ты; я, вѣдь, покался во всемъ, и все тебѣ рассказалъ, чего тебѣ еще? Пожалуй не разрѣшай; я жалобу подамъ, скажу, что попъ ко мнѣ чего-то придирается“ и т. д. въ этомъ родѣ. Да не подумаетъ кто, что мы выдумываемъ изъ своего чрева небывальщины. Нѣтъ, читатели, мы списываемъ копію съ дѣйствительности и ни единого слова неправды не прибавляемъ. Бываютъ и такіа вещи, что кающійся на самое безобидное правоученіе

духовника разоблаченнымъ тономъ заявляетъ: „Развѣ я того стою? Ты вотъ какъ меня расстроиваешь, что вся моя внутренность подымается во мнѣ“. И бывали случаи, что духовникъ, страшая за нравственное состояніе кающагося, просить у него ради Христа прощенія за невольное и ненамѣренное оскорбленіе; а кающійся повторяетъ свое: „Развѣ я того стою“? Внимательные къ дѣлу исповѣди духовники, вѣроятно, не разъ встрѣчались съ подобными вещами.

Скажутъ—духовнику нужна особенная опытность. Неспорно; но вѣдь иное дѣло требовать отъ духовника опытности; иное дѣло обладать опытностью; первое весьма легко, а второе много потрудитъ. Да и самая опытность, какъ бы она ни была значительна; все же она—опытность относительная, а безусловная, а потому-то и опытнымъ духовникамъ приходится нерѣдко становиться въ тупикъ и поступать такъ, какъ Богъ въ данную минуту на сердце положить, и въ тоже время сознавать, что поступать такъ не имѣлъ, быть можетъ, никакого права. Что же сказать послѣ этого о духовникахъ молодыхъ, кои и опытности приобрести было еще некогда и негдѣ? Дождаться когда приобретутъ? Но вѣдь пастырскія обязанности требуютъ безотлагательнаго исполненія ихъ. Какъ же должны поступать духовники при исповѣди? Да не иначе какъ такъ, какъ Богъ на сердце положить, или просто по своему произволу; ибо никакихъ даже основныхъ и общихъ правилъ для руководства при исповѣди у нихъ подъ руками нѣтъ, а потому духовникъ какъ бы разумно ни поступалъ, онъ не можетъ быть увѣреннымъ, что поступилъ правильно.

Правда, при каждомъ Требникѣ печатаются правила Номоканона, представлявшія въ древнее время норму для руководства духовнику при исповѣди. Но еслибы въ наше время руководствоваться этими правилами, то большую часть кающихся привелось бы ежегодно отлучать и притомъ на продолжительное время отъ причащенія св. Таинъ, и послѣ вести духовнику съ

прихожанами судъ да дѣла за придирчивость и притѣсненіе, а затѣмъ и путешествовать изъ прихода въ приходъ, что для священника, въ особенности семейнаго, равняется крайнему несчастью. Да и многіе изъ самихъ священниковъ, по требованію этихъ правилъ, должны были бы, если не сложить съ себя пастырскій санъ, то по меньшей мѣрѣ нѣсколько разъ въ году удерживаться отъ литургіи, быть можетъ, и въ великіе праздники, что повело бы къ различнымъ безпорядкамъ церковной жизни. Оставаться же священникомъ и въ тоже время сознавать себя нарушителемъ каноническихъ правилъ, такъ сказать крадущимъ священство, для человѣка, вѣрующаго въ святость Церкви и въ существованіе загробной жизни, и страшно и мучительно, даже болѣе—преступно. Какое тогда будетъ значеніе для священника значеніе, не говоря уже, его служеніе, нѣтъ, самая жизнь?

Правила Номоканона могли имѣть непреложное значеніе тогда, когда съ одной стороны нужно было охранять чистоту христіанской жизни отъ вторженія въ нее элементовъ язычества и еретичества; съ другой, когда самая эта жизнь была живымъ ключемъ и горѣла яркимъ пламенемъ, и потому не только не представлялось опасности суровымъ взысканіямъ за уклоненіе отъ правилъ христіанскаго благочестія пресѣчь этотъ живой ключъ, или погасить этотъ горячій пламень; но и напротивъ были всѣ даныя къ тому, что эти суровыя мѣры усилить въ христіанскомъ обществѣ стремленіе къ подвигамъ благочестія. Тогда всѣ почти христіане горѣли желаніемъ возможно чаще приступать къ таинству Господней; а отлученные отъ нея, хотя это было и тяжело для нихъ, въ сознаніи тяжести своихъ грѣховъ, добровольно подчинялись приговору отца духовнаго, стараясь усиленными подвигами покаянія заслужить прощеніе и разрѣшеніе. Нынѣ же, когда жизнь христіанская едва премѣнно тлѣетъ, приходится пастырямъ Церкви нинѣ изъ православныхъ христіанъ съ большими усиліями располагать ко причащенію; отъ другихъ напротивъ выслушивать настоятельныя и нерѣдко дерзкія, сопровож-

даемые угрозами, требованія разрѣшенія во грѣхахъ и допущенія до причащенія св. Таинъ¹⁾.

Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому положенію, что руководиться буквально правилами Номоканона въ настоящее

*) Въ правилахъ Номоканона встрѣчаются и такия, кои не могутъ быть названы собственно правилами, и которыми потону самому никогда не было возможности руководствоваться. Напр. 128-е прав. Номоканона, при полномъ Требникѣ, гласитъ: > Аще кто досадитъ отцу, или матери своей, смертію да укрѣтитъ. Аще же покается о томъ, еже содѣла, да запретится, якоже подобаетъ, аще и досаду приехавъ родитель проститъ ему. Аще аще двинетъ древо и ударитъ нѣтъ, да отсѣчена будетъ рука <. Есть правила, нарушение которыхъ въ настоящее время никто не почитетъ за грѣхъ. Наприм. въ правилѣ 134-мъ сказано: > Правило 11-е шестаго собора, нже въ Трулѣхъ, повелѣваетъ: Аще кто отъ болѣзни дерзаетъ призвать евреина врача, и отъ него врачуется; аще убо священникъ есть, да извержется; мірской да отлучится <. Кто же обращаетъ нынѣ вниманіе на вѣроисповѣданіе врачей? Есть правила, кои въ настоящее время назовутъ мелочными, а между тѣмъ оныя грозятъ за неисполненіе нхъ строгимъ наказаніемъ. Во 176-мъ правилѣ Номоканона сказано: > Правило 16-е седьмаго собора запрещенію подлагаетъ епископы и причетники, украшающія себе свѣтлыми одеждами <. А нынѣ вошло въ обычай у епископовъ носить свѣтлыя рясы. Въ слѣдующемъ 177-мъ правилѣ сказано: > Матвій въ девятой главѣ возбраняетъ вѣрнымъ украшати себе, или власы, браны стряпцѣ, и украшати ю, или плести власы главы своея: неповинующихся же отлучати повелѣваетъ. Се же приводитъ отъ правила 97-го, шестаго собора, нже въ Трулѣхъ <. Есть одно правило, за которымъ едва ли можно признать въ настоящее время православыи характеръ. Въ 217-мъ правилѣ Номоканона сказано: > Цареградскій патріархъ Никифоръ въ 50-мъ своемъ правилѣ платолетъ: яко отъ священника, неспостагагося среду и пятокъ всего лѣта, не достоитъ причаститися отъ него: ибо отчасти благочествовати, а отчасти нечествовати безмѣстно <. Какъ будто совершеніе и сила таинства зависятъ отъ достоинства лица, совершающаго его? Православное богословіе напротивъ учитъ, что совершеніе таинства не зависитъ отъ личныаъ достоинствъ совершителя, и оно не теряетъ своей силы и тогда, когда совершается лицомъ недостойнымъ, лишь бы правильно совершено было, и лицо, совершившее его, имѣло правильное рукоположеніе.

время не возможно. Это признано всеми въ особенности касательно наложенія эпитимій на кающихся¹⁾. „Каноны отцевъ и соборовъ о продолжительномъ отлученіи отъ св. Таинъ, говорятъ, должны быть принимаемы нынѣ духовникомъ только въ руководство для опредѣленія тяжести грѣха. Они не были и не могли остаться неизмѣнными во всехъ случаяхъ и во все времена“ (Рук. для сельск. паст. 1884 г. № 11, стр. 260 ст. „Нѣчто къ искорененію грѣховъ въ приходящихъ на исповѣдь“). Въ основаніе такого взгляда на постановленія отцовъ Церкви касательно эпитимій указывается обыкновенно на то, что и сами отцы соборовъ не смотрѣли на свои правила, какъ на непреложныя и неизмѣнныя: „Отцы соборовъ (1 всел. пр. 12) постановили при наложеніи эпитимій „примати въ разсужденіе расположеніе и образъ покаянія“ исповѣдника, также „качество его грѣха и готовность къ обращенію и тако употребляти приличное недугу врачеваніе“ (102 пр. VI всел. соб.). (Тамъ же); а также Рук. для сельск. паст. 1883 г. № 27, ст. „Права и обязан. пресвитеровъ“.

Въ Духовномъ Регламентѣ Петра Великаго также говорится: „Понеже многіе въ Писаніи неукусные священники держатся за Требникъ, какъ слѣпые, и отлучая кающихся на многія лѣта, кажутъ что написано... того ради предлагается снцевое разсужденіе: Древніи святіи отцы и пастыріе не такъ разсуждали о эпитиміяхъ, аки бы неудобъ премѣняемыхъ догматахъ; но переиѣняли и переиѣняютъ оныя попускали, ниѣя къ тому нѣкія благословныя вины“ (Извлеч. изъ Дух. Регламента. О пресвитерахъ ст. 14. Календ. Ц. О. В. 1877 г.). „Учителей нашихъ сказанія довольно научаютъ насъ, что не непремѣнныя суть о эпитиміяхъ каноны, но разсужденію отца духовнаго оставлен-

¹⁾ И Св. Синодъ, какъ намъ помнится, въ одномъ сравнительно недавнемъ указѣ своемъ разъяснилъ, что Кормячею и Помоканоніемъ въ цѣломъ ихъ составѣ, послѣ изданія книги Правилъ св. Апостоловъ, соборовъ и отцевъ, священники не могутъ руководствоваться. Ред.

ные, который долженъ смотрѣти, кто и каковъ есть кающійся, и истинно ли кается, и каковую эпитимию можетъ понести, и дабы жестокое наказаніе вмѣсто врачевства не обратилось ему въ отраву отчаянія. И по таковому всѣхъ обстоятельствъ разсмотрѣнію, можетъ духовный отецъ и умножити и умалити время, и количество эпитиміи, и едину эпитимию премѣнати на другую... иногда же, усмотря неудобство эпитиміи коей либо исполненія, никакой не налагати эпитиміи“. (Тамъ же). И тѣхъ, коимъ неудобно выполнять какия бы то ни было эпитиміи, какъ напр., воиновъ рядовыхъ, „можетъ духовный отецъ прощенія сподобити, и безъ эпитиміи удостойти причастія таинъ святыхъ“. (Тамъ же). „Собственно же, и именно оную въ древнемъ обычаѣ бывшую эпитимию, еже на долгое время лишати причастіа таинъ святыхъ; понеже она древле была во врачество, яко показующая грѣховъ мерзость, и востигающая злыя похоти; нынѣ же не тольмо не страшна многимъ, но и желаемая лѣнливымъ стала, тайнымъ же раскольникомъ и весьма любимая, и притворнымъ грѣхомъ исповѣданіемъ нарочно поискуема,—отсеявъ оставити, и оной къ тому не употребляти, помянутыхъ ради винъ и по силѣ выше писанныхъ учительскихъ постановленій (святоотеческихъ) наставленій подобаетъ“. (Тамъ же).

Но духовнику не легче отъ того, что съ одной стороны общимъ мнѣніемъ, а съ другой и Духовнымъ Регламентомъ правила Номоканона относительно эпитимій признаны не только не неизмѣнными, но и въ настоящее время неприложимыми къ жизни. Первѣе всего является вопросъ: кому принадлежать право измѣнять, а тѣмъ паче вовсе отмѣнять правила Номоканона? Принадлежитъ ли это право священнику? Изъ приведенныхъ въ Духовномъ Регламентѣ въ основаніе измѣняемости правилъ о эпитиміяхъ мнѣній св. отцовъ и въ особенности изъ толкованій на эти мнѣнія усматривается, что право сокращать, видоизмѣнять, или вовсе отмѣнять эпитиміи принадлежитъ епископамъ. Такъ въ толкованіи Θεодора Вальсамона на 74-е прав. Василія

Великаго, помѣщенномъ въ Регламентъ въ слѣдъ за самымъ правиломъ, сказано между прочимъ: „Разнство есть между судіями, которые казни тѣлесную приговоромъ своимъ налагають, и между епископами, наказаніе церковное грѣшникамъ кающимся опредѣляющими: Что судіи казни, закономъ установленной, не могутъ ни убавляти, ни убавляти безъ воли царской; епископи же грѣховъ нашихъ бремя на себе приѣмлюще, аки слово за насъ къ Богу воздати хотящии, по разсужденіи своему, наказанія и умножаютъ и умаляютъ. Того ради есть власть не точію время наказанія сокращати; но и наказанія премѣнати“ (извл. изъ Дух. Реглам. О пресвитерахъ ст. 14. Кал. Ц. О. В. 1877 г. стр. 145). Въ толкованіи того же святителя на 102-е прав. Трулльскаго собора также сказано: „И въ иныхъ синодѣхъ опредѣлися по странѣ епископу, отъ благодати Всесвятаго Духа власть примшу вязати и рѣшати, не всегда вимати законоположеннымъ ради эпитиміи; но строити оныя по лицамъ запрещаемымъ, сирѣчь по возрастомъ ихъ и по залогомъ и по начинаніямъ; но убо и по качеству грѣха: и тако подавати коемуждо недугу врачевство приличное“. (Тамъ же). Равно „правило дванадесятое, еже въ Никей первомъ собора, и Анкирскаго второе, но и пятое, еще же и шестое епископомъ оставляетъ власть или умножити, или умалити запрещенія“ (Треб. Како подобаетъ духовнымъ отцемъ строити исповѣдающихся нѣ).

И священникъ остается въ недоумѣніи, измѣняя, или во все отмѣняя законоположенныя эпитиміи по своему усмотрѣнію, не дѣлается ли онъ нарушителемъ соборныхъ постановленій? И принимая на себя право, которое по соборнымъ постановленіямъ не довѣдетъ ему, не становится ли онъ въ противорѣчіе съ Церковію и потому самому самъ онъ не подлежитъ ли отлученію? Положимъ, правила Номоканона относятся къ суду и дисциплинѣ церковнымъ и не касаются ученія православной вѣры и Церкви; положимъ и то, что правила эти собраны въ одну книгу Іоанномъ Постникомъ въ 678 году по Рождествѣ Христовомъ; но

въ Номоканонѣ тѣмъ не менѣе содержатся между другими и правила вселенскихъ соборовъ и правила апостольскія, утвержденныя шестымъ соборомъ, называемымъ Трулльскимъ, и кромѣ того Номоканонъ принять въ руководство всю Церковь, которая формально доселѣ не отменила ни одного изъ его правилъ. Между тѣмъ въ Требникѣ есть указанія на то, что духовникъ въ разрѣшеніи и связываніи кающихся долженъ руководствоваться неуклонно отеческими правилами. Такъ въ увѣщаніи отца духовнаго къ чаду духовному сказано отъ лица перваго: „Чадо толика лѣта повелѣвають божественніи и священніи закони, да не причастишися Божественныхъ Таинъ, точію да пієши агіасму великую. И аще удержишия отъ божественнаго причастія, разрѣшатся грѣси твои: аще же пресгупиши и приобщишися, вторый Іуда будєши“. Въ предисловіи къ послѣдованію исповѣданія сказано: „Василій Великій глаголетъ“ (духовнику): блюди, да не убоишися чловѣка въ паденіи его, да не предаси Сына Божія въ руцѣ недостойнымъ, да не устрашишися кого отъ славныхъ земли, ниже самаго діадиму носящаго, да не причастиши: божественніи-бо правила не повелѣвають недостойнымъ причащаться, яко язычници-бо вибѣняются“. И „онѣхъ же, иже не держать правила своего“, сказано духовнику во 189 прав. Номоканона, „отжени ихъ, да не погибєши и ты съ ними, чуждихъ сиріобщаєся грѣхъ по 84 и ѥ правилу Великаго Василія“.

Положимъ, Духовный Регламентъ запрещаетъ духовникамъ слѣдно „держаться за Требникъ“; но въ такомъ случаѣ для чего и печатать въ Требникѣ то, чего духовникъ не долженъ держаться? Неужели для того только, чтобы смущать пастырскую совѣсть? Не лучше ли было бы печатать только то, чего онъ долженъ держаться? Тогда бы и совѣсть пастырская была спокойна и пастырь свободенъ былъ бы отъ личнаго произвола держаться того, чего ему угодно, а не того, чего слѣдуетъ; въ настоящемъ же случаѣ онъ можетъ не держаться и того, чего долженъ держаться; ибо въ Духовномъ Регламентѣ никакихъ границъ ему въ этомъ не положено.

Такимъ образомъ духовникъ относительно своихъ дѣйствій по отношенію къ какому-либо поставляется въ неопредѣленное положеніе, ибо теряетъ для своихъ дѣйствій всякую законную почву. Съ одной стороны Духовный Регламентъ запрещаетъ держаться правилъ Номоканона, съ другой—самъ онъ вмѣсто этихъ правилъ не даетъ духовникамъ никакого положительнаго руководства, представляя руководствоваться или собственнымъ разсужденіемъ. Можно ли въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ исповѣдь полагаться исключительно на разсужденіе духовника? Вѣдь понятія и разсужденія разныхъ лицъ объ одномъ и томъ же предметѣ не одинаковы. Одинъ разсуждаетъ такъ, другой иначе, между тѣмъ какъ въ дѣлѣ церковнаго суда должно быть возможное единство. Да даже одинъ и тотъ же человѣкъ не всегда одинаково разсуждаетъ объ одномъ и томъ же предметѣ. На характеръ его разсужденій нерѣдко вліяютъ и объективныя обстоятельства и субъективныя состоянія духа. Нельзя же, вѣдь, отрицать подобныхъ состояній въ духовникѣ на томъ простомъ основаніи, что онъ—то же человѣкъ, и ничто человѣческое не чуждо ему. И потому нерѣдко случается, что одинъ и тотъ же духовникъ въ совершенно одинаковыхъ случаяхъ поступаетъ различно хотя и по разсужденію, которое такимъ образомъ на дѣлѣ обазивается чистымъ произволомъ. Да иначе и быть не можетъ: тамъ, гдѣ нѣтъ положительнаго закона, необходимо является личный произволъ. Чтобы не быть голословными, приведемъ факты. Въ статьѣ „Нѣчто о средствахъ въ искорененію грѣховъ въ приходящихъ на исповѣдь“ (Рус. д. с. наст. 1884 г. № 11), перечисляя противъ различныхъ грѣховъ и грѣховныхъ состояній соотвѣтствующія эпитиміи, противъ сладострастія напр., авторъ рекомендуетъ слѣдующія правила для наложенія эпитимій: „Если случится безъ нужды, а особенно по сладострастнымъ разсчетамъ быть сладострастному наединѣ съ женщиной, или дѣвницей, и разговоръ съ нею, хотя бы несладострастный, то за каждый такой случай, подверженный сладострастію, пусть кладетъ отъ 40 до

100 земныхъ поклоновъ, смотря по степени сладострастія и теплотѣ покаянія“. Но во 1-хъ быть съ женщиной наединѣ, и притомъ вести съ нею, не сладострастный, а дѣловыи, или дѣловой и даже просто шуточный разговоръ нѣкто и грѣхомъ не считаетъ, да по нашему и считать не нужно, по крайней мѣрѣ такимъ важнымъ, чтобы слѣдовало налагать за него эпитиміи; а во 2-хъ еслибы кто и сказалъ духовнику, что былъ съ женщиной наединѣ, то на какомъ основаніи положить оныи эпитимію непременно отъ 40 до 100 земныхъ поклоновъ? Почему не отъ 5 до 40? или отъ 100 до 500? Можно и то и другое и третье; потому что для всего этого однакоже нѣтъ никакого основанія, кромѣ личнаго произвола духовника. По нашему лучше за такіе грѣхи вовсе не полагать никакихъ эпитимій. И оказывается, что два духовника объ одномъ и томъ же предметѣ имѣютъ различныя понятія. Вотъ что значить не имѣть нормы закона. „Если же случится притомъ плотской грѣхъ“, продолжаетъ авторъ вышеупомянутой статьи, „то согрѣшившему совѣтовать“ (только-то? это, конечно, не мудро, а если совѣтъ-то не принимается?) „полагать по понедѣльникамъ, средамъ и пяткамъ по 50 земныхъ поклоновъ“. И опять не видно никакого законнаго основанія, кромѣ пастырскаго произвола. Въмѣсто 50 можно посоветовать полагать по 5 или даже и по 500 поклоновъ.

Пусть не укоряютъ насъ за то, что мы, какъ дѣти, въ дѣлѣ исповѣди требуемъ себѣ помочей и не обвиняютъ пастырей въ близорукости, тупости и неопытности въ духовной жизни въ слѣдствіе того, что мы указываемъ на необходимость имѣть имъ положительныя правила для руководства при исповѣди. Охотно сознаемся, что въ отношеніи познанія духовной жизни—все мы дѣти, тѣмъ болѣе, что и богомудрые отцы и учителя Церкви и въ особенности пустынножители, просвѣщенные благодатію Духа Божія, не хотѣли представлять себя многознающими и неохотно принимали на себя обязанность руководителей въ духовной жизни другихъ; напротивъ они охотнѣе подчинялись сами постороннему

руководительству. А мы что предъ ними? Нельзя, конечно, составить такой кодексъ церковно-дисциплинарныхъ правилъ, въ которомъ предусмотрѣны были бы всѣ частности и исключенія, съ которыми приводится вѣдаться духовнику при исповѣди. Но общія правила, которыя онъ могъ бы, сообразуясь съ обстоятельствами, по своему разсужденію, прилагать къ отдѣльнымъ случаямъ, у него необходимо должны быть. Иначе онъ является при исповѣди не только судьей, но и законодателемъ, и такимъ образомъ принимаетъ на себя недовлѣющее ему право.

Въ государственной жизни существуютъ гражданскіе и судебные законы, которыми и руководствуются судьи; безъ этихъ законовъ немыслимо никакое государство. Законы эти, конечно, не предусматриваютъ всѣхъ частныхъ явленій жизни; но тѣмъ не менѣе судья, руководствуясь общимъ духомъ и характеромъ этихъ законовъ, всегда найдетъ правило, которое въ данномъ случаѣ приложимо. Неужели въ церковной жизни порядокъ менѣе важенъ, чѣмъ въ гражданской? И неужели преступленія въ духовно-нравственной жизни менѣе важны, чѣмъ преступленія въ гражданской жизни? Вѣдь страшно подумать о томъ, что по неумѣлости, или по недоразумѣнію духовника можетъ погибнуть тотъ, за кою страдалъ Христосъ. Страшно подумать о томъ, что духовникъ, руководясь собственнымъ разсужденіемъ, одного можетъ неправильно разрѣшить, другаго неправильно связать; страшно потому, что сказано: „кого свяжете на землѣ, будетъ связанъ на небѣ“.

Намъ возражать, что духовникъ долженъ находить основаніе для своихъ дѣйствій въ нравственномъ состояніи кающагося. Неспорно, такъ. Но это возраженіе не устраняетъ нашей мысли о необходимости для духовника положительныхъ общихъ правилъ, а скорѣе предполагаетъ ихъ. Въ нравственномъ состояніи кающагося можно искать основаніе только или для вразумленія кающагося, или для примѣненія къ нему готоваго правила; но никакъ не для установленія самаго правила. Правило должно быть установлено напередъ и установлено не священникомъ, который самъ

по себѣ не имѣетъ на то никакого права, а церковною властію; священникомъ же, какъ исполнителемъ предначертаній власти, оно должно только съ разсужденіемъ примѣняться къ тому или иному лицу; и священникъ въ такомъ случаѣ отвѣчаетъ не за самое правило, а только за его примѣненіе; теперь же отвѣчаетъ онъ и за то и другое; тѣмъ болѣе, что на эпитиміи нужно смотрѣть не только какъ на исправительныя средства для грѣшника, но и какъ на средства наказанія за грѣхъ (Толк. Θεод. Вальсамона на 74 прав. Вас. Велик.).

У насъ нѣтъ недостатка въ руководственныхъ совѣтахъ для духовниковъ, ихъ много можно найти въ книгахъ и въ журнальныхъ статьяхъ; но совѣтъ собрата не можетъ замѣнить для духовника положительное правило; совѣтъ остается совѣтомъ, а правило—правиломъ. Совѣтъ по необходимости отличается субъективнымъ взглядомъ на вещи и характеромъ совѣтника, и потому совѣты разныхъ лицъ нерѣдко не согласуются между собою. При томъ нерѣдко даются совѣты общаго характера, неприменимые къ жизни и даже противорѣчащіе правиламъ Духовнаго Регламента, такъ что духовнику въ лабиринтѣ этихъ совѣтовъ приводится нерѣдко путаться и недоумѣвать: чего же держаться ему¹⁾? „На исповѣдника, говорится въ статьѣ „Нѣчто о средствахъ къ искорененію грѣховъ въ приходящихъ на исповѣдь“, сперва нужно наложить эпитимію, служащую къ ослабленію главнаго порока, или страсти, если она слишкомъ сильна, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ удаленію случаевъ, располагающихъ къ ихъ удовлетворенію, а потомъ и къ ихъ искорененію, далѣе же къ насаж-

¹⁾ Даже авторъ такой капитальной статьи, какъ »Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской Церкви и по церковно-гражданскимъ постановленіямъ русской Церкви«, напечатанной въ нѣсколькихъ Мѣс. Рук. для сельск. паст. за 1883 годъ, ограничивается въ этомъ отношеніи самымъ общимъ совѣтомъ разрѣшать всѣхъ искренно кающихся, хотя бы за ними были и тяжкіе грѣхи, и не разрѣшать упорныхъ грѣшниковъ, или лицемерно кающихся (№ 43).

денію добродѣтели (Рув. д.л. сел. наст. 1884 г. № 11). Основаніе для такого дѣйствія духовника логически вполне вѣрное; жаль только, что дѣйствительная-то жизнь нерѣдко идетъ въ разрѣзъ съ логикою; и потому логическое разсужденіе не всегда применимо на практикѣ. Возьмемъ въ примѣръ жаднаго корыстолюбца. Чтобы ослабить въ немъ страсть, нужно возбудить въ немъ любовь къ Богу болѣе, чѣмъ къ деньгамъ. Возбудить же ее можно не иначе, какъ дѣлами милосердія. Въ силу этого авторъ упомянутой статьи совѣтуетъ назначить любостяжателя эпитимію, „или преграждающую незаконное приращеніе, или уменьшающую богатство, на примѣръ: назначить пожертвованіе на какое либо богоугодное дѣло, или заведеніе... А чтобы эпитимія была точною и опредѣленною, для сего можно назначить опредѣленное количество процентовъ съ движимаго ли имѣнія, или денегъ на какое либо благотвореніе“. (Тамъ же). По пробуйте-ка! Давать такіе совѣты для дѣйствія противъ человѣческихъ страстей значить по нашему не имѣть надлежащаго понятія о ихъ силѣ, охватывающей всѣ силы души человѣческой и подчиняющей себѣ всю дѣятельность ея. Съ логической точки зрѣнія этотъ совѣтъ какъ нельзя болѣе вѣренъ, но жизнь говоритъ другое. Еслибы подобными эпитиміями искоренялись въ человѣкѣ страсти, то на землѣ не было бы ни корыстолюбцевъ, ни воровъ, ни гордецовъ, ни пьяницъ, ни развратниковъ и иже подобныхъ. Дѣло въ томъ, что подобные люди никогда и не согласятся исполнить подобныя эпитиміи. Кто согласенъ, о томъ и рѣчи нѣтъ, тутъ нѣтъ для духовника особеннаго и затрудненія. Но такихъ изъ сотни едвали выберется одинъ? Что же дѣлать съ остальными? Что дѣлать съ людьми, подобными тѣмъ, о коихъ мы говорили въ началѣ нашей статьи? Что дѣлать съ тѣми, кои не только ходятъ ежегодно на исповѣдь, и не только жезають, но и требуютъ отъ священника допущенія до свят. причащенія; а между тѣмъ косятъ постоянно въ одномъ и томъ же тяжкомъ грѣхѣ, ссылаясь на свою слабость и невозможность ослобо-

дѣться отъ него? Поступить, какъ съ нераскаянными грѣшниками? Но сами они не сознають себя таковыми; а если поступить съ ними, какъ съ нераскаянными, сколько ни выясняй имъ духовникъ правоту своихъ дѣйствій, они останутся при убѣжденіи, что онъ поступилъ съ ними несправедливо и произвольно. Авторы статей, какъ вышеупомянутой, такъ и означенной въ подстрочномъ примѣчаніи держатся того мнѣнія, что такихъ лицъ не слѣдуетъ допускать до причащенія и даже не разрѣшать. Первый говорятъ: „Если гордецъ откажется отъ исполненія эпитиміи и не обнаружатъ никакихъ признаковъ сокрушенія, то его слѣдуетъ оставить безъ разрѣшенія“ (Рук. для сел. паст. 1884 г. № 11; стр. 262). Второй даетъ такой совѣтъ: „Тѣхъ грѣшниковъ, у которыхъ грѣхъ небольшой или невольный или по невѣдѣнію сдѣланъ, или хотя тяжкій, но искреннимъ покаяніемъ врачуемый, должно разрѣшить; тѣхъ же, у которыхъ грѣхи большіе или обратились въ привычку, а раскаяніе которыхъ сомнительно, лучше не разрѣшать до времени, а если и разрѣшить, то не допускать до причащенія св. Таинъ, и послѣ осведомляясь, оставили ли они свои грѣховныя привычки; наконецъ тѣхъ, у которыхъ грѣхи большіе и покаяніе безъ всякаго сомнѣнія лицемерно, совѣтъ не разрѣшать, а напротивъ устрашать праведнымъ и страшнымъ судомъ Божиимъ и совершеннымъ отлученіемъ отъ Церкви, въ случаѣ если они не раскаяются чистосердечно“ (Кн. о долж. пресв. прих. §§ 104 и 105. Рук. дл. сел. паст. 1883 г. № 43. ст. „Обязан. пресвит. относительно совершенія таинств. исповѣди стр. 224—225). Такъ какъ подобныя люди могутъ пребывать въ своихъ грѣхахъ очень продолжительное время, а можетъ быть и до самой смерти своей, то слѣдовательно и отлучить ихъ отъ св. причащенія придется или на очень продолжительное время, пока они не оставятъ своихъ грѣхъ, или быть можетъ до самой ихъ смерти. Но какъ же согласить такіе совѣты съ положительнымъ требованіемъ Духовнаго Регламента—эпитимію, состоящую въ продолжительномъ отлученіи грѣшника отъ св. причащенія—„отсѣлъ оставити и оной

къ тому не употребляти подобаетъ"? Что это требованіе Регламента—положительное и относится ко всемъ безъ исключенія грѣшникамъ, хотя бы и косящимъ въ грѣхахъ своихъ, видно изъ самыхъ словъ Регламента, приведенныхъ въ основаніе такого требованія. „Понеже“, сказано въ немъ, эта эпитимія „нынѣ не тогмо не страшна многимъ, но и желаемая лѣнливимъ стала, тайнымъ же расколыникомъ и весьма любимая, притворнымъ грѣховъ исповѣданіемъ нарочно поискуема“. Видно это и изъ того, что въ Регламентѣ есть запрещеніе отлучать отъ св. причащенія даже истинно кающихся и желающихъ добровольно понести эту эпитимію; въ такомъ случаѣ духовникъ „у своего архіерея, предложивъ ему все обстоятельно о кающемся, токмо не именуя его, долженъ просить разсужденія и благословенія“ (извл. изъ Дух. Регл. Календ. Ц. О. В. 1877 г. стр. 147). Такимъ образомъ изъ всего доселѣ нами сказаннаго оказывается, что у духовника для воздѣйствія на кающагося, или просто только на проходящаго на исповѣдь, остается одно только вполне законное и юридическое, не отвѣтственное средство—это увѣщаніе, наставленіе, вразумленіе, словомъ—одно только пастырское слово.

Впрочемъ Духовный Регламентъ предписываетъ, чтобы духовникъ, если ему „покажется кій грѣхъ неудобъ разсуждаемый“, шель къ своему архіерею, и не именуя лица кающагося, просилъ у него разсужденія (О пресвит. В. Кал. Ц. О. В. 1877 г. стр. 144). Конечно, на чтобы лучше на всякій недоумѣнный случай спрашивать духовнику совѣта и разрѣшенія у своего архіерея; но это удобно только для священниковъ кафедральнаго города; для священниковъ же, живущихъ за 200—300 верстъ отъ своего архіерея и принужденныхъ сноситься съ нимъ письменно,—это дѣло немисливое, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время, при упадкѣ христіанскаго благочестія и при неимѣніи духовникомъ руководственныхъ правилъ при исповѣди, недоумѣнные случаи встрѣчаются постоянно, такъ что если обо всемъ и притомъ письменно спрашивать совѣта и разсужденія архіерей-

скаго, то архіерею придется оставить всё дѣла по управленію епархіи и исключительно заняться разсмотрѣніемъ духовническихъ писемъ и отвѣтами на нихъ.

Въ заключеніе мы обращаемся съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ компетентнымъ лицамъ принять на себя трудъ для общей пастырской пользы разъяснить наши недоумѣнія на страницахъ пастырскаго журнала¹⁾. Для этой единственно цѣли мы и рѣшились писать настоящую статью.

Священникъ *Павелъ Руновскій.*

¹⁾ Въ слѣдующемъ номерѣ «Руководства для сельск. паст.» напечатано будетъ разъясненіе заявляемыхъ о. Руновскимъ недоумѣній. Ред.

²⁾ См. № 23-й.

Нужна ли реформа пастырства примѣнительно къ соціально-политическимъ потребностямъ времени ²⁾).

Нельзя скрыть того, что теорія реалистовъ или церковныхъ реаль-политиковъ указанныхъ выше направленій не свободна отъ смѣшенія религіозныхъ и политическихъ элементовъ и что тутъ есть опасность зайти далеко въ этомъ направленіи, ревностно и въ духѣ партіи преслѣдуя стороннія цѣли. Авторъ не прямо отвергаетъ „политическій католицизмъ“; онъ не хочетъ только смѣшивать политическихъ стремленій и интересовъ съ задачами Церкви, точнѣе съ пастырствомъ. Онъ говоритъ: мы убѣждены, что Церковь имѣетъ соціальную миссію и что церковная наука не должна чуждаться изслѣдованія вопросовъ права, политики и политической экономіи; мы признаемъ необходимость значенія ежедневной прессы, защищающей церковныя основы, и, при недостаткѣ пригодныхъ для сего свѣтскихъ лицъ, передаетъ ее въ руки клириковъ. Мы не противъ того, чтобъ духовенство пользовалось своими гражданскими правами и чтобъ въ виду

¹⁾ Въ слѣдующемъ номерѣ „Руководства для сельск. паст.“ напечатано будетъ разъясненіе заявляемыхъ о. Руновскихъ недоумѣній. Ред.

²⁾ См. № 23-й.

полнаго превосходства, какое доставляетъ ему высшее его образованіе и положеніе, давался вѣсь его голосу; мы не хотимъ касаться и полномочій, какія духовенство имѣетъ на участіе въ засѣданіяхъ депутатовъ, хотя не одинъ изъ духовныхъ, засѣдавшихъ въ числѣ депутатовъ, приходилъ, конечно, въ сомнѣніе, умѣстно ли духовному лицу быть въ такомъ обществѣ.

Но мы не будемъ входить здѣсь въ политическія изслѣдованія, а займемся только вопросомъ, не открылись ли въ самомъ дѣлѣ для пастырства, т. е. для самаго церковнаго служенія существенно новыя задачи, не обогатилось ли пастырское богословіе новою отраслью. Отвѣтъ будетъ совершенно отрицательный. Пастырство должно оставаться при прежнихъ своихъ священныхъ обязанностяхъ, и выискивать новыхъ нѣтъ надобности. Кто въ тѣсномъ кругѣ своего дѣйствованія не встрѣчается ни съ какимъ социальнымъ вопросомъ, тотъ не долженъ создавать его; и кто по собственному скромному, по благомысленному сужденію не считаетъ себя способнымъ вдаваться въ социальную жизнь, чтобъ быть устроителемъ, организаторомъ, тотъ тѣмъ не менѣе можетъ достигать цѣлей пастырскаго служенія въ кругу своей должности. Католическое пастырство всегда имѣло въ себѣ сторону, обращенную къ социальной жизни; ему нужно только держаться древнихъ принциповъ, и тогда не будетъ надобности въ такомъ пастырствѣ, которое имѣетъ политическій характеръ, чтобы доставить Церкви центральное положеніе въ христіанскомъ обществѣ.

Это положеніе авторъ основываетъ на слѣдующихъ фактахъ и разсужденіяхъ.

1) Церковь есть социальная сила и имѣетъ социальное назначеніе; но она не имѣетъ своей задачей прямо дѣйствовать на гражданско-общественную жизнь, назначая для этого своимъ служителямъ особую спеціальную миссію. Исторія учитъ напротивъ, что все, что происходило въ этой области полезнаго и бла-

годѣтельнаго, обязано свободной инициативѣ частныхъ членовъ Церкви, духовныхъ или мірскихъ. Существовавшее въ началѣ христіанской Церкви общеніе имущества не принадлежало къ органическимъ установленіямъ церковнаго общества; когда вѣрующіе продавали свои имущества и деньги приносили къ ногамъ апостоловъ на общественное употребленіе, то это было дѣломъ добровольнымъ; даже агапы, долго находившіяся въ связи съ литургическимъ богослуженіемъ, не принадлежали къ неизмѣнной сущности церковнаго порядка. Соборы подавій въ пользу бѣдныхъ палестинскихъ церквей носили характеръ доброй воли. Стремленію къ организаціи въ христіанскомъ обществѣ, о коемъ мы говорили выше, скоро впрочемъ соотвѣтствовалъ и опредѣленный, епископомъ и пресвитерствомъ руководимый порядокъ въ попеченіи о бѣдныхъ, раздаваніе должностнымъ лицамъ приношеній для бѣдныхъ; но это не было налогами или обязательною десятиною, а добровольною жертвою, даже постоянныя учрежденія въ цоркви на служеніе бѣднымъ, напримѣръ институтъ діаконствъ, явились вслѣдствіе добровольныхъ услугъ, предлагавшихся Церкви въ благотворительныхъ учрежденіяхъ всякаго рода. Можно сказать, что всѣ великія и малыя учрежденія, на которыхъ построены величественныя благотворительныя заведенія позднѣйшихъ вѣковъ, произошли отъ частныхъ кружковъ, часто даже помимо оффиціального церковнаго пути. Знаменитые монашескіе мужскіе и женскіе ордена начали свое существованіе независимо отъ іерархическихъ распоряженій; основаніе ихъ встрѣчало даже иногда долгое время прямое противодѣйствіе со стороны церковнаго начальства. И отдѣльные монастыри и скиты, госпитали и больницы появлялись также не вслѣдствіе начальственнаго распоряженія. Ни рыцарскіе, ни монашескіе ордена, ни братства, ни всѣ другія конгрегаціи не были прямыми оффиціальными учрежденіями.

Нельзя отрицать, что монашескіе ордена, какъ бы они ни пазывались и къ какому бы времени ни принадлежали, не безъ

провиденціальної місії були і в направленні до соціальному стану народів. В них вклицені всь форми духовного і тѣлесного милосердія; в нихъ богатство приведено до дѣйствительному его достоинству і указано его собственое назначеніе; в нихъ павперизмъ побѣждень тѣмъ, що бѣдность возвыняеть добродѣтель, а не вытолкнута, какъ в мірѣ, на улицу, на страданія; что чада дома добровольно становятся бѣдными, чтобы бѣдные, лишеныя общественнаго крова, могли жити подь кровомъ Божиимъ. Разнообразнѣйшія культурныя работы начаты в монастиряхъ; школы и образованіе, аграрный вопросъ, промышленность, искусство:—все это имѣеть тѣсную связь съ монастирями; даже на вопросъ о народонаселеніи они имѣли вліяніе принципомъ добровольнаго безбрачія.

Призваніе Церкви до соціальної місії і значеніе благотворительной ея дѣятельности в монашескихъ орденахъ і учрежденіяхъ нисколько не ослабляется тѣмъ, что здѣсь есть і обратная сторона, т. е. нѣкоторые нравственныя, экономическіе і политическіе недостатки, связанныя съ мірскимъ владѣніемъ монастирей, съ свѣтскою властію папъ і т. п. Тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что подь духовною властію хорошо было жити.

Если в новѣйшее время не католики і видять что либо доброе в монашеской жизни, то это именно дѣло благотворительности; если люди, заботящіеся о благѣ бѣдныхъ і угнѣтенныхъ сословій, находятъ поводъ сказать что либо дружелюбное католической церкви, то хвалять дѣйствія Сестеръ Милосердія. Нынѣшнему міру ничѣмъ нельзя такъ зарекомендовать себя, какъ дѣйствіями в области „соціального вопроса“.

И однако остается истиннымъ, что никогда соціальная или практическая сторона дѣятельности не была главнымъ моментомъ і первою і собственною цѣлью такихъ учреждений: здѣсь всегда і вездѣ искали первѣе всего царствія Божія.

Монашескія общества учреждались не для того, чтобы устроиться въ мірѣ и для міра, но чтобы удалиться отъ міра, освободиться отъ мірскихъ заботъ, дабы всецѣло можно было посвятить себя собственному душевному спасенію; цѣль ихъ была чисто духовная и личная. Они не думали заниматься улучшеніемъ соціальныхъ и экономическихъ дѣлъ. Здѣсь все было направлено къ освобожденію души отъ привязанности къ земному, и притомъ на первомъ планѣ у каждаго было спасеніе своей души, монахи не располагали быть миссіонерами, но желали въ уединеніи служить Богу и воспѣвать хвалу Божию. Они не хотѣли также въ началѣ вторгаться и въ задачи клира. С. Францискъ, котораго францискане и кануцины называютъ своимъ „святымъ отцомъ“, не имѣлъ высоко политической идеи капишономъ и принципомъ бѣдности рѣшать соціальныя вопросы и направлять омѣрившуюся іерархію. Основатели монашескихъ орденовъ едва ли думали о томъ, что имъ теперь такъ услужливо подсталиваютъ, именно о высокихъ политическихъ планахъ, о дѣятельности въ міроуправленіи; исходнымъ ихъ пунктомъ, ближайшими ихъ цѣлями были духовныя индивидуальныя; а самую широкою ихъ перспективою была надежда новыми средствами назиданія, дисциплины и аскетизма сохранить многія души отъ мірскаго развращенія.

Въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, можетъ быть, стало начинаться время упадка, когда стали преслѣдовать, кромѣ духовныхъ, еще политическія и соціальныя тенденціи и присвоивать себѣ соціально-политическую силу и значеніе; этимъ въ извѣстной мѣрѣ начиналось искаженіе первоначальнаго принципа.

Еще гораздо менѣе Церковь сама по себѣ могла дѣлать распоряженій, чтобы въ обычномъ пастырствѣ употребляемы были не одни чисто духовныя средства, и такимъ образомъ переступаемъ былъ кругъ чисто духовныхъ интересовъ. Напротивъ все здѣсь было дѣломъ свободной инициативы частныхъ лицъ, религіознаго воодушевленія частныхъ кружковъ. Церковь въ этомъ

отношенія не давала своимъ служителямъ никакихъ законовъ, какъ и вообще здоровыя органическія учрежденія въ социальномъ тѣлѣ происходятъ не вслѣдствіе предписаній. Какъ цехи, гильдіи, ганзейскіе союзы и т. п. образовались не вслѣдствіе бюрократическихъ предписаній закона, такъ монастыри и госпитали появились не въ силу церковныхъ указовъ.

2) Съ свободою связано разнообразіе въ проявленіяхъ благотворительной любви въ Церкви. Нѣтъ здѣсь и принужденія, нѣтъ и шаблоннаго однообразія; право отдѣльной личности выражается въ томъ, что на одномъ и томъ же основаніи христіанской благодатной жизни образуются разныя формы. Каждый великій человѣкъ, давшій имя какому либо учрежденію, миссіи, монастырю, начерталъ на своемъ дѣлѣ нѣкоторыя особенности своей сильной индивидуальности. Не только романтическая прелесть, но и особенная сила заключается въ томъ, что оригинальныя натуры находятъ другъ подлѣ друга свой кругъ дѣйствія, гдѣ каждая по роду своему сторона удовлетворить какой либо нуждѣ времени, сходясь въ одномъ и томъ же церковномъ духѣ и взаимно пополняя себя, какъ напр., пополняютъ другъ друга Францискъ, Доминикъ, Фенелонъ и Боссюетъ. Каждое столѣтіе производило новыя формы богослуженія и благочестія и новыя памятники христіанской любви; но при этомъ оставались древніе порядки. Гдѣ открывалась какая либо нужда, потребность, тамъ устроился монастырь или часовня, безъ измѣненія при этомъ обычныхъ обязанностей монашества; вслѣдъ было первымъ принципомъ сохранять іерархическій порядокъ; но при этомъ довольно оставалось мѣста и свободной дѣятельности и самопожертвованію.

На основаніи этого и теперь предоставляется свободный выборъ дѣятельности различныхъ дарованій и талантовъ. „Дары различны, но Духъ однако тотъ же; и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ

и тотъ же, производящій все во всѣхъ“ (1 Кор. 12, 4—6). Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, иному вѣра, иному дары исцѣленія, иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ. Все же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ“ (ст. 8—11). Такимъ образомъ и теперь пусть каждый дѣйствуетъ по своему дарованію, и церковныя власти пусть предоставляютъ каждому занимать надлежащее мѣсто по индивидуальнымъ его способностямъ, пусть мудро руководятъ его, защищаютъ и поддерживаютъ; тогда одинъ будетъ учить, другой назидать, третій писать, четвертый дѣйствовать, какъ ораторъ, иной-же скромно будетъ искать душъ и утѣшать ихъ въ таинствахъ исповѣди и на одрѣ болѣзни; и можетъ быть сокровенная дѣятельность этого послѣдняго и есть самая благодѣтельная. Можетъ быть нѣкоторые изъ этого сдѣлаютъ изъ перечисленнаго и многое или и все; ибо одно тамъ не исключаетъ другаго. Однако non omnia possumus omnes.

3) Благодать, какъ и природа, дѣйствуетъ малѣйшими средствами, спокойно, тихо, внутренно. Изъ маленькихъ пылинкокъ образуются громаднѣйшія тѣла, капля росы или дождя должна разложиться на малѣйшіе атомы, прежде чѣмъ доставить пищу и освѣженіе растенію. Такъ и въ царствѣ благодати великія дѣйствія происходятъ отъ малыхъ вещей, безъ шума и блеска; что растетъ, не производитъ крика. Поэтому не должно считать маловажными тѣхъ средствъ пастырства, которыя при шумной и блестящей официальной дѣятельности кажутся малыми и невидными. Богъ употребляетъ людей для осуществленія своихъ плановъ на землѣ; но для этого Онъ не нуждается необходимо въ великихъ людяхъ; Ему лучше всего часто служить малые, въ тишинѣ дѣйствующіе. Нельзя смѣшивать съ земнымъ величіемъ того, что велико въ царствѣ духа, будутъ ли это мужчины и женщины, будутъ ли это человѣческіе планы или дѣйствія. Что оставляетъ на землѣ широкіе и глубокіе слѣды, не велико по одному только этому и въ очахъ Божіихъ.

Дѣйствіе пастыря не можетъ быть насильственнымъ. Благодать предполагаетъ свободу; кто не хочетъ, того не принуждаютъ. Не должно такимъ образомъ за другихъ думать, заботиться и дѣйствовать, чтобы ихъ самихъ освободить отъ мыслей, заботъ и дѣйствій. Соціальныя предпріятія должны выходить изъ инициативъ тѣхъ круговъ, которые чувствуютъ въ этомъ потребность и ожидаютъ отъ этого пользы; Церковь здѣсь можетъ идти впередъ съ своимъ руководствомъ, указаніями, но не съ повелѣніями и постановленіями.

4) Что не достигается въ царствѣ духа чисто духовными и специфически пастырскими средствами, то рѣдко хорошо удается сдѣлать средствами свѣтской власти, общества или умѣнья. О такихъ средствахъ, которыя не выдерживаютъ пробы предъ христіанскимъ нравственнымъ закономъ, не должно быть и рѣчи. Но есть свѣтская мудрость, куреъ которой нынѣ, какъ кажется, стоитъ вездѣ слишкомъ высоко и которую Апостолъ называетъ плотскою мудростію (2 Кор. 1, 12). Занятіе политикою портитъ чувства правдивости, откровенности и вѣрности и приводитъ къ макіавеллистическимъ міровоззрѣніямъ. Если бы эти основы приняты были и въ катихизисъ клерикальной политики, то онѣ доставили бы одинъ только вредъ и посрамленіе. И вы бы во всякомъ случаѣ не могли сравниться съ свѣтскою политикою, потому что чада міра сего всегда будутъ умнѣе чадъ свѣта (Лук. 16, 8); мудрость змін тогда только свойственна христіанину, когда подлѣ нея стоитъ и голубиная простота (Мат. 10, 16).

Пастырь потому уже имѣетъ опредѣленный ему кругъ дѣйствія, что принадлежитъ къ особому званію. Тамъ, гдѣ онъ выступаетъ изъ своего званія, становится на чуждую почву, дѣйствуетъ неувѣренно, терлетъ свой авторитетъ и встрѣчаетъ и вступаетъ въ общество, соприкосновеніе съ коимъ весьма часто вредитъ духовному характеру. Одинъ древній индійскій мудрецъ сказалъ: „На чужомъ мѣстѣ легко можетъ побѣдить и

малый врагъ, небольшой крокодилъ въ водѣ осливаютъ даже слона“. Границы іерархическаго порядка имѣютъ свое доброе основаніе и поставлены на защиту духовенства. Міряне не должны также вторгаться въ эти границы; они не могутъ на долго переносить близость духовныхъ; ибо они попытаются или духовныхъ перетянуть къ себѣ и нѣкоторымъ образомъ унижить, или же присвоить себѣ власть въ церкви и надъ духовными. Но не міряне должны управлять въ Церкви; они должны молчать въ церкви, особенно женщины (1 Кор. 14, 34), о которыхъ сатирикъ говоритъ: „женщины даже въ церкви, чтобы ни въ чемъ не быть согласными съ мужчинами, поютъ октавою выше“.

Если изъ сказаннаго сдѣлать выводъ, то онъ будетъ состоять не въ томъ, что пастырство не должно имѣть отношенія къ социальному вопросу и что пастыри должны отказаться отъ содѣйствія къ разрѣшенію его. Мы не хотимъ колебать никакого твердо стоящаго общепользнаго дѣла, изводить силу до бездѣтельности, подрывать увѣренность въ успѣхѣхъ. Необходимо только установить правильную мѣру; и эта мѣра заключается въ примѣненіи къ церковно-іерархическому порядку, который какъ на личность пастыря налагаетъ сумму обязанностей и отношеній его званія, такъ и должности его даетъ совершенно определенное содержаніе и объемъ. Пастырь никогда не долженъ выступать изъ предѣловъ обязанностей и правъ своего званія и вмѣшиваться въ интересы, которые враждебно сталкиваются съ непосредственными цѣлями пастырства, съ ученіемъ и жизнью, которые онъ проповѣдуетъ въ церкви и школѣ.

Но что касается самаго пастырства, то оно по правильному его пониманію всегда сохраняло въ себѣ элементъ, принадлежащій социальной этикѣ; оно никогда не ограничивалось только служеніемъ слова или обрядностію; первообразомъ ему былъ евангельскій добрый Пастырь, ищущій заблудныхъ и погибшихъ овецъ, Господь Іисусъ, Который сначала напиталъ алчущихъ тѣлесною, а потомъ духовною пищею, сначала исцѣлялъ тѣлесныя, а по-

томъ душевныя болѣзни, и Который во всѣхъ нуждахъ оказывалъ состраданіе (Евр. 4, 15); правиломъ его было всегда подтверждать слова дѣйствіями, видимыми доказательствами любви. Поэтому для католическаго пастырства не ново и не чуждо то, что у протестантовъ называется „внутреннею миссіею“ и что въ качествѣ новаго элемента хотѣтъ присоединить къ задачамъ церковнаго служенія. Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ организованное служеніе христіанской благотворительности среди низшихъ классовъ народа, собраніе расточенныхъ особенными средствами наставленія и состраданія къ духовно и тѣлесно нуждающимся ближнимъ. Дѣло это, говорю, не новое, хотя средства, нами употребляемыя, и различны, смотря по положенію дѣла. У насъ никогда не было такой теоріи пастырства, по которой, для удержанія немногихъ избранныхъ оставляли безъ вниманія, какъ *massam damnationis*, низко стоящихъ въ социальномъ и нравственномъ отношеніи, поэтому намъ нѣтъ надобности теперь только начинать свои заботы и о послѣднихъ. Но у насъ также нѣтъ и теоріи, которая учила бы, что „внутреннюю миссію“ можно и должно совершать только среди низшихъ классовъ. Справедливѣе было бы эту миссію направлять къ высшимъ сословіямъ. Если намъ не удастся подчинить вліянію церковнаго пастырства и высшіе классы общества, внушить важность религіи „знатымъ и образованнымъ“, уничтожить безнравственность и проявленія невѣрія и беззаконія въ господствующихъ классахъ, то мы не разрѣшимъ ни религіознаго, ни социальнаго вопроса. Гораздо лучше мы достигнемъ этой цѣли обыкновенными средствами пастырства, чѣмъ искусственными средствами миссіи.

Такому нормальному пастырскому дѣйствію недостаетъ быстрого блестящаго эффекта; а нынѣшній вѣкъ характеризуется поспѣшнымъ, нетерпѣливымъ, забывающимъ, что нужно умѣть ожидать. Нѣкоторые недостатки времени исцѣляются сами собою, медленно, незамѣтно, спасательными средствами, которыя лежатъ въ доброй сторонѣ человѣческаго общества; другихъ же хотя

нельзя исцѣлить, но нужно переносить; съ самыми лучшими желаніями нельзя удержать всего, что падаетъ, и кривое сдѣлать прямымъ. Если человѣкъ не хочетъ спастись, не спасеть его и Самъ Богъ.

Мы ожидаемъ спасенія человѣческому обществу отъ христіанской Церкви, и поэтому ей мы указываемъ высокія и трудныя задачи. И мы хотимъ, чтобы служители Церкви не оставляли безъ вниманія „соціального вопроса“ и чтобы изучающіе богословіе возвышались до обладанія общимъ образованіемъ, которое даетъ имъ возможность понять истинныя нужды нынѣшняго общества, чтобы дѣйствовать каждому по мѣрѣ своихъ силъ и по нормѣ своего призванія. Но мы ожидаемъ возрожденія общества больше отъ обычныхъ нормальныхъ дѣйствій паствырства, чѣмъ отъ чрезвычайныхъ средствъ, заимствованныхъ у мірской мудрости; больше отъ поученія о христіанскихъ добродѣтеляхъ въ семьѣ и обществѣ, чѣмъ отъ политическихъ дѣйствій и соціаль-этическихъ экспериментовъ. Мы не отвергаемъ какъ государственныхъ, такъ и церковныхъ средствъ закона и дисциплины, которыя удерживаютъ зло въ границахъ и укрощаютъ необузданность и которыми слабые должны быть защищаемы отъ сильныхъ; но мы больше цѣнимъ великое положительное доброе дѣло, которымъ въ спасенной душѣ устрояется христіанская добродѣтельная жизнь. Высочайшимъ правиломъ для насъ служить слова Апостола: „побѣждай благимъ злое“ (Рим. 12, 21).

Проповѣдническое обозрѣніе.

Когда мы еще въ первый разъ брались за перо, чтобы написать обозрѣніе проповѣдей за прошлый 1883 годъ, то, пересматривая съ этою цѣлію кинны епархіальныхъ вѣдомостей, интересовались между прочимъ небольшою замѣткою „сельскаго священника N“: „Взглядъ крестьявъ на изуѣстную проповѣдь“. Соз-

наемся, мы были очень неприятно поражены парадоксальностью мыслей, проводимых въ этой замѣткѣ. А между тѣмъ она въ свое время была замѣчена очень многими; къ ней, какъ видно, отнеслись даже съ явнымъ сочувствіемъ, потому что вскорѣ же послѣ появленія своего на столбцахъ Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей она была перепечатана въ нѣсколькихъ періодическихъ духовныхъ изданіяхъ. Фактъ, по нашему мнѣнію, не совѣтъ отрадный. Но тогда мы съ своей стороны ничего не сказали по поводу указанной замѣтки, оставляя это до болѣе удобнаго времени. Теперь время это, кажется, пришло.

„Сельскій священникъ N“, судя на основаніи замѣтки¹⁾), принадлежитъ къ числу довольно ревностныхъ служителей слова. Поступивши на приходъ, онъ тотчасъ-же энергически принялся за дѣло проповѣдничества и не оставляетъ его до послѣднихъ дней, видя „во очію“ благіе плоды трудовъ своихъ. Но на первыхъ порахъ, отчасти подъ вліяніемъ школы, отчасти же и на основаніи личныхъ теоритическихъ соображеній, „сельскій священникъ N“ выступалъ предъ прихожанами—крестьянами исключительно только съ проповѣдями своего собственнаго сочиненія, не рѣдко даже съ импровизаціями, въ твердомъ и—добавимъ отъ себя—вполнѣ справедливомъ убѣжденіи, что свое слово, „огненное и живое, вылившееся прямо изъ сердца“, болѣе соотвѣтствуетъ истиннымъ цѣлямъ церковнаго проповѣдничества и нравственной пользѣ слушателей, чѣмъ произнесеніе поученій изъ книги. Онъ такъ разсуждалъ: „еслибы изустная проповѣдь не заключала въ себѣ всѣхъ условій для благопріятнаго воздѣйствія на слушателей..., еслибы она не имѣла всѣхъ преимуществъ предъ книжною, то развѣ преподаватели гомилетики и другія лица стояли бы такъ горячо за нее?“ Чтеніе поученій изъ книги проповѣдника нашъ „безусловно отвергалъ, оуждалъ я признавалъ оное мало или даже вовсе бесполезнымъ, а для личности проповѣдника

¹⁾ Литовск. епарх. вѣдом. 1883 г., № 37, 336—337.

даже унижительнымъ“. Такъ воль онъ дѣло церковнаго учительства въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока одинъ „счастливый случай“ не измѣнилъ радикальнымъ образомъ взгляда его на простонародное проповѣдничество. Бесѣда съ батракомъ, высказавшимъ сужденія крестьянъ объ изустной проповѣди своего батюшки и „тщательныя справки“ самого батюшки о таковыхъ ихъ сужденіяхъ окончательно убѣдили его въ совершенной бесплодности для простаго народа изустной церковной проповѣди: „то батюшка самъ отъ себя говоритъ“, а не отъ божественнаго писанія. И нашъ проповѣдникъ „искренно посмѣялся и вмѣстѣ пожалѣлъ о своихъ многолѣтнихъ усиліяхъ и трудахъ надъ составленіемъ проповѣдей и произнесеніемъ ихъ экспромтомъ крестьянамъ. Съ тѣхъ поръ“ онъ „бросилъ свои рукописи, и онѣ лежатъ теперь покрытыя пылью“. Шесть лѣтъ уже послѣ того „сельскій священникъ N“, по его словамъ, не проповѣдуетъ своимъ прихожанамъ иначе, какъ только читая по книгѣ чужія поученія, иногда впрочемъ съ собственными прибавками и нужными измѣненіями,—и крестьяне съ жадностью слушаютъ каждое слово, каждую фразу поученія.

Никто не станетъ, конечно, возражать, что наши крестьяне по состоянію своего развитія дѣйствительно гораздо болѣе довѣряютъ книжному слову, нежели самому блистательному экспромту, видя въ первомъ священное, божественное ученіе, а въ послѣднемъ обыденное человѣческое слово, произносимое ex officio, по долгу службы. Можно отчасти, пожалуй, согласиться и съ тѣмъ, что „священникъ, читающій поученіе народу изъ книги, имѣетъ несравненно болѣе шансовъ на довѣріе къ себѣ и успѣхъ проповѣди, нежели говорящій оное изустно, со всѣми ораторскими приѣмами“. Но слѣдуетъ ли отсюда, что самостоятельная проповѣдь должна быть совершенно изгнана изъ сельскихъ проповѣдей? Крайность очевидная. Ограничивать простонародную проповѣдь однимъ лишь прочитываніемъ печатныхъ поученій, хотя бы то „иногда съ собственными прибавками и нужными измѣненіями“,

не возможно уже даже по одному тому, что жизнь несравненно богаче книги, и книга никогда не может дать отвѣта на все запросы жизни. Волей-неволей проповѣднику придется прибѣгать—и прибѣгать довольно часто—къ собственному „пустому словонизверженію“, какъ величаетъ самостоятельныя простонародныя проповѣди умудренный практическимъ опытомъ „сельскій священникъ N.“ Да и можетъ-ли мертвая книга вполне замѣнить „живое, огненное слово“, выливающееся прямо изъ сердца проповѣдника? Никогда.—Не почитать на чужихъ проповѣдяхъ, а учиться изъ нихъ,—не опускать руки при первой же неудачѣ, а мужественно противостать всемъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ долженъ истинный пастырь словеснаго стада Христова. „Обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ“, сказалъ великій сердцецвѣдецъ св. апостоль Павелъ,—и намъ-ли препираться съ нимъ?

Оставляя на совѣти „сельскаго священника N“ замѣтку его о простонародной изустной проповѣди, отсылаемъ его и его единомышленниковъ къ неизвѣстному проповѣднику самарской епархіи, съ поученія котораго мы и начинаемъ свое настоящее обозрѣніе „сельскихъ“ проповѣдей. Этотъ проповѣдникъ до-нельзя просто, практически рѣшилъ роковой для „сельскаго священника N“ вопросъ и блестятельно примирилъ требованія священническаго пастырскаго служенія съ требованіями—скажемъ ужъ такъ—крестьянской неразвитости. „Выхожу къ вамъ, возлюбленные,—такъ начинается онъ свое поученіе въ недѣлю 26 по Пятидесятницѣ,—съ Христовымъ Евангеліемъ въ рукахъ. Помолившись вмѣстѣ съ вами, желаю выѣстѣ съ вами и поучиться у Божественнаго Учителя, Господа и Спасителя нашего Ісуса Христа. Намъ, православнымъ, нужно и молиться Ему и учиться у Него, какъ молились и учились тѣ святые угодники, образа которыхъ стоятъ предъ нами въ нашихъ священныхъ церквахъ. Поучимся же у Самого Христа посредствомъ святаго Евангелія, нынѣ разъ уже прочитаннаго предъ вами діакономъ, по чину литургіи. Теперь я

опять повторю это чтеніе, чтобы какъ можно внимательнѣе вы его выслушали и болѣе имъ воспользовались“¹⁾.—Затѣмъ проповѣдникъ читаетъ предъ слушателями, стихъ за стихомъ, вседневное евангеліе, сопровождая это чтеніе соответственными краткими объясненіями. Дойдя до заключительнаго стиха: „такъ собирай себѣ, а не въ Бога богатѣя“, проповѣдникъ, по требованію состоянія своей паствы, останавливается по-дольше на немъ, какъ притомъ же „на главномъ урокъ, сегодня намъ заданномъ (Ѳ) нашимъ Спасителемъ и Учителемъ,—и собственно на этомъ стихѣ построитъ все свое поученіе.—Вотъ вамъ и самостоятельная изустная проповѣдь и книга, каждое слово которой служить непререкаемымъ авторитетомъ не для однихъ только полуграмотныхъ крестьянъ, а и для людей самыхъ образованныхъ! Хотѣлось бы намъ, чтобы прочитавшіе замѣтку „сельскаго священника N“: „Взглядъ крестьянъ на изустную проповѣдь“, прочитали и только что приведенныя нами строки изъ поученія и о поученіи неизвѣстнаго проповѣдника самарской епархіи, указанному приему котораго отъ всей души и отъ всего сердца желаемъ—да и можно-ли не пожелать?—самаго широкаго развитія и повсемѣстнаго примѣненія!

Съ чувствомъ искренняго удовольствія остановимся въ настоящемъ обзорѣнн еще на рѣчи свящ. Ст. Ильичевича о необходимости посылать въ школу дѣвочекъ,—поученіи свящ. М. Чефранова о томъ, что „семейные раздѣлы составляютъ немаловажную причину народной бѣдности,—поученіи свящ. А. Геликонова о томъ-же предметѣ,—поученіи свящ. И. Веселицкаго „по случаю празднованія св. иконамъ, прибывшимъ изъ монастырей Вятскаго Успенскаго и Слободскаго Крестовоздвиженскаго“,—поученіи (свящ. П. Смирнова?) на новый годъ и поученіи свящ. П. Алейникова въ недѣлю о блудномъ сынѣ.

¹⁾ Самарск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 3, стр. 49.

Уже 16 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ приходѣ о. Ильашевича впервые заведено было школьное обученіе, и крестьяне, отчасти слѣдуя наставленіямъ и убѣжденіямъ своего пастыря, отчасти же видя практическую пользу грамотности въ сельскомъ быту, съ охотою посылали въ приходскую школу своихъ мальчиковъ. Теперь было построено новое, болѣе обширное и удобное зданіе для школы. О. Ильашевичъ въ самый день освященія этого новаго зданія и выступаетъ предъ своими прихожанами съ горячею и прочувствованною рѣчью о необходимости посылать въ школу не мальчиковъ только, но и дѣвочекъ. — „Оставьте дѣтей и не возбраняйте имъ прійти ко Мнѣ: таковыхъ бо есть царство небесное“ (Матѣ. 19, 14), сказалъ однажды Христосъ Спаситель св. ученикамъ Своимъ, не допускавшимъ къ Нему дѣтей. Исходя изъ этихъ словъ Спасителя, проповѣдникъ на первомъ планѣ ставитъ и рѣшаетъ вопросъ, гдѣ-же нынѣ Христосъ - Господь? На землѣ Онъ прежде всего въ св. храмѣ, а затѣмъ въ христіанской православной школѣ, которая есть ближайшая помощница церкви въ дѣлѣ религіозно - нравственнаго воспитанія челоуѣка, „есть въ нѣкоторомъ смыслѣ храмъ ученія Христова“, гдѣ слышится святое Его евангельское слово. Поэтому словами Своими: „не препятствуйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ: таковыхъ бо есть царство небесное“ Спаситель какъ бы такъ говорить въ приложеніи къ нашему времени: не препятствуйте дѣтямъ входить въ благодатное общеніе со Мною какъ во св. храмѣ, такъ и въ православной школѣ. Но только-ли однихъ мальчиковъ надобно посылать въ школу, какъ это по настоящее еще время практикуется во многихъ нашихъ селахъ и какъ практиковалось доселѣ въ приходѣ о. Ильашевича? Далеко нѣтъ. Въ школьномъ религіозно - нравственномъ обученіи не менѣе сыновей нуждаются и наши дочери. „Пора, возлюбленные, — убѣждаетъ проповѣдникъ, — хорошенько подумать намъ о нашей женщинѣ!... Душа у ней такая же, какъ и у мужчины: душа женщины такъ же голодаетъ и жаждетъ образованія, такъ же бо-

лѣтъ и чахнетъ отъ невѣжества, такъ-же требуетъ себѣ духовной пищи, какъ требуетъ ея для своего питанія и душа мужчины. — Разумная молитва, правильное ученіе о Богѣ, о мірѣ, о долгѣ и чести такъ же необходимы и нашимъ дочерямъ, какъ необходимы онѣ и сыновьямъ, такъ-же полезны нашимъ женамъ, какъ полезны онѣ и мужьямъ; такъ-же спасительны для нашихъ матерей, какъ спасительны и для отцовъ. Всѣ мы знаемъ, что Христосъ въ числѣ слушателей Его св. ученія имѣлъ и женщинъ, которые всюду сопутствовали Ему, слушали Божественное ученіе Его, какъ слушали оно и мужчины. И при апостолахъ, когда начала распространяться св. Церковь Христова, женщинъ былъ открытъ доступъ въ нее наравнѣ съ мужчинами. И нынѣ женщина наравнѣ съ мужчинами имѣетъ безпрепятственный входъ въ храмъ Господень, наравнѣ съ мужчинами пользуется правомъ слушанія Слова Божія и участвуетъ въ св. таинствахъ. Почему-же нашей женщинѣ наравнѣ съ мужчинами не дать мѣста и въ школѣ, дабы, при помощи грамоты, познала она величіе Бога, Творца и Искупителя своего, разумнѣе научилась вѣровать въ Него и свято хранить святой Его законъ?¹⁾ Чтобы еще болѣе убѣдить своихъ прихожанъ въ необходимости посылать дѣвочекъ въ школу, проповѣдникъ указываетъ на примѣръ Богоотроковицы Маріи, вызываетъ къ родительскому чувству отцовъ и матерей, желающихъ добра равно и сыновьямъ и дочерямъ своимъ, — разбиваетъ ходячій въ народѣ софизмъ о малопригодности будто бы школьнаго обученія: „мы вотъ и не учились, а живемъ“, — наконецъ показываетъ въ историческихъ примѣрахъ высокое и важное значеніе хорошей матери въ жизни семьи вообще и главнымъ образомъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Проповѣдникъ на этомъ не останавливается. Не пуская дѣвочекъ въ школу, крестьяне оправдываются обыкновенно недостаткомъ времени у дѣвочекъ и необходимаго, при посѣщеніи школы „болѣе или ме-

¹⁾ Полт. епарх. вѣдом. 1884 г., № 3, стр. 134 — 135.

нѣе сноснаго платья и обуви. Проповѣдникъ находитъ время, указываетъ также и удобный для всякаго способъ отложить лишнюю копѣйку на улучшеніе платья и обуви будущей ученицы.

О семейныхъ раздѣлахъ, какъ одной изъ немаловажныхъ причинъ народной бѣдности—сказали мы—у насъ подъ руками два поученія—поученіе свящ. М. Чефранова и поученіе свящ. А. Геликонова. Отдавая должную дань поученію послѣдняго, мы тѣмъ не менѣе поученіе о. Чефранова склонны поставить нѣсколько выше. Въ немъ цѣльнѣе, обстоятельнѣе, ярче и живѣе раскрытъ предметъ, нежели въ поученіи о. Геликонова, въ которомъ самому изслѣдованію въ видѣ приступа предшествуетъ еще,—довольно впрочемъ кстати,—изложеніе евангельской притчи о блудномъ сынѣ (поученіе произнесено было въ недѣлю о блудномъ сынѣ).—О. Чефрановъ съ первыхъ же строкъ своего поученія высказываетъ тему его и непосредственно вслѣдъ за тѣмъ приступаетъ къ наглядному раскрытію ея. Сначала проповѣдникъ рисуетъ картину довольства и изобилія во всемъ въ многочисленной и дружной семьѣ, подчиняющейся одной разсудливой главѣ. Но завелась ссора въ семьѣ, возникло недовѣріе одного къ другому, повлекшее за собою окончательный раздѣлъ. Прежде богатое и во всѣхъ отношеніяхъ примѣрное семейство дало теперь обществу сразу нѣсколько, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе впадающихъ въ нищету, членовъ. „Отъ чего-же,—продолжаетъ проповѣдникъ,—когда жили вмѣстѣ, жили богато, а когда раздѣлялись—бѣдно? Очень просто. Случился, напр., сходъ, пріѣхалъ старшина или другой какой начальникъ, требуютъ громаду, нужно чинить огороды, поправлять дороги и т. п. И вотъ для одного дѣла идутъ всѣ работники на цѣлый день, если не больше, тогда какъ прежде ходилъ для этого одинъ, а прочіе занимались по хозяйству дома. Или: нужно идти на работы, опять отправляются туда всѣ наши работники, а домашнее хозяйство оставляется и разстраивается, потому что некому ни пахать, ни косить, ни молотить, вслѣдствіе этого и хлѣба

собирается меньше, чѣмъ у другихъ; нужно покупать хлѣбъ, потому что своего не хватило. Подати заплатить нечѣмъ, нужно вести послѣднюю корову со двора, если только она есть, а нѣтъ, такъ одежду подѣ закладъ или землю за безцѣнокъ богачу. Но если у одинокаго и хлѣба подрошло, то и тутъ не лучше выйдетъ. Хлѣбъ есть, а денегъ нѣтъ заплатить подать. И вотъ волей неволей до поры до времени нужно молотить и продавать по самой дешевой цѣнѣ, а къ веснѣ смотришь и не достало хлѣба, нужно покупать въ три-дорога. За что ни возмись, у одинокаго все какъ-то не спорится да не ладится. Одинокій какъ-будто мотается (мечется?) и работаетъ больше, а работы все не видно. Вообще одинокому плохо жить во всѣхъ отношеніяхъ. А если онъ подвергнется какому-нибудь несчастію, напр. болѣзни, падежу, пожару, тогда совсѣмъ бѣда ему,—совершенная нищета постигаетъ его¹⁾. Въ виду всего этого проповѣдникъ и убѣждаетъ многосемейныхъ жить въ мирѣ, любви и полномъ согласіи, избѣгая по возможности раздѣловъ, какъ великаго зла въ крестьянскомъ быту. А такъ какъ причиною раздѣловъ въ большинствѣ случаевъ служатъ обыкновенно ссоры и дразги между невѣстками, то проповѣдникъ обращается съ словомъ наставленія и къ этимъ послѣднимъ, подкрѣпляя и оживотворяя свои наставленія примѣрами изъ житій святыхъ.

О. Геликоновъ нѣсколько глубже, повидимому, взглянулъ на дѣло. У него проведена между прочимъ мысль о пагубности раздѣловъ и въ религіозно-нравственномъ отношеніи. „Трудно отдѣлившемуся сыну,—говоритъ онъ,—быть и добрымъ христіаниномъ. Будучи постоянно занятъ домашнимъ дѣломъ, онъ рѣдко можетъ выбрать время придти въ храмъ Божій помолиться; нынѣ некогда, завтра тоже, а тамъ и совсѣмъ потерялъ охоту и усердіе къ храму Божию. Не имѣя за собою родительскаго надзора, отдѣлившійся сынъ скоро привыкаетъ къ разсѣянности, праздно-

¹⁾ Курск епарх. вѣдом. 1884 г., № 4, стр. 42.

сти и другимъ порокамъ; легко и удобно находить себѣ друзей и пріятелей, съ которыми проводить время въ пьянствѣ и разгулѣ“¹⁾).

Поученіе свящ. И. Веселицкаго написано на текстъ: „Рече Господь: возмите яго Мое на себе и научитесь отъ Мене... и обращете покой душамъ вашимъ“ (Матѣ. 11, 29). Въ высшей степени простое и общедоступное по изложенію, оно, на основаніи примѣровъ изъ житій святыхъ, прекрасно рѣшаетъ важный и интересный вопросъ о томъ, можно-ли спастись въ мірѣ? Не умѣсты только такіа выраженія, какъ „горнило испытанія и очищенія совѣсти“²⁾ и под.: крестьяне ихъ не поймутъ.

Поученіе (свящ. П. Смирнова?) на новый годъ³⁾ направлено исключительно къ обличенію суевѣрныхъ новогоднихъ гаданій, вредно отзывающихся на экономическомъ быту и нравственности народной. Изъ числа этихъ гаданій проповѣдникъ останавливается главнымъ образомъ на гаданіи объ урожаѣ и гаданіи о будущей судьбѣ. Первое гаданіе производится слѣдующимъ образомъ. На канунѣ новаго года на перекресткѣ дорогъ ставится колосъ; если къ утру колосъ покроется инеемъ, годъ будетъ урожайный, не покроется инеемъ—быть неурожаю. Проповѣдникъ объясняетъ слушателямъ физическія причины осаживанія инея на колосъ и пастырски обличаетъ суевѣрный обычай, показывая весь вредъ его для народнаго хозяйства. Такому же пастырскому обличенію подвергаетъ онъ и гаданія о будущей судьбѣ, производящіяся посредствомъ подслушиванія у оконъ чужихъ домовъ и у церковныхъ дверей (въ полночь противъ новаго года).

Поученіе свящ. П. Алейникова въ недѣлю о блудномъ сынѣ⁴⁾ производитъ также очень недурное впечатлѣніе. Въ немъ факты выхватываются прямо изъ жизни, наставленія даются са-

¹⁾ Пенз. епарх. вѣдом. 1884 г., № 4, прил. стр. 11.

²⁾ Вятск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 3. стр. 64.

³⁾ Пенз. епарх. вѣдом. 1884 г., № 3. прил. стр. 1—6.

⁴⁾ Таврич. епарх. вѣдом. 1884 г., № 4. стр. 191—195.

мыя благопотребныя для прихожанъ о. Алейникова въ настоящую минуту. Но въ литературномъ отношеніи поученіе не состоятельно. Въ немъ нѣтъ единства мысли. Оно слишкомъ рѣзко распадается на двѣ равныхъ части, связанныхъ одна съ другою совершенно механически. Это не поученіе, а бесѣда—и бесѣда по формѣ своей въ полномъ смыслѣ пастырская, бесѣда отца съ дѣтьми.

Къ менѣе удачнымъ простонароднымъ поученіямъ должно отнести поученіе свящ. М. Чефранова въ день Срѣтенія Господня, отчасти поученіе свящ. П. А-скаго противъ сектантовъ, отвергающихъ храмъ Божій, и поученіе свящ. В. Образцова противъ пьянства.

Поченіе свящ. М. Чефранова въ день Срѣтенія Господня сильно грѣшитъ самою темою своею—о томъ, что „не должно проводить всю земную жизнь въ однихъ только удовольствіяхъ да радостяхъ“¹⁾. Тема, какъ видите, выбрана болѣе чѣмъ не удачно. Гдѣ это въ самомъ дѣлѣ у насъ на Руси о. Чефрановъ открылъ такихъ крестьянъ, которые стараются „проводить всю земную жизнь въ однихъ только удовольствіяхъ да радостяхъ“?

Поченіе свящ. П. А-скаго, при довольно значительномъ объемѣ своемъ, является какимъ-то жидкимъ по содержанію и—что самое главное—рѣзкимъ по тону. „Держкіе вѣроучители“, „жалкіе послѣдователи“ и т. п. неслестные эпитеты, которыми чествуютъ проповѣдникъ противниковъ, въ обиліи разеяны по всему поученію²⁾. Дѣло проповѣдника не карать, а кротко обличать, умолять, вразумлять и наставлять. Спокойствіе тона и сдержанность въ выраженіяхъ—самыя важныя качества въ обличительныхъ и полемическихъ поученіяхъ. Безъ нихъ поученіе не будетъ поученіемъ, а хлесткимъ памфлетомъ.

¹⁾ Курск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 3. стр. 134—137.

²⁾ Кавк. епарх. вѣдом. 1884 г., № 5. стр. 183—190.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи поученіе свящ. В. Образцова противъ пьянства вполне удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ гомилетикою къ обличительнымъ поученіямъ. Проповѣдникъ не столько обличаетъ слушателей, сколько съ чисто отеческою любовію и ласкою умоляетъ ихъ оставить сильно укоренившійся въ средѣ ихъ порокъ. Но существенный недостатокъ поученія о. Образцова заключается въ большомъ обиліи простонародныхъ, нерѣдко вульгарныхъ выраженій, роняющихъ въ глазахъ слушателей священное достоинство церковной катедры и низводящихъ самую церковную проповѣдь на степень простой бесѣды гдѣ нибудь на завалинкѣ крестьянской избытки¹⁾. Чистота и строгость языка—одно изъ существеннѣйшихъ требованій отъ церковной проповѣди. Нечего и говорить поэтому, какую важную ошибку допустилъ одинъ изъ проповѣдниковъ литовской епархіи,—имени его мы не назовемъ,—настолько пренебрегшій этимъ требованіемъ, что употребилъ въ своемъ поученіи слово „дрякъ“, которое и въ обыкновенной бесѣдѣ непріятно поражаетъ нашъ слухъ, какъ слово бранное, стоящее чуть не на одной ступени съ такъ называемыми „гнилыми“ словами.

Г. Булашевъ.

¹⁾ Волог. епарх. вѣдом. 1884 г., № 3, стр. 55—60.

Годъ

XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубль, съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 25.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Іюня 17-го.

Содержаніе: Пастырское служеніе по письмамъ св. Исидора Пелусіота.—
Къ статьѣ: „Недоумѣнные вопросы касательно дѣйствій духовника при
совершеніи неповѣди“.—Обязанности, налагаемыя на православнаго
пастыря его социальнымъ положеніемъ.

Пастырское служеніе по письмамъ св. Исидора Пелусіота.

IV. Обязанности пастыря. Священство есть удѣлъ добро- дѣтели.

Указывая на высоту священническаго служенія, доступнаго
лишь избраннымъ лицамъ, св. Исидоръ разъяснялъ своимъ совре-
менникамъ обязанности пастыря, налагаемыя на него священствомъ,
по исполненіи которыхъ можетъ быть достигнута главная цѣль
священства—спасеніе пасомыхъ. Эти обязанности относятся частію
къ самому пастырю, частію къ паствѣ и къ богослуженію. Изъ
числа первыхъ самою общемою и необходимою обязанностью пастыря
Исидоръ считаетъ стремленіе къ нравственному совершенству
вообще, слагающемуся изъ многихъ частныхъ добродѣтелей.

Второю общею обязанностію пастыря, неразрывно связанною съ первою, Исидоръ считаетъ учительство. Къ сужденіямъ Пелусіотъ вообще о нравственномъ совершенствѣ и учительствѣ пастырей при-
мыкають и его сужденія о частныхъ добродѣтеляхъ священника и порокахъ, несовмѣстимыхъ съ пастырскимъ служеніемъ. Остановимся сначала на ученіи Исидора о добродѣтели вообще, какъ необходимомъ условіи для приобрѣтенія священства, и о пастырскомъ учительствѣ.

Изъ многихъ писемъ св. Исидора видно, что въ его время церковный клиръ со стороны своихъ нравственныхъ качествъ не удовлетворялъ высотъ своего служенія и вызывалъ со стороны общества рѣзкія и справедливыя нареканія. Составилось даже убѣжденіе, что священство уже не будетъ вѣрною хорошимъ людямъ, какъ потому, что хорошихъ людей вытѣсняють изъ клира дурные члены его, такъ и потому, что доблестные люди не рѣшаются искать священства тѣми путями, какими приобрѣтають его дурные люди. Эти послѣдніе вторгались въ клиръ набѣгомъ, по выраженію Исидора (5, 370), покидая священство доньгами, лостью и ласкательствомъ (5, 276), а не приближаясь къ нему длиннымъ путемъ добродѣтели и долговременныхъ трудовъ (5, 379). Ясно было, что какъ продававшіе священство, такъ и покупавшіе его утратили понятіе о высотѣ священническаго служенія и о томъ, какимъ людямъ оно должно быть предоставляемо. Вотъ почему Исидоръ съ особенною настойчивостію рекомендовалъ правило, какимъ должны руководствоваться ищущіе священства и рукополагающіе въ священный санъ. Священство, говоритъ Исидоръ, можетъ принадлежать только доблестному житію и правымъ правамъ. Ибо правило для сего сана — пригодность приѣмлющаго оный, если не признавать его за мишуру. Это правило Исидоръ считаетъ особенностію христіанскаго священства. Въ древности, у евреевъ, священство принадлежало роду и составляло удѣлъ его. Но усвоеніе священства роду имѣло тотъ недостатокъ, что оно давалось достойнымъ и

недостойнымъ членамъ его. Въ христіанствѣ же, когда священническое служеніе было возвышено, священство отдано было въ удѣлъ добродѣтели съ тою цѣлію, чтобы христіанскіе священники были людьми только добродѣтельными. Но христіанское правило для священства тогда только хорошо, когда строго соблюдается людьми, ищущими священства и рукополагающими въ священный санъ; въ противномъ случаѣ христіанское священство будетъ еще болѣе попираемо, чѣмъ въ ветхомъ завѣтѣ: ибо въ родѣ, коему усвоилось священническое служенію, всегда были люди и добродѣтельные и дурные, въ христіанскомъ же клирѣ могутъ оказаться всѣ священники худыми, если подвергнется забвенію правило, что въ христіанствѣ священство есть удѣлъ добродѣтели. Итакъ, „кто славенъ дѣлами добродѣтели, говоритъ Исидоръ въ письмѣ къ пресвитеру Маркіону (5, 578), тотъ является неподдѣльнымъ украшеніемъ священства (христіанскаго). Кто же, не нося въ себѣ признаковъ достоинства, прикрываясь чужою красотою, кичится однимъ только саномъ, тотъ, по суду истины, причисляется къ людямъ поддѣльнымъ“. „Тѣхъ, которые безчисленными подвигами усовершенлись въ добродѣтели и едва достигли свѣтлѣйшаго священства, не представляй одинаковыми съ тѣми, которые вторглись набѣгомъ; но прославляй первыхъ и порицай вторыхъ. Ибо неодинаково должно относиться къ приступающимъ къ одному и тому же, но не тѣми же самыми средствами; но восхвалять и ублажать пріобрѣтшихъ священство въ награду за добродѣтель, а дерзнувшихъ вторгнуться въ священство порицать и признавать достойными сожалѣнія“ (5, 379).

V. Учительство пастыря.

Отъ ищущаго священническаго служенія не достаточно по Исидору требовать одной только добродѣтельной жизни. Способность къ учительству и учительство пастыря составляютъ столь же необходимую обязанность пастыря, какъ и его добродѣтельная жизнь. Отсутствие словесной проповѣди дѣлаетъ односторонними

и недостаточными всё другіе способы, какими пастырь воздѣйствуетъ на пасомыхъ. Нѣкоторые современники Исихора полагаютъ, что доблестная жизнь пастыря и его ревностная практическая дѣятельность могутъ замѣнять проповѣдническое слово. Признавая добродѣтельную жизнь пастыря его необходимою обязанностію, св. Исидоръ утверждаетъ однакожъ, что словесная проповѣдь не только не исключается ею, но служить существеннымъ и необходимымъ дополненіемъ ея. „Дѣлать и учить, говорить Исидоръ въ письмѣ къ діакону Исидору (3, 120),—всего превосходнѣе, а дѣлать и не учить есть дѣло, заслуживающее меньшей похвалы, потому что хромаетъ на одну сторону. Для этого-то человекъ и есть *λογικός*, т. е. надѣленъ даромъ слова. Еслибы дѣлать значило тоже, что учить, то не было бы сказано: иже сотворить и научить, сей велій наречется въ царствіи небеснѣхъ (Матѣ. V, 19). Ибо какую силу будетъ имѣть доблестная жизнь, когда предстоитъ споръ о догматахъ и когда тотъ, кто беретъ на себя защиту неправыхъ догматовъ, неудержимо устремляется противъ правыхъ догматовъ? А не дѣлать и учить,—это, кажется, имѣть листья, но лишено плода, и не остается безъ осмѣянія, посрамленія и осужденія“. Но учительная дѣятельность пастыря необходима не для одного только защищенія догматовъ отъ еретическаго искаженія ихъ, но и для просвѣщенія своихъ пасомыхъ и для разсѣянія темноты грѣховнаго невѣдѣнія ихъ. Его кафедрѣ—свѣщникъ, самъ онъ—свѣтильникъ, а его ученіе, подкрѣпляемое жизнью,—пріятные свѣтовые лучи, привлекающіе къ нему вѣрющихъ его руководству. „Богъ, говоритъ Исидоръ, возжигаетъ свѣтильникъ—священника и поставляетъ его на свѣщникъ, т. е. на свѣтоносной его кафедрѣ, чтобы онъ свѣтомъ догматовъ и дѣяній, свободныхъ отъ всякой тьмы, какъ молніями, озарялъ Церковь, а народъ, видя лучи животворнаго свѣта направлялся бы къ нимъ и прославлялъ бы отца свѣтовъ“ (1, 32).

Пастырь учительный и добродѣтельный имѣетъ по Исидору такое же значеніе для паствы, какое имѣетъ свѣтлый глазъ въ нашемъ тѣлѣ. Глазъ, служащій свѣтильникомъ для всѣхъ членовъ нашего тѣла, утвержденъ какъ бы на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Съ потерей глаза всѣ члены человеческого тѣла не получаютъ уже должнаго употребленія. Учитель есть также глазъ въ тѣлѣ Церкви. Если онъ свѣтелъ, то будетъ свѣтло и все тѣло, которымъ онъ править. А если онъ теменъ, т. е. дѣлаетъ достойное тьмы, то помрачается все почти тѣло. Ибо хотя иные члены и не терпятъ вреда отъ испорченности учителя, однако же дѣлаются слабыми, когда поврежденіе касается главнѣйшихъ частей тѣла.

Если учительство составляетъ столь необходимую обязанность пастыря; то онъ долженъ поставлять ее выше всего и устранять всѣ препятствія къ исполненію ея. „Пусть ничто не служитъ препятствіемъ евангелію Господню, пишетъ Исидоръ еписк. Леонтію (1, 159), ни разсѣянность да не сопровождаетъ духовнаго ученія, ни смятеніе да не прерываетъ полезной бесѣды. Ибо и Христосъ, спрашиваемый матерію и братьями, не внявъ зову ихъ, когда преподавалъ ученіе и заботился о спасеніи слушателей (Матѣ. XII, 46), показывая сямъ, что духовныя обязанности должны быть предпочитаемы тѣлеснымъ. Такъ и ученики Его отказались отъ смотрѣнія за трапезами, необходимаго для бѣдныхъ (Дѣян. VI, 2).

Пастырское поученіе должно по Исидору отличаться назидательностію. Оно будетъ назидательно, если пастырь не будетъ считать проповѣдничество только формальною обязанностию, но будетъ горячо принимать къ сердцу проповѣдуемое имъ ученіе и пользу слушателей; тогда и на виѣшнемъ видѣ проповѣдника отразится „смыслъ поученій“ и „назидательность“. „Однажды, говоритъ Исидоръ, я встрѣтилъ святаго мужа, котораго око, когда онъ поучалъ, было страшно и выражало мудрость. Въ его словѣ много было остроумія, а нависшія надъ глазами брови

выражали смыслъ поученій. И весь онъ, такъ сказать, дышалъ назидательностію, внушая сильную любовь къ божественной мудрости тѣмъ, которые взирали на него (6, 33). Слово пастыря будетъ имѣть успѣхъ и въ томъ случаѣ, если слушатели его будутъ видѣть, что ихъ пастырь проповѣдуетъ „по трудолюбію“ и по желанію назидать, а не съ цѣлію „показать себя“: ибо проповѣдь, въ которой выражается „гордость и притворство“, ослабляетъ усердіе въ слушателяхъ. Однакожъ ради успѣха пастырь не долженъ своимъ словомъ лишь ласкать слухъ поучаемыхъ, но, по примѣру ап. Павла (3, 300), говорить со властію, обличая порокъ и восхваляя добродѣтель. Даромъ слова, говорить Исидоръ, должно пользоваться не для того, чтобы украшать порокъ, но чтобы величать добродѣтель, которая и безъ словъ блистательнѣе всего (4, 10).

Относительно построенія проповѣдническаго слова у Исидора находимъ слѣдующее замѣчаніе. „Пишущему увѣщаніе, какъ разсуждающему о важномъ предметѣ (ибо нѣтъ ничего славнѣе, какъ возвратить заблуждающуюся дуну на путь истины), должно быть обильнымъ въ словѣ, гдѣ это полезно, ограничиться только указаніемъ, гдѣ это благовременно, изложить методически, гдѣ требуется дать руководство, все сказать въ выразительныхъ словахъ, гдѣ болѣе всего прилична ясная рѣчь“ (5, 309). Не забыты Исидоромъ и внѣшніе приемы проповѣдника и качества проповѣди. Душа назидающихъ право и трудолюбиво, говоритъ Исидоръ, прежде всего выражаетъ благоговѣніе въ очахъ (потому что въ нихъ много поощряющаго къ слову); потомъ бровями придаетъ значеніе смыслу уроковъ; рѣчь употребляетъ умѣренную, не прибѣгая къ пышности рѣчи и избѣгая оскорбительныхъ и низкихъ выраженій (5, 262). Съ внутренней стороны слово должно отличаться истиною, а съ внѣшней—ясностію (3, 10).

Но для успѣшности пастырскаго учительства не достаточно еще способности пастыря къ проповѣдничеству; должно еще обращать вниманіе на познанія человѣка, ищущаго священства.

Заслуживаетъ одобренія, говоритъ Исидоръ пресв. Иліи (5, 467), желающій учиться, хотя и неспособный учить другихъ; но кто, не обладая знаніемъ, берется за учительство, тотъ, будучи крайнимъ невѣждою, неспособенъ будетъ и учиться.

VI. Слово пастыря должно согласоваться съ его жизнью.

Достаточную силу въ словѣ и чистоту по жизни Исидоръ считаетъ такими двумя преимуществами, которыхъ долженъ домогаться учитель всѣми мѣрами съ тою цѣлю, чтобы съ большимъ успѣхомъ приводить ученика въ благоустройство и уцѣломудривать непокорнаго. Если, говоритъ Исидоръ, соединены будутъ и слово и жизнь, то составятъ образецъ всякаго любомудрія (2, 275).

Одному слову Исидоръ не придаетъ вообще большаго значенія, сравнивая его съ листьями, возлѣ которыхъ нѣтъ на деревѣ плодовъ. Какъ хорошей породы дерево, обремененное плодами и покрытое листьями, веселитъ садовника, улаживаетъ зрителей и покоитъ проходящихъ; такъ и поставленный на учительскомъ мѣстѣ, когда украшенъ добродѣтелью и озаряетъ словомъ, и Бога веселитъ, и людямъ приноситъ пользу. Если же будетъ лишень того и другаго, то не окажетъ великой пользы ученикамъ. Ибо потребна жизнь ради любящихъ осуждать, необходимо и слово для обличенія ересей. Хотя жизнь безъ слова обыкновенно приноситъ пользу многимъ; однакожъ, когда видятъ учителя побѣжденнымъ въ умозаключеніяхъ и бесѣдахъ, поучаемые, увлекаясь неправильными догматами, винятъ не неопытность учителя, но нетвердость догмата. „Если же слово, изливаясь съ великою силою, поражаетъ противниковъ, то негодностію жизни омрачается побѣда. Ибо будутъ считать недостойнымъ вѣри того учителя, который не дѣлаетъ должнаго. Поэтому должно блистать и жизнью, и словомъ“ (2, 235). „Кто славенъ и по жизни, и слову, тотъ превосходитъ всякое сравненіе“ (3, 123).

Мысль о необходимости согласованія слова съ жизнію подтверждается у Исидора во-первыхъ историческимъ доказательствомъ. „Думаю, говоритъ Исидоръ (2, 251), что были двѣ причины, почему люди охотно приступали къ божественной проповѣди: достовѣрность слова и образъ жизни проповѣдниковъ. Ибо каждое изъ нихъ было первымъ и крѣпостію другаго; слово, достойное вѣры, подтверждадо жизнь, а жизнь—слово. Ибо не иное проповѣдывая, а иное дѣлая (за это они подверглись бы осмѣянію, какъ нѣкоторые изъ нынѣшнихъ...), но, проводя жизнь, согласную съ словомъ, покоряли они людей“. Посему и Христосъ, зная, что слово, не соединенное съ дѣломъ, не дѣйственно и слабо, а одушевляемое дѣломъ, сильно, послалъ апостоловъ на уловленіе людей послѣ того, какъ научилъ ихъ словомъ и дѣлами. Ибо Онъ хорошо зналъ, что нравственность проповѣдниковъ привлекаетъ людей не меньше, чѣмъ чудеса. И апостолы, разсѣлвшись по вселенной, сѣяли слово благодѣи, вели жизнь неукоризненную и чудную и побѣдили всю вселенную. „И никто не могъ воспрепятствовать силѣ ихъ слова: всѣ уступали имъ мѣсто“ (2, 251).

Второе доказательство своей мысли св. Исидоръ находитъ въ Свящ. Писаніи. „Если тѣ, которые украшены саномъ священства, могутъ прочесть такое изреченіе Писанія, которымъ подтверждать, что имъ не должно трудиться и упражняться въ добродѣтели, а только учить однимъ словомъ; то тутъ они мыслятъ такъ, какъ (теперь) они думаютъ“. Но если Слово Божіе вездѣ похваляетъ любителей добродѣтели и не одобряетъ тѣхъ, которые ограничиваютъ свое учительство однимъ словомъ, то пусть не превозносятся однимъ священствомъ, пренебрегая божественными уставами. Эти уставы по преимуществу священникамъ повелѣваютъ быть въ трудахъ и подвигахъ въ назиданіе своихъ пасомыхъ. „Обыкновенно же дѣйствуетъ на души не столько слово учителя, сколько жизнь и нравъ его“. А эти, какъ будто поручено имъ только говорить, воздерживаются отъ того, чтобы

дѣлать. Ихъ-то выставляя на позоръ, божественный Апостолъ сказалъ: проповѣдуя не красти, крадеши (2, 208).

Наконецъ недостаточность одной словесной проповѣди Исидоръ подтверждаетъ ссылкою на современную ему жизнь. Здѣсь Исидоръ находилъ убѣдительное подтвержденіе той своей мысли, что проповѣдническое слово худаго по своимъ дѣламъ пастыря не только не наставляетъ слушателей, но заставляетъ насъ сомнѣваться въ истинахъ, о которыхъ проповѣдуетъ пастырь. Въ письмѣ къ нѣкому Феону Исидоръ говоритъ (3, 317): „не сила только проповѣди привлекала людей, но и жизнь проповѣдниковъ, согласная съ проповѣдію. Ибо кто повѣрить людямъ, иное говорящимъ, а иное дѣлающимъ? Если же и нынѣ многіе, уже утвердившіеся въ вѣрѣ, но, по причинѣ жизни наставниковъ, не только поколебались, но съ корнемъ исторгнуты; то кто, при взглядѣ на жизнь, несогласную съ словомъ, обратится къ вѣрѣ, и притомъ тогда, когда велитъ оставить отеческихъ боговъ и отеческіе нравы, возненавидѣть богатство, забавы, наслажденія, а возлюбить нестяжательность, постъ, непорочность и быть готовымъ къ ежедневнымъ смертямъ“?

Показавъ необходимость согласованія слова съ жизнію, Исидоръ во многихъ письмахъ указываетъ и на худыя послѣдствія, протекующія изъ противорѣрія между словомъ пастыря и его дѣлами. Несогласіе слова съ жизнію поставляетъ пастыря въ противорѣчіе съ самимъ собою и въ смѣшное положеніе предъ слушателями и не научаетъ ихъ добру. Въ письмѣ къ целусійскому еп. Евсеію—человѣку весьма худой нравственности—Исидоръ пишетъ: „пріятно учишь ты въ церкви, но лучше было бы, еслибы училъ и благотѣльно. Ибо ты уподобляешься человѣку, который бросаетъ камни вверхъ, старается о прямизмѣ паденія ихъ внизъ и призываетъ ихъ на самого себя. Если наше обличеніе грѣховъ отрицаетъ въ насъ слова дѣлами; то мы не только не помѣшаемъ слушателямъ жить худо, но и себя подвергнемъ смѣху, иному уча, а иное дѣлая“ (1, 112). Слово

пастырское, идущее въ разрѣзъ съ нравственностію пастыря, Исидоръ считаетъ бесполезнымъ и даже вреднымъ. Въ его письмахъ встрѣчается множество выраженій, въ которыхъ онъ неодобрительно высказывается объ учительствѣ худыхъ пастырей. Приведемъ нѣсколько подобныхъ выраженій. „Въ письмѣ къ пресвитеру Θεογносту Исидоръ говоритъ (11, 1): „тѣ, которые думаютъ, что кромѣ словъ отъ учителя не требуется ничего болѣе, утруждаютъ слухъ и производятъ смѣхъ... Много такихъ, которые отягощаютъ словомъ, но мало учащихъ дѣломъ, которымъ по преимуществу должно бы священствовать“. Любомудріе на словахъ, обличаемое дѣлами, и хорошее говореніе при дурной жизни не только суетно и пусто, но возбуждаетъ даже смѣхъ въ людяхъ степенныхъ. Къ священникамъ, отличающимся подобнымъ любомудріемъ, относится слово пророка Исаи (1, 17): на учитися добро творити (2, 293). Объясняя евангельскія слова: на Моисеевъ сѣдалищѣ сѣдоша книжницы (Матѣ. 23, 2), Исидоръ говоритъ (4, 18): „Всякое слово, лишнее дѣлѣ, мертво и бесполезно, а особенно слово, произносимое тѣми, которые почтены высокимъ саномъ священства. Кажется, что тѣмъ съ большимъ удобствомъ пользуются они словомъ, тѣмъ болѣе не вѣрятъ имъ тѣ, которые обращаютъ вниманіе на ихъ жизнь. Поэтому они должны показать большую перемѣну въ нравахъ, упражняясь въ благочестіи и проводя безмолвную жизнь, если желаютъ, чтобы кто либо обратилъ вниманіе на ихъ мысль (4, 18). Если возлюбившимъ порокъ не позволительно говорить о божественныхъ оправданіяхъ (грѣшнику рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя (Пс. 49, 16), то позволительно ли разсуждать о догматахъ тѣмъ, которые своими дѣлами оскорбляютъ эти оправданія (4, 20)?

Различныя дѣйствія любомудрія на словахъ и на дѣлѣ св. Исидоръ изображаетъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ пресвитеру Леontiю (2, 183): „Любомудріе на словахъ—легко, а на дѣлѣ—трудно. Вслѣдствіе этого первое нѣсколько не прони-

каетъ въ душу слушателей, а второе трогаетъ ихъ; первое возбуждаетъ смѣхъ, а второе пробуждаетъ отъ косности и бездѣтельности; одно оканчивается укоризнами, а другое похвалами; одно отягощаетъ слушателей, а другое вызываетъ у нихъ стыдъ. Посему должно стараться не говорить только о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, но и дѣлать это; въ противномъ случаѣ подвергнемся укоризнѣ и понесемъ наказаніе“. Изъ приведенныхъ словъ Исидора видно, что онъ желалъ видѣть въ современныхъ ему церковныхъ учителяхъ не только возвѣстителей съ церковной кафедры божественныхъ постановленій, не только бездушныхъ ораторовъ, но ревностныхъ исполнителей тѣхъ истинъ, о которыхъ они разсуждали предъ слушателями, потерявшими вѣру въ слова своихъ пастырей. Ибо эти пастыри только ласкали ихъ слухъ или утруждали его, смотря по внѣшнимъ качествамъ слова, но не убѣждали своихъ слушателей и не дѣйствовали на ихъ сердце. Вотъ почему св. Исидоръ рѣшительно совѣтуетъ священникамъ говорить въ сердца Іерусалиму. Ихъ слово касается сердца слушателей, если они въ самомъ проповѣдникѣ будутъ видѣть образецъ осуществленія того, о чемъ поучаютъ ихъ. Въ письмѣ къ пресвитеру Агаѣону (3, 202), въ объясненіе словъ пророка Исаи: священники, глаголите въ сердце Іерусалиму (Ис. 40, 2), Исидоръ говоритъ: „Поелику слово, когда оно далеко отъ дѣла, не восходитъ далѣе слуха, одушевленное же дѣломъ, какъ сильное и дѣйственное, проникаетъ глубоко, касается души; то поэтому Богъ и изрекъ повелѣніе, которое ты возжелалъ уразумѣть: священники, глаголите въ сердце Іерусалиму. Ибо много такихъ, которые говорятъ слуху, и они не достойны священства; а такихъ, которые говорятъ сердцу, немного, и они заслуживаютъ быть увѣнчанными саномъ священства“. Въ другомъ письмѣ (3, 328) Исидоръ, по поводу вышеприведенныхъ словъ прор. Исаи, говоритъ, что любомудрствующіе на словахъ не только наскучиваютъ слушателямъ, но, какъ поступающіе вопреки своему слову, заставляютъ надъ собою

сѣяться. Посему-то Богъ и требуетъ отъ проповѣдниковъ дѣятельной добродѣтели, трогающей душу слушателей.

Въ письмѣ къ пребезстыдному пресвитеру Зосимѣ Исидоръ прямо высказываетъ мысль, что худой священникъ не имѣетъ права проповѣдывать. „Тому, кто приступаетъ къ ученію, должно сперва дѣлать, а потомъ говорить. А кто не дѣлаетъ, тотъ не имѣетъ права и говорить. Первый поставленъ будетъ между вышними, а второй не только понесетъ тамъ наказаніе, но и здѣсь подвергнется смѣху. Ибо сдѣлается предметомъ насмѣшекъ для своихъ слушателей. Поэтому должно или говорить дѣлая, или же молчать не дѣлая“... (3, 189).

VII. Лучше дѣлать не говоря, нежели говорить не дѣлая.

Изъ прежде сказаннаго видно, что добродѣтельная жизнь и учительство и полное согласіе ихъ св. Исидоръ считаетъ существенными обязанностями пастыря. Но при сравнительной оцѣнкѣ ихъ онъ отдастъ предпочтеніе первой. Въ этомъ предпочтеніи сказывается и личная склонность Исидора къ высокому подвижничеству и къ осуществленію въ жизни высокихъ требованій христіанства и его желанію воздѣйствовать на худыхъ священниковъ пелусійской церкви, которые своими крайне безнравственными поступками „грязнили царскій дворъ“, хотя и говорили съ церковной каеэдрой о высокихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ. При взглядѣ на подобныхъ проповѣдниковъ, у Исидора естественно рождалось желаніе лучше видѣть добродѣтельныхъ пастырей, нежели краснорѣчивыхъ нарушителей христіанскихъ нравственныхъ обязанностей, если уже не находилось достаточнаго числа добродѣтельныхъ и учительныхъ пастырей. Вотъ почему онъ и отдавалъ предпочтеніе добродѣтельному пастырю предъ краснорѣчивымъ, но худымъ священникомъ. Не соглашався съ тѣми своими современниками, которые „доброе слово мудрости неосновательно считали чѣмъ-то малоподобающимъ и попрекаемымъ“ (3, 362) и отдавали преимущество учителю, назидающему своими

дѣлами“, Исидоръ говоритъ: „Какъ бесполезно слово, котораго нельзя привести въ исполненіе, такъ и дѣло, котораго нельзя высказать. Ибо словомъ и дѣломъ характеризуется правая и совершенная жизнь учителей. И же сотворить и научить, сей велий наречется во царствіи небесномъ (Мате. 5, 19). Если же надлежитъ сдѣлать сравненіе между тѣмъ и другимъ; то лучше дѣлать не говоря, нежели говорить не дѣлая“ (3, 362). Такимъ образомъ, при отсутствіи гармоніи между словомъ и дѣломъ пастыря, Исидоръ становится на сторону добродѣтельнаго учителя, назидающаго паству своими дѣлами. Дѣло, по своей наглядности, сильнѣе и убѣдительнѣе слова. Обыкновенно, говоритъ Исидоръ, возбуждаетъ не столько слово, сколько нравъ учащихся“. Посему „больше приноситъ пользы жизнь безъ слова, нежели слово безъ жизни. Ибо первое пользуется молча; второе же вызваніемъ надѣдаетъ“ (2, 275). Если жизнь и сама по себѣ принесетъ хорошіе результаты, то учитель, достигшій верха добродѣтели, хотя и ничего не говоритъ, самымъ безмолвіемъ говоритъ громче слова, образуетъ учениковъ, не слухъ ихъ улаждая, но просвѣщая души. Сіяя дѣлами, подвизаясь въ молчаніи, онъ назидаетъ души взирающихъ (2, 1). Кто не способенъ говорить, но славенъ по жизни и отличается правдою и воздержаніемъ, тотъ лучше живущаго срамно, но въ высшей степени сильнаго въ словѣ (3, 123). Приглашая пресвитера Зосиму къ нравственному исправленію, Исидоръ пишетъ: „Должно, наилучшій, убѣждать слушателей дѣлами, что есть царствіе небесное и возбуждать у нихъ желаніе его. Они убѣждаются, если видятъ, что учитель дѣлаетъ достойное царствіа небеснаго“. Если же человѣкъ, подобный тебѣ, станетъ любомудрствовать о царствіи небесномъ, а самъ совершаетъ дѣла, достойные осужденія; то, конечно, его рѣчь не будетъ убѣдительна (5, 4). Поэтому проповѣднику слѣдуетъ прежде всего дѣлать, а потомъ говорить; если же не угодно дѣлать, то не слѣдуетъ и говорить (5, 264). Св. Исидоръ высказываетъ даже мысль, что

настыри добродѣтельныя, но не берущіеся за учительство, понесутъ меньшее наказаніе, сравнительно съ тѣми, которые, при своей худой жизни, берутся еще за учительство (5, 508).

К. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ статьѣ: „Недоумѣнные вопросы касательно дѣйствій духовника при совершеніи исповѣди“.

Наложеніе епитимій на кающихся—дѣло великой важности и страшной отвѣтственности. Потому совершенно понятно то тревожное чувство, которое овладѣваетъ пастыремъ—духовникомъ въ случаяхъ призывенія имъ духовной власти вязать и рѣшать совѣсть кающихся. Это чувство еще болѣе усиливается у пастыря—духовника, когда онъ, по заявленію о. Руновскаго, въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ кающимся не имѣетъ подъ собою законной почвы, не располагаетъ опредѣленными руководственными правилами объ епитиміяхъ. Съ одной стороны,—говоритъ о. Руновскій,—въ Номоканонѣ (при Требникѣ), принятомъ въ руководство всю Церковь, содержатся болѣе или менѣе подробныя правила о наложеніи епитимій, а съ другой—Духовный Регламентъ запрещаетъ духовникамъ держаться этихъ правилъ и вмѣсто нихъ не даетъ духовникамъ никакого положительнаго руководства. То же разногласіе и даже противорѣчіе,—замѣчаетъ о. Руновскій,—усматривается и между Требникомъ и Духовнымъ Регламентомъ. Въ Требникѣ, въ увѣщаніи отца духовнаго къ чаду духовному, сказано отъ лица перваго: „чадо, толико лѣтъ повелѣваютъ божественніи и священніи законы, да не причастишися божественныхъ Таинъ, точію да ніеши агіасму великую. И аще удержишися отъ божественнаго причастія, разрѣшатся грѣс твои: аще же преступиши и приобщишися, второй Іуда будеша“. А въ предисловіи къ послѣдованію исповѣди сказано: „Василій Великій глаголетъ (духовнику): блюди, да не убоишися чловѣка

въ паденіи его, да не предаси Сына Божія въ руки недостойнымъ, да не усамишиши кого отъ славныхъ земель, ниже самаго діадиму носящаго, да не причастиши: божественніи бо правила не повелѣвають недостойнымъ причаститися, яко язычницы бо вмѣняются“. Духовный же Регламентъ не предоставляетъ духовникамъ права отлучать кого либо отъ причастія св. Таинъ на болѣе или менѣе продолжительное время, требуетъ „въ древнемъ обычаѣ бывшую епитимію, еще на долгое время лишати причастія св. Таинъ, оставити и оной къ тому не употребляти“. Но напрасно пастырская совѣсть о. Руновскаго смущается тѣмъ, что въ Номоканонѣ, принятомъ всею Церковію въ руководство, хотя и содержатся правила объ епитиміяхъ, но что Духовный Регламентъ запрещаетъ духовникамъ руководствоваться этими правилами: между правилами Номоканона объ епитиміяхъ и требованіями Духовнаго Регламента нѣтъ разногласія и противорѣчія. Дѣло въ томъ, что въ Номоканонѣ содержатся правила объ епитиміи, состоящей въ отлученіи отъ причащенія св. Таинъ на болѣе или менѣе продолжительное время; въ этихъ правилахъ указаны и сроки, на которые должны быть отлучаемы отъ св. Причастія тѣ или другіе грѣшники; замѣчено, что самые сроки отлученія отъ св. Причастія могутъ быть увеличиваемы или сокращаемы и даже совсѣмъ замѣняемы другими епитиміями, смотря по нравственному состоянію кающихся. Но изъ того, что въ Номоканонѣ при Требникахъ помѣщены такіа правила, никакъ не слѣдовало и не слѣдуетъ заключать, что будто духовники сами по своему усмотрѣнію могли когда либо и могутъ подвергать кающихся отлученію отъ причащенія св. Таинъ на болѣе или менѣе продолжительное время: такого права никогда не предоставлялось и не предоставляется пресвитерамъ; по правиламъ соборовъ и св. отцевъ право налагать на кого либо епитимію, состоящую въ отлученіи отъ причащенія св. Таинъ на продолжительное время, принадлежитъ только епископамъ. Слѣдовательно между требованіемъ Духовнаго Регламента, чтобы духовники не отлу-

чали кого либо отъ св. Причастія на продолжительное время, и правилами Номоканона объ епитиміи, состоящей въ отлученіи отъ приобщенія св. Таинъ, нѣтъ никакого разногласія и противорѣчія. Точно также нельзя находить разногласія между Требникомъ, въ которомъ говорится, что духовникъ не долженъ преподавать св. Таинъ недостойнымъ, и Духовнымъ Регламентомъ, предписывающимъ „въ древнемъ обычаѣ бывшую епитимію, еже на долгое время лишати причастія св. Таинъ, оставити и оной къ тому не употреблять“. Въ предисловіи къ послѣдованію исповѣди хотя и сказано, что духовникъ не долженъ преподавать св. Таинъ недостойнымъ, но самъ ли онъ по своему личному усмотрѣнію можетъ сдѣлать или нѣтъ—это вопросъ другой, который правилами соборовъ и св. отцевъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что пресвятеръ не имѣетъ права самъ безъ суда епископскаго налагать на кого либо епитимію, состоящую въ отлученіи отъ причащенія св. Таинъ на болѣе или менѣе продолжительное время, и относительно котораго въ Духовномъ Регламентѣ также замѣчено, что, если духовникъ находитъ нужнымъ наложить на кого либо епитимію, состоящую въ отлученіи отъ св. причастія, и если кающийся будетъ готовъ принять эту епитимію, то должно испросить на то „разсужденія и благословенія архіерейскаго“. Какъ видно о. Руновскій отрывочно беретъ правила Церкви, безъ вниманія къ ихъ внутренней связи, и поэтому видитъ противорѣчіе тамъ, гдѣ его нѣтъ. Такъ поступаетъ онъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчаетъ, что составители руководствъ и статей пастырскаго характера иногда даютъ совѣты, не согласные съ существующими правилами. Авторъ статей подъ заглавіемъ: „Права и обязанности пресвитеровъ по каноническимъ постановленіямъ и церковно - гражданскимъ постановленіямъ“,—говоритъ о. Руновскій,—даетъ между прочимъ такой совѣтъ: „тѣхъ, у которыхъ грѣхъ небольшой или невольный или по невѣденію сдѣланъ или хотя тяжкій грѣхъ, но искреннимъ покаяніемъ врачуемый, разрѣшать; тѣхъ же, у которыхъ грѣхи большіе или обратились въ

привычку, а раскаяніе которыхъ сомнительно, лучше не разрѣшать до времени, а если и разрѣшить, то не допускать до причастія св. Тайнъ, и послѣ освѣдомляться, оставили ли они свои грѣховныя привычки; наконецъ тѣхъ, у которыхъ грѣхи большіе и покаяніе безъ всякаго сомнѣнія лицемерно, совѣтъ не разрѣшать, а напротивъ устрашать праведнымъ и страшнымъ судомъ Божиимъ и совершеннымъ отлученіемъ отъ Церкви, въ случаѣ если они не раскаются чистосердечно (Кн. о должн. пресв. прих. §§ 104 и 105)“. Но такой совѣтъ, — продолжаетъ о. Руновскій, — не согласенъ съ положительнымъ требованіемъ Духовнаго Регламента, въ которомъ сказано, что епитимію, состоящую въ отлученіи отъ св. Причастія на болѣе или менѣе продолжительное время, должно оставить и не употреблять, исключая развѣ тѣхъ случаевъ, когда кающіеся изъявляютъ готовность понести эту епитимію, но что и въ такихъ случаяхъ духовникъ предварительно долженъ испросить разсужденія и благословенія архіерейскаго. Прежде всего нужно замѣтить почтенному о. Руновскому, что авторъ упомянутыхъ статей высказалъ относительно разрѣшенія или неразрѣшенія совѣти кающихся не свой совѣтъ, а положительное требованіе, изложенное въ „Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, имѣющей каноническое значеніе для нашихъ пастырей, а затѣмъ требованіе относительно разрѣшенія или неразрѣшенія совѣти кающихся, заключающееся въ „Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, дополнилъ другими правилами — правилами изъ Духовнаго Регламента и въ отдѣлѣ объ епитиміяхъ выразился такъ: „при наложеніи епитиміи должно сообразоваться 1) съ тяжестью грѣха; за тяжкія преступленія и епитиміи должны быть налагаемы болѣе строгія. Впрочемъ такія епитиміи, какъ отлученіе отъ причащенія св. Тайнъ, возбраненіе входа въ церковь, священникъ можетъ налагать не иначе, какъ если кающійся съ полною готовностію принимаетъ всякую епитимію, если отлученіе отъ причащенія св. Тайнъ дѣйствительно можетъ привести его къ сознанію тяжести грѣха и побудить къ

полнѣйшему раскаянію, а не расположить къ лѣности, нерадѣнію или отчаянію; но и въ такихъ случаяхъ священникъ не самъ собою долженъ налагать епитимію, состоящую въ отлученіи отъ причащенія св. Тайнъ, а всякій разъ испрашивать на то разрѣшеніе своего епископа, объяснивъ ему обстоятельства кающагося, безъ указанія на имя послѣдняго (Дух. Регл. прибавл. о прав. причта церк. и чин. монаш. §§ 13 и 14)“. Такимъ образомъ авторъ статей подъ заглавіемъ: „Права и обязанности пресвитеровъ по каноническимъ постановленіямъ христ. Церкви и церковно-гражданскимъ постановленіямъ русской Церкви“ никакого совѣта своего относительно разрѣшенія или неразрѣшенія совѣсти кающихся и при томъ совѣта, будто бы не согласнаго съ положительными требованіями Духовнаго Регламента, не высказывалъ, и потому о. Руновскій, взявши отрывочно одно мѣсто изъ упомянутыхъ статей и не сопоставивши его съ другими мѣстами въ тѣхъ же статьяхъ, совершенно неосновательно видитъ какія-то разногласія и противорѣчія.

Положимъ, замѣчаетъ о. Руновскій, священникъ—духовникъ не долженъ „слѣпо держаться за Требникъ“; но въ такомъ случаѣ для чего же и печатать въ Требникѣ то, чего духовникъ не долженъ держаться? Неужели для того только, чтобы смущать пастьерскую совѣсть? На это возраженіе о. Руновскаго ну жно сказать, что пресвитеръ—духовникъ долженъ же знать, что св. Тайны не могутъ быть преподаваемы недостойнымъ лицамъ, т. е. тяжкимъ и нераскаяннымъ грѣшникамъ. Спрашивается: откуда же пастьрь—духовникъ можетъ знать, какимъ именно тяжкимъ грѣшникамъ не могутъ быть преподаваемы св. Тайны, и слѣдовательно въ какихъ случаяхъ онъ можетъ обращаться къ епископу съ просьбою о наложеніи запрещенія на кающихся? Объ этомъ пастьрь—духовникъ можетъ знать изъ правилъ Церкви объ епитиміи, состоящей въ отлученіи отъ причащенія св. Тайнъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Такимъ образомъ, какъ примѣчаніе въ предисловіи къ послѣдо-

ванію исповѣди, такъ и правила объ епитиміяхъ въ Номоканонѣ не могутъ быть признаны совершенно безполезными, не имѣющими никакого значенія для пастыря—духовника. Правила Номоканона объ епитиміяхъ даютъ пастырю—духовнику возможность опредѣлить, какія преступленія и въ какой мѣрѣ признаны Церковію тяжкими, а вмѣстѣ съ тѣмъ эти правила указываютъ духовнику и то, когда именно и въ какихъ случаяхъ нужно просить архіерея о наложеніи запрещенія на кающихся. Кромѣ того примѣчаніе въ предисловіи къ послѣдованію исповѣди (что духовникъ не долженъ преподавать св. Тайны недостойнымъ), а равно и „увѣщаніе отца духовнаго къ чаду духовному (чадо, токмо лѣтъ повелѣвають божественніи и священніи законы да не причастишися“ и пр.), необходимы духовнику на тѣ случаи, когда ему приходится исповѣдывать несущихъ такъ называемое „церковное покаяніе“, подвергшихся отлученію отъ причащенія св. Таинъ на извѣстное число лѣтъ по распоряженію епархіальнаго начальства. Вотъ почему въ концѣ Требника помѣщается и такъ называемая молитва надъ разрѣшаемымъ отъ запрещенія. Хотя священникъ—духовникъ и не можетъ по своему личному усмотрѣнію наложить запрещеніе, состоящее въ отлученіи отъ причащенія св. Таинъ на продолжительное время, но если ему приходится исповѣдывать опасно больного и находящагося подъ архіерейскимъ запрещеніемъ, то онъ въ такомъ крайнемъ случаѣ долженъ разрѣшить находящагося подъ запрещеніемъ, а для этого и помѣщена въ концѣ Требника упомянутая молитва.

Если духовникъ,—возражаетъ о. Руновскій,—всякій разъ будетъ сноситься съ архіереемъ по вопросу о наложеніи епитиміи на тяжкихъ грѣшниковъ и по другимъ недоумѣннымъ случаямъ, то архіерею придется оставить всѣ дѣла по управленію епархіи и исключительно заняться разсмотрѣніемъ духовническихъ писемъ и отвѣтами на нихъ, не говоря уже о томъ, что самый способъ (письменный) сношенія съ архіереемъ для священниковъ, живу-

щихъ за 200—300 верстъ отъ кафедральнаго города, представляеть большія неудобства. На эти возраженія о. Руновскаго нужно сказать, что если духовникъ будетъ обращать вниманіе только на тяжесть грѣховъ, за которые по правиламъ Церкви положено отлученіе отъ причащенія св. Таинъ на болѣе или менѣе продолжительное время, то дѣйствительно ему придется очень нерѣдко обращаться къ архіерею за разрѣшеніемъ о наложеніи епитиміи на кающихся. Но вѣдь духовникъ долженъ обращать вниманіе не только на тяжесть грѣховъ, но и на внутреннее состояніе и расположеніе души кающагося, на степень искренности его покаянія и на другія условія, ослабляющія или увеличивающія виновность его. Смотря по внутреннему состоянію кающагося, хотя бы и виновнаго въ тяжкихъ грѣхахъ, можетъ быть и не налагаема на него епитимія, состоящая въ отлученіи отъ св. Причастія на продолжительное время. Сами отцы соборовъ, опредѣливши за тѣ или другіе тяжкіе грѣхи епитимію, состоящую въ отлученіи отъ св. Причастія, указавши сроки такой епитиміи, не придавали своимъ правиламъ безусловно-обязательной силы: смотря по нравственному состоянію кающихся въ тяжкихъ грѣхахъ, они дозволяли увеличивать или сокращать время отлученія тяжкихъ грѣшниковъ отъ св. Причащенія и даже замѣнять эту епитимію другою. Если такъ, то для духовника не можетъ представляться нужды такъ часто обращаться къ архіерею, какъ полагаетъ о. Руновскій, за разрѣшеніемъ о наложеніи на кающихся епитиміи, состоящей въ отлученіи отъ св. Причастія на болѣе или менѣе продолжительное время. Къ тому же нужно прибавить и то, что св. отцы смотрѣли на епитимію, состоящую въ отлученіи отъ св. Причастія на болѣе или менѣе продолжительное время, какъ на духовно-врачебное средство. И дѣйствительно въ древнія времена отлученіе отъ св. Причастія на болѣе или менѣе продолжительное время служило самымъ сильнымъ духовно-врачебнымъ средствомъ; нынѣ же, какъ говорить Духовный Регламентъ, эта епитимія не только не страшна,

но даже и желательна для многихъ, а потому духовникамъ и не слѣдуетъ обращаться къ ней, и вмѣсто нея необходимо употреблять другія духовно-врачебныя средства. Такимъ образомъ указывается новое основаніе, въ силу котораго и тяжкихъ грѣшниковъ не всегда можно исправлять такую епитимією, какъ отлученіемъ отъ св. Причастія на болѣе или менѣе продолжительное время, и слѣдовательно въ значительной мѣрѣ сокращается число тѣхъ случаевъ, предполагаемыхъ о. Руновскимъ, по которымъ духовникъ долженъ сноситься съ архіереемъ.

Такъ какъ духовнику необходимо, помимо отлученія отъ св. Причащенія на болѣе или менѣе продолжительное время, вразумлять и исправлять грѣшниковъ другими мѣрами, то естественно является у него вопросъ: какими же именно? Но вопросъ этотъ, — замѣчаетъ о. Руновскій, — не разрѣшенъ для духовника ясными, опредѣленными, положительными правилами: въ столь важномъ дѣлѣ, какъ исповѣдь, разрѣшеніе или неразрѣшеніе совѣсти кающихся, вразумленіе и исправленіе грѣшниковъ, духовникъ не имѣетъ никакого положительнаго руководства, не находитъ даже никакихъ основныхъ и общихъ правилъ и такимъ образомъ долженъ руководствоваться собственнымъ — личнымъ разсужденіемъ; но дѣйствованіе духовника въ этомъ важномъ дѣлѣ только по своему личному разсужденію равносильно произволу и, какъ таковое, не можетъ быть безошибочнымъ, подвергаетъ его великой ответственности, даже не можетъ быть обязательнымъ и для кающихся; въ избѣжаніе личныхъ произвольныхъ рѣшеній надъ совѣстію кающихся, рѣшеній ошибочныхъ и могущихъ подвергнуть духовника великой ответственности и для самихъ кающихся необязательныхъ, духовнику ничего больше не остается, какъ воздѣйствованіе на кающихся увѣщаніями, наставленіями, вразумленіями. Всѣ эти разсужденія о. Руновскаго доказываютъ или незнаніе его существующихъ правилъ и постановленій Церкви относительно вразумленія и исправленія кающихся духовно-дисциплинарными мѣрами или игнорированіе имъ этихъ правилъ и постановленій.

Въ „Кн. о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, имѣющей каноническое значеніе для нашихъ пастырей, — какъ мы выше сказали, — изложены общія правила относительно разрѣшенія или неразрѣшенія совѣсти кающихся, а въ Духовномъ Регламентѣ, кромѣ того, указано — оговорено особое условіе, которое должно быть соблюдаемо духовникомъ при неразрѣшеніи совѣсти кающихся и отлученіи ихъ отъ св. Причастія. Въ тѣхъ же книгахъ изложены общія правила относительно вразумленія и исправленія грѣшниковъ другими духовно-дисциплинарными мѣрами или епитиміями. Эти правила кратко могутъ быть сформулированы такъ: съ цѣлію вразумленія и исправленія грѣшниковъ духовники должны налагать епитиміи или духовныя запрещенія. Къ епитиміямъ, имѣющимъ цѣлію не отмщеніе грѣшнику за грѣхи, не удовлетвореніе правды Божіей, а духовное врачеваніе недугующаго, искорененіе въ немъ грѣховныхъ привычекъ и склонностей, относятся упражненія въ какихъ либо добрыхъ дѣлахъ, противоположныя худымъ наклонностямъ и грѣховнымъ привычкамъ кающагося, какъ то: постъ, милостыня, усиленная молитва и т. д. (Такія и подобныя упражненія въ чинѣ исповѣди названы канонами противъ грѣховъ). Такъ какъ вообще епитиміи суть упражненія въ какихъ либо добрыхъ дѣлахъ, противоположныхъ худымъ наклонностямъ и привычкамъ кающагося, то при наложеніи ихъ на грѣшниковъ прежде всего нужно обращать вниманіе на свойство и качество грѣха; затѣмъ большая или меньшая степень строгости и трудности епитиміи должна обуславливаться степенью тяжести грѣха, внутреннимъ расположеніемъ и состояніемъ души кающагося; наконецъ епитиміи должны быть сообразны и съ вѣшнимъ положеніемъ кающагося, его возрастомъ и поломъ. Всѣ эти и другія правила относительно наложенія епитимій на кающихся пояснены въ „Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ и въ „Духовномъ Регламентѣ“ примѣрами. Правда, указанныя правила довольно общи, да иначе и не можетъ быть. Уже самое значеніе епитимій говорить о томъ, что онѣ не могутъ быть въ подробностяхъ

регламентированы, что нѣтъ возможности указать и многообразныя способы примѣненія ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, духовныя преступленія и паденія чрезвычайно многочисленны и разнообразны, и потому возможно ли перечислить, за какіе именно грѣхи и какимъ епитиміямъ должны быть подвергаемы кающіеся? Вѣдь и гражданскій законъ не предусмотрѣлъ и не можетъ предусмотрѣть всѣхъ возможныхъ и дѣйствительно совершающихся преступленій, и потому Уложеніе о наказаніяхъ и взысканіяхъ за преступленія и проступки нерѣдко дополняется новыми постановленіями. Впрочемъ и самъ о. Руновскій сознается въ невозможности составить такой кодексъ церковно-дисциплинарныхъ правилъ, въ которыхъ были бы предусмотрѣны всѣ частности и исключенія, съ которыми приводится вѣдаться духовнику при исповѣди; онъ желалъ бы только, чтобы духовнику даны были въ руководство общія правила, которыя духовный судья могъ бы, сообразуясь съ обстоятельствами, по своему разсужденію прилагать къ отдѣльнымъ случаямъ; иначе, по словамъ о. Руновскаго, духовникъ является при исповѣди не только судьей, но и законодателемъ и такимъ образомъ принимаетъ на себя не подобающее право и въ случаѣ ошибочнаго приговора по неумѣнью или по не доразумѣнію, подвергаетъ себя отвѣтственности и за правило и за примѣненія его. Но общія правила, которыми долженъ руководствоваться духовникъ въ дѣлѣ вразумленія и исправленія кающихся, какъ мы видѣли, даны вышею духовною властію; затѣмъ, еслибы высшая духовная власть и издала нѣчто въ родѣ уложенія о взысканіяхъ и наказаніяхъ за духовныя проступки и преступленія, то и тогда духовникамъ часто приходилось бы руководствоваться своимъ разсужденіемъ въ опредѣленіи многообразныхъ способовъ примѣненія этихъ взысканій и наказаній къ духовно-нравственному состоянію кающихся. Не слѣдуетъ забывать, что гражданскіе судьи, не смотря на полноту закона о взысканіяхъ и наказаніяхъ за преступленія нерѣдко должны бываютъ дѣйствовать согласно, такъ сказать, съ общимъ духомъ закона и по

своему внутреннему убѣжденію—совѣсти. И потому мы не видимъ произвола въ дѣйствіяхъ духовника, когда онъ, руководствуясь общими правилами, данными ему въ руководство относительно наложенія епитиміи, одного кающагося за извѣстный грѣхъ подвергаетъ епитиміи, состоящей напр. изъ 10 поклоновъ, а другаго грѣшника за тоже преступленіе подвергаетъ епитиміи, состоящей изъ 100 поклоновъ. Что касается того замѣчанія о. Руновскаго, что епитиміи, налагаемыя духовникомъ, могутъ казаться для нѣкоторыхъ изъ кающихся произвольными, нежелательными, необязательными, то будутъ или нѣтъ въ подробностяхъ регламентированы всѣ мѣры исправленія и вразумленія грѣшниковъ, духовнику ничего не остается дѣлать, какъ воздѣйствовать на такихъ лицъ всею силою своего пастырскаго слова, наставленіями, увѣщаніями склонить ихъ къ принятію налагаемой на нихъ епитиміи. Пастырь, какъ духовный судія, не располагаетъ и не можетъ располагать какими либо принудительными, полицейскими мѣрами, и потому, еслибы и во всей подробности опредѣлены были высшею правительственною духовною властію мѣры духовныхъ взысканій и наказній, то и тогда могли бы и могутъ оказаться грѣшники, не желающіе подчиняться установленнымъ духовнымъ исправительнымъ мѣрамъ, и тогда бы духовнику приходилось поступать съ тяжкими и не раскаявшимися грѣшниками также, какъ и теперь, т. е. отсылать таковыхъ къ суду епископа, а въ случаѣ крайней нужды, съ его разрѣшенія не допускать до св. Причастія.

Сдѣлавши нѣкоторые разъясненія на недоумѣнные вопросы о. Руновскаго касательно дѣйствій духовника при совершеніи исповѣди (болѣе подробное и обстоятельное разъясненіе этихъ вопросовъ предоставляемъ другимъ опытнымъ и свѣдующимъ въ области церковнаго законодательства относительно пастырской дѣятельности), не можемъ не замѣтить, что какъ заявленные о. Руновскимъ недоумѣнные вопросы, такъ и многіе другіе, случающіеся въ пастырской практикѣ, главнымъ образомъ возникаютъ вслѣд-

ствіе отрывочности, разбросанности и разновременности существующихъ правилъ и постановленій церковныхъ. Собрать отрывочныя, разбросанныя и разновременно изданныя постановленія и правила церковныя, сопоставить и сличить ихъ, разяснить, какія изъ нихъ отмѣнены, измѣнены или дополнены и т. д.,—это такое дѣло, съ которымъ нелегко можетъ справиться и человѣкъ, получившій юридическое образованіе и располагающій достаточными средствами къ пріобрѣтенію всѣхъ руководствъ, сборниковъ, сводовъ и т. п. изданій, заключающихъ въ себѣ правила и постановленія относительно пастырской дѣятельности; нечего уже говорить о томъ, какъ это можетъ быть трудно и даже не возможно для многихъ пастырей, особенно сельскихъ. На предъявленные о. Руновскимъ недоумѣнные вопросы мы смотримъ, какъ на новое доказательство настоятельной нужды въ такомъ руководствѣ для пастырей, въ которомъ бы съ возможною полнотою и систематичностію изложены были дѣйствующія правила и постановленія относительно обязанностей и вообще дѣятельности пастырей.

З—нз.

1) См. статью о соціальномъ значеніи православнаго духовенства въ «Рук. для сельск. паст.», № 9, за настоящій годъ.

Обязанности, налагаемыя на православнаго пастыря его соціальнымъ полсженіемъ.

Православный пастырь, какъ лицо, дѣятельность котораго имѣетъ высокое значеніе не только для Церкви, но и для гражданскаго общества ¹⁾, не долженъ безучастно относиться къ общественной жизни, тѣмъ болѣе, что государство и Церкви находятся въ тѣсной взаимной связи: онѣ преслѣдуютъ въ общемъ одну и ту же цѣль—воспитательную, которая можетъ вполне достигаться лишь при взаимной согласной дѣятельности органовъ церковной

¹⁾ См. статью о соціальномъ значеніи православнаго духовенства въ «Рук. для сельск. паст.», № 9, за настоящій годъ.

и свѣтской іерархіи,—государственное благосостояніе бываетъ прочнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда оно зиждется на религіозно-нравственныхъ началахъ, развитіе которыхъ въ обществѣ составляетъ прямую обязанность представителей церковной іерархіи; равнымъ образомъ и Церковь только тогда можетъ оказывать свое благотворное вліяніе на всѣхъ членовъ гражданского общества, когда представители ея не только не встрѣчаютъ противудѣйствія въ исполненіи обязанностей своего служенія со стороны органовъ свѣтской власти, но и пользуются ихъ содѣйствіемъ. Сверхъ того полнота христіанской любви къ человѣчеству, оживляющая Церковь, не можетъ ограничиваться одною духовною областью, но необходимо простирается на всѣ стороны жизни, чтобы поставить духъ въ гармоническое соотношеніе съ тѣломъ и обезпечить человѣку достиженіе не только небеснаго блаженства, но и земнаго благоденствія. Какія же именно обязанности въ отношеніи къ обществу налагаются на православнаго пастыря его социальнымъ положеніемъ?

Задача каждаго государства состоитъ въ томъ, чтобы при содѣйствіи Церкви гармонически развивать духовныя и физическія силы своихъ членовъ, давать имъ надлежащее направленіе и чрезъ это содѣйствовать общему благосостоянію. Сообразно съ этою цѣлію, воспитательная или руководительная дѣятельность государства простирается главнымъ образомъ на умственное, религіозно-нравственное, физическое, собственно социальное и экономическое состояніе гражданъ. На эти стороны въ той или другой мѣрѣ должна направляться и дѣятельность духовенства.

Умственное развитіе гражданъ не входитъ непосредственно въ область вѣдѣнія Церкви, но и къ нему пастыри Церкви не должны относиться безучастно. Христіанство не состоитъ въ знаніи. Но и знаніе, при его нормальномъ направленіи, можетъ содѣйствовать болѣе глубокому усвоенію истинъ христіанской вѣры и нравственности, между тѣмъ какъ ложное направленіе знанія удаляетъ отъ нихъ или даже служитъ причиною враждебнаго

отношенія къ нимъ. Поэтому пастырь Церкви не можетъ ограничиваться назиданіемъ лишь взрослыхъ членовъ паствы, но долженъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлѣ семейнаго и школьнаго воспитанія и обученія, тѣмъ болѣе, что въ этотъ періодъ человѣкъ обыкновенно получаетъ задатки того направленія, которое всегда въ большей или меньшей мѣрѣ отражается на всемъ послѣдующемъ его образѣ жизни. За семейнымъ воспитаніемъ пастырь можетъ слѣдить при посѣщеніи прихожанъ, а за школьнымъ онъ можетъ наблюдать чрезъ участіе въ немъ, если не въ качествѣ учителя, то въ качествѣ руководителя.

О религіозно-нравственномъ воспитаніи, имѣющемъ существенно-важное значеніе для государственнаго благосостоянія, намъ нѣтъ нужды говорить, потому что эта дѣятельность составляетъ непосредственную цѣль пастырскаго служенія, достиженію которой свѣтская власть, въ видахъ общегосударственныхъ интересовъ, должна оказывать всевозможное содѣйствіе.

Физическое воспитаніе, повидимому, менѣе всего имѣетъ связи съ прямою задачею пастырскаго служенія. Но и оно не должно быть оставляемо пастыремъ безъ вниманія. Не только высокое значеніе, которое имѣетъ въ общественной жизни физическое состояніе гражданъ, но также несомнѣнность вліянія, оказываемаго физическимъ состояніемъ человѣка на духовное, и тѣсная связь, которая соединяетъ пастыря съ его паствою, должны побуждать его заботиться не только о духовномъ, но и о физическомъ благосостояніи членовъ своей паствы. Но болѣе всего онъ можетъ находить побужденій къ этому въ примѣрѣ нашего Пастыреначальника и Его первыхъ учениковъ, которые врачевали не только духовные, но и тѣлесные недуги. Въ особенности на физическое благосостояніе своей паствы должны обращать вниманіе сельскіе пастыри. Въ селахъ священникъ болѣею частію бываетъ наиболѣе образованнымъ и авторитетнымъ лицомъ, къ которому прихожане обращаются за совѣтомъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни и въ частности при воспитаніи

дѣтей и при болѣзни кого либо изъ членовъ ихъ семьи. Оказывая помощь въ этихъ случаяхъ, пастырь не только исполняетъ долгъ христіанской любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ усиливать любовь и уваженіе къ себѣ со стороны паствы. Поэтому онъ долженъ по возможности быть знакомымъ съ гигиеною и медициною. Этотъ взглядъ раздѣляетъ и наше высшее духовное правительство, которое требовало до времени послѣдняго преобразованія духовныхъ семинарій отъ лицъ, готовящихся къ священству, изученія элементарной медицины и лишь вслѣдствіе неудовлетворительнаго преподаванія этого предмета въ духовныхъ семинаріяхъ отмѣнило это требованіе. Будемъ надѣяться, что при предстоящемъ въ скоромъ времени новомъ преобразованіи духовныхъ семинарій будетъ обращено должное вниманіе на этотъ предметъ, изученіе котораго имѣетъ столь важное значеніе въ пастырской практикѣ. А пока намъ остается радоваться тому, что и многіе изъ священниковъ, не изучившихъ медицины въ семинаріяхъ, знакомятся съ нею по выходѣ изъ школы въ цѣляхъ удовлетворять нуждамъ своихъ прихожанъ и оказываютъ имъ посильную помощь.

Въ отношеніи къ собственно соціальному положенію главныя обязанности пастыря состоятъ въ томъ, чтобы развивать въ своихъ прихожанахъ любовь къ царю, отечеству и быть посредникомъ между различными классами общества, напоминать высшимъ объ ихъ обязанностяхъ къ низшимъ, а въ этихъ послѣднихъ укрѣплять чувство человѣческаго достоинства, устранять недовольство своимъ положеніемъ, зависть и враждебность къ лицамъ, занимающимъ высшее положеніе, не уклоняться отъ дѣятельнаго участія въ законныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе положенія низшихъ классовъ, и быть близкимъ ко всемъ членамъ своей паствы, какое бы положеніе въ обществѣ они ни занимали. Эти обязанности должны имѣть широкое примѣненіе въ настоящее время въ виду той тайной соціальной пропаганды, которая старается найти доступъ къ простому народу, возбудить въ немъ недовольство существующимъ порядкомъ и вызвать низ-

шіе классы общества къ активному выраженію этого недовольства. Но пастыри не должны вмѣшиваться въ дѣйствія гражданской администраціи, а пользоваться исключительно лишь мѣрами нравственнаго вліянія, словомъ назиданія и убѣжденія, обращаясь къ содѣйствію свѣтской власти лишь въ томъ случаѣ, когда самъ законъ признаетъ это необходимымъ. Впрочемъ это не исключаетъ возможности для пастыря являться, по примѣру нашихъ древнихъ пастырей и архипастырей, съ ходатайствомъ предъ свѣтскою властію за невинно осуждаемыхъ, преслѣдуемыхъ и угнетаемыхъ, съ цѣлю облегченія ихъ участи, посѣщать и утѣшать преступниковъ, находящихся въ заключеніи и т. под., или давать своимъ прихожанамъ, согласно съ ихъ просьбою, совѣты по юридическимъ вопросамъ. Пастырь Церкви долженъ также разъяснять истинный смыслъ и значеніе важнѣйшихъ явленій общественной жизни, а также узаконенія и распоряженія свѣтскаго правительства, если онъ имѣетъ основаніе предполагать, что они не будутъ надлежащимъ образомъ поняты его прихожанами и могутъ возбудить въ нихъ недовольство или безпорядки. На пастырѣ лежитъ также долгъ, сколько возможно, предупреждать и останавливать—конечно, только путемъ увѣщанія,—всякое нарушеніе стройнаго теченія общественной жизни, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда гражданская власть не можетъ почему либо принять мѣръ для этого или когда мѣры свѣтской власти оказываются безуспѣшными.

Различіе экономическаго положенія прихожанъ также не должно быть оставляемо безъ вниманія пастыремъ, потому что оно имѣетъ весьма важное значеніе не только въ социальномъ, но и въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Бѣдность и богатство сами по себѣ не составляютъ порока, но онѣ нерѣдко доводятъ до порока и преступленія. Есть даже особые пороки, къ которымъ въ особенности склонны богатые и бѣдные. Такъ богатые обнаруживаютъ особую наклонность къ новому увеличенію своихъ матеріальныхъ средствъ путемъ притѣсненія людей бѣдныхъ и къ превознесенію предъ людьми небогатыми, бѣдные же

въ особенности бываютъ расположены къ самоуничженію, къ ропоту на свое бѣдственное положеніе, къ враждебному отношенію къ людямъ состоятельнымъ и т. под. На устраненіи этихъ пороковъ и долженъ сосредоточивать свое вниманіе пастырь Церкви, предлагая однимъ наставленіе, другимъ утѣшеніе, иныхъ располагая къ помощи нуждающимся въ ней или же самъ оказывая посильную матеріальную помощь нуждающимся и т. под. Для пастыря Церкви должна быть также ближе, нежели для кого либо другаго, забота объ учрежденіи и успѣшномъ развитіи благотворительныхъ учреждений.

Но чтобы дѣятельность пастыря во всѣхъ указанныхъ нами отношеніяхъ могла быть плодотворною, чтобы слово, — главное орудіе воздѣйствія пастыря на свою паству, — было „со властію“, для этого онъ необходимо долженъ имѣть высокій авторитетъ среди своихъ прихожанъ, пользоваться ихъ уваженіемъ и довѣріемъ. Конечно, авторитетъ пастыря долженъ опираться не на вѣншней силѣ, не на знатности происхожденія, на богатствѣ или на чемъ либо подобномъ, но главнымъ образомъ на высокому нравственному развитію и на полной, безкорыстной преданности дѣлу своего служенія. Въ нашемъ образованномъ обществѣ и въ нѣкоторыхъ органахъ свѣтской печати нерѣдко высказывается мнѣніе, будто для пастырей (если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для сельскихъ) достаточно лишь быть благочестивыми и преданными дѣлу своего служенія, что научное образованіе для нихъ не только бесполезно, но даже вредно, потому что оно будто бы отдаляетъ ихъ отъ ихъ прихожанъ, большинство которыхъ обыкновенно состоятъ изъ необразованныхъ, а самое тѣсное общеніе между пастырями и прихожанами составляетъ необходимое условіе для надлежащаго воздѣйствія первыхъ на послѣднихъ. Въ доказательство этого обыкновенно указываютъ на нашихъ сектантовъ, у которыхъ духовенство, состоящее болѣею частію изъ людей необразованныхъ, стоитъ будто гораздо ближе къ своимъ прихожанамъ, нежели въ православномъ обществѣ, и

на примѣръ первенствующей Церкви, въ которой не только пастыри, но и архипастыри большею частію не получали научнаго образованія. Но истинное образованіе нисколько не разобщаетъ обладающихъ имъ съ людьми необразованными. Опытъ жизни показываетъ, что есть, — какъ было и прежде, — не мало высокообразованныхъ лицъ изъ среды свѣтскаго общества и православнаго духовенства, которыя весьма близко стоятъ къ простому народу и пользуются его полнымъ довѣріемъ. Если же у нѣкоторыхъ сектантовъ (но далеко не у всѣхъ) духовенство стоитъ ближе къ паствѣ, нежели у насъ, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что сектантское духовенство большею частію выходитъ изъ среды простыхъ необразованныхъ людей и раздѣляетъ всѣ условія ихъ жизни, всѣ ихъ воззрѣнія и суевѣрія, отличаясь отъ своихъ прихожанъ лишь совершеніемъ священнодѣйствій. Сектантское духовенство ни коимъ образомъ не можетъ служить образцомъ для насъ, — въ противномъ случаѣ наши пастыри не были бы просвѣтителями и руководителями народа, но пребывали бы въ томъ же умственномъ и религіозно-нравственномъ мракѣ и невѣжествѣ, въ которые погружена значительная часть нашего простаго народа. Въ такомъ случаѣ нашъ народъ остался бы безъ руководителей, столь необходимыхъ для него не только съ христіанской, но и съ чисто соціальной точки зрѣнія. Православный пастырь есть не только священнослужитель, но и учитель. Онъ долженъ поучать не только людей необразованныхъ, но и образованныхъ, и удовлетворять всѣмъ ихъ религіозно-нравственнымъ нуждамъ. Но исполнить удовлетворять духовнымъ нуждамъ лицъ образованныхъ пастырь Церкви можетъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ самъ получить соотвѣтственное научное образованіе. Нельзя ссылаться въ данномъ случаѣ и на примѣръ первыхъ христіанскихъ пастырей. Это было исключительное время, — время обильнаго изліянія даровъ Св. Духа, на которое въ настоящее время мы не можемъ возлагать всѣ свои надежды. Среди первоначальнаго христіанскаго общества научное образованіе не

имѣло, конечно, такого широкаго развитія и не пользовалось такимъ высокимъ значеніемъ, какъ въ наше время. Теперь не въ городахъ только, но и въ селахъ пастырь Церкви можетъ встрѣчать лицъ научно образованныхъ, которыя могутъ обращаться къ своему пастырю за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній, вызванныхъ современнымъ направленіемъ науки, или даже съ возраженіями противъ истинъ христіанской религіи и нравственности, имѣющими болѣе или менѣе научный характеръ. Да и самый характеръ общественной жизни теперь уже не тотъ, какой былъ прежде. Она утратила прежнюю простоту и сдѣлалась гораздо болѣе осложненною. Дѣятельность современнаго пастыря находится въ соприкосновеніи съ самыми разнообразными явленіями общественной и частной жизни, въ которыхъ онъ не иначе можетъ ориентироваться, какъ только при многостороннемъ и основательномъ образованіи. Научное образованіе наконецъ должно служить однимъ изъ средствъ къ поддержанію пастырскаго авторитета. Если теперь нерѣдко обвиняютъ наше духовенство въ невѣжествѣ и въ неспособности просвѣщать народъ и быть его руководителемъ, то нападенія на него еще болѣе усилились бы, еслибы оно не получало научнаго образованія.

Н. Д.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 іюня 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

XXV.

РУКОВОДСТВО

для

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 26.

Подписка принимается въ редак-
цію сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Іюня 24-го.

Содержаніе: Открытый и затруднительный вопросъ въ пастырской практикѣ.—Полезные совѣты сельскаго пастыря своимъ прихожанамъ.—Проповѣдническое обозрѣніе.

Открытый и затруднительный вопросъ въ пастырской практикѣ.

Въ духовно-періодическихъ изданіяхъ нерѣдко разрѣшаются вопросы, возникающіе въ пастырской практикѣ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ духовною печатью можетъ служить и служить для читателей пастырей Церкви руководствомъ въ ихъ той или иной практикѣ, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда разрѣшеніе извѣстнаго вопроса основано не на однихъ личныхъ соображеніяхъ разрѣшающаго, а на прямомъ, ясномъ и точно выраженномъ законѣ... Когда же разрѣшеніе вопроса не основано на такого именно рода законѣ, тогда разрѣшающій вопросъ, хотя бы и указывалъ на тѣ или иные законы, косвенно, такъ сказать, подтверждающіе его соображенія, понятное дѣло, не можетъ дать и не даетъ законнаго руководства читателямъ, и вопросъ

въ концѣ концовъ все-таки оставляетъ нерѣшеннымъ, открытымъ... И, конечно, вина не обоснованнаго на точномъ законѣ разрѣшенія вопроса—не въ разрѣшающемъ... Для разрѣшенія подобнаго рода вопросовъ требуется, очевидно, не личное соображеніе извѣстнаго лица, а нѣчто иное, и это „иное“ требуется тѣмъ настоятельнѣе, что отсутствіе ясно выраженнаго закона для извѣстныхъ дѣйствій ставитъ насъ, пастырей, нерѣдко въ крайне затруднительное положеніе. Объяснимся.

Приходитъ ко мнѣ два мужика.

— Извините, батюшка,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—что я остановилъ у васъ погребеніе...

И было и забылъ, о чемъ мужичекъ начинаетъ тутъ толковать мнѣ... Вспомнивши, отвѣчаю:

— Я очень благодаренъ тебѣ. Въ чемъ же тутъ извиняться?

Мужичекъ приносилъ извиненіе мнѣ по слѣдующему случаю: Изъ заработковъ, изъ дальней страны (Самары), на родину—въ деревню моего прихода, привезли „чужестранца“, больного, едва живаго. Снаряжаютъ подводу за мною для нащутствованія больного. Пріѣзжаю я, къ несчастію, нахожу его уже умершимъ. Домъ чужестранца полонъ деревенскаго люда. Жена—въ слезахъ. Собравшійся народъ точно такъ же, какъ и плачущая жена, „униженно“ проситъ меня похоронить умершаго. Они боятся, что я откажусь хоронить на томъ только основаніи, что чужестранецъ умеръ безъ причастія: всѣхъ, не причастившихся предъ смертію, священникъ, по ихъ мнѣнію, не имѣетъ права хоронить, ранѣе полицейскаго и судебно-медицинскаго осмотра... А извѣстно, сколько хлопотъ и времени должно быть употреблено на судебно-полицейско-медицинское освидѣтельствованіе „тѣла покойнаго“: урядникъ живетъ иногда въ 10—30 верстахъ отъ нуждающейся до него деревни; становой, врачъ и того далѣе; затѣмъ скоро ли еще прибудутъ они къ „тѣлу“; пройдетъ, можетъ быть, недѣля, двѣ, три до ихъ пріѣзда, и во все это время день и ночь покойника должна сторожить деревня по очереди!... Положеніе

въ этомъ случаѣ крестьянъ дѣйствительно не красивое... Я спрашиваю крестьянъ, подлинно ли живымъ привезли чужестранца въ домъ, говорилъ ли онъ что, самъ ли посылалъ за мной, ве имѣютъ ли они какихъ основаній думать, что чужестранецъ умеръ отъ насилія съ чьей либо стороны, или иного тому подобнаго. Крестьяне даютъ отвѣты въ благопріятномъ для возможности погребенія смыслѣ. Говорятъ, что не только чужестранца живымъ привезли въ домъ, но и все его имущество, бывшее съ нимъ, запертый сундукъ, разныя другія вещи и деньги доставлены женою его въ цѣлости; указываютъ и на извозника, привезшаго его и тутъ еще бывшаго и проч. т. п. Отъ извозника (не моего прихода) я узналъ, кромѣ того, что чужестранецъ сошелъ съ парохода въ одномъ уѣздномъ городѣ и больной ходилъ по базару, спрашивая попутчиковъ на родную сторону, и его, извозника, бывшаго на базарѣ, подрядилъ довести себя до дому, что онъ и исполнилъ и за что не получилъ еще условной платы... Узналъ я также отъ крестьянъ, что у чужестранца опухли ноги и грудь... Вѣроятно, — думалъ я, — чужестранецъ заболѣлъ или въ Самарѣ, или дорогой простудился... Хотя доказательство на это, въ родѣ свидѣтельства отъ хозяина, у котораго проживалъ чужестранецъ, или отъ священника, которымъ онъ, въ болѣзненномъ состояніи своемъ, быть можетъ, былъ исповѣданъ и приобщенъ, я и не видѣлъ; тѣмъ не менѣе, основываясь на показаніяхъ крестьянъ и извозника и на личномъ своемъ соображеніи и внутреннемъ убѣжденіи, на просьбу крестьянъ я далъ отвѣтъ утвердительный и назначилъ „законный“ день погребенія... На другой день приходитъ ко мнѣ женщина и говорить:

— Батюшка, не хороните чужестранца: Малаея (Малахія — извинившійся предо мною мужичекъ) нарочно ѣхалъ было къ вамъ отсвѣтовать, да нагналъ меня на дорогѣ къ вамъ и просилъ передать вамъ: хотъ мы, говоритъ, вчера и просили батюшку схоронить чужестранца, да передай, чтобъ не хоронилъ: узналъ

сотскій и десятскій объ умершемъ,—приходятъ къ нему въ избу послѣ вашего отъѣзда изъ деревни и говорятъ: „это тѣло наше, не попово; какъ только поцъ похоронить, мы къ уряднику, и тѣло выруютъ“.

Чего добраго? подумалъ я. Вѣдь намъ не предоставлено закономъ права производить дознанія объ обстоятельствахъ смерти извѣстныхъ лицъ и, на основаніи собственныхъ дознаній, а тѣмъ болѣе внутренняго убѣжденія,—хоронить этихъ умершихъ... Пожалуй судъ, да дѣло,—пожалуй и въ самомъ дѣлѣ выруютъ покойника, а въ концѣ концовъ подвергнуть, пожалуй, схоронившаго священника и наказанію на законномъ основаніи...

— Передай этой деревнѣ,—сказалъ я рѣшительно,—что хоронить чужестранца я не буду ни подъ какимъ видомъ безъ бумаги отъ становаго... Коли просятъ они теперь не хоронить, стало быть вчера они ложь говорили мнѣ,—можетъ быть, чужестранца привезли домой мертвымъ, можетъ быть, убили его на дорогѣ и т. п.

Пріѣзжалъ въ деревню урядникъ; произвелъ дознаніе; отправилъ дознаніе къ становому... Черезъ недѣлю послѣ смерти чужестранца отъ становаго получаю я бумагу, въ которой онъ проситъ причтъ N церкви схоронить NN, умершаго отъ опухоли ногъ и груди...

Спрашивается: изъ-за чего вся эта процедура? изъ-за чего крестьяне цѣлую недѣлю сторожили покойника? Что новаго, чего бы я не ожидалъ, принесла мнѣ бумага становаго, который, безъ личнаго осмотра покойника и безъ осмотра со стороны врача, свидѣтельствовалъ о причинѣ смерти чужестранца? И кто бы тутъ разрѣшилъ мнѣ мое недоумѣніе: слѣдовало мнѣ схоронить чужестранца безъ этой бумаги становаго, или не слѣдовало?—Но этотъ случай еще „туда—сюда“, что называется, и не по этому случаю собственно я взялся за перо. Бываютъ въ жизни настыря и пасомыхъ положенія гораздо худшія.

— Такъ вы только съ этимъ извиненіемъ и пришли ко мнѣ?—
обращаюсь я къ крестьянамъ.

— Нѣтъ, батюшка, мы пришли къ вамъ съ просьбой.

— Что вамъ угодно?

— Обвѣнчайте моего сына, говоритъ другой, пришедшій съ
Малааеемъ мужичекъ.

— Отъ чего-жъ не обвѣнчать, если нѣтъ препятствій? Гдѣ же
невѣсту нашелъ твой сынъ?

— Да нашего прихода Давыдовскую Евпраксію... Только,
батюшка...

Мужикъ замаялся...

— Что только?

— Да мать невѣсты перечить, не благословляетъ.

Дѣло объяснилось такъ:

Пароенъ (женихъ) и Евпраксія полюбилися другъ другу и
во взаимномъ увлеченіи своемъ зашли далеко: вступили между
собою въ незаконную связь, которую скрывали, пока скрывать
было возможно... Но случилось такъ, что скрывать стало не воз-
можно: Евпраксія забеременѣла... Узнала объ этомъ мать ея
(отца въ живыхъ нѣтъ) и, разумѣется, возмущалась гнѣвомъ.
Евпраксія съ вѣдома матери должна была удалиться изъ роди-
тельскаго дома верстъ за сто, чтобы отъ знающихъ ее людей
скрыть на сторонѣ позоръ свой—слѣдствія своего проступка...
Вмѣстѣ съ нею удалился туда и Пароенъ, въ чаяніи обвѣнчаться
тамъ съ Евпраксією, на что, по словамъ послѣдней, было будто бы
и согласіе матери. Родился тамъ у нихъ сынъ. Сына окрестили,
но родителей не обвѣнчали за отсутствіемъ, конечно, законныхъ
документовъ. И возвратились они изъ страны чужой съ сыномъ
невѣнчаннымъ. Деревня, гдѣ живетъ Пароенъ,—въ двухъ верстахъ
отъ дома Евпраксіи. Евпраксія не смѣла явиться въ домъ къ
матери и явилась въ домъ Пароена. Деревенскій людъ то и
дѣло навѣщаетъ новоприбывшихъ... Любопытно!... Пошли по
деревнѣ сплетни, пересуды, смѣхи... Сотскій и десятскій заяв-

ляютъ свое „начальство“... „Ты бѣглая“!—говорятъ ояи Евпраксіи, — „за чѣмъ ты здѣсь живешь? Да какъ, да для чего? Кто васъ обвинчалъ? Кажите бѹмаги, коли вы вѣнчаны“ и т. п. А мать Евпраксіи наказываетъ ей, что „черезъ урядника-де я притащу тебя домой“... Между тѣмъ на глаза матери Евпраксіи явиться не смѣетъ, опасаясь рѣзкихъ проявленій ея гнѣва... Безславіе, стыдъ, скорби, тѣсныя обстоятельства приводятъ Евпраксію даже къ мысли наложить на себя руки, чего она не скрывала отъ Пароена и его отца...

— Безъ благословенія матери я вѣнчать не могу, отвѣчаю я крестьянамъ.

— Сдѣлайте Божескую милость: обвинчайте! Что дѣлать? Грѣшны, да Божіи! Вѣдь и мнѣ не сладко, что сынокъ такъ сдѣлалъ, да вѣдь не выбросишь же ихъ на улицу: кому нибудь надо призрѣть, молить отецъ Пароена.

— Обвинчайте, батюшка! проситъ Малаоѣй.

— Ты,—говорю я Малаоѣю,—раньше хотѣлъ избавить меня отъ напасти, а теперь хочешь ввести въ эту напасть: безъ благословенія родителей намъ вѣнчать нельзя... Вы скажите невѣстѣ, чтобы она сходила къ матери и просила у ней прощенія и благословенія; можетъ быть, и благословитъ...

Надо замѣтить, что невѣстѣина мать—женщина зажиточная,—женихъ же—бѣднякъ: для ней, женщины богатой, родниться съ бѣднякомъ—стыдъ и оскорбленіе...

— Не смѣетъ, боится Евпраксія идти къ матери, да мать и не благословитъ: она и слышать не хочетъ о бракѣ... Ужъ обвинчайте, батюшка!...

Я не могъ дать крестьянамъ рѣшительнаго отвѣта въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ и, подумавши, говорю:

— Пришлите ко мнѣ жениха и невѣсту. Я лично отъ нихъ узнаю объ ихъ дѣлѣ... Да пришлите сегодня же.

Не смотря на глубокую ненастную осень и на семиверстное разстояніе деревни Пароена отъ погоста, къ вечеру однако

Пароснъ и Евпраксія пришли ко мнѣ и опять съ тѣмъ же Малаеємъ...

— А ты, другъ, зачѣмъ? говорю я Малаею. И охота тебѣ въ такую погоду и по такой дорогѣ въ другой разъ путешествовать за 14 верстъ взадъ и впередъ?!...

— Жалко, батюшка, мнѣ ихъ... Они не смѣютъ идти одни къ вашей милости...

— Должно быть ты, Малаей, добрый человѣкъ; не вѣмъ же кидать камнями въ упавшихъ!...

— Садитесь! обращаюсь я къ пришедшимъ.

Пришедшіе стоятъ, не смѣло переглядываясь другъ съ другомъ.

— Садитесь, садитесь, повторяю я. Устали, вѣдь, конечно!... Усѣлись.

Послѣ нѣкоторой паузы, я продолжаю:

— Ну такъ какъ же: вы желаете обвиняться?

— Желаемъ, батюшка.

— У васъ есть сынъ?

— Есть.

— Есть выписка изъ метрики о его рожденіи и крещеніи?

— Нѣтъ; не догадались взять у священника... Мы попросимъ, и намъ вышлютъ ее черезъ почту, тогда вамъ и оставимъ.

— Твой сынъ? обращаюсь я къ матери.

— Мой.

— Твой сынъ? обращаюсь къ отцу.

— Мой.

— Ты общался жениться на ней?

— Общался.

— Ты общалась выйти за него?

— Общалась.

— Тоже скажете вы и при постороннихъ лицахъ—свидѣтеляхъ?

— Скажемъ.

Тоже сказали они и при свидѣтеляхъ, призванныхъ мною.

— Вотъ слушайте, что между прочимъ написано въ этой книгѣ, сказалъ я, отпустивши свидѣтелей: „за обольщеніе не состоящей въ замужествѣ торжественнымъ обѣщаніемъ на ней жениться виновный, если онъ не исполнитъ своего обѣщанія, подвергается лишенію нѣкоторыхъ, по ст. 50 улож. о наказ. (изд. 1866 г.), особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ смиренномъ домѣ на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ“ (Руков. для сельск. паст. 1881 г., т. 2, стр. 205, ст. „Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской Церкви и по церковно-гражданскимъ постановленіямъ русской Церкви). Ты, Парѣенъ, непременно долженъ жениться на ней...

Парѣенъ и Евпраксія молчатъ, видимо довольные намѣчаемой мною судьбой ихъ...

— Слышите, что говоритъ батюшка?! радостно обращается къ нимъ Малавѣй.

А я между тѣмъ думаю: „а какъ же дѣлать съ благословеніемъ-то родительскимъ“?

— Но все-таки, Евпраксія, ты сходи къ матери и попроси у ней благословенія, говорю я.

— Не смѣю, боюсь,—она прибѣдетъ меня...

— Да вѣдь ты же не ходила еще къ ней,—попытай; можетъ быть, и не прибѣдетъ. Если въ первый разъ не приметъ, сходи въ другой, третій разъ. Обвѣнчаться еще успѣете: можно обвѣнчаться будетъ и въ слѣдующемъ мясоѣдѣ...

— Я въ этомъ мясоѣдѣ призываться буду къ рекрутству. Если возьмутъ въ солдаты, то вѣнчаться будетъ уже нельзя, говорить Парѣенъ...

— Да, это правда; вѣнчаться тогда будетъ уже нельзя...

„Тогда“,—думаю я про себя,—„Евпраксіи съ сыномъ по истинѣ будетъ плохо: гдѣ и какъ ей будетъ жить?... Съ одной стороны угрожаютъ ей деревенскія сплетни, смѣхи, персуды,

застраниванія сотскихъ, десятскихъ и иныхъ, съ другой—разгнѣванная мать“...

— Обвѣнчайте, батюшка! молятъ Пароенъ и Малаеѣй.

— Когда ты отправлялась родить въ чужое мѣсто, мать не пренятствовала тебѣ обвѣнчаться тамъ съ Пароенемъ—благословляла? обращаюсь къ Евпраксіи.

— Благословляла...

— Отъ чего же теперь не благословляетъ?

— Она,—отвѣчаетъ Малаеѣй,—гнѣвается, что они не обвѣнчались тамъ—заглазно: здѣсь меньше было бы говору, а теперь всѣ узнаютъ здѣсь о бракѣ и заговорить; знаете, она жепщина богатая, и ей совѣстно—явно давать дочери своей согласіе на бракъ съ Пароеномъ...

— Вѣдь все же письменнаго дозволенія отъ матери на этотъ бракъ у васъ нѣтъ?... Можетъ быть, вы правду говорите относительно упомянутаго благословенія матери, а можетъ быть, и не правду; во всякомъ случаѣ *надлежащаго значенія* словамъ вашимъ я дать не могу и во всякомъ случаѣ совѣтую тебѣ, Евпраксіи, сходить къ матери и испросить у ней прощенія и благословенія... Вотъ погодите: я напишу и пошлю съ вами письмоцею...

Я написалъ письмо старшему брату Евпраксіи, имѣющему вліяніе на мать. Въ письмѣ просилъ его принять участіе въ Евпраксіи,—отъ моего имени и отъ своего испросить для ней у матери благословенія на бракъ съ Пароеномъ и затѣмъ письменно увѣдомить меня о результатахъ его участія. Письмо, по наказу моему, Евпраксіа должна была передать брату лично... Молодые люди ушли.

Что дѣлать мнѣ? сталъ думать я. Что дѣлать, если мать не благословитъ?... Невѣсть уже 23 года... По моему сознанію и внутреннему убѣжденію, непременно надо бы обвѣнчать молодыхъ людей, хотя бы родители на этотъ бракъ ихъ и не благословляли... Но что говорить о подобныхъ бракахъ законъ? Вопросъ: „можно ли на законномъ основаніи вѣнчать

достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія (21 года) безъ благословенія ихъ родителей“—всталъ передо мною во всей силѣ своей и требовалъ отъ меня неотложнаго разрѣшенія не въ мысли только, но на бумагѣ, но на самомъ дѣлѣ...

И сталъ искать я разрѣшенія его по разнымъ „руководствамъ“.

Беру въ руки „Практическое руководство при отправленіи приходскихъ требъ“ священника Сильченкова, Воронежъ, 1879 года. На страницѣ 101-й этой книги нахожу вопросъ: до котораго возраста нельзя вѣнчать дѣтей безъ позволенія родителей?—и таковой на него отвѣтъ: „Въ рѣшеніи предложеннаго вопроса въ законахъ существуетъ разнорѣчіе и не ясность. По силѣ 6 ст. X т. ч. 1 Св. Зак. запрещается дѣтямъ вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей, опекуновъ, попечителей. Но въ 4 пун. § 18 инстр. благоч., изд. 1857 года, утвержденной Св. Синодомъ, сказано: не вѣнчать дѣтей до извѣстнаго возраста безъ воли родителей или опекуновъ. Въ первомъ случаѣ законъ рѣшительно запрощаетъ вѣнчать безъ дозволенія родителей, а во второмъ запрещается вѣнчать только до извѣстнаго возраста, но не сказано до какого именно. Для рѣшенія недоумѣнія слѣдуетъ принять во вниманіе то, что, по силѣ законовъ дѣти выходятъ изъ-подъ опеки тогда, когда достигнуть гражданскаго совершеннолѣтія, т. е. когда исполнится имъ 21 годъ отъ рожденія. Этотъ законъ совершенно устраняетъ недоумѣніе, и приходскій священникъ въ виду сего закона можетъ вѣнчать дѣтей, достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія безъ дозволенія родителей или опекуновъ“. Кажется, ясно: вѣнчать можно?... Но... вѣдь это личное толкованіе законовъ, сдѣланное лицомъ частнымъ, думаю себѣ. Давай посмотрю: съ разрѣшенія ли хоть духовной цензуры вышло „Практическое руководство“ Сильченкова? Оказывается: безъ разрѣшенія. Обращаю далѣе вниманіе на „выноски“, которая сдѣлана вслѣдъ за

разрѣшеніемъ упомянутаго вопроса Сильченковымъ. Вижу: разрѣшеніе заимствовано изъ 18 № Курск. епарх. вѣдом. за 1882 годъ. Итакъ Курское Епархіальное Начальство разрѣшаетъ вѣнчать достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія безъ благословенія ихъ родителей. Можно вѣнчать стало быть... Но... вѣдь я подчиненъ не Курскому Епархіальному Начальству, а что, если мое начальство не такъ посмотритъ на дѣло, какъ Курское?...

Не удовлетворяюсь книгою Сильченкова, и ищу новыхъ руководствъ.

Беру въ руки „Календарь для духовенства на 1883 г.“ (бесплат. прилож. къ газ. Церковно-Общ. Вѣст.), и нахожу, что тамъ въ отдѣлѣ „Епархіальное законодательство за 1882 г.“, на страницахъ 354—358, Симбирская духовная консисторія пространно разсуждаетъ относительно моего вопроса. Между прочимъ упомянутая консисторія говоритъ здѣсь слѣдующее: „хотя въ 4 пункт. § 18 инструкціи благочиннымъ это воспрещеніе и ограничено словами: „до извѣстнаго возраста“, но этотъ возрастъ слѣдуетъ опредѣлять не столько числомъ лѣтъ вступающихъ въ бракъ, сколько ихъ семейнымъ и общественнымъ положеніемъ; дѣти, рѣшающіеся вступать въ бракъ, могутъ имѣть родителей, которые по грубости и деспотизму склонны злоупотреблять своею властію надъ дѣтьми, и это злоупотребленіе властію можетъ угрожать гибельными послѣдствіями для дѣтей при своенравномъ, своекорыстномъ и неразумительномъ воспрещеніи ихъ родителями вступать въ бракъ съ избранными ими лицами; въ такихъ случаяхъ долгъ приходскаго священника предложить родителямъ должное увѣщаніе и при недѣйствительности оного вѣнчать достигшихъ полнаго совершеннолѣтія (21 г.) дѣтей безъ согласія ихъ родителей. Но случай такого брачнаго соединенія должно считать исключительнымъ и вынужденнымъ данными неблагопріятными для брачующихся обстоятельствами. Могутъ сыновья и дочери, достигшіе полнаго гражданскаго (21 г.) совершеннолѣтія жить отдѣльно отъ родителей трудомъ самостоятельнымъ и не

зависѣтъ отъ родителей въ содержаніи. На такихъ дѣтяхъ лежитъ нравственно - религіозная обязанность испрашивать у родителей соизволенія и благословенія на вступленіе въ бракъ, и если эта обязанность со стороны дѣтей исполняется, а со стороны родителей согласія на бракъ не дается безъ всякихъ уважительныхъ на то причинъ, а опять только по злоупотребленію родительскою властію, то приходскій священникъ можетъ вѣнчать такихъ сыновей и дочерей безъ опасенія подвергнуться за то отвѣтственности. Само собою разумѣется, что пунктъ 4 § 18 благочиннической инструкціи, воспрещающій вѣнчать дѣтей до извѣстнаго возраста безъ воли родителей, этимъ самымъ отнюдь не даетъ права всѣхъ, достигшихъ полнаго гражданскаго совершеннолѣтія (21 г.), вѣнчать, не обращая вниманія на то, согласны или не согласны на бракъ родители брачующихся, а только даетъ поводъ убѣдиться, что въ извѣстномъ же возрастѣ, т. е. въ возрастѣ гражданскаго совершеннолѣтія, можно вѣнчать дѣтей и безъ воли родителей, когда то окажется необходимо нужнымъ по какимъ либо уважительнымъ причинамъ... Въ виду сихъ соображеній, Симбирская Духовная Консисторія въ данномъ случаѣ не имѣетъ законныхъ основаній согласиться съ мнѣніемъ Курскаго Епархіальнаго Начальства, безусловно разрѣшившаго вѣнчать всѣхъ, достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія, безъ дозволенія родителей, ибо подобное разрѣшеніе противорѣчило бы церковнымъ и гражданскимъ законоположеніямъ и повело бы къ явному подрыву семейнаго благосостоянія преимущественно въ крестьянскомъ сословіи, а мнѣніемъ своимъ полагаетъ: 1) Допустить вѣнчаніе лицъ, достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія въ крестьянскомъ населеніи только въ случаяхъ исключительныхъ, по причинамъ особенно уважительнымъ, подобнымъ тому, въ комъ (?) находился впритѣчъ села Городищъ, повѣнчавшій крестьянина деревни Новочекурской Якова Гаврилова съ 21-лѣтней дѣвicioй Іульніей Никитиной безъ дозволенія на этотъ бракъ отца

ея¹⁾. 2) Причтъ села Городищъ... отвѣтственности и взыска-
сканію не подвергать“ и проч. Хорошо, обстоятельно,
думаю себѣ... Но... во-первыхъ Симбирская Консисторія по ува-
жительнымъ, исключительнымъ причинамъ допускаетъ вѣчаніе
лицъ, достигшихъ полнаго гражданского совершеннолѣтія только
въ крестьянскомъ населеніи, а не вѣста „Парѣнова“ не
крестьянского, а мѣщанскаго сословія; во-вторыхъ слову: „воз-
растъ“ даетъ понятіе не обычное, произвольное и не ладящее съ
прямымъ смысломъ слова; въ-третьихъ я опять таки подчи-
ненъ не Симбирскому Епархіальному Начальству. А кто знаетъ,
быть можетъ, наша Костромская Консисторія въ данномъ случаѣ
не согласится и съ Симбирскою, точно такъ же, какъ ея послѣд-
няя не согласилась безусловно съ Курскою? въ-четвертыхъ, еслибы
и согласилась,—я ничѣмъ не могу быть увѣреннымъ, что причины,
по которымъ обвиняю я извѣстныхъ лицъ безъ благословенія
ихъ родителей, сочтеть она уважительными, ибо что для одного
уважительно, то для другого можетъ быть совсѣмъ не уважи-
тельно...

Не успокоенный, я обращаюсь къ самымъ послѣднимъ, къ
самымъ новымъ—свѣжимъ „руководствамъ“.

Беру „Странникъ“ за августъ мѣсяцъ сего 1883 года.
Здѣсь въ статьѣ „Обрученіе и вѣчаніе по Кормчей книгѣ“
между прочимъ поставленъ вопросъ: до какаго возраста
дѣти обязаны просить дозволенія на бракъ у роди-
телей?—и таковой на него отвѣтъ: „Судя потому, что власть
отеческая, согласно статьямъ 178 и 179 § 2-й (?), продол-
жается за предѣлы совершеннолѣтія дѣтей, нужно думать, что и
совершеннолѣтніе обязаны просить дозволенія на бракъ у своихъ
родителей. Но... 18 ст. инструкции благочиннымъ считаетъ не
дѣйствительнымъ бракъ, заключенный безъ воли родителей, только

¹⁾ Въ какихъ именно исключительныхъ случаяхъ выходился причтъ
села Городищъ по отношенію къ повѣчанному или браку, объ этомъ не-
сказано въ распоряженіи Сибир. Дух. Кон. Авторъ.

въ томъ случаѣ, когда лице брачующееся не достигло извѣстнаго возраста. (Какой же это однако извѣстный возрастъ? Есть ли это 18 лѣтъ для мужчинъ и 16 для женщинъ, или здѣсь разумѣется совершеннолѣтіе гражданское? Ничего опредѣленнаго сказать нельзя). Тотъ случай, когда родители просто по капризу, безъ достаточныхъ основаній отказываютъ въ своемъ согласіи, нашимъ закономъ не предвидѣны“ (—стр. 576). Въ той же статьѣ, на страницѣ 575, относительно согласія родителей и 3-хъ лицъ между прочимъ сказано: „постановленія дѣйствующаго права по этому предмету отличаются полнѣйшею непродѣленностію“...

Какъ тутъ разобраться?

Если и совершеннолѣтніе обязаны просить дозволенія на бракъ у своихъ родителей, и слѣдовательно священникъ безъ этого дозволенія вѣнчать не имѣетъ права, то какой же въ самомъ дѣлѣ возрастъ разумѣется подъ словомъ „извѣстный“, — возрастъ, въ которомъ священникъ можетъ вѣнчать желающихъ сочетаться бракомъ безъ дозволенія ихъ родителей? Не разумѣются ли подъ „извѣстнымъ возрастомъ“ вдовцы и вдовицы? Но въ такомъ случаѣ, кажется, такъ бы и сказано было, что вѣнчать дѣтей, безъ благословенія ихъ родителей, не слѣдуетъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя, вступивши въ бракъ, овдовѣють... Или: не слѣдуетъ ли подъ „извѣстнымъ возрастомъ“ разумѣть тѣхъ совершеннолѣтнихъ дѣтей, которыя въ возрастѣ совершеннолѣтія лишаются своихъ родителей? Но въ такомъ случаѣ, когда родителей въ живыхъ нѣтъ, кажется, не можетъ быть и рѣчи объ ихъ дозволеніи или недозволеніи... „Какой же возрастъ? какой же возрастъ“?—повторялъ я въ мысли и, не найдя никакого, пришелъ къ заключенію, что слова „до извѣстнаго возраста“ въ благочиннической инструкціи не имѣютъ приложенія къ жизни, и мало того, что сбиваютъ съ толку пастырей, могутъ еще опирающихся на нихъ подвергнуть законной отвѣтственности и взысканію, а равно и лицъ въ

„известномъ возрастѣ“ обвинявшихся безъ благословенія своихъ родителей (ст. 1549 и 1556 улож. о наказ. Стран. августъ, 1883 г., стр. 576).

Почти цѣлую ночь я „промучился“, можно сказать, надъ разрѣшеніемъ для себя самую жизнь поставленнаго мнѣ вопроса, чтобы на слѣдующій день дать тотъ или иной рѣшительный отвѣтъ на ждущей жизни...

Я рѣшилъ: не вѣнчать молодыхъ людей безъ благословенія невѣстиной матери.

„Но если“,—возражаетъ мнѣ внутренній голосъ,—„если невѣста не вынесетъ насмѣшекъ, оскорбленій, скорби и тѣсныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ особенно ощутится она въ случаѣ отдачи Пароена въ военную службу,—если наложить на себя руки“. Что же дѣлать? отвѣчаетъ мнѣ разсудокъ: жалѣть другихъ надо, но для проявленія на дѣлѣ этого сожалѣнія по отношенію къ другимъ надо чувствовать подъ собою твердую почву; надо жалѣть другихъ, но надо и самому беречься, а не отдаваться въ жертву всяческихъ случайностей...

Разсуждая подобнымъ образомъ, я едва могъ заснуть...

На слѣдующій день, въ 6-ть часовъ утра, отецъ Пароена былъ уже у меня съ письмомъ отъ брата Евпраксіи.

Раскрываю письмо и читаю между прочимъ слѣдующее: „основываясь на убѣжденіяхъ Вашихъ. я прослъ и совѣтовалъ матери благословить свою дочь на этотъ бракъ, но она и слушать не хотѣла,—даже постыдила меня за мою просьбу. Позволяю себѣ предупредить Васъ и прошу не вѣнчать ихъ безъ согласія матери, потому я ранѣе полученія Вашего письма разъяснилъ уже мамашѣ всѣ послѣдствія по случаямъ противозаконныхъ вступленій въ браки; поэтому я думаю, никто не пожелаетъ подвергаться отвѣтственности и нести наказаніе, изображенное въ статьѣ 1552 (?) уложенія о наказаніяхъ. Примите увѣреніе“ и проч.

— Сама ли Евпраксія доставила мое письмо брату? спрашиваю я отца Пареенова, прочитавши письмо.

— Нѣтъ!... Что хопъ дѣлай: не идетъ,—бонится!...

— Ну, такъ сама и виновата... Вѣдь я же говорилъ ей, чтобы непременно сама она лично передала мое письмо брату. Скажи, что безъ благословенія ея матери я „вѣнчать“ не буду... Скажи, что „за бракъ безъ согласія родителей по закону положено на вступившихъ наказаніе: тюремное заключеніе отъ 4 до 8 мѣсяцевъ и лишеніе права наследовать послѣ родителей“ (Стран. августъ 1883 г. ст. Обруч. и вѣнч. стр. 576)... Сейчасъ вотъ я напишу еще...

Наскоро написалъ я еще письмо брату Евпраксія.

Въ письмѣ между прочимъ говорилъ я, что и самъ я имѣю въ виду статьи 1549 и 1556 улож. о наказ. (Стран. августъ 1883 г., стр. 576), но полагаю (моль), что онѣ не безусловны, и должны (моль), полагаю, потерять свое значеніе, въ виду 50 ст. улож. о наказ. (Руков. для сельск. наст. 1881 г., т. 2, стр. 205), гласящей... и проч., и въ виду 18 ст. инструк. благоч., ограничивающей... и проч.; но что при всемъ этомъ „вѣнчать“ Евпраксію безъ благословенія ея матери я все-таки не буду; затѣмъ вновь убѣждалъ и просилъ брата принять сестру подъ свое покровительство,—представить матери и вымолить у послѣдней прощеніе и благословеніе; просилъ еще разъ повторить ей мои совѣты и убѣжденія и проч. и проч.; словомъ просилъ употребить все силы и привести дѣло къ благополучному для Евпраксіи концу... „Евпраксія, находясь въ скорби, тоскѣ и тѣсныхъ обстоятельствахъ, можетъ наложить на себя руки... тогда каяться будетъ поздно... отвѣтственность за грѣхъ падетъ на мать“,—заключилъ я.

— Вотъ тебѣ еще письмо, обращаюсь къ отцу Пареена,—передай его Евпраксіи и скажи ей, чтобы всепрежнѣйшимъ образомъ сама она лично передала его брату.

На другой день отецъ Пареева несетъ мнѣ отвѣтъ и на это письмо.

Теперь братъ Евпраксін между прочимъ пишетъ мнѣ уже слѣдующее: „не легко поддалась моя мамѣ на мои убѣжденія; она оказалась гораздо упрямѣе, чѣмъ предполагалъ я. Но я собралъ все силы свои, и мнѣ удалось побѣдить въ ней это упрямство. Она закликала меня совѣтовать ей лишь то, что подскажетъ мнѣ добрая и безпристрастная совѣсть... Я же съ своей стороны, движимый Вашими пастырскими убѣжденіями и руководствуясь слѣдующими соображеніями—во 1-хъ Евпраксія по собственной своей волѣ ушла въ эту грязь, отъ которой уже нѣтъ болѣе средствъ очистить ее,—во 2-хъ за порочную жизнь Евпраксін мать отеклась отъ нея навсегда и изгнала ее изъ-подъ своего крова,—почитаю за лучшее—предоставить ей доканчивать свой скверный путь, потому другого, лучшаго пути для нея уже не существуетъ... И настаивалъ убѣждать мать, и наконецъ добился отъ нея согласія не препятствовать бракосочетанію Евпраксін съ Пареевомъ. Теперь смѣло ручаюсь, что отъ матери относительно вступленія въ бракъ вышеозначенныхъ лицъ претензій никакихъ не будетъ. Поэтому честь имѣю покорнѣйше просить Васъ обвинять ихъ“...

— Ну теперь какъ: сама ли Евпраксія относитъ письмо мое брату? Была ли у матери? спрашиваю, прочитавши письмо.

— Было ужъ, батюшка, всего... Едва уговорили ее идти съ посторонними. Три раза была она у матери, и мать не хотѣла благословить ее, а только бранила... Евпраксія, послѣ каждаго раза, какъ сумасшедшая, выбѣгала отъ нея, и бѣжала, куда глаза глядятъ... Братъ не велѣлъ ее оставлять одну, чтобы чего она не сдѣлала надъ собой... Какъ въ четвертый разъ привели ее къ матери, мать тогда благословила ее, перекрестила и сказала: „Богъ съ тобой“, и, какъ только вымолвила это слово, замертво ушла... Кабы не братъ Евпраксін,—дѣло бы никакъ не склеилось... Дай, Богъ, ему добраго здоровья!... Благодар-

ствую, батюшка, и вамъ, сказалъ крестьянинъ, и съ этими словами повалился мнѣ въ ноги...

— Не кланяйся, не кланяйся, мой другъ! молись Богу, чтобы Богъ устроилъ все ко благу...

— А сколько, батюшка, возьмете вы съ меня за вѣнчанье?...

— Сколько можешь дать, столько и возьмемъ...

Крестьянинъ назначилъ плату, вдвое меньшую той, какую даютъ за бракъ другіе крестьяне.

— Ну, и хорошо, говорю я... Вѣдь ты можешь видѣть и понять, что советъ не изъ-за интересу я хлопочу по дѣлу вашему?...

— Вижу, вижу, батюшка...

— Вотъ что, другъ мой, я скажу тебѣ еще: надобно, чтобы прежде вѣнчанья, Пареевъ и Евпраксія принесли Богу покаяніе во грѣхахъ своихъ,—пришли ко мнѣ на исповѣдь...

— Увольте, батюшка—кормилецъ! взмолился крестьянинъ: засмѣется народъ, коли они причастятся...

Крестьяне думаютъ, что передъ бракомъ причащаются грѣшно...

— Смѣяться тутъ совершенно нечему, говорю... Въ древнія времена христіанства желающіе сочетаться бракомъ причащались святыхъ Таинъ предъ самымъ совершеніемъ браковѣчанія (Рус. для сельск. паст. 1883 г., т. 2, № 32, стр. 371, ст. „Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской Церкви и по церковно-гражданскимъ постановленіямъ русской Церкви“). Такъ дѣлають и нынѣ тѣ добрые христіане, которые понимаютъ вещи правильно, не такъ, какъ вы. Что же касается Пареева и Евпраксія, то успокойся: ихъ я и не допущу еще до причащенія, хотя бы они и пожелали причаститься,—и это мое недопущеніе ихъ до причастія они должны будутъ принять, какъ „явную“ для всѣхъ эпителию за ихъ грѣхъ; ихъ я только исповѣдаю... Это намѣреніе мое—рѣшительное... Передай имъ, чтобы въ слѣдующее воскресенье непременно они пришли

ко мнѣ на исповѣдь: иначе вѣнчать ихъ я не буду... Пойми, съ чистою ли совѣстію лучше вступать въ бракъ и чрезъ бракъ въ новую жизнь, или же съ совѣстію замаранною грѣхомъ?— Передай же, смотри, имъ...

— Хорошее дѣло, батюшка...

Молодые люди очистили совѣсть свою въ таинствѣ покаянія... Бракъ ихъ совершился. Черезъ день послѣ брака Пареева отдали въ солдаты...

Такъ-то вотъ приходится иногда рѣшать пастырю выдвигаемые жизнью вопросы по разнымъ „руководствамъ“, противорѣчащимъ другъ другу! Приходъ мой небольшой—400 душъ, а случай, подобный описанному, не первый уже и въ моей практикѣ. Въ большихъ приходахъ подобные случаи, разумѣется, должны встрѣчаться чаще. Какъ пастыри рѣшаютъ въ томъ или иномъ мѣстѣ таковыя вопросы: за нѣкоторыми исключеніями, я не знаю; но полагаю, что вопросами этими они ставятся въ большое затрудненіе—ставятся, такъ сказать, между двухъ огней: обвинять бракъ безъ благословенія родителей значитъ подвергнуть себя опасности штрафовъ, а пожалуй и иныхъ, болѣе тяжкихъ, наказаній; не обвинять значитъ принять на себя нравственную отвѣтственность за развитіе, или же продолженіе незаконныхъ связей, и даже за самоубійство извѣстныхъ лицъ,— самоубійство, которымъ въ жизни разрѣшаются нерѣдко непреодолимые препятствія къ желанному браку,—значить, кромѣ того, подвергнуть себя нареканію извѣстной части общества—суду, такъ называемаго, „общественнаго мнѣнія“... Еслибы, напримѣръ, бракъ Пареева съ Евпраксіей не состоялся, то легко бы могло случиться, что послѣдняя, обезславленная, опозоренная, осмѣянная, оставленная почти всѣми, въ концѣ концовъ даже самимъ Пареевомъ, призваннымъ въ военную службу, не вынесла бы своего тяжкаго положенія и наложила бы на себя руки...

Могло бы случиться также, что въ какой либо газетѣ описали ея самоубійство и причины, побудившія къ нему... Многіе—и многіе, прочитавши это описаніе, сказали бы: „какой черствый и жестокий эгоистъ и формалистъ—этотъ попъ, не обвинявшій Евпраксію съ Пароеномъ“!... Итакъ въ томъ и этомъ случаѣ виновать священникъ!...

Чтобы вывести пастырей изъ подобныхъ затрудненій, очевидно, надо пересмотрѣть и исправить недоговорки и неясности въ существующихъ постановленіяхъ. Относительно, напримѣръ, вопроса о возможности или невозможности браковъ безъ благословенія родителей въ томъ или иномъ возрастѣ дѣтей надо опредѣленно, ясно и точно выразить: или, что невозможны эти браки ни въ какомъ возрастѣ,—или, если возможны, то въ какомъ именно возрастѣ. Въ послѣднемъ случаѣ слово „извѣстный“, очевидно, надо замѣнить опредѣленнымъ, яснымъ и точнымъ числомъ лѣтъ. А если возрастъ дѣйствительно „слѣдуетъ опредѣлять не столько числомъ лѣтъ вступающихъ въ бракъ, сколько другими обстоятельствами“, какъ думаетъ Сибирская Духовная Консисторія, то распоряженіе, подобное распоряженію этой консисторіи, только въ болѣе подробномъ и опредѣленномъ видѣ, надо сдѣлать руководственнымъ распоряженіемъ для всѣхъ епархій—для всѣхъ пастырей и пасомыхъ... Равнымъ образомъ въ упомянутомъ случаѣ, т. е. въ случаѣ возможности совершенія браковъ безъ благословенія родителей, законъ объ этой возможности надо согласить и примирить съ извѣстными „гражданскими“ статьями уложенія о наказаніяхъ, сдѣлавъ и въ этихъ статьяхъ соответствующее измѣненіе,—иначе сплошь и рядомъ станутъ встрѣчаться случаи, подобные указанному въ „Странникѣ“: „священникъ повѣнчаетъ бракъ безъ согласія родителей и будетъ правъ, а обвинявшійся, по иску родителей, по ст. 1549 и 1556, будетъ наказанъ“ (Стран. августъ 1883 г., стр. 576)...

Само собою разумѣется, что объ исправленіи, измѣненіи и дополненіи того или иного закона надо ходатайствовать...

Священникъ *Аркадій Левашевъ.*

Троица - Чудна.

Полезные совѣты сельскаго пастыря своимъ прихожанамъ.

VIII. Число жителей на земномъ шарѣ; число вѣръ, смертности и рожденій и разные способы управленія между людьми.

Всемогущій Господь, сотворившій вселенную изъ ничего однимъ словомъ Своимъ,—рече и быша, повелѣ и созда-
шася, по Своей безконечной благодати увѣнчалъ Свое твореніе
созданіемъ первыхъ людей Адама и Евы, отъ которыхъ произо-
шелъ весь человѣческій родъ, живущій на землѣ. Въ настоящее
время на землѣ людей считается до 1360 милліоновъ. Цифра
это, конечно, приблизительная; на самомъ же дѣлѣ число жите-
лей на землѣ гораздо болѣе. Есть страны на земномъ шарѣ,
напр. Африка, Америка и Австралія, которыя населены дикими
и полудикими людьми, которыхъ не возможно въ точности сосчи-
тать, такъ какъ они, при появленіи къ нимъ европейцевъ, обра-
зованныхъ людей, разбѣгаются по громаднымъ степямъ, непро-
ходимымъ лѣсамъ или же встрѣчаютъ бѣлыхъ людей съ оружіемъ
въ рукахъ. Кромѣ того есть страны, куда ученые люди, по
причинѣ разныхъ препятствій, не могутъ пробраться, а эти страны
также населены людьми, которыхъ никто еще не считалъ.

Такимъ образомъ въ числѣ жителей каждой части земнаго
шара показываются только такіе, которые живутъ осѣдло, состав-
ляютъ государства или сами себѣ ведутъ счетъ; тѣхъ же, кото-

рыя обитають въ холодныхъ странахъ или въ степяхъ и лѣсахъ жаркихъ странъ, трудно и сосчитать.

Самую населенную и образованную часть земли занимаетъ Европа, тогда какъ по пространству земли эта страна меньше другихъ частей свѣта, исключая Австраліи.

Самыя большія государства въ Европѣ—это наше отечество Россія, которая больше всѣхъ европейскихъ государствъ по пространству земли и по народонаселенію. Земли Россія занимаетъ до 100 тысячъ квадр. миль, а жителей въ Россіи до 100 милліоновъ, тогда какъ остальные государства въ Европѣ—Англія, Франція, Германія, Австралія, Турція, Италія, Испанія, Греція и др. всѣ занимають пространство земли только 70 тысячъ квадр. миль, также и жителей во всѣхъ этихъ государствахъ меньше, чѣмъ въ одной Россіи. Значить велика и сильна наша матушка Россія и не одолѣть ее врагамъ во вѣки!

Всѣхъ христіанъ на земномъ шарѣ—387 милліоновъ, изъ нихъ нашу православную вѣру исповѣдуютъ 100 милліон., а не христіанъ—970 милліоновъ, изъ нихъ язычниковъ и идолопоклонниковъ 495 милліоновъ. Значить на земномъ шарѣ болѣе всѣхъ идолопоклонниковъ и язычниковъ, т. е. людей, не знающихъ истиннаго Бога и поклоняющихся солнцу, лунѣ, грому, молніи, огню, разнымъ животнымъ и др. идоламъ. Въ настоящее время всѣ образованныя христіанскія государства, въ томъ числѣ и Россія, всѣми силами стараются чрезъ ученыхъ проповѣдниковъ (миссіонеровъ) распространять вѣру Христову по всему земному шару. Да просвѣтитъ свѣтъ Христовъ всѣхъ живущихъ на землѣ, и да будетъ едино стадо и единъ пастырь!

Полезнымъ нахожу сообщить вамъ, друзья, еще о томъ. сколько ежегодно рождается и умираетъ людей на земномъ шарѣ. Среднее число жизни человѣка на землѣ считается 33 года и 6 дней. Четвертая часть людей умираетъ до 7 лѣтнаго возраста, а безъ малаго не половина до 17 лѣтнаго. Изъ 100 человѣкъ

только 6 доживаютъ до 65 лѣтъ; изъ 500 человѣкъ только одинъ доживаетъ до 80 лѣтъ, а изъ 1000 одинъ до 100 лѣтъ. Каждый годъ умираетъ на землѣ до 33 милліоновъ людей, т. е. въ день умираетъ по 90 тысячъ съ лишнимъ человѣкъ, а каждый часъ по 3,800 челов., т. е. въ минуту болѣе 60, а въ 1 секунду, считая равнымъ счетомъ, по одному человѣку.

Рождается ежегодно на землѣ людей 4110 милліоновъ, такъ что родится людей на 810 милліоновъ болѣе, чѣмъ умираетъ ежегодно. Значить, еслибы не частыя войны и разныя заразительныя болѣзни, появляющіяся почти ежегодно въ разныхъ странахъ, то можно полагать, что на земномъ шарѣ мало было бы и необитаемыхъ — дикихъ странъ.

Въ заключеніе настоящей бесѣды разскажу еще вамъ, друзья, о томъ, какъ люди устроились живя на землѣ, т. е. о главнѣйшихъ видахъ и способахъ управленія.

Обыкновенно на землѣ каждый народъ, каждое племя по вѣрѣ и своему языку составляетъ одно государство. Государствомъ управляетъ одно или нѣсколько лицъ, которыхъ оно уполномочиваетъ властью, поручаетъ имъ управлять людьми, наблюдать за порядками внутри государства и за безопасностью отъ сосѣднихъ народовъ. Выборное лице издаетъ законы, опредѣляетъ налоги, необходимыя для содержанія войска, устройства дорогъ, школъ и проч. полезныхъ учрежденій; словомъ на главу страны возлагается забота о богатствѣ и славѣ страны и вѣреннаго ему народа.

Способы управленія между людьми, живущими на земномъ шарѣ, разные. У насъ въ Россіи, напр., всѣми дѣлами государства неограниченно управляетъ Священная Особа—Государь Императоръ. Помимо Его въ государствѣ не можетъ быть издано ни одного закона или распоряженія. Нашъ Государь—Монархъ самодержавный и Россія называется потому государствомъ монархическимъ—неограниченнымъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ (въ Англіи, напр., и Германіи) власть государя

ограничена депутатами отъ народа (выборными), которые принимаютъ участіе въ управленіи страной. Въ такихъ странахъ государь или король безъ вѣдома выборныхъ не можетъ самъ издать никакого закона. Такой способъ управленія страной называется также монархическимъ, только ограниченнымъ. Наконецъ въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр., въ Франціи, Америкѣ, народъ самъ управляетъ государствомъ чрезъ своихъ повѣренныхъ, которые изъ среды себя избираютъ предсѣдателя (президента) для того, чтобы онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы рѣшенія повѣренныхъ (выборныхъ отъ народа) въ точности и безприкословно исполнялись въ странѣ всеми. Такой способъ управленія называется народнымъ (республиканскимъ).

Все эти способы управленія государствами ведутся у людей образованныхъ и осѣдлыхъ. Бродячіе же народы, полудикіе и дикіе, управляются совершенно иначе. Обыкновенно у этихъ народовъ способы управленія первобытны. Родъ или племя управляется вождями или родоначальниками (старшими въ родѣ).

Самый лучшій способъ управленія страной—это монархическій неограниченный. Этотъ способъ управленія указанъ человеку Самимъ Богомъ. Подъ этимъ управленіемъ наше отечество Россія растетъ и укрѣпляется болѣе 1000 лѣтъ; тогда какъ въ другихъ государствахъ, гдѣ власть монарха или короля ограничена или гдѣ и вовсе нѣтъ государя безпрестанно происходятъ ссоры за власть, невинновеніе власти, смуты, разные раздоры, возстанія (революціи) и другія безпорядки. Вслѣдствіе этого государства съ такими способами управленія постепенно слабѣютъ, народъ забываетъ Бога и всякую власть и наконецъ такое государство можетъ совершенно пасть.

Счастливы мы съ вами, др. м., что живемъ въ Россіи и подъ скипетромъ Богомъ хранимаго самодержавнаго Монарха! Господь видимо любитъ и хранитъ нашу родную землю—Россію! Велика она! Широко раскинулась во все стороны на много ты-

сячь верстъ. Такъ отъ восхода и до заката солнца тянется она почти на 14 тысячъ верстъ, а отъ сѣвера и до юга занимаетъ 4 тысячи верстъ. Словомъ, нѣтъ въ мірѣ государства, которое бы по величинѣ могло поровняться съ нашей родной матушкой Россіей. А если еще сказать вамъ, что скипетру Русскаго Царя подвластно огромное, бывшее азіатское царство—Сибирь, которая почти въ три раза больше самой Россіи, то и подлинно, скажете вы, нѣтъ въ мірѣ царства, равнаго Россіи!

Свящ. *Павловскій.*

Проповѣдническое обозрѣніе.

Выдающимся явленіемъ текущей проповѣднической литературы епархіальныхъ вѣдомостей за послѣдніе дни безспорно должно быть признано поученіе пресв. Никанора, епископа херсонскаго и одесскаго, о театральныхъ зрѣлищахъ. Въ одномъ „высокообразованномъ и вліятельномъ обществѣ за званію трансзою“ пресвященному предложенъ былъ вопросъ, какъ онъ смотритъ на дозволеніе театральныхъ представленій въ Великій постъ? Пресвященный отвѣтилъ цѣлымъ поученіемъ, произнесеннымъ имъ въ день восшествія на всероссійскій престолъ Гоеудара Императора Александра Александровича, въ которомъ подробно высказалъ свое „сужденіе о дозволеніи театральныхъ представленій въ Великій постъ, какъ архіерей... въ духѣ Церкви“. Впрочемъ поученіе сразу же захватываетъ вопросъ далеко глубже и шире намѣченныхъ въ приступѣ рамокъ. Сказавши нѣсколько словъ о взглядѣ Церкви на театральныя представленія въ первые вѣка христіанства и о характерѣ театральныхъ языческихъ представленій того времени, проповѣдникъ затѣмъ начинаетъ разъяснять и доказывать, что „христіанство и театральныя зрѣлища противны другъ другу, что называется, въ принципѣ“; что театральныя представленія вовсе не преслѣдуютъ, какъ всѣ привыкли думать, ни цѣли нравственнаго усовершенія, ни цѣли очищенія внутрен-

нихъ помысловъ, ни цѣли обузданія, облагороженія, утонченія, очищенія и возвышенія внутреннихъ и вѣшнихъ чувствъ и вкусовъ. Цѣли театральныхъ представленій, по мнѣнію проповѣдника, — цѣли, совершенно противоположныя только что указаннымъ цѣлямъ¹⁾, и въ широкомъ развитіи театрального дѣла въ наши дни онъ склоненъ даже видѣть печальное и гибельное знаменіе времени. Въ ряду самыхъ драматическихъ произведеній современныхъ русскихъ писателей онъ не видитъ ни одного, которое можно было бы поставить на сценѣ, которое „не оскорбляло бы, не устранило бы въ принципѣ христіанскую вѣру, нравственность и патріотизмъ..., которое не смущало бы имѣющихъ очи видѣти, уши слышати, и сердце, и внутреннее чутье, чтобы разумѣти, что все это значитъ и къ чему направляется“. Хотя театральныя представленія, по мнѣнію проповѣдника, „противны христіанству“, но наши передовые радѣтели народнаго благоденствія, какъ извѣстно, сильно озабочены въ послѣднее время думою какъ бы завести специально-народный театръ не только по городамъ, но, пожалуй, и селамъ, — въ надеждѣ и полной увѣренности, что театръ будетъ лучшею народною школою вкуса и благородныхъ склонностей, школою, которая отвратитъ народъ отъ его грубыхъ нынѣшнихъ развлеченій, — наконецъ даже „родникомъ новодѣланной театральной поэзіи“. Посему проповѣдникъ обращается по адресу къ этимъ передовымъ радѣтелямъ и печальникамъ народнаго благоденствія съ такимъ задумевнымъ словомъ: „ради всего святаго не разрушайте, не отымайте у народа, какъ отняли у себя самихъ, истинно народную поэзію. Она есть у народа въ неисчерпаемомъ богатствѣ. Она пережила тысячелѣтія. Пережила въ пѣсняхъ и сказкахъ, былинахъ и легендахъ. Не бойтесь, народъ уже не дитя. Онъ уже понимаетъ значеніе былинъ и легендъ; понимаетъ, что сказка есть сказка, не болѣе. Тѣмъ не менѣе онъ любитъ свою извѣчную поэзію. Она у него весьма

¹⁾ См. Херсонск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 6, стр. 182—186.

часто переходитъ и въ то, что называется драмою, но въ драму не сочиненную, не дѣланную, не искусственную, а въ драму самой жизни, напр., въ празднованіи весны, жнитва, важнѣйшихъ событій семейныхъ, особенно же свадьбы. Она у него слилась съ поэзіею христіанскою; она очистилась, утончилась, возвысилась, увѣнчалась поэзіею христіанства, поэзіею христіанскихъ воспоминаній и празднествъ, особенно же празднествъ рождественскихъ святокъ, свѣтлаго Христова Воскресенія и цвѣтоносной Троицы. У нашего простаго народа испоконъ вѣка имѣются и зрѣлища, зрѣлища святыхъ, возвышенныхъ и назидательныхъ. Это всѣ священнодѣйствія въ храмахъ Божіихъ и въ домахъ, особенно же въ недѣли Страстную и Свѣтлую; это разнообразныя крестныя ходенія, особенно же свѣтло-пасхальныя, гдѣ народъ не только зритель, но самъ же участникъ и въ дѣйствіи. Вдумайтесь, отчего народъ любитъ храмы Господни и несетъ послѣднія лепты на ихъ благоуукрашеніе. Отчего любитъ праздники и крестныя, особенно же свѣтло-праздничныя ходенія. Подумайте, что и теперь еще на святой Руси народъ ходитъ со святынею изъ деревни въ деревню, сотнями и тысячами, днемъ и ночью по цѣлымъ недѣлямъ, съ ликующими всенароднымъ пѣніемъ, примѣрно, всерадостной пѣсни: Христосъ воскресе... Тутъ въ эти дни и минуты для народнаго сердца ключемъ бьетъ его извѣчная поэзія и назидающая, и возвышающая, и тихо утѣшающая, и превращающая для него печальную землю, юдоль плача для всѣхъ людей, въ свѣтлый рай высшей духовной утѣхи; поэзія, которая дѣлаетъ для него печальную, полную труда, лишений и скорбей, жизнь нечуждою такихъ глубокихъ радостей, какія рѣдко достаются любителямъ утонченныхъ наслажденій". Чему научится народъ нашъ въ театрахъ, покажетъ неизвѣстное, болѣе или менѣе отдаленное будущее; а чему научила его церковь и богатая извѣчная поэзія народная, то весь міръ съ удивленіемъ видѣлъ, особенно въ минуты тяжкихъ бѣдствій и испытаній, часто посѣщавшихъ раньше наше отечество.

По силѣ и выразительности мыслей заслуживаетъ вниманія также слово преосв. Веніамина, епископа черниговскаго и нѣжинскаго, въ день св. Пасхи и въ особенности его же слово въ нятокѣ 4-й недѣли Великаго поста—на пассіи. Это послѣднее слово отличается силою изображенія, рѣзко бьющею въ глаза яркостью красокъ, и все состоитъ изъ весьма удачнаго, тонкаго сопоставленія глубины надонія человѣка и человѣчества съ неизмѣримою глубиною любви Божіей, проявившейся въ безпримѣрномъ актѣ искушенія рода человѣческаго ¹⁾).

Задумчивостію вѣетъ отъ слова прот. П. Лепешинскаго въ день рожденія Государя Императора ²⁾). Планъ слова отличается полною естественностію и безыскусственностію. Празднованіе дня рожденія Государя Императора какъ бы невольно наводитъ проповѣдника на размышленіе о томъ, чему научаетъ насъ день нашего рожденія вообще. Только въ переходахъ отъ одной части слова къ другой и даже въ самой постановкѣ темы замѣчается избытокъ фразерства. Сказавши нѣсколько словъ о торжествѣ, собравшемъ слушателей въ этотъ день въ церковь, и выразивши пожеланіе: „да сохранить Господь и да укрѣпить и да преумножить“ долгоденствіе и благоденствіе Государя Императора и всего Его Царствующаго Дома „для счастья, силы и славы нашего возлюбленнаго отечества, для блага и радости нашей св. православной Церкви“, проповѣдникъ такъ переходитъ къ изложенію и въ такой формѣ выражаетъ тему своего слова: „А при этомъ не оставимъ и себя безъ назиданія, приличнаго настоящему торжеству“.

Изъ проповѣдей противъ современнаго анти-христіанскаго и анти-религіознаго направленія общества заслуживаетъ вниманія поученіе неизвѣстнаго проповѣдника Томской епархіи въ недѣлю православія. Въ немъ прекрасно разоблачены внутреннія сокровен-

¹⁾ Черниговск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 7, стр. 279—291.

²⁾ Могил. епарх. вѣдом. 1884 г., № 8, стр. 151—155.

ныя побужденія и разсчеты, какими руководятся наши „передовики“, пропагандируя свое ученіе. „Когда (они) говорятъ, что яѣтъ Бога, то говорятъ это для того, чтобы не находиться подъ судомъ Высочайшаго Существа и самимъ стать богами—владыками; когда говорятъ, что человѣкъ есть животное, то этимъ хотятъ разъ на всегда избавиться отъ добродѣтели и непріятныхъ самолюбію и тяжелыхъ подвиговъ ея; когда отрицаютъ безсмертіе души, то выражаютъ нежеланіе даже и думать о доброй жизни здѣсь на землѣ и объ отвѣтственности за худыя дѣла тамъ на небѣ; когда отрицаютъ власть и законы, то желаютъ очевидно во всемъ разнузданной свободы и личнаго произвола, хотятъ сказать: „я себѣ начальникъ и я себѣ законъ“; когда проповѣдуютъ даже о равномъ раздѣлѣ имуществъ въ силу братства и равенства всѣхъ, то и здѣсь подъ благовиднымъ предлогомъ, въ желаніи безъ труда жить въ довольствѣ, слишкомъ замѣтно самолюбивое „я“... Но довольно? Вотъ какіе разсчеты и побужденія къ пропагандѣ этихъ ученій. Всѣ они крайне самолюбиваго характера и безъ преувеличенія могутъ быть названы выраженіями того самолюбія, которое, по ученію Слова Божія, есть начало и корень грѣха. А оттого, что побужденіемъ и тайною пружиною дѣйствій этихъ направленій служить самолюбіе, и самыя дѣйствія ихъ крайне безжалостны и страшны: пороховъ, динамитъ, адскія машины и пр; а проистекающія отсюда дѣйствія безнравственны: убійства, подкопы, взрывы, возстанія, наглые оскорбленія“¹⁾ и т. п. Въ дальнѣйшемъ изложеніи поученія проповѣдникъ показываетъ, какъ „безмѣрно высокъ и святъ въ сравненіи съ этими грубыми мечтами идеалъ христіанской жизни“.

Нельзя наконецъ пройти молчаніемъ слова архим. Христофора въ день восшествія на престолъ Государа Императора Александра Александровича. Особенное вниманіе въ немъ обращаетъ на себя весьма удачная и довольно мѣткая характеристика современнаго

¹⁾ Томск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 5, стр. 15.

русскаго общества, надъ которою стоитъ призадуматься. „Въ мыслящей части общества,—говорить проповѣдникъ,—мы часто видимъ, если не открытое невѣріе, то сомнѣніе и колебаніе въ истинахъ св. вѣры Христовой. Все, что прежде считалось священнымъ и неприкосновеннымъ, подвергается строгой, часто придирчивой критикѣ. Скептицизмъ ведетъ къ индифферентизму въ области вѣры и нравственности. Стремленіе низвести человѣка на степенъ животнаго, бывшее прежде у насъ достояніемъ лишь небольшого кружка представителей естественной науки, теперь все больше и больше проникаетъ въ общество частію прямо, частію замаскированное заманчивыми формами беллетристической литературы, на которой нерѣдко воспитываются малыя дѣти. „Борьба за существованіе“—это положеніе современной философіи, ложно понимаемое, провозглашается, какъ жизненный принципъ, какъ откровеніе и въ своемъ еще большемъ искаженномъ примѣненіи прямо или косвенно служитъ причиною многихъ печальныхъ явленій въ нашей соціальной жизни. На мѣсто богодарованной свободы часто становится дикій произволъ. Ни въ области мысли, ни въ области жизни нѣтъ ничего прочнаго: нѣтъ ни прочныхъ принциповъ, ни устойчивыхъ убѣжденій, ни твердыхъ нравственныхъ правилъ; нѣтъ критерія для мысли, нѣтъ границъ для воли, нѣтъ ничего сдерживающаго для измѣнчивыхъ и непостоянныхъ порывовъ и стремленій сердца. Все распатано, все подвергнуто сомнѣнію. Отсюда какое-то безпокойное лихорадочное движеніе замѣчается повсюду, стремленіе куда-то впередъ, съ какою-то смутною надеждою на что-то лучшее, безъ опредѣленнаго ясно сознаннаго идеала. Повсюду видимъ желаніе стать выше своего положенія. Каждый стремится обогатиться, во чтобы то ни стало, обезпечить, возможно больше, свое матеріальное положеніе. Всѣ помогаютъ, какъ можно большихъ правъ, часто забывая объ обязанностяхъ, какія возлагаетъ на насъ то или другое общественное положеніе, то или другое служеніе. Не о важности служенія, не о возможно лучшемъ приготовленіи къ нему, не о познаніяхъ, необходимыхъ

для его выполнения, думаемъ мы, а о преимуществахъ, соединенныхъ съ нимъ; наука, знаніе, образованіе интересуютъ насъ настолько, насколько нужны они для матеріальнаго обезпеченія и возвышенія нашего общественнаго положенія. Все оцѣнивается и измѣряется съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ, и въ матеріальномъ благосостояніи почти исключительно полагается задача земнаго существованія, личнаго и общественнаго. Эгоизмъ, ничѣмъ не сдерживаемый, царитъ во всѣхъ сферахъ общественной и частной жизни. Каждый воображаетъ себя выше и больше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Каждый хочетъ больше управлять и повелѣвать, чѣмъ повиноваться и вѣрно исполнять свой долгъ. Непочтеніе къ высимъ и старшимъ, неуваженіе къ равнымъ, презрѣніе къ низшимъ, взаимное недовольство, раздражительность и нетерпимость, недоувѣріе и подозрительность, неискренность, обманъ и вѣроломство—вотъ почти обычные черты, характеризующія наши общественныя и частныя отношенія. Мы дошли почти до безразличія понятій добра и зла: общественная совѣсть наша черное называетъ бѣлымъ, бѣлое—чернымъ; невинность и честность подвергаются часто публичному поруганію, а порокъ и преступленіе едва не возводятся на степень добродѣтели¹⁾. Не мѣшаетъ только замѣтить, что иностранныя слова, которыми въ изобиліи нещадно все слово, помимо своей неумѣстности въ церковномъ поученіи, не мало мѣшаютъ проповѣдь и ея благотворнаго вліянія на сердца слушателей, такъ какъ значительно затемняютъ смыслъ проповѣдуемаго. И въ высокаторжественные дни, когда въ городскихъ кафедральныхъ соборахъ наиболѣе бываетъ посѣтителей изъ интеллигентнаго класса мѣстнаго общества (названное слово прознесено было въ тамбовскомъ кафедральномъ соборѣ), самыми усердными слушателями церковныхъ поученій является все же простой, необразованный людъ, собравшійся въ храмъ по сердечному влеченію, а не интеллигентный классъ, боль-

¹⁾ Тамб. епарх. вѣдом. 1884 г., № 6, стр. 271—273.

шество членовъ котораго являлось сюда лишь вслѣдствіе официальныхъ новѣстокъ. А между тѣмъ указаннымъ недостаткомъ (обиліемъ иностранныхъ словъ и даже цѣлыхъ рѣченій) страдают многія поученія текущей проповѣднической литературы епархіальныхъ вѣдомостей за послѣдніе дни. Такъ въ словѣ архим. Анастасія въ день восшествія на престолъ Государя Императора Александра Александровича, перепечатанномъ въ 11-мъ № Пермскихъ епархіальныхъ вѣдомостей за нынѣшній годъ: „анархія“, „анархизмъ“, „фанатически“, „принципъ“, „курсъ“, „актъ“, „хаотическій“, „сатира“, „карикатура“, „панacea“, „юридика“, „скрупулезный“, „культурная борьба“ и мн. т. п.,—и много шумящія выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „одна юридика въ рукахъ власти—не врачующая сила: перо въ рукахъ суроваго юриста становится бичемъ, растрavляющимъ общественныя раны; а въ рукахъ педагога, ставящаго баллы ученикамъ по вдохновенію одной только школьной юридыки, перо становится клювомъ коршуна, которымъ заклевано не мало молодыхъ жизней“ и т. д. Самое слово далеко больше походитъ на бойкую журнальную статью, чѣмъ на церковное поученіе¹⁾.—Въ словѣ прот. М. Н—скаго въ недѣлю православія: „индивидуальный“, „абсурдъ“, „миссія“, „моментъ“, „папизмъ“, „адамантъ“, „практический“, „теоретическій“, „властный“, „наско-іерархическій деспотизмъ“, „юридическій формализмъ“, „индифферентизмъ“, „фатализмъ“, „гармоническое единство“, „симпатичный“, „провиденціальный“ и мн. т. п.²⁾. Въ словѣ прот. І. Смирнова, представляющемъ собою сухую лекцію по нравственному богословію о значеніи религіи для нравственности: „лабиринтъ разнообразія“, „идеалъ“, „идеальный“, „стойческій“, „энергія“, „прогрессивно“ и т. п.³⁾.

¹⁾ Пермск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 11, стр. 161—166.

²⁾ Курск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 5, стр. 238—252.

³⁾ Рязанск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 7, стр. 119—197.

Сельскихъ поученій за послѣднее время помѣщено въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ не особенно-то много. Но и между этими немногими нѣкоторые заслуживаютъ полнаго вниманія, а именно: поученіе свящ. М. Вурцева въ день освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости¹⁾; весьма краткое поученіе свящ. А. Архонтова въ пятую недѣлю Великаго поста о необходимости „говѣнія“²⁾; поученіе свящ. Н. Зиновьева въ день Покрова пресв. Богородицы, сказанное по случаю большаго пожара, истребившаго добрую половину прихода о. Зиновьева (130 дворовъ). Въ послѣднемъ только не много натянутымъ является прямое сопоставленіе бѣдственнаго положенія жителей Константинополя во время нашествія сарацинъ въ 903 году съ плачевнымъ положеніемъ прихожанъ о. Зиновьева послѣ пожара³⁾.

Наилучшее же впечатлѣніе произвело на насъ поученіе свящ. І. Якимова въ 3-ю недѣлю Великаго поста. Простымъ и общедоступнымъ языкомъ говоритъ проповѣдникъ въ своемъ поученіи о крестопошеніи, какъ нельзя болѣе примѣнительно къ сельской крестьянской жизни, предлагая добрые совѣты въ дѣлѣ подвѣтїя подвига крестопошенія. Вотъ въ какихъ конкретныхъ образахъ напр. хотя бы выясняетъ онъ самое понятіе о крестѣ и крестопошеніи: „Возьми крестъ свой, сказалъ Господь. Какой это крестъ? Крестъ этотъ составляется изъ твоихъ скорбей и горестей, которыя пошлетъ намъ Господь за наши грѣхи для нашего исправленія или для испытанія нашей вѣры въ Него. Такъ, напримѣръ, постигла ли тебя тяжелая болѣзнь, или пожаръ истребилъ твоё имущество, недобрый человекъ обокралъ тебя, немиролюбивый сосѣдь оскорбляетъ тебя, или ты при всѣхъ твоихъ трудахъ терпишь крайнюю бѣдность, встрѣчаешь неудачи въ твоихъ дѣлахъ, или испытываешь другое какое

¹⁾ Тульск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 3, стр. 84—87.

²⁾ Пепз. епарх. вѣдом. 1884 г., № 7, стр. 27—29.

³⁾ Довск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 7, стр. 263—269.

бѣдствіе и горе—все это составляет тотъ крестъ нашъ, который мы должны взять и нести безъ всякаго ропота, съ твердою вѣрою въ Бога и покорностію волѣ Господней¹⁾“.

Съ 6 № Смоленскихъ епархіальныхъ вѣдомостей начали печататься поученія воспитанниковъ VI класса мѣстной семинаріи, въ видѣ приложенія къ епархіальнымъ вѣдомостямъ, подъ заглавіемъ: „Опытъ объясненія евангельской исторіи въ поученіяхъ“. Выпускъ I. Поученія эти, какъ показываетъ самое заглавіе ихъ и какъ это можно видѣть изъ двухъ изъ нихъ, помѣщенныхъ въ находящемся у насъ теперь подъ руками 6 № епархіальныхъ вѣдомостей („Воскрешеніе Лазаря“), представляютъ собою не болѣе, какъ весьма подробное, общедоступное изложеніе евангельской исторіи съ толкованіемъ каждаго евангельскаго стиха въ отдѣльности, безъ всякаго почти впрочемъ приложенія къ жизни. Судя по всему, названныя поученія будутъ въ свое время, кажется, выпущены отдѣльнымъ изданіемъ.

Г. Булашевъ.

¹⁾ Курск. епарх. вѣдом. 1884 г., № 6, стр. 304.

Годъ

XXV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЪСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей серебр.

№ 27.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Іюля 1-го.

Содержаніе: Письма къ сомнѣвающемуся въ вѣрѣ.—Разговоръ священника съ протестантомъ о второбрачіи священниковъ.—Христіанскіе обычаи и ихъ значеніе въ жизни.—Изъ разговора священника съ крестьяниномъ о платѣ за требы.

Письма къ сомнѣвающемуся въ вѣрѣ.

ПИСЬМО 4-е.

Противъ современнаго философскаго мудрованія, что христіанская Церковь будто бы внутренно разлагается и приближается къ паденію.

Въ настоящій разъ считаю долгомъ высказать свое сужденіе о томъ новѣйшемъ взглядѣ на христіанство, который выставляете на видъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ. Вы останавливаете свое вниманіе на такъ называемой философіи „будущаго“ и смущаетесь ея предсказаніями на счетъ судьбы христіанства. Философія „будущаго“... Дѣйствительно, нѣтъ болѣе подходящаго названія для такой науки, которая ничего не можетъ объяснить и разобратъ, но исключительно занимается тѣмъ, чтобы

разрушать и превращать все въ прахъ, и на все вопросы, на все трудности, на все требованія напыщенно отвѣчаетъ словомъ „будущность“. По этой философiи человѣчество всегда заблуждалось и нынѣ заблуждается. Если же спросить ее, гдѣ же истина, коль скоро человѣку позволено искать ее, то отвѣтъ готовъ: „въ будущемъ“. Отсюда все существующія религiи ложны, все онѣ только произведенія человѣка, только хитрая выдумка, чтобы обманывать „массы“, — предметъ насмѣшекъ для мудрецовъ, а тѣмъ болѣе, конечно, для проповѣдниковъ этой странной философiи. Но если должна быть истинная религiя, то гдѣ надо искать ее, — когда она едѣлается достоянiемъ людей? „въ будущемъ“. До сихъ поръ ни одинъ еще философъ не разрѣшилъ тайны вселенной, Бога и человѣка; только въ будущемъ придетъ тотъ вождедѣльный день, когда дѣйствительно разрѣшится эта загадка. Соціальныя и политическія отношенія должны измѣниться въ основѣ; — но еще не извѣстно, что же будетъ поставлено на мѣсто теперь существующаго; кто научитъ насъ разрѣшить съ увѣренностiю эту тернистую проблему! „Будущее“. Народныя массы жестоко страдаютъ въ цивилизованныхъ странахъ; бѣдность, голодъ, отвратительная нищета слишкомъ рѣзко отличаются отъ роскоши вышнихъ классовъ и „добраго житiя“ философъ. Гдѣ же средство для избавленія отъ этого тягостнаго положенія? Въ „будущемъ“. Будущность для исторiи, будущность для религiи, будущность для литературы, будущность для науки, будущность для политики, будущность для общества, будущность для нищеты, будущность для себя самого, будущность для настоящаго, будущность для прошедшаго, будущность для всего. Въ ней исцѣленіе отъ всехъ болѣзней, удовлетвореніе всехъ желаній, исполненіе всехъ надеждъ, осуществленіе всехъ мечтаній, — въ ней золотой вѣкъ, утренняя заря котораго, не доступная еще глазамъ профановъ, открывается единственно привилегированнымъ лицамъ, достигшимъ возможности читать какъ бы въ божественныхъ письменахъ исторію будущаго. Потому-то они привѣт-

ствуютъ ее съ радостію, потому-то они лелѣютъ ее, какъ лелѣтъ любящая мать дорогое дитя свое.

Не считаю нужнымъ входить здѣсь въ подробности на счетъ всѣхъ и всякихъ бредней этой странной философіи будущаго, — моя задача показать лживость этой философіи въ сужденіи лишь о христіанствѣ. По этой философіи, какъ уже было сказано, все человѣчество заблуждалось и заблуждается; всѣ религіи ложны, слѣдовательно и христіанство. Въ будущемъ предполагаются радикальныя измѣненія, удивительныя метаморфозы. Измѣненіе въ отношеніи къ христіанству будетъ состоять въ томъ, что оно сойдетъ со сцены и уступитъ свое мѣсто философіи. И въ настоящее время уже очевидны признаки его разложенія и приближенія къ конечному паденію. Посмотримъ же, насколько справедливо такое мудрованіе.

Въ мірѣ нравственномъ, какъ и физическомъ, первый признакъ приближенія къ смерти какого либо существа состоитъ въ томъ, что оно уже болѣе не растетъ и ничего не производитъ; конецъ его жизни предвѣщается прекращеніемъ развитія и дѣятельности. Такъ въ мірѣ физическомъ на деревьяхъ засыхаютъ листья, вянутъ цвѣты, плоды не растутъ; у животнаго уменьшается теплота во внутреннихъ членахъ его; силы его медленно совершаютъ свои отравленія; движенія его вялы, жизнедѣятельность останавливается. Теперь всмотритесь вы въ міръ духовно-нравственный и увидите тѣже явленія. Если падаетъ философская система, то прежде всего она теряетъ пріобрѣтенную ею силу; число ея послѣдователей уменьшается; изъ ея положеній дѣлаютъ новое употребленіе; а то, какое было прежде, считается устарѣлымъ. Все клонится къ тому, чтобы потерять къ ней довѣріе, а потомъ и совсѣмъ предать ее забвенію. Всякое законодательство предъ своимъ концомъ находитъ все меньше и меньше повинновенія, такъ что сами защитники его уже не осмѣливаются строго примѣнять его къ жизни и усвоить ему прежнюю силу и значеніе, тѣмъ болѣе уже теряется его вліяніе на

другіе народы; оно представляет собою бездыханное тѣло, которому остается только воздать подобающую честь погребенія. Тоже бываетъ и съ другими учрежденіями. Если пройти всю исторію человѣчества и обратить вниманіе на соціальныя и политическія учрежденія, приближающіяся къ своему паденію, то легко можно увидѣть, что въ послѣдніе періоды своего существованія они ни съ чѣмъ лучше не могутъ быть сравнямы, какъ съ разрушающимися зданіями, изъ которыхъ поспѣшно выбѣгаютъ обитатели, чтобы не погибнуть подъ ихъ развалинами. Ничего подобнаго не представляет собою христіанство. Въ настоящее время, христіанство распространилось по всѣмъ странамъ свѣта; его ученіе проникло во всѣ концы вселенной, и число его послѣдователей, какъ прежде постоянно возрастало, такъ и теперь все болѣе и болѣе увеличивается. Вотъ любопытныя цифры, показывающія¹⁾, какъ число христіанъ умножалось на земномъ шарѣ, начиная съ I вѣка нашего лѣтосчисленія по XIX столѣтіе. Въ I в. было 500,000 христіанъ; во II в.—2 мил.; въ III в.—5 мил.; въ IV в.—10 мил.; въ V в.—16 мил.; въ VI в.—20 мил.; въ VII в.—28 мил.; въ VIII в.—30 мил.; въ IX в.—40 мил.; въ X в.—50 мил.; въ XI в.—70 мил.; въ XII в.—72 мил.; въ XIII в.—75 мил.; въ XIV в.—81 мил.; въ XV в.—100 мил.; въ XVI в.—125 мил.; въ XVII в.—185 мил.; въ XVIII в.—250 мил., въ XIX в.—260 мил. Конечно, точность этихъ цифръ только приблизительная; но въ общемъ онѣ вѣрны. Мы видимъ, что въ нѣкоторые вѣка, напр., въ VIII в., въ эпоху появленія магометанства, въ XII и XIII вв., въ эпоху крестовыхъ походовъ—умноженіе христіанъ было незначительно, но все-таки продолжалось. Рѣзкіе переходы въ цифрахъ, особенно въ первые и послѣдніе вѣка христіанства, показываютъ, что оно умножалось не путемъ только рожденія новыхъ хри-

¹⁾ Предложенныя цифры заимствованы изъ жур. Мияист. Народ. Просвѣщенія, 1841 г., ч. II.

стіанъ, но и чрезъ обращеніе ко Христу иновѣрцевъ. Въ настоящее время христіанство также обнаруживаетъ живую дѣятельность въ миссіяхъ востока и запада; оно распространяетъ свои религіозныя учрежденія въ самыхъ отдаленныхъ странахъ; оно съ силою отстаиваетъ свои права то энергическимъ протестомъ, то терпѣливымъ перенесеніемъ преслѣдованій; оно защищаетъ свои ученія со всею силой учености и краснорѣчія; оно въ рядахъ своихъ послѣдователей имѣетъ въ высшей степени просвѣщенныхъ мужей, съ безпримѣрнымъ искусствомъ отстаивающихъ истину его ученія. Гдѣ же тутъ признаки его близкой кончины? Гдѣ же признаки его паденія?

Если жизнь, скажете вы, которую носятъ въ себѣ христіанство, такъ еще свѣжа, если признаки этой свѣжести такъ ясны и очевидны, то почему же вы постоянно толкуете и жалуетесь на зло, которымъ удручается Церковь въ настоящее время? Дѣйствительно, Церковь Христова въ настоящее время много страдаетъ отъ зла въ мірѣ,—но въ этомъ еще нельзя открыть признаковъ ея разложенія и приближенія къ концу. Зло, удручающее Церковь и ея разложеніе—эти мысли существенно отличны одна отъ другой и потому смѣшивать ихъ никакъ не слѣдуетъ. Къ этому я прибавлю дальне еще то, что есть нѣкоторое преувеличеніе настоящаго нестройства Церкви сравнительно съ тѣмъ, какое она обнаруживала и въ другія времена. Упадокъ вѣры и нравственности изображается въ крайне высокой степени не только врагами Церкви, но и вѣрнѣйшими ея сынами. Послѣдніе дѣлаютъ это изъ ревности и священнаго негодованія, а первые по своей склонности отрицать все хорошее и вслѣдствіе той радости, какую они испытываютъ, представляя паденіе и разрушеніе Церкви, котораго такъ сильно желаютъ они; отсюда-то жалобы на зло времени все болѣе и болѣе увеличиваются, и люди, менѣе образованные и разсудительные, начинаютъ думать, что Церковь Христова, сравнительно съ положеніемъ ея въ древнія времена, дѣйствительно, сокращается въ своихъ предѣлахъ,

приближается къ паденію; изъ мирнаго, богатаго, могущественнаго, цвѣтущаго царства она превращается въ бѣдную провинцію; она есть жертва своеволія, распущенности, анархіи. Во всякомъ случаѣ исторія вовсе не подтверждаетъ сейчасъ высказаннаго мнѣнія, „что если зло нашего времени чувствуется живѣе, такъ это потому, что болѣзнь на лицо, такъ сказать, дѣйствующая болѣзнь всегда бываетъ по преимуществу несносно тяжела.

Всѣ, которые мало знакомы съ исторіей христіанства и на каждомъ шагѣ соблазняются злополучными событіями, которыми такъ богата эта исторія, — никогда не должны упускать изъ виду, что религія Іисуса Христа есть религія страданій, противоборствъ, преслѣдованій, есть религія той жертвы, которая совершена была на землѣ чрезъ умерщвленіе ненорочнаго Агнца. Предтеча Господа обезглавливается и его голова служить подаркомъ въ дикой оргіи, чтобы удовлетворить кровію страшную жажду мщенія. Апостолы принимаютъ мученическую смерть во всѣхъ концахъ міра, а за ними идетъ безчисленный рядъ людей всѣхъ языковъ, поколѣній, націй, состояній, возрастовъ, половъ, которые за вѣру принимаютъ мученичество и смерть, и свои одежды омывають въ крови божественнаго Агнца. Васъ беспокоятъ отпаденія, которыя вы имѣете предъ своими глазами, васъ смущаютъ великія заблужденія многихъ, которые изъ интереса или мщенія, или по мотивамъ другихъ страстей, отрицаютъ своего божественнаго Учителя? Но развѣ забыли вы предательство Іуды и отреченіе святаго Петра? Вы видите множество отдѣлившихся отъ истинной Церкви Христовой, видите, какъ при помощи софизмовъ, ложныхъ мудрованій, враги Церкви стараются подорвать ея высокій авторитетъ, поколебать ея несокрушимую силу, но все это — не что другое, какъ простое повтореніе того, что случилось и прежде, во всѣ времена, отъ начала основанія Церкви. Уже въ первое столѣтіе существованія Церкви Христовой, подобно нечистымъ насѣкомымъ, рождались и множались беззавѣстные ереси: Симона, Керинеа, Меландра, Евіона, Василида и др. Во

второмъ столѣтіи появляются гностики, валентиніане, офиты, энкратиты, маркіониты, монтанисты и другіе. Въ третьемъ столѣтіи находимъ мы секты Праксея, Савелія, Павла Самосатскаго, Новата и Манеса. Такимъ образомъ въ то время, какъ Церковь должна была выдерживать нестерпимыя пытки, колесованія, усе-ченія мечемъ и бездну всякихъ ужаснѣйшихъ мученій, изъ нѣдръ ея выходили неблагодарные сыны, погружавшіеся въ собственныя измышленія, портившіе чистоту ея морали и догматовъ и, какъ истину, данную съ небеси, выдавали порожденіе своей фантазіи и обмана.

И что еще сказать о послѣдующихъ вѣкахъ Христовой Церкви? Говорятъ о мирѣ, данномъ Церкви Великимъ Константиномъ, и о той пользѣ, которая произошла отъ этого. Это, вѣрно; но несомнѣнно и то, что этотъ миръ Церкви часто былъ нарушаемъ и возмущаемъ, что невѣста Христова, Церковь, ни на минуту не забывала, что она обитаетъ въ странѣ чуждой, что она есть Церковь воинствующая, которой не суждено здѣсь наслаждаться полнымъ счастьемъ и покоемъ: послѣднее осуществится для ней въ то время, когда земной іерусалимъ преобразится въ іерусалимъ небесный. Въ томъ же вѣкѣ, когда крестъ водруженъ былъ на престолѣ цезарей, Церковь еще болѣе испытывала страданій. Кто не знаетъ, какое разстройство и безпорядокъ произвели въ Церкви расколы донатистовъ, мелетіанъ, люцифіріанъ? Церкви африканскія, египетскія и азійскія жили въ несогласіи, вѣрующе дѣлились, и цѣльная одежда Іисуса Христа разрывалась на части. Появились многія и гибельныя ереси—ереси Арія и Македонія. Противъ нихъ выступали тѣ, которымъ вѣрено было управленіе Церковію Божіею: составлялись соборы въ Никее и Константинополь. Не было недостатка и въ государяхъ—притѣснителяхъ Церкви, которая съ своими распоряженіями вѣшивалась въ дѣла церковныя. Таковъ былъ Юліанъ Отступникъ, поставившій своей задачей—испровергнуть Церковь Христову; бросались тогда и

ядовитыя стрѣлы извращенныхъ ученій; и защитники религіи видѣли себя вынужденными неутомимо бороться противъ всѣхъ этихъ враждебныхъ нападений на Церковь Христову; для защиты ея нужна была наука и краснорѣчіе, и вотъ, мы видимъ, выступаютъ великія свѣтила Церкви: св. Аѳанасій, Кириллъ, Василій Великій, два Григорія, Епифаній, Амвросій, Августинъ, Іеронимъ, Іоаннъ Златоустъ и другіе: они оставили по себѣ неизгладимую память своею борьбою противъ религіозныхъ заблужденій; это были воистинну исполины въ борьбѣ съ врагами божественной вѣры. Затѣмъ слѣдуютъ бѣдствія Церкви отъ нападенія варваровъ; Церковь, которой еще такъ много нужно было для своего благоустройства, видитъ себя окруженною дикими и буйными непріятелями; при этомъ она продолжаетъ страдать и отъ безпорядковъ внутреннихъ; ее удручаютъ и возмущаютъ старыя и новыя, другъ другу противорѣчащія, ереси. Сколько было соборовъ! Сколько посланій со стороны мужей, отличавшихся мудростію и святостію? Какая нетвердость и слабость въ вѣрѣ со стороны новообращенныхъ! Какое вообще шатаніе, колебаніе вѣры?! Гдѣ же тотъ миръ, который такъ восхваляютъ иные, — то невозмутимое господство, то завидное благосостояніе Церкви, наслаждаясь которымъ, она будто бы, подобно Петру, проходила путь свой по спокойному и тихому морю?

Теперь обратите ваше вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Немало есть такихъ людей, которые судятъ объ упадкѣ вѣры, исключительно основываясь на томъ, что они видятъ въ личностяхъ одного съ ними кружка. Неудивительно, если такая узкая точка зрѣнія приводитъ иныхъ къ заключенію, что безнравственность и невѣріе — явленіе обычное, состояніе людей „нормальное“. Безнравственный, обыкновенно, повсюду видитъ только безнравственное; для него нѣтъ ни одного почтеннаго человѣка, ни одной скромной женщины, ни одного хорошаго администратора, ни одного честнаго купца; невѣрность, эгоизмъ, подкупъ — обыкновенныя явленія повседневнои жизни; и если вы

хотите услышать сужденіе подобнаго человѣка о его собственныхъ порокахъ, то онъ скажетъ вамъ, что его пороки—не что другое, какъ результатъ глубокаго убѣжденія, что упражненіе въ добродѣтели совершенно не возможно. У него-де нѣтъ ни превосходныхъ способностей, ни прекрасныхъ взглядовъ, ни необходимой духовной силы для дѣланія добра,—да и что была бы за польза—ставить себя въ исключительное положеніе?! Жертва интригъ и страстей своихъ ближнихъ—онъ былъ бы безцѣльною жертвою на алтарѣ добродѣтели,—той богини, которая давно уже удалилась отъ земныхъ обитателей, чтобъ ужъ болѣе никогда не возвращаться. Не правда ли, что это языкъ страстей и влѣдетъ достаточнымъ познаніемъ къ оправданію пороковъ, къ успокоенію совѣсти людской? Приложите высказанное къ невѣрующему и найдете совершенно ту же аналогію. Невѣрующій говоритъ только съ людьми, которые раздѣляютъ его заблужденія, т. е. съ невѣрующими же, и когда заходитъ у нихъ рѣчь о всеобщемъ состояніи религіозныхъ убѣжденій, то каждый изъ нихъ тотчасъ вспоминаетъ свою связь съ извѣстными (анти-религіозными) ученіями: контингентъ невѣрующихъ переносится тогда въ различные пункты и затѣмъ безъ замедленія по индукціи дѣлается заключеніе, что вѣра не имѣетъ уже болѣе послѣдователей, что она отъ всѣхъ и навсегда безвозвратно удалена. Положимъ,—Х. вѣруетъ, но онъ лицемеръ; положимъ, У. вѣруетъ, но это дѣлаетъ изъ интереса, а З. вѣруетъ потому, что не хочетъ оскорбить свою мать и свою невѣсту; впрочемъ всѣ эти люди—только исключеніе; всеобщій фактъ невѣрія стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

При встрѣчѣ съ такими людьми попросите указать и тѣ источники, откуда почерпнули они такое „глубокое“ познаніе, и мѣсто, изъ котораго они заимствовали свои замѣчанія о состояніи вѣры въ мірѣ. Тотчасъ обнаруживается, что личности и общества, на которыя они указываютъ, слишкомъ ужъ далеки отъ насъ, чтобы можно было судить о нихъ. Заговорите съ нимъ о дру-

гихъ обществахъ, о другихъ людяхъ,—онъ ничего не знаетъ о нихъ. Обратите вниманіе ихъ на религіозныя движенія въ той или другой странѣ; назовите по имени знаменитыхъ представителей и писателей, укажите на важныя мѣста ихъ произведеній; оказывается, что съ этимъ родомъ литературы они не знакомы. Очевиднымъ становится, что они говорятъ о томъ, чего не знаютъ, отдѣльные, единичные факты выдаютъ за всеобщіе, что весь запасъ знаній о состояніи вѣры ограничивается у нихъ такими познаніями, которыя, безъ сомнѣнія, извѣстны всякому образованному человѣку.

Нѣтъ, если хотите судить о состояніи вѣры, нельзя ограничиваться только нѣкоторыми кружками, даже цѣлыми обществами. Религіозное движеніе—не то же, что напр. политическое, или меркантильное. Эти послѣднія ограничиваются обыкновенно очень узкимъ кругомъ, и, чтобы судить объ ихъ положеніи и направленіи, довольно войти въ одинъ изъ тѣхъ средоточныхъ пунктовъ, въ окружности которыхъ они совершаются. Но фактъ религіи—совсѣмъ другое дѣло: ея развѣтвленія неизмѣримы; ея корни сосредоточены во внутреннемъ складѣ общества; гордая столица и жалкая деревня не свободны отъ ея вліянія, и потому-то о ней въ высшей степени рискованно судить по тому, что мы видимъ въ извѣстныхъ только кружкахъ.

Итакъ то, что вы называете философіей будущаго, есть одна изъ безчисленныхъ химеръ, какія только можетъ изобрѣтать человѣческій умъ; она нисколько не разрѣшаетъ тѣхъ великихъ вопросовъ, о которыхъ беретъ разсуждать; ея предсказаніе еще не исполняется; христіанство продолжаетъ существовать и не представляетъ никакихъ признаковъ своего разложенія и окончательнаго паденія. Что же касается тѣхъ глубокихъ перемѣнъ, которыя, по мнѣнію этой философін, имѣютъ совершиться въ человѣческомъ обществѣ, то отворить возможность такихъ перемѣнъ нельзя, только смотрѣть на нихъ должно иначе. Мы хотя и живемъ въ вѣкъ переходной, но этотъ переходъ еще

составляетъ характеристическую особенность нашего времени; напротивъ это всеобщая форма цѣлой міровой исторіи; человѣческій родъ постоянно переходитъ изъ одного состоянія въ другое, переживаетъ различныя перемѣны то къ лучшему, то къ худшему.

В.

Разговоръ священника съ протестантомъ о второ- брачїи священниковъ.

Прот. Рѣшите мнѣ, почтеннѣйшій батюшка, слѣдующій вопросъ: почему у васъ не позволяется священникамъ вступать во второй бракъ?

Свящ. Потому, что они—священники. Вѣдь вы, конечно, знаете, что священники должны служить для прихода образцомъ нравственнаго совершенства.

Прот. Полагаю, что плохъ тотъ образецъ нравственнаго совершенства, когда священникъ, лишившись жены и не имѣя возможности вступить во второй бракъ, предается съ горя пьянству и другимъ порокамъ?

Свящ. Такой священникъ не былъ, очевидно, образцомъ нравственнаго совершенства и тогда, когда онъ имѣлъ жену: онъ, очевидно, являлся порядочнымъ человѣкомъ лишь потому, что судьба гладила его по головкѣ; но нравственное совершенство предполагаетъ такое свойство человѣческаго духа, при которомъ мы, подобно праведному Іову, не согрѣшали бы предъ Господомъ и не давали бы безумія Богу во всѣхъ приключеніяхъ нашей жизни (Іов. I, 22).

Прот. Да развѣ бракъ противенъ Богу? Иначе зачѣмъ же позволяется жениться во второй и даже третій разъ несвященникамъ? Вѣдь и всѣ ваши прихожане тоже хрістіане: ужели же тѣ изъ нихъ, которые поженились въ другой и третій разъ, не войдутъ въ царство Христово?

Свящ. Второй и третій бракъ во всякомъ случаѣ есть уступка человѣческой слабости для не могущихъ воздержаться (1 Кор. VII, 9), которая (уступка) если и необходима въ Церкви вообще, гдѣ имѣются сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные (2 Тимое. II, 20), и гдѣ сильные должны сносить немощи безсильныхъ (Римл. XV, 1), чтобы пріобрѣсти немощныхъ (1 Кор. IX, 22), но въ отношеніи къ священникамъ, какъ представителямъ Церкви, естественно никакая уступка не должна имѣть мѣста; они должны возвышаться надъ человѣческими слабостями; а если кто не можетъ, пусть оставляетъ свое высокое назначеніе, т. е. долженъ сложить съ себя санъ священства. Апостолъ Павелъ ясно говоритъ о томъ, каковы должны быть лица, составляющія церковную іерархію, между прочимъ и въ отношеніи ихъ брака: епископъ, пишетъ онъ, долженъ быть одной жены мужъ и проч. (1 Тим. III, 2—4); діаконъ также, продолжаетъ, долженъ быть мужъ одной жены и проч. (ст. 12, см. ст. 8, 9).

Прот. Наставленіе Апостола быть мужемъ одной жены я понимаю въ томъ смыслѣ, чтобы епископъ и діаконъ не были полигамистами.

Свящ. Полигамія не дозволяется и каждому христіанину вообще; поэтому рѣчь Апостола объ одной женѣ въ отношеніи къ епископу и діакону должно разумѣть не въ иномъ смыслѣ, какъ только въ томъ, что они не должны вступать во второй бракъ. Съ этимъ пониманіемъ согласуется весь вообще тонъ рѣчи Апостола о нравственныхъ качествахъ епископа и діакона.

Прот. Если вы требуете аскетическаго совершенства отъ священника, въ такомъ случаѣ гораздо рациональнѣе совѣтъ воспрепятствовать ему бракъ, какъ это установлено у католиковъ.

Свящ. Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано, говоритъ намъ Спаситель (Мѡ. XIX, 11).

Прот. Если не всё выѣщаютъ безбрачіе, то тѣмъ болѣе не всё могутъ выѣстить вдовства: человѣкъ, испытавшій супружескую жизнь, гораздо труднѣе долженъ переносить отсутствіе у него жены: лишиться того, что мы уже имѣемъ, всегда прискорбнѣе, чѣмъ не имѣть его вовсе.

Свящ. Когда человѣкъ смотритъ на бракъ главнымъ образомъ какъ на плотской союзъ, тогда дѣйствительно весьма трудно и горько оставаться вдовцомъ. Но бракъ, помимо плотскаго союза, есть преимущественно союзъ нравственный, духовный, какъ образъ союза Христа съ Церковію (Ефес. V, 32, см. Мр. X, 2—9). Кто искренно соединяется своею душою съ душою Богомъ данной ему жены, тотъ, повѣрьте, и не будучи священникомъ, ни за что не согласится вступить во второй бракъ, если смерть похититъ у него вѣчно дорогаго ему друга. Искренняя любовь, какъ пишетъ св. Апостолъ, долготерпитъ... не ищетъ своего... все покрываетъ... все переноситъ... никогда не перестаетъ (1 Кор. XIII, 4—8). Смерть напротивъ еще сильнѣе привязываетъ душу къ существу, которое составляетъ одну съ нами жизнь. Я знаю нѣкоторыхъ, которые оставались навсегда безбрачными, даже только обручившись съ похищенными у нихъ смертію повѣстами. Разъ полюбивши человѣка, именно жену, трудно замѣнить ее кѣмъ либо другимъ. Такова сила любви сама по себѣ; но она дѣлается еще непреклоннѣе, когда вдовецъ отъ всего сердца вѣруеть, что смерть есть не болѣе, какъ временная разлука съ отшедшимъ въ вѣчность существомъ, что настанетъ время, хоть, быть можетъ, и не чрезъ одинъ десятокъ лѣтъ, когда любимое существо снова встрѣтится съ плачущимъ о немъ, и радости ихъ уже никто не отниметъ у нихъ (Іоан. XVI, 22). Отсюда всякому вѣрующему вдовцу гораздо легче переносить свое безжовство, нежели человѣку, никогда не вступавшему въ бракъ; вдовецъ и безъ жены чувствуетъ себя какъ женатый; нравственно онъ не разлученъ съ своею женою и послѣ ея смерти; онъ къ ней въ тѣхъ же

отношеніяхъ, въ какихъ находится всякій вѣрный мужъ къ своей вѣрной женѣ, когда послѣдніе по какимъ нибудь обстоятельствамъ оставляютъ другъ друга на день, на недѣлю, или даже на нѣсколько мѣсяцевъ и годовъ, и потомъ опять вмѣстѣ. Для любящаго супруга искренно любимая жена и послѣ ея смерти жива, даже, можно сказать, болѣе жива, чѣмъ при ея жизни. Имѣя все это въ виду, какой истинный пастырь Церкви Христовой позволить себѣ вступить во второй бракъ? Одну жену, а не двухъ и не трехъ, создалъ Богъ для человѣка, и только два, а не три и не четыре, по намѣренію Творца, должны быть въ плоть едину (Быт. II, 22—24); слѣдовательно строго-естественнымъ супружескимъ союзомъ можетъ быть только единобрачіе, а не двообрачіе и не трообрачіе.

Прот. Если будущая жизнь такая же точно, какова она и теперь, тогда, конечно, ваши доводы должны имѣть свою силу; но дѣло въ томъ, что христіанство не допускаетъ магометовскаго рая, а потому всѣ ваши разсужденія о смерти жены, какъ только временной разлукѣ съ нею, а равно о сотвореніи одной только Евы, и все прочее не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ существу вопроса. Такъ разлука живыхъ супруговъ на день, на мѣсяцъ и т. д., очевидно, не можетъ быть сопоставляема съ разлукою смертною: въ первомъ случаѣ растающіеся на нѣкоторое время супруги остаются на одной и той же землѣ и ожидаютъ встрѣчи другъ съ другомъ въ такихъ же отношеніяхъ взаимныхъ, въ какихъ они были до своей разлуки; между тѣмъ какъ разлука, послѣдствіе смерти одного изъ супруговъ, прерываетъ въ конецъ земныя отношенія человѣка, и потому тутъ „чувствовать себя женатымъ и безъ жены“ по меньшей мѣрѣ фантастично. Точно также и въ разсужденіи созданія Богомъ одной жены (предполагая, что сказаніе объ этомъ созданіи не есть мифологическая сага): пока жена имѣется на лицо, конечно, безстыдно вступать въ союзъ съ другою женою; но если смерть разрываетъ одинъ союзъ, то почему же не строго естественно позволить себѣ

другой такой же союзъ? А что касается дѣлаемой вами нравственной связи, то она должна быть со всеми вообще людьми, а не ограничиваться столь узко, какъ вы толкуете.

Свящ. Я понимаю силу вашего возраженія; вы во первыхъ хотите указать на то, что условія будущей жизни будутъ совершенно другія, чѣмъ въ какихъ мы живемъ теперь. Такое указаніе ваше справедливо; объ этомъ говоритъ намъ и Спаситель, уча, что когда изъ мертвыхъ воскреснутъ, тогда не будутъ ни жениться, ни замужъ выходить (Мр. XII, 25. ср. Мѡ. XXII, 30; Лук. XX, 35). Но перемѣна условій жизни не измѣняетъ нравственного склада, когда послѣдній принимаетъ опредѣленную форму, или точнѣе опредѣленное направленіе. Доказательства сего мы видимъ еще въ этой жизни. Такъ напр. закоренѣлый воръ не перестаетъ быть воромъ въ своей душѣ и тогда, когда его заключаютъ въ тюрьму, а напротивъ, сиди въ острогѣ, онъ еще сильнѣе занять своею мыслию объ искусствѣ воровства; равнымъ образомъ сластолюбецъ не перестаетъ быть таковымъ и тогда, когда его физическія силы ослабѣваютъ. Точно также и въ будущей жизни всякое теперешнее направленіе человѣка будетъ приносить свой плодъ. Отсюда теперешнее двоебрачіе, конечно, уже не будетъ стоять въ будущемъ вѣкѣ на одной высотѣ съ единобрачіемъ, хотя тамъ и не будетъ магометовскаго рая, точно также какъ совершенное безбрачіе, само собою понятно, приметъ наивысшій вѣнецъ славы въ будущемъ вѣкѣ. Каждый получитъ свою награду по своему труду, учить Апостолъ Павелъ въ первомъ своемъ посланіи къ Коринѣянамъ (1 Кор. III, 8), труду и подвигамъ, какъ душевнымъ, такъ и тѣлеснымъ: всѣмъ намъ должно явиться предъ судище Христово,—читаемъ мы во второмъ посланіи Апостола къ Коринѣянамъ,—чтобы каждому получить соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое (2 Кор. V, 10)...

Прот. Получить доброе или худое, очевидно, духовно, получить соответственно тому, что каждый дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, но не получить вмѣстѣ съ тѣломъ...

Свящ. Позвольте,—я еще не окончилъ своего отвѣта на ваше предыдущее возраженіе. Упуская изъ виду строгое соответствіе между настоящею и будущею нашею жизнію, вы во-вторыхъ неосновательно смѣшиваете нравственный брачный союзъ съ таковымъ же союзомъ всѣхъ людей между собою вообще: первый союзъ есть тайна великая (Ефес. V, 32), второй—есть союзъ сыновъ Отца небеснаго (Мѡ. V, 45). А посему вопросъ о первомъ, второмъ и третьемъ бракѣ тѣмъ болѣе долженъ имѣть значеніе по отношенію къ будущей жизни.

Прот. Продолжаю свою рѣчь. Апостолъ ясно говоритъ, что въ будущемъ вѣкѣ каждый получитъ свою награду соответственно тому, какъ онъ жилъ въ тѣлѣ, другими словами: соответственно тому, какъ каждый жилъ на землѣ. Поэтому я снова не понимаю, какимъ образомъ однобрачіе и двубрачіе могутъ имѣть отношеніе къ будущей жизни, гдѣ о тѣлѣ и помину не должно быть. Я понимаю, что напр. убійца, зарѣзавшій человѣка, долженъ отвѣчать предъ Богомъ и своею совѣстію и въ будущей жизни, потому что убійство есть нравственное зло, хотя оно имѣетъ дѣло съ смертнымъ тѣломъ человѣка: но въ бракѣ какое вы находите зло, хотя бы онъ былъ и десятымъ, когда онъ составляетъ естественную потребность человѣческаго организма и вмѣстѣ съ смертію сего организма естественно прекращается? Но объ этомъ мы поговоримъ послѣ.

Протоіерей *Р. Титовъ.*

Христіанскіе обычаи и ихъ значеніе въ жизни.

Жизнь каждаго чловѣка болѣе всего управляется обычаемъ, который надъ всѣмъ господствуетъ, который требуетъ безусловнаго повиновенія и предъ которымъ нерѣдко преклоняются даже законъ

и государственная власть. Между тѣмъ какъ о многихъ узаконеніяхъ и административныхъ распоряженіяхъ не безъ основанія иногда говорятъ, что они издаются лишь для того, чтобы ихъ нарушали, между тѣмъ какъ на неисполненіе закона часто смотрятъ молча, а иногда даже и одобрительно, обычай неумолимо господствуетъ надъ всѣми людьми безъ различія лицъ и ихъ положенія. Никто не обязываетъ при смерти кого либо изъ близкихъ лицъ облекаться въ трауръ; но такъ какъ этого требуетъ обычай, то никому не приходитъ въ голову мысль нарушить это требованіе обычая. Но все ли прямые опредѣленія закона у насъ исполняются съ такою строгостью?

Вотъ наступаетъ праздникъ Рождества Христова или Пасхи. Ни на одномъ изъ другихъ праздниковъ не обнаруживается въ такой высокой степени сила обычая, какъ именно на этихъ двухъ. Трудно найти какую либо удаленную отъ торговыхъ пунктовъ деревню, какой либо одинокій хуторъ, дѣсную или степную хижину, обитатели которыхъ, не смотря на снѣжные заносы, морозы или водополье, не отправлялись бы въ городъ, въ мѣстечко или въ торговое село, чтобы сдѣлать для праздника закупки предметовъ, требуемыхъ обычаемъ, и не старались бы придать своему жилищу праздничный видъ, хотя бы они и не были ревностными исполнителями прямыхъ христіанскихъ обязанностей. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что обычай, не смотря на его неумолимое господство, очень гуманенъ и обыкновенно примѣняется къ положенію человѣка. Незатѣйливый обитатель дѣсной хижины все свои закупки для праздника можетъ помѣстить въ сумкѣ, бѣдная деревенская женщина нѣрѣдко ограничивается одною корзиною или мѣшкомъ, а богатый землевладѣлецъ можетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней дѣлать закупки и привозить ихъ въ экипажѣ или приносить чрезъ слугъ. Деревенская дѣвушка безъ всякаго стѣсненія можетъ ходить босою, а городская дама считаетъ не приличнымъ обнажать плечи. Вообще обычай всегда соответствуетъ климатическимъ условіямъ, національному харак-

Къ № 27-му.

теру, роду занятій, образу возрѣній, степени образованія, имущественному и общественному положенію человѣка, но вездѣ онъ требуетъ безусловнаго повиновенія.

Къ такому же господству стремится и мода, часто смѣшанная съ обычаемъ. Сопротивленіе ей большею частію оказывается бесполезнымъ. Нерѣдко даже самые упорные враги ея, послѣ продолжительной борьбы съ нею, въ концѣ концовъ оказываются вынужденными въ той или другой степени подчиниться ея вліанію. Мода имѣетъ близкое родство съ обычаемъ, но она какъ по своему характеру, такъ и по своему имени представляетъ нѣчто чуждое, — она высшими сословіями заимствуется обыкновенно изъ чужихъ странъ и главнымъ образомъ изъ Франціи, а чрезъ нихъ усвоится и другими классами общества. Сверхъ того она имѣетъ обыкновенно лишь вѣншній характеръ и не простирается на внутренній строй жизни. Наконецъ она есть продуктъ новаго времени. Она лишь въ новое время отдѣлилась отъ обычая, заняла самостоятельное положеніе, между тѣмъ какъ въ древности она служила если не исключительно, то большею частію выраженіемъ обычая. У всѣхъ народовъ, которые имѣютъ національный костюмъ, этотъ костюмъ явился вълѣдствіе не моды, а обычая. Обычай есть нѣчто прочное, устойчивое, а мода постоянно измѣняется, — постоянная переимчивость составляетъ даже ея существенную черту. Въ настоящее время мода получаетъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе, и мы должны обращать вниманіе на то, чтобы господство ея не простиралось далѣе чисто вѣншной стороны, чтобы она не вторгалась въ нашу семейную жизнь, въ характеръ общественныхъ отношеній, въ отношенія господъ къ слугамъ и т. п., чтобы и иноземными, пришлыми элементами не вытѣснялись наши родные, гораздо болѣе благородные и идеальные обычаи. Послѣдніе должны быть русскими для насъ, французскими для французовъ, нѣмецкими для нѣмцевъ и т. д., — однимъ словомъ, они имѣютъ національный характеръ и если по своему происхожденію не всегда принадлежать той націи, которая имѣетъ ихъ, то по

крайней мѣрѣ они настолько проникають жизнь ея и нація настолько сживается или свыкается съ ними, что являются неотдѣлимыми отъ ея жизни, между тѣмъ какъ мода представляетъ собою какъ бы наростъ на народной жизни. Измѣненіе національныхъ обычаевъ обыкновенно соединяется съ измѣненіемъ самаго строя жизни и возрѣній на нее.

Изъ того могущественнаго вліянія, которое оказываетъ каждый вообще обычай на жизнь человѣка, видно и высокое значеніе христіанскихъ обычаевъ. Конечно, христіанскіе обычаи сами по себѣ не могутъ имѣть существеннаго значенія. Оно получается ими лишь въ томъ случаѣ, когда они служатъ выраженіемъ извѣстной идеи, и именно—вѣры, надежды и любви, или когда напоминають намъ о нашихъ обязанностяхъ къ Богу и къ ближнимъ. Съ этой именно точки зрѣнія должны относиться и пастыри къ христіанскимъ обычаямъ. Они должны не только заботиться о поддержаніи христіанскихъ обычаевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ образомъ выяснять ихъ смыслъ и значеніе, чтобы они не превращались въ простую внѣшнюю привычку, не вліяющую на внутренний складъ жизни. Христіанскими обычаями пастырь долженъ пользоваться, какъ однимъ изъ средствъ для укрѣпленія въ своей паствѣ началъ истинной вѣры и нравственности, которыя нерѣдко утверждаются въ сознаніи и въ жизни гораздо прочнѣе чрезъ обычаи, нежели путемъ наставленій и примѣровъ. Онъ долженъ имѣть въ виду, что утрата христіанскихъ обычаевъ, изстари господствовавшихъ въ народѣ, всегда почти соединяется съ ослабленіемъ усердія къ ученію вѣры и нравственности, лежащему въ основѣ этихъ обычаевъ.

Какіе же христіанскіе обычаи существуютъ у нашего народа?

Начнемъ съ внѣшней стороны, съ самаго костюма. Въ костюмѣ мірянъ едва ли можно видѣть выраженіе какихъ либо спеціально христіанскихъ обычаевъ, но особая одежда служителей Церкви имѣетъ свое происхожденіе изъ первыхъ вѣковъ христіанства и должна служить для носящихъ ее постояннымъ напо-

миновеніемъ о высокихъ обязанностяхъ ихъ званія. Еще изъ болѣе древнихъ временъ происходитъ тотъ сохраняющійся доселѣ христіанскій обычай, по которому міряне присутствуютъ при богослуженіи съ непокрытою головою, а женщины — съ покрытою. Высокое значеніе этого обычая выясняетъ ап. Павелъ въ 1 Кор. гл. XI.

Обратимся теперь къ привѣтствіямъ и благопожеланіямъ. Въ нихъ теперь, къ сожалѣнію, начинаетъ обнаруживаться вліяніе моды, — въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ они все болѣе принимаютъ общенародный характеръ и нерѣдко переищиваются даже съ иностранными словами. Въ особенности у насъ почему-то пощастливилось слову *merci*, которое въ отвѣтъ на привѣтствіе употребляется даже людьми, совсѣмъ не знающими французскаго языка. Но среди простаго народа у насъ сохранились почти безъ всякаго измѣненія старыя благожеланія и привѣтствія. Въ нихъ обыкновенно или выражается чувство взаимной любви и участія, пожеланіе добраго здоровья, благополучія и насущнаго хлѣба (хлѣбъ и соль), или же прославляется имя Божіе, или наконецъ испрашивается помощь Божія. Нѣкоторыя изъ этихъ привѣтствій и благожеланій имѣютъ свое происхожденіе въ древнѣйшихъ, можетъ быть, даже въ до-христіанскихъ временахъ, но большая часть ихъ или прямо заимствована изъ древняго христіанскаго обычая или носитъ на себѣ прямое вліяніе его. Таковы напр. „Богъ во-помощь, помогай Богъ, какъ васъ Богъ милуетъ, куда васъ Богъ несетъ, слава Богу, слава Богу Іисусу Христу“ (въ Малороссіи) и т. под.

Перенесемся теперь въ домашнюю, семейную жизнь. Въ высшихъ и среднихъ классахъ она значительно уклонилась отъ своего древняго характера. Конечно, въ этомъ есть и хорошая сторона, потому что въ прежнія времена частная жизнь у насъ не была чужда крупныхъ недостатковъ, стоящихъ въ полномъ противорѣчій съ истиннымъ духомъ христіанства и зависѣвшихъ болѣею частію отъ общихъ недостатковъ, господствовавшихъ во

всемъ строемъ жизни (напр. деспотическое отношеніе высшихъ лицъ къ низшимъ, жестокое обращеніе мужей съ женами и т. п.). Но еще болѣе обнаружилось худыхъ сторонъ въ этомъ измѣненіи прежняго характера жизни, потому что подъ вліяніемъ западной культуры у насъ вмѣстѣ съ дѣйствительными недостатками исчезли и многіе добрые христіанскіе обычаи, которые доселѣ остаются неизмѣнными болѣею частію лишь среди низшихъ классовъ общества. Таковы напр. обычаи начинать и оканчивать каждый день молитвою, обращаться съ молитвою къ Богу предъ принятіемъ и послѣ принятія пищи, строго соблюдать установленныя Церковью посты, посѣщать церковное богослуженіе въ праздничные дни, приглашать священника для совершенія молебствія предъ началомъ обученія дитяти грамотѣ, осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ при первомъ звукѣ церковнаго колокола и вообще начинать каждое дѣло съ молитвою или съ призываніемъ имени Божія („Господи, благослови“ и т. под.). Но въ особенности унадокъ древнихъ христіанскихъ обычаевъ отражается во взаимныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, и между господами и слугами. Въ прежнія времена у насъ родители смотрѣли на дѣтей обыкновенно какъ на благословеніе Божіе, и въ основу своихъ отношеній къ нимъ полагали болѣею частію чисто христіанскія начала, влѣдствіе чего и самое воспитаніе и обученіе имѣло главнымъ образомъ религіозный характеръ. Теперь многіе родители смотрятъ на дѣтей, какъ на излишнюю обузу, и ограничиваютъ свои отношенія къ нимъ лишь физическимъ и умственнымъ воспитаніемъ ихъ, имѣя въ виду приготовить ихъ къ тому или другому роду дѣятельности. Что же касается отношеній господъ къ слугамъ, то и въ нихъ, не смотря на частыя злоупотребленія правомъ крѣпостничества, было не мало добрыхъ сторонъ. Прежде слуги и господа смотрѣли другъ на друга какъ на принадлежащихъ къ одному семейству, какъ на связанныхъ если не чисто христіанскими узами любви, то по крайней мѣрѣ общими интересами жизни. Теперь эта взаимная связь почти совсѣмъ исчезла: между

господами и слугами обыкновенно существуют лишь отношенія нанимателя къ рабочей силѣ, слуга смотритъ на своего господина лишь какъ на человѣка, отъ котораго онъ можетъ зарабатывать средства къ жизни, и большею частію не стѣсняется въ средствахъ для того, чтобы какъ можно болѣе поживиться на его счетъ, а потому не задумываясь переходить къ другому нанимателю, если находитъ это болѣе выгоднымъ для себя. Господа въ свою очередь также всегда готовы удалить своего слугу, если представляется возможность найти другаго на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Прежде господа слѣдили за религіозно-нравственнымъ состояніемъ своихъ слугъ, а теперь они обращаютъ вниманіе лишь на ихъ вѣншее поведеніе,—на исполненіе ими служебныхъ обязанностей.

Намъ нѣтъ нужды перечислять всѣ христіанскіе обычаи, исполнѣ утратившіеся или только отчасти удержавшіеся среди нашего народа. Надѣемся, что и указанныхъ нами достаточно для того, чтобы видѣть, какую тѣсную связь они имѣютъ съ образомъ жизни и воззрѣніемъ народа и какое могущественное средство они могутъ представлять нашимъ пастырямъ для насажденія и развитія въ наствѣ началъ христіанской вѣры и нравственности.

Н. Д.

Изъ разговора священника съ крестьяниномъ о платѣ за требы.

...„Развѣ не грѣхъ брать за крещеніе 40 коп., за бракъ 3—5 руб.“?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей; нельзя, поэтому, было обойти его. Воспользовавшись словами ап. Павла въ 1 Кор. 9, 7, 11 и 14 ст., я повелъ такую рѣчь:

„Господь, говоритъ Апостолъ, повелѣлъ проповѣдующимъ евангеліе жить отъ благовѣстія. Если

мы посѣяли въ васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное? кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада?—Послѣ этого сами судите, есть ли грѣхъ въ томъ, что духовенство беретъ плату за свои труды. Кто же станетъ трудиться даромъ? Священникъ—не ангелъ, чтобы могъ жить только духовною жизнью, а такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Ему нужно прокормить себя и семейство, нужно воспитать дѣтей. Гдѣ же онъ возьметъ средства, если не будетъ отъ васъ брать плату за свои труды? Идти на поденную плату онъ неспособенъ, да и нельзя ему отлучиться съ прихода, въ ожиданіи какой нибудь требы. За крещеніе же и бракъ тѣмъ болѣе не грѣхъ взять что нибудь, потому что это—не случайныя требы, заставшія человѣка врасплохъ, а такія, къ которымъ всякій могъ приготовиться. Поясню это примѣромъ. Теперь у насъ поденная плата рабочему 30 коп. Согласитесь ли вы за такую же плату работать лѣтомъ, во время уборки хлѣба“?

Нѣтъ, лѣтомъ пора страдная, каждому нужно спѣшить, лѣтомъ бываетъ пора, что и 3 руб. мало за рабочий день?

„А не грѣшно ли это“?

„Нѣтъ, лѣтомъ минута дорога“.

Вполнѣ вѣрю вамъ и потому допускаю, что и священнику можно взять за бракъ болѣе, чѣмъ за какую нибудь другую потребу потому, что, при рѣшеніи вопроса о содержаніи духовенства, время браковъ—тоже, что лѣто для земледѣльца.

„Но священники берутъ съ живаго и мертваго,—неужели имъ мало“?

И это вѣрно, но лучше бъ было, еслибы мы ничего не брали. Сегодня меня привезли къ вамъ за 10 верстъ, взявши меня чуть свѣтъ. Теперь день клонится къ вечеру, а пока я возвращусь домой на вашихъ изнуренныхъ лошадакахъ при этой грязи, то и ночь настигнетъ. Согласитесь ли вы за 5 коп. потратить для меня цѣлый день?—Это я получилъ съ живаго (напутствовалъ больного). А нѣсколько времени назадъ я пріѣз-

жалъ къ вамъ хоронить, и мнѣ дали за мертвaго 15 коп. Можно ли жить священнику, если онъ за крещенія и браки будетъ довольствоваться такою скудною добровольною благодарностью? Не забывайте при этомъ, что не каждый день я могу заработать и 15 коп. Иногда по цѣлымъ недѣлямъ не бываетъ ни одной требы, а жить нужно, нужно и семью прокормить. Не забывайте и того еще, что священники весьма часто трудятся для васъ совершенно безкорыстно, когда совершаютъ для васъ въ годъ болѣе ста службъ церковныхъ, когда предлагаютъ вамъ разнаго рода совѣты и наставленія. Прибавьте туда весьма нерѣдкія даровыя погребенія, надутствіе больныхъ, крестные ходы на Крещеніе Господне, Преполовеніе и пр.; добавьте туда даровое учительство, даровую отписку по приходу и многое другое, чего вы и не знаете, — и вы поймете, что священники слишкомъ много, какъ никто другой, трудятся для васъ совершенно даромъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что когда простому рабочему даютъ несходную плату, онъ можетъ отказаться отъ работы и быть свободнымъ, священникъ же долженъ явиться по первому требованію. Не духовенство, поэтому, грѣшитъ, что беретъ плату за совершеніе требъ, а скорѣе грѣшатъ прихожане своею скупостію, по которой они желали бы, чтобы духовенство трудилось для нихъ совершенно даромъ. Да и не странно ли подумать: нуженъ вамъ работникъ, вы ему назначаете плату, и онъ знаетъ, во что цѣнить его трудъ; за извѣстную плату договариваете вы себѣ писаря и старосту, сотскихъ и сборщика; знаетъ свое жалованье урядникъ, становой, прикащикъ и всѣ служащіе люди. Одни только священники живутъ нищенскимъ подаеніемъ, подвергаясь за это всевозможнымъ нареканіямъ, отъ которыхъ у многихъ священниковъ болью болитъ ихъ доброе сердце. Повѣрьте: бываютъ минуты, когда намъ тяжелѣе брать, чѣмъ вамъ давать. И потому — не укорять бы слѣдовало священниковъ въ какомъ-то грѣхѣ, а всѣчески позаботиться обезпечить ихъ опредѣленнымъ жалованьемъ...

Священникъ *Іоаннъ Zubovъ.*

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней.*

Дозволено цензурою. Киевъ, 26 іюня 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчака-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

XXV.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цена годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 28.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Іюля 8-го.

Содержаніе: Толкованіе на Евангеліе отъ Матѳея. — Когда лучше произно-
сить проповѣдь — вслѣдъ за прочтеніемъ Евангелія, или послѣ „Буди
пня Господне“? — Отчего наше духовенство не имѣло до сихъ поръ
надлежащаго вліянія въ начальныхъ народныхъ школахъ свѣтскихъ
вѣдомствъ, и что надобно для обезпеченія за нпмъ такого вліянія въ
этихъ школахъ? — Ринско-католическое приходское духовенство въ Россіи.

Толкованіе на Евангеліе отъ Матѳея,

*тщательно составленное Евѳиміемъ Зигабеномъ преиму-
щественно на основаніи толкованія святаго отци нашего
Іоанна Златоуста, а отчасти и разныхъ другихъ
отцевъ¹⁾.*

Какъ отлично было бы, еслибъ мы не нуждались въ помощи
письменъ, но жили настолько чисто, чтобы сердца наши служили
намъ вмѣсто книгъ и напишывались Духомъ Святымъ, какъ книги

¹⁾ Съ этого номера начинаемъ печатаніе перевода знаменитаго толко-
ванія на Евангелія Евѳимія Зигабена. Если Богъ дастъ довести дѣло до
конца, то читатели „Руководства для сельск. паст.“ будутъ имѣть въ этомъ
изданіи наилучшее пособіе къ пониманію Евангелій, основанное на свято-
отеческихъ толкованіяхъ, тщательно собранныхъ Зигабеномъ и получившихъ
цѣлостность и законченность.

черниломъ. Но такъ какъ мы уже отвергли эту благодать, то о елибы мы больше дорожили и пользовались письменами на то, на что нужно!

Тѣмъ, которые были въ Ветхомъ Завѣтѣ, Ною, Аврааму и его потомкамъ, Іову и Моисею Богъ говорилъ Самъ, а не чрезъ письма, находя у нихъ чистый умъ. Но когда весь еврейскій народъ впалъ въ бездну нечестія, тогда появились скрижали и письма, чтобы при помощи ихъ воспоминать о прошедшемъ. Равнымъ образомъ всякій могъ бы видѣть, что тоже случилось съ тѣми, которые жили въ Новомъ Завѣтѣ. Господь не далъ ничего написаннаго апостоламъ, но вмѣсто писемъ обѣщалъ имъ дать благодать Святаго Духа: Той воспомянетъ вамъ, сказалъ, вся (Іоан. 14, 26). А чтобы ты зналъ, что это гораздо лучше, слушай, что Онъ говоритъ чрезъ пророка: завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, дая законы Моя въ мысли ихъ, и на сердца ихъ напишу я (Іерем. 31, 31—33) и вся сыны научены Богомъ (Ис. 54, 13). И ап. Павелъ, показывая это превосходство, говоритъ, что законъ воспринять не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотяныхъ скрижаляхъ сердца (2 Кор. 3, 3). Когда же съ теченіемъ времени они были сокрушены то ради ученія, то ради жизни и нравовъ, опять явилась нужда въ воспоминаніи при помощи писемъ. Итакъ подумай, сколь великое зло для насъ, которые должны были жить настолько чисто, чтобы не нуждаться въ письменахъ, но вмѣсто книгъ представлять Духу Святому сердца,—какое зло для насъ, послѣ того какъ мы потеряли эту честь и сами поставили себя въ такую необходимость,—не воспользоваться этимъ вторымъ лекарствомъ, но презирать письма, какъ напрасно данныя и пустыя. А чтобы этого не случилось, обратимъ вниманіе на писанія и тщательно изслѣдуемъ силу каждаго изъ нихъ, чтобы извлечь оттуда богатое сокровище правильнаго ученія и собрать примѣры святой жизни.

Но почему, когда было двѣнадцать апостоловъ, написали Евангелія только два изъ нихъ—Матѳей и Іоаннъ? Остальные два были скорѣе спутниками—Маркъ Петра, а Лука Павла. Потому что они не дѣлали ничего ради честолюбія, но все—по требованію необходимости. Увѣровавшіе изъ іудеевъ просили Матѳея, чтобы онъ оставилъ имъ въ письмени евангельскую исторію, которую прежде передалъ имъ устно; подобнымъ же образомъ Марка просили тѣ, которые были просвѣщены имъ въ Египтѣ. Лука присовокупляетъ причину, почему онъ написалъ Евангеліе, говоря къ Теофилу, что онъ дѣлаетъ это для утвержденія. Онъ говоритъ: да разумѣши, о нихъ же научился еси словесѣхъ, утвержденіе (Лук. 1, 4). Іоаннъ же, имѣя подъ руками ихъ Евангелія и видя, что всѣ три заняты рѣчью преимущественно о воплощеніи Спасителя и потому умалчивали о томъ ученіи, которое касается Его божества,—по наставленію Христа приступилъ къ написанію Евангелія. Потому онъ сначала повѣствуетъ о божествѣ Христа, такъ какъ съ этою цѣлью онъ составилъ всю книгу. Итакъ удивляйся, что между тѣмъ какъ они писали не въ одно и тоже время, не въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и не сообщая что либо другъ другу,—всѣ четыре говорятъ какъ бы одними устами, особенно же въ тѣхъ догматахъ, которые относятся къ утвержденію вѣры; именно—что Богъ сталъ человѣкомъ, что рожденъ Дѣвою, что сотворилъ чудеса, что преподавалъ спасительныя заповѣди, что былъ распятъ на крестѣ и погребенъ, что воскресъ и вознесся на небо, что Онъ будетъ судить всѣхъ, что Онъ—единородный Сынъ, и равнаго существа, силы и чести съ Отцемъ и пр. Если кажется, что евангелисты нѣсколько несогласны въ несущественномъ, то это кажущееся несогласіе служить величайшимъ доказательствомъ истинны и освобождаетъ ихъ отъ всякаго подозрѣнія. Еслибы они были согласны во всемъ, даже до времени, мѣста и словъ, то никто не повѣрилъ бы, что они не сходились между собою, чтобы писать по общему соглашенію то, что только писали. И это

несогласіе мы теперь называемъ не противорѣчіемъ,—такъ какъ они не противорѣчили другъ другу даже въ несущественномъ,— а разногласіемъ. Такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ поставилъ чудо—въ одно, другой въ иное время,—одинъ въ одномъ мѣстѣ, другой въ другомъ,—одинъ ту рѣчь, а другой—иную. Обо всемъ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ и ясно покажемъ, что евангелисты вовсе не противорѣчили. Иное дѣло противорѣчить, иное—сказать иначе.

Первымъ Матѳеѣ написалъ находящееся теперь у насъ подъ руками Евангеліе спустя 8 лѣтъ послѣ вознесенія на небо Іисуса Христа. Написалъ же онъ его для увѣровавшихъ изъ іудеевъ, какъ мы выше сказали, воспользовавшись обычнымъ тогда еврейскимъ языкомъ; послѣ оно было переведено и на греческій языкъ.

Іоаннъ, какъ говорятъ, перевелъ его съ еврейскаго языка на греческій. Маркъ написалъ Евангеліе спустя десять лѣтъ послѣ вознесенія, наученный Петромъ; Лука—спустя пятнадцать лѣтъ; Іоаннъ же, попреимуществу богословствующій, спустя тридцать два года.

Евангеліе отъ Матѳея.

Евангелисты въ надписяхъ называли Евангеліемъ свое повѣствованіе, о чемъ свидѣлствуетъ и Лука, говоря: понеже убо мнози начаша чинити повѣсть о извѣствованныхъ въ насъ вещехъ (Лук. 1, 1). Евангеліемъ (благовѣствованіемъ) назвали они это повѣствованіе, потому что оно возвѣщаетъ людямъ благое, именно, вочеловѣченіе Бога, божество чловѣка, уничтоженіе демоновъ, отпущеніе грѣховъ, возрожденіе, усыновленіе и наслѣдіе небснаго царства. Евангелистами называются не только четыре извѣстныхъ, но также всѣ вмѣстѣ апостолы, о которыхъ вообще предсказалъ Ісаія, говоря: коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая (Ис. 52, 7). Но эти четыре названы евангелистами въ собствен-

номъ смыслѣ, такъ какъ они благовѣствовали и передали все въ письмѣ,—а всѣ остальные, такъ какъ они сдѣлали тоже самое безъ письма.

Глава I, стихъ 1. Книга родства Іисуса Христа. Подъ родствомъ (γένεσις) здѣсь Іоаннъ Златоустъ разумѣетъ рожденіе, потому что слово γένεσις въ общемъ смыслѣ значить и рожденіе. А нѣкоторые говорятъ, что какъ Христосъ, сверхъестественно родившійся отъ Дѣвы, возобновилъ естественное рожденіе, такъ и евангелистъ возобновилъ естественное названіе рожденія, называя имъ родство.

Имя Іисусъ—еврейское и значить Спаситель. Той бо спасеть, говоритъ (Ангель), люди свои отъ грѣхъ ихъ (Матѳ. 1, 21). А чтобы ты, при словѣ обозначающемъ различное, не вводился въ заблужденіе, когда слышишь: Іисусъ,—такъ какъ былъ и другой Іисусъ—Навинъ,—то евангелистъ не сказалъ только: Іисуса, но Іисуса Христа, различая этого отъ того. Но кто нибудь можетъ быть приведенъ въ сомнѣніе тѣмъ, что эта книга содержитъ не одно только рожденіе Іисуса Христа, но вообще его жизнь и домостроительство. Это сомнѣніе мы разрѣшаемъ тѣмъ, что рожденіе есть глава всего домостроительства и жизни, начало и корень нашего спасенія. Возбуждаетъ въ насъ великое удивленіе и стоитъ выше всякой надежды и ожиданія то, что Богъ становится человѣкомъ; когда же это совершилось, то все послѣдующее идетъ естественно и само собою. Итакъ отъ этой важнѣйшей части вся книга названа книгою родства. Такимъ же образомъ и Моисей первую свою книгу назвалъ книгою Бытія неба и земли (Быт. II, 4), хотя она говоритъ не только о небѣ и землѣ, но и о всѣхъ твореніяхъ.

Или: такъ какъ Христосъ родился и сверхъестественно, именно безъ сѣмени и отъ Дѣвы,—и по естеству, именно родился отъ Дѣвы и питался сосцами, то посему евангелистъ сказалъ родства (Матѳ. I, 1), разумѣя то, что было сверхъестественно,

а ниже говорить: Иисусъ Христово рождество сице бѣ (Матѣ. I, 18), открывая то, что было естественно. А нѣкоторые говорили, что родство Иисуса—это сошествіе Его въ міръ, именно какимъ образомъ онъ явился.

Сына Давидова, сына Авраамля. Сыномъ Давида евангелистъ называетъ Христа, а сыномъ Авраама—самаго Давида, возводя умы слушателей къ воспоминанію обѣтованій. Нѣкогда Богъ обѣщалъ Аврааму и Давиду, что изъ сѣмени ихъ родится Христосъ, и такъ какъ слушателями, какъ мы выше сказали, были іудеи, то они знали эти обѣтованія. Прежде евангелистъ поставилъ Давида, потому что онъ былъ у всѣхъ на устахъ, какъ великій пророкъ, какъ весьма славный царь и при томъ не слишкомъ давно умершій. Авраамъ же хотя и былъ знаменитъ, какъ патріархъ, но такъ какъ умеръ давно, не былъ въ такомъ почтеніи. Хотя Богъ далъ обѣтованіе и тому и другому, но о томъ, какъ о древнемъ, молчали, а это, какъ новѣйшее, носилось у всѣхъ на устахъ. Посему и говорили: не отъ сѣмени ли Давидова, отъ веси Виѣлеевскія, идѣ же бѣ Давидъ, Христосъ придетъ (Іоан. 7, 42). Итакъ никто не называлъ Его сыномъ Авраама, а всѣ сыномъ Давида. Посему начиная съ того, что было извѣстнѣе, восходить къ тому, что было древнѣе.

Такъ какъ Матѣей писалъ къ тѣмъ, которые были отъ обрѣзанія, то онъ не возводитъ родословную выше Авраама; а начавши съ него, онъ исходитъ до Христа, показывая только, что Онъ родился отъ сѣмени Авраама и Давида, согласно съ обѣтованіями. И ничто такъ не утѣшало увѣровавшихъ изъ іудеевъ, какъ извѣстіе, что Христосъ родился изъ сѣмени Авраама и Давида, потому что они всегда ожидали его оттуда. Лука, говоря чрезъ посредство Теофила всѣмъ вѣрнымъ, передаетъ полное родословіе. Онъ начинаетъ снизу отъ Христа и восходить до Адама, чтобы показать, сколько поколѣній отдѣлило новаго Адама отъ ветхаго и надъ сколькими поколѣніями

господствовалъ грѣхъ. Посему различіе доказываемыхъ предметовъ произвело различіе доказательствъ. Матсей, по необходимости сдѣлавши упоминаніе объ Авраамѣ, отъ него обычнымъ порядкомъ нисходитъ до Христа, родословіе котораго пишетъ. Лука же, которому не было надобности упоминать объ Авраамѣ, начиная по необходимости отъ Христа, восходитъ,—что было обычно у евреевъ,—и по этому восхожденію составляетъ родословіе.

Ст. 2. Авраамъ роди Исаака. Исаакъ же роди Іакова. Іаковъ же роди Іуду и братію его. Былъ обычай составлять родословныя только чрезъ мужчинъ. Мужъ вливаетъ сѣмя и онъ есть начало и корень дитяти и глава жены; а жена согрѣвающая, питающая и возвращающая сѣмя, дана въ помощь мужу. Іуду евангелистъ поставилъ преимущественно предъ другими сыновьями Іакова, потому что изъ его колѣна произошелъ Христосъ. Такъ какъ въ родословныхъ таблицахъ всегда ставится одинъ преемникъ для каждаго, то нужно наблюдать, когда ставится ихъ больше, потому что не напрасно дѣлается это прибавленіе, а бываетъ какая нибудь причина. Такъ здѣсь евангелистъ упомянулъ о братіяхъ Іуды, потому что былъ одинъ израильскій народъ, возводимый къ двѣнадцати корнямъ, которыми были двѣнадцать сыновей Іакова. Повидимому и они называются предками Христа, потому что были главами колѣнъ израильскаго рода, изъ котораго родился Христосъ. (Авраамъ значитъ отецъ народовъ; Исаакъ—радость, смѣхъ).

Ст. 3. Іуда же роди Фареса и Зару отъ Ѳамары. (Зара значитъ востокъ, а Фаресъ—отдѣленіе или разсѣченіе. Отсюда и фарисеи, потому что они отдѣляютъ себя отъ общества съ толпою). Іуда былъ четвертый сынъ Іакова. Онъ взялъ Ѳамаръ въ жены сыну своему первенцу Иру, и когда этотъ умеръ бездѣтнымъ, то далъ ее въ жены второму сыну (Онану); а когда и этотъ подобнымъ же образомъ умеръ, то обѣщалъ дать ее въ жены и

третьему (Шилѣ). Но боясь, чтобы и этотъ тотчасъ не умеръ, отложилъ бракъ. Невѣстка же, сильно желая воспринять сѣмя отъ рода Авраама, какъ весьма славнаго, когда узнала, что Гуда отлагасть обѣщанное, обманула его. Надѣвши одежду блудницы, она прикрывшись сѣла предъ городскими воротами. Гуда, видя ее и не узнавая, вошелъ къ ней какъ къ блудницѣ, послѣ чего она зачала близнецовъ. Когда наступили муки рожденія и должны были родиться Фаресъ и Зара, то Зара первый выставилъ руку. Повивальная бабка, увидѣвши это и желая сдѣлать замѣтнымъ первенца перевязала выставленную руку красною нитью; но дитя потащило назадъ перевязанную руку, послѣ чего вышелъ Фаресъ, а потомъ Зара. Вотъ исторія этого обстоятельства. Естественнo было взять въ родословную только Фареса, потому что чрезъ него шель родъ къ Давиду; но евангелистъ поставилъ и Зару, какъ образъ христіанскаго народа; а Фаресъ былъ образомъ еврейскаго народа. Какъ Зара, первый выставивши руку, потащилъ ее назадъ, затѣмъ тогда уже самъ совершенно вышелъ, когда вышелъ Фаресъ; такъ и часть евангельской жизни явилась еще во времена Авраама, затѣмъ наступила законная и только послѣ нея совершенно явилась евангельская. Итакъ видишь, что не напрасно взять Зара.

Остается показать, что не напрасно евангелистъ упомянулъ какъ о Тамари, такъ и о трехъ женахъ ниже. Хотя Тамаръ была въ незаконной брачной связи съ своимъ свекромъ, Раавъ была блудница, Руфь—иноплемянница, а Вирсавія, жена Уріи—была прелюбодѣйная женщина, какъ показываютъ ихъ исторіи, однако евангелистъ включилъ и этихъ женщинъ, чтобы показать, что Христосъ не стыдился произойти отъ такихъ предковъ, изъ которыхъ одинъ родился отъ незаконнаго брака, другой отъ блуденія, третій отъ иноплемянницы, четвертый отъ прелюбодѣянія. Беззаконіе предковъ не вредитъ добродѣтельному. Всякій считается добрымъ или злымъ на основаніи собственныхъ дѣлъ, а не чужихъ. Христосъ не для того пришелъ, чтобы избѣжать

позора нашего, но чтобы воспринять его и уничтожить Своими совершенствами. Онъ пришелъ какъ врачъ, а не какъ судья. Такова первая причина. Вторая: такъ какъ іудеи, нерадѣя о существенныхъ добродѣтеляхъ, особенно превозносились предками и распространяли ихъ благородство вверхъ и внизъ, то евангелистъ смиряетъ ихъ превозношеніе, показывая, что и они произошли отъ незаконныхъ браковъ. Такъ одноименный съ ними патріархъ Іуда—отъ незаконнаго брака родилъ предковъ ихъ Фареса и Зару. И Давидъ весьма славный родилъ Соломона отъ прелюбодѣйной женщины. Итакъ напрасно они превозносятся своими предками. Полагаю, что по этой преимущественно причинѣ евангелистъ упомянулъ о братьяхъ Іуды. Четыре изъ нихъ рождены отъ рабыни Іакова и однако никому изъ нихъ не повредило различіе происхожденія: всѣ равно были патріархами и главами колѣвъ. Третья причина та, что эти женщины были образомъ Церкви изъ язычниковъ. Какъ на нихъ, подверженныхъ различнымъ порокамъ, женились вышеупомянутые мужи, такъ и Христосъ соединилъ съ Собою человѣческую природу, угнетенную различными прегрѣшеніями. И какъ родъ такихъ жёнъ, такъ и бракъ Церкви съ Собою не считалъ недостойнымъ. Чрезъ это же мы вмѣстѣ научаемся—не стыдиться грѣховъ предковъ, а своихъ собственныхъ; не превозноситься предками, а заботиться о собственной добродѣтели; не порицать славныхъ мужей, происшедшихъ отъ достойныхъ осужденія браковъ; не отталкивать тѣхъ, которые приходятъ къ вѣрѣ отъ различнаго нечестія.

Ст. 3. Фаресъ же роди... ст. 11. въ преселеніе Вавилонское. Четвертая книга Царствъ (24 гл.) и вторая Паралипоменонъ (36 гл.) говорятъ о трехъ сыновьяхъ Іосіа—Іоахазѣ, Іоакимѣ, который называется и Еліакимомъ, и Седекіи, который называется и Матеаніемъ; отъ одного изъ нихъ, Іоакима, произошелъ, говорятъ, Іехонія. Между тѣмъ книга Ездры говоритъ, что Іехонія былъ сынъ Іосіа, какъ это утверждаетъ и евангелистъ. Что же сказать на это? Что книга Ездры назы-

наетъ Іехоніею того, о комъ тѣ говорятъ какъ объ Іоакимѣ, потому что онъ имѣлъ два имени, какъ и братья его. Все, что тѣ сказали объ Іоакимѣ, книга Ездры безъ перемѣны сказала объ Іехоніи, что онъ имѣлъ мать Амитану, дочь Іереміи, что началъ царствовать двадцати трехъ лѣтъ, царствовалъ только три мѣсяца, былъ свергнутъ египетскимъ царемъ Фараономъ и въ качествѣ плѣнника переселенъ въ Египетъ.

Слѣдовательно былъ другой Іехонія, сынъ Іоакима, о братьяхъ котораго не упоминала никакая книга. И вѣроятно, что послѣ того какъ египтяне были разбиты Навуходоносоромъ, царемъ Вавилонскимъ, то и Іехонія былъ переселенъ въ Вавилонъ. Іосія же, говоритъ евангелистъ, родя Іехонію и братію его въ преселеніе Вавилонское. На самомъ дѣлѣ Іосія родилъ ихъ прежде переселенія іудеевъ въ Вавилонъ; слѣдовательно въ преселеніе сказано вмѣсто около времени переселенія. Евангелистъ упомянулъ также и о братьяхъ его, потому что всѣ они подобнымъ образомъ царствовали и равно въ качествѣ плѣнныхъ были переселены Навуходоносоромъ въ Вавилонъ.

Но какимъ образомъ почти на срединѣ этой части евангелистъ пропустилъ трехъ царей, имени Охозію, сына Іорама, Іоаса, сына Охозіи и Амасію, сына Іоаса? Амасія родилъ, по словамъ четвертой книги Царствъ, Азарію, котораго вторая книга Паралипоменонъ назвала Озією, потому что онъ имѣлъ два имени. Итакъ какимъ образомъ Матеей говоритъ, что Іорамъ родилъ Озію? Очевидно, что Іорамъ родилъ Озію какъ потомка своего, а не какъ сына. Никто до сихъ поръ не указалъ причины, почему евангелистъ пропустилъ, какъ сказано, трехъ царей; объясненіе же нашихъ современниковъ весьма неясно, такъ какъ никто изъ предшественниковъ не разрѣшилъ этого.

Ст. 12. По преселеніи же Вавилонстѣмъ, Іехонія роди Салаѣіиля... ст. 16. Іаковъ же роди Іосифа, мужа Маріинна, изъ нея же родися Іисусъ, глаголе-

мый Христосъ. Дошедши до Іосифа, евангелистъ не остановился на этомъ словѣ, но прибавилъ—мужа Маріина, показывая, что ради нея онъ и составилъ родословную Іосифа. Такъ какъ не было обычая составлять родословную женщины, то евангелистъ постарался—и сохранить обычай, и показать другимъ способомъ, что Христосъ происходитъ изъ рода Давида и Авраама. Онъ составилъ родословную обручника Богоматери и такимъ образомъ доказалъ то, что ему нужно было. Если доказано, что Іосифъ былъ изъ рода Давида и Авраама, то очевидно, что и Богоматерь происходитъ оттуда, потому что можно было брать жену только изъ тогоже колѣна, тогоже рода, и племени... Мужемъ ея евангелистъ называетъ Іосифа, какъ жениха и далѣе называетъ Марію женою его, какъ невѣсту, потому что былъ обычай употреблять такія названія даже до брака.

Ст. 17. Всѣхъ же родовъ... четырнадцать. Все родословіе евангелистъ раздѣлялъ на три части, и естественно, потому что было три формы правленія. Отъ Авраама до Давида, послѣ Моисея и Іисуса Навина, евреи управлялись судьями; отъ Давида до переселенія Вавилонскаго—царями; отъ переселенія Вавилонскаго до Христа—первосвященниками. Съ пришествіемъ же Христа, истиннаго Судьи, Царя и Первосвященника прекратились указанные роды правленія. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на то, почему евангелистъ, поставивши въ третьей части двѣнадцать родовъ, называетъ ихъ четырнадцатью. Очевидно потому, что онъ поставилъ въ число родовъ и время переселенія и Самаго Христа, какъ говоритъ великій Златоустъ.

Когда лучше произносить проповѣдь—вслѣдъ за прочтеніемъ Евангелія, или послѣ „Буди имя Господне“?

Въ одной изъ приходскихъ кievскихъ церквей, въ которой въ лѣтнее время на каждой воскресной или праздничной литургіи бываетъ до сотни „причастниковъ“, прихожане, обыкновенно усердные къ богослуженію въ своей церкви и къ слушанію проповѣди, замѣтно тяготились довольно продолжительнымъ временемъ пока совершится причащеніе „богомольцевъ“, такъ что, пока совершалось причащеніе, значительная часть прихожанъ уходила изъ церкви, не дождавшись проповѣди. Узнавши причину ухода изъ церкви до проповѣди даже самыхъ внимательныхъ къ проповѣди прихожанъ, священникъ, съ благословенія митрополита Филофея, сталъ произносить поученія непосредственно послѣ чтенія Евангелія и къ утѣшенію своему никогда послѣ того не замѣчалъ, чтобы кто уходилъ изъ церкви предъ началомъ проповѣди или во время самой проповѣди, какъ это бываетъ, когда проповѣдь произносится послѣ „Буди имя Господне“. Нѣкоторые изъ священниковъ считали это за новшество, и, не зная, что на оное имѣется благословеніе митрополита, ожидали, что нововводителю не обойдется это даромъ... Когда же въ 1882 году Святѣйшимъ Синодомъ предложено священникамъ въ недѣлю о слѣпомъ произносить слово извѣстнаго содержания не при окончаніи литургіи, но непосредственно вслѣдъ за чтеніемъ Евангелія, въ виду того, что значительная часть богомольцевъ, при окончаніи литургіи, до проповѣди, или во время самой проповѣди уходитъ изъ церкви, въ нѣкоторыхъ церквахъ приходскіе священники стали произносить поученія непосредственно послѣ Евангелія и не въ одну только недѣлю о слѣпомъ... Тѣмъ не менѣе для многихъ священниковъ—проповѣдниковъ остается не выясненнымъ, когда слѣдуетъ произносить проповѣдь непосредственно ли послѣ чтенія Евангелія, или же послѣ „Буди имя Господне“.

Извѣстно, что въ церковномъ Уставѣ на этотъ счетъ нѣтъ предписаній. Дѣло ведется по установившемуся преданіемъ обычаю: у насъ проповѣдь произносятъ при окончаніи литургіи, въ католической церкви вслѣдъ за прочтеніемъ Евангелія. И нужно сказать, что и тотъ и другой обычай имѣетъ свое историческое разумное основаніе. Представимъ нѣсколько данныхъ касательно этого вопроса изъ прекрасной статьи протоіерея И. Лепоринскаго, напечатанной въ майской книжкѣ „Православнаго Собесѣдника“, подъ заглавіемъ: „почему произношеніе за литургіею проповѣди, непосредственно послѣ чтенія Евангелія, отмѣнено, и отнесено къ концу литургіи“.

Во времена апостольскія проповѣдь при богослуженіи христіанской Церкви съ самаго начала поставлена была въ непосредственную связь съ чтеніемъ Св. Писанія, какъ это было и въ іудейской церкви, гдѣ по субботамъ послѣ чтенія, назначеннаго изъ закона и пророковъ, предлагаемо было по поводу прочитаннаго поученіе (мидрашъ). Изъ евангельской исторіи видно, что Господь слѣдовалъ сему обычаю (Лук. 4, 16—29). Равнымъ образомъ и Апостолы не уклонялись отъ сего обычая (Дѣян. 2, 14—41. 3, 19—26; 13, 15 и д.). Этотъ обычай соблюдался въ Церкви христіанской повсемѣстно до IV вѣка. Св. Іустинъ, описывая порядокъ совершенія богослуженія въ воскресный день, говоритъ: „когда перестанутъ читать назначенныя на тотъ день отдѣленія изъ писаній пророческихъ, посланій и достопамятностей апостольскихъ (т. е. изъ Апостола и Евангелія), предстоятель дѣлаетъ словесное наставленіе“. Въ древнихъ дошедшихъ до насъ литургіяхъ проповѣдь непосредственно слѣдуетъ за чтеніемъ ветхозавѣтныхъ писаній Апостола и Евангелія¹⁾. И послѣдующіе пастыри и учителя Церкви неуклонно держались сего обычая. Проповѣдь въ устахъ пастыря, служа какъ бы продолженіемъ

¹⁾ См. Собраніе древн. литур. ч. I. Литургія Іакова стр. 159. Литургія въ Постановленіяхъ Апост. кн. 2, гл. 57; кн. 8, гл. 5 и 6.

благовѣствованія евангельскаго, въ духовномъ знаменованіи указывала на то время, когда Господь Іисусъ Христосъ еще во время Своего служенія посылалъ апостоловъ на проповѣдь евангельскую (Лук. 10, 1—24).

Что же заставило измѣнить этотъ древній обычай, имѣвшій даже и таинственное значеніе? Духъ христіанскаго благочестія и ревности, какъ бы въ соотвѣтствіе вѣншей силѣ и благоденствію Церкви, съ теченіемъ времени сталъ ослабѣвать въ ней. Во многихъ изъ христіанъ IV вѣка уже едва можно было узнать христіанина временъ первыхъ. Многіе изъ вѣрующихъ приходили въ храмъ не для того, чтобы участвовать въ общественномъ богослуженіи и безкровной жертвѣ, какъ то дѣлали первенствующіе христіане, а только для того, чтобы послушать, о чемъ и какъ будетъ говорить тотъ или другой знаменитый проповѣдникъ. Такимъ образомъ храмъ Божій превращался въ зрѣлище; въ него приходили не для молитвы и назиданія въ вѣрѣ и благочестіи, а для удовлетворенія суетному любопытству, и имѣя получить отъ проповѣди удовольствіе, очень похожее на тѣ удовольствія, какія получались на зрѣлищахъ. Сообразно съ своею цѣлію подобныя христіане оставались при богослуженіи только до окончанія проповѣди, которая, какъ сказано, произносима была по прочтеніи Евангелія, послѣ чего выходили изъ храма, извиняя себя сею неизвинительною отговоркою, „что молиться можно и дома, а слушать проповѣдь можно только въ церкви“¹⁾. Церковь не могла оставить безъ вниманія подобнаго безчинія совратившихся съ прямого пути благочестія заблудшихъ чадъ своихъ, ибо она, какъ чадолюбивая мать не только печется о добрыхъ дѣтяхъ, но и совратившихся съ пути спасительнаго старается возвратить на путь правый. Въ словахъ и поученіяхъ пастырей Церкви IV вѣка очень часто предлагаемы были обличенія и увѣщанія тѣмъ, которые, оставляя церковь, уходять на зрѣлищныя представленія.

¹⁾ Златоуста 3-я бесѣда противъ аномеевъ.

Но такъ какъ эти обличенія и увѣщанія безъ надлежащаго дѣйствія, то Церковь употребила мѣру болѣе дѣйствительную, именно: отнесла сказываніе поученій къ концу литургіи и чрезъ это самое заставила присутствовать при совершеніи ея и тѣхъ, которые не были намѣрены оставаться до конца ея, а только хотѣли выслушать поученіе проповѣдника...

Итакъ упадокъ благочестія христіанъ, дошедшій до того, что они стали злоупотреблять какъ богослуженіемъ, такъ и проповѣдью пастырей, былъ главной побудительною причиною къ измѣненію времени для сказыванія поученій за литургією. Но это было сдѣлано не вдругъ. Еслибы сказываніе поученій отнесено было къ концу литургіи въ то время, когда іудеи и язычники во множествѣ вступали въ Церковь христіанскую и до принятія крещенія находились болѣе или менѣе продолжительное время въ чинѣ оглашенныхъ; то, не имѣя права оставаться до конца литургіи въ храмѣ, они лишены были бы вѣдѣнной пищи слова Божія и наставленій пастырскихъ въ ученіи христіанскомъ, проповѣдуемомъ за литургією; тогда какъ они-то преимущественно предъ прочими и нуждались въ этомъ. Когда же постепенно сталъ сокращаться классъ оглашенныхъ, а затѣмъ и вовсе прекратился, тогда само собою устранились препятствія отнестъ сказываніе поученій къ концу литургіи¹⁾, ибо всѣ вѣрующіе имѣли право присутствовать за литургією до самаго конца ея. Основанія къ такому измѣненію имѣлись какъ въ богослужебномъ отношеніи, такъ въ религіозно-нравственной пользѣ для вѣрующихъ. Въ богослужебномъ порядкѣ литургіи проповѣдь, произносимая послѣ чтенія Евангелія, знаменательно указывала на то время, когда Господь Іисусъ Христосъ, во время земной Своей жизни, посылалъ апостоловъ благовѣствовать евангеліе; произносимая же при

¹⁾ Впрочемъ обычай говорить поученія послѣ чтенія Евангелія по мѣстамъ держался до IX вѣка. См. Филарета Историч. обзоръ пѣснопѣвцевъ греч. церкви, стр. 115.

концѣ литургіи проповѣдь наглядно изображаетъ, какъ ученики, по вознесеніи Господнемъ на небо и сошествіи Св. Духа, изшедше, проповѣдаша всюду Господу поспѣшествующу. Что же касается религіозно-правственныхъ причинъ, побудившихъ къ сему измѣненію, то его нужно было сдѣлать не для того только, чтобы удержать до конца литургіи тѣхъ холодныхъ и безрелигіозныхъ христіанъ, которые приходили къ литургіи единственно для выслушанія поученія, произносимаго непосредственно послѣ чтенія Евангелія, и затѣмъ уходили изъ храма; но и для всѣхъ прочихъ, присутствующихъ за литургіею, въ тѣхъ видахъ, что поученіе, сказанное при концѣ литургіи, могло болѣе принести имъ духовной пользы, нежели то, которое произносилось непосредственно послѣ чтенія Евангелія. Такъ какъ всѣ силы духа христіанина въ продолженіе литургіи должны находиться въ постоянной и неослабной духовной дѣятельности, то поученіе, сказанное по прочтеніи Евангелія, не можетъ быть предметомъ размысленія и глубоко укорениться въ памяти. Послѣ выслушанія его, христіанину, присутствующему за литургіею, надлежитъ участвовать въ главнѣйшей части сего богослуженія—въ литургіи вѣрныхъ, которая требуетъ особеннаго его вниманія, благоговѣйнаго созерцанія и молитвъ усерднѣйшихъ. Но извѣстно, что впечатлѣнія новыя и чувствованія сильныя или совсѣмъ уничтожаютъ прежнія впечатлѣнія, или по крайней мѣрѣ значительно ослабляютъ ихъ. Послѣ сего понятно, если и самый внимательный слушатель не въ состояніи будетъ удержать твердо въ своей памяти поученія, произнесеннаго по прочтеніи Евангелія, и оно во многомъ для него, при концѣ богослуженія, потеряетъ свою силу. Напротивъ того поученіе, сказанное при концѣ литургіи, всегда долѣе останется въ умѣ и сердцѣ слушателя, потому что богослуженіе вскорѣ по произнесеніи слова прекращается, и такимъ образомъ одно слово служить пищею для его размысленія и при выходѣ изъ храма, какъ бы напутствіемъ ему на предстоящій путь жизни.

Не согрѣшитъ, значить, священникъ, если по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, станетъ произносить поученіе вслѣдъ за прочтеніемъ Евангелія, но лучше еслибы ничто не препятствовало ему проповѣдывать послѣ „Буди имя Господне“.

Отчего наше духовенство не имѣло до сихъ поръ надлежащаго вліянія въ начальныхъ народныхъ школахъ свѣтскихъ вѣдомствъ, и что надобно для обезпеченія за нимъ такого вліянія въ этихъ школахъ?

Можно считать повсемѣстнымъ и общепризнаннымъ явленіемъ то, что наше духовенство до сихъ поръ имѣло мало значенія и вліянія въ начальныхъ школахъ свѣтскихъ вѣдомствъ. И высшій надзоръ за ходомъ и направленіемъ воспитанія и обученія, и ближайшее, непосредственное руководство и обученіе здѣсь воспитанниковъ находились въ рукахъ лицъ почти исключительно свѣтскихъ. Духовные же пастыри наши принимали здѣсь участіе въ дѣлѣ воспитанія и обученія вообще очень незначительное, какъ преподаватели Закона Божія, который, если судить по числу уроковъ, считался въ ряду другихъ предметовъ едва ли не послѣднимъ. Отъ этого обстоятельства и религіозно-нравственная сторона воспитанія народныхъ училищъ была постоянно слабою. Воспитанники выходили изъ этихъ заведеній съ очень скудными религіозными представленіями, не имѣя надлежащей любви и уваженія къ Церкви и не будучи надежной нравственности. Въ послѣднее время въ печати и обществѣ особенно много появилось жалобъ на эти недостатки воспитанія въ народныхъ школахъ. Указывалось въ особенности на то, что воспитанники этихъ школъ всего менѣе знаютъ, въ чемъ состоитъ наша вѣра, мало интересуются, а иногда и пренебрегаютъ предметами божественными, духовными, не способны, да и не обнаруживаютъ охоты къ непосредственному участію (чтеніемъ и пѣніемъ) въ богослуженіи;

въ жизни же ихъ семейной и общественной замѣчается крайнее своеволие и распущенность. Очень многіе поборники и ревнители доселѣшней системы образованія въ начальныхъ школахъ свѣтскихъ вѣдомствъ старались взыаливать всю вину за этотъ печальный недостатокъ на наше духовенство, выставляя его обыкновенно апатичнымъ къ дѣлу народнаго образованія, лѣнивымъ и невѣжественнымъ. По отзывамъ этихъ судей, духовенство наше неохотно трудилось по воспитанію въ народныхъ школахъ, посѣщало уроки неисправно, преподавало сухо, въ схоластическомъ духѣ, и небрежно, не заботясь о приспособленіи своихъ чтеній къ дѣтскому пониманію и не стараясь возбудить любовь къ Закону Божію въ своихъ воспитанникахъ и пр. Отъ того будто бы произошелъ недостатокъ религіозно-нравственнаго воспитанія въ начальныхъ народныхъ школахъ.

Время и продолжительный опытъ показали, что не въ духовенствѣ надобно искать причины низкаго уровня религіозно-нравственнаго образованія въ народныхъ школахъ свѣтскихъ вѣдомствъ. Несправедливо будетъ обвинять въ равнодушіи и нерасположеніи къ народному образованію то самое духовенство, которое такъ много потрудилося надъ учрежденіемъ и устройствомъ своихъ церковно-приходскихъ школъ, которое и по настоящее время, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, продолжало по мѣрѣ возможности поддерживать эти школы, а въ будущемъ всегда готово взяться за нихъ съ новою энергіею, если только увидитъ сочувствіе себѣ и найдетъ поддержку въ правительствѣ и обществѣ. Не могло также наше духовенство само по себѣ отпестись съ холодной безучастностью къ дѣлу народнаго воспитанія и въ нашихъ начальныхъ школахъ свѣтскихъ вѣдомствъ. Если результаты его дѣятельности здѣсь оказались незначительными, то это зависѣло не отъ него, а отъ множества неблагопріятныхъ условій, въ которыя была поставлена здѣсь его дѣятельность. Въ ряду этихъ условій укажемъ прежде всего на его полную зависимость отъ свѣтскаго начальства и въ связи съ этимъ — на его

унизительное положеніе въ школѣ. Священникъ — законоучитель подчиненъ былъ въ народной школѣ надзору, а вмѣстѣ и произволу всѣхъ, кто считалъ себя распорядителемъ народнаго образованія. Къ законоучителю имѣли притязаніе не только губернская инспекція, но и разные мѣстные блюстители и радѣтели школьнаго дѣла — предводители дворянства, училищные совѣты, гражданскія власти и даже мѣстные учителя. Всѣ эти лица нерѣдко вмѣшивались въ дѣло преподаванія законоучителя, при чемъ подвергали его даже публично униженію и причиняли оскорбленія: брались, напр., критиковать открыто, въ присутствіи учениковъ, его преподаваніе, хотя сами не были спеціальны въ Законѣ Божіемъ, — дѣлали ему замѣчанія и выговоры въ классѣ, требовали отъ него отчета и объясненій, вступали съ нимъ въ пренія и высказывали ему порицанія. Даже народные учителя имѣли возможность (которою и пользовались) унижать и оскорблять законоучителя, такъ какъ имъ было предоставлено право контролировать его исправность и дѣлать въ книгахъ записи случаевъ опущенія имъ уроковъ по Закону Божію. Такое унизительное положеніе законоучителя отягчалось еще тѣмъ, что самыя благія его стремленія и намѣренія нерѣдко не удостоивались охотнаго вниманія даже въ высшихъ правительствующихъ учрежденіяхъ народныхъ школъ. Духовенство въ народныхъ школахъ всецѣло зависѣло отъ свѣтскаго вѣдомства. Голосъ его нигдѣ не имѣлъ преобладающаго значенія. Даже въ губернскихъ совѣтахъ епархіальный архіерей игралъ второстепенную роль. Понятно, что при такомъ положеніи духовенство не могло имѣть надлежащаго успѣха въ религіозно-нравственномъ воспитаніи, какъ недостаточно авторитетное и властное. — Далѣе, для болѣе или менѣе благотворнаго воздѣйствія на воспитанниковъ законоучителю надобно было имѣть еще достаточное количество уроковъ, дабы наставить воспитанниковъ въ Законѣ Божіемъ всесторонне и основательно. И въ этомъ отношеніи условія для законоучителя были не благопріятны. Уроковъ по Закону Божію въ начальныхъ народныхъ школахъ

полагалось очень мало, доходило иногда до 1 въ недѣлю. Что можно было сдѣлать за это время съ учениками? Едва ли и Св. Исторію съ катихизисомъ можно было въ два—три года пройти надлежащимъ образомъ. А что-жъ сказать объ изъясненіи богослуженія и обученія церковному чтенію и пѣнію? Малое количество уроковъ по Закону Божію было тѣмъ болѣе страннымъ, что по другимъ предметамъ (не исключая и естеств. исторіи) назначалось уроковъ ужь очень много. При множествѣ свѣденій по другимъ предметамъ, религіозныя представленія воспитанниковъ, и безъ того довольно скудныя и слабыя, должны были подавляться знаніями посторонними. Если при этомъ мы возьмемъ еще во вниманіе вражду (очень перѣдкую) народныхъ учителей къ законоучителямъ и къ самому Закону Божію, то намъ станетъ понятнымъ то, почему воспитанники выносили изъ начальныхъ школъ мало знакомства съ предметами божественными, духовными, и мало расположенія къ нимъ. Законоучитель не имѣлъ достаточно времени для надлежащаго наученія дѣтей Закону Божію; а народный учитель перѣдко искоренялъ въ нихъ и то, что посѣяно было въ нихъ на немногихъ урокахъ Закона Божія. — Въ заключеніе, въ числѣ неблагопріятныхъ условій законоучительской дѣятельности въ начальныхъ народныхъ школахъ слѣдуетъ указать на низкую плату законоучителю за его трудъ. Въ теченіи дѣлаго года ему приходилось вознагражденія иногда рублей 40—50,—плата весьма незначительная, особенно если взять во вниманіе тяжесть нравственныхъ его испытаній по службѣ, а также извѣстное самоограниченіе, которое ему пришлось возложить на себя, ради исправности по школѣ. Понятно, что малая плата за трудъ не могла быть настырю ни утѣшеніемъ въ его служебныхъ непріятностяхъ, ни поощреніемъ въ его трудахъ.

Все эти препятствія благотворному воздѣйствію нашего духовенства въ народной школѣ на религіозно-нравственное воспитаніе были указываемы (по преимуществу духовной печатью) и прежде, хотя не находили тогда надлежащаго къ себѣ вниманія

въ нашемъ обществѣ. Въ настоящее время, въ виду гибельныхъ послѣдствій недостаточнаго религіозно-правственнаго образованія народа, обращено особенное вниманіе и правительства, и лучшей части общества на церковно-приходскія школы, которыя находятся всецѣло въ распоряженіи нашего духовенства. Этимъ школамъ предполагается дать правильное устройство, опредѣленный курсъ и извѣстныя права вмѣстѣ съ нѣкоторой болѣе или менѣе солидной матеріальной поддержкой отъ правительства. Церковно-приходскія школы признаются лучшимъ обезпеченіемъ здраваго народнаго воспитанія и защитой отъ гибельныхъ зловредныхъ вліяній на нашъ народъ. Къ распространенію этихъ школъ, по всей вѣроятности, въ самомъ непродолжительномъ времени и будетъ приложено совокупное стараніе какъ нашей Церкви, такъ и самаго правительства. Что касается начальныхъ народныхъ школъ свѣтскихъ вѣдомствъ, то и въ нихъ предполагается возвысить религіозно-правственную сторону образованія. Само собою разумѣется, что это возвышеніе религіозно-правственной стороны воспитанія въ начальныхъ школахъ будетъ не мыслимо безъ предоставленія законоучителямъ и самому Закону Божію большаго, и именно преимущественнаго значенія въ школахъ.

Въ виду указанныхъ выше причинъ слабаго вліянія нашего духовенства въ начальныхъ народныхъ школахъ свѣтскихъ вѣдомствъ, мы должны высказать здѣсь слѣдующія пожеланія сими школамъ на будущее время. 1) Духовенство наше должно поставить въ сихъ школахъ въ положеніе не только независимое отъ свѣтскихъ вѣдомствъ, но и нѣкоторымъ образомъ преимущественное. Для сего епархіальнымъ архіереямъ необходимо дать предсѣдательство въ губернскихъ училищныхъ совѣтахъ. Губернскіе предводители дворянства могли бы, безъ ущерба своему достоинству, занимать должности вице-предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ. 2) Законоучителей и Законъ Божій въ сихъ заведеніяхъ должно освободить отъ подчиненія свѣтской инспекціи и оставить и тѣхъ и другой въ распоряженіи и вѣдѣніи епар-

хіальнаго архіерея. По своему усмотрѣнію, архіерей можетъ поручать ближайшій надзоръ за дѣйствіемъ законоучителей духовнымъ членамъ училищныхъ совѣтовъ, благочиннымъ и священникамъ — наблюдателямъ. 3) Преподаваніе Закона Божія, церковнаго чтенія и пѣнія надобно усилить. Для сего число уроковъ по Закону Божію нужно значительно увеличить, а обученіе церковному чтенію и пѣнію ввести обязательно по всѣмъ народнымъ школамъ¹⁾. 4) Въ школахъ всѣхъ вѣдомствъ, при самомъ ихъ учрежденіи, должно приглашать для преподаванія непремѣнно законоучителя съ вполне приличнымъ вознагражденіемъ. Нельзя оставлять этотъ важный предметъ безъ преподавателя. Нельзя такъ же требовать отъ священника — законоучителя труда по преподаванію безмезднаго или съ вознагражденіемъ незначительнымъ. Если всѣ трудящіеся, исполнили свои обязанности, получаютъ вознагражденіе, то совершенно нѣтъ основанія лишать такового священника — человѣка семейнаго, несущаго нелегкій трудъ, требующій постоянства, времени и силъ. Соразмѣрно трудамъ законоучителя, должна быть опредѣлена норма его жалованья (приблиз. въ 100 р. сер). 5) Весьма желательна была бы полная передача всѣхъ начальныхъ школъ въ руки духовенства. Если же этого нельзя будетъ сдѣлать, то по крайней мѣрѣ пусть бы наше духовенство было привлечено къ возможно болѣе дѣятельному участию въ инспекціи этихъ школъ. Есть весьма вѣроятное извѣстіе, что Министерство народнаго просвѣщенія не находитъ препятствій къ допущенію лицъ духовныхъ въ составъ инспекціи, даже признаетъ это желательнымъ, подъ условіемъ, чтобы такое допущеніе дѣлалось постепенно, по мѣрѣ освобожденія вакансій на инспекторскія должности. Разумѣется, эта мѣра была бы въ высшей степени

¹⁾ Любопытный примѣръ школы, согласующейся съ новыми, сознанными обществомъ требованіями, представляеть церковнославянское училище въ Павловскомъ посадѣ Московской губ., учрежденное иждивеніемъ почетнаго потомственнаго гражданина Якова Ив. Лабутина и открытое въ семь году 28 февр. Св. Русь 1884 г. № 11.

полезной и многообъщающей для успѣховъ религіозно-нравственнаго образованія народа. Духовные инспекторы имѣли бы весьма важное значеніе для народныхъ школъ: они могли бы соединить въ себѣ надзоръ и за состояніемъ религіозно-нравственнаго воспитанія, и за преподаваніемъ и обученіемъ въ народныхъ школахъ вообще, а съ тѣмъ вмѣстѣ они могли бы дать направленіе всему школьному образованію въ истинно-христіанскомъ духѣ, что у насъ въ настоящее время служить предметомъ почти всеобщихъ желаній. Назначаться такімъ лица могли бы министромъ народ. просв., съ вѣдома и разрѣшенія епархіальныхъ архіереевъ, къ которымъ попечители округовъ могли бы обращаться за указаніемъ и рекомендаціей требуемыхъ кандидатовъ. Такъ какъ священники—инспекторы, по своей должности, не были бы въ состояніи нести на себѣ обязанностей приходскихъ, то архіереи могли бы присылать ихъ къ церквамъ безиприходнымъ или городскимъ, при которыхъ нѣтъ нужды служащимъ присутствовать постоянно. 6) Въ виду обнаруженія многими народными учителями неуваженія къ уставамъ и обычаямъ Церкви и къ ея служителямъ, необходимо принять соответственные мѣры къ успленію религіозно-нравственнаго воспитанія кандидатовъ на учительскія должности, при чемъ начальствами тѣхъ заведеній, въ которыхъ воспитываются эти кандидаты, (т. е. учительскихъ семинарій и институтовъ), должно быть обращено особенное вниманіе на преподаваніе Закона Божія, церковнаго чтенія и пѣнія, съ назначеніемъ для сихъ предметовъ исполнѣ достаточнаго числа уроковъ. 7) Въ виду того, что учителя народныхъ школъ, поступающіе изъ духовныхъ семинарій, не всегда обладаютъ достаточной подготовкой для обученія дѣтей церковному чтенію и пѣнію, необходимо обратить въ духовныхъ заведеніяхъ на сіи предметы больше вниманія, чѣмъ было доселѣ. Наконецъ 8) въ виду особенно важнаго значенія священника въ мѣстной начальной школѣ, необходимо дать кандидатамъ священства болѣе педагогической подготовки къ занятіямъ въ школѣ. Желательно поэтому учрежденіе въ семинаріяхъ образцовыхъ ежедневныхъ церковно-приходскихъ школъ. *II. II—й.*

Римско - католическое приходское духовенство въ Россіи.

У насъ существуетъ странное и невѣрное понятіе о степени развитія и о безконечномъ якобы превосходствѣ католическаго приходскаго духовенства предъ духовенствомъ православнымъ въ

умственномъ отношеніи и по образованію. Мнѣніе это, по свѣдѣніямъ „Московскихъ Вѣдомостей“, совершенно невѣрно. Все приходское римско-католическое духовенство получаетъ окончательное образованіе въ своихъ семинаріяхъ, куда поступаютъ наименѣе удавшіеся и способные къ дальнѣйшему образованію ученики гимназій прошедшіе четыре класса, даже ученики реальныхъ училищъ этого возраста, слегка приватнымъ образомъ подзубившіе кое-что по-латыни. Этимъ и оканчивается общее образованіе будущаго ксендза. Въ семинаріи онъ обязательно забываетъ русскій языкъ и проходитъ только спеціальныя для духовнаго лица предметы. Черезъ два или три года ксендзъ готовъ, пройдя своего рода профессиональную школу, дающую ему суровую, о какой у насъ понятія не имѣютъ, дрессировку и не дающую общихъ знаній вовсе. Сравнивать семинарію православную съ католическою нельзя ни въ какомъ отношеніи: въ отношеніи научномъ первая безконечно полнѣе, давая законченный курсъ среднего общаго въ классическомъ духѣ образованія, тогда какъ вторая общими предметами почти совершенно не занимается, признавая достаточнымъ тотъ отрывокъ общаго образованія, который получаютъ ея питомцы въ трехъ, четырехъ классахъ гимназій; въ смыслѣ же дисциплинарномъ, въ смыслѣ подчиненія воли семинариста и будущаго пастыря общимъ цѣлямъ и велѣніямъ лицъ выше его стоящихъ, наши православныя семинаріи даже и не приближаются къ католическимъ. Будущій ксендзъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ своего семинарскаго курса уже привыкаетъ владѣть собою въ совершенствѣ: онъ не выдастъ вамъ ни единого задумевнаго помысленія, самыя некрасивыя дѣла его или принимаютъ обликъ чуть не святыхъ, или такъ скрываются, что самый проникательный глазъ, самый чуткій къ анализу и наблюденію умъ ничего подозрительнаго не подмѣтитъ. Имѣя возможность много лѣтъ наблюдать здѣшняго католика-семинариста, я никогда не видалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ семинаристъ чувствуетъ, что его могутъ видѣть, ни одного живаго движенія, ни одного ненужнаго жеста, ни малѣйшаго слѣда улыбки и подавно не слыхалъ громкаго говора или смѣха. Во всякомъ случаѣ однако самообладаніе, выдержанность, дисциплина и, пожалуй, дрессировка въ лучшемъ смыслѣ слова, готовность на все ради дѣла службы, нежелательны бы были и въ православномъ русскомъ духовенствѣ...

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Приней*.

Дозволено цензурою. Киевъ, 29 іюня 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

для

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 29.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Іюля 15-го.

Содержаніе: Священникъ.—Надгробныя пѣснопѣнія преп. Ефрема Сиріи;
ихъ религіозно-нравственное значеніе для пастырей и пасомыхъ.—
Открытіе тайны Іосифу и приснодѣвство Богоматери.

СВЯЩЕННИКЪ¹⁾.

III. Образованіе кандидатовъ священническаго служенія.

Каково должно быть воспитаніе и образованіе людей, предназначенныхъ къ служенію Церкви въ званіи пастырей? При настоящемъ порядкѣ вещей, повидимому, нѣтъ нужды предлагать такой вопросъ. Онъ рѣшенъ уже жизнью. У насъ, для приготовленія и образованія священниковъ, существуетъ духовная школа съ утвержденною программю наукъ и съ извѣстными педагогическими правилами. Въ этой школѣ, созданной исторіею и церковною властію, указанъ надежный путь, которымъ должны пройти кандидаты священства, чтобы запастись знаніями, необходимыми и полезными для священника.

¹⁾ См. № 13, 14, 18 и 19.

Но духовная школа, нынѣ существующая, не есть учрежденіе вѣковѣчное, не можетъ считаться такимъ средствомъ приготовленія и образованія кандидатовъ священства, которое бы не возбуждало никакихъ возраженій, и лучше котораго нельзя было бы ничего и представить. Въ древней Церкви не было школы специально - духовной; а между тѣмъ на служеніе Церкви выступали и избирались люди, владѣвшіе широкимъ образованіемъ, и въ частности хорошо ознакомленные со всѣмъ, относящимся къ существу вѣры Христовой и къ кругу обязанностей пастырскихъ. Нынѣшняя духовная школа существуетъ уже издавна; но отъ вліянія времени и обстоятельствъ мѣняется программа наукъ, въ ней преподаваемыхъ, мѣняются и порядки, въ ней введенные. И въ то время, когда къ духовной школѣ прилагаютъ наиболѣе заботъ, и тратятъ на нее наиболѣе средствъ, весьма нерѣдко слышатся нареканія на нее, нареканія въ томъ, что она не достигаетъ своей цѣли, что выходящіе изъ нея дѣтели, послѣ долгаго ученія, на практическомъ поприщѣ пастырскаго служенія оказываются часто хуже людей, не проходившихъ школьнаго курса, но обильныхъ духомъ вѣры и благочестія и усердіемъ къ Церкви. Притомъ не одинакова постановка духовной школы въ существующихъ нынѣ христіанскихъ государствахъ: наша школа, готовящая пастырей Церкви не такова, какова школа въ обществахъ римско - католическихъ, а школа римско - католическая въ свою очередь отличается отъ школы въ обществахъ протестантскихъ. Значить, и при существованіи утвердившейся духовной школы, весьма возможно и умѣстно сужденіе о способахъ и размѣрѣ образованія, какое получаютъ и должны получать кандидаты священства, и вмѣстѣ съ тѣмъ о цѣлесообразности духовной школы въ нынѣшнемъ ея устройствѣ и о возможно лучшей постановкѣ института, приготовляющаго пастырей Церкви.

Странно было бы возражать противъ необходимости и цѣлесообразности устройства особой школы, имѣющей своимъ назначе-

нѣмъ воспитывать и готовить достойныхъ пастырей для Церкви, и только люди эксцентрическаго образа мыслей рѣшаются высказывать смѣлыя мысли противъ устройства нарочитыхъ духовныхъ школъ. Опытъ жизни привелъ Церковь къ удовлетворенію своей насущной потребности путемъ устройства нарочитыхъ школъ для кандидатовъ священства. Общее образованіе, какъ бы оно ни было широко, не можетъ быть достаточнымъ для приготовленія кандидатовъ священства, вооруженныхъ всѣмъ запасомъ необходимаго для нихъ знанія. Есть свой удѣльный предметъ, и предметъ широкій и въ высшей степени важный, точное и полное знаніе котораго совершенно необходимо пастырю, учителю и руководителю душъ. Есть искусство, и искусство самое трудное, которымъ долженъ научиться владѣть священникъ, если хочетъ быть достойнымъ своего званія. Предметъ этотъ богословіе или то ученіе о Богѣ и Его святомъ законѣ, которое пастырь Церкви обязанъ преподавать душамъ, вѣреннымъ его пастырскому попеченію. Это искусство—искусство умѣть управлять душами человѣческими, успѣшно вести ихъ по пути спасенія и изъ сыновъ грѣха дѣлать чадами благодати. Школа, назначенная для общаго образованія, не можетъ посвящать много времени тому предмету, на которомъ должно быть сосредоточено вниманіе человѣка, имѣющаго въ виду для себя въ будущемъ званіе пастыря Церкви; и знаніе богословія у человѣка, прошедшаго курсъ общей школы, хотя бы и до самыхъ высшихъ ея степеней, не можетъ отличаться полнотою и точностію, и человѣку одного общаго образованія на постѣ руководителя и учителя душъ трудно дать отвѣтъ всякому, вопрошающему словесе о нашемъ упованіи. Въ тоже время было бы большою смѣлостію и самонадѣянностію со стороны человѣка браться за труднѣйшее изъ занятій, возлагаемое на пастыря душъ, безъ уроковъ опытности, которыхъ можно искать только въ духовной спеціальной, а не общей школѣ. И Церкви, возлагающей обязанность руководить пасомыхъ на священника, естественно заботиться о томъ, чтобы въ учрежде-

ніяхъ, ею содержимыхъ, онъ найдетъ все нужныя средства, могущія облегчить для него дѣло его служенія. Кромѣ того, что у общей школы есть своя задача, отличная отъ задачи школы духовной, самый духъ ея можетъ не благопріятствовать воспитанію пастырей Церкви. Въ ней могутъ быть допускаемы вольности мысли и вольности нравовъ, не предосудительныя съ свѣтской точки зрѣнія, но не желательныя и не терпимыя съ строгой церковной точки зрѣнія. Можетъ ослабѣть и даже совсѣмъ изникнуть духъ благочестія въ человѣкѣ, предназначенномъ себя къ священническому званію, когда онъ въ годы воспитанія будетъ вращаться въ средѣ, руководимой началами, далекими отъ церковнаго духа; можно najти равнодушіе къ званію, предъизбранному человѣкомъ, и пожалуй совершенно потерять уваженіе къ нему и охоту стремиться къ нему, когда кругомъ себя онъ будетъ слышать презрительныя отзывы о немъ и насмѣшки надъ тѣмъ, къ чему онъ привыкъ относиться съ благоговѣніемъ; наконецъ, самой вѣрѣ угрожаетъ нападеніе науки, когда эти науки въ своихъ опредѣленіяхъ больше слѣдуютъ стихіямъ міра, чѣмъ Христу и Его слову. Правда, знаменитые отцы IV вѣка, какъ напримѣръ св. Василій Великій, св. Григорій Богословъ и св. Іоаннъ Златоустъ, и въ языческихъ школахъ не теряли духа вѣры и благочестія, и по выходѣ изъ нихъ выходили великими борцами за слово истины и образцовыми пастырями Церкви. Но эти отцы были избранными изъ людей: ихъ примѣръ не можетъ быть закономъ для всехъ; что безопасно было для нихъ при силѣ ихъ духа и таланта, то едва ли будетъ такимъ для людей обыкновеннаго уровня, на какихъ нужно разсчитывать при сужденіи объ устроеніи порядка жизни.

Если же для образованія священниковъ необходима особая спеціальная школа, то должна ли эта школа начинать дѣло образованія съ первоначальныхъ элементарныхъ основъ его и потомъ особнымъ путемъ вести его далѣе, отдѣлиась отъ общей гуманной школы? Или она можетъ брать къ себѣ юношей,

уже прошедшихъ болѣе или менѣе значительный курсъ общей школы?

Намъ кажется, нѣтъ нужды и достаточныхъ основаній расширять и удлинять специальную духовную школу и вести въ ней особымъ путемъ дѣло образованія отъ первыхъ, такъ сказать, азовъ до послѣднихъ высотъ его. Духовная специальная школа не только не должна включать въ себя низшую элементарную школу, но можетъ устраниваться отъ доброй половины той заботы, какая составляетъ задачу общеобразовательной гуманной школы. Начальное образованіе будущіе кандидаты священства могутъ получить въ общихъ школахъ. Въ первые годы образованія, — годы отрочества, — когда еще не успѣли опредѣлиться характеры и настроенія начинающихъ развиваться душъ, преждевременно замыкать человѣка въ тѣсный кругъ, приурочивающій его къ извѣстному специальному служенію. Еще неизвѣстно, какія расположенія откроются въ молодой душѣ, и куда склонится ея желаніе. Можетъ понапрасну пропастъ трудъ, слишкомъ рано предпринимаемый для приготовленія человѣка къ священству, когда съ образованіемъ характера и съ укрѣпленіемъ въ немъ самоопредѣляющей воли онъ рѣшительно не будетъ чувствовать склонности къ тому служенію, для коего начали его воспитывать. Или онъ уйдетъ съ той дороги, на которую его поставили, или, если останется на ней по стеченію обстоятельствъ и недостатку рѣшительности, изъ него не выйдетъ преданнаго своему дѣлу полезнаго дѣятеля. Строгая педагогія, при настойчивости и заботливости о дѣтяхъ, можетъ привить къ ихъ душамъ извѣстныя желанныя расположенія, или возбудить и раздуть дремлющія въ нихъ стремленія. Но не всегда кончается благопріятными результатами это настойчивое склопеніе человѣка въ извѣстную сторону. Природу нельзя слишкомъ насилловать; при энергіи въ душѣ, она можетъ дать отпоръ насильственнымъ на нее воздѣйствіямъ. Бывали примѣры, въ особенности въ обществахъ римско-католическихъ, гдѣ съ малыхъ лѣтъ часто отрываютъ отъ се-

мействъ мальчика, готовимаго въ служители церкви, что юную душу съ первыхъ поръ развитія ея сознанія усиленно старались напитать духомъ благочестія и направить на путь строгаго аскетизма, — занимали ее сказаніями о святыхъ подвижникахъ и возбуждали подражаніе имъ, пріучали ее къ долгимъ бдѣніямъ и палатали на нее аскетическія упражненія, которыя могутъ выносить только люди зрѣлые, удаляли отъ всѣхъ, даже невпечаленныхъ, развлеченій. Казалось, изъ лицъ, такъ воспитываемыхъ, долженъ бы выйти строгій монахъ и ревнивый до фанатизма служитель церкви. Но далеко не всегда такъ бываетъ. Часто душа, преждевременно односторонне воспитываемая и подвергаемая насильственнымъ ограниченіямъ, впоследствии оказываетъ реакцію или бурное противодѣйствіе тому давленію, которой ее подвергали, и изъ того человѣка, котораго слишкомъ рано начали готовить въ подвижники, и въ которомъ преждевременно возбуждали духъ ревности, выходилъ нечестивый вольнодумецъ и дерзкій отрицатель основныхъ истинъ религіи и христіанства. Нимидтъ¹⁾ приводитъ въ примѣръ ненадежности и непрактичности односторонняго воспитанія, слишкомъ рано начинаемаго, нѣкоего Игнатія Фесслера, который съ четырехъ лѣтъ началъ носить одежду іезуита, слушалъ житія святыхъ и въ своемъ поведеніи долженъ былъ подражать аскетамъ: его ревность къ благочестію доведена была до фанатизма, но природа не выдержала преждевременнаго напряженія въ одномъ исключительномъ направленіи, и Фесслеръ не только не остался вѣрнымъ монашеству, но и бросилъ католичество и сдѣлался протестантомъ и даже франкмасономъ. Самъ Вольтеръ былъ воспитанникъ духовной римско-католической школы, и его невѣріе, его нападки на христіанство были усиленною реакціею его разнузданной души тому насилію или тому несродному ей напряженію, какому подвергали

¹⁾ Schule der Erziehung in biographischen Umrissen, Berlin 1846 S. 170.

ее въ годы воспитанія. И Вольтеръ представляетъ далеко не единственный примѣръ въ этомъ родѣ.

Начальная школа для дѣтей младшаго возраста, въ размѣрахъ курса прогимназій или нашихъ низшихъ духовныхъ училищъ, могла бы и должна бы быть общою для всѣхъ безъ различія, независимо отъ того, къ чему каждый изъ нихъ впоследствии будетъ готовиться. И Церковь напрасно бы обременяла себя заботами объ устроеніи низшихъ училищъ. Первые элементы образованія для всѣхъ одинаковы и для всѣхъ равно обязательны. У насъ нѣтъ я, надѣмся, никогда не будетъ такихъ антирелигіозныхъ стремленій, какими воодушевляется нынѣшнее французское правительство, усиливающееся изгнать религію изъ школы и устрояющее лаяческую, какъ говорятъ, или чисто свѣтскую, безрелигіозную школу. Въ начальной школѣ, къ какому бы разряду она ни принадлежала, должно быть все, что соблюдается и должно соблюдаться въ каждомъ благочестивомъ семействѣ. По требованію здравой педагогіи, религіи должно быть отведено въ ней широкое мѣсто, и духъ вѣры долженъ заправлять всѣмъ строемъ школы. Законъ Божій долженъ быть поставленъ въ ряду самыхъ важныхъ предметовъ преподаванія, и отъ учениковъ должно требоваться усердное посѣщеніе богослуженія въ воскресные и праздничные дни, участіе въ домашней молитвѣ, соблюденіе другихъ церковныхъ уставовъ. Дисциплина должна отличаться духомъ любви, но вмѣстѣ и строгости, чуждой послабленій. Грубые шалости и выходки ребяческаго своеволія, конечно, будутъ преслѣдовать всякій начальникъ или надзиратель школы, хотя бы она состояла изъ дѣтей лицъ свѣтскихъ, изъ коихъ ни одинъ впоследствии не предназначить себя къ духовному званію. Пока соблюдаются строгіе порядки въ начальной школѣ, и она не отдѣляется отъ законнаго вліянія Церкви, могутъ смѣло и безопасно получить въ ней первоначальное образованіе юноши, имѣющіе впоследствии выступить служителями религіи. Не принимая на себя излишняго бремени завѣдыванія низшими школами

въ видахъ приготовленія священниковъ, Церковь можетъ только заботиться; чтобы не оскудѣвалъ добрый христіанскій духъ въ общей начальной школѣ, и законными мѣрами нравственнаго вліянія поддерживать въ ней то доброе направленіе, какое желательно для блага общества.

Наши порядки и преданія не благопріятствуютъ мысли о сліяніи начальной школы, — духовной и свѣтской, — въ одну общую школу. У насъ издавна существуетъ самостоятельная духовная школа, совершенно отдѣльная отъ свѣтской, не только средняя и высшая, но и низшая въ видѣ такъ называемыхъ духовныхъ училищъ. Въ этихъ училищахъ особая программа преподаванія, отличная отъ программы преподаванія въ другихъ параллельныхъ свѣтскихъ училищахъ, и эти училища на практикѣ являются у насъ приготовительными школами, которыя проходятъ люди, поступающіе, по выходѣ изъ нихъ, въ семинарію. Но въ существѣ дѣла у нашихъ низшихъ духовныхъ училищахъ нѣтъ прямой задачи готовить людей къ пастырскому служенію, и по мысли, лежащей въ ихъ основаніи, они не спеціально-духовныя или богословскія школы, а общеобразовательныя. Ихъ задача дать и положить начало общаго образованія, и при выполненіи этой задачи немного примѣненія къ спеціальной цѣли, преслѣдуемой школою духовною. Собственно говоря, наши духовныя училища не школы для воспитанія и образованія будущихъ священниковъ, а скорѣе общеобразовательныя школы для воспитанія дѣтей духовенства. Устроеніемъ и содержаніемъ ихъ преслѣдуется первѣе всего цѣль благотворительная, имѣющая въ виду оказать вспомошествованіе духовенству въ трудномъ дѣлѣ воспитанія его дѣтей. По духу школы и по обычаю, въ ней утвердившемуся, ученики ея, получая въ ней образованіе, этимъ образованіемъ могутъ быть приготовляемы къ разнымъ профессіямъ, и это образованіе сколько можетъ быть пригодно для священника, столько же пожалуй годно и для человѣка, имѣющаго избрать для себя какую либо свѣтскую карьеру. И мы видимъ, что изъ нашихъ

духовныхъ училищъ не десятки, а цѣлыя сотни оставляютъ съ теченіемъ времени служеніе Церкви, для того, чтобы искать себѣ счастія и находить приложеніе своимъ знаніямъ и способностямъ на другихъ поприщахъ,—въ мірѣ чиновномъ, юридическомъ, врачебномъ или ученомъ. Значить, сліяніе ихъ съ общими школами могло бы быть произведено безъ особенныхъ затрудненій. Стоитъ только объединить ихъ программу, и всѣ духовныя училища обратить въ прогимназіи. Они при этомъ могли бы не утрачивать своего особаго существованія и своего особаго управленія. Содержась на средства духовенства, они могли бы быть въ полномъ его завѣдываніи. Только они перестали бы быть тѣмъ, чѣмъ не могутъ, хотя, повидимому, и стараются быть,— школами, приготовляющими кандидатовъ священства, а были бы просто образовательными школами, въ которыхъ можно бы было получить твердыя начала образованія, необходимыя для всякаго человѣка, имѣющаго въ виду какую либо высшую либеральную профессію.

Но если для начальнаго образованія, для дѣтей младшаго возраста могло бы не быть особыхъ духовныхъ школъ, которыя бы уже отъ первыхъ азовъ приготавливали мальчика къ священническому служенію, то совершенно другія отношенія возникаютъ, когда рѣчь идетъ объ образованіи среднѣмъ, объ образованіи лицъ, выходящихъ изъ отроческаго возраста и вступающихъ въ періодъ юности. Съ возрастомъ больше опредѣляются способности, расположенія и настроенія людей; съ возрастомъ лучше и безошибочнѣе можетъ быть намѣчена будущая карьера учащагося, или имъ самимъ или его родителями и воспитателями. И вотъ для тѣхъ людей или юношей, у которыхъ болѣе или менѣе опредѣляется характеръ, и которые, при нѣкоторой долѣ самоопредѣленія, предназначаютъ себя въ будущемъ къ духовному званію, и этихъ предъизбраніемъ выдѣляютъ себя изъ общей массы учащихся, непременно должна быть своя отдѣльная школа, имѣющая своимъ назначеніемъ приготовленіе и образованіе буду-

щихъ священниковъ. Эта школа принимаетъ къ себѣ лицъ, уже намѣтившихъ себѣ въ будущемъ священническое служеніе, и она ведетъ дѣло ихъ образованія примѣнительно къ той цѣли, какая поставлена у нихъ предъ глазами. Она сообщаетъ имъ въ возможной полнотѣ и подробности все то, что необходимо знати священнику для достойнаго и плодотворнаго выполненія своего служенія. Она приучаетъ ихъ къ той практической дѣятельности, какаѣ требуется отъ служителя Церкви. Общая гуманная школа, какъ бы представители ея ни уважали религію, не можетъ брать на себя этой задачи, и если только въ ней одной будетъ учиться будущій священникъ, у него будутъ существенныя пробѣлы въ самомъ необходимомъ для него знаніи, и онъ, собственно говоря, нисколько не будетъ приготовленъ къ своему служенію. Сообщая подробныя свѣдѣнія по богословію, уча всему относящемуся къ церковности, эта школа не можетъ оставлять безъ вниманія и общаго гуманнаго образованія. Ея воспитанники, вступающіе въ нее съ достаточнымъ запасомъ первоначальныхъ гуманитарныхъ знаній, должны вести далѣе начатое дѣло образованія. Священникъ не долженъ быть только церковнымъ начетчикомъ или одностороннимъ богословомъ. Для успѣха въ его дѣлѣ, для поддержанія его авторитета отъ него требуется широкое и твердое общее образованіе, и все, что способствуетъ развитію и укрѣпленію мысли, что входитъ въ кругъ общаго образованія, не должно быть опускаемо отъ вниманія спеціальною духовною школою. Общеобразовательный курсъ въ ней долженъ быть проходимъ съ возможною полнотою и тщательностію. Но преслѣдуя свою удѣльную задачу, духовная школа самому общеобразовательному курсу постарается дать направленіе, наиболѣе гармонирующее съ духомъ, какимъ она одушевлена, и съ цѣлію, ею преслѣдуемою. Знакома напримѣръ съ классическими языками и съ классическою литературою, она будетъ читать не однихъ языческихъ авторовъ, — греческихъ и латинскихъ, — но и отцовъ восточной и западной церкви. Изучая всеобщую и русскую

гражданскую исторію, она, слѣдя развитіе человѣческихъ естественныхъ силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ стараться указывать въ теченіи событій жизни народовъ явные слѣды божественнаго промысла о людяхъ. Гдѣ въ изученіи законовъ природы ученые останавливаются на однихъ вторыхъ причинахъ, тамъ она будетъ возводить мысль наблюдателя естественныхъ явленій къ причинѣ первой, безъ которой вторыя причины не могли бы оказывать свое дѣйствіе и поддерживать удивительный строй вселенной, нами созерцаемой.

Не одна особенность задачи, не одна необходимость теоретическая заставляетъ Церковь заботиться объ устроеніи особыхъ школъ для приготовленія священниковъ. Вмѣстѣ съ теоретическими побужденіями здѣсь имѣютъ значеніе и побужденія нравственныя. Церковь не можетъ довольствоваться одними общеобразовательными школами не потому только, что общеобразовательная школа не можетъ сообщить полныхъ свѣдѣній по спеціальному предмету, составляющему предметъ первой необходимости для священника, но и потому, что она не можетъ надѣяться сохранить во всей чистотѣ и неприкосновенности въ кандидатахъ священства то чистое церковное направленіе, какое она желаетъ воспитать въ нихъ, если они до конца останутся въ общей школѣ, среди людей разныхъ направленій. Съ развитіемъ характеровъ, съ утвержденіемъ большей самостоятельности въ юношахъ могутъ быть замѣчаемы вольность мысли, вольность и распушенность слова, пожалуй, вольность поведенія. Отъ этой вольности необходимо предохранить юношей, предназначенныхъ къ священнѣйшему изъ служеній, именно пастырскому. Но это сдѣлать трудно, когда ежедневно дѣлать время и дѣлаться мыслями и чувствами юноши, собранные въ одно мѣсто. Эта вольность можетъ быть и непредосудительна съ свѣтской точки зрѣнія. Но для людей, предъизбравшихъ жребіемъ своимъ служеніе Церкви, она не можетъ быть безопасна. Вотъ одинъ изъ юношей

увлекаются общественными зрѣлищами и увеселеніями; другіе уклоняются отъ посѣщенія Церкви; третьи любятъ нескромныя, нѣсколько циническіе разговоры и ищутъ веселаго общества; четвертые позволяютъ себѣ острить на счетъ тѣхъ предметовъ, предъ которыми съ благоговѣніемъ преклоняется благочестивая душа. Зараза невольно сообщится можетъ и юношамъ, готовящимся къ священническому служенію, если они будутъ поставлены въ необходимость дѣлать жизнь и общество вмѣстѣ съ юношами разнообразныхъ направленій, смотрящими не въ ту сторону, куда они направляются. Невинное въ другихъ явится предосудительнымъ и вреднымъ для нихъ. Пожалуй, малое дѣйствіе произведутъ на нихъ тѣ частности, о какихъ мы упоминаемъ. Но и капля пробиваетъ камень, если постоянно падаетъ на одно мѣсто. Но кромѣ мелочей нельзя опускать изъ вида возможности прямыхъ антирелигіозныхъ проявленій въ юной средѣ. Духъ невѣрія слишкомъ быстро распространяется въ наши дни, и онъ очень рано овладѣваетъ молодыми умами. На нашихъ глазахъ не только студенты университета, но и гимназисты высшихъ классовъ не прочь похвалиться отрицаніемъ самыхъ священнѣйшихъ пунктовъ вѣры, и поглумиться надъ церковію, ея уставами и ея служителями. И это не нынѣ началось, не нынѣ и кончится. Міръ, какъ начало, противоположное Церкви, существовалъ не въ одномъ язычествѣ; онъ существуетъ и нынѣ, въ христіанскихъ обществахъ, и заявляетъ, то скрытно, то явно, свое противодѣйствіе ограничивающимъ своеволіе началамъ вѣры и божественнаго закона. Господь изъять отъ міра своихъ учениковъ, которымъ поручилъ дѣло распространенія и храненія вѣры, и онъ предрекалъ имъ, что міръ не перестанетъ ихъ ненавидѣть (Іоан. XV, 18, 19; XVII, 14—16). Не нужно ли и нынѣ изъять изъ міра продолжателей дѣла учениковъ Христовыхъ, чтобы удалить ихъ отъ соблазна и сохранить чистыми отъ зла?

Изъ существующихъ христіанскихъ обществъ наименьшее отдѣленіе духовной школы отъ свѣтской мы видимъ въ протестанствѣ. Тамъ нѣтъ заведеній средняго уровня, соответствующихъ нашимъ семинаріямъ, и обыкновеннымъ мѣстомъ приготовленія пасторовъ служить богословскій факультетъ, существующій при университетахъ, на который поступаютъ, какъ на другіе факультеты университета, кончившіе курсъ въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ (гимназіяхъ) и имѣющіе аттестатъ зрѣлости. Служая курсъ богословскихъ наукъ, студенты живутъ наравнѣ съ другими студентами, и подчиняются общимъ правиламъ, обязательнымъ для студентовъ другихъ факультетовъ. Это сліяніе духовной богословской школы съ свѣтскою вызвано въ протестанствѣ противодѣйствіемъ строгой римско-католической системѣ, которая совершенно отрывала отъ семейства юношу, готовимаго въ священника, и подчиняла его особенной монастырской дисциплинѣ. По требованію этой дисциплины, воспитанники духовной школы носили особенную одежду, жили въ закрытомъ заведеніи и не имѣли свободнаго выхода изъ стѣнъ этого заведенія, были постоянно на глазахъ своихъ надзирателей, и кромѣ молитвы утромъ и вечеромъ, кромѣ ежедневнаго слушанія мессы, имъ назначались часы для благочестивыхъ размышленій, и послѣ каждаго такого размышленія они должны были возымѣть въ умѣ какое либо благое намѣреніе, о которомъ должны были, по требованію, сообщать каждый разъ своему начальнику и руководителю. Имъ не дозволялись свѣтскія размышленія; напротивъ ихъ старались пріучать къ разнообразнымъ благочестивымъ упражненіямъ. Воспитанники все дѣлали по указкѣ и по разъ заведенію, строго соблюдаемому, правилу, не имѣя права и возможности заявлять въ своей дѣятельности какую либо самостоятельность. Показалась насильственнымъ стѣсненіемъ природы, вреднымъ для образованія характера, такая система воспитанія, приготовляющая изъ воспитанника хорошо выдрессированнаго, послушнаго автомата. И вотъ не захотѣли имѣть никакихъ кле-

рикальныхъ воспитательныхъ заведеній съ своеобразнымъ строгимъ характеромъ, и будущихъ пасторовъ стали воспитывать также, какъ и юношей, готовящихся къ другимъ свѣтскимъ профессіямъ, не выдѣляя ихъ изъ общаго круга учащихся и подчиняя ихъ одинаковымъ условіямъ съ воспитанниками, не имѣющими въ виду церковнаго служенія. Но далеко не всѣ довольны результатами такой системы воспитанія кандидатовъ священства. При такихъ условіяхъ школьнаго воспитанія не укрѣплялся, а оскудѣвалъ духъ благочестія въ юношахъ, готовившихся къ служенію пастырскому, и наживалось у нихъ какое-то равнодушіе къ дѣлу вѣры и своему званію. вмѣстѣ съ тѣмъ на почвѣ, лишенной тщательнаго ухода, безпрепятственно возрастала свобода мысли, которая доводила протестантскихъ богослововъ до отрицанія многоаго существеннаго въ христіанствѣ, и свобода жизни, не стѣнявшаяся поступками, унижающими званіе служителя Церкви. И благонамѣренные и благонастроенные люди въ самомъ протестантствѣ находятъ совершенно не идеальнымъ, а прямо опаснымъ такой порядокъ воспитанія будущихъ кандидатовъ пастырства. Пальмеръ, напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ представителей въ нѣмецкой литературѣ по вопросамъ, относящимся къ пастырству, находитъ, что университетъ, въ которомъ учатся студенты разныхъ факультетовъ, вовсе ненадожное мѣсто для образованія пастырей, и онъ замѣчаетъ, что это не его только мнѣніе, но мнѣніе многихъ нынѣшнихъ представителей протестантскаго духовенства. Доказывая это, онъ ссылается на то, что „теперь университетъ со всѣми своими традиціонными привычками, съ своими кутежами и разгуломъ (какому предаются студенты), юношу, предназначеннаго въ служители Божіи, глубоко оскверняетъ прежде, чѣмъ онъ получитъ освященіе. Для насъ (говоритъ онъ) не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что кто живетъ, подчиняясь студенческимъ традиціоннымъ привычкамъ, кто предается студенческимъ шалостямъ съ увлеченіемъ, или по легкомыслію и нежеланію трудиться, и при этомъ теряетъ

изъ глазъ цѣль своего студенчества, во всякомъ случаѣ, если онъ послѣ и отстанетъ отъ этихъ шалостей, долженъ жалѣть о потерѣ значительнаго времени, — кромѣ многого другаго, имъ чрезъ то утраченнаго¹⁾“. Лучшимъ мѣстомъ для воспитанія кандидатовъ священства и въ протестантствѣ признается не гимназія и не университетъ, а совершенно отдѣльная семинарія. Въ этой семинаріи наука можетъ быть преподаваема въ той широтѣ, какой она достигаетъ при университетскомъ преподаваніи, и по научному теоретическому строю она можетъ не отличаться отъ богословскаго факультета при университетѣ. Но иной строй ея долженъ быть педагогическій. Пусть будетъ эта семинарія при университетѣ, пусть студенты, въ ней находящіеся, чувствуютъ и сознаютъ себя студентами. Но она не должна предоставлять студента въ его жизни самому себѣ: строгими дисциплинарными регулами она ограничиваетъ, и упорядочиваетъ его свободу, и приучаетъ его къ болѣе правильной жизни и болѣе правильнымъ занятіямъ. Она не сообщаетъ только знанія, какъ университетскій факультетъ, но въ интересъ Церкви, въ интересъ будущаго служенія молодыхъ богослововъ, преслѣдуетъ строгія педагогическія цѣли. Эта семинарія предполагаетъ общежитіе (конвиктъ), гдѣ собранные юноши подчиняются строгому порядку, какой не можетъ быть соблюдаемъ при разрозненной жизни на частныхъ свободныхъ квартирахъ.

Къ типу тѣхъ семинарій, какія признаются лучшимъ мѣстомъ для приготовленія пасторовъ въ протестантствѣ, подходятъ наши духовныя академіи, въ которыхъ съ широтою факультетскаго преподаванія соединяется особый педагогическій строй, ограничивающій и направляющій свободу студента извѣстными дисциплинарными правилами. Но и наши семинаріи, будучи средними учебными заведеніями и уступая въ широтѣ образованія семинаріямъ

¹⁾ Evangelische Pastoral Theologie von Christian Palmer. Erste Hälfte. S. 96.

факультетскимъ или университетскимъ, достаточно могутъ удовлетворять цѣли приготовленія образованныхъ пастырей Церкви. Пастырю Церкви нельзя довольствоваться однимъ знаніемъ вѣры и закона Божія и умѣніемъ совершать возлагаемыя на него требы. Чтобы держать авторитетъ священника—учителя народа и общества на надлежащей высотѣ и быть въ состояніи отвѣчать на все запросы, къ нему обращаемыя, онъ долженъ владѣть умомъ, логически развитымъ, и перомъ, достаточно обработаннымъ для правильной и солидной рѣчи, и ему нельзя быть невѣждою въ предметахъ, входящихъ въ область общихъ гуманитарныхъ знаній, напримѣръ въ исторіи литературы, въ исторіи народа. Наши семинаріи не опускаютъ изъ вида этого общаго образованія, необходимаго для пастыря. Онѣ не менѣе гимназій дрессируютъ и развиваютъ мысль и приучаютъ владѣть словомъ; онѣ сообщаютъ знанія о всемъ, входящемъ въ курсъ общаго гуманнаго образованія, въ такой мѣрѣ, въ какой признается то нужнымъ для человека средняго образованія, имѣющаго право на полученіе аттестата зрѣлости. Вмѣстѣ съ тѣмъ наши семинаріи въ достаточной полнотѣ знакомятъ своихъ воспитанниковъ съ Священнымъ Писаніемъ, главнымъ источникомъ и руководительнымъ началомъ нашей вѣры, раскрываютъ ученіе о догматахъ и нравственности христіанской въ размѣрѣ, превышающемъ степень средняго образованія, сообщаютъ свѣдѣнія по церковной исторіи, имѣютъ въ своемъ курсѣ гомилетику—науку о проповѣди, литургику—науку о богослуженіи и практическое руководство для пастырей, излагающее права и обязанности пастырей Церкви.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Надгробныя пѣснопѣнія преп. Ефрема Сирина; ихъ религіозно-нравственное значеніе для пастырей и пасомыхъ.

Творенія святаго Ефрема издревле пользовались извѣстностію въ Церкви и читаемы были съ умиленіемъ. По примѣру Церкви православной греческой и у насъ въ Россіи издавна въ переводѣ на славянской языкъ они были въ употребленіи не только въ монастырскихъ обителяхъ, но и у частныхъ людей. Неизвѣстно, кѣмъ составлены древніе переводы писаній св. Ефрема, но въ книгѣ, изданной при Петрѣ великомъ въ 1701 году въ Москвѣ, напечатаны они съ прибавленіемъ твореній дотолѣ неизвѣстныхъ русскимъ. Книга оканчивается похвальнымъ словомъ Ефрему св. Григорія Нисскаго и стихами:

Трипостасному въ единствѣ всѣхъ Богу
Радостнымъ сердцемъ поемъ пѣснь многу,
Удостоени въ книгахъ Богомудрыхъ
Духовна мужа Ефрема словъ мудрыхъ.

Это изданіе нѣсколько разъ повторилось съ измѣненіями только въ форматѣ. Последнее изданіе на церковно-славянскомъ языкѣ твореній св. Ефрема вышло въ 1837 году, съ прибавленіемъ твореній Аввы Дорофея, Исаака Сирина и другихъ. Съ 1848 года, въ журналѣ „Творенія святыхъ Отцевъ“ началось печатаніе въ переводѣ на русскій языкъ полное собраніе сочиненій преподобнаго Ефрема Сирина. Правда и прежде этого, въ журналахъ „Воскресное“ и „Христіанское чтеніе“ переведены и напечатаны были нѣкоторыя изъ лучшихъ твореній св. Ефрема Сирина. Но въ изданіи „Твореній св. Отцевъ“ вошли всѣ доселѣ извѣстныя творенія св. Ефрема Сирина, какъ въ греческомъ переводѣ, такъ и подлинныя, писанныя на сирскомъ языкѣ. Въ шести томахъ помѣщены всѣ сочиненія Ефрема (съ 1848 г. по 1851 годъ включительно). Въ первой половинѣ шестаго тома напечатанъ переводъ 84-хъ надгробныхъ пѣснопѣній, сдѣланный прямо съ сирскаго языка. Мы и посвятимъ эти обзорнія над-

гробнымъ пѣснопѣніямъ св. Ефрема. На этихъ надгробныхъ пѣснопѣніяхъ преп. Ефрема Сирина мы желали бы остановить особенное вниманіе читателей 'какъ потому, что они доселѣ мало-извѣстны даже любителямъ духовнаго чтенія, такъ особенно по богатству и трогательности ихъ содержанія. Кромѣ того надгробныя пѣснопѣнія Ефрема Сирина представляютъ янтересъ и въ другихъ отношеніяхъ. Въ послѣднее время, когда во многихъ мѣстахъ нашего отечества повторяются случаи смертности людей, неожиданные, но тѣмъ болѣе печальные, очень умѣстно и своевременно будетъ оплакивать умершихъ съ преподобнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ найти въ его пѣснопѣніяхъ отраду и успокоеніе въ скорбные часы поминовеній усопшихъ. Есть у насъ прекрасный обычай говорить надгробныя рѣчи надъ почившимъ, или во дни ихъ помяновенія. Въ сихъ случаяхъ надгробныя пѣснопѣнія святаго Ефрема Сирина представляютъ богатый матеріалъ для проповѣдника. Въ нихъ умилительно оплакиваются все сословія, возрасты и состоянія людей умирающихъ и умершихъ.

а) Пѣснопѣнія Ефрема Сирина на кончину епископа.

На первомъ мѣстѣ стоятъ пѣснопѣнія на кончину различныхъ лицъ въ разныхъ степеняхъ церковной іерархіи, начиная съ епископовъ и до клириковъ. Начнемъ съ обзорѣнія пѣснопѣній надъ епископами. Такихъ пѣсянопѣній всего пять. Но они изображаютъ все служеніе епископское, достоинство его, труды пастырскіе, добродѣтели почившихъ, отеческое отношеніе ихъ къ пасомымъ и наставленія, какія смерть ихъ даетъ пасомымъ, особенно же утѣшеніе, какое подаетъ пасомымъ надежда, что временная разлука съ пастыремъ не прерываетъ связи его съ ними и выражается въ молитвахъ и въ благомъ чаяніи единенія въ блаженной будущей жизни.

„Насъ постигла скорбь,—вѣщаетъ Ефремъ,—мы лишились того, кто заботился о насъ; а онъ въ сугубомъ приобрѣтеніи и безъ страха отошелъ отъ насъ“.

„Смерть увѣчала его, какъ Моисей, и ввела въ тихую пристань. Свободенъ онъ сталъ отъ трудовъ, избавился отъ борьбы съ страданіями плоти“.

„Какъ кроткій Моисей, руководилъ онъ паству свою ученіемъ своимъ и священныя писанія предоставлялъ взорамъ нашимъ, какъ огненный столбъ“.

„Изъ закона, какъ изъ облака, исходила роса ученія его, и охраняла ихъ отъ раздоровъ“.

„Какъ Моисей, освободилъ онъ паству свою отъ рабства хитрому обманщику. Одно нечалить насъ: кому теперь имѣть о насъ попеченіе“.

Далѣе Ефремъ уподобляетъ епископа Ілію и возвѣщаетъ, что онъ принималъ паству и оградилъ ее отъ неправыхъ ученій, что онъ на Павловомъ основаніи созидалъ и совершалъ ее чистымъ златомъ своего ученія.

„Желала-бы паства видѣть, какъ десница твоя простерта на чадахъ ея и печатѣтъ ихъ знаменіемъ креста“.

„Лютея слезы изъ очей ея, когда, возводя взоръ къ дверямъ святилища, не усматриваетъ уже она величественнаго зрака твоего, исполненнаго любви и благоволенія“.

„Поспѣшаетъ утромъ на молитву, чтобы принять отъ тебя благословеніе; ищетъ въ народѣ, но тебя нѣтъ,—и облакается она въ скорбь и сѣтованіе“.

Затѣмъ въ пѣснопѣніи выражается скорбь паствы о томъ, что не возсталъ еще преемникъ почившаго. Примѣрами библейскими показывается, какъ послѣ Моисея возсталъ Іисусъ Навинъ, для управленія народа.

„Ты былъ,—говоритъ къ умершему пѣснопѣвецъ, первосвященникъ подобный Аарону, Іосифу уподоблялся цѣломудріемъ и ревности—Іліѣ“.

„Какъ Давидъ, былъ ты чистъ, какъ Авраамъ,—праведенъ, и Господь твой, за добродѣтель твою, какъ Іеремію, избралъ тебя отъ матерняго чрева“.

Пѣснопѣніе это оканчивается обращеніемъ къ усопшему:

„Молитва твоя да осѣняетъ паству твою. Молись о спасеніи ея. И этотъ сонѣтъ, который празднуетъ здѣсь память твою, да приметъ благословеніе молитвъ твоихъ, да возвеселится нѣкогда вмѣстѣ съ тобою въ небесномъ чертогѣ и да возвеличитъ Того, Кто избралъ тебя“.

Въ другой надгробной пѣсни, епископу же, скорбящій пѣвецъ сравниваетъ смерть епископа съ смертію царя въ станѣ во время войны. Тогда рать его будетъ изложена и станъ разоренъ; такъ и съ смертію епископа рушилась ограда паствы, палъ столѣтъ, который держалъ всю тяжесть пастырскаго служенія, угасъ свѣтильникъ, спала съ пасомыхъ лучшая діадема, смерть взяла лучшаго врача и отняла возможность пользоваться его помощію. Соотвѣтственно этимъ названіямъ усопшаго епископа, пѣснопѣвецъ обращается съ молитвой ко Христу и проситъ Его защитить пастъ беззащитныхъ, хранить нашъ станъ безъ вождя въ брани. Смерть, подобно волку, вторглась и похитила одного пастыря.

„Восплачемъ же и воздохнемъ нынѣ и мы, потому что смерть разлучила паству съ архипастыремъ“... Если пророкъ, солгавши другу своему, когда тотъ преступилъ данную ему заповѣдь (3 Царств. 13, 30), скорбитъ, то какъ не плакать и нерыдать объ архипастырѣ, который служеніе свое проходилъ свято. Пѣснопѣвецъ утѣшаетъ за тѣмъ паству, что остаются еще охранители ея—іерои, и изливаются на нее обильныя благословенія усопшаго. Наконецъ Ефремъ выражаетъ и свое благожеланіе почившему, да восходить отъ вѣка до вѣка и да прославляется память его на томъ самомъ жертвенникѣ, которому онъ служилъ свято и благоговѣнно (7-е надгр. пѣснопѣніе).

Въ слѣдующемъ надгробномъ стихѣ „епископу“ Ефремъ призываетъ паству къ радостному чувству, и ведетъ бесѣду съ оставленною усопшимъ Церковію, къ которой другіе Церкви приходятъ и утѣшаютъ Церковь едесскую: „не скорби, сестра наша, что разлучился онъ съ тобою; охраненіе ему молитва

твоя“. „Да веселитъ же меня любовь твоя, вызываетъ скорбящая Церковь, прославляя лучше Того, Кто избралъ его“.—Умеръ Моисей, но объ немъ скоро перестали скорбѣть, не скорби и ты объ отцѣ своемъ. Утѣшайся словами Давида: честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его (Псал. 115, 6). Но Церковь опять плачетъ, что осталась безплодною вдовою и проситъ не препятствовать ей приблизиться къ ложу покойнаго и посмотрѣть на него. Другіе Церкви утѣшаютъ ее примѣромъ Моисея который безъ слезъ погребаетъ Аарона. Наконецъ Церковь вдовствующая обращается съ молитвою къ Господу Іисусу Христу: „Не оставь меня Господи,—вызываетъ она—помоги мнѣ, будь мнѣ главою,—о Господи, утѣшь меня“.

Въ одномъ изъ надгробныхъ пѣснопѣній епископъ изображается прощающимся съ паствою своею при кончинѣ. Здѣсь также форма стиховоренія драматическая. „Въ дальній отхожу путь, помолитесь, чтобы въ мирѣ совершилъ я шествіе свое, говорить умирающій. Паства ему отвѣчаетъ: „въ неопасный путь отходишь ты, отецъ нашъ, добрыя дѣла твои восходятъ съ тобою ко Господу твоему“. Умирающій страшится отщепенія судей за грѣхи, а паства утѣшаетъ его тѣмъ, что онъ пламенно любилъ Господа и Господь почіетъ въ немъ. Умирающій страшится мученій, но паства увѣряетъ, что ему уготовано царство. Умирающій скорбитъ, что, ничѣмъ не обогатясь, разлучается съ міромъ, а паства проситъ его молитвъ, и убѣждена, что онъ блаженъ, потому что исполнилъ волю Господню, что чиста молитва его, чистъ постъ, щедра милостыня. Умирающій трепещетъ трубы, которая гласомъ своимъ приведетъ въ ужасъ всѣ племена, но паства его вѣруетъ, что въ день воскресенія придутъ ангелы и поставятъ его одесную. Подавляютъ насъ, говорятъ пасомые, скорбь и плачь о смерти твоей, но праведники въ день воскресенія воспоютъ хвалы“. Умирающій обращается наконецъ съ молитвою къ Господу, чтобы Онъ избавилъ его отъ мученій и даровалъ вкусить блаженство, а пасомые надѣются непременно, что Іисусъ Христосъ сторицею

воздасть ему за труды его. Оканчивается это иѣснопѣніе слѣдующимъ обращеніемъ умирающаго къ насомымъ: „заклинаю васъ, братіе и отцы мои возлюбленные, не забывайте меня въ молитвахъ вашихъ“. Въ слѣдующемъ надгробномъ иѣснопѣніи надъ епископомъ тѣмъ, кои въ скорби и печали желали бы бесѣдовать съ нимъ, отъ лица епископа предлагается такое утѣшеніе:

„Не плачьте, дѣти мои, не должно оплакивать путь, которымъ идутъ всѣ сыны Адамовы“.

„Да утѣшитъ васъ Отецъ, Котораго возлюбили вы, и Сынъ, по благодати Своей, да содѣластъ болѣе славными вѣнцы ваши“.

Паства отвѣчаетъ: „много слезъ пролилъ Исифъ объ отцѣ своемъ,—и намъ должно съ печалію и скорбію оплакивать кончину твою“.

Паства наконецъ возбуждаетъ себя работать Господу, чтобы не разлучаться съ почившимъ ни въ смерти, ни въ жизни, ни тогда, какъ въ духѣ нашемъ кладетъ печать свою и приводитъ душу въ трепетъ кончина жизни.

Есть еще два иѣснопѣнія Ефрема на кончину наставника, которыя относятся также къ епископамъ. Последнее изъ нихъ замѣчательно особенно тѣмъ, что въ немъ приводятся многіе примѣры того, какъ святые люди оплакивали людей. Такъ Давидъ оплакивалъ царя Саула, который хотѣлъ убить его, оплакивалъ народъ Самуила, оплакивалъ Іонасъ Елисея, оплакивалъ Елисей Іилію, разлучаясь съ нимъ, даже у Самаго Господа были слезы на очахъ, когда ему сказали о смерти Лазаря, котораго Онъ воскресилъ потомъ.

Открытіе тайны Іосифу и приснодѣвство Богоматери ¹⁾.

Ст. 18. Іисусъ Христово рождество сице бѣ. Такъ, какъ онъ намѣренъ сказать, или какъ изложено ниже.

Ст. 18. Обрученій бо бывши матеріею Маріи Іосифови, прежде даже не снитися има, обрѣтеса имущи во чревѣ отъ Духа Свята. Прже чѣмъ они сочетались бракомъ. Евангелистъ не сказалъ: прежде чѣмъ она пришла въ его домъ, потому что она уже была тамъ. У многихъ было въ обычаѣ имѣть при себѣ неvěсть ради безопасности. Обрѣтеса—вмѣсто: стало очевидно, что она имѣетъ во чревѣ..., но евангелистъ сказалъ—обрѣтеса, т. е. оказалось, что... по причинѣ неожиданности. А чтобы кто либо не смущался словами евангелиста: обрѣтеса имущи во чревѣ, слыша одно только это, онъ продолжилъ рѣчь, присоединивъ: отъ Духа Свята.

И почему Марія не оказалась имущею во чревѣ прежде обрученія? Чтобы она не была умерщвлена, какъ заподозрѣнная въ растлѣніи. Кого она могла убѣдить, что не имѣла общенія съ мужемъ? Посему она оказалась непрадною послѣ обрученія и тогда, когда уже была въ домѣ мужа, чтобы могли подумать, что она зачала отъ него. Такимъ образомъ она избѣгала опасности и въ нуждѣ имѣла помощника и покровителя, особенно во время бѣгства въ Египетъ.

Но ты не спрашивай, какимъ образомъ Дѣва зачала и не старайся изслѣдовать, какъ образовался зародышъ; этого не объяснилъ ни евангелистъ, ни прежде него ангелъ, возвѣстившій Дѣвѣ зачатіе. Не знали этого и они, потому что это непостижимо для всѣхъ и извѣстно одной только блаженной Троицѣ. Знай только то, что Сынъ воплотился благоволеніемъ Отца и содѣйствіемъ Святаго Духа.

Ст. 19. Іосифъ же мужъ ея, праведенъ снй, и не хотя ея обличити, восхотѣ тай пусстити ю. Пра-

¹⁾ Златвѣна толков. сн. № 28.

веднымъ называется человѣкъ несправедливый зло; называется и вообще добродѣтельный. Такъ и здѣсь свидѣлствуется, что Іосифъ былъ праведенъ, какъ по причинѣ другихъ его добродѣтелей, такъ и по причинѣ его кротости и доброты. Обличить (*paradoxa*) говорилось тогда, когда мужъ приводилъ подозрѣваемую жену въ синедріонъ, обвинялъ ее и такимъ образомъ открыто отпускалъ ее изъ своего дома. Іосифъ, не желая этого сдѣлать, вознамѣрился тайно отпустить Марію, чтобы и самому не оказаться нарушающимъ законъ, повелѣвающимъ отпускать зачавшихъ отъ другого, и ее охранить отъ перенесенія бѣдствій, не обнародуя случившагося.

Ст. 20. Сія же ему помыслившу, се ангелъ Господень во снѣ явился ему. Обрати вниманіе на величіе кротости. Іосифъ не только не объявлялъ объ этомъ дѣлѣ никому другому, но даже той самой, которую подозрѣвалъ, — а только про себя подумалъ отпустить ее тайно.

Почему ангелъ не сказалъ Іосифу о безсѣмennomъ зачатіи прежде, чѣмъ стало явно, что она имѣетъ во чревѣ? Потому что онъ могъ бы не повѣрить по причинѣ необычайности дѣла; но когда оно уже было очевидно, — открываетъ и легче убѣждаетъ. Почему, далѣе, Дѣва не открыла Іосифу, такъ какъ она прежде была извѣщена Гавріиломъ? Потому что знала, что не убѣдитъ, а скорѣе огорчитъ, какъ бы стараясь скрыть вину. Кромѣ того, почему и самой Дѣвѣ ангелъ открылъ о зачатіи отъ Духа Святаго не послѣ того, какъ явно было, что она имѣетъ во чревѣ? Потому что, еслибы она не знала этого напередъ, то могла бы находиться въ смущеніи и страхѣ и даже рѣшиться на смерть, хорошо зная, что она никогда не убѣдила бы никого, еслибы говорила, что не имѣла общенія съ мужемъ. Посему Дѣвѣ ангелъ возвѣстилъ прежде зачатіа, а Іосифу во время рожденія.

Матеей написалъ объ ангелѣ, явившемся Іосифу, а Лука о благоговѣствовавшемъ Дѣвѣ божественное зачатіе, потому что и то и другое было. Почему, опять, самому Іосифу ангелъ явился

во снѣ, а не на яву, какъ и Дѣвѣ? Потому что Дѣва нуждалась въ видѣніи на яву, по причинѣ необычайности открытія, а Іосифъ, видя, что она уже имѣетъ во чревѣ, но зная чистую и непорочную жизнь Дѣвы, легче могъ повѣрить. Съ другой стороны онъ видитъ во снѣ ангела потому, что хорошо знаетъ толковать сны.

Ст. 20. Глаголя: Іосифе сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамъ жены твоея. Называетъ его сыномъ Давида, возводя его умъ къ Давиду, такъ какъ іудеи ожидали, что отъ него придетъ Христосъ. Сказавши: не убойся, ангель открываетъ ему тайну его сердца, потому что онъ боялся удержать Богородицу, чтобы не прогнѣвать Бога, удержавши вопреки закону прелюбодѣйную жену. Но что это значитъ—пріяти? Удержать у себя въ домѣ, опять взять, потому что у него въ мысли она уже была отпущена. Пріять же не для брака, а для охраненія. И сказалъ жену твою, вполне увѣряя его этимъ, что она не имѣла общенія съ мужемъ.

Ст. 20. Рождшеебоя въ ней отъ Духа есть Свята. Образованное въ ней. Сказалъ: рождшеебоя въ ней, чтобы мы знали, что въ разсужденіи образованія оно не мало по малу, по закону сѣмени, а тотчасъ всецѣло образовано. Смотри же, какъ прежде всего ангель напомнилъ ему объ ожиданіи отъ Давида, далѣе открылъ ему тайный страхъ сердца и то, на что онъ рѣшился, затѣмъ доказалъ, что обручница его чиста и тогда только открылъ главнѣйшее, именно, что это отъ Духа Святаго, чтобы оно легче могло быть воспринято.

Что происходитъ отъ кого нибудь, то происходитъ или по способу рожденія, сообразно съ этимъ (изреченіемъ): Азъ отъ Бога изыдохъ (Іоан. 8, 42); или по способу образованія, сообразно съ этимъ: Единъ Богъ Отецъ, изъ него же вся (1 Кор. 8, 6), или же по естественному способу, какъ дѣйствіе отъ дѣйствующаго. Рождшееся же въ Дѣвѣ происходитъ отъ Духа Святаго ни по способу рожденія, потому что

Къ № 29-му.

рождающееся есть плоть, ни по естественному способу, потому что духъ безтѣлесенъ. Итакъ оно происходитъ отъ него, какъ образованіе и твореніе его.

Ст. 21. Родить же сына, и нареченіи имя ему Іисусъ: той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ. Ты назовешь его Іисусомъ, какъ отецъ по закону, хотя и не по естеству,—и исполнишь по отношенію къ нему все, что свойственно отцу, хотя рожденное и не твое. Посему-то я самъ принесъ имя свыше, а ты дашь ему. Такъ какъ имя Іисусъ значить Спаситель, то показываетъ, что онъ будетъ названъ такъ поистинѣ: Той бо, говорить, спасетъ люди своя не отъ чувственныхъ враговъ, но—что было гораздо больше—отъ грѣхъ ихъ,—чего никто изъ людей никогда не сдѣлалъ. И отсюда уже ясно, что рождаемый есть Богъ. Людями своими называетъ, въ ближайшемъ смыслѣ, іудеевъ, отъ которыхъ родился, а въ отдаленнѣйшемъ—всѣхъ увѣровавшихъ въ него и признавшихъ его своимъ царемъ.

Ст. 22. Сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ. И это говорятъ ангелъ. Сіе же все: такое, говорю, зачатіе Дѣвы отъ Духа Святаго. Затѣмъ приводитъ свидѣтельство, изреченное пророкомъ Исаіею, но принадлежащее не ему, а Богу: реченное бо, говорить, отъ Господа пророкомъ.

Ст. 22. Глаголющимъ: се дѣва во чревѣ приметъ... Это мѣсто іудеи искажаютъ, ссылаясь на нѣкоторыхъ переводчиковъ, писавшихъ: се отроковица (ἡ παρθένα). Противъ нихъ скажемъ, что гораздо болѣе довѣрія заслуживаетъ то, что имѣютъ Семьдесятъ Толковниковъ, не только по числу и согласію, но и по времени. Они, какъ переводившіе за сто или даже болѣе лѣтъ до пришествія Христа, свободны отъ всякаго подозрѣнія; тѣ же, которые написали: се отроковица, какъ переводившіе послѣ воплощенія Христа, затемняли истину скорѣе изъ ненависти, какъ евреи. Впрочемъ и имя отроковицы Писаніе

ставить вмѣсто дѣвицы. Ибо говоря о дѣвицѣ, претерпѣвающей насиліе, говоритъ: если будетъ кричать отроковица, т. е. дѣва (Втор. 22, 27). Если по ихъ мнѣнію отроковица (*virgin*)—есть замужняя женщина, то что страннаго, что замужняя зачала и рождается? Вѣдь пророкъ прежде сказалъ: сего ради дастъ Господь самъ вамъ знаменіе (Ис. 7, 14), потомъ прибавилъ: се дѣва во чревѣ зачнетъ. Знаменіе же есть то, что выше природы, а не то, что согласно съ природою.

Ст. 23. И родить сына и нарекутъ имя ему Еммануиль, еже есть сказаемо, съ нами Богъ. Нарекутъ имя: кто? Разумѣется, всѣ, которые увѣруютъ въ него. Однако никто не называлъ его Еммануиломъ. По имени—никто, а на дѣлѣ—всѣ. Ибо вѣрующіе, что говорящій съ ними есть Богъ, когда вѣровали этому, соглашались, что съ нами Богъ, хотя и обращается между нами какъ человѣкъ. Это и значить Еммануиль. Былъ также у пророковъ обычай часто употреблять вмѣсто именъ—будущія событія. Такъ Богъ повелѣлъ пророку между прочимъ назвать сына: скоро плѣни, нагло расхити (Ис. 8, 3) не потому, что онъ былъ названъ такъ по имени, но потому, что тотчасъ прогналъ діавола и плѣнилъ—всѣхъ плѣнныхъ, какихъ тотъ имѣлъ, и расхитилъ, т. е. отнялъ сосуды, бывшіе вмѣстилищемъ его лукавства, именно ростовщиковъ и блудницъ, и разбойниковъ и всѣхъ увѣровавшихъ изъ язычниковъ. И много такого пойдемъ.

Ст. 24. Воставъ же Іосифъ отъ сна, сотвори якоже повелѣ ему ангелъ Господень, и пріять жену свою. Почему онъ такъ легко повѣрилъ сновидѣнію въ столь великомъ дѣлѣ? Потому что явившійся ангелъ открылъ ему помысленіе его сердца. Онъ понялъ, что явившійся дѣйствительно пришелъ отъ Бога, потому что одинъ только Богъ знаетъ помысленія сердець. А когда напомнилъ ему пророчество Исаи, еще болѣе укрѣплялъ его въ исполненіи.

Ст. 25. И не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца. Поставилъ здѣсь дондеже не съ тѣмъ, чтобы ты подозрѣвалъ, что послѣ этого позналъ ее; но такъ какъ іудеи порицали Христа какъ будто рожденнаго отъ блуженія, то евангелистъ вопреки ихъ богохульному предположенію, вполне увѣрилъ только о времени до рожденія его; а о томъ, что было послѣ, предоставилъ судить тебѣ. Какимъ образомъ могъ коснуться или даже подумать познать зачавшую отъ Духа Святаго и ставшую такимъ вмѣстилищемъ? Познаніемъ здѣсь названъ изъ благоговѣнія брачное общеніе. Но, кромѣ того ставитъ часто выраженіе дондеже не для обозначенія предѣла времени—есть идиотизмъ Писанія, какъ о ковчегѣ Ноя: и не возвратися вранъ, дондеже изсяче вода изъ земли (Быт. 8, 7); но онъ и послѣ не возвратился. И опять: сѣди одесную меня, дондеже положу враги моя подъ ножіе ногъ твоихъ (Псал. 109, 1),—но и послѣ покоренія враговъ, онъ сидитъ одесную его; и многое такое часто употребляется. Первенцемъ же называетъ теперь не какъ перваго между братьями, но какъ перваго и единственнаго, потому что между различными значеніями слова первенецъ есть и такое. Притомъ оно употребляется, когда Писаніе говоритъ объ одномъ только, какъ здѣсь: азъ первый, и азъ по сихъ, кромѣ мене нѣсть Бога (Ис. 44, 6). Въ Священномъ Писаніи слово первенецъ употребляется въ четырехъ значеніяхъ. Оно обозначаетъ рожденнаго первымъ между братьями, какъ Рувимъ называется первенцемъ между сыновьями Іакова (Быт. 35, 23). Обозначаетъ также рожденнаго первымъ и единственнаго, какъ и въ настоящемъ изреченіи. Кромѣ того обозначаетъ превосходнаго и почтеннаго, какъ здѣсь: и Церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ (Евр. 12, 23). Сверхъ всего этого обозначаетъ и просто прежде существующаго, какъ здѣсь: Перворожденъ всея твари (1 Кол. 1, 15), т. е. имѣющій бытіе прежде всякаго творенія.

Ст. 25. И нарече имя ему Іисусъ. Назвалъ Іосифъ, какъ былъ наученъ ангеломъ.

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Приней*.

Дозволено цензурою. Киевъ, 9 іюля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

XXV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубль., съ пересылкою шесть
рублей серебр.

№ 30.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Іюля 22-го.

Содержаніе: Къ духовенству, къ пастырямъ Церкви, къ нашимъ братьямъ
и служителямъ Христовымъ.—Образованіе кандидатовъ священства.—
О поклоненіи волвовъ и бѣгствѣ во Египетъ.—„Того требуетъ уставъ“.

**Къ духовенству, къ пастырямъ Церкви, къ нашимъ
братьямъ и служителямъ Христовымъ.**

„Воспряньте. Не видите ли, что времена тревожны, что и
убѣжденія народныя переходчивы, что переходчива даже вѣра
въ умахъ народа? Поймите, что нашу вѣру въ народѣ разу-
мѣютъ 5 изъ 95, да и эти 5 стали появляться 30 лѣтъ тому
назадъ со времени повсюднаго распространенія народныхъ учи-
лищъ. Вспомните старинное присловіе, что чего не знаешь, того
не желаешь (*ignoti nulla cupido*). Долго нашъ народъ нерушимо
хранилъ свою родную вѣру по крѣпкому вѣянію общенароднаго
духа. Увы! Теперь подули иные вѣтры со всѣхъ сторонъ. Подули
и на народъ. Станьте же твердо противъ этихъ вѣтровъ. Бори-
тесь же. Просвѣщайте же народъ свѣтомъ вѣры посредствомъ
того же просвѣщенія, святолюбиваго богослуженія, стройнаго обще-

церковнаго пѣнія, просвѣтлѣніемъ и закрѣпленіемъ русскаго народнаго сознанія. Вы-то не поддавайтесь и не уступайте разлагающимъ вѣяніямъ чужеродной намъ европейской культуры, храненіемъ и защищеніемъ свято-отеческихъ обычаевъ и обузданіемъ общечеловѣческихъ страстей, пьянства, своекорыстія, безчестія въ общежитейскихъ отношеніяхъ“¹⁾).

¹⁾ Изъ поученія о происхожденіи и значеніи штунды въ жизни русскаго народа, сказаннаго преосвященнымъ Пискаворомъ епископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ въ Херсонскомъ соборѣ 15 мая 1884 года г. и напечатаннаго въ № 25 „Гражданина“.

²⁾ См. № 29-й.

Образованіе кандидатовъ священства²⁾).

Казалось бы, что въ курсѣ семинарскомъ все есть, что необходимо знать священнику, и даже болѣе того, что необходимо при той полнотѣ знанія, какое получается въ семинаріи, изъ нея должны бы выходить пастыри, вполне просвѣщенные и вполне приготовленные къ своему дѣлу. И мы не можемъ сказать, чтобы не было таковыхъ, не можемъ осуждать нашихъ пастырей, получившихъ образованіе въ семинаріи, за недостатокъ знанія и просвѣщенія.

Между тѣмъ, какъ мы замѣчали уже, весьма нерѣдки заявленія недовольства по отношенію къ семинарскому образованію. Многіе находятъ его не вполне достигающимъ своей цѣли, и указываютъ въ подтвержденіе этого на то, что воспитанники семинаріи, поступая во священники, очень часто не заявляютъ ни духа благочестія, ни усердія къ своему пастырскому дѣлу и оказываются людьми, мало приготовленными къ надлежащему исполненію своего служенія, главной цѣли семинарскаго образованія.

Такіе отзывы иногда высказываются голословно, съ чужаго голоса, иногда слишкомъ поспѣшно обобщаютъ частные факты.

¹⁾ Изъ поученія о происхожденіи и значеніи штуды въ жизни русскаго народа, сказаннаго преосвященнымъ Никаноромъ епископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ въ Херсонскомъ соборѣ 15 мая 1884 года г. и напечатаннаго въ № 25 „Гражданина“.

²⁾ См. № 29-й.

Но нельзя отвергать совершенно ихъ относительнаго значенія и силы.

Въ нашемъ семинарскомъ образованіи есть двѣ вещи, которыя могутъ возбуждать вопросы.

Во-первыхъ, наша семинарія не есть заведеніе, строго приспособленное къ одной цѣли—воспитанія пастырей Церкви, и устроенное по одной идѣ. Если не уставъ ея, то практика къ указанной главной цѣли ея присоединяетъ другую, благотворительную, послужившую основаніемъ для устройства низшихъ духовныхъ училищъ. Приготовляя пастырей для Церкви, семинарія вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ даровое образованіе дѣтямъ духовенства, годное не для одной пастырской службы. Наши юноши, поступая въ семинаріи для полученія образованія, не обрекаютъ себя чрезъ то на служеніе Церкви. Многіе изъ нихъ, и учась въ семинаріи, имѣютъ въ виду для себя въ будущемъ свѣтскіи профессіи, и многіе въ теченіе курса выходятъ изъ семинаріи для поступленія въ другія учебныя заведенія, а другіе, и по окончаніи семинарскаго курса, поступаютъ не въ то званіе, къ какому должна готовить семинарія, а въ какое либо свѣтское. Нельзя запретить выхода изъ семинарій въ другое званіе молодымъ людямъ, не чувствующимъ въ себѣ расположенія къ священству. Но не должны бы быть принимаемы въ семинарію и не должны бы поступать въ нее люди, вовсе не имѣющіе въ виду избрать цѣлю своей жизни священническое служеніе. А какъ скоро это существуетъ у насъ нынѣ, волею или не волею семинарія должна считаться съ этимъ фактомъ, и въ системѣ ея воспитанія происходитъ нѣкоторое раздвоеніе. Отсюда свѣтскій или мірской элементъ въ ней заявляетъ себя въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ какой это требуется идеею заведенія чисто духовнаго. Отсюда въ ней и ея дисциплинарныхъ порядкахъ не выдерживается тотъ духъ церковности, какой должно воспитывать въ кандидатахъ священствъ. Отсюда во многихъ изъ ея воспитанниковъ недостатокъ того духа, какимъ отличаются воспитанники католическихъ

семинарій. И это, не къ выгодѣ нашей, замѣтно отражается на практической дѣятельности нашего пастырства.

Для воспитанія духа церковности и благочестія, необходимаго и желательнаго въ кандидатѣ священства, семинарская дисциплина должна отличаться своимъ специфическимъ характеромъ, и порядокъ жизни воспитанниковъ семинаріи, имѣющихъ въ виду священническое служеніе, долженъ быть устроимъ соответственно ихъ будущему назначенію. Отъ нихъ должно требоваться строгое выполненіе всѣхъ церковныхъ постановленій, и ихъ такъ нужно вести, чтобы они сами, по движенію своего религіознаго чувства, не позволяли себѣ ни малѣйшаго уклоненія отъ исполненія христіанскихъ обязанностей, независимо отъ того, требуютъ ли отъ нихъ того или другаго, предписываемаго церковію и вѣрою, прямо и официально, или нѣтъ, наблюдаютъ ли за ними или нѣтъ. Надъ всѣмъ въ ихъ поведеніи должно господствовать и всѣмъ заправлять сознаніе того, что они призываются быть служителями Божиими и учителями другихъ въ томъ, какъ нужно жить по закону Христову. Долгъ молитвы, предписываемый христіанскою совѣстію,—ихъ первѣйшая обязанность. Они неопустительно являются къ богослуженію во всѣ воскресные и праздничные дни, и это должны дѣлать не *ex officio*, а по охотѣ и усердію, такъ чтобы не только опущеніе того или другаго праздничнаго или воскреснаго богослуженія, но и поздній приходъ къ какому либо изъ нихъ уже тяготилъ ихъ совѣсть. Они всѣ вмѣстѣ обязательно присутствуютъ при чтеніи утреннихъ и вечернихъ молитвъ, и безъ молитвы не садятся за столъ и не встаютъ отъ стола. Имъ нельзя позволять канунъ воскреснаго или праздничнаго дня осквернять какою либо свѣтскою забавою или участіемъ въ какомъ либо развлеченіи мірскаго характера, что очень часто бываетъ въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ. Они строго держатъ постъ по уставу церковному, и малѣйшее отступленіе ихъ въ этомъ отъ устава церковнаго и нарушеніе поста, не вызываемое нуждою или предписаніями врача, должно быть

вмѣняемо имъ въ вину, какъ дѣло, для нихъ особенно неприличное. Кто не исполняетъ христіанскихъ обязанностей и установленій церковныхъ или по крайней мѣрѣ затрудняется ихъ исполненіемъ и обнаруживаетъ желаніе по возможности уклоняться отъ ихъ исполненія, тотъ тѣмъ самымъ устраняетъ себя отъ священства. Что будетъ за священникъ, который долженъ быть молитвенникомъ предъ Богомъ за другихъ и ревнителемъ исполненія закона христіанскаго и устава церковнаго, изъ того юноши, который въ періодъ приготовленія къ священству пренебрегаетъ существенными требованіями своего будущаго званія, не исполняетъ какъ слѣдуетъ долга—молитвы, нарушаетъ посты и не находитъ никакого удовольствія въ томъ, чтобы присутствовать при богослуженіи въ дни воскресные и праздничные? И въ порядкѣ общежитійскомъ воспитанники семинарій, готовящіеся къ священству, должны подчиняться нѣкоторымъ ограничительнымъ условіямъ. Имъ не можетъ быть дозволено все то, что не запрещается воспитанникамъ свѣтскихъ заведеній, готовящихся къ какой либо свѣтской профессіи. Имъ напримѣръ не прилично посѣщать рестораны, театры и другія мѣста общественныхъ увеселеній. Едва ли кто признаетъ согласнымъ съ порядкомъ вещей, если будущій священникъ станетъ являться на вечерахъ и принимать участіе въ танцахъ и другихъ играхъ. Тѣмъ болѣе унижительно, не сообразно съ назначеніемъ семинаристовъ и должны быть запретны для нихъ грубыя чувственныя удовольствія, напримѣръ распущенный разгулъ, участіе въ какой либо веселой пьяной компаніи, безпорядочныя пирушки, не чуждыя циническаго характера. Семинаристамъ, имѣющимъ быть служителями Божиими и образцовыми руководителями въ жизни другихъ, слишкомъ не пристало напоминать своимъ поведеніемъ подгулявшихъ рабочихъ или мастеровыхъ. Замѣчаемые въ подобныхъ нарушеніяхъ порядка, унижающихъ званіе семинариста, должны быть изгоняемы изъ духовнаго заведенія безъ всякаго снисхожденія. Кандидаты священства всегда и вездѣ должны являться юношами скромными,

благородными, соблюдающими приличіе и сдержанность въ поступкахъ, словахъ и даже тѣлодвиженіяхъ.

Говоря такъ, мы не налагаемъ на семинаристовъ какого либо неудобноносимаго бремени, не предписываемъ для нихъ слишкомъ суроваго закона. Они должны быть приучаемы къ такому порядку жизни, какой обязаны будутъ соблюдать, когда, по выходѣ изъ семинаріи, сдѣлаются священниками. И что не дозволяется священнику, то и имъ не должно быть дозволяемо. Они такъ должны быть воспитываемы, чтобы по выходѣ изъ заведенія не видѣли нужды значительно измѣнять свой образъ жизни. Во вниманіе къ этому мы не рекомендуемъ для семинаристовъ, готовящихся во священника, монастырскаго заключенія и наложенія на нихъ какихъ либо аскетическихъ упражненій, не обязательныхъ для нихъ въ будущемъ, когда они сдѣлаются священниками. Наши священники живутъ въ обществѣ, живутъ жизнью открытою и семейною. Нѣтъ нужды отрывать совершенно отъ семейства и общества и воспитывающихся кандидатовъ священства. Въ положенное время они могутъ имѣть выходъ изъ заведенія, могутъ бывать у родныхъ и знакомыхъ, если только эти знакомые не извѣстны начальству семинарскому съ какой либо другой стороны, и если дозволенные выходы, при учащенномъ повтореніи ихъ, не влекутъ за собою разсѣянія и отвлеченія отъ дѣла. Нельзя запрещать имъ и развлеченій, лишь бы эти развлеченія не нарушали приличія и благороднаго тона. Юношей нельзя вести и заставлять жить такъ, какъ живутъ старцы или люди, прошедшіе болѣе половины своей жизни: иначе насилуемая природа можетъ или не выдержать напряженія и ослабѣть или отомстить за себя безпорядочнымъ выступленіемъ изъ той колеи, по какой направляли ее.

Вѣноцъ воспитательное дѣло въ семинаріяхъ получаетъ тогда, когда воспитанники ихъ и положительные и отрицательные правила благоповеденія, приличнаго кандидатамъ священства, предписывающія одно дѣлать, а другого избѣгать исполняютъ не

вслѣдствіе дисциплинарнаго принужденія, а добровольно, по сознаніи необходимости ихъ исполненія въ ихъ положеніи и въ виду ихъ будущаго назначенія. Тотъ еще не общаетъ изъ себя хорошаго священника, кто не отступаетъ отъ порядка, принятаго въ семинаріи, единственно потому, что боится взысканій, угрожающихъ за нарушеніе его. Такой человѣкъ вырвавшись на свободу, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, можетъ дозволить многое, что можетъ совершенно скомпрометировать его. Нѣтъ, пусть порядки заведенія, предписываемые его духомъ и назначеніемъ, войдутъ, такъ сказать, въ плоть и кровь воспитанника, пусть они сдѣлаются его привычками и второю его природою; пусть, не глазъ начальника или надзирателя, а его собственная совѣсть удерживаетъ его отъ разныхъ понозженій и неприличій. Тогда можно ручаться, что кандидатъ священства окажется достойнымъ того поста, какой его ожидаетъ, и его поведеніе не вызоветъ ни въ комъ слова хулы и осужденія. Не строгость, не суровая дисциплина воспитываетъ такой характеръ, а нравственное вліяніе учителей и воспитателей. Общій высокій христіански-нравственный строй и духъ заведенія, живой примѣръ достойной жизни и нравственнаго приличія, видимый въ лицѣ людей, представляемыхъ къ дѣлу обученія и воспитанія, согласное и единое дѣйствіе ихъ, направленное къ одной цѣли, теплое, сердечное отношеніе къ питомцамъ и постоянная заботливость объ ихъ благѣ—вотъ что можетъ создать людей, которые были бы украшеніемъ пастырства и честию заведенія, ихъ воспитавшаго.

Другой недостатокъ, за который обращаются съ упреками къ семинарскому образованію, указываютъ въ томъ, что въ нашихъ семинаріяхъ забытъ или заброшенъ практическій элементъ. Нашимъ кандидатамъ священства въ семинаріяхъ (говорятъ) читаютъ теоретическія науки, и много разныхъ наукъ, сообщаютъ довольно широкое и обильное знаніе, но очень мало обращаютъ вниманія на то, что прямо относится къ ихъ будущей практической дѣятельности, мало приучаютъ воспитанниковъ къ тому, что они

должны дѣлать, когда, бывъ призваны къ священству, приступать къ исполненію обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ ихъ должностію, не даютъ имъ умѣнья вести свое дѣло какъ слѣдуетъ. И выходятъ часто изъ нашихъ многознающихъ семинаристовъ священники неумѣлые, путающіеся при исполненіи воспріятого на себя долга, уступающіе въ практической дѣятельности людямъ простымъ, не проходившимъ длиннаго школьнаго курса.

Справедливъ ли упрекъ этотъ нашему семинарскому образованію?

При безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу и по внимательномъ обсужденіи существующей системы образованія, сообщаемого нашимъ кандидатамъ священства, мы не можемъ не сознаться, что оно указываетъ частію на дѣйствительное онущеніе въ системѣ приготовленія священниковъ. Но въ тоже время не можемъ не замѣтить, что часто упрекающіе наши семинаріи за недостатокъ практическаго приготовленія кандидатовъ священства къ ихъ будущей должности возлагаютъ на школу требованія неудобополнимыя.

Полное умѣнье во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности не дается школою, какъ бы тщательно школа ни выполняла свое назначеніе. Медикъ, юристъ, агрономъ, инженеръ, технологъ, какъ бы долго и усердно ни учились въ школѣ, на первыхъ порахъ практической дѣятельности, будутъ дѣйствовать робко, въ неувѣренности, и легко могутъ допускать болѣе или менѣе важныя ошибки. Школьное образованіе и пракческаго характера дополняется жизнію, заставляющею прилагать къ дѣлу добытыя въ школѣ знанія. Врачъ, юристъ, инженеръ дѣлаются хозяевами въ своей отрасли только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ болѣе или менѣе усердной практики. Тоже самое нужно сказать и о томъ родѣ дѣятельности, къ которому готовится кандидатъ священства.

По силѣ упрека, обращаемого къ семинарскому образованію, въ томъ, что по сравненію съ другими спеціалистами, готовя-

щимися къ извѣстной профессиональной дѣятельности, воспитанники нашихъ семинарій получаютъ гораздо меньше практической подготовки къ ожидающему дѣлу. Такъ ли это?

Наша семинарія много занята общеобразовательными цѣлями, и за служеніемъ этимъ цѣлямъ какъ бы отступаютъ на второй планъ ея заботы о практическо-спеціальной сторонѣ образованія кандидатовъ священства. Она не оставляетъ безъ вниманія и практической подготовки къ своему дѣлу кандидатовъ священства, хотя, нужно сказать правду, могла бы дѣлать это съ большею полнотою и тщательностію.

На три части раздѣляется долгъ, возлагаемый на пастыря Церкви: онъ учитель народа, онъ совершитель богослуженій, онъ нравственный руководитель и воспитатель своихъ пасомыхъ.

Для приготовленія къ исполненію учительскаго долга въ семинаріи существуетъ кафедра гомилетики. Гомилетика сообщаетъ правила о составленіи и произношеніи проповѣдей и усиляетъ тотъ, внутренний и внѣшній, характеръ, какимъ должна отличаться церковная проповѣдь. Съ изученіемъ формальныхъ правилъ гомилетики соединяются и практическія занятія. Ученики пишутъ проповѣди, эти проповѣди подвергаются критическому разбору, произносятся иными въ классѣ, а другими и въ Церкви. Но зная веденіе этого дѣла въ семинаріи, мы не можемъ считать совершенно достаточными практическія занятія по гомилетикѣ или проповѣдничеству, существующія въ нашихъ семинаріяхъ. Написать одну или двѣ проповѣди въ годъ, написать около трехъ проповѣдей въ теченіе всего семинарскаго курса—это ли все надлежащее приготовленіе къ исполненію учительской обязанности, возлагаемой на священника, первѣйшей изъ всѣхъ его обязанностей, по выраженію книги „О должностяхъ пресвитеровъ и приходскихъ“? Тѣмъ менѣе можно довольствоваться такою мѣрою практическихъ занятій по проповѣдничеству въ семинаріи, что проповѣди, составляемыя въ семинаріяхъ, пишутся на общія темы, безъ всякаго почти отношенія

къ запросамъ тѣхъ лицъ, предъ которыми кандидатъ священства впоследствии явится учителемъ, пишутся больше для голыхъ стѣнъ, чѣмъ для живыхъ людей. При составленіи и разборѣ этихъ проповѣдей главное вниманіе обращается на логическій строй, пожалуй, еще на изложеніе. Но это далеко не все, что требуется для умѣлаго веденія дѣла проповѣди. Даже произношеніе, и то не заслуживаетъ особеннаго вниманія нашихъ гомилетовъ, и отъ того наши проповѣдники въ этомъ отношеніи значительно уступаютъ проповѣдникамъ другихъ христіанскихъ Церквей и обществъ. Между практическими занятіями въ семинаріяхъ является импровизація проповѣдей. Дѣло полезное: оно дрессируетъ слово и дѣлаетъ его развязнымъ. Но и эта импровизація не имѣетъ повсюднаго и широкаго распространенія, и ссылкою на нее нельзя успокаивать себя при мысли о томъ, все ли дѣлается у насъ, что нужно, для практическаго приготовленія умѣлыхъ учителей народа. Въ другихъ странахъ, гдѣ есть проповѣдническія и катехизическія семинаріи, въ которыхъ проповѣдь является однимъ изъ самыхъ главныхъ предметовъ занятія, къ дѣлу приготовленія проповѣдниковъ прилагаютъ гораздо больше заботы, чѣмъ у насъ. Въ протестантствѣ и католициствѣ каждый, поступающій на приходъ, несравненно болѣе практикованъ въ дѣлѣ проповѣдничества, чѣмъ нашъ семинаристъ.

Другая обязанность священника состоитъ въ совершеніи богослуженія. О богослуженіи трактуетъ особая наука, преподаваемая въ семинаріи, извѣстная подъ именемъ литургики. Но литургика не содержитъ въ себѣ ничего пракческаго. Содержаеми ея служитъ историко-археологическое и теоретическое ученіе о богослуженіи. Можно прекрасно знать литургику и не умѣть достойнымъ образомъ совершать богослуженіе. Практическимъ приготовленіемъ кандидатовъ священства къ достойному совершенію богослуженія служитъ непосредственное участіе въ немъ посредствомъ чтенія и пѣнія, которыя въ нашей Церкви составляютъ главные богослужебныя дѣйствія. Воспитанники семи-

варіи приглашаются къ такому участию въ богослужебныхъ дѣйствіяхъ. Но у насъ оно является для нихъ больше дѣломъ свободы и усердія, чѣмъ обязательнаго долга, и многіе изъ семинаристовъ совершенно устраниются отъ непосредственнаго участія въ богослуженіи, долженствующаго служить для нихъ лучшимъ приготовленіемъ къ исполненію того, что потребуется отъ нихъ, какъ отъ священно-служителей, когда они примутъ священный санъ. Отъ того и бываетъ, что иные изъ священниковъ, вышедшихъ изъ семинаріи, хорошо знакомы съ Гомеромъ и Гезіодомъ, съ Цицерономъ, Горациемъ и Виргиліемъ, но не знаютъ, при поступленіи на должность, церковнаго устава, не умѣютъ внятно и вразумительно читать положенныя на службѣ молитвы и избранныя отдѣлы изъ священныхъ книгъ, не могутъ ни пѣть, ни руководить другихъ въ церковномъ пѣніи и совершенно не понимаютъ различія гласовъ, или напѣвовъ, изъ которыхъ слагается потный церковный обиходъ. Отъ того между прочимъ такъ много небрежнаго и неудовлетворительнаго въ отправленіи нашего богослуженія. Въ особенности страдаетъ пѣніе, которое въ нашемъ богослуженіи составляетъ слишкомъ важный элементъ,—болѣе важный, чѣмъ въ богослуженіи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣдныхъ обществъ. Выходятъ изъ употребленія старыя умишительныя напѣвы, пропадаютъ отличительныя оттѣнки гласовыхъ напѣвовъ, и многіе изъ священно-церковно-служителей все готовы пѣть на одинъ гласъ; лучшія изъ церковныхъ праздничныхъ или воскресныхъ пѣснопѣній выполняются монотонно и при этомъ выполненіи теряютъ свою священно-величавую прелесть, полную разнообразнаго движенія звуковъ, и пріятнымъ образомъ усаждающую релігіозное чувство (напримѣръ догматики, вѣрсы на Воздвиженіе, на праздникъ Пятидесятницы, на Срѣтенію и т. под.). Школа, готовящая служителей Церкви, къ этому дѣлу почти совершенно равнодушна и какъ будто считаетъ это мелочью, на которую не стоитъ обращать большаго вниманія. Слышно впрочемъ, что въ послѣднее время на этотъ предметъ обращено

надлежащее вниманіе, и въ новомъ уставѣ семинарій, который ожидается, пѣнію отведено довольно широкое мѣсто, и оно будетъ сдѣлано предметомъ обязательнымъ, чего нынѣ нѣтъ.

Самое трудное дѣло, возлагаемое Церковью на священника, — это пастырская попечительность о своихъ прихожанахъ, или пастырское руководство пасомыхъ на путяхъ спасенія. Какъ добрый воспитатель и отецъ, какимъ называютъ священника его прихожане, онъ долженъ бдѣть надъ душами ввѣренныхъ ему духовныхъ овецъ, чтобы не заблудилась и не погибла ни одна изъ нихъ, помня то, что съ него взыскана будетъ кровь каждой овцы, погибшей по его небрежности или винѣ. Онъ долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы не заболѣла нравственно какая либо изъ нихъ, и если видитъ начало или развитіе, любовь и долгъ побуждаютъ его принять мѣры и средства къ излѣченію этой болѣзни, и онъ долженъ умѣть лѣчить душевныя болѣзни по крайней мѣры не хуже того, какъ врачъ обыкновенный лѣчитъ болѣзни тѣлесныя.

По примѣру апостола Павла, онъ долженъ каждого изъ ввѣренныхъ ему прихожанъ, какъ отецъ дѣтей своихъ, просить и убѣждать и умолять поступать достойно Бога, призвавшаго насъ въ свое царство и славу (1 Сол. II, 10—12), долженъ внимать всему стаду (Дѣян. XX, 28), и всякаго человѣка вразумлять — научать всякой премудрости, чтобы представить всякаго человѣка совершеннымъ во Христѣ Іисусѣ (Кол. I, 28). Къ этому труднѣйшему и отвѣтственному дѣлу нравственнаго пастырскаго воспитанія и руководства пасомыхъ, наша духовная школа не даетъ практической подготовки. Но нельзя винить школу за это опущеніе: едва ли возможны въ школѣ практическія занятія по этой отрасли дѣятельности. У школы нѣтъ лицъ, надъ которыми она могла бы показывать примѣры пастырской попечительности. Она можетъ и должна возбуждать въ кандидатахъ священства сознаніе необходимости для

нихъ бдительной заботливости о нравственной цѣлости и чистотѣ своихъ будущихъ прихожанъ, по поступленіи на мѣсто, можетъ и должна возбудить и утвердить въ нихъ любовь и усердіе къ этому дѣлу, можетъ и должна сообщить совѣты и правила касательно возможно-лучшаго веденія этого дѣла. Но все это дѣло теорій, а не практики. Практически это дѣло можетъ начаться только тогда, когда кандидатъ священства будетъ имѣть предъ собою лицъ, поставленныхъ подъ его непосредственное попеченіе, т. е. уже по принятіи имъ священнаго сана. Въ германской пастырской литературѣ, болѣе богатой, чѣмъ наша литература, высказывались разные проекты и предположенія касательно практической подготовки юношей, имѣющихъ въ виду церковное служеніе, къ дѣлу нравственнаго пастырскаго воспитанія людей. Но эти проекты и предположенія оказывались утопическими неосуществимыми на дѣлѣ, и не было никакой пользы отъ попытокъ къ ихъ осуществленію. Высказывали напримѣръ мысль о томъ, чтобы при богословскихъ факультетахъ университетовъ или при богословскихъ семинаріяхъ, воспитывающихъ будущихъ пастырей, учредить духовную поликлинику, въ параллель клиникѣ, существующей при медицинскихъ университетскихъ факультетахъ, въ которой бы преподаватель пастырскаго богословія практически надъ живыми людьми, въ виду кандидатовъ священства, показывалъ, какъ нужно обращаться съ нравственно больными, требующими наставленія отъ служителя религіи, подобно тому, какъ это дѣлаетъ клиническій профессоръ—медикъ, руководитель молодыхъ врачей въ ихъ специальности. Или предлагали обратить для практически—пастырскихъ занятій ту же больницу, которая существуетъ при университетѣ для практическаго приготовленія медиковъ: эту больницу могъ бы ежедневно обходить руководитель студентовъ богословія вмѣстѣ съ ними; они слушали бы и замѣчали бы, какъ и что говоритъ онъ, въ видахъ назиданія, съ тѣмъ или другимъ больнымъ, и потомъ профессоръ велъ бы съ своими слушателями бесѣду о разныхъ духовныхъ средствахъ

къ нравственному дѣйствованію на сердца людей, по поводу того или другаго случая, представившагося ихъ наблюденію. Могъ бы (предлагали еще) профессоръ поручить извѣстныхъ больныхъ или требующихъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія тому или другому студенту, и приставленные къ этимъ лицамъ, служащимъ для пастырской практики, могли бы передавать профессору, что они замѣчаютъ въ нихъ, и какъ дѣйствуютъ и думаютъ дѣйствовать на нихъ, и потомъ выслушивать отъ профессора или одобренія образу своей дѣятельности или совѣты, направленные къ исправленію или дополненію его. Нужно ли говорить, какъ не практично такое черезъ-чуръ практическое приготовленіе кандидатовъ священства къ дѣлу нравственнаго воспитанія пасомыхъ? Духовныя болѣзни, врачевать которыя долженъ священникъ, не то, что болѣзни тѣлесныя: онѣ не такъ видны, какъ эти послѣднія, и по отношенію къ нимъ неумѣстны такая діагностика и такой наглядный анализъ, какія возможны и умѣстны по отношенію къ болѣзнямъ тѣлеснымъ. И трудно предположить, чтобы кто либо изъ людей добровольно согласился быть моделью, надъ которою бы практиковались юноши, желающіе научиться тому, какъ лучше лѣчить духовныя болѣзни, и какъ успѣшнѣе дѣйствовать на людей, уклоняющихся отъ пути добродѣтели. Раны тѣлесныя всѣмъ видны, и ихъ не скрываютъ. Но внутреннее содержаніе души—это наше потаенное или сокрытое достояніе, и выставять на показъ десяткамъ и сотнямъ свои духовныя раны, свои сокровенныя немощи едвали кто согласится. Готовый побесѣдовать искренно, по душѣ съ руководителемъ, которому довѣряетъ, нравственно больной тотчасъ же прячется въ тайникъ своего сердца, какъ улитка, когда замѣчаетъ, что его хотятъ наблюдать десятки и сотни глазъ. Да и самая мысль о выставленіи на показъ внутренняго безобразія чужой души и о публичномъ раскрытіи сердечныхъ ранъ того или другаго несчастнаго лица какъ-то претитъ чистому нравственному чувству. Самъ пастырь—руководитель въ присутствіи десятковъ студентовъ не

можетъ говорить съ своимъ духовнымъ паціентомъ съ тою простотою и искренностію, съ тою сердечною теплотою, какія наиболѣе важны въ дѣлѣ обращенія людей, требующихъ нравственнаго исправленія, когда должны подмѣчать каждое его слово приведенныя имъ на бесѣду съ паціентомъ руководимые имъ кандидаты священства. Вниманіе его раздѣлено между субъектомъ, имъ нравственно наставляемымъ, и между молодыми людьми, учащимися изъ его примѣра лучшему способу дѣйствованія на сердца другихъ: послѣднимъ даже онъ занять болѣе, чѣмъ первымъ; для нихъ, для ихъ наученія онъ говоритъ съ своимъ паціентомъ, и благо послѣднихъ для него важнѣе, чѣмъ обращеніе паціента. При этомъ неизбежна натянутость и искусственность наставленій, адресуемыхъ случайному субъекту, подвергающемуся опыту для практики другихъ. При томъ средства и способы нравственнаго дѣйствованія не могутъ быть подведены подъ извѣстныя техническія формулы. Здѣсь невозможны такіе опредѣленные рецепты, какіе употребительны въ медицинской практикѣ и въ какихъ видѣтъ утвердившіяся средства лѣченія противъ тѣхъ или другихъ недуговъ. При личной свободѣ, имѣющей рѣшающее значеніе въ дѣлѣ нравственной жизни, при разнообразіи характеровъ, подпадающихъ нравственному дѣйствію пастыря Церкви, при безконечномъ разнообразіи нравственныхъ болѣзней неуловимы и неопредѣлимы тѣ средства, къ какимъ можетъ прибѣгать усердный воспитатель народа, и годное въ одномъ мѣстѣ, оказавшее благотворную силу надъ однимъ субъектомъ, можетъ быть неприменимо въ другомъ мѣстѣ, можетъ оказаться нецѣлесообразнымъ и вреднымъ по отношенію къ другому субъекту. Часто одно простое слово, одно напомниманіе, кетати сказанное, производитъ благотворную перемѣну въ ожесточенномъ сердцѣ; другой разъ ничего не дѣйствуютъ и нисколько не помогаютъ самыя убѣдительныя доводы, самыя краснорѣчивыя слова, самыя сердечныя и теплыя обращенія.

Искусству управлять душами человеческими и съ успѣхомъ вести ихъ по путямъ нравственной жизни научаютъ не внѣшнія механическія регулы, не школьная методика и практика, а сердце, полное любви и ревностное о спасеніи братій. Опытности въ этомъ дѣлѣ не даетъ школа, какъ бы ни была она хорошо поставлена, а одна жизнь. Если нужны здѣсь какія либо вспомогательныя средства, могущія подводить способнаго и вліятельнаго дѣятеля, то пусть юноши, готовящіеся быть пастырями душъ, ищутъ ихъ не внѣ, а внутри самихъ себя. Пусть они приучаются заботиться о себѣ и о своей душѣ, пусть внимательно наблюдаютъ надъ своимъ собственнымъ сердцемъ, пусть испытываютъ свою совѣсть, пусть борются съ соблазнами и страстями уклоняющими ихъ отъ пути добра и закона, пусть стараются воспитать въ себѣ человѣка по духу Божию. Собственный опытъ, усердныя заботы о собственномъ нравственномъ очищеніи и усовершенствованіи — лучшая наука, лучшая практика, изъ которой можно почерпнуть умѣнье успѣшно и благотворно дѣйствовать на умы и сердца другихъ людей. Кто умѣетъ управлять своею душею, тотъ чрезъ то самое съумѣетъ хорошо дѣйствовать и на души другихъ людей. Такой приступаетъ къ дѣлу нравственнаго воспитанія насомыхъ съ богатствомъ нужнаго ему для этого опыта. Душа человѣческая есть какъ бы многосложный инструментъ: кто научился играть на этомъ инструментѣ и владѣть имъ у себя дома, тотъ совладѣетъ съ этимъ инструментомъ, когда приставятъ его къ нему среди чужаго собранія.

Кромѣ собственного опыта здѣсь много можетъ помогать вниманіе къ опыту другихъ, въ особенности вниманіе къ опыту лицъ, заявившихъ себя сильнымъ и благотворнымъ нравственно-воспитательнымъ вліяніемъ на другихъ. У кого учиться умѣнью вести дѣло нравственнаго воспитанія насомыхъ юношамъ, готовящимся къ пастырскому служенію, какъ не у тѣхъ пастырей, которые славятся своею пастырскою дѣятельностію и могутъ служить въ этомъ отношеніи образцомъ для другихъ? Въ этомъ отношеніи

весьма полезны могли бы быть рекомендуемы и нарочитыя путешествія кандидатовъ священства въ тѣ мѣстности, гдѣ есть усердные дѣатели—пастыри, съ цѣлію ознакомленія съ ними и ближайшаго наблюденія надъ ихъ дѣятельностію, въ видахъ извлеченія практической пользы для себя изъ ихъ примѣра. Такъ дѣлали въ древней вселенской Церкви люди, глубоко принимавшіе къ сердцу долгъ пастырскаго служенія, или на себя воспринимавшы. Такая практика встрѣчалась и встрѣчается на Западѣ со стороны лицъ, полныхъ благочестивой ревности и желанія послужить благу и спасенію ближнихъ.

¹) Зягабена толков. см. № 29.

О поклоненіи волхвовъ и бѣгствѣ во Египетъ¹⁾.

Гл. 2. Ст. 1. Іисусу же рождшуся въ Вифлѣмѣ Іудействѣмъ во дни Ирода царя, се волсви~~ц~~отъ востокъ придоша во Іерусалимъ. Зачѣмъ евангелистъ говоритъ и о мѣстѣ, и о времени, и о санѣ Ирода?—О мѣстѣ, чтобы показать, что исполнилось пророчество Михея, который сказалъ: и ты Вифлѣеме земле, Іудова, ничимъ же меньше еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вождь, иже упасетъ люди Моя Израйля (Мих. 5, 2). О времени, чтобы равнымъ образомъ показать, что исполнилось пророчество Іакова, сказавшаго: не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже придутъ отложенная ему (Быт. 49, 10). Когда имѣлъ родиться Христосъ, не было уже князя отъ Іуды, а управлялъ іудеями иноплеменникъ, Идумеянинъ Иродъ. О санѣ же Ирода говорить, потому что былъ другой Иродъ четверовластникъ, убившій Предтечу.

Волхвы эти были персы, потому что персы больше другихъ народовъ занимались волхвованіемъ. Смотри, какъ вначалѣ еще

¹⁾ Зигабена толков. см. № 29.

открывается язычникамъ дверь вѣры въ посярмленіе іудеямъ. Такъ какъ они, слушаая пророковъ, которые предвозвѣстили пришествіе Христа, обращали на это мало вниманія, то, по домо-строительству Божію, пришли варвары, и притомъ волхвы, изъ далекой страны и научили ихъ тому, чему они не пожелали научиться отъ своихъ пророковъ, чтобы они были лишены всякой защиты, елибы еще пожелали спорить. И что они могли бы сказать, когда волхвы повѣрили отъ видѣнія одной звѣзды, а они не повѣрили столькимъ пророкамъ?

Ст. 2. Глаголюще: гдѣ есть рожденъ царь іудойскій: видѣхомъ бо звѣзду его на востоцѣ, и приидомъ поклонитися ему. И откуда они узнали, что эта звѣзда открывала рожденіе царя іудейскаго? Происходя изъ рода астролога Валаама и унаслѣдовавши его писанія, они знали, что онъ сказалъ: возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и возстанетъ чедовѣкъ отъ Израиля (Числ. 24, 17). Изъ этого пророчества они узнали, что отъ іудеевъ имѣетъ произойти царь, высокій и свѣтлый подобно звѣздѣ. И съ тѣхъ поръ они наблюдали звѣзды; но въ это время, увидѣвши эту необычайную и только что явившуюся звѣзду, нѣсколько немедленно они пришли поклониться рожденному, чтобы еще съ дѣтства расположить его къ дружбѣ и узнавши, кто онъ такой, въ какомъ городѣ родился, имѣть его своимъ другомъ, когда возрастетъ. До самой Палестины путь указывала имъ звѣзда, а когда они приблизились къ Іерусалиму, то уже не видѣли ея болѣе. Это произошло для того, чтобы потерявши путеводителя, они вынуждены были спрашивать, чтобы такимъ образомъ было открыто, что родился Христосъ, и чтобы впоследствии іудеи не могли сказать: мы не знаемъ, родился ли онъ. Звѣзда же открыла Христа, для того чтобы исполнилось пророчество Ваалама. Такъ какъ пророки, предвозвѣщающіе іудеямъ Христа, не могли убѣдить ихъ, то необходимо было, чтобы звѣзда указала язычникамъ на солнце правды, возсіявшее отъ земли; ни пророка, ни ангела они не видѣли, чтобы другихъ

научать. Одни только персы замѣтили ту звѣзду, такъ какъ они съ дѣтства занимались весьма прилежно астрологіею; однако не все персы видѣли, потому что не все были одинаково проницательны и не все одинаково могли повѣрить.

Противъ тѣхъ, которые поставляютъ эту звѣзду подъ защиту естествословія, нужно сказать, что это была звѣзда не по природѣ, а только по виду, а именно какая-то божественная сила явилась въ образѣ звѣзды. И это видно изъ многихъ обстоятельствъ. Прежде всего—изъ пути. Между тѣмъ какъ все звѣзды идутъ отъ востока къ западу, эта звѣзда неслась отъ сѣвера къ югу: такое положеніе занимала Палестина по отношенію къ Персіи. Во-вторыхъ—изъ блеска. Тогда какъ никакой звѣзды нельзя видѣть днемъ по причинѣ превосходства солнечнаго свѣта,—только эту, являющуюся днемъ, солнце не могло скрыть. Въ-третьихъ изъ того, что она, смотря по надобности, появлялась и опять скрывалась. Такъ, она явилась и указывала имъ путь до Палестины; а когда они пришли въ Іерусалимъ, скрылась; затѣмъ опять показала, когда они вышли изъ Іерусалима, такъ что она совершала движеніе свое смотря по ихъ нуждамъ: когда они шли, она двигалась впередъ, а когда они останавливались и она стояла. Въ четвертыхъ изъ того, что она шла близко отъ земли; а еслибы неслась высоко, весьма близко къ другимъ звѣздамъ, то не показала пещеры; теперь же пришедши остановилась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ младенецъ.

Ст. 3. Слышавъ же Иродъ царь смутился, и весь Іерусалимъ съ нимъ. Иродъ конечно смутился, боясь за царскую власть свою и своихъ сыновей; но чего смутился весь городъ, такъ называемый Іерусалимъ? Напротивъ слѣдовало скорѣе радоваться, что родился Царь, о которомъ издревле пророки предвѣстили, какъ о Спасителѣ и Искупителѣ Израиля, и, какъ сродникамъ хвалиться, что тотчасъ съ колыбели Онъ привлекъ персовъ на поклоненіе. Но зависть ослѣпила ихъ, и

тотчасъ услышавши, они смутились какъ бы боясь того, что какимъ нибудь образомъ не наследуютъ спасенія. Персы, хотя были чужіе, не только не завидовали рожденному, напротивъ изъ предѣловъ своей страны пришли даже въ Вифлеемъ ради Него. А іудеи, будучи сродниками, завидовали даже Его славѣ,—что Онъ будетъ великимъ, и хотя имѣли Вифлеемъ у себя въ сосѣдствѣ, не пошли. Такъ они были завистливы и метительны.

Ст. 4. И собравъ вся первосвященники и князьянки людскія, вопрошаше отъ нихъ: гдѣ Христосъ рождается? Но волхвы не сказали, что они ищутъ Христа; какъ же Иродъ спрашиваетъ о Христѣ? Такъ какъ онъ давно уже слышалъ, что имѣетъ родиться Христосъ, царь Израиля; а теперь слыша, въ Іудеѣ родился царь и что звѣзда открыла его персамъ, понималъ, что это и есть такъ называемый Христосъ. И созываетъ первосвященниковъ и книжниковъ, какъ имѣющихъ всегда на устахъ пророческія книги и изреченія, и спрашиваетъ, гдѣ Христосъ рождается, т. е. въ какомъ мѣстѣ земли Онъ находится, потому что рождается. Они называютъ мѣсто и приводятъ, какъ свидѣтеля, пророка. Должно знать, что яснѣе другихъ Даниилъ написалъ, что именно Христосъ есть Богъ.

Ст. 5. Они же рекоша ему: въ Вифлеемѣ іудейстѣмъ, тако бо писано есть пророкомъ. Ст. 6. И ты Вифлеемѣ, земле Іудова, ничимъже менши еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вождь, иже упасетъ люди Моя Израиля. Это—пророчество Михея, какъ мы выше сказали, но первосвященники и книжники прочитали его по сокращенію. Смотри же, что Господь предвозвѣстилъ чрезъ пророка о Вифлеемѣ. Хотя, говорить, ты являешься на видъ ничтожнымъ, но по своему значенію ты не наименьшій между главными городами колѣна Іудина. Каждое колѣно имѣло въ своихъ владѣніяхъ различные города. И дѣйствительно онъ сталъ весьма знаменитымъ послѣ рождества Спасителя. Ежедневно со всего міра приходять, чтобы видѣть его и поклониться

мѣсту, гдѣ родился Христосъ. Затѣмъ присоединяетъ и причину его прославленія: изъ тебе бо изыдетъ, т. е. родится вождь. Вождемъ и пастыремъ называлъ онъ царя. Ибо Христосъ былъ царемъ и какъ Богъ: царство Мое нѣсть отъ міра сего, говоритъ Онъ,—и какъ человѣкъ. Онъ исполнялъ дѣла царя, именно давалъ законы подданнымъ, обличалъ, миловалъ и умеръ за нихъ, что въ особенности характеризуетъ истиннаго царя. Царская же діадема и порфира и остальное въ этомъ родѣ свойства вѣшняго величія. И такимъ образомъ онъ называлъ его пастыремъ Израиля, когда онъ упасъ всю вселенную? Чтобы не соблазнялись іудеи, какъ будто не имѣющіе ничего больше сравнительно съ другими, а скорѣе имѣли поводъ къ тѣсному единенію съ нимъ, потому что онъ произошелъ отъ нихъ и родился для нихъ. Если кто нибудь скажетъ: „какимъ же это образомъ онъ не упасъ ихъ; вѣдь они были израильтяне“? Пусть слушаетъ, что и это онъ сдѣлалъ; тѣхъ изъ нихъ, которые увѣровали, онъ упасъ. Съ другой стороны, Израиль есть всякій знающій Бога; потому что Израиль значитъ видящій Бога. И ап. Павелъ говоритъ: не вси бо сущіи отъ Израиля, сѣи Израиль (Рим. 9. 6). Посему, если онъ упасъ не всѣхъ евреевъ, то это ихъ вина, что они не пожелали быть спасенными. Ибо онъ сказалъ: нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева (Мате. 15, 24). А евангелистъ Іоаннъ говоритъ: во своя пріиде и свои его не пріяша (Іоан. 1, 11). Это мѣсто также искажаютъ іудеи, говоря, что это пророчество сказано о Зоровавелѣ. Противъ нихъ скажемъ, что и Зоровавель родился не въ Вилеесѣ, а въ Вавилонѣ. Ты же удивляйся домостроительству Божію, какъ оно устроило: іудеи узнали отъ волхвовъ, что и звѣзда открыла Христа, а волхвы отъ іудеевъ, что и пророки предвозвѣстили Его.

Ст. 7. Тогда Иродъ тай призва волхвы, и испытаваше отъ нихъ время явльшіяся звѣзды. Почему онъ призвалъ ихъ тайно? Такъ какъ подозрѣвалъ іудеевъ, какъ

сродниковъ Христа, и не желалъ, чтобы они слышали, что онъ будетъ спрашивать и приказывать; онъ боялся, чтобы они, зная, что онъ замышляетъ, не спасли его какъ своего царя. Испытываше вмѣсто: тщательно вывѣдывалъ. Испытываше время звѣзды, т. е. когда она явилась имъ, чтобы оттуда считать время рожденія Христа. Онъ думалъ, что Христосъ несомнѣнно родился тогда, когда явилась звѣзда.

Ст. 8. И пославъ ихъ въ Вифлеемъ, рече: шедше испытайте извѣстно о отрочаши: егда же обрѣдете возвѣстите ми, яко да и азъ шедъ поклонюся ему. Обрати вниманіе на хитрость Ирода и поразмысли о его безуміи. Если дѣйствительно онъ хотѣлъ поклониться ему, то зачѣмъ онъ тайно приказывалъ это? Если же онъ намѣревался убить его, то какъ онъ не понималъ, что тайнымъ приказаніемъ онъ необходимо приведетъ ихъ къ подозрѣнію въ коварствѣ? Прежде онъ тщательно вывѣдалъ относительно звѣзды, и тогда уже приказалъ съ тѣмъ, чтобы, если они не возвѣстятъ о томъ, о чемъ приказано, — самому привести въ исполненіе коварство, зная о времени (явленія) звѣзды. Но опомнись, сражающійся съ Богомъ: какимъ образомъ ты готовишься убить неуловимаго? какъ ты не понимаешь, что совершенно невозможно превзойти того, котораго издревле предвозвѣстили пророки, котораго открыла звѣзда и для поклоненія которому были приведены волхвы?

Ст. 9. Они же послушавше царя, идоша: и се звѣзда, юже видѣша на востоцѣ, идяше предъ ними, дондеже пришедши ста верху, идѣ же бѣ отроча. Зачѣмъ опять имъ явилась звѣзда, послѣ того какъ они уже узнали мѣсто? Чтобы указать младенца, ибо какъ они могли бы узнать его, рожденного въ пещерѣ и не имѣющаго знатной матери? Посему пришедши она остановилась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ младенецъ, показывая, что рожденное есть божество.

Ст. 10. Видѣвъше же звѣзду, возрадовашася радостію велию зѣло. Они возрадовались, потому что нашли неложнаго путеводителя. Посему они твердо были увѣрены, что нашли и то, чего искали.

Ст. 11. И пришедше въ храмину видѣша отроча съ Марією матерію его... Храминой онъ здѣсь называетъ пристанище (загонъ устроенный въ пещерѣ), которое Лука противопоставляетъ гостинницѣ. Это была храмина потому что во всякомъ случаѣ была обитаема; а пристанище, какъ убѣжище для путниковъ. Пристанищами мы вѣдь называемъ и шатеръ. Такъ какъ все, происходящее отъ Давида, сошлись въ Вифлеемъ для переписи согласно повелѣнію Кесаря, какъ повѣствуетъ Лука, то бывшіе съ Дѣвою не нашли свободной гостинницы; посему она направилась къ пристанищу, гдѣ были ясли для скота. Дѣва, тотчасъ родившая Христа, такъ какъ не было другаго мѣста въ пристанищѣ, спеленавши положила младенца въ ясляхъ, по разсказу Луки (Лук. 2, 7). Затѣмъ, какъ говоритъ Златоустъ, она взяла его и имѣла на колѣнахъ, когда вошли волхвы. И не была она въ мукахъ, какъ другія матери, потому что родила не отъ мужа.

Ст. 11. И падше поклонишася ему, и отверзше сокровища своя, принесоша ему дары, золото, и ливанъ, и смирну. И какимъ образомъ они были убѣждены, что это—Онъ, когда не видѣли вокругъ него ничего великаго, но пещеру, бѣдную мать, и младенца убогого повитаго? Какимъ образомъ? Прежде всего отъ звѣзды, которая остановилась надъ нимъ, затѣмъ и какое-то божественное просвѣщеніе исполнило души ихъ. Это видно изъ тѣхъ даровъ, которые они принесли. Именно золото есть символъ царскаго достоинства, потому что подданные платятъ дань царямъ золотомъ; ливанъ (ладанъ)—символъ божества, такъ какъ ладонъ возжигаютъ Богу; смирна же—смертности; ею издревле намазали жертвыя тѣла, чтобы они не гнили и не издавали запаха. Своими приношеніями они пока-

зали, что этотъ явившійся младенецъ есть и царь, и Богъ, и что вкусить смерть за людей, какъ человекъ. Можно сказать и иначе. Такъ какъ цари Вавилонскіе, нѣкогда разрушившіе Іерусалимъ, ограбили божественныя сокровища, прекратили жертвоприношеніе и истребили народъ, а Вавилонское царство вмѣстѣ съ своими сокровищами перешло къ персамъ,—то наслѣдники Вавилонскихъ царей персы приносятъ теперь Владыкѣ нѣкогда обезчещеннаго храма—золото вмѣсто отнятыхъ сокровищъ золота, ладонь—вмѣсто жертвъ, и смирену вмѣсто—убитыхъ. Ты же знай, что какъ волхвы не увидѣли бы Христа, еслибы не ушли далеко отъ своей страны, такъ и ты не увидишь Его, если не уйдешь далеко отъ земныхъ страстей. Оставь и ты задумывающаго козни царя и смутившійся городъ, т. е. злоумышляющаго князя міра сего и смятеніе города,—и свѣрни ко Христу. Будешь ли ты любознательнымъ волхвомъ, или простымъ пастухомъ, ничто тебѣ не попрепятствуетъ, только бы ты, дѣлая себя достойнымъ такого видѣнія, шелъ для поклоненія, а не для безчестія. А безчестить Христа тотъ, кто недостойно Его принимаетъ. И такъ принеси Ему, вмѣсто золота, блескъ чистыхъ дѣлъ и словъ; вмѣсто ладона—молитву: да исправится молитва моя, говорить, яко кадило предъ тобою, а вмѣсто смирену умерщвленіе страстей, которое наиболѣе сохраняетъ существо души и наполняетъ благоуханіемъ. Обрати вниманіе на то, что когда волхвы пришли въ Іерусалимъ и сказали о звѣздѣ, тотчасъ весь городъ смутился, были приведены слова пророка и объявлено мѣсто рожденія и случилось многое другое, какъ относительно пастуховъ, обитавшихъ на полѣ, какъ относительно ангеломъ, хвалящихъ Бога, такъ и относительно Симеона и Анны, о чемъ написалъ Лука (2, 8—38). Все же это совершилось, чтобы, какъ мы сказали выше, іудеи не могли впоследствии сказать, что они не знали, когда Христосъ родился. Ибо, какъ говоритъ Златоустъ, младенецъ оставался въ Вифлеемѣ до исполненія дней очищенія, т. е. до сорока дней. И еслибы они нарочито не закрывали своихъ ушей

и глазъ къ тому, что было говорено и видѣно, то конечно пришли бы въ Вифлеемъ и увидели бы Его. Персы пришли изъ предѣловъ своей страны въ Вифлеемъ, а евреи, живя кругомъ Вифлеема, не захотѣли войти въ него и увидѣть то, о чемъ говорили видѣвшіе. Ибо и пастухи всѣмъ встрѣчнымъ возвѣщали о видѣнномъ, какъ сказалъ Лука (8, 18). Персы, которые увидѣли Христа прежде еврейскаго народа, какъ бы символически выразили то, что язычники узнаютъ Его прежде еврейскаго народа. Это и ап. Павелъ сказалъ іудеямъ: вамъ бѣ лѣно первѣе глаголати слово Божіе (Дѣян. 13, 46); но такъ какъ вы сочли себя недостойными, то вотъ мы обращаемся къ язычникамъ.

Ст. 12. И вѣсть приѣмше во снѣ не возвратитися ко Ироду, ниѣмъ путемъ отъидоша во страну свою. Прежде чѣмъ они увидѣли младенца, звѣзда указываетъ имъ путь, а послѣ того какъ они увидѣли, ангелъ бредѣдетъ съ ними какъ бы уже посвященными. Вѣсть приѣмше, т. е. принявши наставленіе; отъидоша повинувш, какъ вѣрные, во страну свою, будущіе провозвѣстники того, что случилось; и не возвратились они къ Ироду, чтобы онъ понялъ, что напрасно злоумышляеть, и чтобы отказался отъ своего предпріятія.

Ст. 13. Отшедшимъ же имъ, се ангелъ Господень во снѣ явися Іосифу, глаголя: воставъ поими отроча и мать его, и бѣжи во Египетъ... Когда исполнилось сорокъ дней очищенія, какъ говоритъ Лука (2, 22), они привели Іисуса во Іерусалимъ, чтобы поставить Его предъ Господемъ, якоже есть писано въ законѣ Господни. И яко скончахася вся по закону Господню, возвратишася въ Галилею, во градъ свой Назаретъ (Лук. 2, 29). И затѣмъ тотчасъ ангелъ явился во снѣ Іосифу, приказывая имъ бѣжать во Египетъ. Итакъ Матѳей, какъ болѣе краткій, опустилъ это, но Лука, какъ болѣе точный, вписалъ. Но почему Христосъ не остался въ Назаретѣ такъ, чтобы Его не убили? Потому что еслибы это случилось,

то нѣкоторые могли бы утверждать, что Онъ принялъ чело-
вѣство призрачно, не подлежа чело-вѣческимъ страстямъ. Но Иродъ
избилъ только тѣхъ младенцевъ, которые были въ Вилеемѣ и
въ его предѣлахъ, а не тѣхъ, которые были въ Назаретѣ. Богъ
предвидѣлъ, что онъ необходимо былъ бы открытъ Ироду,
еслибы остался въ Назаретѣ; посему Онъ повелѣлъ бѣжать отсюда.
Посылается же онъ въ Египетъ, какъ по той причинѣ, которую
высказалъ евангелистъ, именно чтобы исполнилось сказанное Гос-
подомъ чрезъ пророка, который говоритъ: отъ Египта воз-
звахъ Сына Моего (Ос. 11, 1), такъ и потому, что Вави-
лонъ и Египетъ во всей вселенной наибольше горѣли пламенемъ
нечестія. Посему изъ перваго Онъ выслалъ волхвовъ, а во вто-
рой пошелъ Самъ, желая и того и другаго направить на путь
истины. Отсюда также Онъ научаетъ насъ тому, что вѣрующій
тотчасъ вначалѣ долженъ ожидать испытаній. Смотри, какъ Онъ
Самъ еще съ дѣтства подвергается кознямъ и бѣжитъ въ изгна-
ніе; бѣжитъ также и мать, и Іосифъ. И волхвы ушли тайно,
на подобіе убѣгающихъ, и всѣ (праведные) подвергались безчи-
сленнымъ испытаніямъ. Посему когда ты будешь служить духов-
ному дѣлу и подвергнешься испытаніямъ, имѣй примѣръ и не
негодуй, но знай, что испытанія составляютъ участь добрыхъ
дѣлъ. Діаволъ наводитъ ихъ для претыканія, а Богъ допускаетъ
для утвержденія любящихъ Его. И обрати вниманіе на необы-
чайность дѣла: Палестина злоумышляетъ, а Египетъ охраняетъ
бѣгущаго, чтобы ты зналъ, что Богъ соединялъ радостное съ
прискорбнымъ. Жизнь святыхъ испытывается и тѣмъ и другимъ,—
что также случилось и здѣсь. Сначала происходитъ подозрѣніе
относительно Дѣвы, потомъ радость о рожденіи,—далѣе бѣгство
въ Египетъ, потомъ воззваніе оттуда,—затѣмъ страхъ за Архе-
лазъ, потомъ успокоеніе въ Назаретѣ. Еще не пришло время
творить чудеса: еслибы Онъ съ перваго дѣтства показывалъ
чудеса, то не повѣрили бы, какъ выше сказано, что Онъ чело-
вѣкъ. Посему Онъ былъ девять мѣсяцевъ во чревѣ, родился,

питался молокомъ и все остальное произошло обычнымъ порядкомъ, чтобы чрезъ все это легче воспринялось Его воплощеніе. Ангелъ же не называетъ Дѣву женою Іосифа, но матерью младенца, потому что сомнѣніе было уже разрѣшено и Іосифъ былъ убѣжденъ, что это рожденіе божественное. Говоря: бѣ жи во Египетъ, онъ не обѣщалъ сопутствовать имъ, внушая этимъ, что они имѣютъ великаго спутника въ младенцѣ. Кроме того, это бѣгство въ Египетъ подало египтянамъ поводъ къ тѣсной связи. Впослѣдствіи всѣ они, принявши евангельское благовѣстіе, весьма хвалились тѣмъ, что приняли убѣгающаго Господа.

Ст. 13. И буди тамо, дондеже реку ти: хочеть бо Иродъ искати отроча, да погубить е. Буди вмѣсто: обитай, находишь. Іосифъ, слыша это, не соблазнился. Онъ зналъ, что все совершается по домостроительству (Божію), когда ангелы даютъ наставленія относительно младенца; посему не должно быть пытливымъ, ни противорѣчить, но охотно повиноваться тому, что приказываетъ Богъ.

Ст. 14 и 15. Онъ же возставъ поять отроча и мать его ношію и отыде во Египетъ: и бѣ тамо до умертвія Ирода: да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ, глаголющимъ: отъ Египта воззвахъ Сына Моего. Іудеи говорятъ, что изреченіе: изъ Египта воззвахъ Сына Моего сказано объ ихъ воззваніи. Противъ нихъ мы скажемъ, что таковъ законъ пророчества, что многое часто говорится объ однихъ, а исполняется на другихъ. Такъ о Симеонѣ и Левіѣ сказано: раздѣлю ихъ во Іаковѣ и разсѣю ихъ во Израилѣ (Быт. 49, 7), но это случилось съ потомками ихъ. Равнымъ образомъ и эти слова къ Іакову: буди господинъ брату твоему, и поклонятся тебѣ сынове отца твоего (Быт. 27, 29), исполнились не на немъ, потому что онъ самъ боялся и дрожалъ, и столько разъ преклонялъ колѣна предъ братомъ своимъ Исавомъ; но на потомкахъ его. И сказанное Ноемъ на Ханаана исполнилось на

потомкахъ его. Такъ и здѣсь мы говоримъ. Ибо кто правдивѣе можетъ назваться Сыномъ Божиимъ? Тотъ ли, который поклонялся тельцу, совершалъ служеніе Веельфегору, и приносилъ въ жертву демонамъ своихъ сыновей и дочерей,—или тотъ, который есть сынъ по естеству и равночестенъ съ родившимъ?

Объ избіеніи младенцевъ и возвращеніи изъ Египта въ Назаретъ.

Ст. 16. Тогда Иродъ видѣлъ, яко поруганъ бысть отъ волхвовъ, разгнѣваясь зѣло... Тогда..., когда? Очевидно послѣ того какъ бывшіе съ Іисусомъ убѣжали въ Египетъ. До того времени Иродъ былъ занятъ другими заботами, какъ замыселъ противъ своей жены и дѣтей,—и, по промыслу Божию, забылъ о волхвахъ, чтобы младенецъ могъ спастись въ Египетъ. Волхвы, повинувшись ангелу, возвратились; а онъ подумалъ, что они насмѣялись надъ нимъ, потому что не исполнили того, что онъ приказалъ. Но ему слѣдовало не разгнѣваться, а убояться и поразмыслить, что онъ напрасно употребляетъ стараніе. Прежде онъ слышалъ отъ волхвовъ, что рожденнаго открыла звѣзда, а потомъ отъ первосвященниковъ и книжниковъ, что о немъ предсказали пророки; но онъ такъ сильно безумствовалъ, чтобы отерялось его нечестіе и безуміе.

Ст. 16. И пославъ избѣи вся дѣти сущія въ Виѣлсеѣ и во всѣхъ предѣлахъ его, отъ двою лѣту и ниже, по времени, еже извѣстно испыта отъ волхвовъ. Нѣкоторые на основаніи этого говорятъ, что Христу было два года, когда волхвы поклонились ему, такъ какъ звѣзда явилась одновременно съ его рожденіемъ, а два года употреблено на путешествіе волхвовъ. Но Златоустъ заставляетъ молчать говорящихъ такъ. Вѣроятно ли, чтобы они путешествовали цѣлыхъ два года, если даже они шли чрезъ чужія государства? Чего оставались бы въ Виѣлсеѣ бывшіе со Христомъ два года послѣ переписи, ради которой они пришли туда?

Но звѣзда явилась прежде на столько времени, на сколько они путешествуя могли прійти и предстать предъ только что родившимся Христомъ. Посему звѣзда предупредила, чтобы вышедши прежде, они нашли его въ целенахъ. Конечно это дѣло исполнено таинственности. Посему неизвѣстно, они ли прежде пастырей, или пастыри прежде ихъ видѣли Христа; скажешь ли ты то или другое, скажешь безопасно. Не удивляйся тому, что Иродъ избиваетъ младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и ниже. Онъ подозрѣвалъ, что звѣзда не тотчасъ явилась волхвѣмъ, но можетъ быть предупредила рожденіе его. Посему ради безопасности онъ расширилъ время и простеръ убійства и на окрестности Вилеема, чтобы повсюду обыскать то, что хотѣлъ поймать, и во множествѣ убитыхъ убить и Христа. Отъ двою лѣту онъ убилъ, чтобы время имѣло пространство, какъ выше сказали,—а нижайше, это—сообразно съ временемъ, которое вывѣдалъ отъ волхвовъ; такъ что и время, которое онъ узналъ отъ волхвовъ, наблюдалъ и самъ прибавилъ другую широту. И такъ слова: по времени еже извѣстно испытъ отъ волхвовъ нужно понимать не по отношенію къ словамъ отъ двою лѣту, но по отношенію къ нижайше. Слѣдовательно послѣ: отъ двою лѣту нужно остановиться, а потомъ все послѣдующее читать вмѣстѣ. Если бы, какъ говорятъ, онъ узналъ отъ волхвовъ, что исполнилось время двухъ лѣтъ, то онъ не убивалъ бы тѣхъ, которые были младшаго возраста. Но нѣкоторые недоумѣваютъ, почему несправедливо убитые за Христа младенцы были оставлены въ пренебреженіи, тогда какъ онъ самъ предпринялъ бѣгство. Такимъ мы скажемъ, что хотя многіе несправедливо поступаютъ, но никто не страдаетъ несправедливо. Всякій, кто повидному несправедливо страдаетъ, страдаетъ или для того, чтобы омытъ свои прегрѣшенія и посему не испытываетъ зла, а скорѣе благодѣяніе,—или для того, чтобы имѣть причину получить вѣнецъ, и тоже благодѣтельствуется, получая за перенесеніе временнаго несчастія вѣчное успокоеніе. Итакъ являющій

другому обиду, конечно причиняетъ эту обиду,—но для претерпѣвающаго она не служитъ несчастіемъ. Такъ какъ эти младенцы убиты не ради очищенія своихъ грѣховъ, то ясно, что они пострадали, чтобы быть увѣнчанными, и посему не страдали не справедливо. Можетъ быть эти младенцы и не были бы полезными. Если Богъ даже грѣшниковъ удерживаетъ въ жизни, ожидая ихъ обращенія, то гораздо болѣе нужно вѣрить, что никакимъ образомъ онъ не лишилъ бы жизни тѣхъ, которые имѣли быть великими въ добродѣтели. И не много послѣ убійца младенцевъ—Иродъ потерпѣлъ наказаніе за насильственное убійство, окончивши жизнь горькою смертію, какъ пишетъ Іосифъ (Флавій).

Ст. 17. Тогда сбылся реченное Іереміемъ пророкомъ, глаголющимъ: (ст. 18.) Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь, и рыданіе, и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшиться, яко не суть. Когда онъ говоритъ: тогда сбылся реченное, то показываетъ, что это совершилось, такъ, что Богъ предвидѣлъ это, предсказалъ чрезъ пророка и допустилъ совершеніе его по своему домостроительству. Рама было названіе мѣста въ Вифлеемѣ. Назвалъ же онъ Вифлеемъ Рахилью—отъ Рахили, жены Іакова, которая была погребена въ Вифлеемѣ. Сказавши: гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть поясняетъ далѣе, что это былъ за гласъ, именно рыданіе и плачь, и вопль великій, по причинѣ весьма жестокаго умерщвленія младенцевъ. И Вифлеемъ не желалъ утѣшиться, потому что его младенцевъ не было, т. е. въ живыхъ. Этимъ показалъ величіе страданія.

Ст. 19 и 20. Умершу же Ироду, се, ангелъ Господень во снѣ явился Іосифу во Египтѣ, глаголя: воставъ поими отроча и мать Его, и иди въ землю Израилеву: изомроша бо ищущи души отрочате. Землю Израилевою онъ просто назвалъ Палестину, а ищущими души младенца, чтобы отнять и отдѣлать ее отъ тѣла, онъ называетъ окружившихъ Ирода. Горькую кончину имѣлъ

Иродъ. Онъ извергъ нечистую душу, былъ пораженъ горячкою, болью въ животѣ, чесоткой, подагрой, гніеніемъ тайнаго уда, порождавшимъ червей, одышкой и трясеніемъ членовъ тѣла.

Ст. 21. Онъ же воставъ, поятъ отроча и мать его, и прииде въ землю Израилеву. (Ст. 22.) Слышавъ же яко Архелай царствуетъ во Іудеѣ вмѣсто Ирода отца своего, убоися тамо ити. Онъ хотѣлъ поселиться въ предѣлахъ Іудеѣ, потому что Іудея и Галилея были палестинскія области. Но убоился ийти туда ради Архелая, чтобы и онъ не подражалъ своему отцу. Притомъ ангелъ не обозначилъ точно мѣста для поселенія, чтобы онъ могъ быть увѣренъ. Слѣдуетъ знать, что послѣ смерти Ирода, избившаго младенцевъ, Кесарь Августъ раздѣлилъ его царство между четырьмя избранными его сыновьями. Архелая онъ отдалъ іудейскую страну, а остальнымъ другія части, какъ говоритъ Лука (3. 1). Онъ называлъ ихъ царями четверовластниками, потому что каждый изъ нихъ владѣлъ четвертою частію. А если Лука написалъ, что Іудеею владѣлъ Понтій Пилать, то нѣтъ ничего удивительнаго. Впослѣдствіи, когда Архелай былъ изгнанъ изъ царства по обвиненію, то Понтій Пилать былъ посланъ изъ Рима отъ Тиверія Кесаря уже не какъ царь, а какъ намѣстникъ.

Ст. 22... вѣсть же пріемъ во снѣ, отъиде въ предѣлы Галилейскія. (Ст. 23.) и пришедъ вселися во градъ нарицаемый Назаретъ... Но если онъ боялся ийти въ Іудею ради Архелая, то долженъ былъ бы бояться и Галилеѣ ради брата его Ирода, который былъ четверовластникомъ въ ней, какъ говоритъ Лука. Но Виееемъ находящійся въ Іудеѣ, возбуждалъ подозрѣніе.

Ст. 23... яко да сбудется реченное пророки, яко Назорей наречется. И какіе это пророки сказали? Не ищи; ты не найдешь этого, потому что многіе изъ пророческихъ книгъ потеряны, нѣкоторыя во время плѣновъ, нѣкоторыя по нерадѣнію евреевъ, и нѣкоторыя по злонамѣренности.

„Того требуетъ уставъ“.

— Отчего вы, батюшка, не хотите покушать дипленка? спросилъ одинъ гусарскій офицеръ сидѣвшаго подлѣ него знакомаго священника. (Дѣло происходило въ прошедшій Петровъ постъ въ вокзалѣ на одной изъ станцій К. В. желѣзной дороги).

— Я отвѣчу вамъ, г. ротмистръ, когда вы мнѣ скажете, зачѣмъ вы носите красные панталоны.

— Да зачѣмъ, что этого требуетъ нашъ Воинскій Уставъ.

— Такъ вотъ же, по требованію Устава нашей Церкви, и мы православные не должны въ эти дни ѣсть мясное.

— Да развѣ мясо не одинаковое имѣетъ свойство какъ въ постные, такъ и скоромные дни?

— Этого я не говорю, но позволю себѣ спросить васъ, зачѣмъ вы провинившагося солдата сажаете иногда на хлѣбъ и воду?

— Понятно, это для наказанія.

— Вотъ такимъ же образомъ, для обузданія нашего отъ грѣховъ, Церковь, не сажая насъ на хлѣбъ и воду, лишаетъ насъ мясной пищи.

— Пусть и такъ; но поститься вѣдь ужасно трудно.

— Да, иному не легко. Но скажите мнѣ, прошу васъ: зачѣмъ вы носите на головѣ такую тяжелую каску, или какъ тамъ она у васъ называется?

— Это такая наша форма, по требованію нашего воинскаго устава. Она, правда, не совѣмъ удобна, особенно пока не привыкнешь, но защищаетъ голову отъ ударовъ непріятеля.

— Вотъ точно также и постъ требуется Уставомъ Церкви и хотя тяготитъ многихъ, особенно не привычныхъ къ нему, но защищаетъ душу отъ ударовъ врага, отъ стрѣлъ діавола.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архивадирѣй *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 16 іюля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчака-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

XXV.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 31.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
семинаріи.

1884 года, Іюля 29-го.

Содержаніе: Необходимость для сельскихъ священниковъ сельско-хозяй-
ственныхъ свѣдѣній.—Проповѣдь Іоанна Крестителя о царствіи небес-
номъ.—Проповѣдническое обозрѣніе.—Знаніе пастырями Слова Божія.

Необходимость для сельскихъ священниковъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній.

Изстари у насъ—на Руси самымъ виднымъ, надежнымъ и любимымъ занятіемъ большинства было земледѣліе. Ни къ чему изъ благъ земныхъ не лежитъ такъ сердце народа, какъ къ землѣ. Поэтому съ душою—заботою о землѣ весь свой вѣкъ живутъ миллионы людей, и всякому хочется имѣть ее. Земля—самое дорогое сокровище, добрая и вѣрная кормилица русскаго народа, и урожаемъ или неурожаемъ хлѣба обуславливается успѣхъ или неуспѣхъ самой промышленности и торговли нашей. Но эта господствующая у насъ и важѣйшая отрасль народнаго труда, какъ сознается всѣмъ, поставлена далеко не такъ, какъ это могло бы быть при существующихъ нынѣ условіяхъ. Какъ относительно свойствъ и потребностей человѣческаго организма,

условій его питанія и содержанія, словомъ — относительно собственнаго здоровья нашъ крестьянинъ ничего или почти ничего не знаетъ, и въ лѣченіи своихъ болѣзней отъ колибели до гроба слѣдуетъ различнымъ суевѣріямъ, нелѣпымъ и крайне вреднымъ знахарскимъ приѣмамъ; столько же или немного больше знанія у него и относительно свойствъ и потребностей почвы, условій своего роднаго питанія и содержанія земли. То есть, незнаніе того, какова именно почва и какія растенія наиболее пригодны для посѣва на ней, плохое удобреніе или даже отсутствіе всякаго удобренія земли и рутинно-неудовлетворительный, крайне перашливый способъ обработки ея, соединенный съ различными суевѣрными примѣтами и рассчитанный на „авось“, — все это губительно отзывается на хозяйствѣ нашего крестьянина. Посему какъ въ гигиенически-санитарномъ отношеніи священникъ можетъ оказать великую услугу своимъ прихожанамъ — сельчанамъ, когда будетъ проповѣдывать противъ различныхъ ихъ суевѣрій и знахарскихъ приѣмовъ лѣченія и, наоборотъ, будетъ располагать ихъ прибѣгать своевременно къ рационально-дѣйствительной врачебной помощи; такъ равно священникъ можетъ весьма много содѣйствовать и экономически-хозяйственному благосостоянію своихъ прихожанъ — земледѣльцевъ, когда, во-первыхъ, будетъ проповѣдывать противъ различныхъ суевѣрныхъ ихъ примѣтовъ и мнимо благочестивыхъ упованій на помощь неба, прикрывающихъ только ихъ лѣнь въ дѣлѣ обработыванія земли, и, во-вторыхъ, будетъ убѣждать ихъ лучше содержать свой рабочій скотъ, дѣлать соответственное удобреніе земли и употреблять, по возможности, для обработки ея новозобрѣтенныя или усовершенствованныя орудія. Раскроемъ оба эти положенія нѣсколько подробнѣе.

Почитая святыхъ угодниковъ Божиихъ и призывая ихъ въ различныхъ обстоятельствахъ жизни на помощь себѣ, нашъ народъ, какъ извѣстно, большей части изъ нихъ принимаетъ особы, какъ бы спеціальные предметы завѣдыванія или управ-

ленія. Составился цѣлый своеобразный народный календарь съ довольно подробнымъ обозначеніемъ того, какой святой какому хозяйственному занятію покровительствуетъ, или какія производить перемѣны въ состояніи погоды. (На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ владыка дождя и грозъ, покровитель обоихъ царствъ — растительнаго и животнаго, ратоборець съ темной демонской силой, св. пр. Ілія). Нѣтъ кажется ни одного метеорологическаго явленія, ни одного хозяйственного занятія въ быту простолюдина, которыя не имѣли бы для себя особыхъ, приставленныхъ отъ Бога, распорядителей. По совпаденію извѣстныхъ хозяйственныхъ занятій съ празднованіемъ извѣстнымъ святымъ, послѣдніе въ народномъ календарѣ такъ и отмѣчаются соответствующими ихъ специальностямъ прозвищами: напр. Іеремія запрягальникъ (весной) или распрягальникъ (осенью) сохи, Ирина рассадница, Іовъ горошникъ, Лаврентій огуречникъ, Алена льяница, Ѳедосья колосаяница, Акулина гречишница, Наталы овсяница и т. д. Народу всегда были нужны такіе небесные покровители его хозяйственныхъ занятій, особенно въ древнее время, когда все народные промыслы имѣли исключительно натуральный характеръ, — характеръ безыскусственный, часто хищнической, какъ выражаются ученые, эксплуатація силъ природы, безъ приложенія къ дѣлу сколько нибудь рациональныхъ приѣмовъ, и потому вполне зависѣли отъ разныхъ естественно-физическихъ случайностей. Не умѣя пользоваться для своихъ цѣлей силами природы, древній земледѣлецъ нашъ только и могъ уповать на помощь силъ высшихъ, сверхъестественныхъ, и онъ прибѣгалъ къ нимъ во всехъ затруднительныхъ случаяхъ, требуя отъ нихъ знаменій и чудесъ и стараясь склонить ихъ въ свою пользу разными кудесническими обрядами, заговорами и молитвами большею частію очень темнаго, пожалуй еще до-христіанскаго происхожденія и характера. Вмеѣстѣ съ тѣмъ въ міросозерцаніи нашего народа, если нѣтъ уже мѣста собственной астрологіи — вліянію планетъ на судьбу человѣка и цѣлыхъ обществъ или царствъ, то остаются

ложные страхи предъ солнечными и лунными затмѣніями, также предъ явленіемъ кометъ, какъ предвѣстниковъ грядущихъ бѣдствій. Довольно распространены въ народѣ и разнаго рода примѣты: красные круги около солнца (особенно мартовскаго) и яркій блескъ звѣздъ всегда будто бы обѣщаютъ плодородіе, — урожай ягодъ, грибовъ, хлѣба и проч.; „добро сѣять въ полномъ мѣсяцѣ“. Если крестьянинъ сѣетъ на „новцу“ (въ новолуніе), то хотя хлѣбъ растетъ и зрѣетъ скоро, но колосъ не будетъ богатъ зернами; а хлѣбъ, посѣянный въ полнолуніе, хотя растетъ и тихо, и стеблемъ коротокъ, за то ядренъ и обилень зерномъ; въ этомъ повѣрьи ростъ хлѣба поставляется въ прямое соотношеніе съ возрастаніемъ луны, а полнота зерна — съ полнотою ея блестящаго круга. По мѣстамъ, крестьяне и до сихъ поръ выходятъ встрѣчать новый мѣсяцъ и обращаются къ нему съ мольбами о счастья, здоровьи и урожаѣ. Наконецъ, сильна еще въ народѣ вѣра въ „добрые и злые“ (тяжелые) дни недѣли, даже въ „добрые и злые“ часы дня, съ различными гаданіями и заклинаніями, указывающими и предсказывающими успѣхъ или неуспѣхъ какого либо дѣла по различію дней и часовъ, въ которые это дѣло предпринимается, — между прочимъ „кто посѣетъ что (по въ урочный день и часъ), то не взойдетъ“. Все это, понятно, какъ бы связываетъ руки у человѣка, парализуетъ въ немъ способность къ самостоятельности, направляемой и управляемой собственными, внутренними началами, осуществляемой своими же силами и средствами, и прямо ведетъ къ постыдной безпечности, слѣдовательно къ разстройству хозяйства и обѣдненію. Противъ всего этого и долженъ ратовать священникъ, внушая своимъ прихожанамъ — земледѣльцамъ, что если, по одной пословицѣ: „безъ Бога — ни до порога“, то не менѣе справедлива и другая, которая гласитъ: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“.

Далѣе, если земледѣліе — особенно у насъ — на Руси — есть главнѣйшій источникъ народнаго богатства, то домашнія животныя — главныя двигатели народнаго хозяйства. Умные люди давно

поняли это, и у нихъ рабочій скоть—эта двигательная сила—давно пользуется особымъ вниманіемъ и заботливостью. Вотъ почему у иностранныхъ народовъ откормленные вола вѣсятъ верѣдко 40—50 и даже болѣе пудовъ, тогда какъ у насъ лишь 10—15 пудовъ. Лошади у этихъ народовъ такъ рослы и сильны, что наши крестьянскія въ сравненіи съ ними представляются тощими жеребятами. Неудивительно послѣ этого, что 9 англійскихъ или французскихъ лошадей двигаютъ такими тяжестями, для перевозки которыхъ у насъ надобно употребить 35—50 лошадей; а у иѣмцевъ пара лошадей, обыкновенно, везетъ до 190 и даже 250 пудовъ. Отсюда нетрудно сообразить, какъ много теряетъ ежегодно наше земледѣльческое отечество, пользуясь такою слабою силою рабочихъ животныхъ! Отъ чего же такъ слабы силы нашего рабочаго скота? Отъ того, конечно, что нашъ крестьянинъ не имѣетъ надлежащаго попеченія о своемъ скотѣ, а иногда и обращается съ нимъ, даже во время самой работы, крайне немилосердно, варварски жестоко. Пусть же священникъ внушаетъ крестьянству, что такъ неправильно относиться къ своему другу—кормильцу—рабочему скоту недостойно человека, тѣмъ болѣе христіанина, и невыгодно для него же самого, что улучшеніе или, наоборотъ, порча и вырожденіе рабочихъ животныхъ вполне зависятъ отъ условій ихъ жизни, т. е. отъ корма, сохраненія и ухода за ними¹⁾. (Точно также про-

¹⁾ А сколько и тутъ опять приѣшивается различныхъ суевѣрій, начиная съ вѣры въ домового, влияние котораго простирается на все хозяйство и особенно на скоть. Недавно въ одной газетѣ сообщенъ былъ слѣдующій фактъ. Однажды утромъ священникъ заходилъ во дворъ своего прихожанина крестьянина и видитъ его лошадь сильно вспотѣвшею, со всѣми признаками большого утомленія; освѣдомляется и получаетъ оригинальный отвѣтъ; лошадь его строй масти, вѣроятно, не пришла къ двору, потому что каждое утро онъ выводилъ ее изъ сарая совершенно взмыленною (т. е. будто бы заѣзжанною домовымъ); что эта лошадь, какъ показали уже прежніе случаи, непременно пропадетъ, если онъ не поторопится замѣнить ее другою—иной масти; что будь весна или лѣто, когда лошадь не ночуетъ

странцы цѣнять и не только не истребляютъ, но всячески охраняютъ извѣстныхъ насѣкомоядныхъ и другихъ птицъ, которыя являются истинными и незамѣняемыми друзьями земледѣнія, огородничества, садоводства и лѣсоводства, истребляя, въ свою очередь, многочисленныхъ враговъ всѣхъ этихъ производствъ; наши же крестьяне, зачастую ни съ того ни съ сего преслѣдуя однихъ—полезныхъ животныхъ и сами оставаясь безсильными въ борьбѣ съ другими—вредными хищниками, оправдываютъ себя ссылкой все на то же, что „противъ Бога ничего не подѣлаешь“)! Имѣя больше скота и лучшаго качества, крестьянинъ будетъ имѣть у себя же дома—больше матеріала отъ него и для удобренія своей земли, въ которомъ она не можетъ не нуждаться (не говоря пока объ искусственномъ удобреніи). Почва—это „касса своего рода“, по выраженію одного ученаго (Либиха): если постоянно изъ нея брать и никогда не вкладывать, запасъ ея непременно долженъ истощиться. А у насъ въ иныхъ мѣстахъ навозъ безразсудно бросается въ рѣку или сваливается въ оврагъ. Затѣмъ священникъ можетъ и долженъ раскрывать своимъ прихожанамъ—земледѣльцамъ превосходство обработыванія земли и уборки хлѣба новыми, болѣе усовершенствованными орудіями, убѣждать ихъ приобретать плуги, паровыя и конныя косилки и молотилки и другія сельско-хозяйственныя машины, которыя въ настоящее время доступны (по цѣнѣ) и для крестьянъ, если не для отдѣльныхъ лицъ, то для цѣлыхъ обществъ въ совокупности. Правительство, а отчасти и земство

дома, опасенія не было бы никакого. Осмотрѣвъ сарай, соломенная крыша котораго никогда не возобновлялась сваружи, почтенный >батюшка< рѣшилъ: не остаются ли на зиму въ живыхъ, при тепломъ помѣщеніи, летучія мыши, которыя и беспокоятъ лошадь такъ жестоко въ ночной темнотѣ, будучи привлекаемы сначала блѣловатымъ цвѣтомъ лошади, а затѣмъ ся потомъ. Почему онъ посоветовалъ перевести пока лошадь въ чье либо другое помѣщеніе. Крестьянинъ такъ и сдѣлалъ, и лошадь его перестала съ того времени биться по ночамъ и начала замѣтно поправляться.

много заботятся теперь объ улучшеніи въ средѣ крестьянскаго населенія породъ лошадей и рогатаго скота, о распространеніи искусственнаго удобренія почвы, объ употребленіи отсортированныхъ сѣмянъ для (хлѣбныхъ) посѣвовъ и травосѣянія, о введеніи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, устраивая въ различныхъ губерніяхъ и даже уѣздахъ сельскохозяйственныя выставки и склады ихъ (равно и самыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ), содѣйствуя развитію такъ называемаго „кустарнаго“, упрощеннаго машиностроенія и, что особенно важно, открывая кредитъ обществамъ и товариществамъ изъ крестьянъ (за круговою порукой ихъ) для приобрѣтенія такихъ орудій и машинъ. (Извѣстно, что съ прошлаго 1883 года учрежденъ особый специально-„крестьянскій поземельный банкъ“, имѣющій уже свои отдѣленія въ нѣсколькихъ губерніяхъ). Что дастъ земля нашего крестьянина и что она могла бы давать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, видно опять изъ слѣдующаго сравненія. У насъ, напр., одна десятина пашни, среднимъ числомъ, можетъ прокормить не болѣе 20 человѣкъ, тогда какъ во Франціи такое же количество земли кормитъ 80, а въ Англіи 90 душъ; у насъ одна десятина производитъ зерна въ годъ 3,7 четверти, во Франціи 9,5, а въ Англіи 11,0 четвертей, между тѣмъ какъ оба послѣднія государства, особенно Англія, по климату и свойству почвы не превосходятъ Россію, богатую по своему протяженію и обилующую разнообразіемъ условій. Но еще лучше было бы, разумѣется, если бы священникъ, „эта, какъ выражается одинъ изъ нашихъ публицистовъ (г. Громачевскій), единственная умная и моральная сила въ деревнѣ, единственно понимающій благодѣтель общественныхъ интересовъ“, по возможности, самъ на себѣ показывалъ своимъ прихожанамъ—земледѣльцамъ примѣръ болѣе раціональнаго веденія хозяйства. „Для того, чтобы выучить крестьянъ хозяйству раціональному, продолжаетъ тотъ же публицистъ, священникъ съ своимъ небольшимъ хозяйствомъ, вездѣ соприкасающимся съ крестьянскимъ, можетъ

либо слѣдовать принятой крестьянами системѣ (земледѣлія), либо заботиться объ измѣненіи послѣдней, соотвѣтственно своимъ возрѣніямъ. Усовершенствованныя земледѣльческія орудія онъ можетъ пріобрѣтать только тѣ, которыя необременительны для его небольшого хозяйства и доступны по средствамъ, не превосходящимъ средствъ земледѣльца—крестьянина средней руки. Работая на полѣ священника, крестьяне будутъ присматриваться къ этимъ улучшеніямъ и интересоваться ими. Черезъ нѣсколько лѣтъ найдутся въ крестьянской средѣ такіе новаторы, которые и у себя пожелаютъ ввести то, что они видѣли "... Конечно, это уже *primum desiderium* для нашихъ, вообще малодостаточныхъ, сельскихъ священниковъ, о которомъ можно сказать только: „могій вмѣстити да вмѣстить“¹⁾!

Протоіерей *Н. Благоразумовъ.*

¹⁾ Изъ Рѣчи, сказанной окончившимъ курсъ воспитанникамъ Московской духовной семинаріи въ нынѣшнемъ году.

²⁾ Зигабена толков. см. № 30.

Проповѣдь Іоанна Крестителя о царствіи небесномъ²⁾.

Гл. 3. Ст. 1. Во дни же оны прииде Іоаннъ Креститель, проповѣдая въ пустыни Іудейстей. Въ какіе дни? Не въ тѣ дни, когда Іисусъ, будучи еще младенцемъ пришелъ изъ Египта въ Назаретъ, но когда Ему уже было тридцать лѣтъ, какъ повѣствуетъ Лука (3, 23). Въ Священномъ Писаніи выраженіе: во дни оны обыкновенно употребляется безотносительно, о какомъ угодно времени, и поставляется этимъ на видъ только то время, когда совершилось то, о чемъ повѣствуется; такъ и теперь сдѣлалъ евангелистъ, пропуская то, что случилось въ срединѣ.

Почему Христосъ пришелъ на крещеніе послѣ тридцати лѣтъ? Потому что это есть возрастъ зрѣлой и совершенной мудрости.

¹⁾ Изъ Рѣчи, сказанной окончившимъ курсъ воспитанникамъ Московской духовной семинаріи въ нынѣшнемъ году.

²⁾ Зигабена толков. см. № 30.

Такъ какъ Онъ намѣревался отмѣнить ветхій заветъ и установить новый, а для отмѣны и установленія нужна была именно такая мудрость, то Онъ и ожидалъ такого возраста. Пройдя сначала непостоянные возрасты, именно младенчество съ свойственнымъ ему большимъ неразуміемъ, отрочество, которому свойственна сила страстей, юность—съ силою любостязанія, Онъ только въ совершенно зрѣломъ возрастѣ, какъ по уму, такъ и по тѣлу, пришелъ наконецъ ко крещенію, чтобы, открывшись посредствомъ его, тотчасъ начать учить и творить знаменія. Посему-то и Іоаннъ въ это время посылается Богомъ на Іорданъ,—проповѣдывать крещеніе, чтобы многіе сошлись ради крещенія, и Христосъ, стоя въ средѣ многихъ, принявъ свидѣтельство долу отъ Іоанна, а свыше отъ Отца и Святаго Духа,—и, привлеки ихъ, началъ наставлять въ таинствахъ и творить чудеса.

Откуда же пришелъ Іоаннъ? Изъ внутренней пустыни; потому что Лука говоритъ: бысть глаголь Божій ко Іоанну, Захаріинну сыну, въ пустыни: И прииде во всю страну Іорданскую (Лук. 3, 2. 3). Эту Іорданскую страну Матеей называлъ пустынею Іудейскою. Итакъ было значить двѣ пустыни: одна—внутренняя, изъ которой онъ пришелъ, а другая около Іордана, въ которую пришелъ.

Ст. 2. И глаголя: покайтесь, приближибоя царствіе небесное. Покайтесь, говоритъ, въ своихъ грѣхахъ, потому что близко уже стоитъ Христосъ, идущій позади меня (его называетъ здѣсь царствомъ небеснымъ, какъ небеснаго Царя, по божеству); Онъ, найдя васъ покающимися, даруетъ отпущеніе грѣховъ. Или небеснымъ царствомъ называетъ ангельскую жизнь, которую Христосъ немного спустя имѣлъ основать евангельскими заповѣдями. Называется также царствомъ небеснымъ и наслажденіе небесными благами. И многія другія значенія имѣть названіе царствіе небесное, смотря по связи рѣчи.

Ст. 3. Сей бо есть реченный Исаіемъ пророкомъ, глаголющимъ: гласъ вопіющаго въ пустыни,

уготовайте путь Господень, правы творите стези Его. Гласъ вопіющаго въ пустыни—это неполная рѣчь. Нужно понимать такъ: слышится мнѣ гласъ мужа, вопіющаго въ пустыни, очевидно около Іордана; вопіющаго же слѣдующее: уготовайте путь Господень и т. д. Путемъ Господнимъ и стезями Его называетъ души, къ которымъ имѣло прити слово Евангелія. Онъ убѣждаетъ приготовить ихъ или очистить посредствомъ покаянія, исторгая терніе страстей, выбрасывая камни грѣха и дѣлая ихъ такимъ образомъ расположенными и благопріятными для принятія этого слова.

Ст. 4. Самъ же Іоаннъ имѣлъ ризу свою отъ власъ велблужды, и поясъ усмень о чреслѣхъ своихъ: снѣдь же его бѣ пружіе и медъ дивій. Упомянулъ и объ одеждѣ и о пищѣ его, показывая ихъ простоту и убожество, а чрезъ это научая не заботиться много о тѣлѣ и презирать расточительность. Не донскиваясь того, кто ткалъ ему одежду, или откуда онъ имѣлъ поясъ; гораздо болѣе заслуживаетъ удивленія то, какъ онъ, будучи съ дѣтства въ пустынѣ, привыкъ съ такого возраста къ неравномѣрному климату. Знай одно, что какъ въ томъ случаѣ все ему доставлялось провидѣніемъ Божиимъ, такъ въ этомъ онъ укрѣплялся перенесеніемъ разныхъ лишеній. Одни говорятъ, что акриды это верхушки какихъ то травъ, другіе, — что это трава называемая акрида, третьи, — что—это родъ насѣкомыхъ. Говорятъ, что въ тѣхъ странахъ до сихъ поръ очень многіе ѣдятъ ихъ, напередъ выкоптивши. И законодатель причислялъ ихъ къ разряду чистыхъ животныхъ; но они имѣютъ непріятный запахъ и вкусъ. Но лучше слѣдуетъ держаться перваго мнѣнія. Медъ же дикій это медъ, который кладется дикими пчелами въ расщелинахъ скалъ; но онъ горькій и непріятный. Іоаннъ располагалъ къ покаянію и самымъ видомъ своимъ, такъ какъ носилъ плачевную одежду. Говорятъ, что верблюдъ есть животное среднее между чистымъ и нечистымъ; онъ чистъ потому, что отрыгаетъ жвачку, и не чистъ потому, что имѣетъ

нераздвоенныя копыта. А такъ какъ Іоаннъ приводилъ къ Богу мнимо-чистый народъ іудейскій и нечистый языческій, то онъ и одежду носилъ изъ верблюжьихъ волосъ. Писаніе всѣхъ святыхъ представляеть подпоясанными или потому, что они всегда занимались дѣломъ, а нерядивые и небрежные не подпоясываются, — или потому, что они умерщвляли страсти, а кожа есть часть мертвaго животнаго.

Ст. 5 и 6. Тогда исхождаше къ нему Іерусалима, и вся Іудея, и вся страна Іорданская. И крещавуся во Іорданѣ отъ него, исповѣдающе грѣхи своя. Прежде всего возбуждало у всѣхъ надежду самое мнѣніе о крестящемъ: онъ былъ сынъ первосвященника, только что вышелъ изъ пустыни, украшенный многими добродѣтелями, и самый видъ его сіялъ великимъ благочестіемъ. Во-вторыхъ — новый видъ проповѣди: она возвыщала царствіе небесное, о которомъ тогда впервые слышали. Въ-третьихъ, и больше всего, то, что пророкъ Ісаія предсказалъ о немъ: гласъ вопіющаго въ пустыни... Какимъ образомъ никто изъ евангелистовъ не пишетъ, что Іоаннъ взывалъ къ народу: уготовайте путь Господень, какъ говоритъ о немъ пророкъ. Открыто никто не записалъ этого, хотя естественно, что онъ говорилъ и это; но оно не записано, такъ какъ само собою разумѣется. Съ другой стороны слова: покайтесь и сотворите плодъ достойнъ покаянія равносильно словамъ: уготовайте путь Господень. Покаяніе и плодоносіе добродѣтелей есть приготовленіе и очищеніе предсказаннаго пути. Вышелъ къ нему городъ Іерусалимъ, т. е. Іерусалимляне, потому что такъ сказалъ Маркъ (Мар. 1, 5). Какое значеніе имѣло крещеніе Іоанна и какое различіе его отъ крещенія, установленнаго Христомъ, это подробно найдешь въ изъясненіи Евангелія отъ Марка. Болѣе умѣстно было объяснить это тамъ, гдѣ написано: проповѣдуя крещеніе покаянія во отпущеніе грѣховъ (Мар. 1, 4).

Ст. 7. Видѣлъ же (Іоаннъ) многи фарисеи и саддукеи грядущія на крещеніе его, рече имъ: рожденія ехїднава, кто сказа вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва? Народъ іудейскій называется различными именами. Евреями они называются отъ Евера, какъ пользующіеся его языкомъ: Богъ сохранилъ несмѣшаннымъ языкъ только его одного за то, что онъ не захотѣлъ присоединиться къ строившимъ башню. Онъ былъ предкомъ Авраама. Израильтянами они названы отъ Іакова, который въ видѣніи лѣствицы видѣлъ Бога и назвалъ Израилемъ. Израиль значить—видящій Бога. А іудеями—отъ Давида. Послѣ того какъ Богъ избралъ его на царство изъ колѣна Іудина и предоставилъ его потомкамъ царствовать по праву наслѣдства, то колѣно это Онъ сдѣлалъ знаменитымъ, какъ бы царскимъ,—такъ что и происшедшіе изъ другихъ колѣнъ, въ послѣдствіи времени, стали называться отъ него общимъ именемъ іудеевъ. Опредѣливши это такимъ образомъ, слѣдуетъ также сказать о двухъ упоминаемыхъ здѣсь іудейскихъ сектахъ. Саддукеи въ остальномъ были Іудеи, но совершенно отвергали бытіе Святаго Духа, ангеловъ и воскресеніе мертвыхъ. Фарисеи, будучи въ остальномъ тѣми же іудеями, имѣли нѣкоторые имъ только свойственныя обычаи: постъ два дня въ седмицу, отдача десятой части имущества въ пользу бѣдныхъ, омовенія и очищенія сосудовъ, блюдъ и чашъ и другіе такого рода обычаи. А такъ какъ фарисеи и саддукеи сравнительно съ другими были лучшими законниками и учителями, то они весьма превозносились надъ остальнымъ народомъ. Іоаннъ, видя ихъ приближающихся и узнавая ихъ, какъ по благодати обитающей въ немъ, такъ и по отличной ихъ одеждѣ и виду, весьма свободно обличаетъ ихъ, потому что имѣлъ увѣренность въ томъ, Который послалъ его. Къ строгости обличенія онъ присоединяетъ и похвалу, чтобы того смирялись, а этого утѣшались. Онъ обличаетъ ихъ, называя ихъ рожденія ехїднава. Какъ дѣти ехидны умерщвляютъ своихъ матерей, изъѣдая ихъ чрево, такъ и Іудеи убили своихъ духов-

ныхъ отцовъ, т. е. пророковъ. Ихъ же и похваляетъ, говоря: кто сказа вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва? Очевидно, что никто другой, какъ только ихъ собственное благоразуміе. Будущимъ гнѣвомъ называется или гнѣвъ римлянъ во время осады, или гнѣвъ Божій въ день суда, котораго они избѣгали, приходя къ покаянію. Конечно, онъ направлялъ свою рѣчь преимущественно къ фарисеямъ и саддукеямъ, которые считали себя весьма умными; но въ лицѣ ихъ онъ говорилъ и всѣмъ имѣющимъ увѣровать во Христа, которые вмѣстѣ имѣли избѣгнуть и предсказаннаго гнѣва. Если Лука говоритъ, что онъ сказалъ это народамъ пришедшимъ къ нему креститься, то не смущайся этимъ. Могло быть, что Іоаннъ сказалъ это дважды: разъ—этимъ, а а другой разъ—тѣмъ. Удивляется же Іоаннъ ихъ большой перемѣнѣ: какимъ образомъ они, убившіе пророковъ, не убили также и его, но идутъ на покаяніе.

Ст. 8. Сотворите убо плодъ достоинъ покаянія. Такъ какъ вы каетесь, то знайте, что недостаточно только избѣгать злаго, но нужно показать добро. Уклонися, говорить, отъ зла и сотвори благо (Псал. 33, 15).

Ст. 9. И не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама. Не начинайте (μη δόξετε—не думайте), т. е. не желайте. Увѣщаетъ, чтобы они не говорили въ сердцахъ своихъ: отца имамы Авраама и намъ достаточно для добродѣтели того, что мы отъ него происходимъ. Слишкомъ хвалящимся добродѣтелями предковъ не должно нерадѣть—и о собственныхъ добродѣтеляхъ...

Ст. 9. Глаголю бо вамъ: яко можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму. Не думайте, говорить, что у Авраама не будетъ дѣтей, если вы погибнете безъ плода добродѣтелей; Богъ можетъ воздвигнуть дѣтей Аврааму и изъ этихъ неодушевленныхъ камней, какъ воздвигъ ему самаго Исаака изъ неодушевленнаго и окаменѣлаго чрева Сарры. Можно и иначе сказать; не хвалитесь, что имѣете начало сво-

его рода въ Авраамѣ: это не ваша заслуга, а Божій даръ. По своему всемогуществу, Онъ можетъ воздвигнуть дѣтей Аврааму не только изъ людей, но изъ этихъ находящихся предъ глазами камней. Нѣкоторые говорятъ, что эти слова указываютъ на увѣровавшихъ изъ язычниковъ; будучи вначалѣ недоступными и нечувствительными къ истинѣ, впоследствии они были усыновлены за свою вѣру. Другіе же говорятъ, что этимъ намекается на тѣхъ, которые были усыновлены за то, что увѣровали вслѣдствіе распадѣнія камней во время страданія Спасителя. И тѣ, и другіе усыновлены Аврааму, какъ участники вмѣстѣ съ нимъ вѣчнаго наслѣдія. Но главнымъ образомъ дѣти Авраама это тѣ, которые подражаютъ его добродѣтелямъ и считаются достойными его участи въ царствіи небесномъ, будутъ ли они изъ іудеевъ или изъ язычниковъ. Родство по добродѣтели настолько больше родства по крови, насколько душа цѣннѣе тѣла.

Ст. 10. Уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ: всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ, и во огнь вметаемо. Сѣкира—это евангельское отсѣченіе, которое отсѣкаетъ безплодныхъ въ добродѣтели и вѣрѣ іудеевъ отъ закона, и однако не искореняетъ. Корень ихъ есть законъ, къ которому вмѣсто няхъ прививаются увѣровавшіе, а деревья—израильтяне. Устрашивши ихъ тѣмъ, что они отпадутъ отъ рода Авраама, если не будутъ внимательны, еще болѣе увеличиваетъ страхъ. Не только, говоритъ, вы отпадете отъ этого рода, но, какъ неисцѣлимые, будете скоро отсѣчены отъ этой жизни и получите наказаніе въ будущей. Сѣкирой онъ называлъ образно смерть; дровами—людей, корнемъ—жизнь, а огнемъ—огонь геенны. Нѣкоторые подъ корнемъ разумѣютъ самаго Авраама, подъ деревьями—іудеевъ, происшедшихъ отъ него, а подъ топоромъ—Христа, Который имѣетъ ихъ отсѣчь, какъ остающихся безплодными для евангельской вѣры, а привить увѣровавшихъ изъ язычниковъ. Итакъ, устрашивши ихъ надменность и смятчивши ихъ

крѣпкія сердца страхомъ отпаденія отъ рода Авраама, отсѣченіемъ огнемъ, затѣмъ съ большимъ достоинствомъ вводитъ рѣчь о Христѣ, чтобы они бѣжали на встрѣчу Ему, когда Онъ явится.

Ст. 11. Азъ убо крещаю вы водою въ покаяніе, грядый же по мнѣ, крѣплій мене есть, ему же нѣсемъ достоинъ сапоги понести: той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ. Въ покаяніе, т. е. ради покаянія: ихъ исповѣдующихся или кающихся онъ крестилъ, потому что они калялись. И это крещеніе было доказательствомъ покаянія... А послѣ него, говоритъ, придетъ Іисусъ, предъ Которымъ онъ приготовлялъ путь, провозглашая: уготовайте путь Господень, какъ выше мы сказали. Христа онъ называлъ сильнѣйшимъ себя, какъ соединеннаго съ божествомъ. Слова же: нѣсемъ достоинъ сапоги понести выражаютъ великое превосходство возвѣщаемаго. Онъ какъ бы такъ говоритъ: я не могу считаться между послѣдними Его слугами, по причинѣ величія соединеннаго съ Нимъ божества; такая обязанность поручалась послѣднимъ слугамъ. Остальные евангелисты сказали: отрѣшати ремень сапогу его (Мар. 1, 7; Лук. 3, 16; Іоан. 1, 27); отсюда очевидно, что Іоаннъ сказалъ и то, и другое,—въ одинъ разъ—это, а въ другой—то. Говоря: той креститъ васъ Духомъ Святымъ, онъ показалъ превосходство крещенія Господняго. Моё, говоритъ, крещеніе производитъ удержаніе отъ грѣховъ, а Его—доставляетъ причастіе Святаго Духа. Маркъ и Іоаннъ сказали: Духомъ Святымъ (Мар. 1, 8; Іоан. 1, 33), а Лука: Духомъ Святымъ и огнемъ (Лук. 3, 16), откуда опять очевидно, что Креститель говорилъ и то и другое, но въ различные времена. Главнымъ образомъ эта рѣчь указываетъ на сошествіе Святаго Духа на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ; тогда они были крещены Духомъ Святымъ и огнемъ,—а затѣмъ и на установленное Христомъ крещеніе. И на каждого крещаемого нисходитъ Духъ Святый, не только освящая его, но какъ бы невидимымъ огнемъ уничтожая нечистоту души его. Нѣсемъ

доволенъ, т. е. иѣсмь достоинъ; такъ написалъ Іоаннъ (І. 27). Той вы крестить. Креститель изображаетъ метафорически изобиліе благодати, а повтореніемъ слова: огонь показывается сила и непостижимость благодати.

Ст. 12. Ему же лопата въ руцѣ его, и отребить гумно свое, и соберетъ пшеницу свою въ житницу, плевъ же сожжетъ огнемъ неугасающимъ. Этимъ показываетъ, что Онъ будетъ судьей и грядущаго вѣка. Гумномъ называетъ Церковь всей вселенной, въ которую промысломъ Божиимъ собираются все дѣлатели; лопатой же—праведный Его судъ, который колеблющихся великимъ вѣтромъ нечестія, какъ бы оказавшихся соломой, предастъ неугасаемому огню геенны, а тѣхъ, которые обладаютъ достоинствомъ добродѣтелей, соберетъ въ житницу небесныхъ обитателей. Теперь, какъ на гумнѣ, пшеница и солома находятся вмѣстѣ, но тогда будетъ великое раздѣленіе, когда хлѣбъ нужно будетъ отнести въ житницу. Сказано: въ руцѣ Его, потому что Онъ совершенно приготовленъ произвести судъ. Обрати вниманіе на то, что послѣ крещенія Духомъ Святымъ и огнемъ Онъ очищаетъ гумно свое, и потому, принявши крещеніе, не оставайся въ бездѣйствіи.

Ст. 13. Тогда приходитъ Іисусъ отъ Галилея на Іорданъ ко Іоанну креститься отъ него. Съ рабами приходитъ и Владыка; они пришли, чтобы покаяться, а Онъ, чтобы показаться народу. Такъ и Іоаннъ сказалъ: да явится Израилеви (Іоан. 1, 31).

Ст. 14. Іоаннъ же возбраняше ему, глаголя: азъ требую тобою креститься, и ты ли грядеши ко мнѣ. Іоаннъ зналъ, кто это былъ, отъ Духа Святаго, обитающаго въ немъ. Евангелистъ Іоаннъ говоритъ: видѣ Іоаннъ Іисуса грядуща къ себѣ и глагола: се агнецъ Божій, взявляй грѣхи міра и т. д. (Іоан. 1, 29). Теперь же онъ удерживалъ его, говоря: азъ требую тобою креститься. Я, подверженный грѣху, (имѣю нужду креститься)

отъ того, который не можетъ грѣшить, крестящій простою водою отъ крестящаго Духомъ Святымъ и огнемъ, рабъ отъ Владыки, человекъ отъ Бога,—а ты, наоборотъ, приходишь ко мнѣ. Посему нѣкоторые читаютъ это вопросительно: и ты ли грядеши ко мнѣ? но Григорій Богословъ—утвердительно, какъ бы въ пророческомъ смыслѣ: ты слѣдуешь за мною, который убивается, т. е. и ты будешь убитъ.

Ст. 15. Отвѣщавъ же Іисусъ рече къ нему: остави нынѣ... Перестань теперь снимать покровы съ Моей непогрѣшимости и божества, не время теперь для этого, но Я крещусь отъ тебя согласно домостроительству. Какъ ради людей Я сталъ человекомъ, чтобы, какъ человекъ, поразить угнетающаго ихъ діавола,—такъ ради людей Я крещусь, какъ они, чтобы въ водахъ погребсти нечистоту имѣющихъ возродиться водою и Духомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Я дѣлаю это по домостроительству, чтобы чрезъ крещеніе явиться народу.

Ст. 15. Тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду. Такъ прилично мнѣ исполнить всякую божественную заповѣдь, потому что подъ правдою разумѣется здѣсь заповѣдь Божія. Всѣ, говорить, заповѣди, какія предписалъ законъ, Я исполнилъ; остается только одна, именно чтобы Я крестился. Тако подобаетъ исполнити всяку правду, разумѣется чрезъ крещеніе, чтобы, какъ ветхій Адамъ не исполнилъ одной заповѣди, такъ Я, новый Адамъ, исполнилъ за него всѣ, устроилъ его будущность и освободилъ своихъ послѣдователей отъ того осужденія, которому тотъ подвергъ всѣхъ происходящихъ отъ него. Заповѣдью Божіею было и крещеніе Іоанна, потому что онъ говоритъ: пославый мя крестити водою, той мнѣ рече и т. д. (Іоан. 1, 33).

Ст. 16. Тогда остави его. И крестився Іисусъ, възде абіе отъ воды. Нѣкоторые говорятъ, что креститель всякаго крещаемаго, погрузивши его по шею въ водѣ, удерживалъ пока тотъ исповѣдывалъ свои грѣхи, и только послѣ испо-

вѣдя онъ выходилъ изъ воды,—но Христось, не имѣя грѣховъ, не былъ удерживаемъ въ водѣ, и потому евангелистъ: сказалъ, что Онъ тотчасъ вышелъ изъ воды.

Ст. 16. И се отверзшася ему небеса, и видѣ Духа Божія сходяща яко голубя, и грядуща на Него. И се гласъ съ небесе глаголя: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ. Преслушаніе ветхаго Адама затворило для насъ рай, послушаніе же новаго открыло намъ небо и доставило большее приобрѣтеніе, чѣмъ была потеря. И смотри, какъ ясно и величественно открылся Христось народу. Послѣ того какъ Іоаннъ предсказалъ о Немъ народу и слова эти обратили на Него вниманіе, многіе все-таки соблазнились, видя, что Онъ крестился, какъ одинъ изъ народа. Посему и открываются небеса, показывая, что оттуда нисходитъ и голубь, и голосъ. Нисходитъ голосъ, чтобы присутствующіе знали, кто такой крещаемый,—а голубь, чтобы низвести на Него голосъ и чтобы не думали, что голосъ свидѣтельствуешь объ Іоаннѣ. Итакъ Отецъ свыше свидѣтельствовалъ о Сынѣ, а Духъ Святый сошелъ на Него, какъ бы перстомъ указывая, что Онъ есть Тотъ, о Которомъ свидѣствуется. Въ видѣ же голубя онъ сошелъ, потому что это животное отъ природы во многихъ отношеніяхъ служитъ образомъ Духа Святаго. Онъ любитъ человѣка и не легко возбуждается къ гнѣву, терпѣливо переноситъ лишеніе дѣтенной и не нападаетъ на лишающихъ его. Онъ есть самая чистая птица и любитъ благовоніе. Прообразомъ этого голубя былъ голубь, возвѣстившій Ною прекращеніе потопа. Какъ тогда былъ потопъ отъ воды, такъ теперь отъ грѣховъ, и какъ тотъ голубь возвѣстилъ прекращеніе того потопа, такъ этотъ—настоящаго. Была отверзта небеса и сошелъ на крещаемаго Духъ Святой, чтобы мы знали, что надъ каждымъ крещаемымъ отверзаются небеса, призывая его въ верхнія обители; сходить также на него и Духъ Святой. Если же мы не видимъ этого чувственными глазами, то ты не оставайся въ невѣріи.

Знаменія даются не для вѣрующихъ, но для невѣрующихъ; а для насъ вмѣсто знаменій достаточно вѣры... Обрати вниманіе и на то, что какъ во время Пасхи на одной трапезѣ онъ совершилъ и положилъ конецъ іудейской пасхѣ и далъ начало своей, такъ и во время крещенія въ одной рѣкѣ онъ совершилъ и то, и другое; открытіе небезъ и сошествіе Св. Духа—это дары христіанскаго крещенія. Что это значитъ: о немъ же благоволяхъ, т. е. въ которомъ я нахожу увеселеніе. Или: послѣ рождества Христова ангелы воспѣли, говоря: слава во вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человецѣхъ благоволеніе (Лук. 2, 14). Благоволеніе значитъ доброе желаніе, а доброе желаніе состояло въ томъ, чтобы спасти людей; посему теперь сказалъ, что это есть Тотъ, въ Которомъ Я желалъ людямъ добра, т. е. чрезъ Котораго пришло спасеніе людей.

Проповѣдническое обозрѣніе.

Простонародныхъ поученій помѣщено въ послѣднее время въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ гораздо болѣе, нежели поученій для интеллигентныхъ слушателей. При этомъ мы съ удовольствіемъ усматриваемъ, что въ настоящій разъ поученія, подлежащія настоящему обозрѣнію, въ состояніи удовлетворить даже самаго взыскательнаго рецензента. Встрѣчаются, конечно, въ нѣкоторыхъ поученіяхъ промахи—и промахи, пожалуй, довольно крупныя, но они обыкновенно—если не съ избыткомъ, то все же сравнительно въ весьма достаточной мѣрѣ—покрываются и такими или иными достоинствами. Познакомимъ читателей съ нѣкоторыми изъ этихъ поученій, производящихъ особенно хорошее впечатлѣніе.

Въ Курскихъ еп. вѣдомостяхъ напечатано поученіе свящ. І. Якимова о восковой свѣчѣ нѣсколько напоминающее собою поученіе пресв. Никанора, бывшаго епископа Уфимскаго, нынѣ

Одесскаго и Херсонскаго, о томъ-же предметѣ. Но указывая на такое сходство поученій обоихъ проповѣдниковъ, мы этимъ отнюдь не думаемъ набрасывать хотя-бы то даже малѣйшую тѣнь подозрѣнія на самостоятельность поученія о. Якимова. Сходство дѣла предмета содержанія и нѣкоторыхъ общихъ мыслей не идетъ и является какъ-бы сходствомъ сужденій ученика съ учителемъ объ одномъ и томъ-же предметѣ. Церковная восковая свѣча, говоритъ проповѣдникъ, „есть наша христіанская жертва для Бога“ и символъ, знакъ нашей духовной чистоты, а потому она должна быть „чиста“, т. е. должна быть приготовлена изъ чистаго пчелинаго воска, безъ всякихъ постороннихъ примѣсей, въ родѣ церезина, парафина, разныхъ смолъ и т. п. Съ незапамятныхъ временъ она составляла неотъемлемое достоинство и вѣсть единственное почти средство содержанія храмовъ Божіихъ и ихъ служителей; ко всему этому, она же есть почти единственное средство содержанія всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, гдѣ обучаются будущіе священно-служители церкви православной и сами архипастыри. Но явились люди, которые святотатственно посягаютъ на это законное достоинство церкви. Подмѣшивая въ воскъ всевозможныя дешевыя нечистыя вещества, они начали продавать свѣчи значительно дешевле, нежели, по какой цѣнѣ продаются свѣчи въ церкви,—чѣмъ, въ погонѣ за наживой, съ одной стороны, значительно подрываютъ столь благоплодныя доходы церковныя, съ другой стороны—лишаютъ свѣчу, какъ сдѣланную не изъ чистаго пчелинаго воска, ея символическаго значенія. Простецы, по своему неразумію, увлеклись дешевизною, нисколько и не подозрѣвая всей неблаговидности такого своего поведенія. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть пріятною Богу подобная жертва? Богу пріятна только чистая жертва, и притомъ—жертва, принесенная отъ чистаго сердца. Свѣча-же, купленная у торговца—обманщика, кромѣ того, что сама по себѣ, по своему матеріалу, есть свѣча нечистая, и приносится не отъ чистаго сердца: она приносится отъ сердца, зараженнаго скупостію,—отъ такого че-

ловѣка, который наровитъ, какъ бы слукать и въ самой жертвѣ своей и не передать лишней копѣйки для Бога, туне, единственно по безконечной благодати своей, подающаго намъ всякое благо и всякій даръ. Для церкви также эти свѣчи приносятъ одинъ только вредъ: лишаютъ ее законныхъ доходовъ, коптятъ стѣны и св. иконы и самый воздухъ во время совершенія богослуженія заражаютъ густымъ дымомъ и смрадомъ; огарковъ отъ нихъ никто не принимаетъ даже за безцѣнокъ. По-нятно отсюда, почему бѣднѣютъ и нерѣдко терпятъ крайнюю нужду въ послѣднее время храмы Божіи. Въ виду всего этого, проповѣдникъ горячо убѣждаетъ своихъ прихожанъ, для ихъ-же собственной пользы душевной, а равно и для пользы ихъ храма, покупать свѣчи только въ церкви.—По полученіи церковныхъ восковыхъ свѣчей изъ епархіальнаго свѣчнаго завода о. Якимовъ выступаетъ вторично предъ своими прихожанами съ поученіемъ о томъ-же предметѣ, причемъ сначала уясняетъ цѣль и назначеніе епархіальнаго свѣчнаго завода, а затѣмъ, указавши на распоряженіе Курекаго губернатора, вызванное отношеніемъ мѣстнаго архипастыря къ нему, о принятіи подлежащихъ мѣръ къ прекращенію неправильной торговли восковыми свѣчами, снова показываетъ преимущество во всѣхъ отношеніяхъ „церковной“ восковой свѣчи предъ свѣчами торговцевъ—обманщиковъ и въ заключеніе говоритъ: „Ужели и теперь найдутся между вами такіе прихожане, которые, не смотря на доброе установленіе начальства, по прежнему будутъ приносить въ Божію церковь свѣчи нечистыя? Но если найдутся таковыя, то они будутъ виновны предъ Богомъ и своею совѣстію, непослушны предъ закономъ и начальствомъ, неблагодарны и предъ своимъ Божіимъ храмомъ, въ которомъ они молятся всегда и просятъ себѣ милости отъ Бога. Да и сами порядкомъ разсудите, какой тотъ есть прихожанинъ церкви, который, для ея пользы и процвѣтанія, жалѣетъ передать лишнюю копѣйку, не хочетъ даже и свѣчи купить въ своей церкви? Какое имѣетъ почтеніе къ Богу тотъ „христіа-

нивъ, который не стыдится приносить въ жертву Богу свѣчу нечистую изъ-за того только, что она побольше на видъ и дешевле? Нечистое, и намъ грѣшнымъ, не нравится, тѣмъ болѣе жертвы нечистыя оскорбляютъ святѣйшаго Бога (Левит. 22, 20). Богу пріятна не величина жертвы, а чистота и усердіе, съ какимъ приносится жертва; самая малая чистая свѣча, купленная на послѣднюю копѣйку и принесенная отъ всего усердія, угоднѣе Богу, чѣмъ цѣлые десятки большихъ свѣчей, принесенныхъ больше для показу людямъ, чѣмъ для Бога“... и т. д. Ярko бьющіе въ глаза достоинства обоихъ поученій о. Якимова такъ много говорить о себѣ и за себя, что простое, объективное отношеніе къ нимъ, какъ это мы сдѣлали, будетъ вмѣстѣ и лучшимъ отзывомъ о нихъ и высшею похвалою для нихъ.

Священникъ Ѳ. Соколовъ въ своемъ поученіи въ недѣлю пятую великаго поста и на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы, напечатанномъ въ Курск. епарх. вѣдомостяхъ, исходя изъ рядоваго евангельскаго чтенія и чтенія празднику, говоритъ о гордости и смиреніи и подробно раскрываетъ, что гордость есть начало грѣха и первый признакъ отступленія души отъ Бога,—тогда какъ, напротивъ, смиреніе есть начало и источникъ всѣхъ добродѣтелей, и мѣра смиренія есть мѣра близости души къ Богу;—что именно гордость есть корень недоброжелательства, раздоровъ, тяжбъ, смутъ и всякаго рода нестроений семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ,—смиреніе, напротивъ, не допустить никакой смуты и волненія ни въ семью, ни въ общество, ни въ государство, но вездѣ поселяетъ доброе единодушіе и согласіе, миръ и безопасность. Абстрактныя сужденія свои о гордости и смиреніи проповѣдникъ, по мѣрѣ надобности, выленяетъ разнаго рода примѣрами и фактами изъ обыденной жизни и сухую книжную теоретическую тему оживляетъ до очень интересной бесѣды о самыхъ близкихъ сердцу каждого предметахъ.

Поученіе свящ. П. Огіевского въ великій пятокъ предъ плащаницею, напечатанное въ Черниговскихъ епарх. вѣдом.,

представляет собою живое, сильное и одушевленное слово о великости крестной жертвы. „Что дѣлать намъ,—говорить проповѣдникъ,—у сего гроба: лить-ли слезы или разглагольствовать? Жертва предъ нами кровавая! Весь избить, изранить и положенъ во гробъ! Боже нашъ! Кто сей беззащитный страдалецъ! Чья безжалостная, безчеловѣчная рука нанесла ему столь глубокія, смертельныя раны? Изумись, вѣрующая душа,—изумись, христіанинъ! Предъ глазами твоими образъ Того, Имъ-же вся быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть (Іоан. 1, 3). Это Агнецъ Божій, взявлющій грѣхи всего міра.—Это—Богъ, принявшій на Себя плоть твою, дабы отдать ее на поруганіе и смерть и тѣмъ искупить тебя отъ грѣха и смерти. И отдалъ! И поруганъ!“ И вотъ проповѣдникъ убѣждаетъ слушателей собрать свои мысли, разбѣяныя по суетнымъ предметамъ міра сего, остановить вниманіе на этой кровавой жертвѣ нашего искупленія, помыслить, какою дорогою цѣною куплено наше вѣчное спасеніе и наконецъ понять, какой праведный гнѣвъ призываетъ на преступную свою голову тотъ, кто за такую безграничную любовь Господа, платитъ ему непокорностію, непослушаніемъ,—кто не усвоитъ себѣ заслугъ Спасителя, не пользуется искупленіемъ Его и продолжаетъ своими неправдами наносить Ему новыя смертельныя раны, своими грѣхами, такъ сказать, вторично распинать Его на крестѣ. „Раскроемъ-же,—говоритъ онъ въ заключеніи,—предъ Спасителемъ нашимъ, лежащимъ во гробѣ, сердце наше, омоемъ слезами нашего раскаянія сія глубокія Его раны, нанесенныя Ему нашими грѣхами,—облобызаемъ ихъ нашею пламенною любовію съ сердечнымъ обѣтомъ не растравлять ихъ болѣе своими неправдами и изъ глубины нашей души вѣрою воззовемъ къ Нему“... слѣдуетъ краткая сильная молитва.

Свящ. А. Кременецкій, въ своемъ поученіи въ день свят. Николая, убѣждаетъ слушателей быть благотворительными и подавать милостыню не только тому бѣдняку, который ходитъ съ

сумой по дворамъ, но еще больше тому, кто, находясь въ нуждѣ, стыдится просить, потому что и справедливо говорятъ, что бѣдность не порокъ, но она бываетъ причиною многихъ, часто страшныхъ, пороковъ. Съ этою цѣлю проповѣдникъ приводитъ изъ житія святит. Николая разсказъ о томъ, какъ онъ охранялъ одного разорившагося богача, рѣшившагося было, въ крайнихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, пожертвовать честію и невинностію трехъ дочерей своихъ. Святитель три раза подавалъ ему тайно въ окно милостыню, которая спасла дочерей бѣдника отъ вынужденнаго разврата и дала всѣмъ имъ возможность выйти замужъ. Подобныхъ несчастныхъ вездѣ не мало. И хорошо, если найдется добрый человекъ, который во время успѣетъ ихъ поддержать своею посильною помощью и тѣмъ не дастъ имъ упасть въ широко зіяющую подъ ихъ ногами бездонную пропасть пороковъ и преступленій. Тема поученія, какъ видите, глубоко-жизненная, теченіе мыслей самое естественное, безъ всякихъ натяжекъ и скачковъ, — языкъ также простой и ясный; вообще поученіе производитъ очень хорошее впечатлѣніе.

Поученіе свящ. І. Сергіева и прот. Терлецкаго въ недѣлю о слѣпомъ относится къ числу тѣхъ обязательныхъ поученій, которыя предписано произносить въ эту недѣлю во всѣхъ церквахъ послѣ прочтенія евангелія, въ интересахъ болѣе успѣшнаго собранія пожертвованій въ пользу Маріинскаго попечительства для вспомошествованія слѣпымъ. Изъ множества напечатанныхъ въ различныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ поученій въ недѣлю о слѣпомъ поученія свящ. І. Сергіева и прот. Терлецкаго заслуживаютъ наибольшаго вниманія. Они очень кратки и сжаты. Мысли, въ нихъ содержащіяся, самыя обыденныя и общеизвѣстныя — такъ называемыя „казенныя“, но ихъ много выдвигаетъ изъ среды другихъ поученій на тотъ-же день теплота отношеній названныхъ проповѣдниковъ къ несчастнымъ слѣпымъ и живое участіе къ ихъ горькой судьбѣ, которыми проникнуты эти поученія и, думается, не могли не проникнуться и сами слушатели.

Изъ поученій на 19-е февраля мы остановились только на двухъ: на рѣчи свящ. В. Дубнякова и поученіи свящ. В. Соколова. Но справедливость требуетъ сказать, что поученіе о. Соколова стоитъ значительно выше рѣчи о. Дубнякова. У о. Дубнякова нѣтъ ни той силы изобразительности, ни такого пониманія склада и интересовъ жизни простонародья, какія находятся въ полномъ распоряженіи о. Соколова. И въ то время, какъ языкъ поученія о. Соколова долженъ быть признанъ, по всей справедливости, образцовымъ языкомъ простонародныхъ поученій, языкъ рѣчи о. Дубнякова страдаетъ темнотою (для народа), неточностью и неопредѣленностью: у него встрѣчаются напр. выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „благодатное сыноположеніе“, „оковы рабства“, 19-о февраля...—день развѣта, съ котораго Россія много возрасла и окрѣпла въ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ“,—прежній судъ онъ называетъ „тягучимъ“ (?! въ смыслѣ: слишкомъ долго „тянувшимся“ дѣла) и т. п. Въ поученіи о. Соколова, наконецъ, совсѣмъ нѣтъ ни искусственности, ни натянутости—его неотъемлемыя качества и вмѣстѣ достоинства: полнѣйшая простота и естественность во всемъ. Въ рѣчи своей о. Дубняковъ сначала рисуетъ бывшее горестное положеніе крѣпостныхъ и тѣмъ даетъ сильнѣе чувствовать всѣ блага освобожденія крестьянъ и послѣдовавшихъ затѣмъ реформъ, къ благоразумному пользованію которыми онъ и призываетъ слушателей. Въ заключеніе напоминаетъ о мученической кончинѣ Царя-Освободителя и проситъ молитвъ къ Богу какъ за Него, такъ и за всю, терзаемую въ послѣднее время многоразличными смутами Россію. О. Соколовъ сначала выражаетъ свою радость, что въ этотъ день (19 февраля) собралось въ св. храмъ такъ много богомольцевъ, да еще преимущественно домохозяевъ,—и затѣмъ объясняетъ, что это именно за день, какое значеніе имѣетъ онъ въ жизни простонародья, и какъ тяжело жилось крестьянамъ въ крѣпостной зависимости. Сдѣлались извѣстными Государю всѣ неправды помѣщиковъ, больно стало

сердцу его горе крестьянское—подневольное,—и вотъ онъ уничтожилъ рабство. Впрочемъ,—справедливо оговаривается проповѣдникъ,—не всѣмъ крестьянамъ и въ крепостномъ состояніи жилось плохо: но имъ не доставало самаго главнаго, не доставало свободы, воли (для большей наглядности проповѣдникъ приводитъ въ примѣръ заключенную въ клѣтку птичку: всего у нея вдоволь, а между тѣмъ она не перестаетъ безпокойно прыгать по клѣткѣ, отыскивая дверцы): не то и тогда дѣлалъ крестьянинъ, что и когда хотѣлъ и находилъ нужнымъ, а то и тогда, что и когда ему вѣля. Манифестъ 19 февраля 1861 года навсегда освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и уравнивалъ ихъ съ ихъ прежними господами. Но хотя и всѣмъ крестьянамъ Государь далъ волю, освободивши ихъ отъ крѣпостной зависимости, тѣмъ не менѣе не всѣмъ имъ эта воля послужила на пользу, а только тѣмъ, которые съумѣли и умѣютъ ею пользоваться, какъ слѣдуетъ;—и затѣмъ начинаетъ показывать и выяснять на наглядныхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ обыденной крестьянской жизни, кто съумѣлъ, и не съумѣлъ воспользоваться дарованною Государемъ волею,—кому, слѣдовательно, она послужила въ пользу и кому во вредъ. „И такъ, православные,—заканчиваетъ проповѣдникъ свое поученіе,—вы, я думаю, и сами поняли, что не съ тѣмъ дарована вамъ свобода, чтобы самоуправничать и вести разгульную жизнь, а съ тѣмъ, чтобы вы улучшили свое благосостояніе. Что вы думаете, еслибы въ Божѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ дожидая до настоящаго времени и взглянулъ бы на ваше хозяйство, что онъ сказалъ бы тѣмъ, у которыхъ увидалъ бы на дворѣ вмѣсто прежнихъ двухъ хорошихъ лошадей только одну да и то едва передвигающую ноги? вмѣсто прежняго хорошаго пожитка бѣдное состояніе? Трудолюбивыхъ, старательныхъ хозяевъ онъ похвалилъ бы за то, что они поняли его намѣреніе, соответствующее его ожиданіямъ; а лѣнивымъ и чрезъ нѣпство пришедшимъ въ бѣдность сказалъ бы: безпечные рабы! сколько я почей не спалъ,

сколько времени потратилъ на размышленіе, какъ бы это улучшить вашъ бытъ, ваше состояніе; какъ бы устроить, чтобы васъ никто не притѣснялъ и не обижалъ; вотъ и придумалъ: дать вамъ полную свободу распоряжаться собою, по своему усмотрѣнію, и работать только для себя, для своего хозяйства. Я предполагалъ, сказалъ бы онъ имъ, что вы, никѣмъ и ничѣмъ не стѣняемые, приведете свое хозяйство въ цвѣтущее состояніе; а у васъ и прежняго не стало, лѣнныя рабы! Да безпечнымъ и лѣннымъ земледѣльцамъ и Господь сказалъ: „лукавый и лѣнны рабъ! почему ты на данный Мною тебѣ талантъ не приобретаешь еще талантъ? Возьми, скажетъ Онъ слугамъ своимъ, отъ него и этотъ талантъ и дайте имущему десять талантовъ. Всякому имѣющему дастся и приумножится“, говоритъ слово Божіе, за то, что онъ трудится и, что приобретаетъ, берегаетъ, а у неимѣющаго отнимется и то, что имѣетъ, за то, что онъ не трудится лѣнивъ, а расточаетъ большой охотникъ. Завидуютъ бѣдныя пожитку богатыхъ людей и ропщутъ на свой во всемъ недостатокъ, но слышите-ли, какъ Самъ Господь приказываетъ слугамъ своимъ—ангеламъ отобрать у бѣдняка и послѣднее имущество за его лѣность, за его нерадѣніе, мотовство, пьянство? Полюбите трудъ, какъ любить его богатый человѣкъ, и, что приобретете, берегайте, не тратьте на пустяки, при разгулѣ; повѣрьте, и вы, если не богаты, по крайней мѣрѣ, довольны будете своимъ состояніемъ всегда“.

Въ продолженіе четырехлѣтняго пастырскаго служенія своего свящ. С. Сребняцкій,—какъ это открывается изъ слова, сказаннаго имъ по случаю совершившагося въ его приходѣ убійства,—постоянно говорилъ прихожанамъ въ своихъ и домашнихъ и церковныхъ собесѣдованіяхъ о замѣченномъ имъ въ паствѣ весьма важномъ и опасномъ недостаткѣ—крайнемъ нерадѣніи и небрежности къ воспитанію дѣтей въ духѣ христіанской любви и благочестія; постоянно увѣщевалъ отцовъ и матерей обратить особенное вниманіе на эту первую и святую родительскую обязанность,

возлагаемую на нихъ Богомъ и внушаемую самою природою. Прихожане мало внимали голосу своего пастыря, — и вотъ теперь предъ глазами всѣхъ потрясающе-печальные плоды ихъ керасумнаго упорства: полные силъ и здоровья юности, дѣти очень зажиточныхъ и достаточныхъ родителей, вслѣдствіе развитой дурнымъ воспитаніемъ необузданности воли и крайней жестокости сердца, совершили одно изъ страшнѣйшихъ преступленій, предъ которымъ невольно содрогнется даже самый закоренѣлый злодѣй. Здѣсь проповѣдникъ находитъ нужнымъ подробно остановиться на самихъ преступникахъ, на сущности преступленія и его неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ и въ заключеніе съ сильнымъ увѣщаніемъ обращается къ отцамъ и матерямъ, въ такомъ или иномъ отношеніи которыхъ къ дѣтямъ должно искать объясненія всего послѣдующаго поведенія этихъ послѣднихъ. На родителей-же падаетъ немалая доля виновности и въ настоящемъ случаѣ.

„Родители! взываетъ проповѣдникъ, и для блага вашихъ дѣтей, и для вашего собственнаго спасенія, старайтесь быть примѣрами истиннаго благочестія и добродѣтели, чтобы жизнь ваша была свѣтомъ для вашихъ дѣтей, чтобы ваше благочестіе и добрыя дѣла ваши перешли въ наслѣдство къ дѣтямъ вашимъ; а для этого увѣщивайте, исправляйте, наказывайте ихъ, если не будетъ другихъ средствъ заставить ихъ уважать вашу родительскую власть (Притч. 19, 15)... Совѣтую, прошу и умоляю васъ, братіе—прихожане, помяните всегда ваши родительскія обязанности къ дѣтямъ и старайтесь исполнять ихъ добросовѣстно для блага дѣтей вашихъ и для вашего покоя здѣсь—на землѣ и спасенія на небѣ. Молите Господа Бога, всеобщаго небеснаго Отца нашего, чтобы Онъ самъ своею благодатію помогалъ вамъ исполнять этотъ святой долгъ во славу Его всесвятаго имени и для общественнаго благополучія, дабы вамъ съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти предстать въ послѣдній для всѣхъ день предъ грознымъ судомъ Его и сказать: „се азъ и дѣти, яже ми далъ еси“...“

„Священ. И Скрибинъ,—по замѣчанію редакціи Воронежскихъ епархіальныхъ вѣдомостей (№ 10, стр. 377, подстр. примѣч.),—священствующій уже около 30 лѣтъ, неопустительно въ каждый праздничный день говоритъ (и большею частію экспромтомъ) краткія поученія. При своемъ дѣлѣ уже вдовствѣ, въ проповѣданіи слова Божія онъ находитъ духовное утѣшеніе“. Дѣйствительно, поученіе его на праздникъ Вознесенія Господня даетъ основанія видѣть въ о. Скрибинѣ проповѣдника опытнаго и вполне установившагося, свободно владѣющаго какъ словомъ, такъ равно и знаніемъ жизни и нуждъ простонародья. Поученіе, по объему своему, очень краткое, но далеко нескучное по содержанію. Въ немъ проповѣдникъ говоритъ о томъ, какъ должно вести себя въ храмѣ Божіемъ, съ какимъ чувствомъ приступать къ молитвѣ, и почему не всегда молитвы наши достигаютъ своей цѣли.

Нѣсколько сходную тему раскрываетъ предъ своими слушателями и свящ. П. Лебедевъ. Впрочемъ, предметъ поученія о. Лебедева уже: онъ говоритъ только о высокомъ значеніи храма Божія, какъ дома Божія и дома молитвы, и отсюда выводитъ особыя обязанности наши по отношенію къ нему, какія должны соблюдаться нами при нашемъ посѣщеніи его.

Обѣ бесѣды свящ. П. Соколова, равно также и поученіе свящ. И. Шергина, произнесены ими по случаю закрытія въ ихъ приходахъ питейныхъ заведеній. И тотъ и другой проповѣдникъ представляются людьми, весьма близкими къ своимъ пасомымъ, ведущими съ ними дружескую откровенную задушевную бесѣду объ интересующемъ всѣхъ предметѣ. Въ первой бесѣдѣ своей о. Соколовъ жалуется передъ слушателями на то, что между ними—уже и послѣ составленія приговора о закрытіи питейнаго заведенія—нашлись такіе, которые всячески препятствуютъ приведенію въ исполненіе общественнаго добраго желанія. „Прискорбно все это видѣть въ кругу возлюбленныхъ своихъ“! А между тѣмъ, не говоря уже о нравственной пользѣ, какъ много можетъ выга-

дать общество отъ закрытія питейнаго заведенія и въ матеріальномъ отношеніи! Само бѣдное, оно тѣмъ не менѣе ежегодно оставляло въ мѣстномъ питейномъ заведеніи 24,000 руб. Теперь эти деньги могутъ быть употреблены на различныя общественныя нужды и на улучшеніе домашняго хозяйства.—Вторая бесѣда произнесена о. Соколовымъ уже по окончательномъ закрытіи питейнаго заведенія; въ ней проповѣдникъ заднимъ числомъ трактуеть о тѣхъ „немаловажныхъ препятствіяхъ, которыя раньше тормозили дѣло“. Такого-же почти точно содержанія и поученіе о. Шергина. Этотъ послѣдній, впрочемъ, убѣждая содержателей питейныхъ заведеній не препятствовать общему желанію въ дѣлѣ ихъ закрытія, указываетъ имъ (содержателямъ) на другіе промыслы и болѣе благородные, и ничуть не менѣе приносящіе пользы. Считаеиъ не лишнимъ замѣтить здѣсь, что нѣсколько непрактично, неосторожно поступилъ о. Соколовъ, дѣлая въ первой своей бесѣдѣ слишкомъ опредѣленные и вмѣстѣ неслестные намеки на нѣкоторыхъ мѣстныхъ воротилъ—міроѣдовъ,—настолько нетактично и наивно поступилъ о. Шергинъ, расточая всенародно въ своемъ поученіи похвалы „начальнику сельскаго общества, рабу Божию и вѣрному охранителю чести и добрыхъ порядковъ, Θεодоту“. Намекать на личности и бросать тѣни на ихъ репутацію, помимо того, что неприлично на церковной кафедрѣ, еще и небезопасно; хвалить же въ глаза присутствующихъ даже просто въ обществѣ по меньшей мѣрѣ неблаговидно.

Поученіе свящ. Ал. Масловскаго о кражѣ представляетъ собою прекрасное объясненіе осьмой заповѣди десятословія. Примѣрами, взятыми непосредственно изъ обыденной крестьянской жизни, проповѣдникъ ясно и наглядно показываетъ, какъ часто мы преступаемъ эту заповѣдь, сами того не замѣчая, и готовые страшно обидѣться на того, кто-бы осмѣлился даже только заподозрить насъ въ такомъ нарушеніи.

Проповѣдническій тактъ и талантъ священника Пензенской епархіи В. Соколова уже извѣстенъ читателямъ по прежнимъ нашимъ статьямъ. Въ настоящее время у насъ подъ руками всего лишь одна рѣчь его о пользѣ грамотности. О. Соколовъ соглашается съ народомъ, что „корень ученія горекъ“, но рядомъ съ этимъ онъ, на основаніи фактовъ, убѣдительно доказываетъ справедливость и второй половины пословицы: „плоды его (ученія) сладки“. Необразованный человѣкъ часто ничего не видитъ, что дальше его; образованный человѣкъ знаетъ, что на свѣтѣ есть много опытныхъ людей, отъ которыхъ онъ заимствуетъ полезными свѣдѣніями и знаніями,—отъ этого у образованнаго человѣка дѣло всегда спорится, и хозяйство его идетъ лучше, чѣмъ у необразованнаго. Необразованный человѣкъ всегда суевѣренъ; фантазія его населила міръ домовыми, водяными, вѣдьмами, лѣшными, русалками; онъ вѣритъ имъ, боится ихъ и старается ихъ умилюивать; онъ вѣритъ въ цѣлительную силу наговорной травы, вѣритъ въ искусство знахарей, руки его опускаются отъ страха при словѣ „колдунъ“; онъ вѣритъ въ тяжело и легкіе дни, въ благопріятныя и несчастныя встрѣчи и не пойдетъ на работу, если ему на дорогѣ встрѣтится священникъ, женщина съ пустыми ведрами, свинья, косой человѣкъ, соборованный масломъ больной. Душа образованнаго человѣка свободна отъ всѣхъ подобныхъ суевѣрій, хозяйство его не терпитъ соединенныхъ съ ними упущеній, здоровье не разстраивается разными свадобьями, душевное спокойствіе не нарушается нелѣпыми страхами. Необразованный человѣкъ больше предается порокамъ, особенно пьянству и сквернословію: „пьянствуетъ и бранится русскій человѣкъ, да такъ бранится, какъ не умѣетъ ни нѣмецъ, ни французъ. Если, говорятъ, пріѣдетъ нѣмецъ въ Россію, то все говоритъ по-нѣмецки, а ругается непременно по-русски. Сильно умѣетъ браниться русскій человѣкъ“! Образованный человѣкъ не станетъ пьянствовать; умъ его всегда занятъ, свободнаго времени у него немного: онъ или читаетъ полезныя книги, или принимаетъ къ дѣлу до-

бытия познанія, или занятъ дѣлами службы. Онъ стыдится также скверныхъ словъ и удерживается отъ всякой брани. Наконецъ, въ то время, какъ неученный человѣкъ долженъ цѣлыхъ шесть лѣтъ ходить подъ ружьемъ, шесть лѣтъ „тянуть солдатскую ляжку“,—для образованныхъ людей срокъ военной службы сокращенъ до шести мѣсяцевъ“.

Г. Булашевъ.

Знаніе пастырями Слова Божія (Св. Тихона Задонскаго).

Слово Божіе, яко истиннѣйшее и совершеннѣйшее благочестія правило, всѣмъ христіанамъ нужно, но пастырямъ, то есть епископамъ и іереямъ, наипаче: ибо они взяли ключъ разумѣнія, иже есть Слово Божіе, и тѣмъ должны какъ себѣ, такъ и другимъ отворять дверь ко Христу, живому Богу и живота источнику, и вѣчному блаженству, смертію Его отверстому. Апостолъ святой къ Тимоѣю, а въ лицѣ его всякому пастырю написалъ: внимай себѣ и ученію и пребывай въ нихъ; сія бо твоя и самъ спасешися, и послушающіи тебе. И мало выше: внимай чтенію, утѣшенію, ученію. Слѣдственно, неисправны въ своемъ званіи бываютъ пастыри, которые не внимають, по увѣщанію апостольскому, чтенію святого Писанія. Како бо таковой пастырь другихъ научить, а самъ невѣжда? како другихъ просвѣтитъ, а самъ во тмѣ и слѣпотѣ? како другихъ наставитъ, а самъ заблуждаетъ? Таковые пастыри уподобляются отъ Христа вождямъ слѣпымъ: вожди суть слѣпи слѣпцемъ; слѣпецъ же слѣпца аще водить, оба въ яму впадутъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Приней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20 іюля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Р. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

XXV.

СЕЛЬСКИХ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 32.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Августа 5-го.

Содержаніе: Порядокъ соблюдаемый при служеніи съ архіереємъ литургіи священниками. — Испушеніе Спасителя въ пустынь. — Пѣснопѣнія преп. Ефрема Саряна надъ гробомъ іерея. — Наставленія пастырямъ св. Тихона Задовскаго. 1) О церковномъ чтеніи. 2) О любви къ ближнимъ.

Порядокъ соблюдаемый при служеніи съ архіереємъ литургіи священниками.

Священники, назначенные къ служенію съ архіереємъ литургіи, должны прибыть въ церковь заблаговременно, а младшій, по крайней мѣрѣ, за полчаса до прибытія преосвященнаго; должны осмотрѣть: все ли приготовлено каждому изъ нихъ для облаченія; младшій священникъ долженъ прочесть входныя молитвы, облачиться и успѣть, до прибытія преосвященнаго, совершить проскомидію.

На проскомидіи проскомисающій изъ заздравной просфоры — на верхней ея половинкѣ — долженъ вынуть только двѣ части и изъ верхней половинки за упокойной одну часть, прочія же части изъ обѣихъ просфоръ долженъ вынимать изъ нижнихъ половинокъ, верхнія оставляя для изытія изъ нихъ частей самому преосви-

щенному. Изъ нижнихъ половинокъ обѣхъ просфоръ должны вынимать части и всѣ служащіе съ преосвященнымъ (архимандриты, протоіереи и іереи).

Предъ прибытіемъ преосвященнаго къ церкви, всѣ іереи, имѣющіе служить съ преосвященнымъ, выходятъ въ притворъ храма, для встрѣчи его, въ рясахъ, а совершавшій проскомидію іерей—въ облаченіи съ напрестольнымъ крестомъ, положеннымъ на блюдѣ, покрытомъ воздухомъ, и становится по чину.

Когда архіерей, войдя въ церковь, станетъ на орлець ! будетъ исполнять молитвенное поклоненіе, одновременно съ нимъ сіе должны исполнить и ожидавшіе его прибытія іереи; при благословеніи же его всѣ должны преосвященному поклониться.

По облаченіи преосвященнаго въ мантию, младшій священникъ подаетъ ему св. крестъ, и, поцѣловавъ руку преосвященнаго, отходитъ на свое мѣсто. Когда преосвященный самъ приложится къ кресту, а послѣ него приложатся и всѣ іереи, начиная съ старѣйшаго, всѣ опять становятся на свои мѣста, а младшій священникъ принимаетъ крестъ на блюдо; затѣмъ всѣ, поклонившись архіерею, входятъ въ храмъ въ такомъ порядкѣ: за діаконами идетъ священникъ, несущій крестъ, и проходя чрезъ амвонъ, входитъ съвѣрною дверію въ алтарь для положенія креста на престолѣ; за священникомъ съ крестомъ слѣдуетъ преосвященный, а за нимъ идутъ по два въ рядъ встрѣчавшіе его іереи. Преосвященный входитъ на самый амвонъ, а іереи становятся за нимъ по парно, ниже амвона, для выслушванія входныхъ молитвъ.

Когда, по окончаніи входныхъ молитвъ, преосвященный, оѣбнвъ благословеніемъ предстоящій народъ, будетъ шествовать съ амвона на мѣсто своего облаченія, первые двое изъ сослужащихъ поддерживаютъ его при схожденіи со ступеней амвона и вмѣстѣ съ прочими сослужащими іереями идутъ за преосвященнымъ и уставляются по чину въ обычномъ порядкѣ у облачальнаго мѣста; затѣмъ, одновременно съ преосвященнымъ, исполнивъ

молитвенное поклоненіе и поцарно принявъ благословеніе святительское, входятъ: стоявшіе на правой сторонѣ—южною дверью, а стоявшіе на лѣвой сторонѣ—сѣверною дверью, въ алтарь, для облаченія.

По облаченіи архіерея, во время возглашенія протодіакономъ: „такъ да просвѣтится свѣтъ твой предъ человѣки“ выходятъ изъ алтаря—южною дверью младшій священникъ и съ соею отъ сѣверной двери чтецъ; оба одновременно идутъ на средину храма и ставъ, священникъ—на правой сторонѣ, а чтецъ напротивъ него—на лѣвой сторонѣ—на срединѣ между мѣстомъ нахождения преосвященнаго и амвономъ и исполнивъ молитвенное поклоненіе, кланяются преосвященному. Когда владыка преподаетъ имъ святительское благословеніе, обычно начинаютъ чтеніе часовъ. Въмѣсто возгласа „молитвами св. Отецъ нашихъ“, на третьемъ и шестомъ часахъ, священникъ возглашаетъ; „молитвами св. Владыки нашего Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“. Послѣ каждаго возглашенія священническаго священникъ и чтецъ дѣлаютъ поклоненіе преосвященному¹⁾.

При окончаніи чтенія часовъ іерей, ставъ около св. престола, исполнивъ троекратное молитвенное поклоненіе, приложившись къ св. престолу и поклонившись взаимно другъ другу, исходятъ изъ алтаря сѣверною и южною дверію къ мѣсту архіерейскаго предстоянія, гдѣ, исполнивъ одновременно съ преосвященнымъ молитвенное поклоненіе, всѣ дѣлаютъ поклоненіе и преосвященному.

По прочтеніи преосвященнымъ молитвъ, положенныхъ предъ началомъ литургіи, старѣйшій изъ сослужащихъ іереевъ, поклонясь преосвященному, входитъ южною дверью въ алтарь къ св. престолу—къ передней его сторонѣ, и послѣ молитвеннаго поклоненія, поцѣловавъ оный и поклонившись чрезъ отверстія въ это

¹⁾ Въ св. сорокадесятницу возгласы на часахъ бываютъ: »Боже ущедръ ны«, крожѣ воскреснаго дня и субботы.

время царскія врата преосвященному, приступаетъ къ обычному началу божественной литургіи; затѣмъ, по возгласѣ еще обратившись и сдѣлавъ поклоненіе владыкѣ, становится на свое мѣсто на правой сторонѣ отъ престола.

Возглашеніе послѣ великой эктениі: „яко подобаетъ тебѣ“ дѣлаетъ первый сослужащій, стоя на своемъ мѣстѣ, а по возглашеніи кланяется преосвященному, какъ и прежде, чрезъ отверстія царскія врата.

Одновременно съ нимъ кланяется преосвященному и второй сослужащій іерей, и затѣмъ, сѣвренною дверію входя въ св. алтарь, подойдя къ передней сторонѣ престола, поцѣловавъ оный и поклонившись чрезъ отверстія врата преосвященному, а въ алтарь первому сослужащему, занимаетъ свое мѣсто на лѣвой сторонѣ отъ престола. По окончаніи малой эктениі возгласъ: „яко твоя держава“ произноситъ второй сослужащій, и по возгласѣ кланяется владыкѣ, какъ это дѣлалъ и первый сослужащій.

Вмѣстѣ съ поклоненіемъ второго сослужащаго кланяются и всѣ остальные іерси находящіеся посреди храма и входятъ въ алтарь ¹⁾: стоявшіе на правой сторонѣ—южною, а стоявшіе на лѣвой—сѣвренною дверію. Приложившись попарно къ св. престолу, обращаются и кланяются преосвященному и старшимъ сослужащимъ и занимаютъ свои мѣста. Возгласъ: „яко благъ и челоуѣколюбецъ“ произноситъ третій сослужащій, съ обычнымъ поклоненіемъ преосвященному.

Предъ малымъ входомъ первый сослужащій, сойдя съ своего мѣста и поклонившись преосвященному чрезъ отверстія царскія врата, беретъ съ престола св. евангеліе и отдастъ оное протодіакону, затѣмъ съ подошедшимъ къ нему вторымъ сослужащимъ, приложившись къ престолу и поклонясь преосвященному, отходятъ отъ престола: первый сослужащій—на правую сторону,

²⁾ Когда служеніе литургіи соединяется съ вечернею, всѣ іерей уходятъ въ алтарь послѣ возгласа: „яко подобаетъ тебѣ всякая слава“.

а второй—на лѣвую и слѣдуютъ въ извѣстномъ порядкѣ за протодіакономъ.

Послѣ того, какъ отойдутъ отъ престола первый и второй сослужащіе, подходятъ къ передней сторонѣ престола третій и четвертый сослужащіе, и они также прикладываются къ престолу, кланяются преосвященному и отходятъ также, какъ и первые двое, и затѣмъ присоединяются къ шествию; также поступаютъ пятый и шестой и т. д.

Вышедъ изъ алтаря, всѣ занимаютъ свои обычныя мѣста, на которыхъ стояли при началѣ литургіи; стоящіе на правой сторонѣ сослужащіе должны пройти каждый на свое мѣсто, обходя вокругъ облачальнаго мѣста. Когда преосвященный провозгласитъ: „благословенъ входъ святыхъ твоихъ“, всѣ дѣлаютъ ему поклоненіе, и по возгласѣ протодіакономъ: „премудрость прости“ поютъ: „приидите поклонимся“, а когда преосвященный при пѣніи: „и припадемъ ко Христу“ сдѣлаетъ наклоненіе, исполняютъ въ это время и всѣ сослужащіе низкое молитвенное поклоненіе, кланаясь затѣмъ и на осѣненіе преосвященнаго. Послѣ осѣненія всего предстоящаго народа, первые двое сослужащихъ приближаются къ преосвященному для поддержанія его при сходѣ со ступеней кафедры, при шествіи его и при восхожденіи на ступени амвона, всѣ же прочіе сослужащіе іереи слѣдуютъ одни за другими по два за преосвященнымъ.

По осѣненіи преосвященнымъ съ амвона предстоящаго народа, всѣ сослужащіе входятъ за преосвященнымъ въ алтарь царскими вратами, цѣлуя: идущіе на правой сторонѣ—икону, нѣходящуюся на правой половинѣ вратъ, а идущіе на лѣвой сторонѣ—имѣющуюся на лѣвой половинѣ. Войдя въ алтарь и приложившись къ престолу, на время кажденія преосвященнымъ алтаря всѣ становятся поодаль отъ престола, и занимаютъ свои мѣста, когда преосвященный будетъ исходить изъ алтаря для кажденія въ храмѣ,

Послѣ пѣніи всѣми служащими въ алтарѣ: въ первый разъ „Св. Боже“ второй сослужащій, взявъ съ престола св. крестъ, подаетъ оный преосвященному, держа верхъ креста лѣвою рукою, а низъ — правою; затѣмъ, при возвращеніи преосвященнаго въ алтарь, принимаетъ крестъ и полагаетъ его на прежнее мѣсто.

Когда преосвященный отходитъ отъ св. престола на горнее мѣсто, всѣ сослужащіе, прикладываясь къ престолу, отходятъ также къ горнему мѣсту и становятся по чину, старшіе близъ преосвященнаго; на время же чтенія апостола садятся каждый на своей сторонѣ и встаютъ только при кажденіи преосвященному и немъ.

По прочтеніи апостола, первый сослужащій, сдѣлавъ поклонъ преосвященному, отходитъ къ св. престолу и, взявъ съ него св. евангеліе и отдавъ оное протодіакону, возвращается опять къ горнему мѣсту, гдѣ, поклонившись преосвященному, занимаетъ свое мѣсто.

По прочтеніи евангелія первые двое сослужащихъ, при схожденіи преосвященнаго со ступеней горняго мѣста, поддерживаютъ его съ правой и лѣвой стороны, а при обращеніи его къ низу на уготованномъ орлецѣ, когда благословитъ ихъ преосвященный, кланяются ему и вмѣстѣ со всѣми сослужащими занимаютъ свои мѣста около св. престола.

На сугубой эктеніи послѣ возглашенія діакономъ „о Св. Правительствующемъ Синодѣ“ всѣ служащіе поютъ: „Господи помилуй“ и дѣлаютъ поклоненіе преосвященному; послѣ чего первые двое сослужащихъ раскрываютъ св. антикинь, оставляя не открытою верхнюю часть его и, исполнивъ это, кланяются архіерею.

На эктеніи о оглашенныхъ, во время возглашенія: „открытеъ имъ евангеліе правды“, третій и четвертый сослужащіе открываютъ верхнюю часть антикинеса, и послѣ сего, исполнивъ молитвенное поклоненіе св. престолу, кланяются преосвященному.

По эктении о оглашенныхъ возгласъ: „да и ти съ нами славятъ“ произноситъ первый сослужащій; по слѣдующей эктении за эктению о оглашенныхъ возглашаетъ „яко подобаетъ тебѣ“ второй сослужащій; возглашеніе же „яко да подѣ державою твоею вси храми“ произноситъ самъ преосвященный.

По троекратномъ прочтеніи преосвященнымъ херувимской пѣсни, младшій изъ сослужащихъ отходитъ къ жертвеннику и, ставъ съ лѣвой стороны оного, ожидаетъ прибытія сюда преосвященнаго, приготовляя на двухъ тарелочкахъ заздравную и заупокойную просфоры для подачи преосвященному. Когда же преосвященный приблизится къ жертвеннику и, покладивъ на св. дары, сниметъ съ оныхъ воздухъ и съ дискаса—покровъ и звѣздицу, подаетъ ему прежде заздравную просфору, положивъ и коніе на одной съ просфорой тарелочкѣ, обращенное острымъ концемъ на лѣвую сторону; прочіе же сослужащіе іерей, по два, подходятъ къ передней сторонѣ престола и, обычно приложившись къ св. антимивсу и сдѣлавъ взаимное другъ другу поклоненіе, отходятъ къ жертвеннику ¹⁾.

По вынутіи частей за Государя Императора и весь Царствующій Домъ, а также за Св. Синодъ, всѣ сослужащіе іерей, одинъ за другимъ, по чину, подходятъ къ преосвященному и, цѣлуя его въ правое плечо, просятъ его поминуть каждаго изъ нихъ, говоря ему: „помяни мя преосвященнѣйшій владыко іерей (имя рекъ)“. По исполненіи поминовенія преосвященнымъ о здравіи и спасеніи, младшій іерей, подавъ преосвященному просфору заупокойную и, по вынутіи изъ нея частей, звѣздицу и покровъ, подходитъ къ св. престолу и цѣлуетъ св. антиминь.

Когда преосвященный, по совершеніи имъ проскомидіи, поставитъ на главу протодіакона дискось, первый изъ сослужащихъ

¹⁾ Последніе три священника подходятъ къ престолу вмѣстѣ, а младшій, служащій преосвященному при совершеніи имъ проскомидіи подходитъ уже къ престолу одинъ, по исполненіи имъ служебнаго у жертвенника дѣла.

приступаетъ для принятія отъ преосвященнаго св. потира, говоря: „архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ всегда“...

За первымъ сослужащимъ подходитъ къ преосвященному, тоже говоря, второй сослужащій съ взятымъ имъ съ св. престола животворящимъ крестомъ, держа верхъ его правою рукою, а низъ лѣвою для удобства цѣлованія онаго преосвященному.

Затѣмъ говоря: „архіерейство твое“, подходятъ и всѣ сослужащіе іереи по чину для принятія отъ преосвященнаго лжицы, копія и другихъ священныхъ принадлежностей жертвенника.

Исходя изъ алтаря и пройдя солею, всѣ іереи сходятъ со ступеней амвона и становятся рядомъ одинъ съ другимъ, какъ обычно на великомъ входѣ.

По исполненіи молитвы за Государя, весь Царствующій Домъ, Святѣйшій Синодъ и за преосвященнаго, когда протодіаконъ возгласитъ: „архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ“, всѣ сослужащіе іереи за амвономъ устанавливаются по два въ рядъ—младшіе за старшими, а послѣ номинovenія преосвященнымъ надъ св. дискосомъ Государя и всего Царствующаго Дома, первый изъ сослужащихъ, взойди на амвонъ и сказавъ: „архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ“... подаетъ преосвященному св. потиръ и затѣмъ сходятъ опять на прежнее свое мѣсто.

По окончаніи номинovenія надъ св. потиромъ всѣхъ православныхъ христіанъ, всѣ іереи входятъ по два въ св. алтарь и, положивъ несомую ими святыню, гдѣ слѣдуетъ, становятся на свои мѣста ¹⁾).

¹⁾ Если есть готовящійся къ посвященію во священника, то первый сослужащій, послѣ того какъ діаконъ введутъ посвящаемаго въ алтарь и онъ поклонится преосвященному, обводитъ его троекратно около св. престола, указывая на престолѣ мѣста, гдѣ долженъ цѣловать посвящаемый, а когда въ третій разъ будетъ обойдено около престола, первосослужащій вмѣстѣ съ посвящаемымъ становятся предъ престоломъ для исполненія трое-

По возглашеніи діакономъ: „возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмъ“, всѣ сослужащіе говорятъ: „возлюблю Тя Господи, крѣпосте моя“ и исполнивъ троекратное молитвенное поклоненіе, идутъ къ лѣвой сторонѣ престола и, обычно цѣловавъ св. дары, престолъ и преосвященнаго, а также и взаимно поцѣловавъ руку другъ у друга, по старшинству, становятся на свои мѣста и вѣютъ воздухомъ надъ св. дарами и надъ преклоненною главою преосвященнаго. Послѣ вѣянія первые двое сослужащихъ приближаютъ воздухъ къ преосвященному для цѣлованія онаго; затѣмъ воздухъ передается младшему сослужащему іерею, который складываетъ его и полагаетъ на лѣвой сторонѣ престола.

Во время возгласа: „примите, идите... и ийте отъ нея вси...“ всѣ сослужащіе предстоятъ, преклонивъ главы своя.

Послѣ возглашенія преосвященнымъ: „въ первыхъ помяни, Господи, Св. Правительствующій Синодъ“, первый сослужащій

кратнаго молитвеннаго поклоненія, послѣ чего указываетъ мѣсто у св. престола, гдѣ посвящаемый долженъ преклонить колѣна къ воспріятію благодати священничества, и предъ чтеніемъ тайподѣйственныхъ словъ: >божественная благодать всегда немощная врачующи< возглашаетъ: >вонмехъ<, а во время пѣнія: >кріе елейсонъ< читаетъ эктению о проручествуемомъ. Когда же преосвященнымъ совершена будетъ хиротонія, первослужащій подаетъ для благословенія преосвященному священническія облаченія: эпитрахиль, поясъ, фелонъ со служебникомъ, помогая затѣмъ возлагать облаченія на рукоположеннаго. Послѣ сего, по цѣлованіи новопосвященнымъ въ рамена преосвященнаго, первослужащій цѣлуетъ также въ оба плеча новопосвященнаго и, когда такое же лобзаніе мира исполнить съ посвященнымъ третій сослужащій, уставляетъ его рядомъ съ собою, показывая ему нужное для прочтенія въ служебникѣ. По пресуществленіи даровъ первослужащій подаетъ преосвященному приготовленный для положенія части св. агнца дискось, положивъ на немъ съ аятимиса губу. При окончаніи пѣнія молитвы Господней первослужащій сопровождаетъ держащаго св. дискось іерея на лѣвую сторону престола для принесенія части св. агнца первосвященному и затѣмъ отходятъ на свое мѣсто, приводя и уставляя рядомъ съ собою и новопосвященнаго.

произносить: „помяни, Господи, господина нашего преосвященнѣйшаго (имя рекъ) епископа (имя рекъ епархіи) его же даруй святымъ твоимъ церквамъ въ мирѣ цѣла, честна, здрава, долго-денствующа, право правяща слово твоея истины“, и, произнеся это, подходитъ къ преосвященному, цѣлуетъ его руку, митру и опять руку и, кланяясь, становится на свое мѣсто.

Когда преосвященный пріобщится тѣла и крови Христовой и послѣ сего протодіаконъ скажетъ: протоіерей, іерей, іеромонахи и діаконы приступите, всѣ сослужащіе подходятъ къ преосвященному для принятія отъ него тѣла Христова съ лѣвой стороны престола съ словами: „се прихожду къ безсмертному царю“, и дѣлаютъ поклонъ великій до земли; затѣмъ, приложившись къ престолу съ передней его стороны и произнеся: „преподаждь мнѣ преосвященнѣйшій владыко іерею... и проч.“, пріемлютъ на крестообразно сложенные свои руки тѣло Господне; цѣлуя при семъ преподающую архіерейскую десницу и омофоръ на лѣвомъ рампѣ преосвященнаго и говоря въ слова преосвященнаго: „Христосъ посередѣ насъ“— „и есть и будетъ“. Первый сослужащій, принявъ часть пречистаго тѣла Христова, отходитъ на свое мѣсто прежнимъ путемъ, обходя престолъ съ восточной стороны мимо горящаго мѣста. За нимъ по порядку слѣдуютъ и всѣ, принявъ св. даръ и ставъ по чину: второй рядомъ съ первымъ, третій—рядомъ со вторымъ и т. д. вокругъ всего престола, пріобщаются обычно св. тѣла. По пріобщеніи св. тѣла Христова преосвященный пріобщаетъ всѣхъ и св. крови Христовой. Къ св. чашѣ Господней приступаютъ одинъ послѣ другаго въ томъ порядкѣ, въ какомъ предстояли всѣ во время пріобщенія тѣла Христова. Каждый, подходя къ св. чашѣ и говоря: „се прихожду къ безсмертному царю и Богу моему“, дѣлаетъ поясный поклонъ. Послѣ чего обращаясь къ преосвященному съ словами: „преподаждь мнѣ преосвященнѣйшій владыко іерею (имя рекъ) честную животворящую“... и принявъ литонъ въ руки, пріобщается изъ св. чаши изъ рукъ архіерейскихъ, самъ придерживая только нижнюю часть ея.

По приобщеніи каждый дѣлаетъ поклонъ архіерею и по прочтеніи молитвы: „благодаримъ тя владыко“... всѣ отходятъ къ жертвеннику и къ умывальницѣ, кромѣ перваго сослужащаго. Первый сослужащій, послѣ своего приобщенія, обходя престолъ, становится съ лѣвой стороны оного, ожидая пока исполнить преосвященный приобщеніе іереевъ и поставитъ св. чашу на престолъ. По приобщеніи іереевъ, когда преосвященный осѣнитъ архіерескимъ благословеніемъ первосослужащаго, онъ приступаетъ къ приобщенію діаконовъ св. крови Христовой и, исполнивъ приобщеніе и сдѣлавъ поклонъ преосвященному, отходитъ къ жертвеннику.

Предъ отверстіемъ царскихъ вратъ всѣ сослужащіе іерои занимаютъ около престола свои мѣста, а послѣ послѣдняго кажденія преосвященнымъ на св. дары и по поставленіи имъ диска на главу протодіакона, первый сослужащій принимаетъ отъ него св. чашу, отходитъ съ нею по обычаю къ царскимъ вратамъ для возглаголенія: „всегда, нынѣ и прино и во вѣки вѣковъ“, а затѣмъ къ жертвеннику, для поставленія на ономъ св. чаши.

По поставленіи св. чаши на жертвенникѣ, когда преосвященный съ сослужащими сложитъ антиминь, второй сослужащій подаетъ ему св. евангеліе.

При возглаголеніи преосвященнымъ: „съ миромъ изыдемъ“, послѣдній сослужащій, приложившись къ престолу и поклонившись преосвященному, выходитъ для прочтенія заамвонной молитвы, по исполненіи которой, вошелъ въ алтарь и на своемъ мѣстѣ исполнивъ молитвенное поклоненіе къ св. престолу, кланяется и преосвященному. По отпускѣ литургія всѣ прикладываются къ св. престолу и отходятъ для разоблаченія.

Діаконъ *Теодоръ (Сколовъ* ¹⁾).

¹⁾ Почтенный авторъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: »Руководство для участвующихъ въ служеніи съ архіереемъ литургія« и проч. Объ этой полезной книгѣ будетъ сказано въ »Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ«, а здѣсь изъ нея мы заимствуемъ начальную главу. Ред.

Искушеніе Спасителя въ пустынѣ¹⁾.

Гл. 4. Ст. 1. Тогда Иисусъ возведенъ бысть духомъ въ пустыню искуситься отъ діавола. Когда, какъ человѣкъ, Онъ для наученія людей все сдѣлалъ и принесъ, — передается послѣ крещенія Духу Святому и ведется Имъ, куда повелитъ, и возводится въ пустыню на борьбу съ діаволомъ. И ты послѣ крещенія не будь уже самъ руководителемъ себя самаго, но водись лучше Духомъ и не смущайся, подпадая послѣ крещенія испытаніямъ. Для того ты и вооруженъ, чтобы сражался. Посему Богъ и не удерживаетъ нападающихъ бѣдствій; прежде всего, чтобы ты зналъ силу возложеннаго на тебя всеоружія; далѣе, чтобы учился сражаться; затѣмъ, чтобы сталъ славнымъ; потомъ, чтобы такимъ образомъ не превозносился; сверхъ всего этого, чтобы ты зналъ, что великое сокровище вѣрено тебѣ. Еслибы этого не было, то врагъ ни въ какомъ случаѣ не сражался бы съ тобою напрасно. Гдѣ онъ видитъ богатство, туда и направляетъ свой строй. И возведенъ былъ въ пустыню неприступную. Маркъ, свидѣтельствуя объ этомъ говоритъ, что Онъ былъ тамъ со звѣрьми (Мар. 1, 13); посему борьба была еще больше. Діаволь тогда нападаетъ еще болѣе, когда видитъ, что человѣкъ уединенъ и лишенъ всякаго утѣшенія...

Ст. 2. И постився днѣи сорокъ, и пощій сорокъ, послѣди взалка. Прежде всего постился, научая, что постъ есть великая защита для сражающихся съ демономъ. Онъ не вышелъ за предѣлы того времени, въ теченіи котораго постился прежде Него Ілія и прежде Ілія—Моисей, чтобы, превосходя силу человѣческой природы, не сдѣлать повѣроятнымъ того, что Онъ человѣкъ. Отсюда нанослѣдокъ Онъ взалкалъ, утверждая этимъ, что Онъ человѣкъ, потому что человеку свойственно взалкать послѣ поста. Кажется излишнимъ при-

¹⁾ Зигабена толков. см. № 31.

бавленіе о ночахъ. Полагаю однако, что это прибавлено ради еврейскихъ постовъ: постясь днемъ, ночью евреи могли ѣсть. Но Маркъ и Лука пропустили ночи, такъ какъ они сами собою подразумѣваются.

Ст. 3. И приступль къ Нему искушитель, рече: аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ. Маркъ и Лука сказали, что Онъ былъ искушаемъ и въ теченіи сорока дней (Мар. 1, 13; Лук. 4, 2); откуда ясно, что тогда онъ искушалъ издалека: во снѣ. въ печали и т. под. А послѣ того. какъ увидѣлъ Его алчущимъ, приступаетъ ближе и открыто склоняетъ Его къ свойственной голоду страсти, именно чревоугодничеству. И смотри, что дѣлаетъ. Онъ слышалъ и отъ Іоанна и отъ голоса, бывшаго съ неба, что это есть Сынъ Божій, но не зная, что Сынъ Божій вочеловѣчился,—тайна вочеловѣченія была скрыта отъ него,—онъ подозрѣвалъ, что это человѣкъ, но за свои добродѣтели усыновленный Богу. Посему онъ уже завидовалъ Ему въ столь великой чести, какъ и древнему Адаму, и старался лишить Его этой чести, какъ и того. Приступивши ближе, онъ выдвигаетъ первое искушеніе, объявленіе, посредствомъ котораго онъ плѣнилъ и перваго Адама. Такъ какъ нигдѣ не было пищи, по причинѣ весьма пустыннаго мѣста, а онъ зналъ, что при голодѣ хлѣбъ бываетъ весьма кстати, то самъ однако не приноситъ хлѣба, такъ какъ Христосъ не взялъ бы его отъ врага, а приказываетъ сдѣлать камни хлѣбами. Но чтобы Христосъ не предположилъ наветъ,—обрати вниманіе на хитрость и величіе лукавства,—не сказалъ просто: сдѣлай, чтобы камни эти были хлѣбами, но предносилъ: аще Сынъ еси Божій, чтобы показать, что онъ ищетъ превращенія камней въ хлѣбы для доказательства того, что дѣйствительно Онъ есть Сынъ Божій. Діаволь думаетъ, что такимъ словомъ Христосъ будетъ огорченъ, и устыдится того, что Его не признаютъ Сыномъ Божиимъ, и, не зная хитрости, превратитъ камни въ хлѣбы, какъ имѣющій отъ Бога власть; затѣмъ, уви-

дѣвши эти хлѣбы и чувствуя сильный голодъ, будетъ побѣжденъ провомъ. Но не могло скрываться это отъ Того, Который удовлетворяетъ премудрыхъ въ коварствѣ ихъ.

Ст. 4. Онъ же отвѣщавъ рече: писано есть, не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголъ исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Видя его лукавство, Иисусъ не сотворилъ требуемаго знаменія. Знаменія обыкновенно совершались для пользы созерцающихъ; но діаволъ отсюда не могъ получить пользы. И въ послѣдствіи, видя все, что сотворилъ Христосъ, онъ нисколько не перемѣнился. Но Христосъ отвѣчаетъ на скрытое его помышленіе и заставляетъ замолчать Писаніемъ изъ книги Второзаконія (8, 3), какъ бы такъ говоря: къ чему ты мнѣ приказываешь сдѣлать изъ камней хлѣбы? Конечно, по причинѣ мучащаго меня голода, чтобы, увидѣвши ихъ, я соблазнился вкусить. Но не однимъ только хлѣбомъ будетъ живъ человекъ, а есть и другой родъ пищи. Всякое слово, исходящее изъ устъ Божіихъ, къ алчущему, подобно пищѣ, поддерживаетъ жизнь его, и удовлетворяетъ его. Такимъ образомъ великодушню Онъ отразилъ искушеніе къ чревоугодію. Слѣдуетъ замѣтить, что Матѳей сказалъ во множественномъ числѣ: камни, а Лука въ единственномъ: камень. Часто у евангелистовъ можно найти такіа безвредныя различія. Свидѣтельство почеркнуто изъ ветхаго завета: это слова Моисея. И евреи питались манною, которая хотя не была хлѣбомъ, но по слову Божію удовлетворяла всякой нуждѣ евреевъ и становилась всѣмъ, чѣмъ только кто нибудь хотѣлъ питаться. Желалъ ли іудей рыбы, или яйца, или сыра, манна доставляла ему именно такой вкусъ.

Ст. 5. Тогда поятъ Его діаволъ во святыи градъ. Поятъ, т. е. взявши ведеть. Допускаетъ же врагу вести, куда угодно, и бороться, какъ онъ захочетъ, чтобы, отовсюду побѣжденный, онъ самъ убѣждалъ. Святымъ городомъ назы-

ваетъ Іерусалимъ, какъ отдѣленный Богу, и потому съ благоговѣніемъ уважаемый, или какъ имѣющій святой храмъ.

Ст. 5. И постави Его на крылѣ церковныя. Крыло это была весьма высокая башня, построенная съ боку храма.

Ст. 6. И глагола Ему: аще Сынъ еси Божій, верзися низу. Писано бо есть: яко ангеломъ Своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранить Тя, и на рукахъ возмутъ Тя, да не когда преткнеши о камень ногу Твою. Побѣжденный въ первомъ искушеніи, онъ выступаетъ на второе и старается илѣнить Его путемъ тщеславія. Посему и повелѣваетъ броситься внизъ и спастись. А чтобы огорчить Его опять, онъ опять предпосылаетъ: аще Сынъ еси Божій, чтобы показалось, что и этого знаменія онъ ищетъ для доказательства того, что Онъ есть Сынъ Божій, хотя и первое не было дано. И полагалъ, что легче Его можно будетъ убѣдить, если не почему либо другому, то по крайней мѣрѣ потому, что многіе въ такомъ случаѣ могутъ увидѣть Его чудо, — а внизу присутствующихъ было тогда много. Такимъ образомъ Онъ попадетъ въ расставленную ловушку тщеславія, какъ бы бросившись внизъ ради похвалы отъ нихъ. Самое изреченіе заимствуется изъ Писанія Давида, чтобы показать, что онъ убѣждаетъ достоверно на основаніи Писанія. Но и здѣсь не скрылся злоумышляющій.

Ст. 7. Рече же ему Іуеусъ, паки писано есть: не искусиши Господа Бога твоего. И это написано во Второзаконіи (6, 16). Искушаетъ же Бога тотъ, кто повергаетъ себя въ очевидную опасность, когда не вынуждается къ тому никакою необходимостью, по одной только увѣренности въ Бога.

Ст. 8 и 9. Паки поятъ Его діаволъ на гору высокую зѣло, и показа Ему все царствія міра, и славу ихъ. И Глагола Ему: сія вся Тебѣ дамъ, аще падъ поклонимися. Было бы излишне прибавлять имя

горы; какал бы отсюда могла быть польза? Между тѣмъ, обманувшись во второмъ своемъ нападеніи, врагъ готовится къ третьему, именно къ любостязанію, которое онъ оставилъ на конецъ, какъ самое трудное. И возводитъ Его на весьма высокую гору и показываетъ Ему, въ часъ временнѣ, какъ прибавилъ Лука (4, 5), т. е. на короткое время, части вселенной, въ которыхъ были расположены царства міра, говоря: въ этой части лежитъ царство Римское, въ той Персидское, а тамъ—Ассирійское, равнымъ образомъ говорятъ и о другихъ; это пользуется славою за такого рода дѣла, а то—за другія: однимъ словомъ рассказываетъ все. Затѣмъ говоритъ: сія вся Тебѣ дамъ, т. е. все, что находится въ царствахъ міра, аще падъ поклонимися. Какимъ образомъ, лукавый, ты столько и столь великое промѣняешь на одно поклоненіе? Конечно для того, чтобы обольстивши легкостію требованія, поймать Его на удочку любостязанія, какъ будто поклонившагося изъ-за любви къ приобрѣтенію богатства этихъ царствъ. Пространнѣе говоритъ Лука; именно діаволь сказалъ Ему: Тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ: яко мнѣ предана есть, и, ему же аще хочу, дамъ ю. Ты убо аще поклонишися предо мною, будетъ Тебѣ вся (Лук. 4, 6. 6). Матеей пропустилъ это какъ не необходимое; Лука же прибавилъ, какъ въ этомъ мѣстѣ сказанное. Много такихъ опущеній и прибавленій ты найдешь у евангелистовъ и при всѣхъ такихъ случаяхъ разрѣшеніемъ пусть служатъ тебѣ вышеуказанныя причины. Отъ временнаго мнovenія, по астрономіи, получался неслишкомъ короткий промежутокъ. Посему сего было достаточно, чтобы только показать части вселенной, въ которыхъ находились царства, и вкратцѣ сказать о славѣ ихъ.

Ст. 10. Тогда глагола ему Іисусъ: иди за мною сатано. Писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши. И это написано во Второзаконіи (4, 3). Обрати вниманіе на то, что въ первыхъ

искушеніяхъ онъ терпѣливо отвѣчалъ; но когда замѣтилъ, что тотъ безстыдно ищетъ себѣ божескаго поклоненія и требуетъ божеской чести, тогда упрекнулъ его, говоря: отойди, сатано,—т. е. удались, противникъ. Лука написалъ: иди за мною, сатано (4, 8), т. е. удались отъ моихъ взоровъ, потому что находящійся сзади кого нибудь бываетъ для того невидимъ. И не удержался Христосъ отъ изобличенія во лжи того, который говоритъ, что ему переданъ весь міръ, но отразилъ его Писаніемъ. И бичемъ для лукаваго сталъ его упрекъ, потому что больше онъ уже не перенесъ (ἐχατέρωσε=toleravit). Почему Матѳеи послѣднимъ записалъ искушеніе любостыжанія, а Лука—тщесловія? Потому что Матѳеи заботился о порядкѣ искушеній, а Лука только о повѣствованіи. Чему же насъ поучаютъ искушенія Спасителя? Никогда не вѣрить врагу, даже въ томъ случаѣ если онъ совѣтуетъ полезное что нибудь и необходимое, потому что онъ льститъ полезнымъ, а оканчиваетъ злымъ; ни ради голода, ни ради другой подобной нужды не исполнять воли демона, но прибѣгать къ Богу; не искушать Бога и не обращать вниманія на діавола, инушаго знаменій, потому что онъ ищетъ ихъ, скрывши подъ ними свое коварство. Нѣкоторые говорятъ, что діаволъ показалъ Христу всѣ царства міра и славу ихъ не посредствомъ воспріятія вѣшнихъ чувствъ—мѣстно, а въ представленіи—описательно. Говорятъ это потому, что написано, что онъ показалъ это во мгновеніи времени.

Ст. 11. Тогда остави его діаволъ. Лука же написалъ, что, окончивши все искушеніе, діаволъ отошелъ отъ него до времени (Лук. 4, 13). Очевидно, что перечисленные выше три искушенія суть главнѣйшія между другими, потому что отсюда происходятъ и всѣ другіе; но побѣдившій эти страсти, одержитъ побѣду и надъ всѣми другими. А прибавленіе: до времени означаетъ до времени козней іудейскихъ, потому что тогда Онъ опять боролся, но не самъ, а чрезъ іудеевъ, какъ бы чрезъ нѣкотораго рода органы. Три искушенія побѣдилъ Господь, именно:

чревоугодія, тщеславія, и любостяжанія. Они составляютъ основныя всѣхъ страстей; побѣдившій ихъ, тѣмъ болѣе побѣдитъ и остальные. Посему Лука говоритъ, что онъ окончилъ все искушеніе (Лук. 4, 13). А что ему служатъ ангелы, это показываетъ, что и намъ послѣ побѣды будутъ служить ангелы. Все ради насъ и дѣлаетъ и показываетъ Христосъ, такъ какъ Ему, какъ Богу, всегда служатъ ангелы.

Ст. 11. И се ангелы приступиша, и служашу Ему. Доколѣ продолжалась брань, онъ не допускалъ являться ангеламъ, чтобы не потерять того, кого подлежало уловить. Но когда побѣдилъ всесильно противника и заставлялъ бѣжать, тогда уже они являются, дабы ты зналъ, что и тебя примутъ и окружаютъ ангелы, когда ты побѣдишь подобно Ему.

Ст. 12. Слышавъ же Іисусъ, яко Іоаннъ преданъ бысть, отъиде въ Галилею. Услышавъ, что онъ отданъ въ темницу Иродомъ четверовластникомъ, какъ говорятъ впоследствии. Удалился, научая насъ избѣгать искушеній. Вина не въ томъ, чтобы не подвергать себя опасности, но—не стоять мужественно, когда подвергнешся ей. Удалился въ Галилею, чтобы съ одной стороны исполнилось пророчество объ ней, какъ объ этомъ будетъ сказано, и чтобы съ другой—тамъ уловить рыбаей, т. е. апостоловъ, которые тамъ обитали. Посему и ангелы впоследствии, послѣ вознесенія Христа на небо, называли ихъ галилеянами, говоря: мужіе галилейстіе, что стоите зряще на небо (Дѣян. 1, 11).

Ст. 13. И оставъ Назаретъ, пришедъ вселися въ Капернаумъ въ поморіе, въ предѣлахъ Завулони и Нефеалимскихъ. Оставивъ, т. е. миновавъ, потому что тогда онъ не входилъ въ Назаретъ.

Ст. 14—16. Да сбудется реченное Исаіемъ пророкомъ, глаголющимъ: земля Завулоня, и земля Нефеалимля, путь моря обонъ полъ Іордана, Галилея языкъ. Людіе сѣдѣши во тмѣ ви-

дѣша свѣтъ велій, и сѣдящимъ въ странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсія имъ. Галилея была страна Палестинская. Нѣкогда она была дана въ удѣлъ двумъ колѣнамъ Завулонову и Нефалимову, но часть ея населяли и иноплеменные язычники. Представляется неудобнымъ порядокъ этихъ пророческихъ словъ, частію вслѣдствіе пропуска нѣкоторыхъ изъ нихъ, частію вслѣдствіе непонятнаго значенія ихъ. И же изслѣдуя, на основаніи пророческой книги, узналъ, какъ должно ихъ расположить. Именно слѣдуетъ такъ: О, земля Завулонова! о, земля Нефалимова! (онъ разумѣетъ здѣсь Галилею, какъ сказано), о, обитающіе по пути моря! т. е. при морѣ Галилейскомъ, о, обитающіе по ту сторону Иордана! о, Галилея языческая! Галилею языческою онъ называлъ часть Галилеи, которую населяли язычники. Затѣмъ, обвиняя всѣхъ живущихъ въ указанныхъ мѣстахъ, благовѣтствуетъ имъ спасеніе, говоря: людіе, сѣдящіе во тмѣ видѣша свѣтъ велій и т. д. И тьмою онъ называлъ заблужденіе. Иудеи заблуждались относительно Писанія, а язычники относительно богопочтенія. Великимъ свѣтомъ называли Христа (Іоан. 1, 9), который часто называется истиннымъ свѣтомъ, потому что Онъ вывелъ ихъ изъ заблужденія, просвѣтивши ихъ на подобіе свѣта. Затѣмъ опять объясняетъ эту тьму, назвавши ее странюю смерти и сѣнью смерти. Какъ для тѣлесной смерти страна и тѣнь есть гробъ, — страна, какъ мѣсто, а тѣнь, какъ тьма, ибо тьма есть тѣнь; такъ и для духовной смерти страна и тѣнь было это заблужденіе, — страна, потому что подобно гробу оно содержало впадавшихъ въ него и становящихся мертвыми къ познанію истины, тѣнь же, потому что покрывала ихъ тьмою. Не дивись, если пророческія изреченія, привелъ не въ цѣлости. Вообще должно замѣтить, что Евангелисты иногда приводятъ цѣлыя изреченія, иногда сокращаютъ ихъ, а иногда, сохраняя неизмѣннымъ смыслъ изреченій, перемѣняютъ нѣкоторыя выраженія, когда это нисколько не повредитъ слову.

Объ ученіи Христовомъ.

Ст. 17. Оттолѣ начать Іисусъ проповѣдати, и глаголати: покайтесь, приближися бо царство небесное. Это прежде Спасителя проповѣдывалъ Іоаннъ. Началъ же и Христосъ именно съ этого, чтобы показать, что Іоаннъ былъ его началомъ и что онъ не былъ его противникомъ. И слѣдовало даже, чтобы прежде о немъ засвидѣтельствовалъ другой, и тогда уже онъ самъ пришелъ. Нѣкоторые говорятъ, что только повидимому Христосъ проповѣдуетъ тоже самое, что Іоаннъ, какъ напр. покайтесь и приближися царство небесное, но на самомъ дѣлѣ вѣтъ, потому что Іоаннъ говорить: покайтесь, т. е. въ томъ, въ чемъ вы согрѣшили, а Христосъ говорить: покайтесь т. е. перенеситесь изъ ветхой (жизни) въ новую. И приводятъ, какъ свидѣтеля, Марка, который прибавилъ: и вѣруйте во Евангеліе. Іоаннъ, говорятъ, называлъ царствомъ небеснымъ Христа, а Христосъ царствомъ небеснымъ называлъ небесную и ангельскую жизнь (πολίτευον), которую онъ имѣлъ основать, какъ мы сказали выше. Маркъ конечно сказалъ царствіе Божіе вмѣсто царство небесное. Разумѣется также, что приблизилось царство Божіе, чтобы царствовать надъ вѣрующими, потому что надъ невѣрующими Сынъ и Слово есть царь по природѣ, а надъ вѣрующими, добровольно принимающими его царствованіе, и по природѣ, и по желанію Онъ царствуетъ.

Ст. 18—20. Ходя же при мори Галилейстѣмъ, видѣ два брата, Симона глаголемаго Петра, и Андрея брата его, вметающа мрежи въ море, бѣста бо рыбака. И глагола има: грядита по мнѣ, и сотворю вы ловца человекомъ. Она же абіе оставльша мрежи, по немъ идоста. Матѳей здѣсь говорить, что они послѣдовали за Іисусомъ послѣ того, какъ былъ преданъ Іоаннъ, а евангелистъ Іоаннъ, что прежде чѣмъ онъ былъ

преданъ (Іоан. 1, 35 и сл.). Кромѣ того Матоей сказалъ, что обѣихъ призвалъ Іисусъ,—а Іоаннѣ, что Іисусъ призвалъ Андрея, а Петра—Андрей. Откуда ясно, что это было второе призваніе. Послѣдовавши за Нимъ еще прежде, чѣмъ Іоаннѣ былъ преданъ, они опять возвратились въ свою страну и занялись прежнимъ промысломъ, такъ какъ видѣли, что Іоаннѣ былъ преданъ, а Іисусъ удаленъ. Итакъ Христосъ, прощая имъ это, идетъ, чтобы опять ихъ возстановить, и повелѣваетъ слѣдовать, чтобы, вмѣсто своихъ сѣтей, они взяли у него разумную сѣть и, забрасывая ее въ жизненное море, уловляли людей вмѣсто рыбъ. И смотри, какъ они, оставивши, что имѣли, тотчасъ повиновались, безъ всякаго замедленія. Такъ именно желаетъ Христосъ, чтобы всякой нуждѣ предпочитать слѣдованіе за нимъ. Грядитъ по нѣмъ сказалъ вмѣсто: послѣдуйте за мною. Въ первое призваніе Христосъ призвалъ двухъ братьевъ, чѣмъ показавъ, что всѣмъ, которые дѣлаются его учениками, слѣдуетъ и жить побратски, и мудретвовать побратски.

Ст. 21—22. И пришедъ оттуду, видѣ на два брата, Іакова Заведеева, и Іоанна брата его, въ кораблѣ съ Заведеемъ отцемъ его, завязующа мрежи свои, и воззва я. Она же абіе оставляша корабль и отца своего, по немъ идоста. Обрати вниманіе и на ихъ вѣру, по которой они презрѣли и отца; необходимо Христу предпочитать и родителей. Немалымъ доказательствомъ ихъ добродѣтели служить то, что они легко переносили бѣдность, своими руками сыскивали пропитаніе, были связаны между собою взаимною любовію, держали при себѣ отца и служили ему. Вѣроятно, что они слышали отъ Петра и Андрея, что Христосъ общалъ послѣдователей своихъ сдѣлать ловцами человѣковъ.

Ст. 23. И проходилаше всю Галилею Іисусъ, уча на синагогахъ ихъ. Проходилаше вмѣсто: обходилъ. Училъ онъ въ синагогахъ, частію чтобы больше привлечь, ча-

стію чтобы никто не могъ сказать, что, уча тайно необразованныхъ, онъ обольщаль ихъ, такъ какъ боялся учить открыто.

Ст. 23. И проповѣдая евангеліе царствія. Маркъ написалъ: царствія Божія (Марк. 1, 14). Евангеліе царствія Божія, т. е. Новый Заветъ, какъ учащій о царствѣ Божіемъ, или какъ вводящій въ царство Божіе повинующихся ему.

Ст. 23. Исцѣляя всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ. Недугъ (*νόσος*—болѣзнь) есть продолжительное нарушеніе состоянія тѣла,—а язя (*μάλακία*—немощь) есть начало тѣлеснаго расслабленія, предвѣстникъ болѣзни. Такъ бываетъ по отношенію къ тѣлу. По отношенію къ душѣ болѣзнь (недугъ) есть дѣйствіе грѣховное,—а немощь (язя) есть расслабленіе разсудка, согласившагося на это дѣйствіе.

Ст. 24. И изыде слухъ его по всей Сиріи. Маркъ сказалъ: Изыде же слухъ его абіе во всю страну Галилейску (Мар. 1, 28); Лука: и исхождаше гласъ о немъ во всяко мѣсто страны (Лук. 4, 27). Слухъ и гласъ обозначаютъ молву о немъ. Ту страну, которую Матеемъ называлъ Сиріей, другіе называли страню Галилейскою. Молва о немъ распространилась, потому что Онъ училъ тому, чего никогда не слышали, слова свои подтверждалъ чудесами и со властію училъ и творилъ чудеса, какъ ты можешь найти объ этомъ яснѣе у Марка.

Ст. 24. И приведоша къ Нему вся болящія различными недуги, и страсти одержимы, и бѣсны, и мѣсячныя, и расслабленія (жилами): и исцѣли ихъ. Послѣ словъ: различными недуги, нужно сдѣлать остановку. Страсти называетъ страданія отъ болѣзней. Болѣзнь лунатиковъ обусловливается состояніемъ гнилыхъ жидкостей. Такъ какъ луна, во время полнолунія, имѣетъ свойство притягивать силою своего свѣта жидкости, находящіяся въ тѣлахъ, то они тогда возмущаются; поднимающееся отъ нихъ

густое и дурное испареніе терзаетъ мозгъ и доставляетъ мученіе человѣку. Такъ какъ люди терпятъ это отъ луны, то и называются лунатиками. Но почему ни у кого изъ этихъ прежде исцѣленія не требуетъ вѣры, какъ въслѣдствіи отъ многихъ другихъ? Потому, что онъ еще не далъ очевиднаго доказательства своей силы. Съ другой стороны то самое, что они пришли и привели, было дѣломъ не случайной вѣры.

Ст. 25. И по немъ идоша народи мнози отъ Галилеи и десяти градъ, и отъ Іерусалима, и Іудей, и со онаго полу Іордана. Со онаго полу Іордана, т. е. съ той области, которая была по ту сторону Іордана.

*) См. № 29-й.

Пѣснопѣнія преп. Ефрема Сирина надъ гробомъ іерея¹⁾.

Нерѣдко приходится священникамъ погребать священниковъ же. Труды приходскаго пастыря велики и нерѣдко опасны. Такъ приходится ему иногда о полуночи и позже въ слякоть, дождь съ вѣтромъ, или въ стужу и мятель идти или ѣхать не близко къ больному, чтобы исповѣдать его и напутствовать святымъ причастіемъ. Тутъ священникъ можетъ измокнуть, озлобиться, простудиться, или даже заразиться отъ больного, напримеръ, тифозною горячкою, или другою эпидемическою какою либо болѣзнію. Напутствуя больныхъ прихожанъ въ вѣчность, приходскій пастырь и самъ долженъ ждать и своего напутствованія, когда заболѣетъ и внесетъ въ семейство язву, оставитъ его сырымъ и безпомощнымъ. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ надгробныя пѣсни надъ іереями святаго Ефрема Сирина не только могутъ служить матеріаломъ для надгробныхъ поученій, но и влить въ душу скорбящаго его семейства утѣшеніе, а прихожанъ привести въ умиленіе. Изъ многихъ надгробныхъ пѣснопѣній

¹⁾ См. № 29-й.

надъ священниками мы приведемъ одно, поистинѣ прекрасное, цѣликомъ, а о другихъ, изложивъ ихъ содержаніе, едѣлаемъ нѣкоторыя необходимыя замѣчанія.

Надгробное пѣснопѣіе надъ іереемъ.

„Пришла смерть и отняла у насъ членъ. Въ мѣру будемъ плакать и безъ мѣры радоваться, потому что взятый у насъ переселенъ въ Эдемъ“.

„Истинный сей іерей украшался и сіялъ Твоею (Господа) любовію, которая есть исполненіе закона (Римл. 13, 10). Истина Твоя да защититъ его“.

„Тѣлесные члены его изнемогали отъ поста; даруй, Господи, ему вѣчную крѣпость. Введи его въ вѣчный Твой свѣтъ“.

„Умолкла цѣвница, которая стаду Твоему, Спасителю нашъ, возглашала и возвѣщала слова Духа Святаго. Да огласитъ она чертогъ Твой“.

„Умолкла громкая цѣвница, возглашавшая законъ Твой; безмолвную едѣлала ее смерть. Да возгремѣтъ она на брачной вечери Твоей“.

„Ты сподобилъ его священнодѣйствовать въ мѣстѣ славы и преподавать святую кровь Твою стаду Твоему. Да испіетъ ея на брачной вечери Твоей“.

„И самъ онъ приверженъ былъ къ истинѣ и другимъ возвѣщаль правое ученіе. Да защититъ его истина Твоя, да покроетъ его правое ученіе Твое въ часъ откровенія Твоего“.

„Уста его воспѣвали духовныя пѣсни, въ постѣ и молитвѣ подвизался онъ. Да сподобится царства Твоего и да восхвалитъ Тебя вмѣстѣ съ праведными“.

„Съ такимъ же уюваніемъ, какое имѣли святые отъ вѣка, усердно трудился онъ для успокоенія скорбящихъ. Да успокоится же въ пристани Твоей“.

„Хвала Тебѣ, Господи, слава Отцу Твоему, поклоненіе и прославленіе Святому Духу во всѣ времена. Аминь“.

Въ иныхъ пѣснопѣніяхъ, на кончину іереевъ, свят. Ефремъ возбуждаетъ вмѣстѣ и къ радости и печали. Къ радости потому, что они переселились въ лоно праведниковъ и блаженствуютъ въ Эдемѣ, а къ печали потому, что разлучились съ нами. „Кто не восплачетъ объ отшествіи твоёмъ, восклицаетъ пѣснопѣвецъ, кто не возрадуется о приобрѣтеніи тобою вѣнца. Хвала Тому, Кто избралъ тебя“.

Въ одномъ пѣснопѣніи (9) почившій іерей проситъ братію и возлюбленныхъ помянуть его на богослуженіяхъ и молиться, чтобы возсіяло ему въ шеолѣ солнце правды, чтобы шелъ онъ въ обители живыхъ, въ страну радости, гдѣ обитаютъ праведники, чтобы предсталъ предъ Сына Царева, перешедши море пламени, куда перенесутъ его крылья молитвы и крылья ангеловъ, въ страну, куда не достигаетъ дыханіе огня и пламени.

Престарѣлому Ефрему, конечно, случилось быть свидѣтелемъ и смерти пастырей церкви, скончавшихся въ молодости; одному изъ такихъ молодыхъ пастырей составлено Ефремомъ пѣснопѣніе, въ которомъ онъ говоритъ: „ускорили появіе тебя, уранилъ день твоей кончины; рано явила тебя смерть изъ среды живыхъ и вчинила съ мертвыми“. Затѣмъ пѣснопѣвецъ сравниваетъ молодого покойника съ палатою сокровищъ, съ многоплодною нивою, съ кораблемъ нагруженнымъ сокровищами мудрости и называетъ его вѣнкомъ сіяющимъ красотами цвѣтовъ, потокомъ источающимъ сокровища спасенія, деревомъ, съ котораго отрясены илody, хранилищемъ свѣтила, трубою пророческою, устами обоихъ завѣтовъ, избранникомъ евангелія, свѣтомъ земли. „Кто угасилъ свѣтильникъ твой,—вопрошаетъ Ефремъ,—кто положилъ конецъ трудамъ твоимъ“. Поневоѣ приходятъ на мысль эти унодобленія и вопросы, при взглядѣ на умершаго молодого священника, въ духовномъ образованіи получившаго всѣ задатки знаній необходимыхъ пастырю стада Христова и унесшаго ихъ въ преждевременную могилу, не приложивъ къ дѣлу во всемъ ихъ объемѣ.

Шестнадцатое пѣснопѣніе, на кончину іерея, занимаетъ десять страницъ въ 8^о. Оно представляетъ богатый матеріалъ для надгробнаго слова надъ священниками. Полагаемъ, что приходскіе пастыри найдутъ возможность пречестъ его все въ твореніяхъ св. Ефрема („Твор. стят. Отцевъ“, т. 6, стр. 45—55. 1851 г.). Излагать же его здѣсь коротко неудобно и бесполезно.

Святый Ефремъ, самъ строгій подвижникъ во всю жизнь свою, оставилъ надгробныя пѣснопѣнія на кончину подвижниковъ. Въ этихъ пѣснопѣніяхъ благочестивый Ефремъ выражаетъ болѣею частію чувства радости, что почившіе за труды подвижническіе получаютъ въ нескончаемой жизни, въ непреходящемъ мірѣ, въ обители радостей достойную награду и исчисляетъ подвижническіе труды почившихъ, — ихъ безмолвіе, кротость, смиренномудріе, нестяжательность, любовь ко всѣмъ, трудъ, бдѣніе, постъ, молитву, борьбу съ плотію и побѣду надъ нею и проч. Особенно восхваляетъ св. Ефремъ одного стараго подвижника. „О славномъ старцѣ будемъ говорить одно славное. Вотъ славный старецъ, святый дѣвственникъ, который сохранилъ непорочность, соблюлъ дѣвство неукоризненнымъ, благоговѣніе неупрекаемымъ, въ служеніи не превозносился, начальствуя не предавался гордости“. Обращеніемъ къ почившему о молитвѣ за насъ обанчивается это пѣснопѣніе. Очевидно, что всѣ подобныя пѣснопѣнія могутъ быть отнесены къ надгробнымъ пѣснопѣніямъ надъ священниками.

Кромѣ надгробныхъ пѣснопѣній на кончину іереевъ, у Ефрема Сирина есть еще трогательное прощаніе умирающаго іерея съ паствою. Священникъ, видя что годы жизни его приближаются къ концу, высказываетъ намѣреніе свое составить завѣщаніе скорби своей, чтобы оставить пасомымъ то, что онъ приобрѣлъ въ жизни для наслѣдниковъ своихъ, — паствы своей. Изъ того, что онъ имѣетъ у себѣ, изъ того таланта, который ввѣренъ былъ ему, онъ обѣщаетъ выдѣлить и дать каждому въ наслѣдство долю его. Онъ проситъ потомъ молитвъ о себѣ, когда

онъ отойдетъ изъ среды живыхъ. „Вотъ, говоритъ онъ, отхожу я, переселяюсь изъ этого временнаго жилища и не возвращусь къ вамъ, не увижу болѣе лица вашего до того времени, когда возстанутъ спящіе съ безмолвнаго ложа въ шеолѣ, на которомъ не спали, а покоились тѣла ихъ“. Онъ проситъ затѣмъ поминoveniя по себѣ въ молитвахъ въ тотъ часъ, когда раздробляется святое, и увѣряетъ, что хотя онъ и грѣшенъ, какъ человѣкъ, но къ правой вѣрѣ не примѣшивалъ ничего нечистаго, вѣровалъ во Святую Троицу, благоговѣлъ и равно чтилъ Отца и Сына и Святаго Духа. Тѣмъ, которые вынесутъ тѣло его и почтутъ его ради священства честнымъ погребеніемъ, молити у Господа радости въ чертогъ небесномъ. „Васъ же, братія мои возлюбленные и весь церковный сонмъ, слезно заклиная, когда стоите на молитвѣ помяните и меня съ собою“. Паства, выслушавъ завѣщаніе и прощаніе съ собою пастыря, высказываетъ предъ нимъ надежду, что Господь, Который поемлетъ его отъ живыхъ, соединитъ его съ отцами и братіями почившими прежде и съ ангелами, въ сонмахъ которыхъ онъ будетъ воспѣвать хвалу Господу.

„Когда посмотримъ и не увидимъ тебя съ нами, говорятъ пасомые въ концѣ прощанія, — облечемся скорбію, а когда представимъ, что ты въ чертогѣ, — возрадуется и повеселится духъ нашъ“ (10-е пѣсн.).

Наставленія пастырямъ св. Тихона Задонскаго.

1) О церковномъ чтеніи.

Несмысленно дѣлаемъ мы, когда псалмы святые и прочія молитвы писанныя скоро, и какъ можетъ исправиться языкъ, читаемъ, что бываетъ и въ церковныхъ собраніяхъ отъ клириковъ. Всякъ можетъ разсудить, что сія молитва не молитва есть, но чтеніе словъ писанныхъ, или наче шумъ и звукъ, въ воздухъ ударяющій, и потому какъ чтенцы, такъ и слышанціи чтенія таковыя безплодны бываютъ и каковыми приходятъ, таковыми, и когда бы еще не горшими, отходятъ отъ молитвы.— Худше еще того дѣлаютъ, которые въ два голоса отправляютъ чтенія свои, когда иные поютъ, а другіе читаютъ вмѣстѣ, въ одномъ собраніи единъ тое, другіи другое читаютъ вслухъ вмѣстѣ. Отъ такого чтенія и иѣнія не иное что послѣдуетъ, какъ токмо шумъ, которымъ храмы и слухи слышащихъ наполняются, — лѣпнымъ угожденію, добрымъ печаль сердечная и воздыханіе, всѣмъ

приходящимъ соблазнъ и вредъ. Что въ такомъ шумѣ понять можетъ пришедшій въ церковь человѣкъ? Что онъ будетъ слушать: пѣніе или чтеніе? Того или другаго чтенія? Хотя два уха имѣемъ, но одинъ слухъ, едину душу, которая слушаетъ; одинъ умъ, который разсуждаетъ; едино сердце, которое чтеніемъ должно пользоваться. Но на два голоса раздѣленный слухъ ни того, ни другаго добръ слушать, понять и въ сердце допустить не можетъ, и тако стоитъ всякъ празденъ, ничимъ отъ чтенія такового не пользуется, какъ сію всякъ можетъ видѣть. Жалости достойная вещь! Народъ простой, которые сами читать не знаютъ, приходятъ въ церковь ради того, чтобы послушать душеполезнаго чтенія и пѣнія, но обманываются бѣдныя, лишаются желаемаго, и тако возвращаются въ дома свои. Всею тому причиною есть лѣность несправныхъ поповъ и клириковъ, которые сами, закрывши глаза, смѣшно идутъ во адъ, и порученныхъ себѣ за собою туды же влекутъ.

2) О любви къ ближнему.

Образъ любви къ ближнему объявляетъ святое Писаніе: возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе. Какъ любими себѣ, такъ и ближняго твоего люби. Какъ не хочешь, чтобы кто тебе обидѣлъ, отнялъ что у тебе, оклеветалъ, оболгалъ, прельстилъ, обманулъ, опорочилъ, похитилъ что, осудилъ тебе, укорилъ и прочее зло сдѣлалъ, такъ не желай и не твори того и ближнему. Икоже хотите, да творятъ вамъ челоуѣцы, и вы творите имъ такожде, глаголетъ Христосъ. А Богословъ святой, любимый Хростомъ и любитель Христа и ближняго своего, еще придаетъ къ любви сей: Онъ (Христосъ) по насъ душу Свою положилъ: и мы должны есмь по братіи души полагати. Хотя веѣмъ, которые хотятъ Христу, такъ насъ возлюбившему, подражать, должность сія предлежитъ; однакожъ наипаче тѣмъ, которымъ поручилъ пасти словесныхъ Своихъ овецъ стадо. Они тогда наипаче съ железомъ своимъ выходить и предъ овцами своими стать должны, когда видятъ находящихъ волковъ и хотящихъ расхитити и распудити стадо Христово, и тако отгонять и поражать ихъ, или души своя полагать, а не бѣжать, якоже наемники дѣлають.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26 іюля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Р. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

XXV.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цена годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 33.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Августа 12-го.

Содержаніе: „Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“.—Изъясненіе пагорной про-
повѣди.—Пастырское служеніе по писемамъ св. Исидора Пелусіота.—
10-е правило 7-го Вселенскаго Собора въ архипастырской резолюціи.

„Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“.

Въ началѣ текущаго года патрологія и церковная исторія обогатились нѣсколькими весьма цѣнными приобрѣтеніями. Осо-бенно важное значеніе имѣетъ новооткрытое патристическое сочи-неніе—*Λιδαχή τῶν δώδεκα ἀποστόλων*. Это то самое твореніе, изъ котораго уже Климентъ Александрійскій приводитъ цитату, какъ изъ „Писанія“¹⁾; это сочиненіе зналъ Евсевій²⁾ и упоминаетъ о немъ между апокрифами, на ряду съ Пастыремъ Эрмы, Посла-ніемъ Варнавы, Дѣяніями Павла и Апокалипсисомъ Петра; это сочиненіе св. Афанасій³⁾ поставляетъ въ числѣ тѣхъ книгъ, чтеніе которыхъ онъ признаетъ полезнымъ для оглашенныхъ,

¹⁾ Strom. I c. 20 § 100 p. 377 ed. Potter.

²⁾ Hist. Eccl. III, 25.

³⁾ Ep. 30, ed. Patav. 1777 t. I, 768.

именно книги Сираха, Есеири, Іудиеи, Товіи и Пастыря Эрии: объемъ этого сочиненія въ стихометріи Никифора показывается въ 200 строкъ. Издано оно въ Константинополѣ изъ недавно открытой іерусалимской рукописи Никомидійскимъ митрополитомъ Филовеемъ Вріенніемъ съ обстоятельнымъ введеніемъ и весьма ученымъ комментариемъ. Въ виду того, что содержаніе этого древнѣйшаго памятника имѣетъ весьма важное для богослововъ значеніе, а объемъ его не большой, представляемъ читателямъ переводъ его, кажется первый на русскомъ языкѣ.

²⁾ Поставленное въ скобкахъ — прибавка переводчика.

Ученіе Господа (данное¹⁾ язычникамъ двѣнадцатью Апостолами.

1) Есть два пути, одинъ (путь) жизни и одинъ смерти, и великое различіе между обоими (этими) путями. Путь жизни этотъ: во-первыхъ ты долженъ любить Бога, Творца своего; во-вторыхъ — ближняго своего, какъ самого себя; и всего, чего всегда хочешь, чтобъ не было съ тобою, того не дѣлай и ты другому. Ученіе же въ этихъ словахъ слѣдующее: благословляйте проклинающихъ васъ, и молитесь за своихъ враговъ и поститесь за гонящихъ васъ; ибо какую награду вы будете имѣть, если любите (только) любящихъ васъ. Не тоже ли самое дѣлаютъ и язычники? Но вы должны любить и ненавидящихъ васъ, и не должны имѣть ни одного врага. Удерживайся отъ всякихъ плотскихъ и мірскихъ похотей. Если кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь ему и другую, и ты будешь совершенъ. Если кто проситъ тебя на одну милю, пройди съ нимъ двѣ; если кто беретъ твою верхнюю одежду, дай ему и нижнюю, если кто беретъ у тебя твое, не требуй обратно; ибо ты этого не можешь. Дай каждому, просящему у тебя, и не требуй обратно; ибо Отецъ хочетъ, чтобы все́мъ подаваемо было отъ

¹⁾ Поставленное въ скобкахъ — прибавка переводчика.

своихъ дарованій. Блаженъ дающій по заповѣди; ибо онъ не будетъ наказанъ. Горе тому, кто принимаетъ; ибо если кто принимаетъ имѣя нужду, то не потерпитъ наказанія. Но если кто принимаетъ, не имѣя нужды, то дастъ отчетъ, почему и для чего онъ бралъ, и въ тѣсноту прійдетъ и будетъ испытанъ о томъ, что сдѣлалъ и не выйдетъ оттуда, пока не отдастъ послѣдней полушки. Но и объ этомъ также сказано: пусть въ рукахъ твоихъ долготѣ потѣтъ милостыня твоя, пока узнаешь, кому ты долженъ дать.

2) Вторая же заповѣдь ученія (есть слѣдующая): не убій, не прелюбодѣйствуй, не мужеложствуй, не любодѣйствуй, не крадь, не волшебствуй, не отравляй, не производи выкидыша, и не умерщвляй дитяти, когда оно родилось. Не пожелай добра ближняго твоего, не клянись, не лжесвидѣтельствуй, не бранись, не мсти. Не будь непостояненъ и двоязыченъ, ибо двоязычіе есть змія смертная. Рѣчь твоя да не будетъ лжива и суетна, но насыщена дѣйствіемъ. Не будь корыстолюбивымъ, хищникомъ, лицемеромъ, злопавнымъ, кичливымъ. Не подавай никакого дурнаго совѣта противъ ближняго своего. Не оказывай никому ненависти, но однихъ наставляй, за другихъ молись, а иныхъ снова люби больше, чѣмъ свою жизнь.

3) Убѣгай, чадо мое, всякаго зла и всего, что ему подобно. Не будь гнѣвливъ; ибо гнѣвъ приводитъ къ убійству; не будь ревнивъ, или спорливъ или вспыльчивъ, ибо изъ всего этого происходятъ убійства. Чадо мое, не будь страстенъ, ибо страстность приводитъ къ нецѣломудрію; не води сражныхъ рѣчей и не будь безстыденъ глазами, ибо изъ всего этого происходятъ прелюбодѣянія. Чадо мое, не обращай вниманія на птицъ (на гадавія), ибо это приводитъ къ идолослуженію; не будь заклинателемъ или математикомъ — и не занимайся очинченіями (посредствомъ разныхъ суевѣрныхъ омовеній), и не смотри на подобное, ибо изъ всего этого происходитъ идолослуженіе. Чадо мое, не будь лжецомъ; ибо ложь приводитъ къ воровству; не будь сребролюбивъ или

славолюбивъ, ибо изъ всего этого происходятъ кражи. Чадѣ мое, не будь ропотливъ, ибо это приводитъ къ богохульству; не будь дерзокъ и не думай о худомъ, ибо изъ всего этого происходятъ богохульства. Не будь кротокъ; ибо кроткіе получаютъ въ наслѣдство землю. Будь терпѣливъ и милосердъ и невиненъ и снокосенъ и добръ и бойся всегда словъ, которыя ты слышалъ. Не превозносись и не позволяй душѣ своей гордости. Не привязывайся душою своею къ высокимъ, но обращай съ праведными и уничиженными. Постигающія тебя судьбы принимай за добро, зная, что ничего не бываетъ безъ Бога.

4) Чадѣ мое, днемъ и ночью помни того, кто говоритъ тебѣ слово Божіе, и почитай его какъ Господа, ибо гдѣ господство именуется, тамъ есть Господь. Ежедневно взыскуй лица святыхъ, дабы радоваться тебѣ ихъ рѣчами. Не желай никакого раздѣленія, напротивъ примиряй спорящихся. Суди праведно, не сжотри на лица, когда ты дѣлаешь наставленія за проступки. Не простирай своихъ рукъ къ принятію, но складывай къ подацію; если имѣешь, то дай (за) выкупъ своихъ грѣховъ. Не медли давать и не ропщи, когда дашь; ибо узнаешь, кто воздатель награды. Не отворачивайся отъ нуждающагося, но подавай все твоему брату; и ничего не называй своимъ, ибо если въ общеніе имѣете въ непреходящемъ, то насколько больше въ вещахъ приходящихъ? Не отнимай своей руки отъ своего сына или отъ своей дочери, но съ юности учи (ихъ) страху Божію. Не приказывай съ горестью рабу твоему или рабѣ твоей, надѣющимся на того же Бога, дабы они не оставляли страха къ Богу, Который надъ обоими (вами); ибо Онъ не приходитъ, чтобы призывать взирающа на лица, но (призываетъ) тѣхъ, которыхъ Духъ приготовилъ. Вы же рабы будьте подчинены вашимъ господамъ, какъ образу Божію, въ боязни и страхѣ. Ты долженъ ненавидѣть всякое лицемеріе и все, что непріятно Богу. Ты не долженъ оставлять заповѣдей Господа, но сохранять, что получилъ, ничего не прибавляя и не отнимая. Въ собраніи (въ церкви) ты долженъ

исповѣдывать свои грѣхи и не приступать къ молитвѣ съ худою совѣстію. Это путь жизни.

5) Путь же смерти этотъ: прежде всего онъ скверный и исполненный проклетія; убійства, прелюбодѣянія, похотствованія, блудодѣянія, кражи, идолослуженія, волхвованія, отравительства, хищенія, лжесвидѣтельства, лицемѣрства, двумысліе, обманъ, злоба, своеволіе, корыстолюбіе, скверныя рѣчи, зависть, дерзость, кичливость, лесть; добрыхъ преслѣдуютъ, истинъ ненавидятъ, ложь любятъ, мзды за правду не признаютъ, не привязываются къ добру и праведному суду, не думаютъ о добрѣ, но о злѣ, далеки отъ кротости и терпѣнія, любятъ суету, гонятся за отмщеніемъ, къ бѣднымъ не имѣютъ никакого состраданія, не заботятся о сокрушенныхъ, не признаютъ Творца, дѣтей умерщвляютъ, образъ Божій уничтожаютъ, отъ нуждающихся отвращаются, слабыхъ угнетаютъ, богатыхъ защищаютъ, надъ бѣдными производятъ неправедный судъ, грѣшатъ во всемъ: освобождайтесь, дѣти, отъ всего этого.

6) Берегись, чтобы не понасть на этотъ путь ученія, такъ какъ онъ учить тебя (поступать) помимо Бога. Если можешь нести все это Господне, то будешь совершенъ, а если нѣтъ, то дѣлай, что можешь. Относительно пищи, носи, что можешь; но весьма берегись идоложертвеннаго, ибо это почитеніе мертвыхъ боговъ.

7) Касательно же крещенія, крещайте такъ: если вы сказали все, что предъ симъ, то крещайте во имя Отца и Сына и Св. Духа въ живой (текучей) водѣ. Если же нѣтъ живой воды, крещай въ другой водѣ, если нельзя въ холодной, въ теплой. Если нѣтъ ни той, ни другой, то излей воду на голову троекратно во имя Отца и Сына и Св. Духа. Но предъ крещеніемъ постись, крестящій и крещаемый и еще нѣкоторые другіе могутъ (поститься). Крещенному повели пооститься одинъ или два дня.

8) Но посты ваши не должны быть съ лицемѣрами; ибо они постятся по понедѣльникамъ и четвергамъ. Вы же должны поститься въ среду и пятницу. Молитесь также не какъ лице-

и́мѣри, но какъ повелѣлъ Господь въ Евангеліи, такъ молитесь: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Да святится имя Твое, да придетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли; хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь и остави намъ долги наша якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго, яко Твоя есть сила и слава во вѣки. Три раза въ день молитесь такъ.

9) Что же касается евхаристіи, то благодарите такъ. Сначала касательно питія: Благодаримъ Тебя, Отче нашъ, за святую виноградную лозу. Давида Твоего Сына, Котораго Ты открылъ намъ чрезъ Іисуса Твоего Сына; да будетъ Тебѣ слава во вѣки. Относительно преломленія (преломляемаго хлѣба): Благодаримъ Тебя, Отче нашъ, за жизнь и познаніе, которыя Ты намъ даровалъ чрезъ Іисуса Твоего Сына; да будетъ Тебѣ слава во вѣки. Какъ хлѣбъ этотъ разсѣянъ былъ на горахъ (въ зернахъ пшеницы) и совокупленъ въ одно, такъ да совокупится Церковь Твоя отъ границъ земли въ Твое царство, ибо Твоя есть слава и сила чрезъ Іисуса Христа во вѣки. Но никто пусть не вкушаетъ или пьетъ отъ вашей евхаристіи, кромѣ крещенныхъ во имя Господа, такъ какъ объ этомъ сказалъ Господь: не давайте святое псамъ.

10) Когда же насытитесь, благодарите такъ: Благодаримъ Тебя, святой Отче, за Твое святое имя, которое Ты посадилъ въ сердцахъ нашихъ, и за познаніе и вѣру и безсмертіе, которыя Ты далъ познать намъ чрезъ Іисуса Твоего Сына; да будетъ Тебѣ слава во вѣки. Всемогу́щій Господи! Ты все создалъ ради имени Твоего; Ты даровалъ пищу и питіе чело́вѣкамъ въ наслажденіе, дабы они благодарили Тебя; намъ же Ты даровалъ духовную пищу и питіе и вѣчную жизнь чрезъ Сына Твоего. Прежде всего благодаримъ Тебя, потому что Ты всеи́ленъ; да будетъ Тебѣ слава во вѣки. Помяни, Господи, Церковь Твою, свободи ее отъ всякаго зла и соверши ее въ любви Твоей, и

собери ее отъ четырехъ вѣтровъ, освященную, въ Твое царство, которое Ты ей уготовалъ, потому что Твоя есть сила и слава во вѣки. Приходить благодать и миръ сей переходитъ. Осанна Сыну Давидову. Если кто святъ, пусть приступаетъ сюда; а если нѣтъ, пусть покается. Маранъ—аеа. Аминь. Пророкамъ же дозволяется благодарить, сколько они хотятъ.

11) Если кто приходитъ и учитъ васъ всему прежде сказанному, принимайте его. Если же учащій, самъ заблуждаясь, учитъ другому ученію, такъ что разрушаетъ (оное—прежде сказанное), не слушайте его; но если онъ уможаетъ (въ васъ) правду и познаніе Господа, то принимайте его какъ Господа. Касательно же апостоловъ и пророковъ поступайте по ученію Евангелія такъ. Всякій приходящій къ вамъ апостолъ да будетъ принимаемъ какъ Господь; но пусть онъ не остается долѣе одного дня, и если необходимо, то и другой день; а если остается три дня, то онъ ложный пророкъ. Если же апостолъ идетъ дальше, то пусть ничего не беретъ съ собою кромѣ хлѣба до ближайшаго мѣстопребыванія; а если требуетъ денегъ, то онъ ложный пророкъ. И всякій пророкъ, который говоритъ духомъ, не испытывайте и не судите его; ибо всякій грѣхъ простится, а этотъ грѣхъ не простится. Не всякій же говорящій духомъ есть пророкъ, но (только) если имѣетъ жизнь Господню. Слѣдовательно по жизни своей можетъ быть познанъ ложный и истинный пророкъ. И всякій пророкъ, говорящій духомъ, (когда) не будетъ ѣсть отъ устроенной трапезы, да будетъ онъ поэтому ложный пророкъ. Всякій же пророкъ, говорящій истину, если не дѣлаетъ того, чему учитъ, есть ложный пророкъ. Всякій пророкъ, поступающій истинно, но при этомъ не учащій, что должно дѣлать то, что онъ самъ дѣлаетъ, не долженъ быть судимъ вами; ибо онъ имѣетъ свой судъ у Бога; ибо такое дѣлали и древніе пророки. Если кто въ духѣ (говоря) скажетъ: дай мнѣ денегъ или чего другаго, не слушайте его; но если онъ говоритъ, что нужно дать для другихъ нуждающихся, то никто не осуждай его.

12) Всякій приходящій во имя Господне да будетъ принимаемъ. По этому же вы испытываете и узнаете его; ибо вы должны различать правое и лѣвое. Если приходящій есть путешественникъ, пособите ему сколько можете; пусть онъ останется у васъ не долѣе двухъ или трехъ дней, если это нужно. А если онъ захочетъ у васъ остаться, и онъ есть ремесленникъ, то пусть трудится и ѣсть; если же не знаетъ никакого ремесла, позаботьтесь по своему разумѣнію, какъ онъ, не будучи празднымъ, долженъ жить между вами какъ христіанинъ. Но если не хочетъ такъ поступать, то пусть дѣлаетъ куплю со Христомъ. Смотрите за такими людьми.

13) Всякій истинный пророкъ, желающій остаться у васъ, достоинъ своего пропитанія. Равнымъ образомъ истинный учитель, какъ работникъ, также достоинъ своего пропитанія. Всѣ начатки произведеній точила, гумна, воловъ и овецъ ты возьми и дай пророкамъ; ибо они ваши первосвященники. Если же у васъ нѣтъ пророка, то давайте (ихъ) бѣднымъ. Если ты приготовляешь пищу, возьми начатокъ и дай его по заповѣди. Равнымъ образомъ когда ты открываешь кружку вина или масла, отлей сначала и дай пророку. И изъ денегъ и одежды и всего имущества твоего возьми начатокъ, какъ это покажется лучше, и дай согласно заповѣди.

14) Въ день Господень вы должны собираться и преломлять хлѣбъ и благодарить, исповѣдавши (прежде) свои грѣхи, чтобы ваша жертва была чиста. Всякій же, имѣющій споръ съ другомъ своимъ, да не приходитъ вмѣстѣ съ вами, пока не примирятся, дабы не осквернилась ваша жертва; ибо это есть то (слово), что сказалъ Господь: на всякомъ мѣстѣ и во всякое время (должно) Мнѣ приносить чистую жертву; ибо Я великій царь, говоритъ Господь, и имя Мое чудно между народами.

15) Рукополагайте себѣ, далѣе, епископовъ и діаконѣвъ, достойно Господа, мужей кроткихъ, не жадныхъ къ деньгамъ, истинныхъ, испытанныхъ; ибо они исполняютъ вамъ также слу-

женіе пророковъ и учителей. Не презирайте поэтому ихъ; ибо они удостоены чести между вами съ пророками и учителями.

Наставляйте другъ друга не въ гнѣвъ, но въ мирѣ, какъ это вы имѣете въ Евангеліи; и если кто согрѣшитъ противъ ближняго, то пусть никто не говоритъ съ нимъ и не слушаетъ его, пока онъ не исправится. Молитвы же свои и милостыни и всѣ дѣйствія совершайте такъ, какъ находите это вы въ Евангеліи вашего Господа.

16) Бодрствуйте въ опасеніи за свою жизнь. Свѣтильники ваши не должны потухать и чресла ваши не должны быть распоясаны, но будьте готовы; ибо вы не знаете часа, въ который Господь нашъ придетъ. Но вы часто должны собираться, ища (того), что необходимо душамъ вашимъ; ибо ничто не употребляетъ все время вашей вѣры, если вы не будете совершенны въ послѣднее время. Ибо въ послѣдніе дни умножатся лживые пророки и губители, и овцы обратятся въ волковъ и любовь обратится въ ненависть; ибо когда возрастетъ неправда, они будутъ ненавидѣть другъ друга и преслѣдовать и предавать, и тогда явится обольститель міра какъ бы Сынъ Божій и сотворитъ знаменія и чудеса, и земля будетъ предана въ его руки, и онъ совершитъ преступленіе, какого никогда не было отъ вѣчности. Тогда твореніе человѣческое (т. е. родъ человѣческій) придетъ въ огонь искушенія и многіе соблазнятся и погибнутъ; которые же устоятъ въ вѣрѣ, спасутся. И тогда явятся знаменія истины: во-первыхъ знаменіе отверстія на небѣ, во-вторыхъ знаменіе голоса трубы, и въ-третьихъ воскресеніе мертвыхъ, однако не всѣхъ, но какъ сказано: придетъ Господь и всѣ святые съ Нимъ. Тогда міръ увидитъ Господа, идущаго на облакахъ небесныхъ.

Таково буквальное содержаніе „Ученія двѣнадцати Апостоловъ“. Оно, какъ видимъ, раздѣляется на двѣ далеко неравныя части. Первая часть (гл. 1—6) содержитъ простое наставленіе въ христіанскомъ нравственномъ ученіи и въ главномъ совпадаетъ

съ главами 18—20 Посланія Варнавы, не представляя однако съ нимъ тождества и, что важнѣе, отличающагося порядкомъ изложенія изреченій. Содержаніе этой части, будучи въ существенномъ и прежде извѣстно, не представляетъ особеннаго значенія. Но весьма важное значеніе имѣетъ содержаніе второй части, начинающейся съ 7-й главы. Изъ начальныхъ ея словъ видно и ближайшее назначеніе первой части, именно что она служила наставленіемъ для оглашенныхъ. Соотвѣтственно существу дѣла и въ связи съ первой частью въ ней первѣе всего говорится о крещеніи. Постъ предъ крещеніемъ даетъ поводъ сказать нѣсколько словъ вообще о постѣ. Затѣмъ идутъ наставленія о молитвѣ, о евхаристіи, покаяніи, хиротоніи, о пророкахъ или учителяхъ; въ заключеніе наставленіе къ бодрствованію съ указаніемъ на послѣднія времена міра.

Такъ какъ Климентъ Александрійскій приводитъ цитату изъ этого сочиненія (чадо мое, не будь лжецомъ, ибо ложь приводитъ къ воровству гл. 4) съ замѣчаніемъ, что такъ „говорить Писаніе“, то значить „Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“ уже существовало около 200 года, когда Климентъ писалъ свои *Отрочата*. Сравненіе же „Ученія“ съ Посланіемъ Варнавы и зависимость послѣдняго отъ перваго даетъ полное основаніе къ утвержденію, что новооткрытый памятникъ, будучи написанъ раньше Посланія Варнавы (время происхожденія коего опредѣляютъ концомъ перваго вѣка), представляетъ древнѣйшій христіанскій памятникъ послѣ каноническихъ св. книгъ.

Изъясненіе нагорной проповѣди¹⁾.

Гл. 5. Ст. 1. Узрѣвъ же народы, възде на гору. Господь изложилъ блаженства, възшедши на гору; этимъ Онъ показалъ, что желающій достигнуть блаженства долженъ отвле-

¹⁾ Зигабена толков. см. № 32.

каться отъ всего земнаго и подниматься къ высокому. Взошелъ на ближайшую гору, отчасти уклоняясь отъ шума толпы, отчасти желая преподать ученіе безъ перерыва. Отъ врачеванія тѣлъ переходитъ къ врачеванію душъ. Такимъ образомъ Онъ всегда поступаетъ, переходя отъ одного къ другому и отъ этого опять къ тому, чтобы доставить разнообразную пользу.

Ст. 1. И сѣдшу Ему, приступиша къ Нему ученицы Его. Взошелъ конечно вмѣстѣ и народъ, но ученики приблизились, какъ болѣе расположенные къ Нему, желая научиться чему нибудь отъ Него.

Ст. 2. И отверзъ уста свои, учаще ихъ. Для чего сказалъ, что Онъ открылъ уста Свои? Потому что и не отрывая устъ Своихъ, Онъ училъ ихъ Своими дѣлами. Къ ученикамъ направляетъ рѣчь, чтобы не показаться толпѣ непонятнымъ, но вообще Онъ предлагаетъ ее всѣмъ и каждому въ отдѣльности человѣку.

Ст. 3. Глаголя: блаженни нищии духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное. Не сказалъ нищію имуще-ствомъ, но нищіе духомъ, т. е. смиренные душою и желаніемъ, называя это духомъ. Не тотъ блаженъ, кто смиряется какимъ либо несчастіемъ, потому что ничто произвольное не доставляетъ блаженства. Всякая добродѣтель характеризуется тѣмъ, что совершается добровольно. Нищимъ же (πτωχός) назвалъ здѣсь смиреннаго, — отъ слова *хатеπτηχέναι*, что значить убояться, или быть уstraшеннымъ, — потому что смиренномудрый всегда боится Бога, какъ будто никогда не благоугодившій Ему. Смотри, какое основаніе Онъ полагаетъ для Своего ученія. Такъ какъ высоко-мудріе низвергло діавола, унизило первосозданнаго, который думалъ, что онъ станетъ Богомъ послѣ того какъ вкуситъ отъ древа, и сдѣлалось такимъ образомъ корнемъ и источникомъ всѣхъ золъ, — то приготовляетъ противоположное ему лекарство, смиренномудріе, и полагаетъ его корнемъ и основою добродѣ-лей, такъ что, въ случаѣ пренебреженія имъ, все остальное,

хотя бы достигало неба, отнимается и пропадаетъ, какъ показано на примѣрѣ фарисея. Вполнѣ соответствующая и награда за него: именно за величайшее безчестіе воздается честь высочайшая, больше которой и найти невозможно. Подъ видомъ блаженствъ привелъ эти заповѣди, дѣлая Свое слово болѣе удобопріемлемымъ. Нужно было вначалѣ кротко бесѣдовать съ ними, и такимъ образомъ мало по малу переходить къ заповѣдямъ. Почему не сказалъ Онъ—смиренные, но нищіе? Потому что послѣднее больше перваго. Есть много видовъ смиренномудрія. Одинъ бываетъ смиреннымъ въ достаточной мѣрѣ, а другой—въ превосходной. Это послѣднее похваляетъ и блаженный Давидъ, говоря: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не унижитъ (Псал. 50, 19).

Ст. 4. Блаженіи плачущіи, яко тѣи утѣшатся. Такъ какъ всѣ считали блаженными радующихся, а несчастными печальющихся, то Онъ съ корнемъ вырываетъ такое предположеніе и ставитъ противоположеніе. Плачущими Онъ называетъ не просто плачущихъ, а плачущихъ о своихъ грѣхахъ. Постыдно и непозволительно плакать о житейскомъ дѣлѣ. Апостолъ Павелъ говорить: сего міра печаль, смерть содѣлываетъ; печаль бо яже по Бозѣ покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ (2 Кор. 7, 10). Какимъ образомъ въ другомъ мѣстѣ ап. Павелъ говорить: радуйся всегда о Господѣ (Филип. 4. 4)? Потому что и здѣсь онъ говорить о радости, которая происходитъ изъ печали. Печаль имѣетъ своимъ послѣдствіемъ радость. Подобно тому какъ послѣ сильнаго дождя обыкновенно бываетъ ведренная погода, такъ и послѣ того какъ прольются слезы, наступаетъ спокойствіе и радость души. Этими словами высказывается желаніе, чтобы мы плакали не только о своихъ грѣхахъ, но и о чужихъ; такова была душа Моисея, Давида, Павла и другихъ. Утѣшатся, т. е. возрадуются. Гдѣ? И здѣсь, и тамъ. Здѣсь, въ надеждѣ искупить плачемъ свои грѣхи, а тамъ, не только вълѣдствіе прощенія, но и бла-

женства. Оплакивающіе умершихъ дѣтей или жонъ не обнаруживаютъ любви ни къ имуществу, ни къ своему тѣлу, не желаютъ ничего другаго въ это время печали, не ожесточаются обидами, не овладѣваются никакою другою страстію; тѣмъ болѣе не дѣлаютъ ничего такого тѣ, которые оплакиваютъ свои прегрѣшенія, какъ должно оплакивать.

Ст. 5. Блаженн кротцыи: яко тіи наслѣдять землю. Такъ какъ въ древности люди особенно заботились о наслѣдованіи земли, то Онъ и поставилъ ее наградою за добродѣтель. Нѣкоторые разумѣютъ здѣсь землю духовную на небѣ, но Златоустъ говоритъ, что Онъ положилъ въ награду и чувственную землю, ради болѣе грубыхъ людей, которые ищутъ скорѣе чувственного, чѣмъ духовнаго. Обыкновенно во всемъ Евангеліи высказываются побужденія къ добродѣтели отчасти чрезъ будущее, отчасти чрезъ настоящее; но когда оно полагаетъ духовныя награды, не лишаетъ чувственныхъ, и наоборотъ, когда общаетъ чувственные, не исключаетъ духовныхъ. Ищите, говоритъ, прежде царствіа Божія и сія вся приложатся вамъ (Матѳ. 6, 33). И опять: никто же есть, иже оставитъ домъ, или родители и т. д., и въ вѣкъ грядущій, животъ вѣчный (Лук. 18, 29. 30). Кроткими называются не тѣ, которые совершенно не гнѣваются,—ибо такіе—безчувственны,—а тѣ, которые чувствуютъ гнѣвъ, но сдерживаютъ себя и гнѣваются, когда должно; какъ и Давидъ говоритъ: гнѣвайтесь и не согрѣшайте (Псал. 4. 5).

Ст. 6. Блаженн алчущіи и жаждущіи правды: яко тіи насытятся. Намѣреваясь говорить о милостыни, уничтожаетъ напередъ любостяжаніе, чтобы милосердіе было чисто, такъ какъ правда противоположна любостяжанію. Сказалъ: алчущіе и жаждущіе вмѣсто: сильно желающіе, чтобы сильная любовь къ любостяжанію, обращенная къ правдѣ, уничтожила его. Насытятся, разумѣется: всякимъ добромъ. Такъ

какъ любостыжательные кажутся богатыми и сытыми, то посему говорятъ, что праведные еще болѣе насытятся.

Ст. 7. Блаженіи милостивіи: яко тѣи помиловани будутъ. Богомъ, конечно; и не только въ такой мѣрѣ, въ какой сами помиловали другихъ. Какое различіе между зломъ и добромъ, или лучше—между человѣкомъ и Богомъ, такое же различіе между человѣческимъ и Божіимъ милосердіемъ. Не только имуществомъ должно оказывать милость, но и словомъ и, если ничего не имѣешь, хотя слезами. Многообразенъ образъ милостыни, и широка эта заповѣдь. Будутъ помилованы здѣсь людьми, а тамъ Богомъ.

Ст. 8. Блаженіи чистіи сердцемъ: яко тѣи Бога узрятъ. Подъ чистыми сердцемъ разумѣетъ тѣхъ, которые не сознаютъ за собою никакого лукавства или сохраняютъ свое сердце незапятнаннымъ отъ сладострастія, что ап. Павелъ называетъ святостью, говоря: миръ имѣйте и святую со всѣми, ихъ же кромѣ никто же узритъ Господа (Евр. 12, 14). Узрѣть Бога, насколько возможно для человѣческой природы. Поставилъ это блаженство послѣ блаженства о милостыни, потому что многіе, достигая правды и совершая милостыню, одолеваятся страстями. Посему показываетъ, что недостаточно однихъ только этихъ добродѣтелей. Чистые сердцемъ—суть цѣломудренныя: святости, т. е. цѣломудрія, кромѣ никто же узритъ Господа (Евр. 12, 14). Какъ зеркало тогда отражаетъ образы, когда оно чисто, такъ душа только чистая воспринимаетъ образъ Божій.

Ст. 9. Блаженіи миротворцы: яко тѣи сынове Божіи нарекутся. Тѣ, которые не только сами не производятъ раздоровъ, но и другихъ враждующихъ приводятъ къ миру. Сынове Божіи нарекутся, какъ подражающіе Единородному Его Сыну, дѣломъ Котораго было соединить разъединенное и примирить враждующее. Миротворецъ можетъ быть блаженъ, какъ примирившій желанія своей плоти съ желаніями

души, и какъ подчинившій худшее лучшему. Они не только сами имѣютъ миръ со всѣми, но и другихъ враждующихъ примиряютъ. Миротворцы также тѣ, которые обращаютъ къ Богу посредствомъ ученія враговъ Его; они также суть сыны Божіи, потому что и Единородный Сынъ примирилъ насъ съ Богомъ.

Ст. 10. Блаженіи изгнани правды ради: яко тѣхъ есть царствіе небесное. Подъ царствомъ небеснымъ одни разумѣютъ жизнь на небѣ, другіе—состояніе равное ангельскому на небѣ, третьи—образъ божественнаго созерцанія, который дается соотвѣтственно правдѣ каждаго, четвертые—благодатное сообщеніе тѣхъ благъ, которыя по природѣ свойственны Богу. Изъ нихъ третье и четвертое называютъ и царствомъ Божіимъ. Сказавъ это, чтобы не думать, что миръ всегда и вездѣ есть нѣчто прекрасное. Правдою здѣсь назвалъ вообще всякую добродѣтель. И если за этотъ подвигъ назначилъ въ награду царство небесное, однако ты не негодуй на нихъ, какъ бы получающихъ чужую награду. Хотя повидимому различны указанныя воздаянія, но причинѣ различія названій, но всѣ они обозначаютъ царство небесное. Всѣ, которые удостоились ихъ, наслаждаются также царствомъ небеснымъ; посему и всѣ названы блаженными. Не одни мученики терпятъ изгнаніе, но и многіе другіе за помощь обижаемымъ и всякую вообще добродѣтель, потому что подъ правдою разумѣется всякая добродѣтель. Хотя и злодѣи, и убійцы терпятъ изгнаніе, но они не блаженны.

Ст. 11. Блаженіи есте, егда поносятъ вамъ, и иждевутъ, и рекутъ всякъ золь глаголѣ на вы. лжуще мене ради. Направляетъ Свою рѣчь къ присутствующимъ апостоламъ, показывая, что учителямъ свойственно быть поносимыми. А чтобы ты не думалъ, что всякій злословимый блаженъ, прибавилъ два ограниченія, именно чтобы злословіе было ложное и терпѣлось за Христа; а если это бываетъ не такъ, то злословимый скорѣе несчастенъ. Что можетъ быть удивительнѣе этихъ увѣщаній, когда всѣми избѣгаемое становится для всѣхъ

желательнымъ, ради величія награды? Предписавшій жестокое и противорѣчащее обычаю всѣхъ до того времени людей, однако и убѣдилъ, и убѣждаетъ почти всю вселенную.

Ст. 12. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Радуйтесь и веселитесь духомъ всѣ поносимые, и преслѣдуемые, злословимые, какъ сказано. Говоря же: мзда ваша многа на небесѣхъ, приводитъ и другое утѣшеніе. Претерпѣвать поношенія—дѣло великое и весьма трудное. Посему и Іовъ, претерпѣвши другія испытанія, особенно былъ смущенъ тогда, когда его поносили друзья, какъ страдающаго за грѣхи.

Ст. 12. Тако бо изгнаша пророки, иже (бѣша) прежде васъ. Отсюда ясно, что слова: блаженіе есте... и т. д. собственно сказаны къ ученикамъ, а чрезъ нихъ и ко всѣмъ, кто будетъ подражать ученикамъ Его. Тако бо изгнаша пророки, иже (бѣша) прежде васъ. Какъ это тако? Разумѣется понося, изгоняя и ложно злослова ихъ, ради Бога. Какъ вы посылаетесь Мною проповѣдывать то, что Я скажу, такъ и они были посланы Богомъ. Говоря: пророки, иже (бѣша) прежде васъ, показываетъ, что и они будутъ пророчествовать. Если для тѣхъ не было непристойно страдать за Бога, то тѣмъ болѣе вамъ. Такимъ сравненіемъ ихъ съ пророками, ободрилъ ихъ умы. Обратя вниманіе на то, послѣ сколькихъ заповѣдей поставилъ блаженство объ изгнаніи ради правды, и блаженство о поношеніи, преслѣдованіи и злословіи, показывалъ, что вступающему въ такую борьбу необходимо укрѣпиться всѣми предыдущими заповѣдями. Посему воспользовавшись определеннымъ порядкомъ, соткалъ намъ золотую цѣпь. Всякій смиренный духомъ будетъ оплакивать свои прегрѣшенія; оплакивающій будетъ кроткимъ; кроткій будетъ конечно праведнымъ; праведный будетъ милостивымъ; осуществившій все это на дѣлѣ будетъ также чистъ сердцемъ; а таковой будетъ и микротворцемъ; кто шелъ съ успѣхомъ даже доселѣ, тотъ подвергнется опасностямъ,

но великодушно перенесетъ все, что ни послѣдуетъ. Напомнивши то, что слѣдовало, опять ободряетъ ихъ похвалами.

Ст. 13. Вы есте соль земли. Землею назвалъ здѣсь людей, какъ образованныхъ изъ земли. Онъ какъ бы такъ говорить: всѣ люди сдѣлались гнилыми отъ грѣховъ, испортившись отъ влаги страстей; посему вы, избранные Мною для врачеванія этой порчи всего міра, составляете соль людей, потому что вы получаете отъ Меня разумную силу обуздывать ихъ и сдерживать, и убивать невидимыхъ червей, т. е. страстные помысленія, и охранять отъ зловонія прегрѣшеній. Пророки были посланы къ одному народу; а вы—соль для всей земли, ученіемъ обличая и сдерживая распутныхъ, чтобы они не произвели вѣчныхъ червей. Не пренебрегайте же строгостію обличеній, хотя бы вы и подверглись гоненіямъ. Посему говорить: аще же соль обуяетъ; чимъ осолится, ни вочто же будетъ ктому, точію да изсыпана будетъ вонъ, и попираема человѣки. Если учащій обуяетъ, т. е. не обличаетъ, не сдерживаетъ, но станетъ слабымъ, то чѣмъ осолится, т. е. исправится? Итакъ съ того времени онъ выбрасывается вонъ изъ учительскаго достоинства, и попирается, т. е. презирается.

Ст. 13. Аще же соль обуяетъ, чимъ осолится?... Обуяніе соли есть ослабленіе ея дѣйствія. Итакъ говорить: смотрите, какое служеніе поручается вамъ и постарайтесь, чтобы не ослабѣть вслѣдствіе преслѣдованій, поношеній и злословій, какъ прежде сказано, и чтобы не потерять полезнаго дѣйствія. Аще же соль обуяетъ, чимъ осолится, т. е. если вы ослабѣете, или потеряете полезное дѣйствіе, то какую другою солью вы осолитесь, или поправитесь, какъ сказалъ Маркъ (9, 50). Вы—отборная соль, и нѣтъ еще другой такой. Такъ какъ вы избраны на такого рода служеніе предпочтительно предъ всѣми другими, то тѣмъ болѣе должны быть внимательными, чтобы не могли васъ обвинить въ слабости и бездѣйствіи, а также въ погибели тѣхъ, которые стали гнилыми, какъ сказано.

Ст. 13. Нивчтоже будетъ ктому, точію да изсыпана будетъ вонъ, и попираема человекѣ. Ни на что больше не пригодна указанная соль, потерявшая силу, какъ только на то, чтобы быть выброшеною внѣ Господняго двора и попираемою, т. е. презираемою людьми.

Ст. 14. Вы есте свѣтъ міра. Міромъ опять называлъ людей, живущихъ въ мірѣ,—между тѣмъ какъ они покрыты мракомъ заблужденія. Вы, говоритъ, избраны для того, чтобы быть для нихъ свѣтомъ, и чтобы освѣщать духовные ихъ глаза свѣтомъ ученія и познанія, и руководить ихъ по прямому пути богопочитанія. Итакъ два служенія поручено имъ—быть солью и свѣтомъ; прежде нужно защитить отъ гніенія, потомъ научить.

Ст. 14. Не можетъ градъ укрыться верху горы стоя. Чрезъ это и слѣдующее уподобленіе побуждаетъ ихъ къ совершенству и чистотѣ жизни и повелѣваетъ имъ быть твердыми въ борьбѣ, такъ какъ они будутъ положены предъ глазами всѣхъ людей и будутъ подвизаться на театрѣ вселенной. Не можетъ, говоритъ, градъ укрыться верху горы стоя, и вы не можете укрыться, положенные на высотѣ ученія. Посому, будьте внимательны, чтобы вамъ управиться и взирающимъ на васъ представить прекрасный образъ жизни и ученія.

Ст. 15. Ниже вжигаютъ свѣтильника, и ставятъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ (суть). Слѣдовательно, и Я воспламенилъ васъ свѣтомъ богопознанія не съ тѣмъ, чтобы сокрыть васъ; но вотъ Я полагаю васъ на подсвѣчникѣ, т. е. на высокому мѣстѣ ученія, чтобы вы освѣщали всѣхъ, находящихся во вселенной.

Ст. 16. Тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ человекѣ, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ: Говоря: да просвѣтитъ, не повелѣваетъ выставять на показъ добродѣтель, но исполнить ее на дѣлѣ, а она уже сама по себѣ обык-

новению свѣтитъ, и распространяется на подобіе благовоннаго мѹра. Посему чистота вашей жизни и ученія пусть свѣтитъ предъ людьми не ради челоѡкоудіа, но да видятъ ваша добрая дѣла, въ поступкахъ и словахъ, и пусть подражаютъ имъ. Кромѣ того, да прославятъ Отца вашего и же на небесѣхъ, т. е. Бога, Которому вы усыновлены чрезъ вѣру; а Его сыновья—Мои братья. Восхвалятъ Его, какъ учредившаго такую жизнь. Конечно Самъ Христосъ учредилъ ее, но Свои дѣла Онъ часто приписываетъ Отцу, какъ и послѣ увидимъ, конечно воздавая этимъ честь Отцу и вѣдетъ показывая, что Онъ составляетъ одно съ Нимъ какъ по природѣ, такъ и по волѣ. Когда вы совершаете, говорить, добрыя дѣла, то пусть отъ нихъ свѣтитъ вамъ свѣтъ, и онъ обыкновенно свѣтитъ самъ собою, исходя отъ добрыхъ дѣлъ, хотя бы никто не распространялъ его.

Ст. 17. Да не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити. Такъ какъ Онъ имѣлъ узаконить нѣкоторыя предписанія—большія тѣхъ, которыя были въ Ветхомъ Заѡтѣ говоря: слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши: иже бо еще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ гнѣваяйся на брата своего всеу, повиненъ есть суду и т. д. (Матѹ. 5, 21. 22), и желалъ проложить путь какъ бы божественной и небесной жизни; то чтобы нѣкоторые не подозрѣвали, по причинѣ необычайности, что Онъ узаконяя новое, уничтожаетъ старое и не считали Его противникомъ Богу,—напередъ врачуетъ это подозрѣніе. Но посмотримъ, какъ Онъ исполнилъ законъ и пророки. Онъ исполнилъ пророковъ, совершивши на дѣлѣ все, что о Немъ предвозвѣстили оны. Посему при каждомъ пророчествѣ евангелисты прибавили: „да сбудется реченное пророкомъ“. Законъ Онъ исполнилъ съ одной стороны тѣмъ, что не нарушилъ ни въ чемъ его предписаній; Онъ сказалъ Іоанну: тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду (Матѹ. 3, 12); съ дру-

той стороны тѣмъ, что прибавилъ пропущенное. Такъ лучше всего понимать эти слова. Между тѣмъ какъ законъ удерживаетъ отъ совершенія грѣха, Христосъ запретилъ самыя основы его. Убіеніе есть плодъ грѣха, а корень его—гнѣвъ; если кто не уничтожилъ корня, то онъ когда либо произведетъ свой плодъ. Очевидно, что заповѣдь, запрещающая убійство, была несовершенна; Христосъ исполнилъ ее, заповѣдуя не гнѣваться. Тоже найдемъ дальше и по отношенію къ другимъ заповѣдямъ. И почему древній законъ былъ несовершененъ? Потому что свреи были жестоковѣчны и не сносили тяжелаго ярма. Посему ихъ, какъ младенцевъ въ добродѣтели, поилъ молокомъ, а намъ, какъ мужамъ, предложилъ твердую пищу. Какъ же это Христосъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ: иго Мое благо, и бремя Мое легко есть (Матѣ. 11, 30)? Потому что его облегчаютъ воздаяніе за труды и величіе награды. Законъ исполнителямъ его обѣщалъ дать земныя блага, а Христосъ—блага небесныя. И иначе Христосъ не разорилъ, а исполнилъ древній законъ. Этотъ послѣдній не былъ противоположенъ Евангелію, а скорѣе былъ путемъ къ нему, провозвѣстникомъ его, тѣнью и образомъ. Съ пришествіемъ Евангелія, онъ исполнился и прекратился, какъ прекращается ночь при появленіи дня, какъ тѣнь, при набрасываніи красокъ. Воспитатель долженъ былъ уступить мѣсто учителю. И еще иначе: Христосъ исполнилъ законъ, такъ какъ сохранилъ его предписанія, и прекратилъ, такъ какъ покрылъ несовершенное совершеннымъ. Отсюда евангельскія заповѣди не противорѣчатъ предписаніямъ закона, но согласуются съ ними. Законъ есть начало, а Евангеліе—исполненіе.

Ст. 18. Аминь бо глаголю вамъ: дондеже преидеть небо и земля, іота едина, или едина черта не преидеть отъ закона, дондеже вся будутъ. Слово: аминь есть нарѣчіе утвердительное, обозначающее тоже, что истинно. Смыслъ послѣдующихъ словъ—такой: пока будетъ стоять міръ (это видно изъ словъ: дондеже преидеть небо и

земля), не останется неисполненнымъ даже незначительное предписание закона, до тѣхъ поръ пока все законное не сдѣлается или не исполнится на дѣлѣ Мною. Словами: іота и черта обозначилъ самое незначительное, потому что они въ числѣ буквъ были самыя простыя, такъ какъ легче другихъ начертывались. Иота есть прямая линія, а черта—кривая. Все равно, какъ Онъ сказалъ бы такъ: доколѣ не преидетъ небо и земля, Я не допущу этого. Такъ говорилъ Христосъ, утверждая, что Онъ не разоряетъ закона, такъ какъ не могъ еще сдѣлать того, что онъ заповѣдуетъ; до самой смерти Онъ исполнялъ его.

Ст. 19. Иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человекъ, мній наречется въ царствіи небеснѣмъ. Малыхъ, не говоря уже о большихъ. Освободивши Себя отъ ложнаго подозрѣнія, Онъ устраниваетъ и полагаетъ большія угрозы относительно будущаго Своего законоположенія. Всякій, кто нарушитъ одну изъ тѣхъ заповѣдей, которыя Я намѣренъ установить, и не только самъ нарушитъ, но и для другихъ послужитъ такимъ примѣромъ (заповѣди эти Онъ называлъ малѣйшими, отчасти по смиренію, отчасти для того, чтобы не превозносились исполнители ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ научаетъ и насъ унижать собственныя дѣла, хотя бы они были велики и значительны), тотъ назовется малѣйшимъ, т. е. послѣднимъ изъ всѣхъ, ничтожнымъ, отверженнымъ, что равносильно: будетъ подвергнутъ наказанію. Царствомъ небеснымъ въ этомъ мѣстѣ называетъ второе Свое пришествіе, въ которомъ Онъ явится царемъ всѣхъ.

Ст. 19. А иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ. Смотри, какъ Онъ сказалъ: нужно прежде дѣлать, а потомъ учить и не только дѣлать, но и учить. Какъ достойно порицанія не дѣлать, но учить, такъ съ другой стороны недостаточно дѣлать, но не учить. Совершенная добродѣтель состоитъ не только въ томъ, чтобы быть полезнымъ самому себѣ, но—и другимъ. Не научишь пра-

вильно тому, чего самъ не сдѣлалъ, и не легко убѣдишь другихъ сдѣлать то, чего самъ не дѣлалъ, потому что услышишь: врачу, исцѣлися самъ. (Лук. 4, 23).

Ст. 20. Глаголю бо вамъ, яко аще не избудеть правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное. Они учать, но не исполняютъ, проводя жизнь, которая противорѣчитъ ученію; а вы должны и учить, и исполнять, чтобы дѣла согласовались съ словами. Можешь понимать это и иначе. Они смотрятъ только на конецъ грѣха, а вы должны смотрѣть и на начало его. Книжниковъ и фарисеевъ разумѣй здѣсь исполняющихъ, а не преступающихъ законъ. Правдою назвалъ здѣсь всякую вообще добродѣтель. Смотри, какъ и въ настоящихъ словахъ, и въ выше высказанныхъ Онъ не порицаетъ Ветхаго Завета, а скорѣе возвышаетъ его. Но если онъ не заслуживаетъ порицанія, то почему не спасаетъ тѣхъ, которые его исполняютъ? До самаго пришествія Христова онъ спасалъ точныхъ исполнителей его, но послѣ, когда дѣти сдѣлались мужами, когда дарована людямъ обильная благодать, когда весьма великія награды предложены для воздаянія за добрыя дѣла (не обѣщается уже больше обладаніе землею, или земными благами, ни многочисленное потомство или долголѣтняя жизнь, ни побѣда надъ врагами,—но послѣдіе неба и небесныхъ благъ, усыновленіе Богу и братство съ Единороднымъ Его Сыномъ, побѣда надъ демонами и общеніе нескончаемаго царства),—то естественно, что великіе подвиги требуются отъ всѣхъ, кто желаетъ получить такія награды; и такіе именно подвиги имѣются въ виду при заповѣдяхъ Христа, возвѣстившаго указанныя награды. Соотвѣтственно величію наградъ Онъ узаконилъ и величіе подвиговъ.

Пастырское служеніе по письмамъ св. Исидора Пелусіота.

VIII. Благочестіе.

Уже показано было, что св. Исидоръ считаетъ добродѣтель необходимою обязанностью пастыря. Но добродѣтель, по ученію Исидора, не есть еще высшая ступень нравственнаго совершенства; такую ступенью служить благочестіе. На превосходство благочестія сравнительно съ добродѣтью Исидоръ указываетъ яснѣе всего въ письмѣ къ діакону Исидору. „Слово, читаемъ въ этомъ письмѣ, есть нѣчто божественное, но божественнѣе добродѣтель, а всего божественнѣе—благочестіе“ (3, 118). Различіе между добродѣтью и благочестіемъ существуетъ такое же, какое между внѣшнимъ фактомъ, дѣломъ и внутреннею причиною или мотивомъ къ совершенію его. Ибо добродѣтель понимается Исидоромъ и въ качествѣ внѣшняго дѣла, которое можетъ совершаться по хорошимъ и дурнымъ побужденіямъ; но оно есть несомнѣнная добродѣтель, если мотивомъ къ совершенію его было благочестіе или „святое изволеніе“; расположеніе души къ добру (3, 75). Добродѣтельная жизнь—это, по Исидору, дѣятельное любомудріе; а благочестіе—это созерцательное любомудріе, которое нужно отличать отъ умственнаго любомудрія. Первое служить основаніемъ, фундаментомъ зданія—добродѣтельной жизни, а вторая есть вѣнецъ зданія (2, 201). Добродѣтель называется основаніемъ и по отношенію къ благочестію въ томъ смыслѣ, что она подтверждаетъ присутствіе въ насъ благочестія. Въ письмѣ къ пресвитеру Діедиму (4, 20) св. Исидоръ говоритъ, что добродѣтель служить порукою за благочестіе и дѣлаетъ его достовѣрнымъ, такъ какъ живущему порочно никто не повѣритъ, если онъ поведетъ рѣчь о божественныхъ оправданіяхъ. „Посему, говоритъ св. Исидоръ, должно держаться и добродѣтели и благочестія, такъ какъ первая служить основаніемъ, а второе—

вѣянцѣмъ и украшеніемъ“. Въ нѣкоторыхъ письмахъ св. Исидоръ прямо говоритъ, что благочестіе дано намъ отъ природы и есть врожденный нравственный и неписанный законъ (1, 431; 4, 53), предписывающій дѣлать добро. Въ этомъ отношеніи благочестіе служитъ основаніемъ добра или, какъ выражается Исидоръ, благочестіе есть глава, первый вѣнецъ и основаніе добра (5, 188). Если благочестіе, какъ внутреннее нравственное требованіе, овладѣваетъ всѣмъ человѣкомъ, то, понятно, оно не можетъ не сопровождаться добродѣтельной жизнью. „Если благочестіе, говоритъ Исидоръ, есть самое первоначальное и главнѣйшее, то оно имѣетъ потребность и въ правомъ образѣ жизни“ (4, 226). Такимъ образомъ, благочестіе, по Исидору, есть внутреннее расположеніе, внутреннее требованіе добра.

Но по тѣсной связи души съ тѣломъ благочестіе простирается и на внѣшній видъ человѣка, на его тѣло. Вотъ почему Исидоръ говоритъ о двоякомъ благочестіи: внутреннемъ, замѣчаемомъ въ душѣ, и внѣшнемъ, состоящемъ въ тѣлесной чистотѣ. Письмо Исидора къ пресвитеру Мартирію (3, 163) заключаетъ въ себѣ слѣдующее опредѣленіе свойствъ обоихъ видовъ благочестія. „Есть, славнѣйшій мужъ, два вида благочестія. Первый самый святой и божественный заключается въ душѣ: ибо это прекраснѣйшая и угоднѣйшая жертва Богу—имѣть чистое расположеніе души, представлять въ ней приютствіе Божіе и сохранять его твердымъ и постоянно пребывающимъ. Другой видъ—въ чистотѣ тѣла. Чуждый этихъ двухъ видовъ благочестія не спасется, если даже принесетъ въ жертву драгоцннѣйшія морскія и земныя сокровища, если приведетъ на закланіе всѣхъ животныхъ, какія по (древнему) закону приносились въ жертву“.

Свойства перваго вида благочестія и, такъ сказать, содержаніе его опредѣляются въ отношеніи къ Богу, къ самому священнику и къ наствѣ. О благочестіи въ отношеніи къ Богу св. Исидоръ говоритъ въ письмѣ къ нѣкому Василию. Приводимъ выдержку изъ этого письма, хотя и не направленнаго, можетъ

быть, къ лицу, облеченному священническимъ сномъ, но выражающаго болѣе ясно мысль Исидора о благочестіи въ отношеніи къ Богу. „Тогда благоспѣшно бываетъ дѣланіе добра, когда имѣетъ силу благочестіе, которое есть высочайшее изъ всѣхъ благъ, высшая и главнѣйшая изъ божественныхъ заповѣдей, и когда оно состоитъ въ правильномъ понятіи о Божествѣ и искреннемъ исповѣданіи, а доказывается страхомъ Божиимъ и любовію къ Богу“ (4, 143). О благочестіи въ отношеніи къ самому пастырю и отчасти къ паствѣ св. Исидоръ говоритъ въ письмѣ къ пресвитеру Мартирію. Здѣсь выражается та мысль, что благочестіе побуждаетъ пастыря слѣдить за своими успѣхами и всегда быть готовымъ къ борьбѣ съ своею грѣховною природою и съ склонностію людей обращать большее вниманіе на недостатки, чѣмъ на добрыя качества. Правило благочестія и праведности, говоритъ Исидоръ, требуетъ во-первыхъ, скрытія своихъ грѣховъ (а не превозношенія ими) по причинѣ неизвѣстности конца нашей дѣятельности, а также и потому, что рассказъ о нихъ можетъ произвести смущеніе въ слушателяхъ; во-вторыхъ, оно требуетъ готовности къ борьбѣ какъ вслѣдствіе склонности нашей природы ко грѣху, такъ и потому, что слушатели, въ большинствѣ случаевъ, болѣе вѣрятъ худому, нежели хорошему (111, 152). Благочестивое настроеніе человѣка воспитываетъ въ его душѣ тѣ качества, которыя особенно необходимы пастырю для успѣшнаго руководствованія другими, какъ, напр., нековарность, кротость, человѣколюбіе, мужество, правдивость, цѣломудріе, снисходительность, ласковость, щедрость и др.

Второй видъ благочестія состоитъ, какъ уже замѣчено было, въ тѣлесной чистотѣ вообще. Ибо внутреннее благочестивое настроеніе отражается и во вѣншемъ видѣ человѣка, въ его глазахъ, лицѣ, въ одеждѣ, пищѣ, жилищѣ и пр. Въ письмѣ къ пресвитерамъ Мартиніану и Зосимѣ Исидоръ говоритъ: „слѣдуйте за добродѣтелью; она можетъ умудрить и сохранить въ приличномъ состояніи тѣхъ, которые держатся ея. Она часто и

въ глазахъ, которые смотрять какъ-то кротко и тихо, показываетъ, что внутри есть умъ, исполненный смиренномудрія“ (5, 12). Такъ, у блаженнаго пресвитера Афродисія „обитала въ очахъ стыдливость, въ устахъ убѣдительность, на языкѣ мудрость, въ чревѣ довольство малымъ, а въ томъ, что по чревѣ, воздержность; кратко сказать, онъ былъ общею клятвѣю и обителью всѣхъ почти добродѣтелей“ (3, 160). А пресвитеру Пиманію Исидоръ писалъ: „мы взойдемъ на вершину смиренномудрія, если погасимъ въ себѣ пагубное высокоуміе гордости, а равно и воспаленіе высокоумія, низводящаго во адъ, будемъ наблюдать скромность во всѣхъ вещахъ и обращать вниманіе на то, что могло бы нанести ей ущербъ; потому что душа идетъ въ рядъ обыкновенно съ своими дѣлами и принимаетъ отпечатокъ и образъ того, что сама предначинаетъ. Посему да будетъ у насъ и наружность степенная, и взглядъ кроткій, и брови опущенныя, и походка не гордая, и одежда необходимая, и сѣдалище смиренное, и нища простая, и постель нисколько не превышающая потребности, и утварь недорогая, и домъ приличный христіанамъ, а также и слово, и голосъ и обращеніе съ другими да показываютъ болѣе скромность, нежели кичливость. Ибо такъ наблюдая во всемъ скромность, взойдемъ на небесную высоту (3, 179).

*IX. Не одно и тоже грѣшитъ мірянину и священнику.
Страсти, свойственныя и не свойственныя священнику.*

Св. Исидоръ мало говоритъ о частныхъ добродѣтеляхъ, свойственныхъ пастырю, ограничиваясь главнымъ образомъ разъясненіемъ необходимости для него вообще добродѣтелей жизни. Гораздо же болѣе онъ говоритъ о худыхъ наклонностяхъ, недостаткахъ и порокахъ, несовмѣстимыхъ съ священническимъ служеніемъ, показывая при этомъ, что худыя дѣйствія священника служатъ причиною злословія на церковь (1, 38), безчестятъ самое священство и Божіе рукоположеніе (3, 150) и препятствуютъ пастырскому служенію достигать своего назначенія по отношенію

къ мірянамъ. Вотъ почему, сильно порицая нравственные недостатки пастырей, Исидоръ напоминаетъ имъ, что они по возможности должны стремиться къ безгрѣшной жизни: ибо не одно и тоже грѣшить мірянину и священнику. Въ письмѣ къ еп. Теоону, порицая нелузейск. еп. Евсевія за возведеніе въ священническій санъ недостойнаго Зосиму, Марона и др., Исидоръ говоритъ: „хотя и до рукоположенія они были весьма худы, однакоже не одно и тоже грѣшить мірянину и священнику, и это ясно видно изъ закона; потому что за согрѣшившаго священника законъ повелѣваетъ приносить такую же жертву, какъ и за весь народъ (Лев. 4, 3). Еслибы грѣхъ не былъ равнымъ; то законъ не установилъ бы приносить ту же жертву въ томъ и другомъ случаѣ. Большимъ же дѣлается грѣхъ не по природѣ, но по достоинству согрѣшающей“ (2, 121).

Если священникъ со стороны своей нравственной жизни не можетъ приравнять себя къ мірянамъ; то для него получаетъ особенную важность забота объ охраненіи себя вообще отъ грѣховъ и особенно отъ тѣхъ, которые несовмѣстимы съ его служеніемъ. Этой заботѣ св. Исидоръ много содѣйствуетъ, порицая въ своихъ письмахъ страсти, проступки и пороки; особенно не свойственные священнику.

Св. Исидоръ раздѣляетъ страсти на духовныя и плотскія. Страсти перваго рода бываютъ добрыя и срамныя. Добрыя страсти Исидоръ признаетъ желательными въ священникѣ. „Срамныя страсти, пишетъ онъ къ пресвитеру Зосимѣ, знаешь ты самъ по себѣ и нѣтъ нужды вести рѣчь о нихъ. Но поелику не знаешь страстей добрыхъ и человеколюбивыхъ, то я и скажу относительно послѣднихъ. Онѣ таковы: человеколюбіе, милосердіе, состраданіе, жалость и прочія, сродныя съ ними, страсти (3, 81). Что же касается до срамныхъ страстей, то св. Исидоръ совѣтуетъ тому же пресвитеру Зосимѣ совершенно закрыть имъ доступъ къ душѣ (3, 80). А пресвитеру Посидону Исидоръ пишетъ (5, 472): „принявшии священство надлежитъ, какъ храмамъ, блюсти себя

недоступными всякой самоуправной и срамной страсти“. Плотскія страсти всё вообще осуждаются Исидоромъ; онѣ приводятъ всѣхъ къ гибели, а тѣмъ болѣе священника. Поэтому св. Исидоръ даетъ слѣдующій совѣтъ пресвитеру Зосимѣ относительно плотскихъ страстей: „ненстовыя и бѣшенныя плотскія страсти надлежитъ укрощать, дѣлать послушными и смиренными; а если не повинуются, то и наказывать, сколько можно“ (3, 368). Вообще же св. Исидоръ совѣтуетъ „преодолывать страсти первоначально, чтобы не оказаться намъ неяснѣльно больными при концѣ“ (3, 212). Ибо всё вообще дурныя страсти ведутъ къ порокамъ, нетерпимымъ вообще въ христіанинѣ, а тѣмъ болѣе въ священникѣ. Укажемъ на нѣкоторыя страсти, пороки, и преступки, особенно порицаемыя Исидоромъ въ священникѣ.

Х. Любостяжательность. Сребролюбіе.

Священнику, должествующему украшаться всяческими добродѣтелями, не приличествуютъ вообще грѣховныя страсти и пороки. А между тѣмъ, во времена Исидора, многіе пресвитеры „открыли въ себѣ свободный ходъ всѣмъ срамнымъ и подлымъ страстямъ“ (3, 80), сознательно сдѣлали себя недоступными для добрыхъ движеній и самое священство обратили въ орудіе порока (5, 116). Особенно же сильна была между тогдашними пастырями страсть къ многостяжательности и сребролюбію. Противъ этой страсти св. Исидоромъ написано много писемъ къ разнымъ пресвитерамъ; въ нихъ онъ указываетъ на пагубную силу этой страсти и на несоумѣстимость съ священническимъ служеніемъ. Великая пагубность любостяжательности изображается въ письмѣ къ многостяжательному пресвитеру Марону. „Всѣ почти другія порочныя страсти имѣютъ способность усиливаться и ослабляться, знаютъ пресыщеніе и съ извѣстною скоростью приходятъ къ концу. Но страшная любовь къ многостяжательности, не данная намъ отъ природы, но совнѣ откуда-то привнесенная, не знаетъ ослабленія и пресыщенія, не вѣдаетъ веселія и не стремится къ концу; напро-

тивъ, всегда усиливаясь или, лучше сказать, умножая свою силу, силится быть юнѣ и могущественнѣе самой себя. Ибо она ведетъ борьбу не съ другими только страстями, но сражается сама съ собою, употребляя величайшее стараніе къ преодолѣнію себя самой. Иной скорѣе можетъ достигнуть недостижимаго, нежели она достигнетъ пресыщенія; потому что она, не знаю почему, считая приращеніе уменьшеніемъ и убавленіемъ, возжигаетъ все болѣе огонь. Говорятъ, что этотъ огонь коснулся и твоей души. Поэтому погаси его какъ можно скорѣе, чтобы и здѣсь не проводить непріятной жизни и тамъ не подвергнуться тяжкому наказанію“ (3, 157). Любостыжательность, пагубная сама по себѣ, особенно пагубною становится для священника, побуждая его къ дѣйствіямъ, несовмѣстимымъ съ священническимъ служеніемъ. Любостыжательность побуждаетъ иныхъ настырей, подъ благовиднымъ предлогомъ попеченія о нищихъ, обогащаться на счетъ бѣдныхъ (3, 85), дѣлаться хлѣбными торгашами, перекупщиками и промышленными всякимъ праведнымъ путемъ (3, 326). Быть стыжательнымъ, пишетъ св. Исидоръ пресвитерамъ Палладію и Марку, а особенно на счетъ бѣдныхъ, значить вести борьбу съ законоположникомъ нестыжательности и пускать стрѣлы въ небо (2, 60). Посему должно, говоритъ Исидоръ пресвит. Зосимѣ, довольствоваться умѣреннымъ содержаніемъ: оно приноситъ пользу душѣ и тѣло дѣлаетъ здоровымъ (5, 511). Священникъ не долженъ оправдывать многостыжательность своею бѣдностію: ибо „укоризненно не въ нищетѣ быть, но не переносить нищету съ мужествомъ“ (3, 101). Во времена Исидора, повидимому, господствовало убѣжденіе, что нестыжательныхъ іереевъ нѣтъ и не можетъ быть. Это убѣжденіе существовало, кажется, среди самыхъ клириковъ. По поводу этого убѣжденія Исидоръ пишетъ пресвитеру Зосимѣ: перестань скверныя и ненасытныя свои руки простираť на черное достояніе и имущество, и тогда сможешь увидѣть и нестыжательныхъ (2, 113).

Между современными св. Исидору пастырями любостяжаніе господствовало особенно въ видѣ сребролюбія. Для отвращенія ихъ отъ страсти къ деньгамъ, Исидоръ изображалъ отвратительныя свойства ея, показывая, что любовь къ деньгамъ звѣрообразна, непріятна, дышущая пламенемъ, ненасытна, слѣпа, глуха, челоуѣконенавистна, скверна, богоненавистна, непримирима, неприступна, неукротима. Единственный способъ избавиться отъ нея состоятъ въ томъ, чтобы, представляя злыя качества ея, не желать прибытковъ и изъ своего достатка понемногу давать нуждающимся (2, 233). Затѣмъ Исидоръ показываетъ, что сребролюбіе несвойственно священнику, какъ проповѣднику нестяжательности. Въ письмѣ къ епископу Алфію св. Исидоръ говоритъ: „Считаю неразумными тѣхъ, которые усматриваютъ противорѣчія въ словахъ, но не замѣчаютъ ихъ въ дѣлахъ. Ибо проявляя основательность въ умозаключеніяхъ, они не опасаются дѣлать то, что противорѣчить ихъ словамъ. Считая нестяжательность величайшимъ благомъ, какова она на самомъ дѣлѣ и есть, они извлекаютъ выгоды изъ чужихъ дѣйствій; превознося милосердіе, какъ вещь божественную, они обращаютъ въ свою собственность имущество тѣхъ, которые нуждаются въ милосердіи; проповѣдуя общительность и щедрость, они не стыдятся копить деньги (5, 183).

XI. Не должно обращать священство въ средство къ роскошной жизни.

Въ письмѣ св. Исидора къ пресвитеру Зосимѣ читаемъ: „Ужасное дѣло — предаваться роскоши и похотливости каждому челоуѣку, который думаетъ нѣкогда и какъ нибудь достигнуть священства. Но возмутительнѣе всего то, что ты ведешь себя неосвященно и преступно, и однакожъ мечтаешь о томъ, чтобы тебя считали приобрѣтшимъ священство по праву (5, 436). Изъ этого письма видно, что св. Исидоръ роскошную жизнь священника считаетъ несовмѣстимою съ его служеніемъ. Ибо

„прожорливостію священника“ вѣра подвергается осѣянiю (5, 496). Въ самомъ дѣлѣ, священники—это воины Христа, предносящіе Его знамя, означающее побѣду надъ діаволомъ. Но эти знаменосцы, предавшись роскоши и любостыжательности, очевидно сами побѣждены діаволомъ, а потому и не заслуживаютъ наименованія воиновъ Христовыхъ (5, 368). Во-вторыхъ, роскошь побуждаетъ и самое священство обращать въ орудіе для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ и порочнаго употребленія ихъ, заставляетъ пастыря наполнить свое ненасытное чрево скверными прибытками, присвоить собственность бѣдныхъ, умножать язвы ихъ и присвоеніемъ милостыни, подаваемой бѣднымъ, усиливать трудный подвигъ ихъ—борьбу съ нищетою. Если, пишетъ Исидоръ пресвитеру Зосимѣ, человекъ, не дающій милостыни изъ собственного своего достоинія, отсылается въ рѣку огненную на нетерпимыя истязанія, то что же потерпитъ присвояющій себѣ собственность бѣдныхъ. „Еслибы, вынужденный бѣдностію, ты измыслилъ это новое грабительство, или лучше — злодѣйство, худшее раскапыванія гробовъ, то для тебя былъ бы еще поводъ къ безстыдному оправданію. Но поскольку, предаваясь роскоши и скача, истребляешь то, что должно облегчать чужія бѣдствія, то останется ли для тебя какое либо оправданіе, какая либо милость, какое нибудь снисхожденіе? (5, 210). Св. Исидоръ считаетъ роскошь вредною и для личности самого пастыря. Она становится матерію и питательницею невоздержанія, приводитъ умъ въ крушеніе, погружая въ бездну страстей (5, 306), вредитъ здоровью тѣла и благородству души (5, 29).

Въ качествѣ средствъ для борьбы съ роскошью св. Исидоръ рекомендуетъ священникамъ посты, воздержаніе, довольство малымъ. Въ письмѣ къ пресвитерамъ Зосимѣ, Марону и Евстаѳію читаемъ: „Большая и постоянная роскошь пріучаетъ какъ къ противоестественной любви, такъ и вредитъ вообще и здоровью тѣла и благородству души. Посему воздержитесь отъ нея и научите себя пользоваться если не постами, то умиренностію—

этою цѣломудренною роскошью, чтобы прекратилась повсюду распространенная о васъ худая слава. Если же вы погружаетесь во всякую страсть, какъ въ глубокую бездну, то не изъясляйте негодованія на тѣхъ, которые говорятъ о васъ худо, но вините свою собственную роскошь, которая, какъ говорятъ, не дозволствуется тѣмъ, что приготовлено дома (ибо вы расчетливы), но побуждаетъ васъ набрасываться на чужія трапезы. Если разогнете мглу, то увидите красоту цѣломудрія, которое нынѣ незидимо для васъ“ (5, 29).

XII. Ни жертвенникъ, ни священство не оскверняются худыми дѣлами священника.

Во времена св. Исидора многіе миряне, взирая на скверныя поступки своихъ пастырей, спрашивали: не сквернятся ли ихъ дѣяніями жертвенникъ? Не кладется ли на самое священное богослуженіе печать безславія и посмѣшища? Не виновно ли само священство въ худыхъ дѣлахъ священника? На всѣ эти вопросы св. Исидоръ даетъ отрицательные отвѣты. Въ письмѣ къ пресвитеру Евсевію св. Исидоръ пишетъ: „Удивляйся не дерзости Евсевія (еписк. помр.), не безстыдству Зосимы, но долготерпѣнію Бога, ожидающаго столько времени покаянiя отъ насъ и прiемающаго омиамъ отъ нечистой руки. Ибо если кто либо, воснятавшись во грѣхахъ и занятивъ себя всякаго рода сквернами и грѣхонаденіями, касается алтарей Божіихъ и свои скверныя руки простираетъ къ святому; то самъ онъ подвергается осужденію, но божественный жертвенникъ не оскверняется его дѣлами“ (1, 120). Затѣмъ обращаясь къ тѣмъ „малосмысленнымъ“, которые всю вину худаго священника обращаютъ на самое священство, св. Исидоръ говоритъ: „Увѣнчанный священствомъ вѣрнѣе можетъ быть названъ попечителемъ живущихъ на землѣ, нежели носящій багряницу. Ибо первый—руководитель душъ, а второй—тѣль. Если же кто, не познавъ своего достоинства или лучше сказать—своего служенія, нисколько не заботится

о душахъ, но нечететъ о еѣнахъ и столпахъ, предается роскоши, домогается денегъ, то онъ безчеститъ не священство, но самого себя. Между тѣмъ многіе неразумные вмѣсто того, чтобы чтить священство, обвинять же его одного, всю вину обращаютъ на самое священство“ (2, 200). Эти неразумные сѣвниваютъ, по мнѣнію Исидора, самое служеніе, должность съ худымъ исполненіемъ ея. Въ письмѣ къ епископу Θεодосію (2, 52) св. Исидоръ пишетъ: „священство есть нѣкоторое божественное достояніе и драгоцѣннѣе всего. Его оскорбляютъ болѣе всего тѣ, которые худо исправляютъ его: этихъ людей вовсе не слѣдуетъ посвящать, чтобы неразумные не дерзали обращать на него вины тѣхъ, которые худо проходятъ его. Ибо, не обративъ вниманія на оскорбителей священства, обращаютъ вину на послѣднее, которое слѣдовало бы защищать отъ людей мерзкихъ, коимъ не позволительно и касаться его. Если въ мірскихъ начальствахъ иное самая должность, а иное — проходящій ее не какъ должно, и самая должность удерживаетъ свой чинъ и достоинство, а оскорбляющій ее несетъ крайнее наказаніе; то по какой причинѣ въ священствѣ смѣниваютъ эти вещи, и грѣхи исправляющихъ его не надлежащимъ образомъ усиливаются переносить на самое священство? Поэтому да умогнуть тѣ, которые презираютъ священство за Евсевія, Зосиму, Палладія и Марона,.. но этихъ пусть порицаютъ, какъ губителей, какъ враговъ благочестія и добродѣтели, а священство да прославятъ... Итакъ будемъ чествовать священство, и оплакивать тѣхъ, которые недостойно исправляютъ его, и ошибки ихъ не будемъ приписывать самому священству“.

10-е правило 7-го Вселенскаго Собора въ архипастырской резолюціи.

Поеліку 10-е правило 7-го Вселенскаго Собора гласитъ: „священникъ нче всего долженъ учить отроковъ и домощадцевъ, читая имъ божественное писаніе, ибо для сего и священство получилъ“; то обязанность приходскаго священника законоучительствовать въ училищѣ есть обязанность его по должности приходскаго пастыря и составляетъ непремѣнное пастырское достоинство, что занятіе законоучительствомъ въ училищахъ должно быть отправляемо священникомъ безотговорочно, неустаточно, съ полнымъ вниманіемъ и усердіемъ, и что нерадѣніе въ семъ дѣлѣ для невнимательнаго къ своей обязанности будетъ имѣть послѣдствіемъ перемѣщеніе его съ занимаемаго мѣста на другое—худшее, по распоряженію епарх. начальства, а при продолженіи нерадѣнія, сверхъ сего, и взысканіе. Священниковъ, съ усердіемъ занимающихся законоучительствомъ въ училищахъ и особенно тѣхъ, кои будутъ заботиться объ открытіи приходскихъ школъ при церквяхъ своихъ и будутъ въ сихъ школахъ усердно преподавать законъ Божій, имѣть въ виду и ежегодно, предъ представленіемъ лицъ духовнаго вѣдомства къ награжденію, докладывать о нихъ мѣѣ, предписать благочиннымъ о такихъ доносить мѣѣ ежегодно не поздіѣ 15-го октября мѣсяца.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Приней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31 іюля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

XXV.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Августа 19-го.

Содержаніе: Кандидатъ священства, по выходѣ изъ школы до поступленія
на мѣсто.—Нагорная проповѣдь.—Проповѣдническое обозрѣніе.

**Кандидатъ священства, по выходѣ изъ школы
до поступленія на мѣсто¹⁾.**

Прежде, лѣтъ двадцать назадъ, для кандидатовъ священства у насъ не было узаконеннаго средняго времени между окончаніемъ ими школьнаго курса, и поступленіемъ ихъ на приходъ или рукоположеніемъ въ священника. Кончивши курсъ семинаріи, молодой человѣкъ, имѣющій въ виду священническое служеніе, спѣшилъ какъ можно скорѣе занять какое либо мѣсто, и нерѣдко еще въ семинаріи намѣчалъ себѣ приходъ, на который просился тотчасъ же по полученіи семинарскаго аттестата. Такой порядокъ вещей, дававшій кандидатамъ священства возможность и право прямо со школьной скамьи переходить на священническое мѣсто, считался совершенно нормальнымъ, и ему слѣдовали

¹⁾ См. №№ 13, 14, 18, 19, 29 и 30.

не только молодые люди, предназначавшіе себя къ священству, но и епархіальныя власти, въ вѣдѣніе которыхъ поступали кончившіе курсъ семинаріи. Если же кому изъ кончившихъ курсъ семинаристовъ не удавалось получить скоро священническаго мѣста, за многочисленностью кандидатовъ священства, во многихъ епархіяхъ далеко превышавшихъ количество открывающихся священническихъ вакансій, то въ жизни такихъ людей, принужденныхъ ждать себѣ мѣста болѣе или менѣе продолжительное время, открывалась пустота, которую они не знали какъ наполнить, — наступалъ періодъ, въ теченіе котораго они почти нигде не прилагали своихъ знаній и сидѣли, сложа руки, въ ожиданіи своей счастливой судьбы. Дни, мѣсяцы и годы проходили болѣею частію въ полной праздности. Кандидаты священства забывали то, что давала имъ школа, и отъ бездѣлья, отъ нежеланія или неумѣнья взяться за что нибудь полезное доходили до апатіи и нравственной запущенности. Мы знали нѣсколькихъ юношей — богослововъ, которые въ школѣ общали изъ себя бодрыхъ дѣятелей, преданныхъ долгу званія, ихъ ожидающаго, но которые въ промежуточный періодъ томительнаго ожиданія мѣсть совершенно, такъ сказать, запустили свою духовную природу, нажили себѣ грубоватыя непохвальныя привычки и понизились нравственно. Душа ихъ своимъ состояніемъ напоминала столчюю воду, покрытую плѣсенью, или заброшенное поле, заросшее разными сорными травами.

Законоположеніями 1869 года измѣненъ прежде существовавшій порядокъ вещей, и для кандидатовъ священства установленъ довольно значительный промежуточный періодъ между окончаніемъ курса школьнаго ученія и поступленіемъ на мѣсто священника, — періодъ, котораго прежніе богословы — семинаристы такъ же боялись, какъ природа боится пустого пространства. По новымъ законоположеніямъ не дозволяется рукополагать во священника только что кончившаго курсъ семинаріи. Требуется отъ кандидата священства достиженіе извѣстнаго возраста для

того, чтобы онъ имѣлъ право получить священный санъ, и соблюденіе должной постепенности въ восхожденіи по степенямъ церковно-іерархическихъ должностей. Нынѣ, по Высочайше утвержденнымъ положеніямъ 16 апрѣля 1869 года, богословъ не съ разу, со школьной скамьи, дѣлается священникомъ, а сначала долженъ прослужить нѣсколько лѣтъ въ званіи псаломщика; по достиженіи двадцатипятилѣтняго возраста онъ можетъ быть посвященъ въ діакона; а къ священству долженъ допускаться уже по достиженіи тридцатилѣтняго возраста. Изъятіе изъ этого закона допускается по отношенію къ окончившимъ курсъ духовныхъ академій, которые тотчасъ по окончаніи курса могутъ быть рукополагаемы во священника, и по отношенію къ тѣмъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи, которые не менѣе трехъ лѣтъ съ одобреніемъ прослужать учителями въ духовныхъ, народныхъ или церковно-приходскихъ училищахъ. Законъ этотъ не выполняется со всею строгостію; но при всѣхъ послабленіяхъ, съ какими онъ приводится въ исполненіе, для кандидатовъ священства имъ созданы опредѣленные условія, съ которыми они не могутъ не считаться въ жизни. Для нихъ существуетъ переходное время, котораго они не могутъ миновать, по выходѣ изъ школы, предназначая себя къ священническому служенію.

Тяжелымъ показался этотъ новый порядокъ вещей, въ особенности при первомъ его введеніи въ жизнь, свышнююся съ прежними льготными условіями. Онъ усложнялъ и удлиннялъ прежній путь приготовленія къ священству, установившійся съ образованіемъ духовной спеціальной школы, и ставилъ на этомъ пути такія затрудненія, какихъ не испытывали кандидаты священства, вышедшіе изъ семинарій до шестидесятихъ годовъ. Богослову въ особенности непріятно чувствовалась необходимость проходить къ священству чрезъ должность псаломщика. Должность эта у насъ обставлена не совсѣмъ выгодно, и небольшимъ почетомъ пользовалась въ нашемъ общественномъ мнѣніи. Прежде люди, занимавшіе эту должность, назывались дьячками и пово-

марями, и всѣмъ извѣстно, какую невысокою репутаціею пользовались люди, носившіе это имя. Лестно ли было богослову быть дьячкомъ или пономаремъ, хотя бы подъ новымъ облагороженнымъ названіемъ псаломщика? И отправления, связанныя съ этою должностію, такъ малозначительны, что для выполненія ихъ не нужно особеннаго образованія. Для того ли (думали окончившіе курсъ кандидаты священства) мы учились болѣе десяти лѣтъ, и слушали разныя науки, чтобы быть дьячками? Для этого могутъ быть пригодны люди, получившіе образованіе дома, или вышедшіе изъ низшаго училища.

Не отрицаемъ того, что на практикѣ новый порядокъ вещей привносилъ съ собою много жесткаго и шероховатаго, влѣдствіе нажитыхъ исторіею условій, подвергавшихся измѣненію. Не легко стать въ низменное и неказистое положеніе дьячка человѣку, привыкшему много думать о своемъ образованіи и смотрѣть свысока на низшія церковно-служительскія должности. Но въ идеѣ этотъ порядокъ вещей имѣетъ за себя слишкомъ много основаній. Опъ, собственно говоря, не есть новый порядокъ, а возстановленіе стараго порядка, существовавшаго въ древней вселенской церкви. Прежде, въ древней церкви, избираемые или желающіе быть служителями церкви, по обыкновенному порядку вещей, не ставились прямо священниками, а начинали свое церковное служеніе съ низшаго званія чтеца или анагиста, соотвѣтствующаго званію нашего псаломщика, и въ этомъ званіи пребывали нѣсколько лѣтъ; затѣмъ ихъ рукополагали въ діаконы, и въ этомъ санѣ діакона они оставались не два дня и не недѣлю, какъ это бываетъ съ нынѣшними кандидатами священства, а опять нѣсколько лѣтъ; и уже послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго служенія на низшихъ степеняхъ клира людей зрѣлыхъ и испытанныхъ возводили на степень пресвитера. Этому порядку вещей подчинялись не простые только люди, не имѣвшіе никакого авторитета и не отличавшіеся образованіемъ,

но и люди высокихъ фамилій, съ большимъ успѣхомъ кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, усвоившіе себѣ все богатство современнаго знанія и имѣвшіе ния въ литературѣ. Напримѣръ св. Василій Великій принялъ званіе чтеца, побывавши въ нѣсколькихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и окончивши блистательно курсъ въ знаменитой тогда аѳинской школѣ, когда предъ нимъ, при его знатномъ происхожденіи, открывалась видная карьера, и въ этомъ званіи пробылъ до пяти лѣтъ. Будучи чтецомъ, онъ пріобрѣлъ извѣстность въ церкви, какъ сильный защитникъ православія: въ званіи чтеца имъ написаны славныя слова его противъ Евномія. Въ пресвитеры онъ рукоположенъ, когда ему было тридцать пять лѣтъ отъ роду. Другой знаменитый отецъ Церкви св. Іоаннъ Златоустъ еще съ большею постепенностію, чѣмъ св. Василій Великій, шелъ по лѣстницѣ церковно-іерархическихъ должностей. Окончивши курсъ въ школѣ Ливанія, отличавшійся большими талантами св. Іоаннъ предназначался своимъ учителемъ въ преемники себѣ, и учитель, цѣнившій его талантъ, предсказывалъ ему блестящую будущность. Но послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ опытовъ на поприщѣ ораторскомъ и адвокатскомъ, св. Іоаннъ Златоустъ оставляетъ свѣтское поприще и будучи двадцати трехъ лѣтъ поставляется на должность чтеца церковнаго, и не стыдится носить это званіе болѣе десяти лѣтъ; затѣмъ болѣе пяти лѣтъ онъ служитъ діакономъ при антиохійскомъ епископѣ, и санъ пресвитера принимаетъ, когда ему было уже около сорока лѣтъ. Возрастъ весьма почтенный, дающій право на занятіе высокихъ должностей, особенно при той силѣ духа, какою отличался св. Іоаннъ Златоустъ, при той высотѣ таланта, какою онъ уцѣдренъ былъ отъ Бога, при той широтѣ образованія, какою онъ превосходилъ своихъ сверстниковъ. Между тѣмъ св. Іоаннъ въ первой бесѣдѣ, сказанной по рукоположеніи въ пресвитера, называетъ себя убогимъ юношею, и выражаетъ большое смущеніе и изумленіе по поводу того, что онъ, слабый и неопытный юноша, вознесенъ на такую

высоту начальства¹⁾. Подобное медленное восхожденіе по степенямъ іерархической лѣстницы замѣчается и въ жизни другихъ отцовъ вселенской церкви.

Эта постепенность возведенія служителей церкви по степенямъ іерархической лѣстницы, и возведенія не сѣшшаго, — не дѣло только благочестиваго обычая христіанской древности. Она предписана и правилами св. соборовъ, которые желали и постановили, чтобы на высшія степени церковныя возводимы были только лица испытанныя, доказавшія свою способность проходить извѣстную церковную должность добрымъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ, прохожденіемъ нижней должности. Такое постановленіе св. соборы простирали не на простыхъ только людей, но и на ученыхъ. Такъ мы читаемъ въ 10 правилъ Сардікійскаго собора: „Подобаетъ со всякою точностію и тщаніемъ наблюдать, да богатый кто либо, или ученый, отъ свѣтскаго служенія, удостоиваемый епископомъ быти, не прежде поставляется, развѣ когда совершитъ служенія чтеца, и діакона, и пресвитера, дабы проходя чрезъ каждую степень, аще достойнымъ признанъ будетъ, могъ взыти на высоту епископства. Очевидно же, что для каждой степени чина должно быть предоставлено не слишкомъ малое время, въ продолженіе котораго могли бы усмотрѣны быти его вѣра, благонравіе, постоянство и кротость, и онъ, бывъ признанъ достойнымъ божественнаго священства, получилъ бы величайшую честь. Ибо не прилично, дерзновенно и легкомысленно приступати къ тому, чтобы посѣшнѣо поставляти или епископа, или пресвитера, или діакона: и ни знаніе, ни поведеніе не

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста 1 бесѣда, по рукоположенія его во пресвитера, стр. 1.

даетъ на сіе права. Понеже такового по справедливости почли бы весьма новымъ (1 Тим. III, 6) и не утвержденнымъ, наипаче, когда и блаженныйшій Апостолъ, который учителемъ языковъ былъ, является возбраняющимъ скорня поставленія въ церковныя степени: поелику дознаніе въ должайшее время достовѣрнѣе показать можетъ и поведеніе и правъ cadaго. Рекли всѣ, яко имъ сіе угодно, и сего нарушати отнюдь не должно. Тоже самое постановлено и на Константинопольскомъ соборѣ, именуемомъ двукратнымъ, который, прилагая попеченіе о соблюденіи во всемъ церковнаго благочестія, и видя, что нѣкоторые изъ монашествующихъ или мірскихъ, по требованію нужды, были вскорѣ, безъ испытанія прежде въ церковныхъ степеняхъ, удостоиваемы епископскія чести, опредѣлилъ (17 правило) отнынѣ сему уже не быти: но правильно рукополагаемый да пройдетъ чрезъ всѣ степени священствъ, исполняя въ каждомъ положенное закономъ время.

Далѣе, соборами прямо опредѣлено, какой возрастъ должны имѣть люди, удостоиваемые священнаго сана, именно соборными правилами возбраняется рукополагать въ священники ранѣе достиженія тридцатилѣтняго возраста нищимъ священствъ, а въ діаконы ранѣе достиженія двадцатипятилѣтняго возраста. Нани новыя законоположенія не новую тягость налагаютъ на кандидатовъ священства своими требованіями, а возстановляютъ бывшее въ древней практикѣ церкви и потомъ забытое въ послѣдующей жизни. Такъ въ 14 правилѣ шестаго вселенскаго собора мы читаемъ: Правило святыхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ да соблюдается и въ семъ: дабы во пресвитера прежде тридцати лѣтъ не рукополагати, аще бы человекъ и весьма достоинъ былъ, но отлагати до уреченныхъ лѣтъ. Ибо Господь Іисусъ

Христосъ въ тридесѣтое лѣто крестился, и началъ учить. Подобно и діаконъ прежде двадцѣтииѣти лѣтъ... да не поставляется. Къ этому 15 правило того же собора, опредѣлявъ двадцѣтилѣтній возрастъ для иподіакона, прибавляетъ: Аще же кто, въ какую бы то ни было священную степень, поставленъ будетъ прежде опредѣленныхъ лѣтъ: да будетъ изверженъ. Вселенскій соборъ не вновь постановилъ это правило: онъ только утвердилъ то, что гораздо раньше (въ началѣ IV вѣка) было постановлено на помѣстныхъ соборахъ,—касательно лѣтъ рукополагаемаго во священники на соборѣ Неокесарійскомъ (11 правило) и касательно лѣтъ діакона на соборѣ Карфагенскомъ (22 правило). Эти соборныя правила приняты были и подтверждены нашею русскою церковію. Такъ на Владимірскомъ соборѣ 1274 года постановлено возводить на церковныя степени постепенно: сначала постричь въ причетника, съ установленными молитвами. Впослѣдствіи уже онъ можетъ быть рукоположенъ въ діакона, когда достигнетъ 25 лѣтъ, и въ священника, когда будетъ 30 лѣтъ. Такія постановленія, согласныя съ опредѣленіями древней вселенской церкви, долгое время были руководственными началами въ нашей церковной практикѣ. Измѣненія въ этой практикѣ послѣдовали, когда учреждены были духовныя школы, и когда Духовнымъ Регламентомъ опредѣлено было не ставить въ священники и діаконы ни единого, который въ школѣ дому архіерейскаго не наставленъ есть¹⁾. Исключеніе изъ правилъ, т. е. возведеніе въ церковныя степени діакона и священника ранѣе опредѣленнаго соборами срока допущено было только по отношенію къ людямъ, кончившимъ курсъ духовной школы, приготовлявшей къ священству, и это сдѣлано было въ тѣхъ видахъ, чтобы расположить

¹⁾ Дух. Регл. Прибавленіе о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго 1.

къ поступленію въ духовныя школы лицъ, желающихъ посвятить себя пастырскому служенію. Когда мало было лицъ, получившихъ въ школѣ образованіе, требуемое для достойнаго выполненія священническаго служенія, льгота для обучавшихся въ школахъ кандидатовъ священства, соединенная съ отступленіемъ отъ древняго церковнаго правила, могла имѣть свое значеніе. Но нужно ли удерживать эту льготу, когда всеміи сознава нужда образованія, и когда есть вполне достаточное количество образованныхъ кандидатовъ священства?

Конечно, не совсѣмъ пріятно положеніе человѣка, окончившаго курсъ семинаріи и принужденнаго нѣсколько лѣтъ ожидать себѣ священническаго мѣста. Но мы не должны думать, что въ другихъ странахъ легко достаются мѣста, соответствующія нашимъ священническимъ мѣстамъ: сразу, вслѣдъ за окончаніемъ курса школы, нигдѣ не дѣлаютъ молодыхъ людей пастырями. Въ Германіи напримѣръ каждый кандидатъ на мѣсто пастыря обязательно долженъ кончить курсъ въ богословскомъ факультетѣ какого либо университета; но и этотъ, окончившій курсъ университета, кандидатъ богословія, долженъ пройти нѣсколько мытарствъ въ ожиданіи себѣ пастырскаго мѣста. Если онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, выдержалъ факультетскій экзаменъ и получилъ степень кандидата богословія, онъ чрезъ то еще не получилъ правъ на занятіе прихода. У него впереди еще нѣсколько экзаменовъ—прежде всего онъ долженъ выдержать экзаменъ предъ суперъ-интендентомъ епархіи, къ какой принадлежитъ по своему происхожденію. Главное дѣло суперъ-интендентскаго экзамена—проповѣдь; кандидатъ богословія долженъ сказать проповѣдь, во исполненіе требованій этого экзамена, на указанный ему текстъ; но кромѣ проповѣди полагается и устное испытаніе въ знаніи предметовъ, входящихъ въ кругъ богословской спеціальности. Послѣ удовлетворительной сдачи экзамена предъ суперъ-интенден-томъ окончившій курсъ студентъ богословскаго факультета вно-
сится въ списокъ кандидатовъ на занятіе какого либо пастыр-

скаго мѣста, и начинаетъ практически подготавливаться къ сану священника или у избраннаго имъ настоятеля прихода, или въ особой проповѣднической семинаріи. Черезъ два года, по окончаніи курса, кандидату богословія предстоить новый экзаменъ рго ministerio. Онъ входитъ съ прошеніемъ въ консисторію о томъ, чтобы его допустили къ экзамену на должность; консисторія можетъ требовать отъ него этого экзамена и раньше. И вотъ онъ держитъ новый экзаменъ предъ консисторіею: экзаменъ этотъ ограничивается теоретическою областію и мало имѣетъ отношенія къ будущему званію и обязанностямъ пастора. За этимъ экзаменомъ слѣдуетъ поставленіе въ пастыря или посвященіе (ordinatio). Но это посвященіе не соединяется съ поступленіемъ на приходъ и даетъ только титулъ священника и право на занятіе какого либо прихода. Этого прихода ищетъ самъ кандидатъ на пастора, хотя и получившій уже посвященіе. И община, ищущая пастора, не прямо принимаетъ къ себѣ того, кто къ ней является или кого къ ней посылаютъ: она тоже подвергаетъ кандидатовъ на мѣсто пастора нѣкоторому испытанію. Въ присутствіи ея ищущіе мѣста кандидаты должны произнести нѣчто въ родѣ пробныхъ проповѣдей, и она избираетъ изъ нихъ достойнѣйшаго или того, кто ей покажется лучше. Если кандидатъ долго не получаетъ мѣста, на которое приобрѣлъ право, его могутъ подвергнуть новому полному испытанію, или по крайней мѣрѣ потребовать отъ него, чтобы въ особомъ коллоквиумѣ предъ консисторіею онъ доказалъ свои достаточныя познанія въ области богословскихъ предметовъ.

Такимъ образомъ въ протестантствѣ у студента богословія очень значительный промежуточный періодъ между окончаніемъ университетскаго курса и водвореніемъ на мѣсто. Въ этотъ промежуточный періодъ положеніе кандидатовъ богословія, необеспеченныхъ независимымъ состояніемъ, какихъ въ Германіи громадное большинство, — очень незавидное. Многіе изъ нихъ жавутъ въ чужомъ домѣ въ качествѣ домашняго учителя какого либо

защиточнаго человѣка; другіе поступаютъ учителями въ приходскую или народную школу, и за свои занятія въ школѣ получаютъ довольно скудное вознагражденіе; третьи заводятъ школу въ какомъ либо бѣдномъ городкѣ или селеніи, и эти частныя школы далеко не всегда удаются, большею частию еле влечать свое существованіе. Четвертые, послѣ испытанія предъ коллегіею учителей гимназій, получаютъ мѣсто ректора или правителя въ городской школѣ, — мѣсто, не очень щедро вознаграждаемое, и если ректоръ школы семейный человѣкъ, то онъ чувствуетъ себя большею частию въ крайне стѣсненномъ положеніи. Иные изъ кандидатовъ богословія, получившихъ посвященіе, до полученія прихода, поступаютъ въ викаріи къ какому либо пастору, который желаетъ имѣть себѣ помощника или потому, что за слабостию силъ затрудняется исполнять свою обязанность, или просто потому, что не желаетъ отягощать себя излишними трудами и пользуясь хорошими доходами и бенефиціями предоставляет наемному человѣку дѣлать возложенное на него дѣло, за что удѣляетъ ему небольшую часть изъ своего содержанія. Викаріи получаютъ около 300 рублей на наши деньги, и будучи въ совершенной зависимости отъ пастора, находятъ себя вынужденными подчиняться не только справедливымъ ихъ требованіямъ, но и капризамъ.

Кандидаты богословія, ожидающіе себѣ прихода, находятся подъ наблюденіемъ декана округа, — должность, соотвѣтствующая должности нашего благочиннаго. Деканъ наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ и научными занятіями; каждую четверть года они должны представлять ему по проповѣди, и по крайней мѣрѣ разъ въ годъ проповѣдывать въ его присутствіи. Деканъ въ концѣ каждаго года представляетъ консисторіи вѣдомость о кандидатахъ своего округа съ аттестаціею объ ихъ поведеніи, занятіяхъ и способности къ дѣлу, къ какому они готовились.

Независимо отъ соборныхъ постановленій, практики древней церкви и примѣра другихъ странъ самая сущность дѣла не рас-

полагаетъ къ утвержденію обычал возводить въ священники молодыхъ людей прямо по окончаніи школьнаго курса. Священнику издревле присвоено названіе пресвитера, что въ переводѣ съ греческаго значитъ старѣйшій или старѣйшина. Прилично ли это почтенное званіе молодому двадцатилѣтнему юношѣ, какиѣ является выходящій изъ семинаріи кандидатъ священства? Священникъ отецъ, учитель и руководитель всѣхъ въ своемъ приходѣ. Кромѣ знанія, выносимаго изъ школы, необходимъ нравственный авторитетъ въ лицѣ священника, который бы могъ внушить почтеніе къ нему и малымъ и старымъ, и этотъ авторитетъ скорѣе можетъ быть у человѣка болѣе или менѣе зрѣлыхъ лѣтъ, чѣмъ у только что начинающаго жить самостоятельную жизнь. Можетъ ли быть отцомъ и для людей, убѣжденныхъ сѣдинами, человѣкъ, у котораго почти не опушились еще ланиты, хотя бы они и надѣли рясу? И не будетъ ли онъ чувствовать нѣкоторой неловкости, когда его будутъ называть батюшкою люди, по лѣтамъ могущіе быть не только его отцомъ, но и дѣдомъ? Наставительный голосъ пастыря будетъ всегда внушительнѣе, если онъ выходитъ не отъ школьника, а отъ человѣка, болѣе или менѣе умудреннаго лѣтами и опытностію.

Мы приведенными выше соображеніями хотѣли примирить кандидатовъ священства съ новымъ положеніемъ, отдаляющимъ для нихъ время полученія священства, такъ часто возбуждавшимъ ропотъ противъ себя. Не знаемъ, убѣдительно ли были наши показанія для тѣхъ, которые чувствуютъ нѣкоторую тяжесть новаго порядка вещей въ сравненіи съ прежнимъ, не такъ давно существовавшимъ. Но намъ кажется весьма ясною его законность и естественность. Впрочемъ, какъ бы то ни было, какъ скоро существуетъ промежуточный періодъ для вышедшаго изъ семинаріи до полученія священническаго мѣста, волею или неволею нужно подчиняться этому порядку вещей, и самъ собою при этомъ возникаетъ вопросъ: какъ долженъ проводить этотъ періодъ кандидатъ священства, поставленный въ такое или иное

положеніе, въ званіе ли вселомидника или діакона или въ званіе учителя народнаго или церковно-приходскаго учителя?

Гдѣ бы ни былъ кандидатъ священства по выходѣ изъ школы, вездѣ и всегда онъ долженъ познать свое будущее назначеніе и продолжать то приготовленіе къ нему, о какомъ прежде заботилась школа. Онъ не долженъ забрасывать и скрывать подъ спудомъ тотъ умственный капиталъ, какимъ снабдила его школа: онъ долженъ всячески беречь и по возможности умножать его. Было бы въ высшей степени дурно и не достойно его, еслибы онъ оставилъ книгу, какъ вещь, ему уже не нужную и надобвшую въ школѣ, какъ это иногда случалось видѣть. Его долгъ вести далѣе дѣло научнаго образованія по тому пути, какой указала ему школа: только теперь самостоятельно и по собственному усердію онъ долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ прежде занимался подъ руководствомъ наставниковъ и по требованію школы. Не оставляя общаго образованія, слѣдя по возможности за важнѣйшими явленіями литературы, главное вниманіе онъ долженъ сосредоточить на той богословской спеціальности, знакомство съ которою существенно важно въ дѣлѣ будущаго его служенія, и въ которой онъ каждому вопрошающему долженъ будетъ дать надлежащій отвѣтъ. Въ школѣ онъ могъ не имѣть времени прочитать много замѣчательныхъ произведеній по разнымъ отраслямъ богословской науки. Теперь, въ свободное время, онъ долженъ принять мѣры къ тому, чтобы непосредственно ознакомиться съ этими сочиненіями, и если представляется ему случай имѣть ихъ подъ руками, онъ не долженъ опускать этого случая. Слыхалъ онъ о великихъ отцахъ, вселенскихъ учителяхъ Церкви, но не знакомъ непосредственно съ ихъ твореніями. Прямой долгъ его восполнить это знакомство: отеческая литература, по своей важности въ церковной жизни и по ея руководительному значенію для позднѣйшихъ богослововъ, должна быть для него предметомъ общаго вниманія. Ему могутъ быть неизвѣстны въ подлинникѣ правила апостольскія, правила вселенскихъ и помѣстныхъ собо-

ровъ и святыхъ отцевъ; а между тѣмъ они имѣютъ законодательное значеніе въ нашей Церкви, и знаніе ихъ необходимо для пастыря Церкви, желающаго право править слово истины. Пробѣловъ въ знаніи очень много и у усерднаго студента семинаріи. Время по выходѣ изъ школы должно быть употреблено на то, чтобы восполнить эти пробѣлы и запастись всѣмъ, нужнымъ для успѣшнаго и плодотворнаго служенія Церкви и пастыря. Едва ли кандидаты священства свое уклоненіе отъ самообразованія и продолженія ученія могутъ оправдывать ссылкой на то, что трудно достать имъ потребныя книги. Нынѣ книга получала болыное распространеніе, и даже въ захолустьи она не является рѣдкостію. Если у него самого нѣтъ средствъ на приобрѣтеніе книгъ, къ его услугамъ могутъ быть открыты бібліотеки церковныя, благотворительныя, епархіальныя и бібліотеки частныхъ лицъ, разбѣяныя по разнымъ уголкамъ нашего отечества. Намъ кажется, горячее усердіе къ умственному труду, — лишь бы оно было у кандидата священства, — всегда найдетъ и съумѣетъ достать необходимое для себя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нагорная проповѣдь¹⁾.

Ст. 21 и 22. Слышасте яко речено бысть древнимъ: не убіеши: иже бо еще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ гиѣваяйся на брата своего всеу, повиненъ есть суду. [Въ книгѣ Исходъ говорится: не убій (20, 13), и послѣ еще: еще кто кого ударитъ, и умретъ, смертію да умретъ (Исх. 21, 12)]. Напередъ смягчивши сердца ихъ блаженствами и возбудивши къ добродѣтели, касается и большихъ заповѣдей. Начи-

¹⁾ Зигабена толков. см. № 33.

насть съ болѣе плотскихъ страстей, т. е. гнѣва и похоти. Сначала говорить о гнѣвѣ, затѣмъ разсуждаетъ и о похоти. Слѣдуетъ также поискать причины, почему Онъ не началъ съ заповѣди, которая въ законѣ поставлена первою. Такъ какъ она говорить о божествѣ, то слѣдовало бы ее восполнить и прибавить открыто о Своемъ божествѣ. Но для этого еще не пришло время. Если даже послѣ ученія и знаменій говорили, что Онъ имѣетъ бѣса, хотя открыто Онъ ничего не сказалъ о Своемъ божествѣ, то чего не сказали бы и не сдѣлали бы, если бы прежде всего этого Онъ попытался сказать что либо такое? И почему открыто не сказалъ, что Онъ—Богъ? Потому что могъ бы смутить слушателей. Если ученики, знающіе Его и ежедневно Имъ наставляемые, видящіе Его чудеса и ставшіе участниками несказаннаго, получившіе даже отъ Него силу воздвигать мертвыхъ, — если они не могли всего вмѣстѣ до сошествія Святаго Духа; то какимъ образомъ народъ, неразумный и не получившій такой силы, могъ не смущаться или не подумать, что Онъ скорѣе противенъ Богу и безстыдно присвоиваетъ Себѣ Его честь? Посему мудро и благоразумно, что, совершалъ чудесныя и свойственныя Богу дѣла, Онъ предоставляетъ имъ возвѣщать, что Онъ—Богъ, и что къ Своему ученію иногда присоединяетъ слова показывающія Его божество. Очевидно, что Онъ говорить о Себѣ большею частию со смиреніемъ, ради слабости слушателей, такъ какъ зналъ, что откроютъ это Его дѣла, какихъ не совершилъ никто другой. Говорить о себѣ самомъ что нибудь великое, надменно и подозрительно.

Но возвратимся къ предмету нашей рѣчи и посмотримъ, какимъ образомъ Онъ не нарушаетъ закона, а скорѣе восполняетъ какъ несовершенный. Онъ говоритъ: законодатель сказалъ къ древнимъ евреямъ: не убивай единоплеменника, человѣкъ! а кто убьетъ, будетъ подлежать осужденію, чтобы потерпѣть наказаніе сооувѣтственно убійству. Я же говорю вамъ, что всякій гнѣвающийся на брата своего напрасно, не благовременно,

будеть подлежать осужденію. Этимъ Онъ уничтожилъ не всякій вообще гнѣвъ, а отвергъ только несвоевременный; своевременный же гнѣвъ полезенъ. Такъ бываетъ благовременнымъ гнѣвъ противъ тѣхъ, которые живутъ вопреки заповѣдямъ Божиимъ, потому что мы гнѣваемся не для собственной защиты, но для пользы самихъ худо живущихъ изъ привязанности и братолубія, съ подобающимъ уваженіемъ. Гнѣвайтесь, говорятъ, и не согрѣшайте (Псал. 4, 15), т. е. гнѣвайтесь не заблуждайтесь, пользуясь гнѣвомъ не такъ, какъ должно. Назвалъ насъ братьями другъ другу, какъ имѣющихъ одного и того же Бога и одного прародителя, одну природу и вѣру, одиѣ заповѣди и обѣтованія награды. Но смотри, что Онъ прибавилъ: вырубилъ корень убійства. Кто такъ гнѣвается, никогда не дойдетъ до убійства, подобно тому какъ вырубившій корень не допускаетъ, чтобы когда либо произрасла вѣтвь.

Ст. 22. Иже бо аще речеть брату своему, рака: повиненъ естъ сонмищу. Выше осудилъ того, который только гнѣвается, а здѣсь того, который уже дошелъ до словъ. Рака—слово еврейское, обозначающее—ты. Когда кто либо гнѣвается на другого, то, не желая назвать его по имени, какъ бы недостойнаго, вмѣсто имени употребляетъ ты, въ знакъ гнѣва и ненависти. Господь осудилъ и такого, какъ гнушающагося общеою прородою, и сдѣлавъ его вину неосудною сонмищу старѣйшинъ народа, чтобы онъ былъ наказанъ ими.

Ст. 22. А иже речеть, урде: повиненъ естъ гееннѣ огненной. Этого еще болѣе осудилъ, такъ какъ онъ отнимаетъ у брата разумъ, которымъ мы отличаемся отъ бездоловыхъ, —или лучше—такъ какъ оскорбляетъ вѣру. Если вѣрующій братъ безуменъ, то безумна и его вѣра. Здѣсь впервые встрѣчается имя геенны огненной. Одни говорятъ, что она названа геенной, какъ всегда раждающая (γεννώσα) огонь, а другіе, —что это еврейское названіе, обозначающее такого рода наказаніе. Если же онъ такъ наказалъ такіа обиды, которыя мы считаемъ незначи-

тельными, то какого осужденія достойны мы, когда безпрестанно наносимъ своимъ братьямъ значительныя? Наказаль Онъ такія повидимому малыя обиды, ради большихъ, чтобы мы, зная, что и тѣхъ нужно бояться, эти считали еще болѣе страшными; съ другой стороны и потому, что людей гнѣвливыхъ не только значительныя обиды подстрекають къ убійству, но часто и незначительныя, воспламеняя гнѣвъ подобно искрѣ.

Ст. 23 и 24. Аще убо принесеши даръ твой ко алтарю и ту помянеши, яко братъ имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ алтаремъ и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой. Все что выше сказалъ, что теперь говорить и что послѣ будетъ говорить,—все это относится къ любви, которую Онъ часто предлагаетъ и различнымъ образомъ восхваляетъ, какъ это весьма часто будемъ видѣть впереди. Будучи Богомъ, Онъ изъ любви къ намъ воплотился и претерпѣлъ все, чтобы и мы любили Бога и самихъ себя, были соединены другъ съ другомъ любовію и составили одно тѣло, имѣя главою Христа. Поэтому разсѣкая нервы раздора, уничтожаетъ этимъ все, что разрываетъ любовь. И смотри, какъ велико Его человеколюбіе. Онъ отказывается отъ собственной чести изъ любви къ брату, и только не говоритъ: пусть на время прекратится служеніе Мнѣ, чтобы только ты помирился съ братомъ, потому что жертвою служить также примиреніе съ братомъ и безъ этого условія Я не принимаю ея. Итакъ приносишь ли ты хвалу Богу, или молитву (потому что и это также жертва), или что нибудь другое, не приноси этого не примирившись, зная, что Онъ ничего не приметъ, если ты прежде не примиришься. Слова эти безразлично относятся и къ тому, кто наноситъ обиду, и къ тому, кто терпитъ. Если ты обиженъ кѣмъ либо, то прости ему эту обиду и будь терпѣливъ; если же ты обидѣлъ другого, то загладь свою обиду и не опусти ничего, что можетъ послужить къ примиренію. Этимъ же научаетъ, что Богу нена-

вистна вся жизнь того, чья жертва не принимается по причинѣ вражды.

Ст. 25 и 26. Буди увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ скоро дондеже еси на пути съ нимъ: да не предасть тебе соперникъ судіи, и судія ты предасть слугѣ, и въ темницу ввержень будеши. Аминь глаголю тебѣ: не изыдеши оттуду, дондеже воздаеи послѣдній кодрантъ. Нѣкоторые подъ соперникомъ разумѣють совѣсть, которая всегда противится злой волѣ и обвиняетъ поступающаго худо; подъ путемъ—настоящую жизнь, во время которой должно быть благорасположеннымъ или повиноваться тому, кто побуждаетъ къ добру и отклоняетъ отъ зла. Какъ къ добродѣтели обыкновенно побуждаетъ не только будущимъ, но и настоящимъ, какъ мы сказали въ „Влаженствахъ“; такъ съ другой стороны отклоняетъ отъ зла не только будущимъ, но и настоящимъ. Послѣ того какъ отклонялъ отъ вражды будущаго теенною, теперь отклоняетъ и устрашаетъ настоящимъ судьею и тѣмъ, что случается ежедневно. Посему говорить: если даже влекутъ тебя къ судилищу, будь благорасположенъ къ своему сопернику, т. е. стань ему другомъ, хотя бы даже на пути, ведущемъ къ судіи, или—что тоже—прежде чѣмъ придеши къ судіи. Тогда тебѣ можно примириться только уплативши деньги, которыя Лука назвалъ дѣланіемъ (Лук. 12 58), такъ какъ онѣ дѣлають то, чего мы желаемъ, и доставляють, чего требуемъ. Лучше уплатить долгъ, чѣмъ быть присужденнымъ къ пенѣ. Уплативши долгъ по любви, ты выиграешь троякое благо: не будешь ввергнутъ въ темницу, не израсходуешься до послѣдняго, и примиришься съ противникомъ. Если же будешь приговоренъ судьею, то подвергнешься наоборотъ троякому злу: будешь брошенъ въ темницу, потеряешь послѣдній кодрантъ, который Лука назвалъ послѣднею лептою (Лук. 12, 59), т. е. самымъ меньшимъ видомъ пени, къ уплатѣ которой ты будешь присужденъ,—и такимъ образомъ не прими-

ринься. Естественно, что какимъ бы то ни было образомъ соперникъ побѣдитъ тебя. Есть впрочемъ нѣкоторые изъясняющіе эти слова таинственно, но Златоустъ не принимаетъ этого въ отношеніи къ настоящему мѣсту.

Ст. 27 и 28. Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши. Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, иже воззрѣтъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ. И въ законѣ послѣ того какъ сказано: не убій, поставлено: не прелюбы сотвори. Посему, восполнивши предыдущую заповѣдь, переходить и къ послѣдующей и давши надлежащее направленіе гнѣву, ставитъ предѣлы и для вожделѣнія. Какъ въ предыдущей заповѣди, прибавивши: все уже положилъ различіе между благовременнымъ гнѣвомъ и безвременнымъ, такъ и въ этой прибавивши ко еже вожделѣти разграничилъ воззрѣніе нестрасное отъ страстнаго. И не сказалъ просто: иже воззрѣтъ, но: иже воззрѣтъ съ вожделѣніемъ, то есть кто смотритъ усердно, кто смотритъ страстно, такъ что возбуждаетъ желаніе къ совокупленію. Такой наполнилъ уже свое сердце страстью и въ душѣ уже совершилъ прелюбодѣяніе. Или: кто смотритъ для того, чтобы возбудить пожеланіе. Такой самъ искалъ страсти, самъ сплѣнилъ къ вожделѣнію и предался ему, если не коснулся жены тѣломъ, то по крайней мѣрѣ мыслію. А кто смотритъ на нее мимоходомъ, или по какой либо другой необходимости, тотъ свободенъ отъ вины. Женою здѣсь называется и замуженною жепщину, и отищенную мужемъ, и дѣвицу. Нужно знать, что наставленія эти, хотя повидимому направлены къ мужьямъ, относятся и къ женамъ. Мужъ есть глава жены (Ефес. 5, 23), а съ головою соединены и члены. Запретилъ внимательный взоръ, потому что изъ него произтекаетъ страсть въ сердце; страстное же сердце побуждаетъ и тѣло къ совокупленію. Посему Онъ уничтожилъ корень, чтобы, произрастивши вѣтвь, онъ не принесъ плода.

Ст. 29 и 30. Аще же око твое десное соблажняетъ тя, изми е и верзи отъ себе: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную. И аще десная твоя рука соблажняетъ тя, усѣцы ю, и верзи отъ себе: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геену. Не о членахъ тѣла говорить здѣсь (члены тѣла свободны отъ вины; ови управляются душою и двигаются, куда она прикажетъ), но подѣ правымъ глазомъ разумѣть пригоднаго подобно правому глазу друга, а подѣ правой рукой полезнаго подобно правой рукѣ помощника, — будутъ ли это мужья или жены. Итакъ говорить: если они соблазняютъ тебя къ страсти, не щади ихъ, но лиши ихъ вліяніи на тебя, и брось отъ себя. И не сказалъ: умертви, но изми, разумѣя совершенное расторженіе. Сказавши: изми, не остановился на этомъ, но продолжилъ рѣчь, присоединивъ: и верзи отъ себе, чтобы опять не стать дружнымъ, находясь вблизи. Такъ какъ Онъ говорилъ о трудномъ дѣлѣ, то показалъ и выгоду, происходящую отъ ея.

Ст. 31 и 32. Речено же бысть, яко иже аще пуститъ жену свою, да дастъ ей книгу распу-стную. Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творить ю прелюбодѣйствовати: и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ. Вотъ указываетъ и другой видъ прелюбодѣянія. Древній законъ приказывалъ, чтобы ненавидящій почему бы то ни было свою жену не удерживалъ ее, но отпускалъ, давши ей разводное письмо, чтобы не случилось убійства. Иудеи были почти непримиримы не только по отношенію къ женамъ, но и къ дѣтямъ. Посему Христосъ и сказалъ къ нимъ: Моисей по жестокосердію вашему повелѣ вамъ пустити жены ваша (19, 8), но дать разводное письмо, чтобы впоследствии, когда отпущенная выйдетъ замужъ за другаго, отпу-

стившій не могъ взять опять ее, какъ свою жену, и чтобы отсюда не происходили безпорядки и раздоры. Научая вышеупомянутыми словами бысть болѣе кроткими, Христосъ теперь повелѣваетъ не только не отпускать жены, развѣ словесе любодѣйнаго, т. е. кромѣ вины любодѣнія, называя здѣсь любодѣніемъ—прелюбодѣніе,—но и отпущенной не позволяетъ выходить за другаго мужа. Кто отпускаетъ свою жену не за вину любодѣнія, тотъ дѣлаетъ ее прелюбодѣйною, если она соединится съ другимъ мужемъ; а кто женится на отпущенной другимъ, тотъ прелюбодѣйствуетъ съ чужею. Узаконивши это, Онъ сдѣлалъ и жену благоразумнѣе. Слыша, что никто не возьметъ въ жены отпущенную, она будетъ любить своего мужа и угождать ему. Такимъ образомъ напоминая о винѣ прелюбодѣнія и тому, кто безъ причины отпускаетъ свою жену, и тому, кто женится на отпущенной другимъ, Онъ укрѣпилъ миръ сунуговъ и позаботился, чтобы не допускалось прелюбодѣніе. Кто не отпускаетъ и любитъ свою, тотъ не пожелаетъ чужой, и тотъ, которому запрещается жениться на отпущенной другимъ, не отустить своей.

Ст. 33 и 34. Паки слышите яко речено бысть древнимъ; не во лжу кленешися, воздаси же Господевѣ клятвы твоѣ. Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко. Не во лжу кленешися написано въ книгѣ Исходъ (20, 7), а воздаси Господевѣ клятвы твоѣ—въ книгѣ Второзаконіѣ (23, 21, 23), но другими словами. И кленешися именемъ Господнимъ¹⁾. Этимъ Онъ повелѣлъ, чтобы не клялись ложными богами. Не клясться и не требовать клятвы—это одно и то же. Какимъ образомъ ты будешь склонять брата своего къ тому, чего самъ избѣгаешь, если ты братолюбивъ и не любостязателенъ. Древній законъ говорить: не во лжу кленешися; воздаси же Господевѣ

¹⁾ Этимъ словъ нѣтъ ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ Заветѣ.

клятвы твоя. Это Онъ сказалъ, внушая клянущемуся страхъ не нарушать клятвы, такъ какъ онъ знаетъ, что Самъ Богъ, всевѣдущій, принимаетъ эту клятву. Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко. Кто легко дастъ клятву, тотъ можетъ когда либо ее нарушить, по привычкѣ клясться,—а кто никогда не клянется, тотъ никогда и не нарушитъ клятвы. Кромѣ того, не нарушать клятвы для клянущагося—воспитывало богопочтеніе, а вовсе не клясться—еще болѣе возвышаетъ его; первое было дѣломъ посредственной и несовершенной мудрости, а второе—высокой и совершенной.

Ст. 34 и 35. Ни небоязъ, яко престолъ есть Божій: ни землю, яко подножіе есть ногама его: ни Іерусалимомъ, яко градъ есть великаго царя. Чтобы не подумали, что Онъ запрещалъ клясться только Богомъ, т. е. говорить: клянусь Богомъ, присоединяетъ и другіе виды клятвы, которыми клялись иногда іудеи. Кто клянется этимъ, все-таки клянется Богомъ, Который все это наполняетъ и всемъ господствуетъ. Отъ Бога эти предметы получили честь, а не отъ самихъ себя. Чрезъ пророка Богъ говоритъ: небо престолъ мой, земля же подножіе ногъ моихъ (Ис. 66, 1), показывая, что Онъ все наполняетъ, какъ и говоритъ: еда небо и землю не азъ наполняю (Іер. 23, 24). А Давидъ сказалъ: градъ царя великаго (Пс. 47, 3).

Ст. 36. Ниже главою твоею кленися, яко не можещи власа единаго бѣла или черна сотворити. Не клянись самою маловажною и сподручною клятвою, т. е. своею головою, чтобы не дойти и до большого. Съ другой стороны, и голова твоя есть стяжаніе и приобрѣтеніе Божіе; такъ что и въ этомъ случаѣ происходитъ клятва Богомъ, Который содержитъ ее въ Своей власти. Хотя она и принадлежитъ тебѣ, но—не твое твореніе, что открывается изъ того, что ты не можешь одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ.

Ст. 37. Буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишше же сею отъ непріязни есть. Пусть будетъ, говорить, словомъ вашимъ, когда вы утверждаете, ей, а когда отрицаете, ни. Этими только и пользуйтесь для утвержденія вмѣсто клятвъ и ничѣмъ другимъ больше: ей и ни. А что сверхъ этого присоединяется, называется клятвою. Но если клятва отъ діавола, то почему ее допускалъ древній законъ? Потому что и приношенію въ жертву животныхъ было отъ лукаваго и соприкасалось съ идолослуженіемъ, но однако законъ допустилъ это по мудрому домоостроительству ради слабости Евреевъ. Такъ какъ они были прожорливы, то любили идоложертвенное, а такъ какъ были недовѣрчивы, то любили клятвы. Посему чтобы впоследствии они не приносили жертвъ идоламъ, и не клялись идолами, законъ допустилъ и приносить жертвы, и клясться, и другое подобное, — но все это направилъ къ Богу. Но въ свое время все это имѣло быть отмѣнено болѣе высокимъ законодательствомъ. Такъ какъ питаться молокомъ для дѣтей полезно, а для мужей — не нужно, — поэтому дѣтямъ мы это позволяемъ, а взрослыхъ отклоняемъ и и удерживаемъ отъ этого. Что же нужно дѣлать, если кто либо требуетъ клятвы и принуждаетъ къ ней? Страхъ Божій пусть будетъ тебѣ необходимѣе такой необходимости и предпочитай скорѣе все терпѣть, чѣмъ нарушить заповѣдь Божию. И при всякой заповѣди часто встрѣтится тебѣ насилію и опасность; и если вездѣ ты не сочтешь болѣе необходимою заповѣдь Божию, то все онаѣ останутся у тебя пустыми и неисполненными. Впоследствии сказалъ Господь: царствіе небесное нудится, и нуждники восхищаютъ е (Матѣ. 11, 12).

Ст. 38 и 39. Слышасте, яко речено бысть: око за око, и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу. Нѣкоторые порицаютъ древній законъ за то, что онъ повелѣваетъ вырывать глазъ за глазъ и зубъ за зубъ и объявляетъ вырванному глазъ или зубъ у кого нибудь такое же несчастіе безъ всякаго состраданія. Но законъ этотъ весьма человѣ-

колюбивъ, и повелѣлъ дѣлать это для того, чтобы люди того времени, весьма склонные къ нанесенію ударовъ другъ другу, не вырывали одинъ у другаго глазъ и зубовъ, вѣдѣствіе страха потерпѣть тоже самое. Христосъ, давая болѣе человеколюбивые законы, удерживаетъ это зло не страхомъ того же наказанія, но будущимъ осужденіемъ. Сказавши выше, что иже речетъ (брату своему), уроде: повиненъ есть гееннѣ огненной, Онъ далъ повѣсть, что больше будетъ наказанъ тотъ, кто ударить, а еще больше, кто изувѣчить. Поэтому Онъ повелѣлъ не сопротивляться злему. Подъ злымъ нѣкоторые разумѣютъ здѣсь того, кто ударилъ; но Златоустъ разумѣетъ—дѣвола. Христосъ сказалъ это, научая, что по побужденію дѣвола человекъ рѣшился на это, и на него перенося гнѣвъ пострадавшаго, возбужденный противъ причинившаго страданіе. Итакъ, что же? не должно противиться дѣволу? Конечно; но не посредствомъ мщенія брату,—такое противленіе Онъ запретилъ,—но посредствомъ терпѣнія и великодушія. Не гнѣвомъ тушится гнѣвъ, какъ и не о огнемъ—огонь; но противоположное лечится противоположнымъ.

Ст. 39. Но аще ты кто ударить въ десную твою ланиту, обрати ему и другую. Повелѣваетъ не только не мстить, а скорѣе подставлять себя ударающему, чтобы терпѣніемъ и великодушіемъ обуздать его. Видя это, онъ не только не нанесетъ другаго удара, но раскается и въ первомъ и примирится, а если ты будешь противиться, то онъ еще больше воспламенится и ожесточится. Почему законъ отдѣльно сказалъ только о глазѣ и зубѣ, между тѣмъ какъ много есть членовъ въ тѣлѣ? Потому что ударающіе наносятъ побои преимущественно по однимъ членамъ, такъ какъ они менѣ защищены, находятся на виду и легко повреждаются. Но законъ посредствомъ ихъ распространяется и на другіе члены. И правая щека сподручнѣе для удара, легче подпадая подъ правую руку наносящаго обиду. Такимъ образомъ и эта заповѣдь касается и всѣхъ остальныхъ членовъ.

Ст. 40. И хотящему судитися съ тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу. Спаситель хочетъ, чтобы ты оказывалъ терпѣніе и великодушіе не только по отношенію къ ударамъ и оскорбленіямъ, но и къ имуществу и деньгамъ. Это послѣднее имѣетъ въ виду рѣчь о хитонѣ, какъ болѣе удобномъ для отнятія. Онъ говоритъ: хотящему судитися съ тобою и ризу (χιτών) твою взяти, отпусти ему и срачицу (ἱμάτιον), и побѣди его корыстолюбіе, уступивши ему не только то, чего онъ требуетъ, но присоединивши и то, чего онъ не требуетъ. Если ты сдѣлаешь это, то онъ или оставить то, чего домогался, пристыженный такою твоею мудростію, — или, взявши то, чего требовалъ, не коснется того, чего не требовалъ, но сильно почувствуетъ свое корыстолюбіе. Если ты не будешь судиться съ нимъ, но отдашь то, чего онъ хочетъ, то сдѣлаешь полезное только для себя. Если же соединиши къ этому и другое, то принесешь пользу его душѣ, и для себя сдѣлаешь двоякое добро: избѣгнешь суда и отвратишь корыстолюбіе. Срачица (ἱμάτιον) — это одежда, которую мы носимъ сверху другихъ одеждъ, а риза (χιτών) — нижняя одежда. Часто также безразлично χιτών (риза) называется ἱμάτιον (срачица), и наоборотъ. А иногда и всякая одежда называется то ἱμάτιον, то χιτών. Хотя и Лука говоритъ: отъ взямающаго ти ризу, и срачицу не возбрани. Оба эти изреченія сказаны Христомъ, это на горѣ, а то, что у Луки, на ровномъ мѣстѣ. Чтожъ, ужели должно ходить нагому? Неужели это слишкомъ много — ради пользы брата ходить нагому? Однако онъ не поступилъ бы съ тобою такъ безчеловѣчно, потому что устыдился бы, какъ сказано, твоего великодушія.

Ст. 41. И аще кто тя пойметъ по силѣ поприще единого, иди съ нимъ два. Древній законъ, различая виды пороковъ по одной тяжести ихъ, пропускалъ маловажные. Но Христосъ постановилъ законы и относительно этихъ послѣднихъ, начиная съ болѣе важнаго и останавливаясь на незначительномъ.

Тяжелѣ всего было лишеніе глаза или зуба, потому что первый указывалъ путь, а второй служилъ при питаніи,—затѣмъ ударъ по щекѣ, какъ весьма позорный,—потомъ отнятіе одежды, наче же всего этого—принужденіе. Какъ и при другихъ видахъ оскорбленія Онъ повелѣлъ быть добродѣтельнымъ съ избыткомъ, такъ и въ случаѣ принужденія—приказываетъ побѣдить несправедливое желаніе обижающаго и претерпѣть больше, чѣмъ онъ жаждетъ сдѣлать. Ты видѣлъ безстрастіе, насажденное въ страстномъ тѣлѣ; обратилъ вниманіе и на ангельскую жизнь, посѣянную въ людяхъ. Не чувствовать страстнаго пожеланія, не гнѣваться съ волненіемъ—свойственно небесной жизни, что въ указанныхъ заповѣдяхъ Христосъ узаконилъ. Повелѣвая не гнѣваться на брата напрасно, не говорить ему ракѣ, не называть его уроде, не приносить дара Богу не примирившись съ братомъ, благожелать обижающему,—Онъ перерѣзалъ жилы у страстнаго гнѣва. Заповѣдуя не смотрѣть страстными глазами на жену, отвергать соблазняющаго или соблазняющую, не отпускать безъ причины своей жены, не жениться на отпущенной другимъ,—Онъ вырвалъ корни у страстнаго пожеланія. И опять,—повелѣвая не клясться вовсе, изгналъ пристрастіе къ имуществу и деньгамъ, а заповѣдуя не противиться злему, подставлять и другую щеку, отдавать и срачицу, сопровождать и двѣ версты,—Онъ удержалъ духъ отъ мщенія.

Ст. 42. Просящему у тебя дай. Когда Онъ стоялъ уца на ровномъ мѣстѣ, то сказалъ лясѣ: всякому просящему у тебе дай, какъ написалъ Лука (6, 30). Притомъ повелѣваетъ не различать достойнаго отъ недостойнаго. Какой бы онъ ни былъ, онъ нуждается въ томъ, чего просить. И Богъ все необходимое для поддержанія жизни равно предоставилъ всѣмъ людямъ, добрымъ и злымъ, вѣрнымъ и невѣрнымъ.

Ст. 42. И хотящаго отъ тебе зяяти, не отврати. Теперь повелѣлъ занимать безъ росту, а когда училъ, какъ сказано выше, на ровномъ мѣстѣ, то повелѣлъ не требовать назадъ

и того, что дано въ займы. Если, говорить, займы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно, то какая вамъ за то благодарность (Лук. 6, 30). Но то, что находится въ настоящемъ мѣстѣ, относится къ несовершеннымъ, а то, что у Луки, — къ болѣе совершеннымъ.

Ст. 43 и 44. Слышасте яко речено есть: возлюбивши искренняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите клеующія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгоняющихъ вы. Искоренивши, какъ сказано, гнѣвъ и похоть и освободивши отъ всякой пагубной страсти повинующихся ему, повелѣлъ благотворить, давая просящимъ и занимая нуждающимся; потомъ, восходя выше, возвелъ на высоту добродѣтели. Вънцемъ и вершиною всякой добродѣтели служить любовь къ врагамъ съ ея послѣдствіями, — любовь къ нимъ, не какъ къ врагамъ, а какъ къ людямъ, и не только любовь, но и молитва за нихъ. За любовью къ врагамъ послѣдуетъ и все остальное, именно — благословеніе проклинающихъ, благотвореніе ненавидящимъ и молитва за обижающихъ насъ. Таковы свойства совершенной любви. Смотри, что и награда столь великой добродѣтели самая большая. Такъ какъ такой поступокъ больше всякаго другаго, то и награду Онъ полагаетъ большую, чѣмъ всякая другая. Говорить:

Ст. 45. Яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и на неправедныя. Богъ есть Отецъ людей, какъ творецъ ихъ (и мы совершителей какихъ нибудь дѣлъ называемъ отцами ихъ) и какъ попечитель и промыслитель ихъ, потому что отцу свойственно заботиться и промышлять о своемъ сынѣ. Сынами Божиими становятся тѣ, которые уподобляются Ему чрезъ добродѣтель, насколько это возможно для человѣка, потому что сыну естественно быть

похожимъ на своего отца. Да будете, говорить, сынами Бога, не по естеству, а по подобію, именно чрезъ любовь къ врагамъ своимъ. Хотя Онъ осыпается, какъ стрѣлами, поношеніями злыхъ и несправедливыхъ, хулится, и лишается Своей чести, однако, любя ихъ повелѣваетъ солнцу Своему свѣтить злымъ и добрымъ, посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Онъ терпитъ зло отъ Своихъ рабовъ, а ты отъ равныхъ себѣ. Ты окажешь имъ немногія и незначительныя благодѣянія, а Онъ многочисленныя и величайшія; и однако за такое подражаніе даруетъ тебѣ возможность быть подобнымъ Ему и называться Его сыномъ. Солнцемъ и дождемъ конечно обозначилъ все потребное для жизни,—потому что при помощи ихъ все рождается изъ земли, питается, возвращается и доводится до конца. Можно и иначе понимать. Да будете сынами Бога, подражая Сыну Его, Который, претерпѣвъ безчисленныя поношенія отъ враговъ, любилъ ихъ и благоотворилъ, уча и исцѣляя ихъ, и наконецъ пригвожденный ко кресту молился за нихъ говоря: Отче отпусти имъ: не вѣдять бо что творять (Лук. 23, 34). Итакъ Христосъ желаетъ, чтобы съ друзьями ты мирился: шедъ прежде смирился, говорить, съ братомъ твоимъ, а враговъ любилъ и молился за нихъ, какъ сказано выше.

Ст. 46 и 47. Аще бо любите любящихъ васъ, кую мзду имете; не и мытари ли тожде творять: И аще цѣлуете друга ваша токмо, что лишше творите; не и язычники ли такожде творять. Любить того, кто насъ любитъ, не есть добродѣтель, а дѣло согласное съ природою, потому что и мытари тожде творять, у которыхъ нѣтъ и слѣда добродѣтели. Мытари—это были сборщики податей и торгаша (κοινηροί). Занимающіеся этимъ дѣломъ пользовались дурною славою, какъ несправедливые, корыстолюбивые и преступные. Поэтому въ ученіи на равномъ мѣстѣ Христосъ называлъ ихъ грѣшниками, а не мытарями. Но какого осужденія мы будемъ достойны, когда не любимъ и тѣхъ, которые

насъ любить и ненавидимъ тѣхъ, которые намъ желаютъ добра? Намъ повелѣно превзойти въ правдѣ книжниковъ и фарисеевъ, а мы стоимъ ниже мытарей, которыхъ даже они порицають.

Ст. 48. Будите убо вы совершенни, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть. Тѣ, которые любятъ любящихъ ихъ, тѣ конечно несовершенны въ любви,—а тѣ, которые любятъ и враговъ своихъ, тѣ вполне совершенны.

Проповѣдническое обозрѣніе.

Къ числу лучшихъ проповѣдей, предъ городскими слушателями произнесенныхъ и напечатанныхъ на страницахъ разныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, можно отнести слѣдующія: слово преосв. Августина, епископа Аккерманскаго, въ третью недѣлю великаго поста (Кишин. еп. вѣд. № 6),—его-же слово въ недѣлю св. жень муроносицъ (тамъ же № 8), слово неизвѣстнаго проповѣдника Подольской епархіи въ день св. ап. и евангелиста Іоанна Богослова и годовщины учрежденія Іоанно-Богословскаго братства при Подольской духовной семинаріи (Подольск. епарх. вѣд. № 20—21), слово свящ. П. Аеоцскаго на день восшествія на престолъ Государя Императора (Минск. еп. вѣд. № 8-й), слово прот. І. Рождественскаго на день святителя Николая (Моск. церк. вѣд. № 21-й), слово прот. Н. Маркова въ великій пятокъ (Черниг. еп. вѣд. № 8-й), слово его же въ день вступленія въ совершеннолѣтіе Государя Наслѣдника (тамъ же № 10), слово прот. Гр. Діаконова въ четвертокъ страстной седмицы предъ умовеніемъ ногъ (тамъ же № 8-й), поученіе архим. Николая о повиновеніи и послушаніи пастырямъ и учителямъ Церкви (Литов. епарх. вѣд. № 15), слово прот. А. Романова въ недѣлю православія (Тульск. еп. вѣд. № 5-й), слово свящ. А. Юрашкевича въ недѣлю Ваій (Минск. еп. вѣд. № 10-й), слово прот. А. Никольскаго въ великій пятокъ (Тульск. еп.

вѣд. № 6-й), слово свящ. И. Ливанскаго въ день св. и благо-
вѣрнаго князя Александра Невскаго (Орлов. еп. вѣд. № 10-й),
слово прот. А. Бутакова въ недѣлю Православія (тамъ же
№ 8-й), слово свящ. Н. Кратирова въ день восшествія на пре-
столь Государя Императора (Донск. еп. вѣд. № 8-й), слово архим.
Владимира въ великій пѣтокъ (Рязан. еп. вѣд. № 9-й), слово
прот. А. Иванова въ день восшествія на престоль Государя
Императора (Тульск. еп. вѣд. № 5-й) и слово свящ. И. Мансве-
това въ праздникъ Рождества Христова (Моск. церк. вѣд.
№ 18-й).—Но да не посѣтуютъ на насъ оо. проповѣдники,
что мы, за недостаткомъ мѣста, подробнѣе коснемся здѣсь только
особенно выдающихся своими внутренними и внѣшними достоин-
ствами проповѣдей: свящ. И. Мансвєтова, прот. Н. Маркова
въ (великій пѣтокъ), неизвѣстнаго проповѣдника Подольской
епархіи, прот. І. Рождественскаго, архим. Николая и свящ. П.
Аоонскаго.

Воспомянаніе событія рождества Христа Спасителя, при-
несшаго на землю миръ, даетъ поводъ свящ. И. Мансвєтову по-
бесѣдовать съ слушателями о войнѣ съ христіанской точки зрѣ-
нія. Да вотъ вопросъ: какъ можетъ мириться христіанство съ
войною, совершенно противною ему въ самомъ принципѣ? Де-
вятнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ христіанство
утвердилось на землѣ; девятнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ
поръ, какъ слово его о мирѣ и любви раздастся чуть не по
всему свѣту;—гдѣ же то царство полнаго, безмятежнаго мира на
землѣ, о которомъ пророкъ еще въ ветхомъ заветѣ сказалъ,
созерцая духомъ нѣбывшій наступить порядокъ жизни христіанской:
„и раскуютъ мечи на орала, и копія на серпы, и не возьмѣтъ
языкъ на языкъ меча, и не навывянутъ ктому ратоватися (Ис. 2,
4)... и настѣся будутъ вкуиѣ волкъ со агнцемъ, и рысь по-
чіетъ съ козлищемъ, и телець и юнецъ и левъ вкуиѣ настѣся
будутъ, и отроча мало поведетъ я“... и т. д. Не то видимъ въ
дѣйствительности. Слишкомъ далекъ еще родъ человѣческій отъ

полнаго усвоенія чистыхъ понятій христіанства, отъ воплощенія въ себѣ чувства любви и самоотверженія, какія заповѣдуетъ намъ евангеліе,—отъ той высоты духа, на которой человѣкъ становится способнымъ разрѣшать все недоумѣнія, предпочитая благо ближняго своимъ личнымъ интересамъ: слишкомъ далеко еще поэтому родъ человѣческій и отъ царства полнаго, безмятежнаго мира на землѣ. И вотъ враждуютъ люди другъ съ другомъ, борются народы и царства, отнимая тысячи жизней и проливая кровь ближнихъ своихъ. Міръ христіанскій сочувственно и почти восторженно привѣтствуетъ успѣхи военной науки и въ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ смертоносныхъ орудій, влекущихъ за собою гибель и разореніе, видитъ торжество науки и послѣднее слово технического знанія. „Христіанинъ! христіанинъ!“ съ грустью взываетъ въ виду всего этого проповѣдникъ: „Гдѣ же твоя братская любовь и самоотверженіе? Гдѣ же твое чувство человѣколюбія? Гдѣ заповѣди твоего Спасителя: любите враги ваша? Расковалъ ли ты бранные доспѣхи на орудія мирной безпечальной жизни?.. Ты поднимаешь руку на ближняго твоего, вооруженную такимъ разрушительнымъ огнемъ и мечемъ, какихъ и не представлялъ себѣ древній міръ; ты моментально губишь тысячи жизней и радуешься успѣхамъ въ этомъ кровавомъ дѣлѣ. Какая сила движетъ и возбуждаетъ рѣшимость твоего сердца? Чувствуется вѣяніе силы, чуждой христіанскихъ основъ мира и любви,—силы, о которой опытный въ самонаблюденіи апостолъ Павелъ говорить: „я не понимаю, что дѣлаю: не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то творю: добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю“ (Римл. 7, 15, 18). Зло—вотъ начало и источникъ войны со всеми ея ужасающими послѣдствіями“ ¹⁾. Своею единоличною силою Богъ поразить зло не хочетъ, такъ какъ это была бы побѣда силы превосходящей. По законамъ правды Божіей необходимо, чтобы побѣда надъ

¹⁾ Москов. церк. вѣд. 1884 г., № 13, стр. 241.

зломъ совершена была самимъ борющимся съ нимъ человѣкомъ. Человѣкъ, нѣкогда обольщенный зломъ, самъ теперь долженъ одержать и побѣду надъ нимъ, для чего Богъ даетъ различныя средства, располагая которыми, каждый человѣкъ можетъ не только противостоять злу, но и преодолевать его. И пока зло окончательно не поражено, „громъ оружія, кровопролитіе, смерти, разрушенія будутъ поражать нашъ слухъ и болѣзненно отзываться въ нашемъ сердцѣ“, потому что война въ мірѣ христіанскомъ есть неизбежное явленіе, есть горькое произведеніе неумолкающаго зла. Какъ неизбежное слѣдствіе зла, она потому и не возбранена Богомъ; напротивъ, Самъ Богъ повелѣвалъ иногда еврейскому народу враговъ истины и правды покорять истинѣ или уничтожать силою оружія. Предъ имѣющимъ быть нѣкогда концемъ міра брани, по печальному предсказанію Господа, еще болѣе усилятся, беззаконія еще болѣе умножатся: „возстанетъ языкъ на языкъ и царство на царство“ (Матѣ. 24, 7). Отсюда открывается, что „въ общемъ порядкѣ міровой жизни зло должно рости, и должно умножаться его разрушительное дѣйствіе. Два начала—доброе и злое, существуя вмѣстѣ въ жизни рода человѣческаго и возрастая, не должны уничтожаться взаимно, но развиваться по нѣмѣ каждое изъ своего собственнаго корня, пока наконецъ не станутъ лицомъ къ лицу каждое въ своемъ высшемъ проявленіи—въ лицѣ Христа и антихриста: съ одной стороны воплощенный Богъ, съ другой—человѣкъ, воплотившій въ себѣ всю полноту зла и сатанинской власти. И только окончательное пораженіе зла въ лицѣ антихриста должно прекратить на землѣ брани и слышанія бранемъ“¹⁾).

Прот. Н. Марковъ произнесъ слово въ великій пѣтокъ на текстъ: „се человѣкъ“ (Іоан. 19, 5)! Въ справедливомъ убѣжденіи, что ни одно церковное свѣщенно-дѣйствіе не можетъ имѣть такого разительно-сильнаго, трогательно-умиляющаго и спаси-

¹⁾ Москов. церк. вѣд. 1884 г., № 18, стр. 243.

тельно-дѣйствительнаго впечатлѣнія на сердце человѣка—христіанина, какъ представляемое взорамъ вѣрующихъ въ великій пѣтокъ святое изображеніе пречистаго тѣла Христова въ страдальческомъ, погребальномъ видѣ,—проповѣдникъ рисуетъ предъ слушателями картину страданій и смерти Спасителя, чтобы еще болѣе усилить подавляющее дѣйствіе на нихъ воспоминаемаго страшнаго роковаго безпримѣрно—великаго событія и вѣрнѣе заставить ихъ измѣнить свою жизнь къ лучшему: „Смотри! говорить церковь нынѣ каждому изъ насъ, представляя страшный образъ страданій и смерти нашего Господа. Гляди! вотъ что выстрадалъ твой Богъ, твой Спаситель, твой будущій Судія! Его били тростію. Ты видишь, тѣло Его истерзано и залито кровію. Его увѣнчали колючими тернами: капли крови струятся съ Его исколотата терновымъ вѣнцомъ чела. Палачи набросили Ему въ насмѣшку доскутъ пурпура на плечи и выю и плюютъ Ему въ лицо, и бьютъ по ланитамъ, и вонзаютъ терновый вѣнецъ въ голову, избитую тростію, и кричатъ Ему съ демонскимъ смѣхомъ: радуйся, царь іудейскій!—Вотъ на Него измученнаго и окровавленнаго возлагаютъ тяжелый крестъ, на которомъ Онъ будетъ скоро распятъ! Крестъ такъ тяжелъ, что давитъ Его. Потъ, смѣшанный съ кровію, льетъ съ Его лица. Обезсиленный крестоносецъ шатается на каждомъ шагу, нагибаетъ подъ бременемъ креста, убивая и обдирая колѣни о камни Голгоѣской дороги. Избитыя ноги оставляютъ позади себя кровавый слѣдъ. Истерзанныя руки не въ силахъ держать свою страшную ношу. Она давитъ Его ослабѣвшія плечи: но еще болѣе давитъ Его душу; ибо въ этомъ крестѣ Онъ несетъ безмѣрную тяжесть грѣховъ всего міра!—Гляди наконецъ: вотъ Христа возносятъ на крестъ. Ударами молота вбили гвозди въ Его простертыя руки и отокшія ноги. Подъ тяжестію Его висѣщаго тѣла раны въ немъ расширяются. Съ Его чела и лица, съ Его рукъ и ногъ льется кровавый потокъ. Онъ виситъ между двумя разбойниками, изъ которыхъ одинъ ругался надъ Нимъ; мимопроходящіе и стоящіе

вѣдѣются надъ Нимъ и въ эти Его предсмертныя минуты! А Онъ? Онъ покорно молчитъ... Но пѣтъ, не молчитъ, но, поднявъ глаза къ небу и къ Отцу Своему, молится за всѣхъ—и за враговъ, и съ послѣднимъ молитвеннымъ воплемъ умираетъ“. Такова потрясающая не только сердце человѣческое, но и безчувственный пѣдра природы смерть Христа! Соапце померкло—закрыло свѣтлое лицо свое, земля содрогнулась, камни скалъ разсѣлись, гробы раскрылись, мертвые пробудились“... ¹⁾. Эта такъ ярко и живо набросанная картина крестныхъ страданій и смерти Богочеловѣка въ состояніи произвести самое потрясающее впечатлѣніе на слушателей и безъ всякихъ уже дальнѣйшихъ увѣщаній со стороны проповѣдника, зоставтъ ихъ поглубже заглянуть въ свою душу и сильнѣе призадуматься надъ своею жизнію.

Слово неизвѣстнаго проповѣдника Подольской епархіи въ день св. ап. и еванг. Іоанна Богослова и годовщины учрежденія Іоанно-Богословскаго братства при Подольской духовной семинаріи написано на очень интересную, составляющую нынѣ злобу дня, тему. Вопросъ объ искорененіи нищенства принадлежитъ къ числу самыхъ животрепещущихъ социальныхъ вопросовъ настоящаго времени. Предлагаются проекты, работаютъ цѣлыя коммисіи надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, его судить и пересуживать на всѣ лады свѣтская пресса,—и будетъ ли когда-нибудь желанный и вполне достигающій цѣли копецъ всему этому, покажетъ время и опытъ. Пока всѣ остановились на томъ, чтобы, въ видахъ совершеннаго искорененія нищенства, устроить сначала въ столичныхъ, затѣмъ, по мѣрѣ возможности, и во всѣхъ другихъ городахъ, особые пріюты для нищихъ и т. д. Практиковавшаяся до сихъ поръ система вспомошествованія нищимъ въ формѣ подаванія милостыни признана всѣми политико-эконоами ни къ чему не ведущею и „безусловно вредною“, такъ

¹⁾ Черниг. епар. вѣд. 1884 г., № 8, стр. 334—335.

какъ благодаря ей нищенство не только не уменьшается, но, напротивъ, значительно развивается и уже обратилось въ особаго рода промыселъ легкаго добыванія насущнаго куска хлѣба. Изъ опроверженія наиболѣе ходячихъ въ обществѣ софизмовъ противъ милостыни и состоитъ все слово названнаго проповѣдника. Сущность всѣхъ этихъ софизмовъ сводится собственно къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ. Помогать должно только дѣтямъ, а никакъ не взрослымъ людямъ. Имѣя тѣлесныя силы и здравый умъ, всякій человѣкъ можетъ и долженъ самъ доставлять себѣ все необходимое. Для развитія и поддержанія самодѣятельности, умственнаго и нравственнаго совершенствованія человѣчества необходимо, чтобы каждый взрослый человѣкъ самъ трудился и самъ обезпечивалъ свое благополучіе. Для этой цѣли необходимо, чтобы каждый надѣялся только на себя, а не на другихъ. Если каждый будетъ знать, что помощи ему ждать неоткуда, то по необходимости будетъ и болѣе трудолюбивъ и болѣе остороженъ и сообразителенъ въ изысканіи средствъ къ своему благополучію. Такъ называемые нищіе это обыкновенно люди лѣнивые, не желающіе работать, желающіе жить на чужой счетъ. Лишеніе ихъ помощи было бы самымъ лучшимъ средствомъ къ уничтоженію нищенства. Слѣдствіемъ же сказаннаго выше отношенія къ ближнему будетъ поднятіе труда, развитіе личной предпріимчивости и производительности въ народѣ. Бѣдность, нужда и страданія суть великія орудія преснѣянія человѣчества, ибо онѣ приучаютъ человѣка къ осторожности, бережливости и изворотливости ума, закаляютъ его духъ и развиваютъ силу его дѣятельности... Мало было бы пользы для мореплаванія, еслибы только сильные и опытные мореплаватели перевозили слабыхъ и неопытныхъ. Пусть слабые и неопытные сами плывутъ, тогда мореплаваніе будетъ совершенно. — Проповѣдникъ возражаетъ на это, что не дѣтямъ только должно помогать, а и людямъ взрослымъ, такъ какъ природа человѣка слишкомъ ограничена, а потому способна къ ошибкамъ и заблужденіямъ и ихъ слѣд-

ствіямъ — несчастіямъ и бѣдствіямъ, отъ которыхъ онъ не въ силахъ бываетъ освободиться безъ сторонней помощи, — и это можетъ случиться рѣшительно со всякимъ. Не помочь человѣку въ подобныхъ обстоятельствахъ въ высшей степени безнравственно. Безучастное отношенію къ бѣдственному положенію ближняго можетъ повлечь за собою самыя гибельныя послѣдствія для него. А разъ мы согласимся, что помогать слѣдуетъ хотя бы то даже только въ исключительныхъ случаяхъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждены уже будемъ согласиться, что помогать и вообще всѣмъ и всегда должно, потому что какъ, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ знать — лѣнтивъ ли, дурной ли человѣкъ обратился къ намъ за помощью, или же человѣкъ дѣйствительно несчастный, котораго посильная лепта ближнихъ снова сдѣлаетъ прекраснымъ членомъ общества, государства и Церкви? Но положимъ, что къ намъ за помощью обратился бы лѣнтивъ и дурной человѣкъ, — выравъ ли мы отказать ему? Отнюдь нѣтъ. Развѣ онъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ не есть все же ближній нашъ, котораго Господь заповѣдалъ намъ любить, какъ самихъ себя? Притомъ же здѣсь дѣло идетъ о помощи ближнему, о его, можетъ быть, существованіи. Судить же его имѣетъ право только Богъ да поставленная Богомъ власть, потому что — кто знаетъ? можетъ быть мы именно сами и виноваты въ его недостаткахъ, не употребивъ по отношенію къ нему, когда это было нужно, совѣта, вліянія, особенно добраго примѣра. „Всякому, просящему у тебе, дай: и отъ взимающаго твоя, не истязуй“, говоритъ Господь (Лук. 6, 30), — дай даже и въ такомъ случаѣ, когда навѣрное знаешь, что изъ твоей помощи не выйдетъ ничего хорошаго. Ты во всякомъ случаѣ дѣлаешь доброе дѣло: помогаешь ближнему, поддерживаешь его существованіе, даешь ему возможность одуматься и „въ разумъ истины прийти“. Если ближній злоупотребитъ твоею помощію, онъ будетъ виноватъ, а не ты.

Наоборотъ, предметъ слова прот. І. Рождественскаго на день свят. Николая далеко не новъ. Долго не рѣшался пропо-

вѣдникъ, по его собственному заявленію, осквернить, такъ сказать, святость дома Божія бесѣдою о такомъ страшномъ пороѣ, какимъ является пьянство; но, съ одной стороны, быстрое развитіе его въ народѣ, съ другой—честованіе памяти „воздержанія учителя“ вынудили, наконецъ, нашего проповѣдника выступить на кафедрѣ съ словомъ объ этомъ гнусномъ пороѣ, представляющемъ собою самый худшій и вредный видъ невоздержанія, для большаго контраста, именно въ день свѣтлаго праздника великаго святителя Христова. Сначала проповѣдникъ говоритъ о гнусности пьянства, которое „унижаетъ достоинство человѣка, нерѣдко низводитъ его ниже безсловеснаго животнаго, дѣлаетъ его люте звѣря, искажаетъ и обезображиваетъ даже внѣшній видъ его, убиваетъ душевныя силы, губельно дѣйствуетъ на тѣлесное здоровье и нерѣдко завершаетъ свое дѣйствіе смертоносною и мучительною болѣзнію или внезапною и постыдною смертію“ ¹⁾. Затѣмъ въ двухъ яркихъ потрясающихъ картинахъ показываетъ, что пьянство есть „мать распутства“. Въ первой картинѣ проповѣдникъ рисуетъ горе-горькое житіе старушки—матери, у которой единственная опора сынъ—пьяница. Другая, болѣе сильная, картина представляетъ въ томъ же положеніи молодую жену: „...эта молодая женщина о чемъ тоскуетъ? Отчего такъ рано увяла красота ея безъ видимой болѣзни, безъ гнета суровой нужды, повидимому, среди покоя и довольства? Она не плачетъ, сердце ея высохло, слезъ у нея не стало, нѣхъ никто не видалъ и прежде, кромѣ темной безсонной ночи; ей только она повѣрала свою тоску, да Богу, скрывал, сколько можно было, отъ людей, потому что люди помочь ей не могли, и увеличить горе могли. Что же у нея за горе, которое точило ей сердце, какъ червь точитъ сердцевину дерева подъ корою? Есть у нея мужъ, любимый ею, есть у нея дѣти, еще малютки, беззаботно рѣзвящіяся при ней. Днемъ мужъ занятъ дѣломъ внѣ

¹⁾ Москов. церк. вѣд. 1884 г., № 21, стр. 275.

дома, а вечеромъ, когда занятія внѣ дома кончались, прежде возвращался домой къ женѣ и дѣтямъ,—а теперь его нѣтъ. Подаютъ ужинъ, но снимаютъ со стола не тронутый, дѣти спятъ младенческимъ сномъ, а жена сидитъ и ждетъ мужа, прислушиваясь ко всякому шороху подъ окномъ и у дверей. Вотъ полночь, а его нѣтъ; только къ утру онъ возвращается въ домъ—не съ ласкою къ женѣ, не съ повинною головою, а въ раздраженномъ состояніи, ни за что, ни про что на жену сыплются оскорбленія и угрозы въ отвѣтъ на ея, еще сбереженные на черный день, слезы. Наконецъ сонъ утомилъ шумнаго отъ вина домовладѣльца, сострадательно покрылъ крыломъ своими и истомленную страдальицу. Сонъ прошелъ, насталъ другой день, вышелъ изъ головы и чадъ прошедшаго дня, но обаяніе разгульнаго веселья не прошло. Вечеромъ и ночью тоже, что вчера, завтра и послѣ тоже съ нѣкоторыми перерывами будто бы по чувству долга, уже забытаго, затѣмъ опять всеобщее разгулье подъ разными для жены предлогами или прикрасами,—то другъ, то покупатель, то памятникъ, то... мало ли что можно придумать, но при всѣхъ придумкахъ и выдумкахъ состояніе семейства портится, хозяйство разстроивается, въ домъ прежде зажиточный начинаетъ заглядывать не легкая нужда, и прогнать ее некому и нечѣмъ. Женѣ—страдальцѣ Господь посылаетъ смертное успокоеніе, дѣтей благодѣтели ея помѣщаютъ въ благотворительный и богоугодный заведенія, а самъ—виновникъ такого семейнаго переворота, является среди скитальцевъ, днемъ перебѣгающимъ съ мѣста на мѣсто, зимою отъ голода и холода, а ночью въ пріютахъ бездомовныхъ и безпріютныхъ ¹⁾“. Заключеніе понятнo само по себѣ.

Поученіе архим. Николая о повиновеніи и послушаніи пастырямъ и учителямъ Церкви есть живая и горячая отповѣдь по адресу преступающихъ заповѣдь Господню о повиновеніи и послу-

¹⁾ Москов. церк. вѣд. 1884 г., № 21, стр. 276.

паніи пастырямъ Церкви: „слушай васъ, Мене слушаетъ, и отмѣтайся васъ, Мене отмѣтаютъ: отмѣтайся же Мене, отмѣтается посланнаго Мя“ (Лук. 10, 16). Проповѣдникъ довольно остроумно и даже не безъ—умѣренной впрочемъ—желчи разоблачаетъ поведеніе тѣхъ изъ православныхъ м. Супрасля, которые болѣе слѣдуютъ бреднямъ „какой-то неразумной женщины“, нежели спасительному голосу Церкви святой въ лицѣ ея богопоставленныхъ пастырей. Были конечно и есть и между пастырями люди недостойные—лѣнивые и грѣшныя, которые „глаголютъ и не творять“. Но и отъ повиновенія такимъ пастырямъ, говоритъ проповѣдникъ, „Спаситель не освобождаетъ пасомыхъ..., а только указываетъ, какъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ поступить: если скажутъ вамъ творить, творите, но по дѣломъ ихъ не творите (Мате. 23, 3)¹⁾“. И если взыщеть Господь въ день страшнаго Своего суда кровь грѣшниковъ съ недостойныхъ пастырей, то и достойные пастыри могутъ пожаловаться на непослушныхъ пасомыхъ и сказать: „Господи! да мы учили ихъ святымъ Твоимъ заповѣдямъ, мы ихъ наставляли, просили, умоляли не противиться Тебѣ и поставленнымъ Тобою пастырямъ Церкви, но они насъ не слушали: то суди ихъ по святой Твоей правдѣ“! Чта на это могутъ сказать, какой отвѣтъ могутъ дать виновные?

Слово на день восшествія на престолъ Государя Императора свящ. П. Аеопскаго отличается сильною убѣдительною и въ высшей степени свѣтлымъ и здравымъ взглядомъ на государственную власть. Въ приступѣ проповѣдникъ указываетъ на причину и цѣль, собравшія вѣрующихъ въ св. храмъ. Исслѣдованіе слагается изъ слѣдующихъ трехъ равномѣрныхъ частей: въ первой части проповѣдникъ обстоятельно показываетъ и доказываетъ, что Государь есть наша сила; во второй—что Государь есть наша слава; въ третьей—что Государь есть наша надежда на все доброе для нашего отечества. Выводъ отсюда (въ „при-

¹⁾ Лятовск. епар. вѣд. 1884 г., № 15, стр. 135.

ложеніи“) прямой: такъ какъ всѣ дѣйствія Царя направлены къ пользѣ его подданныхъ и ко благу государства; такъ какъ отъ точнаго и правильнаго выполненія предначертаній Царя зависитъ сила и слава нашего отечества и, слѣдовательно, наша собственная польза и благо; то мы должны всѣми силами стремиться къ тому, чтобы, проникнувшись его убѣжденіями и взглядами, содѣйствовать ему въ достиженіи его цѣлей и плановъ, должны выполнять всѣ его мудрыя предначертанія и указанія. Въ заключеніи проповѣдникъ убѣждаетъ слушателей постигнуть внутренній смыслъ и значеніе правительственныхъ распоряженій, проникнуться тѣмъ духомъ, который одушевляетъ правительство, и честно и неутомимо трудиться въ томъ направленіи, какое указывается намъ правительствомъ. Слово заканчивается краткою теплою молитвою за Государя.

Г. Б.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6 августа 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

XXV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять рубл., съ пересылкою шесть
рублей сереб.

№ 35.

Подписна принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
семинаріи.

1884 года, Августа 26-го.

Содержаніе: Рѣшеніе нѣкоторыхъ недоумѣній касательно почившихъ младенцевъ.—Кандидатъ священства, по выходѣ изъ школы до поступленія на мѣсто.—Проповѣди въ духовныхъ журналахъ.—Надгробныя пѣснопѣнія преп. Ефрема Сирина.—Еще о церковномъ пѣніи.

Рѣшеніе нѣкоторыхъ недоумѣній касательно почившихъ младенцевъ.

Святая Церковь вѣруетъ, что всѣ младенцы, умершіе послѣ крещенія, несомнѣнно получаютъ спасеніе по силѣ смерти Іисуса Христа. Ибо сами они чисты отъ грѣха, какъ отъ общаго,—потому что очищаются Божественнымъ крещеніемъ, такъ и своего собственнаго,—ибо, какъ дѣти, не имѣютъ еще своего произвола, и потому не грѣшатъ, то безъ всякаго сомнѣнія они спасаются (Грам. Вселен. патр. стр. 65). Такъ точно учили и святые отцы Церкви. „Дѣти тогда начинаютъ подлежать отвѣтственности за жизнь, говоритъ св. Григорій Богословъ, когда разумъ придетъ въ зрѣлость, и уразумѣютъ они таинство (крещенія), потому что за грѣхи невѣдѣнія не взыскивается съ нихъ

по причинѣ возраста“ (Твор. св. отц. ч. III, стр. 301). Подобное говоритъ и св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій: „во младенцѣхъ незлобіе есть не яко добродѣтель, но яко естество: естественнѣ бо не могутъ, ниже вѣдять творити коего зла, яко ниже добра“ (Част. III, стр. 299. Москов. 1842 г.). Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ о младенцахъ: „выше и прекраснѣе степень ихъ, нежели дѣвственниковъ и святыхъ: они чада Божіи, питомцы Духа Святаго“ (Твор. св. отц. ч. VI, стр. 107). „Душа младенца, говоритъ одинъ изъ учителей нашей Церкви, крещеніемъ очищенная, произвольными грѣхами не оскверненная, своею невинностью, простотою, незлобіемъ представляетъ нѣкоторую содружность естеству ангельскому“ (Слов. митр. Филар. ч. II, стр. 230 изд. 1844 г.). Св. Іоаннъ Златоустый въ уста почившихъ младенцевъ влагаеть такую молитву къ Богу: „Праведный Судіе, Господи, помилуй ны, лишилъ бо еси насъ земныхъ, но не лиши насъ небесныхъ; отлучилъ еси насъ отцевъ и матерей, но не отлучилъ отъ святыхъ; цѣла имамы знаменія крещенія; чисто тебѣ имамы принести тѣло младенства ради“ (Маргар. слово 11-е Моск. 1773 г. стр. 549). А что дѣйствительно младенцы пребываютъ въ обителяхъ небесныхъ, это подтверждали сами небожители. Такъ подобный Сергій одной болящей возвѣстилъ объ участи ея умершихъ братьевъ младенцевъ: „Имъ тамъ хорошо, сказали онъ, а ты съ ними быть не можешь; они, какъ младенцы, безгрѣшны, а ты не смотря на то, что мала (11-ти лѣтъ), грѣхи уже имѣешь, хотя и не великіе. Напрасно мать твоя жалѣла объ ихъ смерти: оставшіе въ живыхъ они того не получили бы“ (Приб. къ Твор. св. отц. 1861 г. стр. 403).

Но скажутъ: „младенцы развѣ не грѣшаютъ? А что значать дѣтскія прихоти, капризы, зависть къ сверстникамъ, ненависть и злопамятство къ своимъ оскорбителямъ, желаніе поставить на своемъ, идти наперекоръ запрещеніямъ и приказаніямъ,—какъ не грѣхъ? Не все же младенцы чисты и невинны“. Дѣйствительно, дѣтская чистота и невинность не есть совершенная,

ангельская чистота. „Святое крещеніе возрождаетъ человѣка въ новую жизнь, скажемъ словами одного изъ учителей нашей Церкви, но не уничтожаетъ тотчасъ жизни ветхаго человѣка; ибо вседѣйствующая благодать Божія даетъ мѣсто дѣйствію вѣры и подвигу человѣка, дабы милость была не безъ правды, и дабы мы добровольно приняли спасеніе. Такимъ образомъ и возрожденный не устыдился признаться, что еще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ (1 Іоан. 1, 8), обманываемъ себя“ (Слов. митроп. Филар. въ день св. Алек., говор. 12 февр. 1854 г.). Слѣдствія первороднаго грѣха остаются въ человѣкѣ и послѣ крещенія; грѣховныя склонности обнаруживаются въ немъ очень рано; но до раскрытія сознанія грѣху ему не вибняются. А младенецъ, какъ извѣстно, не понимаетъ, что добро и что зло, что горячіе уголья и что золото, кто царь и кто простой воинъ. Какъ же можно осудить его въ томъ или другомъ поступкѣ?

„Если уже несомнѣнно младенцы въ царствіи небесномъ, то, говорятъ, для чего же и молиться объ упокоеніи ихъ“? Но во-первыхъ, если кто почіетъ изъ нихъ, святая Церковь молится, какъ видно изъ чина погребенія младенческаго, не о прощеніи согрѣшеній почившаго, а прямо о причтеніи его къ „священнѣйшему лику святыхъ“. А во-вторыхъ мы обязаны молиться безъ исключенія о всѣхъ почившихъ въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія; по заповѣди Апостола мы обязаны молиться и о всѣхъ святыхъ (Еф. VI. 18). Наши молитвы о тѣхъ, которые находятся на небесахъ и блаженствуютъ, если не нужны для нихъ, во всякомъ случаѣ онѣ полезны для насъ молящихся. Любовь наша къ почившимъ братіямъ не останется безъ награды, да и они, какъ уже близкіе къ Богу, слышатъ наши молитвы и взаимно ходатайствуютъ о насъ. А молитвы о почившихъ младенцахъ положительно необходимы. Младенецъ, живя на землѣ, сознательно не дѣлалъ ни добра, ни зла. Извѣстно, что душа, соединенная съ тѣломъ, необходимо подчиняется усло-

віямъ существованія тѣла. Страдаетъ тѣло, страдаетъ душа; являются поврежденія въ мозгу, теряется сознаніе. Душа младенца, заключенная въ слабое, немощное тѣло, не могла развиться, не имѣла сознанія. Но какъ скоро это зависимое состояніе кончается, какъ скоро сообщеніе съ тѣломъ разрывается, душа необходимо получаетъ сознаніе и начинаетъ мыслить независимо отъ условій тѣла. Поэтому св. Церковь говоритъ: вѣдомо буди, яко познають тамо другъ друга всеѣ яже знаютъ же и яже никогда же видѣна; обаче, не тѣлеснымъ, нѣкимъ образомъ: единъ бо возрастъ вси и яже отъ бытія познанія пріянуть зрительнымъ же окомъ душевнымъ“ (Тріод. пост. Синакс. суб. мясop.). Такимъ образомъ развитіе души младенца начинается тотчасъ же по разлученіи съ тѣломъ. Куда же будетъ обращено это развитіе—къ добру или злу? Духъ человѣческій сотворенъ съ способностію нескончаемаго развитія, а эту способность можетъ обращать какъ къ добру, такъ и къ злу. Если душа принимаетъ доброе направленіе, то въ ней открывается возможность нескончаемаго усовершенствованія въ добрѣ; если—злое, въ ней открывается возможность безъостановочнаго стремленія по пути зла. Доказательство сему добрые и злые ангелы. Первые навсегда утвердились въ добрѣ, послѣдніе ничего не могутъ дѣлать, кромѣ зла. До раскрытія сознанія грѣху младенцу не вмѣняется, но и въ собственномъ смыслѣ—добрыхъ дѣлъ онъ еще не имѣетъ, въ душѣ его есть только, такъ сказать, сѣмя добра, но и то уже смѣшанное съ разными сорными травами, возросшими на почвѣ поврежденной природы человѣческой и унаслѣдованными ближайшимъ образомъ отъ родителей, а не то чистое, которое отъ начала вложено Богомъ въ природу перваго человѣка. Поэтому, чтобы это сѣмя добра могло развиваться въ младенцѣ въ будущей жизни, недостаточно естественныхъ силъ человѣка, а потребна благодать Божія, но эта зиждительная сила сообщается людямъ въ силу заслугъ Христовыхъ по молитвамъ Церкви. Церковь приноситъ безкровную

жертву, — жертву всемірную (1 Іоан. 2, 2), жертву любви, и ангельскіе чины со страхомъ припадаютъ къ сей жертвѣ, могутъ ли не сочувствовать ей люди, за которыхъ собственно она и приносится? Младенцы тамъ уже сознательны, знаютъ, когда возносятся о нихъ молитвы Церкви и, конечно, съ этими молитвами соединяють свои молитвы. Съ другой стороны, какъ чистые и близкіе къ Богу, они и сами предстательствуютъ за людей, особенно за тѣхъ, которые молятся о нихъ. Св. Іоаннъ Златоустый отъ лица почившихъ младенцевъ говорить: „не плачители насъ, яко отъ горшаго на лучшее преїдохомъ. и въѣсто тлѣнныхъ нетлѣнная прїяхомъ; мы со ангелы поемъ, и со святии ликуемъ, и о васъ грѣшныхъ молимся Владыцѣ“ (Маргар. слов. 11-е. Москв. 1773 г. стр. 449). Поэтому св. Церковь никогда не отказывала почившимъ младенцамъ въ молитвахъ своихъ; при совершеніи безкровной жертвы и при другихъ священнодѣйствіяхъ она воспоминаетъ безъ исключенія всѣхъ усопшихъ о надеждѣ воскресенія живота вѣчнаго и всѣмъ вѣрующимъ безъ различія пола и возраста проситъ у Бога блаженнаго упокоенія. „Всякій возрастъ, вызываетъ она, старцы и юныя, младенцы и дѣти и есущія млеко, мужеское естество и женское упокой Воже, яже прїялъ еси вѣрныя“ (Кан. суб. мясop. иѣн., 9 ст. 3). „Что же? Неужели одни крещенные младенцы будутъ въ царствіи небесномъ? За что же сего будутъ лишены младенцы некрещенные?“ — спрашиваютъ наконецъ нѣкоторые. Отвѣчаемъ: невинность любезна Богу всегда и воздѣ. Ради невинныхъ младенцевъ Господь пощадилъ цѣлый городъ. Азъ не пощажду ли Ниневіи града великаго, въ немъ же живутъ множайшіи, неже дванадесять темъ человекъ, иже не познаша десницы своея, ниже шуйцы своея, говоритъ онъ пророку Іонѣ (Іон. II, 11). Правда, Господь и во время потопа и по томъ при погубленіи городовъ Содома и Гоморры не пощадилъ и евинныхъ дѣтей, еще не сдѣлавшихъ никакого зла. „Но несть

се неправосудіе, говоритъ св. Димитрій, но паче милосердіе Господа Бога на пользу вся строящаго. Того бо ради съ повинными отцы неповинные младенцы истребить есть отъ земли, да не како тыи, егда въ возрастъ приидуть, сотворятся наслѣдники и подражатели злыхъ дѣлъ отецъ своихъ, и будутъ таковыя же скверныи беззаконники, яко и отцы ихъ, и вѣчнымъ потомъ предадутся мукамъ. Милосердѣя убо о нихъ Господь претече имъ временную жизнь временною казнію, души же ихъ соблюде свободны отъ вѣчныхъ мукъ, въ няже отцы ихъ впадоша (Лѣт. св. Дим. м. Ростов. стр. 442). Непреложно обѣтованіе Христа Спасителя о младенцахъ: тацѣхъ бо есть царствіе Божіе (Мар. X, 14). Въ дому Отца Моего обители многи суть—говоритъ Онъ въ другомъ мѣстѣ (Іоан. XIV, 2). „Есть и такіе, въ которыхъ будутъ жить, какъ говоритъ св. Григорій Богословъ, и непрославленные и ненаказанные. Ибо не всякій, недостойный наказанія, достоинъ уже и чести; равно какъ не всякій, недостойный чести, достоинъ уже наказанія“ (Твор. св. отц. ч. VIII, стр. 294). Поэтому святая наша Церковь говоритъ: „вѣдати подобаетъ, яко крещенніи младенцы нищи (радости) наслаждаются, не просвѣщенніи же и азычестіи. ниже въ нищу, ниже въ геену пойдутъ“ (Син. въ суб. мясол.).

Мо. С.

**Кандидатъ священства, по выходѣ изъ школы
до поступленія на мѣсто¹⁾.**

Съ особенною пользою можно воспользоваться кандидату священства промежуточнымъ періодомъ для практическаго приготовленія къ исполненію обязанностей, возлагаемыхъ на пастыря Церкви, котораго въ надлежащей полнотѣ не можетъ дать

¹⁾ См. № 34-й.

школа. Проповѣдь,—одно изъ главныхъ дѣлъ пастыря—учителя,—не дѣлается у насъ обязательно для кандидата священства, по выходѣ изъ школы, какъ это дѣлается въ Германіи, гдѣ, какъ мы говорили, каждый кандидатъ священства, имѣющій въ виду занять мѣсто пастора, долженъ представить до четырехъ проповѣдей въ годъ, а нашъ семивариистъ, по окончаніи курса до поступленія на мѣсто, можетъ не сказать и не написать ни одной проповѣди, хотя бы промежуточный періодъ длился до пяти, шести или даже десяти лѣтъ. Но такъ не должно бы быть, и если въ этомъ отношеніи наши порядки и обычаи освобождаютъ кандидатовъ священства отъ всякихъ обязательствъ, то сознаніе ихъ долга и важности этого дѣла должно бы побуждать ихъ не оставлять безъ вниманія проповѣдническаго или учительскаго искусства. Могъ бы проповѣдывать кандидатъ священства въ Церкви того мѣста, гдѣ приходится ему жить, съ благословенія настоятеля прихода; могъ бы вести съ народомъ виѣбогослужебныя или частныя домашнія бесѣды о предметахъ вѣры и благочестія. Могъ бы изучать онъ лучшихъ проповѣдниковъ, изъ примѣра которыхъ можно научиться достойному веденію учительскаго дѣла, у которыхъ можно заимствовать добрый духъ и истинное направленіе христіанскаго учительства и умѣнье говорить словомъ незасторнымъ, но въ тоже время сильнымъ и дѣйствительнымъ. Не безъ значенія здѣсь для него могло бы быть ознакомленіе съ нуждами народа, съ его воззрѣніями и понятіями, съ его суевѣріями и заблужденіями, съ его языкомъ и образомъ пониманія. Живя среди народа, онъ безъ особеннаго труда можетъ добыть такое знаніе, какого не въ состояніи дать ему школа. Между тѣмъ это пониманіе нужды народа и образа его воззрѣнія весьма важно и необходимо для того, чтобы умѣть говорить то, что наиболѣе для него пригодно, и говорить близко и понятно его сердцу. Наши школьныя проповѣди большею частію отвлеченны и формальны, и часто бьются по воздуху, но не ложатся на сердца народа. Отъ этого недо-

статка может освободить тотъ живой опытъ, какой каждый кандидатъ священства можетъ имѣть, вращаясь въ кругу тѣхъ людей, для которыхъ современемъ онъ будетъ пастыремъ.

Можно воспользоваться промежуточнымъ періодомъ для приготовленія къ лучшему исполненію обязанности нравственно-религіознаго руководителя и воспитателя народа, возлагаемаго на пастыря. Опытъ лучшій учитель въ этомъ случаѣ, и кандидату священства нужно заботиться обогатить себя разностороннимъ опытомъ до времени принятія на себя трудныхъ обязанностей священства. Душа народа та почва, которую будетъ призванъ воздѣлывать кандидатъ священства. Заблаговременно нужно узнать эту почву, чтобы умѣть справиться съ нею, чтобы видѣть, чего она требуетъ, что въ ней можно насаждать, что нужно искоренять, и какія орудія и средства потребны для ея обработки. И вотъ пусть кандидатъ священства, вышедши изъ школы, поставленный на поприщѣ жизни, изучаетъ народъ, съ которымъ ему придется жить, и который нужно будетъ воспитывать для царствія Божія, пусть знакомится съ тѣми условіями, какими обставлена жизнь его, и съ тѣми чувствами, какія онъ питаетъ въ душѣ своей. Безъ этого знакомства съ народомъ нельзя ожидать отъ него умѣлаго и благотворнаго дѣйствія на него. Но опытъ, какимъ онъ можетъ себя обогащать, не долженъ ограничиваться одною стороною,—изученіемъ почвы, которую придется ему воздѣлывать. Не менѣе важно и полезно для него ознакомленіе съ тѣми дѣятелями, которые ранѣе его выступили на дѣло пастырскаго служенія, и съ успѣхомъ подвизаются на нивѣ Божіей, вѣренной ихъ попеченію. Сношеніе съ пастырями, снискавшими себѣ любовь и уваженіе своей паствы и умѣющими дѣйствовать на народъ, изученіе ихъ духа, внимательное присматриваніе къ методѣ ихъ пастырскаго обращенія,—это не могло бы остаться безъ пользы для молодого человѣка, имѣющаго въ виду выступить на тотъ же путь, по которому твердою и испытанною поступью идутъ его предшественники.

Большое счастье для кандидата священства, если въ періодѣ ожиданія прихода онъ видитъ предъ собою пастырѣй сильныхъ и опытныхъ, преданныхъ всецѣло дѣлу своего служенія, заботящихся о нравственномъ благѣ своего народа, и видящихъ плоды своихъ трудовъ. Еще большее счастье для него, если эти опытные, энергическіе и вліятельные пастыри готовы дѣлиться съ будущимъ собратомъ своимъ своими наблюденіями, замѣчаніями и совѣтами. Бесѣды такого пастыря значительно могли бы восполнить тотъ пробѣлъ въ практическомъ приготовленіи къ священству, какой болѣе или менѣе замѣтенъ у всякаго кандидата священства, довольствующагося однимъ школьнымъ знаніемъ.

Но намѣренію законодателя, самое пригодное мѣсто для кандидата священства мѣсто псаломщика. У насъ избѣгаютъ этого мѣста кончившіе курсъ семинаріи, считая его унизительнымъ для себя. Но мысль законодателя, желавшаго призвать образованныхъ людей къ исполненію должности псаломщика, къ тому направлена, чтобы облагородить и возвысить эту должность. И можно надѣяться, что образованный человѣкъ, занявъ псаломщическую должность, своимъ личнымъ характеромъ и достоинствами, своимъ образованіемъ и разумною дѣятельностію заставить уважать себя и на этомъ мѣстѣ. Если образованные молодые люди цѣлыми десятками или сотнями будутъ являться на мѣстахъ псаломщиковъ, и будутъ вести себя на нихъ, какъ прилично вести себя людямъ образованнымъ, то самъ собою переимѣнится взглядъ на мѣсто, которымъ нынѣ пренебрегаютъ, и на которое смотрятъ свысока. Тяжело первымъ рѣшиться вступить на постъ, считавшійся прежде непривычнымъ и казавшійся унизительнымъ для образованнаго человѣка. Второму поколѣнію будетъ легче идти по проторенному уже пути, и мы думаемъ, вовсе не стыдно было бы нашимъ семинаристамъ поступать до времени священства въ псаломщики, селибы, какъ въ древней Церкви, принимали эту должность люди съ образованіемъ, равнымъ образованію Василія Великаго, Іоанна Златоуста и Григо-

рія Нисекаго. Не должно пугать мѣсто псаломщика кандидатомъ священства и скудостію содержанія. На первыхъ порахъ можно довольствоваться и малымъ обезпеченіемъ. Притомъ человѣкъ съ образованіемъ и на должности псаломщика найдетъ себѣ занятія, напримѣръ педагогическія, которыя къ прежнему содержанію псаломщика прибавятъ нѣчто новое, чего не могли имѣть не имѣвшіе образованія дьячки. Впрочемъ съ идеальной точки зрѣнія эти матеріальныя расчеты не должны бы имѣть слишкомъ большаго рѣшающаго значенія у того человѣка, который, по званію пастыря, долженъ будетъ учить народъ заботиться больше о душѣ и ея спасеніи, чѣмъ о внѣшнихъ выгодахъ, и въ жизни умѣть довольствоваться малымъ и спокойно переносить разныя лишения въ надеждѣ на благое Провидѣніе, неунынно о всѣхъ пекущееся.

Образованный кандидатъ священства въ должности псаломщика не долженъ пренебрежительно относиться къ тѣмъ обязанностямъ, какія соединяются съ этою должностію, считая ихъ какъ бы ниже себя и своего образованія. Напротивъ, вслѣдствіе своего образованія и развитаго сознанія долга, онъ будетъ исполнять ихъ со всевозможнымъ раченіемъ и усердіемъ, чтобы не показаться хуже неученныхъ дьячковъ и не подать повода къ нареканію на себя и къ осужденію того образованія, которое не сдѣлало его лучше простаго дьячка. Въ нашей Церкви нѣтъ толковаго и разумнаго чтенія, чему виною необразованіе нашихъ чтецовъ церковныхъ. Можно надѣяться, что это дѣло будетъ поставлено совершенно иначе, когда къ нему будутъ приставлены люди развитые и понимающіе. При ученыхъ псаломщикахъ совершеніе богослуженія должно быть приличнѣе и достойнѣе, чѣмъ каково оно при псаломщикахъ простыхъ, часто не разумѣющихъ того, что они должны читать.

Образованный псаломщикъ не ограничитъ своего дѣла однимъ пѣніемъ и чтеніемъ въ церкви при богослуженіи и при совершеніи разныхъ требъ приходскихъ. Онъ будетъ искать приложе-

нія своихъ знаній, будетъ искать дѣятельности для своихъ развитыхъ и умѣлыхъ силъ. Отъ чего не заняться ему школою? Если въ приходѣ нѣтъ церковно-приходской школы, онъ можетъ позаботиться объ ея основаніи. Если есть школа, онъ можетъ предложить свои услуги для этой школы, и явиться въ ней или самостоятельнымъ учителемъ или помощникомъ священнику. Можетъ онъ самъ завести свою частную школу или давать уроки въ домахъ частныхъ лицъ, нуждающихся въ учителѣ. Можетъ онъ явиться помощникомъ священнику и въ дѣлѣ церковнаго учительства, — съ согласія священника онъ можетъ проповѣдывать въ церкви, можетъ открывать и держать религіозно-нравственные чтенія и бесѣды въ какомъ либо мѣстѣ, напримѣръ зданіи школы или въ какомъ либо помѣстительномъ домѣ, лѣтомъ подъ открытымъ небомъ хоть на погостѣ церковномъ.

Важный вопросъ для кандидата священства въ званіи псаломщика установить и сохранить надлежащее отношеніе къ священнику, настоятелю прихода. Это отношеніе — отношеніе зависимости и подчиненія. Въ силу этого подчиненія онъ долженъ съ готовностію исполнять всѣ его распоряженія, слѣдовать его указаніямъ и спокойно принимать его замѣчанія, касающіяся служебной дѣятельности, на него возлагаемой. Въ силу того же отношенія онъ долженъ оказывать подобающее уваженію служителю Божию, заступающему для него мѣсто начальника, и соблюдать внѣшнія формы почтенія, какія приняты при обращеніи съ людьми, облеченными священнымъ саномъ. Нынѣ напримѣръ выходитъ изъ употребленія древній благочестивый обычай, по которому, при встрѣчѣ съ священникомъ, люди свѣтскіе или міряне и церковно-служители просили у него благословенія. Въ современномъ цивилизованномъ обществѣ мѣсто благословенія священническаго во имя Отца и Сына и Святаго Духа, при привѣтственныхъ сношеніяхъ свѣтскихъ лицъ съ духовными, заступило простое рукопожатіе, и сами священники какъ будто уже стѣсняются давать благословеніе, когда къ нимъ подходитъ лицо,

одѣтое не въ костюмъ простолюдина, считая сообщеніе благословенія въ этомъ случаѣ какъ бы уклоненіемъ отъ моднаго свѣтскаго тона. Образованный псаломщикъ, конечно, не послѣдуетъ этому требованію моднаго тона, и когда будетъ встрѣчаться съ своимъ настоятелемъ и привѣтствовать его, не поставитъ его въ затрудненіе своимъ явнымъ намѣреніемъ уклониться отъ принятія отъ него благословенія: съ его стороны было бы большою безтактностію и неприличіемъ подавать священнику руку для пожатія при привѣтствіи, а не просить отъ него благословенія. Если онъ, будущій священникъ и подчиненный членъ клира, не будетъ воздавать должнаго почтенія пастырю Церкви и не будетъ считать важнымъ и нужнымъ священническое благословеніе, то чего требовать послѣ этого отъ людей свѣтскихъ?

Здѣсь, въ установленіи надлежащихъ отношеній къ священнику со стороны окончившаго курсъ псаломщика,—первое свободное приложеніе того дисциплинарнаго воспитанія, какое дастъ школа. Человѣкъ благовоспитанный и выдержанный всегда имѣетъ свое мѣсто и значеніе и стѣмѣетъ повести себя, какъ велитъ ему сознаніе своего положенія. Пренебреженіе къ желаніямъ и распоряженіямъ священника со стороны псаломщика было бы своеволіемъ и непростительнымъ уклоненіемъ отъ своего долга; а обращеніе съ священникомъ безъ соблюденія должнаго почтенія было бы грубостію. То и другое не обѣщало бы въ молодомъ человѣкѣ такого усерднаго и приготовленнаго дѣятеля, какового ищетъ Церковь на важный и трудный постъ пастыря.

Многіе молодые люди, только что кончившіе курсъ школы, и не испытавшіе жизненной борьбы, бываютъ слишкомъ самонадѣянны и самомнительны. Голова ихъ наполнена идеалами, изъ которыхъ многіе совершенно разлетаются и обращаются въ воздушную мечту при столкновеніи съ суровою дѣйствительностію. Такіе мечтательные юноши, встрѣчая въ жизни не то, что носится въ ихъ воображеніи, бываютъ расположены слишкомъ критически относиться къ явленіямъ, ихъ окружающимъ. Бывъ поставлены

въ соприкосновеніе съ священникомъ того или другаго прихода, или даже въ прямое подчиненіе ему въ качествѣ псаломщиковъ, они, надмѣяны своимъ новымъ образованіемъ, могутъ смотрѣть на стараго пастыря, какъ на человѣка уже отжившаго, утерьявшаго энергію и богатство добрыхъ намѣреній, и могутъ считать себя гораздо выше и умнѣе его. Въ такомъ настроеніи они выискиваютъ въ немъ разныя недостатки и въ его пастырской дѣятельности то находятъ не хорошимъ, другое совершенно не соотвѣтственнымъ духу новыхъ требованій, третье излишнимъ. Тамъ имъ не понравится близость священника къ прихожанамъ, въ которомъ они увидятъ униженіе священническаго достоинства; другой разъ они замѣчаютъ требовательность и придиричивость его къ прихожанамъ, обнаруживающую корыстолюбіе; третій разъ увидятъ неосмысленное слѣдованіе дѣдовскимъ обычаямъ; имъ можетъ показаться еще, что священникъ мало дѣлаетъ во исполненіе прямого пастырскаго долга, на него возложеннаго, ограничиваясь болѣею частію совершеніемъ требъ церковныхъ. Свои чувства, наблюденія и замѣчанія касательно дѣятельности священника и его поведенія молодой псаломщикъ, недовольный встрѣченнымъ имъ порядкомъ въ приходѣ, въ который онъ посланъ, можетъ высказывать другимъ, можетъ входить въ бесѣды о немъ съ прихожанами. Онъ можетъ разглашествовать съ ними о томъ, что священникъ не такъ дѣло ведетъ, какъ бы слѣдовало, и что другой на его мѣстѣ то бы оставилъ, другое бы предпринялъ, о томъ то приложилъ свои особыя заботы, и приходская жизнь пошла бы гораздо лучше. Прихожане или сторонніе люди, слыша подобныя отзывы о дѣятельности приходскаго пастыря со стороны псаломщика, будущаго священника, могутъ съ сочувствіемъ и одобреніемъ встрѣчать пересуды и планы молодаго человѣка: иныхъ можетъ и расположить въ его пользу новость и пылъ стремленій, имъ высказываемыхъ, и доброе желаніе видѣть больше жизни и движенія въ средѣ, ихъ окружающей; другіе будутъ вторить ему по недовольству на священника, который подвергается его

пересудамъ (каковъ бы ни былъ священникъ въ своей жизни и дѣятельности, у него въ приходѣ и внѣ прихода найдутся люди, имъ не довольные).

Но пусть не спѣшить съ своими строгими приговорами молодой человѣкъ, поставленный въ прямое соприкосновеніе съ приходскою жизнію. Въ томъ положеніи, какое достается ему при выходѣ изъ школы, его дѣло не учить другихъ, раньше его вступившихъ въ жизнь и занимающихъ болѣе высокое іерархическое положеніе, а учиться у нихъ, не ломать и перестраивать существующіе порядки и обычаи, а пріемировать къ нимъ и изучать тѣ условія, какими обставлена текущая предъ его глазами жизнь. Онъ долженъ сознавать, что въ жизни онъ совершенный новичекъ, не имѣющій за собою никакого опыта, и это сознаніе должно сдерживать его отъ смѣлыхъ и заносчивыхъ критическихъ замашекъ. Можетъ быть, то, съ чѣмъ не мирится его чувство, не можетъ быть инымъ вслѣдствіе историческихъ условій, которымъ волею или неволею долженъ подчиняться приходскій священникъ, и, можетъ быть, молодой исаеломщикъ, по поступленіи на мѣсто, умудренный опытомъ, самъ будетъ поступать не такъ, какъ подсказываетъ ему его пылкое воображеніе, а какъ велитъ жизнь, съ которою не совладать нашей хрупкой волѣ. Если же будутъ видны ему какіе либо дѣйствительные недостатки въ окружающей его дѣйствительности и въ частности въ священникѣ, его настоятелѣ, его скромность и благоразуміе, его благовоспитанное нравственное чувство не должны позволять ему трубить о нихъ встрѣчному и поперечному, чтобы не очутиться въ положеніи Хама по отношенію къ тому, кого онъ называетъ своимъ отцомъ. А если другіе будутъ указывать на нихъ и пожалуй громко кричать о нихъ, его долгъ извинять ихъ и взывать къ чувству снисхожденія, съ какимъ правственные люди должны относиться къ обыкновеннымъ человѣческимъ слабостямъ.

Согласіе съ священникомъ—одна изъ главныхъ вещей, о которой болѣе всего долженъ заботиться псаломщикъ. Свое дѣло онъ долженъ вести такъ, чтобы не подать повода къ неудовольствію на себя со стороны священника, и нигдѣ и никогда не долженъ идти наперекоръ желанію священника. Онъ можетъ высказать свои желанія касательно нѣкоторыхъ измѣненій въ порядкахъ приходской жизни, но эти желанія онъ выскажетъ въ скромной почтительной формѣ, и если священникъ выразитъ несочувствіе этимъ измѣненіямъ, неблагоприятно подчиненному члену клира настаивать на проведеніи своихъ желаній. Онъ можетъ предложить пастырю прихода свои услуги въ облегченіе его занятій, напримѣръ по школѣ, по наставленію прихожанъ въ ученіи вѣры и нравственности христіанской, по устроенію какихъ либо вѣбогослужебныхъ чтеній. Добрый священникъ съ готовностію дастъ мѣсто усердію молодаго богослова и обратитъ юныя силы ко благу общества. Но еслибы молодой богословъ—псаломщикъ встрѣтилъ противодѣйствіе себѣ со стороны настоятеля прихода, ему не слѣдъ во чтобы то ни стало добиваться осуществленія своихъ желаній, чтобы не вызвать себѣ неудовольствія и непріятности со стороны священника.

Къ священнику ближе, чѣмъ къ кому другому, долженъ стоять псаломщикъ, и съ нимъ чаще, чѣмъ съ кѣмъ другимъ, долженъ совѣщаться о дѣлахъ, его интересующихъ. Не къ добру ведетъ, если молодой богословъ чаще заходитъ въ дѣла прихожанъ, чѣмъ того требуетъ должность, и въ домахъ прихожанъ является гораздо разговорчивѣе, чѣмъ въ домѣ священника. Особенно худо, если эти разговоры вращаются около пересудовъ о священникѣ. Участіе въ сплетняхъ деревенскихъ вещь недостойная молодаго богослова, имѣющаго въ виду высокое званіе священника. Безтактно и не нравственно псаломщику поселять и раздувать неудовольствіе на своего духовнаго отца въ его духовныхъ дѣтихъ: этимъ самымъ онъ себя унижаетъ въ глазахъ доб-

рыхъ людей. Пусть онъ будетъ остороженъ, если иные и съ одобреніемъ относятся къ его пересудамъ. Кромѣ раздора ничего хорошаго не можетъ выдти изъ такого поведенія псаломщика. Никакого добра нигдѣ не принесетъ это пустое и неумѣстное чесаніе языка. Слова, бросаемыя на вѣтеръ, рано ли, поздно ли, дойдутъ до священника, и тогда испорчены отношенія его къ псаломщику, и откроется неизсякаемый источникъ мелкихъ и крупныхъ непріятностей, какія первѣе всего обрушатся на голову неумѣющаго вести себя псаломщика.

Если кандидату священства, въ промежуточный періодъ до полученія прихода, придется занять должность учителя въ какой либо школѣ, онъ и тогда не долженъ забывать и опускать изъ виду своего главнаго назначенія, къ какому готовится. Не привязанный къ церкви своею прямою должностію, подобно псаломщику, онъ, если серьезно сознаетъ свое положеніе, не будетъ отстранять себя отъ всякаго участія въ церковномъ служеніи. Онъ не только усердно будетъ являться въ церковь на богослуженіе, но по возможности будетъ принимать участіе въ совершеніи богослуженія пѣніемъ и чтеніемъ на клиросѣ. Онъ будетъ располагать и учениковъ своихъ къ этому дѣлу, и если его ученики хоромъ будутъ пѣть въ церкви положенныя пѣснопѣнія,—это съ его стороны было бы добрымъ дѣломъ, за которое всѣ относились бы къ нему не только съ сочувствіемъ, но и съ благодарностію. Будетъ ли школа, гдѣ кандидатъ священства является учителемъ, церковно-приходская или свѣтская, будетъ ли она въ заиѣдываніи церкви или свѣтскаго начальства, кандидатъ священства первою своею заботою положить возможно тщательное охраненіе, развитіе и утвержденіе религіознаго чувства и проясненіе вѣры въ Бога въ юныхъ душахъ. Если эта забота должна быть началомъ всякаго элементарнаго народнаго образованія, то въ особенности она должна быть близка къ сердцу того, кто готовится воспитывать людей для царства Божіа. Служеніе его въ школѣ—это первый опытъ учительской дѣятельности, который потомъ онъ долженъ

будеть продолжать, когда приметъ священный санъ,—и теперь, какъ и тогда, онъ долженъ быть одушевленъ однимъ и тѣмъ же духомъ Церкви. Обязательныхъ занятій пастырски-богословскаго характера никакихъ не возлагается на нашихъ кандидатовъ священства, когда они состоятъ въ должности учителей народныхъ или другихъ какихъ либо училищъ. Но было бы дѣломъ естественнымъ и не безполезнымъ, еслибъ они по временамъ брались за тѣ работы, какими ихъ упражняли въ семинаріяхъ въ видахъ приготовленія къ священству, чтобы не забыть по крайней мѣрѣ того, чему ихъ учили прежде. Отъ чего бы наприѣмъ не написать иногда, а если будетъ благословеніе настоятеля церкви, и не сказать проповѣди? Отъ чего бы не завести какихъ либо благочестивыхъ бесѣдъ или чтеній для взрослыхъ въ той же школѣ, въ какой они состоятъ учителями, въ праздничные, свободные отъ работъ, дни, если къ этому ни съ чьей стороны не будетъ препятствій? Приобрѣтенныя знанія и развитыя силы нужно обращать ко благу общества тѣмъ болѣе, что въ занятіяхъ, подобныхъ указаннымъ нами,—подготовительная практика къ лучшему выполненію обязанностей будущаго служенія.

Но заботясь о другихъ, учитель—кандидатъ священства не забудетъ своего собственнаго самообразованія, и будетъ вести его въ духѣ, соотвѣтствующемъ его будущему званію. Любимымъ его чтеніемъ должны быть не свѣтскіе журналы и повѣсти, какъ это часто бываетъ, а книги, сообщающія серьезное знаніе и имѣющія ближайшее отношеніе къ его спеціальности. Самымъ желаннымъ для него обществомъ должно быть для него общество священниковъ. Относясь къ нимъ съ подобающимъ уваженіемъ, онъ изъ общенія съ ними постарается извлечь полезное для себя и для своей будущей дѣятельности. Входя въ ихъ интересы, усвая добрый духъ, каковымъ проникнуты уважаемые пастыри, приемотриваясь къ ихъ практикѣ, онъ тѣмъ самымъ приобретаетъ знакомство съ подлежащимъ ему служеніемъ и основывается съ условіями избраннаго ими рода жизни и дѣятельности.

Что касается поведенія кандидата священства, то гдѣ бы ни былъ онъ, по выходѣ изъ школы до поступленія на мѣсто священника, былъ ли бы онъ на должности, или жилъ дома у родственниковъ, или въ какомъ либо чужомъ семействѣ въ качествѣ домашняго учителя,—всегда и вездѣ въ своемъ поведеніи онъ долженъ слѣдовать строгимъ правиламъ. Всегда онъ долженъ помнить, къ чему онъ готовится, и сознаніе этого должно управлять его волею, и указывать ему, что онъ долженъ дѣлать и чего онъ долженъ избѣгать. Будущій священникъ, конечно, всегда и вездѣ станетъ свято исполнять то, что предписываетъ каждому долгъ христіанина. Онъ долженъ быть человѣкомъ высокаго благочестія, и въ силу своего религіознаго настроенія не можетъ позволять себѣ тѣхъ послабленій по отношенію къ требованіямъ церковныхъ заповѣдей, какія нынѣ входятъ въ обычай у людей свѣтскихъ подъ вліяніемъ новаго не-христіанскаго духа времени. У себя ли дома, или въ обществѣ съ другими онъ никогда не рѣшится на такое дѣло, при видѣ котораго другіе могутъ спросить: законно ли это? прилично ли это будущему священнику (что всегда возможно, когда напримѣръ онъ вмѣстѣ съ другими станетъ раздѣлять скоромную трапезу въ постный день, или не подойдетъ въ церковь къ воскресному или праздничному богослуженію)? Можетъ онъ входить въ бесѣды съ разными лицами, но при всякой бесѣдѣ его случайные или постоянные собесѣдники должны видѣть и чувствовать, что это человѣкъ вѣрующій и религіозный, который не дозволитъ унижать и попирагъ святую вѣру и Церковь. Въ его словахъ должно сквозить твердое убѣжденіе въ томъ, что носитъ въ себѣ христіанство и православіе, и полная горячая преданность христіанству и православію, готовая съ самоотверженіемъ защищать эту дорогую свитню. Нынѣ часты нападены на святыхъ вѣрованія и церковныя учрежденія; матеріализмъ и безвѣріе открыто проповѣдуютъ свои отрицательныя ученія и въ публичныхъ и въ частныхъ мѣстахъ. Многіе съ услажденіемъ выслушиваютъ бойкія

рѣчи дерзкихъ отрицателей. Но такого, хотя бы и нѣмаго, услаженія нельзя предположить въ кандидатѣ священства. Онъ не будетъ скрывать своихъ святыхъ убѣжденій предъ дерзкими проповѣдниками безвѣрія; ревность его вѣрующаго сердца заставить его отражать дерзкія нападенія на Церковь словомъ истины. А если его скромное положеніе не позволяетъ ему занять выдающейся роли въ бесѣдѣ, или сознаніе своихъ силъ не общается ему побѣды въ борьбѣ съ искусенною діалектикою невѣрующихъ, ему приличнѣе оставить то общество, гдѣ слышится много гнилыхъ нечестивыхъ словъ, чѣмъ молча выслушивать ихъ безумныя глумленія.

Кандидату священства нѣтъ нужды и не естественно чуждаться общества. Молодая натура желаетъ дѣлиться съ другими своими мыслями и чувствами, и ей не можетъ быть запрещено искать того, чтобы съ кѣмъ нибудь въ пріятной бесѣдѣ провести часъ, другой. Но то общество, искать котораго естественно молодому человѣку, должно быть общество, ему болѣе или менѣе единомысленное и благонастроенное, среди котораго онъ ничего бы не могъ потерять, а напротивъ кое чему могъ бы научиться. Бываютъ такіе кружки и компаніи, попасть въ которые опасно молодому кандидату священства, напримѣръ компанія молодыхъ гулякъ, съ разнузданною чувственностію, любящихъ разгулъ, хвалящихся своими непохвальными интрижками и т. под., или кружокъ людей утеравшихъ вѣру и порвавшихъ связи съ Церковію, воспитавшею, если не ихъ, то ихъ родителей. Такихъ людей нужно избѣгать кандидату священства, помня то, что тлѣть обычай благи бесѣды злы, и что дурное сообщество набрасываетъ въ высшей степени неблагопріятную тѣнь на чистаго человѣка: стоя среди грязи, трудно соблюсти себя незапятнаннымъ, какъ бы ни былъ человѣкъ далекъ по внутреннему своему расположенію отъ всего нечистаго. И что за необходимость человѣку имѣть общеніе съ людьми, съ которыми у него по настроенію нѣтъ ничего общаго? Счастливъ кандидатъ священ-

ства, когда въблизи его есть добрые люди христіанскаго настроенія, могущіе поддерживать его своимъ сочувствіемъ, или когда съ любовью и готовностію открываютъ предъ нимъ свои двери тихія благоустроенныя семейства, въ которыхъ виденъ порядокъ, соблюдаются чистые нравы, и господствуетъ христіанское настроеніе. Съ такими людьми дѣлать время кандидату священства — не потеря, а приобрѣтеніе. Среди нихъ онъ освѣжитъ и укрѣпитъ свои добрыя чувства; общеніе съ ними, при его житейской малоопытности, даетъ ему существенное дополненіе къ его образованію, и у людей строгаго порядка онъ самъ научится доброму порядку жизни.

Обращеніе кандидата священства въ обществѣ должно быть свободное, но скромное, спокойное и степенное. Свѣтская излишняя развязность и любезность не къ лицу ему. Если онъ является изысканнымъ кавалеромъ, ловкимъ угодникомъ дамъ и дѣвицъ и неутомимымъ танцоромъ, если онъ старается позабавить и поемѣнить общество, то этимъ у благонастроенной части общества онъ заслужитъ не похвалу, а осужденіе. Не его дѣло блистать на паркетѣ и пожинать дешевые лавры среди гостинныхъ. При участіи въ свѣтскихъ удовольствіяхъ его тактъ долженъ предписывать ему возможную сдержанность.

Но если неумѣстна въ лицѣ кандидата священства излишняя свѣтскость, то еще болѣе предосудительна въ немъ деревенская грубость. Въ высшей степени не сообразно съ его положеніемъ и достоинствомъ, если онъ знакомится съ увеселительною чарочкою и готовъ раздѣлять мужицкія попойки, если его видятъ на деревенскихъ вечеринкахъ, и если онъ принимаетъ участіе въ тѣхъ не облагороженныхъ забавахъ, какимъ предается деревенская молодежь. Что скажутъ эти участники его забавъ, если чрезъ нѣсколько времени увидятъ его въ рясахъ священника? Они съ изумленіемъ посмотрятъ на него, и страннымъ покажется имъ новый видъ человѣка, ниспускавшагося до камрадства съ

ними, и имъ трудно будетъ имѣть къ нему такое чувство уваженія и почтенія, какое каждому долженъ внушать видъ служителя Церкви.

Проповѣди въ духовныхъ журналахъ.

Въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ до послѣдняго времени помѣщались пока только проповѣди преосв. Амвросія, епископа Харьковскаго. Минул слово его объ общественномъ мнѣніи, съ которымъ читатели, безъ сомнѣній, довольно уже знакомы, такъ какъ въ свое время оно было замѣчено очень многими, и въ извлеченіи было перепечатано въ разныхъ—не только духовныхъ, но и свѣтскихъ—періодическихъ изданіяхъ,—мы остановимся здѣсь на словахъ преосв. Амвросія 1) на новый годъ, 2) на 1-е марта и 3) въ день празднованія совершеннолѣтія Благовѣрнаго Государа Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича.

Въ словѣ на новый годъ преосв. Амвросій говоритъ о средствахъ къ возвращенію утраченной вѣры. Нашъ вѣкъ, говоритъ проповѣдникъ, справедливо называютъ вѣкомъ невѣрія. Невѣріе проповѣдуетъ новѣйшая наука, въ невѣріи закрѣпляетъ людей современная общественная жизнь, неудержимо влекущая всѣхъ въ бурный потокъ работъ, хлопотъ, суеты, развлеченій и чувственныхъ наслажденій. По одному взгляду на этотъ самонадѣянный мятущійся и озабоченный міръ, можно рѣшить, что здѣсь мало мѣста и времени для духовнаго служенія Богу, къ Которому призываетъ вѣра. Но этотъ міръ еще не отрекся отъ имени міра христіанскаго, хотя многію въ немъ относятся съ отрицаніемъ и даже съ ненавистью къ самому имени вѣры христіанской. У большинства же людей нашего времени, увлекаемыхъ потокомъ современнаго знанія и жизни, по временамъ пробуждается и вздрагиваетъ совѣсть, сохраняющая остатки уроковъ современнаго воспи-

танія; у многихъ закрадывается и тоска въ сердце, утратившее благодатныя впечатлѣнія и ощущенія вѣры, немыслимыя въ раннемъ возрастѣ. Но изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые уже рѣшили, что эти тихія и сладостныя ощущенія вѣры принадлежатъ только дѣтству и ранней юности, которыя живутъ почти исключительно лишь сердцемъ и воображеніемъ, но что они невозвратимы для людей, созрѣвшихъ въ знаніи и опытѣ жизни. Другіе, напротивъ, желаютъ и не отрицаютъ возможности ихъ возвращенія; но не знаютъ, съ чего начать и какъ выбиться изъ мрака сомнѣній и недоумѣній. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, вѣрныя средства и прямой путь для возвращенія отъ невѣрія къ вѣрѣ?—Сознавая трудность поставленнаго вопроса, проповѣдникъ за правильнымъ рѣшеніемъ его обращается къ богодухновеннымъ писаніямъ св. ап. Павла. Св. ап. Павелъ просвѣщеніе и обращеніе невѣрующихъ и отрицающихъ Христа, какъ дѣло сверхъестественное, предоставляетъ непосредственно „званію Божию“ (1 Кор. 1, 25—31), или особому дѣйствію благодати, признавая себя только орудіемъ въ рукахъ Божіихъ, а съ „призванными“ уже въ Церковь Божию бесѣдуетъ какъ пастырь о силѣ и премудрости Божіей, явленныхъ во Христѣ, и учитъ, увѣщаетъ, исправляетъ ихъ. Въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ людьми, по слову Апостола, вкусившими уже „благаго глагола Божія и силъ будущаго вѣка“ и послѣ того „отпадшими“ (Евр. 5, 5—6). Такихъ „отпадшихъ“ отъ Христа Апостолъ подраздѣляетъ на два разряда: на отпадшихъ совершенно, которыхъ нельзя уже „обновлять покаяніемъ, когда они снова распеваютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему“, и близкихъ къ раскаянію, которымъ и говоритъ: „впрочемъ, о васъ, возлюбленные, мы надѣемся, что вы въ лучшемъ состояніи“ (Евр. 5, 6—9). Отсюда, съ одной стороны, непосредственные преемники апостоловъ—пастыри Церкви, не зная, какъ далеко уклонились отъ Христа современные „отпадшіе“, т. е. подобны ли души ихъ, по слову того же ап. Павла, „землѣ, производящей

тернія и волчцы, и близкой къ проклятію“ (8), или онѣ еще „въ лучшемъ состояніи“,—обязаны о всеѣхъ молиться, ни о чемъ не терять надежды и затѣмъ всеѣмъ „призваннымъ“, какъ „вкусившимъ“ благаго глагола Божія“, проповѣдывать Христа, какъ „Божію силу и Божію премудрость“. Съ другой стороны, и „отпадшіе“, желающіе отъ невѣрія обратиться къ вѣрѣ, твердо памятуя, что „слово и проповѣдь“ о вѣрѣ „состоятъ не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы; чтобы вѣра наша утверждалась не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей“ (1 Кор. 2, 4—5),—должны искать не мудрыхъ словъ о вѣрѣ, а главнымъ образомъ силы вѣры: „дарство Божіе не въ словѣ, а въ силѣ“ (1 Кор. 4, 20). Силы же вѣры должно искать тамъ, гдѣ обрѣтается всякая вообще сила,—въ жизни. Если естественной силы природы, какъ говорятъ современные ученые, нельзя уловить безъ матеріи, то и силы вѣры нельзя ощутить безъ явленія ея въ духѣ.—Такимъ образомъ, обращеніе къ вѣрѣ должно быть начинаемо возвращеніемъ къ тѣмъ опытамъ явленія ея силы въ нашемъ духѣ и жизни, которые извѣданы нами прежде. Притупляются чувства тѣлесныя, утрачивается живость впечатлѣній въ тѣхъ частяхъ нашей души, которыя обращены къ внѣшнему міру и живутъ только тѣлесными ощущеніями и наслажденіями, но для духа, для его стороны, обращенной къ міру горнему, нѣтъ ни старости, ни истощенія, только нужно ему пробужденіе и прозрѣніе въ міръ духовный,—и тамъ стоитъ Христосъ, ожидающій принадлежащую Ему душу, Имъ искупленную и святыми таинствами усвоенную. Это не будутъ только мысли, это будетъ дѣйствительная жизнь, это будетъ откровеніе сердцу Христа—Божіей силы. Безъ этого ощущенія присутствія въ насъ высшаго духовнаго начала и возможности высшей духовной жизни вѣра навсегда останется для насъ собраніемъ отвлеченныхъ мыслей или даже просто мечтою. Такіе опыты возвращенія сладостныхъ ощущеній живой вѣры приводятъ насъ къ внутреннему общенію съ самымъ

источникомъ этой силы — Христомъ Спасителемъ. Но само собою понятно, что должно оставить всякую надежду на возвращеніе себѣ живой вѣры при томъ глубокомъ погруженіи въ чувственную жизнь, какое обыкновенно нынѣ все позволяютъ себѣ. Нельзя возвратить себѣ живой вѣры, предварительно не приготовивши для нея почвы, на которой она должна произрастать. Одно слушаніе разныхъ религіозныхъ чтеній и бесѣдъ, одни случайные минутные разговоры о религіи здѣсь не помогутъ. Все помышленія о вѣрѣ и духовныхъ предметахъ у людей пресыщенныхъ, по выраженію блаженной памяти митрополита Филарета, похожи не болѣе, какъ „на паръ, который носится надъ теплыми кушаньями“. — „Вы, конечно, — говоритъ проповѣдникъ въ заключеніе своего слова, — ожидаете, слушатели, что все наши разсужденія о необходимости духовныхъ упражненій, внутренняго общенія со Христомъ, борьбы съ плотію окончатся тѣмъ, что мы пригласимъ отпавшихъ къ возвращенію въ Церковь? Истинно такъ. Откуда у нихъ эта неустойчивость мыслей и неувѣренность въ своихъ убѣжденіяхъ? Откуда это блужданіе отъ одного учителя къ другому? Откуда равнодушіе и даже отвращеніе къ жизни, не смотря на то, что отворены двери ко всемъ наслажденіямъ плоти? Всею одна причина: удаленіе изъ дома отеческаго, гдѣ душа родилась новымъ благодатнымъ рожденіемъ для вѣчной жизни, гдѣ „вкусила дара небеснаго и силу будущаго вѣка и содѣлалась причастницею Духа Святаго“ (Евр. 6, 5—6). Мы опускаемъ изъ виду, что Господь не слово только Свое далъ намъ, но и основалъ Свою Церковь, которой и завѣщаль надлежащее употребленіе Его слова, въ которой и водворилъ Св. Духа Божія и съ Нимъ все дарованія, необходимыя для духовной жизни нашей (1 Петр. 1, 3). Она, святая православная Церковь, эта родина нашего духа, стоитъ поредъ нами во всей своей вѣчной силѣ и красотѣ. Въ ней истинное разумѣніе ученія Христова; въ ней наставленія для надлежащаго приложенія его къ жизни; въ ней степени и образцы нравственнаго восхожденія къ совершенству; въ

ней наши духовныя утѣшенія и радости, въ ней и залогъ нашего вѣчнаго спасенія и блаженства. Вы ее оставляли потому, что не устроились еще въ ней, какъ должно, потому что бѣжали изъ нея, не достигши возмужалости ни въ духовномъ вѣдѣніи, ни въ жизни. По притчѣ Спасителя, вы, какъ овцы, бѣжавшія изъ своего двора и распуганныя, ходите по дворамъ чужимъ, не пригрѣтые и духовно голодные; забыли своего Пастыря и не признаете своихъ именъ, которыми Онъ тихо и таинственно въ вашей совѣсти называетъ васъ и приглашаетъ къ возвращенію (Іоанн. 10). Возвратитесь. Только здѣсь, въ домѣ Божіемъ, вы познаете Христа не только какъ Божію силу, но и какъ Божію премудрость, устрояющую спасеніе всѣхъ призванныхъ къ вѣрѣ и ваше собственное“ (январ. кн. 1-я).

Въ словѣ на литургіи преждеосвященныхъ даровъ въ день 1-го марта (мартъ, кн. 1-я) преосв. Амвросій выясняетъ пагубныя послѣдствія столь обычнаго между нами самоизвиненія. Первое зло, какое мы причиняемъ себѣ самоизвиненіемъ, есть затемненіе и ослабленіе въ нашемъ умѣ и сознаніи точнаго смысла и объема заповѣдей закона Божія; вслѣдствіе этого жизнь наша, даже и при и внутреннемъ своемъ безобразіи, кажется намъ добропорядочною и благовидною, доколѣ не прорвется изъ нея, какъ изъ прикрытой пропасти, чудовища ужасающихъ преступленій; вслѣдствіе этого же мы не чувствуемъ нужды ни въ покаяніи, ни въ исправленіи, ни въ нравственномъ самоусовершенствованіи: у насъ въ нашихъ потемкахъ—все прекрасно. Второе неизбежное послѣдствіе самоизвиненія въ грѣхахъ есть отупѣніе нашей совѣсти, послѣднимъ исходомъ чего обыкновенно является привычка ко грѣху, несчастная способность уживаться съ нимъ, заглушать ропотъ совѣсти и искать счастья не въ совершенствѣ духа, а въ свободѣ плотской жизни и въ обиліи ея наслажденій. Наконецъ, самоизвиненіе есть главнѣйшее препятствіе къ употребленію для нашего исправленія единственно вѣрныхъ средствъ, предлагаемыхъ намъ Церковію.

Въ словѣ въ день празднованія совершеннолѣтія Благовѣрнаго Государя Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича, по поводу празднуемаго радостнаго событія въ Царственной Семлѣ, преосв. Амвросій говоритъ о нашихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ потомству; потому что „если цари, любящіе свои народы, заботятся о приготовленіи имъ въ будущемъ достойныхъ властителей: то и народы, любящіе своихъ царей и свое отечество, обязаны заботиться каждый о своемъ потомствѣ, чтобы продолжить въ немъ свою силу и способность къ исполненію своего историческаго призванія; такъ какъ и мудрые цари могутъ совершать великія дѣла для блага своихъ царствъ только при способности къ такимъ дѣламъ своихъ народовъ“ (жай, ки. 1-я). Побужденіе къ заботѣ о потомствѣ вложено въ насъ самою природою. Одинъ изъ основныхъ законовъ, неуклонно дѣйствующихъ какъ въ родѣ человѣческомъ, такъ равно и во всемъ вообще мірѣ животныхъ, есть любовь къ дѣтмъ и къ подобнымъ себѣ. Въ людяхъ это естественное чувство любви проявляется не только въ обезпеченіи дѣтей всѣмъ необходимымъ для жизни внѣшней, но и для ихъ усовершенствованія въ жизни внутренней—умственной и нравственной. Частіе, первая обязанность наша въ отношеніи къ потомству состоитъ въ сохраненіи и приумноженіи для него нашихъ народныхъ силъ—физическихъ и духовныхъ. Опытъ же вѣковъ говоритъ, что крѣпость тѣлесная и даровитость духовная въ дѣтяхъ и потомкахъ обезпечиваются правильною жизнью, умѣренностью и нравственною чистотою молодыхъ людей, своевременными браками, супружескимъ цѣломудріемъ, простотою жизни, трудолюбіемъ, воздержаніемъ, строгимъ поведеніемъ родителей и заботливостію о нравственномъ воспитаніи дѣтей. А между тѣмъ, мы, говоря безпристрастно, растрачиваемъ свои силы, а слѣдовательно—и силы самого народа, съ какимъ-то будто бы даже ожесточеніемъ, какъ легкомысленный наслѣдникъ расточаетъ богатство, оставленное ему заботливыми родителями, еще укоряя ихъ за то, что они не умѣли жить. Все-

возможные пороки съ поражающею быстротою развиваются у насъ особенно въ сословіяхъ, заявляющихъ притязанія на нѣя образованныхъ. Люди, понимающіе значеніе распространяющагося зла, возлагаютъ надежды относительно сохраненія нашихъ народныхъ силъ на простой народъ, живущій въ близости къ природѣ; „но увы! почти безнадежно восклицаетъ проповѣдникъ.— Не мы ли, въ нашемъ слѣпномъ движеніи къ свободному развитію гражданственности, соблазнили народъ удешевленіемъ вина и изнурили его пьянствомъ? Не мы ли своею безнечностію допустили его заразиться фабричными пороками? Не мы ли слабостію и колебаніями въ отправленіи правосудія подорвали въ немъ страхъ передъ закономъ и развили безстрашіе къ преступленіямъ? Не по нашей ли винѣ онъ оскудѣлъ и постылся не изъ доброй воли, какъ дѣлали наши предки при достаткѣ, для соблюденія уставовъ Церкви и укрѣпленія духа, а просто голодаетъ отъ нужды и бѣдности? Какое при этихъ условіяхъ и отъ него пойдетъ потомство? При видѣ всего этого какъ-то становится тяжело читать наши заботливыя ученія разсужденія о жроткомъ обращеніи съ животными, объ улучшеніи ихъ породъ, о тщательномъ уходѣ за ними, когда всѣ эти непреложные законы развитія и охраненія всякой органической жизни пренебрегаются нами въ родѣ человѣческомъ, и притомъ въ собственномъ нашемъ племени. Вотъ гдѣ благовременно вспомнить тотъ страшный историческій законъ, по которому начало паденія царствъ всегда совпадаетъ съ развитіемъ виѣшняго образованія при забвеніи законовъ нравственныхъ и пренебреженіи къ нимъ. Не похвалятъ насъ наши потомки за это истощеніе силъ, которое мы допускаемъ въ самой плоти и костяхъ нашего народа“.—Вторая обязанность наша по отношенію къ потомству состоитъ въ сохраненіи добрыхъ нравовъ, служащихъ изъ древности къ огражденію нашей народной жизни и силы. Но не говоря уже о сильномъ упадкѣ нравовъ въ современномъ намъ нашемъ обществѣ, мы, подъ вліяніемъ ложнаго просвѣщенія, съ пренебреженіемъ относимся къ преданіямъ и

обычаемъ, выѣдреннымъ вѣками въ жизнь нашего народа православною Церковію,—во имя науки, прервали эту цѣпь преданій, это теченіе добра изъ поколѣнія въ поколѣніе и въ большинствѣ семействъ и тѣмъ едѣлали трудно поправимое зло. Тяжкое осужденіе отъ потомства падетъ на насъ за растрату этого священнаго, вѣками скопленнаго богатства предковъ нашихъ,—богатства вѣры и благочестія!—Третья наша обязанность въ отношеніи къ потомству, это передать ему живое и ясное сознаніе нашего народнаго призванія. „Что же мы должны передать людямъ отъ насъ родитися и умирающимъ“? Спрашиваетъ проповѣдникъ. И тотчасъ же отвѣчаетъ: „Чтобы они хранили святую вѣру, какъ жизнь своего духа, любили св. Церковь и были покорны ей, какъ своей матери и воспитательницѣ; просвѣщали святою вѣрою и вводили въ ограду Церкви племена, невѣдущія Бога истиннаго, чтобы свѣтили своимъ чистымъ исповѣданіемъ вѣры и народамъ образованнымъ, но утратившимъ чистую Христову истину; чтобы показали міру возможность совмѣщенія высокаго проевѣщенія съ послушаніемъ вѣрѣ и свободы духа и мысли съ покорностію царямъ и ихъ законамъ“. А между тѣмъ, то ли мы на самомъ дѣлѣ готовимъ въ наслѣдство нашему потомству? Религіозный индифферентизмъ, матеріализмъ, космополитизмъ, социализмъ, сепаратизмъ, коммунизмъ и т. п.,—вотъ пагубное достояніе, имѣющее остаться послѣ насъ нашимъ потомкамъ. „Боже мой! вырывается, въ виду всего этого, невольный вздохъ у проповѣдника. Неужели все это растлѣніе умовъ, всю эту гниль, накопившуюся у насъ подъ покровомъ вышшняго образованія, должно унаслѣдовать отъ насъ наше потомство? Соберитесь съ духомъ, добрые русскіе люди, вооружитесь вашимъ природнымъ здравымъ смысломъ и поставьте крѣпкую плотину, чтобы этотъ потокъ современныхъ заблужденій не достигъ нашего потомства, чтобы только нами было исчерпано все зло, ими порожденное и нами заслуженное“ (тамъ же, стр. 723—724).—Наконецъ, послѣднее наслѣдство, которое мы обязаны передать потомкамъ

нашимъ,—есть Божіе благословеніе, какъ богатая сила Божія, способствующая всякой доброй дѣятельности и всякому преуспѣванію какъ отдельныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ добродѣтельныхъ, служащихъ истинному благу человѣчества.

Г. Б.

ж) Пѣснопѣнія преп. Ефрема Сирина на кончину монаховъ и монахинь.

Есть еще странники и пришельцы въ міръ, которые не проходятъ чрезъ далекія стороны и не переплываютъ морей, но тѣмъ не менѣе далеки отъ міра и смотрятъ на кратковременную жизнь эту, какъ на переходъ изъ страны суетъ и скорбей въ страну покоя и радостей. Это монахи и монахини. И имъ посвятилъ преподобный Ефремъ нѣсколько пѣснопѣній, трогательныхъ и умилительныхъ, но не оплакиваетъ со слезами кончины ихъ, напротивъ ублажаетъ ихъ за то, что уготовляютъ себѣ напутіе къ далекому странствованію по ту сторону гроба, они блаженны потому, что, по глагу Господа, оставили міръ и возлюбили Его, и—какъ умершіе съ упованіемъ на Него, наследуютъ жизнь и царство и прославятся за труды свои. Блаженны они, что уготовили елей въ сосудѣ своемъ, чтобы, когда возгласятъ: „Женихъ близко“,—возжечь ему свѣтильники свои и вмѣстѣ съ женихомъ войти въ брачный чертогъ. Они только просятъ насъ помолиться, потому что идутъ въ опасный путь, помолиться, чтобы во время шествія сего не погрязнуть имъ въ огненномъ морѣ, но на крылахъ молитвъ нашихъ достигнуть пристани жизни:

„Поминайте меня, возлюбленные, молитъ усоншіи, въ молитвахъ вашихъ во святомъ храмѣ; хотя причастенъ я всякой сквернѣ, но не примѣшивалъ скверны къ чистой вѣрѣ“. На это отвѣчаетъ пѣснопѣецъ умершему: „блаженъ ты, ученикъ истины,

ибо уготовилъ прекрасный свѣтильникъ свой, чтобы въ день пришествія Твоего, Господи, идти въ срѣщеніе Ему, воспѣвая: о савна!—Совершенъ ты былъ въ вѣрѣ, цѣломудренъ былъ взоръ твой, честное имя твое славно еще у насъ и благоухаетъ, какъ ароматъ. Теперь собесѣдуешь ты съ ангелами, въ раю память твоя, вѣнцемъ славы украшенъ ты въ небесномъ Іерусалимѣ“. Въ лѣснопѣніи на кончину монахини Ефремъ также благодушествуетъ и молить Господа сподобить рабу свою въ день страшнаго откровенія насладиться блаженствомъ въ тѣхъ горнихъ небесныхъ обителяхъ, гдѣ блаженствуютъ святые.

„Долгого путь, сестры мои, возвѣщается отъ имени умершей, шествіе продолжится вѣки.—Молитесь, чтобы въ мѣръ достигнуть мнѣ уготованнаго мнѣ чертога“.

— „Не бойся многотруднаго пути, сестра наша, послалъ и ведетъ тебя онымъ Праведный; онъ приведетъ тебя въ приставъ“.

— „Ужасаетъ меня день суда Божія, сестры мои, Господь изслѣдуетъ всѣ дѣла мои. Ему извѣстны всѣ помысленія мои“.

— „Не трепещи Испытующаго сокровенное, подруга наша; Ему извѣстно, къ какой стремилась ты цѣли; Онъ воздастъ тебѣ сторищную награду“.

Разговоръ этотъ между умершею инокиней и ея сестрами о Христѣ оканчивается взаимнымъ испрошеніемъ молитвъ, благожеланіями и выраженіемъ увѣренности, что къ ней выйдутъ святые ангелы во срѣщеніе и введутъ чистую душу ея въ рай.

3) Лѣснопѣнія преп. Ефрема Сирина надъ гробомъ мірянина.

Не такъ успокоительны сѣтованія преподобнаго Ефрема при гробѣ мірянъ. Онъ оплакиваетъ суету мірскую и бренность настоящей жизни (лѣсн. 35 и 55). Онъ вопрошаетъ: гдѣ жившіе прежде насъ цари древніе, покорявшіе себѣ землю въ браняхъ и людей въ ратоборствѣ?—Они стяжали столько золота, сколько

праха на земли, и столько сокровищъ, сколько песка морскаго, созидали города и сограждали твердыни, ставили изваянія свои, чтобы воздавали имъ честь,—и вотъ они въ землѣ, обратились въ прахъ и исчезли отъ дыханія смерти.—Гдѣ суди́и, гдѣ исполныи, гдѣ богатые?—Смерть прекратила жизнь ихъ. Гдѣ красота женъ, красивыя лица Евяныхъ дщерей, стройность ихъ членовъ, пышность одеждъ?—Истлѣваютъ онѣ и исчезаютъ, какъ будто бы и не было ихъ!—Внезапно похищаетъ смерть богатыхъ и корыстолюбцевъ, поражаетъ грабителей и прахомъ наполняетъ ихъ уста. Смерть увлекаетъ къ себѣ и мореходца и мудреца, не увѣдавашаго истинной мудрости. За гробомъ не крадетъ тать, и рабъ лежитъ рядомъ съ господиномъ своимъ. Не трудится тамъ и земледѣлецъ,—смерть положила конецъ его работамъ. Смерть дѣлаетъ поникшими надменные и безъ стыда похотствовавшіе очи; не нужна тамъ красивая обувь, потому что связаны ноги. Ни дома, ни торжественныя храмины, ни ложницы не сходятъ въ шеолъ. Владѣтели посмѣются отсюда, а дома остаются другимъ. Ни стяжанія, ни награбленное богатство не сопровождаютъ умершихъ.

„Скажи землѣ, отвѣчаетъ иѣснопѣвецъ на предложенныя выше вопросы,—и она укажетъ тебѣ—гдѣ они.“...

„Вотъ всѣ они вмѣстѣ лежатъ въ землѣ; всѣ стали прахомъ и не различишь, гдѣ прахъ богатаго, и гдѣ прахъ бѣднаго“...

„Нѣтъ тамъ мѣста покаянiю, прошенiю, моленiю, никто не преклонитъ къ тебѣ слуха, не будетъ выслушанъ и не получитъ отвѣта, и—нечестивые, прогнѣвившіе дѣлами своими Господа, возрыдаютъ и восплачутъ во вѣкъ во тмѣ и въ гееннѣ; они прiймутъ муки, какъ заслужили того, и изъ пламени будутъ звать: праведенъ судъ Твой, Господи Царю!—Итакъ, возлюбленные, заключають иѣснопѣвiе Ефремъ, будемъ, какъ мудрые, вразумлять другъ друга. Кто сокрушается о грѣхахъ своихъ, тотъ пусть спасаетъ душу свою милостынею. У кого языкъ во всякое

время неудержимъ, какъ мысль, тотъ пусть взвѣшиваетъ и испытываетъ слова свои, кто заботился запастись на многіе годы, тотъ пусть довольствуется тѣмъ, что потребно на одинъ день. Кто собираетъ богатство, тому да послужитъ вразумленіемъ Чезій. Кто удѣляетъ отъ имѣнія своего, тому образцомъ будетъ Іовъ; кто даетъ алчущему хлѣбъ свой, того имя благословится вмѣстѣ съ Авраамомъ. Будемъ рачительно исполнять сіе, чтобы тѣмъ приобрести себѣ вѣчную жизнь“.—Вообще преподобный Ефремъ при видѣ умирающихъ въ мірской суетѣ болѣзняетъ о нихъ и побуждаетъ къ расканію, къ нестяжательности и всѣмъ добродѣтелямъ, особенно же къ молитвѣ. При мысли о бренности естества человѣческаго св. Ефремъ призываетъ всѣхъ прійти и посмотрѣть на тлѣніе во гробахъ. „Сѣлъ я однажды при гробѣ, говоритъ онъ въ одномъ размысленіи (55), и мысленнымъ окомъ разсматривалъ бывшія тамъ мертвыя тѣла, и увидѣлъ тамъ обратившіяся въ прахъ мертвыя тѣла“. Увидѣлъ онъ, какъ на прекрасныхъ ланитахъ искажены всѣ черты, увидѣлъ тамъ, что согнали стройно сложенные ихъ плоти, увидѣлъ обезображенные прекрасныя очертанія лицъ и перемѣнившіеся между собою члены тѣлъ, увидѣлъ, что глаза сдѣлались глубокими скважинами, а краснорѣчивыя уста онемѣли, увидѣлъ голыя кости, отдѣленные одна отъ другой, короче, увидѣлъ тлѣніе нашего естества, глубокое его паденіе и униженіе.

„И меня постигнетъ тоже самое, представлялъ я въ умѣ своемъ; и я скоро буду заключенъ во тму; подумалъ о семъ, и полились у меня слезы“...

„Представилъ я себѣ, какъ люди живутъ въ этомъ вожделѣнномъ мірѣ и потомъ истлѣваютъ во гробѣ, и горько рыдалъ“.

Благочестивое размысленіе при гробахъ возбуждаетъ въ немъ горькое воспоминаніе о паденіи Адама и Евы, ввергшее родъ человѣческій въ уклоненіе, смерть и тлѣніе. Вотъ что довело насъ до такого горестнаго позора. Смотри на гробы въ та-

комъ грустномъ настроеніи, Ефремъ приходитъ къ слѣдующимъ, по его выраженію, сокровеннымъ мыслямъ; смерть есть образъ Божіей правды, она похищаетъ всѣхъ равно, и разрушеніе и потомъ воскресеніе для всѣхъ одинаково, но не всѣмъ равно воздаяніе по правдѣ. Въ великій день обновленія каждый пойдетъ и вселится въ чертогъ, какой уготовилъ себѣ здѣсь. Но до наступленія этого конца пѣснопѣвецъ воздастъ благодареніе Пресвятой Троицѣ, и возсыластъ славу Господу Иисусу за спасеніе наше:

„Отъ мертвыхъ и отъ живыхъ и отъ всѣхъ, сотворенныхъ Тобою, міровъ хвала Тебѣ, Господи, въ родъ и родъ и славословіе во вѣки. Аминь“.

Пѣснопѣніе Ефрема подъ заглавіемъ: величіе человѣка при сотвореніи его и униженіи при смерти, изображаетъ смерть въ неотрадныхъ чертахъ, такъ же, какъ и молитвенное изліяніе души къ Богу при видѣ умирающихъ повсюду ближнихъ. Но „побѣда Христова надъ смертію“, воспѣтая Ефремомъ, и самую смерть дѣлаетъ не страшною; потому что величественно возсталъ крѣпкій, связалъ смерть и въ собственномъ жилищѣ ея оковалъ и низложилъ мучителя, который величался надъ человѣчествомъ. Трогательно здѣсь изображеніе того, какъ воскресшій Господь воззвалъ Адама изъ тмы, сказавъ: гдѣ ты, прекрасный Адамъ, обольщенный иѣкогда совѣтомъ жены, возстань теперь величественный и растлѣнный образъ;—сокрушена уже глава зміева, и смерть и сатана умерщвлены. Возстань чрезъ Единороднаго Сына и возвеличь Отца и Духа. Онъ воскресилъ чадъ твоихъ, чтобы наслѣдовали они жизнь въ брачномъ чертогѣ“...—„Возсталъ Адамъ, поклонился Господу, снискшедшему взискать его, и сказалъ: „Вмѣстѣ съ чадами своими поклоняюсь Тебѣ, Господи, пришедшему возставить насъ падшихъ“... Хвала Тебѣ, Господи, что спасашь меня. Хвала Тебѣ, что воскрешашь меня мертвого. Весь родъ нашъ приноситъ Тебѣ благодарствіе за то, что воскрешашь насъ мертвыхъ“.

**и) Пѣснопѣнія преп. Ефрема Сирина надъ гробомъ людей
внезапно — скончавшихся.**

Есть и еще нѣсколько пѣснопѣній св. Ефрема, по поводу мертвыхъ вообще, но не останавливаясь на нихъ, мы обратимся къ такимъ пѣснопѣніямъ, которыя сложены были по случаямъ внезапной кончины людей во время эпидемическихъ болѣзней, во время землетрясенія, въ годину истребленія городовъ непріятельмъ и проч. Внезапная смерть людей сильно поражаетъ пѣвца особенно потому, что не даетъ умирающему времени покаяться:

„Вчерашній день и тѣломъ былъ ты здоровъ и бодръ душею; а нынѣ смерть тебя безмолвнаго заключила во гробъ“.

„Печальный чертогъ устроила тебѣ смерть; но не скорби: Христосъ придетъ и возставитъ тебя въ день воскресенія“...

„Видѣлъ Іезекіиль оживотвореніе мертвыхъ, видѣлъ, какъ совокупляются кости, каждаго къ составу своему“.

„Образъ воскресенія данъ намъ и въ зернѣ горучишномъ, которое падаетъ въ землю, умираетъ въ ней и снова оживаетъ въ образъ воскресенія“.

„Отложите плачь, Адамовы чада, и приобрѣтите упованіе. Въ концѣ временъ придетъ Христосъ и воскреситъ васъ“.

„На губительную язву“ пѣснопѣніе 62-е изображаетъ въ рѣзкихъ чертахъ великій праздникъ смерти. Люди прекратили всякое дѣло, день и ночь роютъ себѣ могилы, — каждый заботится о томъ, чтобы вырыть столько могилъ, сколько людей у него въ домѣ, но множеству умирающихъ не достаетъ и могилъ, безъ погребенія лежатъ мертвецы, и тлѣющія тѣла некому отнести въ могилу. Затѣмъ изображается сѣтованіе и скорбь, плачь и воздыханіе оставшихся въ живыхъ людей, даже жалобные крики безсловесныхъ животныхъ: стадо плачетъ о пастухѣ, уныло ржетъ конь и горько плачетъ о своемъ господинѣ. Погибли нивы, плачутъ виноградники и луга, служившіе пажитью скоту. Тронутый зрѣлищемъ всеобщаго плача и всеобщей гибели,

пѣснопѣвецъ молится: „Заклучи, Господи, двери шеолу, загради зѣвъ смерти, запечатай уста гробамъ, въ которыхъ яростію сіяетъ смерть“.

Въ слѣдующемъ (63-мъ) пѣснопѣніи тоже на „губительную язву“ сначала описывается съ трогательными подробностями, какъ на лонѣ умершей матери грудной младенецъ ея лобзаетъ ее, и ласкаясь къ ней, играетъ ея волосами и плетеніями ихъ, кличетъ ее своимъ лепечущимъ языкомъ; но она молчитъ, не поетъ ему колыбельныхъ пѣсенъ, не даетъ горячихъ лобзаній. Что же не укорите вы, подруги, эту безжалостную мать?... О невыразимое горе! Въ очахъ нашихъ и слезъ нѣтъ, и уста наши заключились для болѣзненныхъ воплей. Изобразивъ затѣмъ, какъ на одномъ одрѣ выносятъ по-нѣскольку мертвецовъ, какъ невѣсты въ вѣнкахъ, женихи, юноши и дѣти, подобно стаду овецъ, идутъ въ шеолъ, и какъ утомились погребаящіе, и настало время, что псы и звѣри стали для насъ гробами, Ефремъ возбуждаетъ живыхъ воздѣть руки къ небу и съ воздыханіями взывать ко Господу: „Не предай гибели тѣла неопотребныхъ рабовъ Твоихъ, не предай въ добычу кровожаднымъ псамъ и птицамъ небеснымъ. Облечемся скорбію и сокрушеніемъ, призовемъ себѣ на помощь щедроты, пока не померкъ еще свѣтильникъ нашъ“.

Въ третьемъ пѣснопѣніи „на губительную язву“ (68) св. Ефремъ выражаетъ глубокую скорбь Церкви, лишившейся притѣкавшихъ къ ней. Герои въ святилищѣ съ горькими стenanіями оплакиваютъ собратій своихъ, разлученныхъ съ ними на вѣкъ, рыдаетъ старость, потому что смерть сокрушила опору ея. Молясь ко Господу о помилованіи, Ефремъ замѣчаетъ, что никакая смерть такъ не горька, какъ смерть нечестиваго грѣшника. Нечестіе его возжигаетъ огонь и неугасимый пламень, отчаяніе и утрату всякой надежды. „Избави насъ, Господи, отъ такой смерти и помилуй по благодати Твоей“.

Въ пѣснопѣніи на концію умершаго во время землетрясенія святой Ефремъ утѣшаетъ себя и другихъ отрадною мыслию

о Господѣ Иисусѣ Христѣ, Который спасъ насъ крестомъ Своимъ и воскресить всѣхъ умершихъ. Надежду и утѣшеніе дароваль Господь намъ скончавшимся, ибо Самъ Онъ возсталъ изъ гроба, побѣдилъ смерть, обѣтоваль намъ воскресеніе и жизнь, ущедрить великими благами Адама и всѣхъ чадъ его. По причинѣ грѣховъ нашихъ поколебалась земли въ дни наши, потому что умножилась неправда наша, велико стало противленіе наше. Обратимся же теперь къ покаянію, чтобы не подвергнуться намъ осужденію на судѣ правды. Такія же воздыханія слышатся и въ молитвѣ объ избавленіи града отъ угрожающей ему гибели. Грѣхи наши, по признанію святаго Ефрема, умертвившіе насъ въ Эдемѣ, и нынѣ побуждаютъ насъ вопіять: „да не погибнемъ, Господи, потому что согрѣшили мы. Ты отпускаешь грѣхи! Не оставь дѣтей нашихъ сиротами и старцевъ въ безславіи и въ бѣдствіи. Смерть, Господи, — всегда смерть, отъ нея только избавь насъ, потому что она исполнена гнѣва и ярости. Градъ, въ которомъ прославляется величіе Твое и повсюду проповѣдуется спасительное ученіе, да не будетъ поглощающимъ Содомомъ, который истребилъ людей въ огнѣ. Да не отринетъ жизнь нашу мановеніе Твое. Защити насъ по любви Своей“ (п. 71). Чтобы успокоиться отъ тревожныхъ мыслей, какія возбуждаютъ виды смерти вообще и въ частности плачевные образы кончины умирающихъ отъ губительныхъ язвъ, во время землетрясеній или нападенія непріятелей и вообще представленіе скоропостижной смерти, святой Ефремъ воспѣваетъ умиленное славословіе Христу Богу и молитвенное возношеніе къ Воскресителю мертвыхъ:

„Гласомъ хваленія зываютъ скончавшіеся изъ гробовъ своихъ и восклицаютъ: хвала Богу, воскрешающему насъ изъ праха“...

„Укрѣпитесь духомъ, смертные: Христосъ обѣтоваль воскресеніе Адамовымъ чадамъ, по гласу Его пробудятся почившіе и воспоютъ хвалу“...

„Благословенъ Христосъ, Который уничижилъ Себя ради Адама, по изволенію Своему вкусилъ смерть, чтобы возвратить Адаму наслѣдіе утраченнаго имъ рая“!

„Крестомъ Твоимъ, Спаситель нашъ, погибшій родъ Адамовъ пріялъ обновленіе, воскрешенъ изъ праха и содѣлался наслѣдникомъ царства“...

К. Д.

Еще о церковномъ пѣніи¹⁾.

Вопросъ о церковномъ хоровомъ пѣніи, не смотря на свою важность, находится у насъ пока еще въ такомъ положеніи, что осуществленіе его принадлежитъ доброму будущему. Есть много къ тому причинъ, а самое главное—нежеланіе взяться за дѣло, какъ слѣдуетъ. Чтобы видѣть, какъ иногда устройство хора улаживается какъ бы само собою, расскажу примѣръ изъ моей учительской практики.

Я, сынъ брестянина, воспитывавшійся въ Св—ской учительской семинаріи. Церковное пѣніе я полюбилъ въ дѣтствѣ и, будучи еще ученикомъ въ народномъ училищѣ, свободно различалъ напѣвы 8-ми гласовъ и могъ даже пѣть ирмосы двенадцатыхъ праздниковъ. Въ семинаріи церковному пѣнію, въ мое время, не придавалось особой важности и, въ ряду другихъ предметовъ семинарскаго курса, оны имѣлъ второстепенное значеніе и былъ чуть ли не ниже чистописанія. При такомъ положеніи этого предмета я могъ лишь осмысленнѣе пѣть то, что зналъ, да кое-что выучить новое, что однако далеко недостаточно было для того, чтобы быть потомъ въ сельскомъ приходѣ регентомъ. Но въ моемъ сознаніи почему-то укрѣпилась мысль, постоянно подсказывающая мнѣ, что только я не могу быть регентомъ

¹⁾ № 29-й Литов. еп. вѣд.

виртуозомъ, но что для сельскаго прихода всегда буду кстати. По окончаніи семинаріи, я съ дѣтски любящимъ сердцемъ торопился къ предоставленному въ мое распоряженіе Р—му училищу, желая лишь одного, чтобы домъ мирнаго моего убѣжища былъ вблизи св. храма съ сіяющимъ крестомъ, въ которомъ бы по временамъ устами моихъ учениковъ, подъ моимъ непосредственнымъ управленіемъ, раздавалась хвала Бегу, сотворившему вся. Богу неудобно было подвергнуть меня искушенію, и въ скоромъ времени я увидѣлъ церковь и вблизи нея народную школу. Тяжелыя мысли, при вступленіи въ учительство, при видѣ святаго храма уступили мѣсто религіозному чувству, и я съ искренно-сердечнымъ удовольствіемъ повтрялъ священныя слова: „Благодарю Тебя, Господи, яко не отринулъ мя еси грѣшнаго, но общника мя быти святыни Твоей сподоби еси“. Въ первое воскресеніе, придя къ обѣднѣ, я нашелъ церковь полною народа. Цѣлою церковью пѣли молитвы: „Вѣрую“, „Отче нашъ“ „Достойно есть“, „Спаси Господи“ и др. Торжественность службы, пѣніе цѣлою церковью чрезвычайно заинтересовали меня, и я, не познакомившись еще съ батюшкой, въ душѣ своей сильно полюбилъ его. Но вотъ кончилась литургія, и я первый разъ вступилъ на порогъ дома священника, авторитетъ котораго уже былъ чтимъ мною. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія и рекомендаціи, разговоръ начался о томъ, кто я такой, откуда, гдѣ воспитывался и проч. Отвѣтивъ на эти вопросы, я высказалъ ему то впечатлѣніе, какое произвело на меня пѣніе цѣлою церковью. Пастырь чистосердечно признался, что онъ много дѣлалъ попытокъ для устройства четырехголоснаго хороваго пѣнія, но всѣ попытки съ этою цѣлью изобличали лишь въ немъ незнаюка, напоминая пословицу: „чего не знаешь, за то и не берись“. При одномъ моемъ намекѣ на то, что въ этомъ дѣлѣ я могу дать ему посильную помощь, священникъ и не зналъ уже, какъ мнѣ цѣнить, и съ этого времени былъ со мной всегда неразлученъ. Отслуживъ молебень предъ начатіемъ ученія, мы первый урокъ посвятили цер-

ковному пѣнію, и потомъ сообща составили программу и росписание уроковъ по пѣнію—въ какіе дни и что именно должно быть пройдено и серьезно отнеслись къ дѣлу, аккуратно выполняя росписание и программу—и то, нужно сказать, что всегда вмѣстѣ. Дѣло пошло довольно быстро, такъ что чрезъ два года нашего мирнаго и единодушнаго житія хоръ изъ крестьянскихъ мальчиковъ и подростковъ стройно и съ увѣренностію уже пѣлъ литургію Іоанна Златоустаго, Василия Великаго, ирмосы двенадцатыхъ праздниковъ, утреню и вечерю, пасхальную службу. Пѣли даже партесное, такъ напр. Херувимскія № 5 и 7 Бортнянскаго, Отче нашъ—его же, Достойно есть—входное, Милость мира—Огневскаго, по обиходу Львова—Благообразный Іосифъ, Плотію уснувъ, Приидите ублажимъ Іосифа и мн. др. Скажу только одно, что въ продолженіе 2-хъ лѣтънаго моего учительскаго служенія въ этой деревнѣ, я не испытывалъ ни трудовъ, ни скуки, о которыхъ такъ любятъ говорить сотоварищи. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пріятнѣе этой картины, среди деревенскаго затишья? Бывало не успѣю я окончить занятія по псалмѣ, какъ священникъ уже ожидаетъ меня въ моей квартирѣ. „Ну, что, благій? Кажется теперь у насъ на очереди разучиваніе пасхальныхъ ирмосовъ? Отдохни немного, да и за дѣло примемся“! Прошло полчаса и много часъ—и мы уже въ классѣ. Я непосредственно начинаю запятія, а священникъ то подслушаетъ, то, гдѣ можно, самъ подтянетъ. Сначала дѣло мало клеится, но еще два—три упражненія—и 1-я пѣснь спѣта стройно. Чтобы удостовѣриться въ гармоніи и дѣйствительномъ усвоеніи всѣхъ переходовъ пѣсни, священникъ уходитъ отъ мѣста спѣвки за двери, на улицу прислушиваться. Замѣченные недостатки обсуждаются и тотчасъ же исправляются. Но приходилось намъ слышать и непріятности. Дѣло въ томъ, что намъ захотѣлось имѣть баса. Священникъ привѣтствовалъ басистомъ и. д. псаломщика.

Хотя псаломщикъ и не далъ прямого отказа на приглашеніе, но тѣмъ не менѣе, находя почему то низкимъ для себя быть подъ регентствомъ учителя, частенько заявлялъ себя неаккуратнымъ, приходя не во время на урокъ или же не являясь совсѣмъ. Священникъ принялъ отъ себя всѣ мѣры, чтобы побѣдить непокорную гордость добра молодца и заставить его разъ навсегда подчиниться правиламъ сѣвки. За то обсыпала насъ ругательствомъ мать псаломщика.

Такимъ образомъ дружественный трудъ и взаимопомощь помогли намъ въ дѣлѣ и всегда могутъ ручаться за успѣхъ вообще всякаго дѣла.

Народный учитель NN.

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Допущено цензурою. Кіевъ, 15 августа 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.